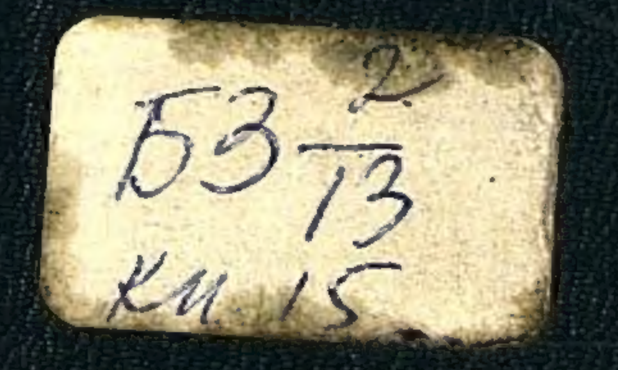
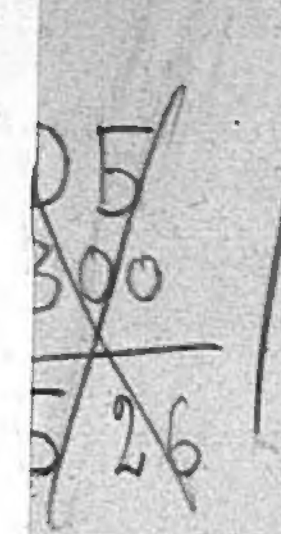

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшие и рѣчи
Ужь замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

Николая Барсукова

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. В
1901

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
3023

ПАМЯТИ

Графа Сергія Семеновича и Графа Алексѣя Сергѣевича

УВАРОВЫХЪ

посвящается книга сія.

Долгъ благодарности обязываетъ меня помянуть добрымъ словомъ скончавшагося въ С.-Петербургѣ, 7-го апрѣля 1900 г., въ Великую Пятницу, Леонида Николаевича Майкова.

Въ 1862 году, старшій братъ его, нашъ знаменитый писатель Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, ввелъ меня, безпріютнаго и никому неизвѣстнаго тамбовца, въ ихъ благословенный Родительскій домъ.

Въ домѣ Майковыхъ я имѣлъ счастіе познакомиться, а потомъ и сблизиться, съ другимъ нашимъ знаменитымъ писателемъ Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ.

Въ то время Л. Н. Майковъ былъ только кандидатомъ филологическаго факультета С.-Петербургскаго Университета, и съ того времени и до кончины своей въ санѣ Вице-Президента Императорской Академіи Наукъ,—оказывалъ мнѣ неизмѣнное благорасположеніе.

Всѣ труды мои, начиная отъ *Указателя къ осьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей* (1862 г.), и до настоящей книги пятнадцатой, совершались, можно сказать, предъ его глазами, и онъ внимательно прослушивалъ ихъ до напечатанія, охотно дѣлясь своими обширными свѣдѣніями по Исторіи Русской Литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ для меня разумнымъ цензоромъ......

Въ моей библіотекѣ хранится экземпляръ *Писемъ Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, изданныхъ Л. Н. Майковымъ, съ слѣдующею его автографическою надписью: *Достолюбезному Біографу Погодина скромное приношеніе, какъ матеріалъ для*

продолженія его труда. Отъ искренняго почитателя и друга, Л. Майкова. 30 января 1895 г.

Въ слѣдъ за Л. Н. Майковымъ, 17-го апрѣля того же 1900 года, въ Москвѣ, сошелъ въ могилу мой благодѣтель, издатель пяти книгъ (X — XIV) *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина*, Александръ Николаевичъ Мамонтовъ.

Его отецъ и дядя были связаны съ М. П. Погодинымъ тѣсною дружбою; съ именемъ нашего Историка соединялись для А. Н. Мамонтова лучшія воспоминанія молодости.

Когда я, въ предисловіи къ книгѣ девятой *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина*, заявилъ, что, „истощивъ всѣ имѣвшіяся у меня денежныя средства, оказался въ затруднительномъ положеніи относительно печатанія послѣдующихъ книгъ", Мамонтовъ, вовсе не зная меня лично, по прочтеніи этихъ строкъ, дружелюбно простеръ мнѣ изъ Москвы руку помощи.

Старецъ, слѣпецъ, удрученный тяжкимъ недугомъ, онъ съ неослабнымъ вниманіемъ и участіемъ прослушивалъ читавшіяся ему, его секретаремъ, книги о *Жизни и Трудахъ М. П. Погодина*. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода каждой книги, и вотъ его предсмертныя ко мнѣ записочки:

15-го марта: „А. Н. Мамонтовъ, свидѣтельствуя свое почтеніе Николаю Платоновичу Барсукову, при этомъ сообщаетъ, что, оправившись недавно отъ болѣзни, думалъ найти у себя XIV-й томъ *Жизни и Трудовъ Погодина*, но его не оказалось, что вызвало удивленіе о неимѣніи и прискорбіе объ опозданіи выхода въ свѣтъ XIV-го тома".

27-го марта (и послѣдняя): „Какъ я былъ обрадованъ полученіемъ XIV-го тома *Жизни и Трудовъ Погодина!* Съ особымъ удовольствіемъ при семъ посылаю деньги, одну тысячу пятьсотъ девяносто одинъ рубль 97 коп., для уплаты по счету Типографіи Стасюлевича. По оплатѣ типографскаго счета, покорнѣйше прошу васъ прислать его мнѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, обратно, для пріобщенія къ дѣламъ".

18-го апрѣля, вечеромъ, я получилъ отъ сына Мамонтова, Александра Александровича, слѣдующую телеграмму:

„Съ глубокою скорбью извѣщаю васъ о смерти моего отца, послѣдовавшей утромъ 17-го числа“.

Исполненный глубокой благодарности, я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ, въ послѣдній уже разъ помянуть въ новой книгѣ *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина* почтенное имя Александра Николаевича Мамонтова.

На изданіе же этой новой книги XV-й обращена мною Уваровская премія, коею Императорская Академія Наукъ, въ 1898 году, по приговору профессора Дмитрія Александровича Корсакова, увѣнчала четыре книги (VIII — XI) *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина.*

Помянувъ мертвыхъ, съ благодарностію и признательностью помянемъ и живыхъ.

Рцемъ и о нихъ.

Прежде всего, сердечная признательность обязываетъ меня выразить искреннюю благодарность Борису Николаевичу Чичерину, за его вниманіе къ моей книгѣ и за сообщеніе нѣсколькихъ драгоцѣнныхъ документовъ.

Обязанъ также благодарить Графа Павла Сергѣевича Шереметева, снабжавшаго меня многими свѣдѣніями, добытыми имъ изъ источниковъ, мнѣ недоступныхъ.

Не могу не выразить моей благодарности также Князю Петру Дмитріевичу и Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Святополкъ-Мирскимъ.

Подъ ихъ гостепріимнымъ кровомъ, въ Харьковскомъ селѣ Гіевкѣ, а также въ Пензѣ и Екатеринославѣ,—какъ съ давняго времени въ подмосковномъ селѣ Михайловскомъ, у Графа Сергія Дмитріевича и Графини Екатерины Павловны Шереметевыхъ *),—я обрѣталъ душевное спокойствіе, столь животворное для продолженія труда нелегкаго; имъ же я обязанъ и знакомствомъ съ людьми достопочтенными, которые своими познаніями и даромъ изложенія были мнѣ очень полезны.

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1888. I, VII.

Поименую также съ признательностью: Высокопреосвященнаго Димитрія, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго; Преосвященнаго Назарія, епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго; Свято-Троицкія Сергіевой Лавры архимандрита Никона, протоіерея Петра Алексѣевича Смирнова, Николая Миліевича Аничкова, Дмитрія Сергѣевича Арсеньева, Павла Дмитріевича Ахлестышева, Алексѣя Константиновича Варженевскаго, Ивана Александровича Всеволожскаго, Князя Дмитрія Сергѣевича Горчакова, Константина Александровича Иславина, Владиміра Константиновича Истомина, Никодима Павловича Кондакова, Ивана Петровича Корнилова, Графа Александра Николаевича Ламздорфа, Николая Петровича Лихачова, Николая Сергѣевича Мальцова, Алексѣя Борисовича Михайлова, Графа Владиміра Владиміровича Мусина-Пушкина, Сергія Павловича Никольскаго, Барона Ѳедора Романовича Остенъ-Сакена, Сергія Ѳедоровича Платонова, Князя Михаила Сергѣевича Путятина, Сергія Александровича Рачинскаго, Василья Владиміровича Руммеля, Александра Петровича Сабурова, Александра Дмитріевича Свербеева, Николая Владиміровича Султанова, Сергія Спиридоновича Татищева, Графиню Александру Андреевну Толстую, Николая Дмитріевича Чечулина, Князя Николая Владиміровича Шаховскаго, Графа Дмитрія Сергѣевича Шереметева, — за ихъ неизмѣнное сочувствіе къ труду моему, столь меня воодушевляющее и за сообщеніе свѣдѣній мнѣ необходимыхъ.

Николай Барсуковъ.

9-го Сентября 1900 года.
с. Вороново
Московской губ., Подольскаго уѣзда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I.

17 апрѣля 1856 года, въ день рожденія Императора Александра II-го, когда церковь празднуетъ память преподобнаго Зосимы, игумена Соловецкаго, былъ обнародованъ слѣдующій высочайшій манифестъ:

„Божіею Милостію,
Мы, Александръ Вторый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Вступивъ на прародительскій Всероссійскій престолъ и нераздѣльные съ нимъ престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, посреди тяжкихъ для насъ и Отечества нашего испытаній, мы положили въ сердцѣ своемъ, дотолѣ не приступать къ совершенію коронованія нашего, пока не смолкнетъ громъ брани, потрясавшій предѣлы государства, пока не престанетъ литься кровь доблестныхъ, христолюбивыхъ нашихъ воиновъ, ознаменовавшихъ себя подвигами необыкновеннаго мужества и самоотверженія. Нынѣ, когда благодатный миръ возвращаетъ Россіи благодатное спокойствіе, вознамѣрились мы, по примѣру благочестивыхъ государей, предковъ нашихъ, возложить на себя корону и принять установленное мѵропомазаніе, пріобщивъ сему священ-

ному дѣйствію и любезнѣйшую Супругу нашу, Государыню Императрицу Марію Александровну.

Возвѣщая о таковомъ намѣреніи нашемъ, долженствующемъ, при помощи Божіей, совершиться въ августѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, призываемъ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить усердныя мольбы ихъ съ нашими теплыми молитвами: да изліется на насъ и на Царство наше благодать Господня; да поможетъ намъ Всемогущій, съ возложеніемъ вѣнца царскаго, возложить на себя торжественный предъ свѣтомъ обѣтъ—жить единственно для счастія подвластныхъ намъ народовъ; и да направитъ Онъ къ тому, наитіемъ Всесвятаго Животворящаго Духа Своего, всѣ помышленія, всѣ желанія наши.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 17 день апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова 1856-е, царствованія же нашего во второе".

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ" [1]).

Передъ коронаціею Государь предпринялъ путешествіе въ разныя области Имперіи, а также и въ чужіе края, для свиданія съ Королемъ Прусскимъ.

Въ мартѣ, въ сопровожденіи братьевъ своихъ, Государь посѣтилъ Финляндію [2]).

Объ этомъ путешествіи К. Д. Кавелинъ, 3 апрѣля 1856 года, писалъ къ Погодину слѣдующее: „Долженъ вамъ передать слухи о пребываніи Государя въ Финляндіи. Онъ путешествовалъ не по большимъ только дорогамъ, но и по проселку. Подарилъ Университету на стипендіи пятьдесятъ тысячъ руб. сер., сдѣлалъ выговоръ студентамъ за исторіи ихъ съ Бергомъ, но потомъ обласкалъ; былъ въ Сенатѣ и при немъ состоялось нѣсколько полезныхъ и благодѣтельныхъ для Финляндіи постановленій; хотя содержаніе ихъ еще и неизвѣстно, но слухи указываютъ на весьма либеральный и широкій цензурный уставъ. Словомъ, уѣхалъ оттуда

более чѣмъ когда-либо обожаемый всѣми, а его всегда тамъ очень любили. Повезъ съ собою туда бриллiантовые знаки Андрея, кажется, для Берга, и привезъ назадъ, потому что на Берга ему жаловались, самъ даже Сенатъ“ [3]).

Въ началѣ мая, Государь черезъ Москву и Брестъ-Литовскъ отправился въ Варшаву. Въ поѣздкѣ этой сопровождалъ его министръ Иностранныхъ Дѣлъ князь А. М. Горчаковъ. Проведя въ Варшавѣ шесть дней, Государь отправился въ Берлинъ. По пути присоединился къ нему великiй князь Михаилъ Николаевичъ. Въ Фюрстенвальдѣ Государя встрѣтилъ Король Фридрихъ Вильгельмъ IV. Четыре дня, проведенные при Прусскомъ Дворѣ, прошли обычнымъ порядкомъ. Обратный путь Государя, лежалъ на Митаву, Ригу и Ревель. 29 мая 1856 года, Государь сѣлъ въ Ревелѣ на пароходъ *Грозящiй*, и на другой день, высадился въ Петербургѣ. Iюнь мѣсяцъ Дворъ провелъ въ Царскомъ Селѣ, а iюль и половину августа—въ Петергофѣ [4]).

Между тѣмъ, Москва готовилась къ встрѣчѣ Государя. 21 iюля 1856 года, князь Н. Н. Голицынъ писалъ Погодину, который въ то время путешествовалъ по Западу: „Я не могу повѣрить, чтобы васъ не было къ коронацiи“. Въ то же время (25 iюля 1856 г.) и В. Н. Лешковъ писалъ нашему путешественнику: „Вы хотите слышать про Москву и Россiю. Что скажетъ новаго Москва и Россiя? Москва встрепенулась, рядится. Только и видишь, что постройки. Изъ-за лѣсовъ не видно Москвы; даже Кремль, соборы, даже Иванъ Великiй закрытъ лѣсами, на которыхъ готовится иллюминацiя. Общее сожалѣнiе, что на эту пору—общаго съѣзда цѣлой Россiи въ Москву—златоверхiй Кремль уже не правда. На бору стоялъ древнiй, въ лѣсахъ—нынѣшнiй. Придумали, для эффекту, ночью показать Москву въ ея красѣ! Рабочiй людъ сдѣлался такъ дорогъ, простой рабочiй сталъ такъ дорожить собою, что вездѣ жалобы на него. Онъ потребовалъ двойной, тройной платы на фабрикахъ, и на половину разошелся; какъ слышалъ я, въ Богородскомъ уѣздѣ онъ бро-

силъ почти всѣ обычныя работы, даже пилку дровъ, вооружился топорикомъ и прибылъ въ Москву, гдѣ за самую незатѣйливую подѣлочку, получаетъ, сказываютъ, до пяти и шести р. с. въ недѣлю, живя на всемъ готовомъ у подрядчика. Наборщики стали чувствительно, тяжеловѣсно-важны... Не стану говорить о литературѣ, которая лѣтомъ засыхаетъ какъ и все, ни о государственномъ хозяйствѣ, которое также боится погоды, ни объ войскахъ, окружившихъ и наполнившихъ Москву, ни о дороговизнѣ, ужасающей, такъ что я отправивъ семью свою въ деревню, живу одинешенекъ, коекакъ и кое-чѣмъ. На дняхъ прибыли въ Москву представители Черниговскаго дворянства, съ предводителями во главѣ, для доставленія и поставленія въ Ипатьевскомъ монастырѣ образа Св. Николая, работы чудной, въ высшей степени художественной. Образъ мозаичный, Римской работы, цѣною тысячъ болѣе четырехъ р. серебр., окладъ серебряный, работы Сазикова; кіота деревянная, рѣзьбы чудной. Они же по возвращеніи изъ Костромы, отправляютъ депутата въ Петербургъ, для полученія заказаннаго тамъ золотого блюда, на которомъ думаютъ поднести Государю поздравительную хлѣбъ-соль. Въ нѣсколько тысячъ рублей сер.! По сей губерніи судите о другихъ“ [5])...

14 августа 1856 года, вся Царская Семья выѣхала по желѣзной дорогѣ въ Москву и остановилась въ Петровскомъ дворцѣ. 17-го состоялся торжественный въѣздъ въ первопрестольную столицу.

При звонѣ колоколовъ и громѣ орудій, посреди народнаго множества, Государь въѣхалъ въ Москву верхомъ, окруженный всѣми великими князьями, въ числѣ которыхъ находились два его старшіе сына—Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и великій князь Александръ Александровичъ. У часовни Иверской Божіей Матери, Государь сошелъ съ коня и приложился къ чудотворной иконѣ. На паперти Успенскаго собора встрѣтилъ Государя Святѣйшій Сѵнодъ. Государь и Императрица войдя въ соборъ, прикла-

дывались къ св. мощамъ Московскихъ чудотворцевъ и къ чудотворнымъ иконамъ, а оттуда, въ предшествіи высокопреосвященнаго Филарета, прошли въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій и наконецъ, чрезъ Красное Крыльцо вступили въ Кремлевскій Дворецъ, на порогѣ котораго, верховный маршалъ князь С. М. Голицынъ поднесъ хлѣбъ-соль [6]).

„Въѣздъ былъ удивителенъ, — писалъ Хомяковъ, — и я радъ, что его видѣлъ... просто какой-то волшебный сонъ. Золото, Азіятскіе народы, великолѣпные мундиры и старые Нѣмецкіе парики. *Тысяча и одна ночь*, пересказанная Гофманомъ. За всѣмъ тѣмъ чудно хорошо“ [7])!

Для приготовленія къ священному вѣнчанію на царство, Государь и Императрица переселились изъ Кремлевскаго Дворца въ подмосковное село графа Д. Н. Шереметева, Останкино. Тамъ Государь и Императрица приготовлялись постомъ и молитвою къ таинствамъ исповѣди и причащенія.

Графъ С. Д. Шереметевъ, въ своей *Домашней Старинѣ*, повѣствуетъ: „Послѣ выхода въ отставку и въ особенности въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, отецъ мой (графъ Дмитрій Николаевичъ) жилъ въ совершенномъ удаленіи отъ Двора и никогда не бывалъ на выходахъ. Такъ продолжалось до кончины императора Николая I-го. Новый Государь, еще будучи наслѣдникомъ, не разъ выказывалъ отцу свое расположеніе и даже однажды предупредилъ его о возможномъ неудовольствіи государя и указалъ, какимъ путемъ избѣжать его. Заговорили о коронаціи. Государь пожелалъ прожить нѣкоторое время въ Останкинѣ и тамъ говѣть предъ вѣнчаніемъ.

Отецъ былъ въ восхищеніи и съ особеннымъ наслажденіемъ принялся приготавливать Останкино для пріѣзда Царской Семьи. Домъ былъ исправленъ и подновленъ, лучшія вещи изъ Петербургскаго и Московскаго домовъ а также и изъ Кускова, были перевезены въ Останкино. Кусковскія померанцовыя деревья разставлены были въ залѣ театра и образовали сплошной садъ. Объ этомъ убранствѣ театра нерѣдко вспоминалъ Государь Александръ Александровичъ, который

тогда еще былъ ребенкомъ и жилъ во флигелѣ близъ церкви. Сады были разчищены, зданія подновлены, построено новое шоссе на соединеніе съ Ярославскимъ — словомъ, все было подготовлено для достойнаго пріема. Отецъ встрѣтилъ Государя у подъѣзда и поднесъ ему на золотомъ блюдѣ хлѣбъ-соль. Пребываніе продолжалось недѣлю. Каждый день отецъ приглашался къ столу. Самъ онъ жилъ въ небольшомъ флигелѣ недалеко отъ дома. Съ нимъ обращались необыкновенно любезно. Вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна не видавшая его нѣсколько лѣтъ, встрѣтила отца со словами: „Bonjour, mon ami, Comte Chérémeteff“. Каждый считалъ нужнымъ говорить ему разныя любезности на счетъ убранства дома; а великій князь Константинъ Николаевичъ сказалъ ему: „Отличились сударь“! Государь и Императрица были изысканно любезны, что доставило отцу утѣшеніе, потому что онъ особенно цѣнилъ ласку и привѣтъ. Пребываніе въ Останкинѣ произвело на Государя и Императрицу пріятное впечатлѣніе. Въ послѣдствіи, всегда, въ разговорахъ съ отцемъ, Государь припоминалъ Останкино. Предъ отъѣздомъ, когда отецъ провожалъ отъѣзжавшихъ гостей, Государь ему сказалъ: „Спасибо, хозяинъ“!

Въ память своего пребыванія въ Останкинѣ, Государь и Императрица, пожертвовали икону въ церковь, которая и помѣщена надъ царскими вратами.

Пребывавшій въ Останкинѣ, А. Н. Муравьевъ, на другой день Священнаго Коронованія, 27 августа 1856 года, писалъ: „И все утихло!.. Опять вокругъ меня сельская тишина мирнаго Останкина, гдѣ бояринъ Русскій радушно предложилъ гостепріимныя свои палаты Русскому Царю, для отдохновенія отъ царственныхъ заботъ, и гдѣ еще недавно оба Державные Супруга, благочестивымъ говѣніемъ въ сельскомъ храмѣ, готовились къ воспріятію Царскаго вѣнца:— таково будетъ отнынѣ лѣтописное значеніе Останкина въ Отечественной Исторіи“ [8])!

II.

Въ день святыхъ мученикъ Адріана и Наталіи, 26 августа 1856 года, Императоръ Александръ II принялъ вѣнецъ и скипетръ своихъ предковъ „изъ старческихъ рукъ благословляющаго Святителя“ [9]).

По Высочайшему повелѣнію, и особенно, какъ говорили тогда, по желанію Императрицы Маріи Александровны, первенство при священномъ короновaніи предоставлено было Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому. Это весьма огорчило первенствующаго члена Св. Сѵнода Никанора, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго. Кромѣ митрополита Новгородскаго, къ коронаціи были призваны: Іосифъ, митрополитъ Литовскій; Арсеній, архіепископъ Варшавскій; Иннокентій, архіепископъ Херсонскій; Василій, архіепископъ Полоцкій; Григорій, архіепископъ Казанскій; Нилъ, архіепископъ Ярославскій; Гавріилъ, архіепископъ Рязанскій; Өеодотій, епископъ Симбирскій и Филоөей, епископъ Костромскій.

Еще 8 іюня 1856 года, митрополитъ Новгородскій Никаноръ писалъ митрополиту Московскому Филарету: „Избираю монастырь Новоспасскій для пребыванія моего въ Москвѣ. Здѣсь надѣюсь найти болѣе спокойствія для своей души, нежели въ Заиконоспасскомъ и Петровскомъ. Я привыкъ не къ шумной жизни. Отдаленность Новоспасскаго отъ Кремля и отъ Троицкаго подворья не отдалитъ меня, ни отъ присутствованія въ Св. Сѵнодѣ, ни отъ духовнаго общенія съ Вашимъ Высокопреосвященствомъ. Колеблюсь какой принять путь. Одни рекомендуютъ—желѣзный, другіе—шоссейный. Неиспытавшему ѣзды по первому, и испытывающему немощи и недуги старости съ оскуденіемъ силъ, нелегко утвердиться въ той или другой мысли“.

„Кажется“, писалъ архіепископъ Тверскій Савва, „всѣ архіереи были довольны своими помѣщеніями, за исключе-

ніемъ архіепископа Херсонскаго Иннокентія. Онъ занималъ въ Златоустовомъ монастырѣ настоятельскіе покои—очень низкіе, сырые, съ желѣзными притомъ рѣшетками въ окнахъ“ [10]).

„Призваніе преосвященныхъ архіереевъ“, писалъ Филаретъ, „къ священнодѣйствію коронованія, при предшествовавшемъ короновании было по тому правилу, чтобы, кромѣ находящихся въ Св. Сѵнодѣ, призваны были, по удобности ближайшіе; нынѣ открывается въ дѣйствіи другое правило, призываются тѣ, на которыхъ, по особенной значительности службы ихъ, обращено Высочайшее вниманіе. При дѣйствіи сего правила, не покажутся ли забвенными преосвященный экзархъ Грузіи, архіепископъ Исидоръ, немало лѣтъ дѣйствующій тамъ съ особенной ревностію, благоразуміемъ и пользою, и преосвященный Иннокентій Херсонскій, всегда уважаемый по своимъ дарованіямъ, и подъявшій особенные подвиги въ прошедшую войну. Непризваніе перваго можетъ быть объяснено особенною дальностію края и особенными обстоятельствами. Для призванія преосвященнаго Иннокентія подобныхъ препятствій не представляется: а оно было бы выраженіемъ вниманія Всемилостивѣйшаго Государя къ его подвигамъ“ [11]).

Въ самый приснопамятный день коронованія, 26 августа 1856 года, изъ Москвы, князь Н. Н. Голицынъ писалъ Погодину: „Пишу къ вамъ подъ звонъ Московскихъ колоколовъ, возвѣщающихъ о Священномъ Короновании Царя. Лѣтописецъ долженъ записать этотъ день и часъ красными чернилами на свои пергаментные листки“ [12]).

Почтенную обязанность лѣтописцевъ этого великаго событія приняли на себя: архіепископъ Тверскій (тогда сѵнодальный ризничій) Савва и знаменитый путешественникъ по Святымъ мѣстамъ Востока и Запада Андрей Николаевичъ Муравьевъ.

„Съ ранней утренней зари,—повѣствуетъ Савва,—началъ стекаться въ Кремль православный Русскій народъ... Утро было ясное, тихое; на небѣ ни одного облака; солнце ярко

сіяло надъ Москвою и своимъ сіяніемъ озаряло главы Кремлевскихъ соборовъ. Въ 7 утра Иванъ Великій возвѣстилъ о времени для собранія въ Успенскій соборъ... Прежде всего, изволила прибыть въ соборъ подъ балдахиномъ, въ коронѣ и порфирѣ, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника и другихъ особъ Императорской фамиліи, вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна и встрѣченная у дверей собора духовенствомъ со крестомъ и святою водою, вступила въ соборъ и заняла мѣсто свое на тронѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ, открылось шествіе изъ тронной Андреевской залы Государя и Императрицы. Впереди всѣхъ шествовалъ протопресвитеръ Василій Кутневичъ „со святымъ крестомъ, имѣя при себѣ двоихъ діаконовъ, несущихъ на золотомъ блюдѣ святую воду, окроплялъ путь оною". За нимъ шли представители всѣхъ сословій и особы, несшія императорскія знаменія. Непосредственно предъ священною Особою Государя шелъ верховный маршалъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, съ жезломъ [13]).

„Егда", сказано въ *Чинѣ дѣйства священнѣйшаго Коронованія*, „начнется шествіе Его Императорскаго Величества, тогда быть звону во вся соборныя колокола. По приближеніи знаменій, къ южнымъ дверямъ соборной церкви, всѣ архіереи и прочее духовенство, въ священномъ одѣяніи, выступятъ изъ церкви на папертъ, и митрополитъ Московскій Филаретъ почтитъ оныя кажденіемъ ѳvміама, а митрополитъ Новгородскій Никаноръ—кропленіемъ священныя воды" [14]).

„Мы", повѣствуетъ А. Н. Муравьевъ, „стояли на возвышеніи трона, предназначенные для несенія порфиръ, ожидая пришествія Царскаго; соборъ уже былъ наполненъ... Двѣнадцать архіереевъ, въ золотыхъ ризахъ, съ многочисленнымъ клиромъ, ожидали, во вратахъ южныхъ, грядущаго *во имя Господне*... Сдѣлалось внутри храма, изображающаго небо, глубокое молчаніе, апокалипсическое, если такъ позволено выразиться, ибо все здѣсь было таинственно и знаменательно, какъ бы въ книгѣ Откровенія Іоаннова: *И бысть безмолвіе*

на небеси, яко полчаса (*Апокал.* VIII, 1). И послѣ сего молчанія, послышалось пѣніе ликовъ Ангельскихъ: *Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи.* Это было привѣтственное пѣніе входящему Царю" [15]).

Святитель Московскій съ крестомъ въ рукахъ встрѣтилъ Государя во вратахъ собора и произнесъ: „Благочестивѣйшій великій Государь! Преимущественно велико твое настоящее пришествіе. Да будетъ достойно его срѣтеніе.

Тебя сопровождаетъ Россія. Тебя срѣтаетъ церковь.

Молитвою любви и надежды напутствуетъ тебя Россія. Съ молитвою любви и надежды пріемлетъ тебя церковь. Столько молитвъ не проникнутъ ли въ небо?

Но кто достоинъ здѣсь благословить входъ твой?—Первопрестольникъ сей церкви, за пять вѣковъ до нынѣ предрекшій славу царей на мѣстѣ семъ, Святитель Петръ, да станетъ передъ нами, и, чрезъ его небесное благословеніе, благословеніе пренебесное да снидетъ на тебя, и съ тобою на Россію" [16]).

По цѣлованіи креста, митрополитъ Новгородскій Никаноръ покропилъ Государя и Государыню священною водою [17]). Царь и Царица взошли на возвышеніе трона и сѣли на своихъ престолахъ... „Тогда", повѣствуетъ А. Н. Муравьевъ, „по бархатнымъ ступенямъ возвышеннаго амвона, тихо поднялся, въ золотомъ саккосѣ и пурпурномъ омофорѣ, удрученный годами святитель Московскій [18]). Онъ сталъ предъ лицемъ Царя и произнесъ: „Благочестивѣйшій великій Государь нашъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій! Понеже благоволеніемъ Божіимъ, и дѣйствіемъ Святаго и Всеосвящающаго Духа и вашимъ изволеніемъ имѣетъ нынѣ въ семъ Первопрестольномъ Храмѣ совершиться Императорское Вашего Величества Коронованіе и отъ Святаго Мѵра помазаніе: того ради, по обычаю древнихъ христіанскихъ монарховъ и Боговѣнчанныхъ вашихъ предковъ, да соблаговолитъ Величество Ваше въ слухъ вѣрныхъ подданныхъ вашихъ исповѣдать православно—каѳолическую вѣру, *како вѣруеши*"?

Сказавъ сіе, митрополитъ поднесъ „предъ лице Государя разгнутую книгу, по которой Государь велегласно прочиталъ Святый Сvмволъ православныя вѣры.

По прочтеніи Сvмвола, митрополитъ возгласилъ: *Благодать Святаго Духа да будетъ съ тобою, аминь*“ [19]).

Митрополитъ сошелъ съ амвона и между трономъ и алтаремъ, соборне начали совершать молебенъ. „Утѣшительно было для сердца“, писалъ А. Н. Муравьевъ, „чтеніе пророчества Исаіи: „Рече же Сіонъ: остави мя Господь, и Богъ забы мя. Еда̀ забудетъ мати отроча свое, яко не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ то жена, но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь! Се въ руку моею вписахъ грады твоя, и предо мною вси присно“. Сколь утѣшительно было пророчество, столь же назидательны слова Апостола, для всѣхъ внимавшихъ ему правымъ сердцемъ: *хощеши ли не боятися власти? Благое твори и имѣти будеши похвалу*. Евангеліе запечатлѣло заповѣдь Апостольскую, изреченіемъ Господа Іисуса: *воздадите убо Кесарева Кесареви и Божія Богови*.

По окончаніи чтенія Евангелія, три митрополита взошли на амвонъ трона и началось царское облаченіе во всѣ знаменія царской власти. При возложеніи порфиры, митрополитъ Московскій возгласилъ: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь*. Протодіаконъ: *Господу помолимся*. Ликъ: *Господи помилуй*. За симъ Императоръ благоговѣйно преклонилъ главу, а митрополитъ Московскій, осѣня верхъ главы крестнымъ знаменіемъ и возложивъ крестообразно руки на оную, возгласилъ во всеуслышаніе трогательную молитву; старческій голосъ одушевился на краткій мигъ необычайною силою. По прочтеніи молитвъ, митрополитъ Московскій поднесъ Государю Императорскую корону, которую Государь, осѣняемый благословеніемъ святителя, *во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь*, возложилъ на главу свою.

Послѣ сего митрополитъ Московскій произнесъ: „Видимое сіе и вещественное главы твоея украшеніе, явный

образъ есть, яко тебе главу Всероссійскаго народу вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ, благословеніемъ своимъ благостыннымъ, утверждая тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми своими".

Потомъ митрополитъ вручилъ Государю скипетръ и державу, съ такимъ высокимъ словомъ: „О Богомъ вѣнчанный, и Богомъ дарованный, и Богомъ преукрашенный, благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь Императоръ Всероссійскій! Пріими скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго тебѣ отъ Вышняго надъ людьми своими Самодержавія къ управленію ихъ, и ко устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія".

По семъ Государь возсѣлъ на Императорскомъ своемъ Престолѣ и началось другое вѣнчаніе. Государь призываетъ Императрицу, которая становится предъ нимъ на колѣни. Государь снимаетъ съ себя корону и прикоснулся оною къ главѣ Государыни и „паки на себя возлагаетъ". Потомъ возложилъ на главу Государыни малую корону, и, облекшись въ порфиру, Государыня возсѣла на своемъ престолѣ. Тогда Государь воспріялъ опять скипетръ и державу, на время имъ отложенныя для вѣнчанія Государыни, и протодіаконъ возгласилъ полный титулъ Русскаго Самодержца.

Во время многолѣтія происходили семейныя привѣтствія. „Казалось", пишетъ А. Н. Муравьевъ, „торжество вѣнчанія уже совершилось, привѣтствія приняты, гулъ колоколовъ и орудій умолкъ; настала опять такая же таинственная тишина какая была предъ вступленіемъ во Храмъ шествовавшихъ для вѣнчанія; но еще не доставало молитвы Царской о себѣ и своемъ народѣ, и молитвы всенародной о своемъ Царѣ". Государь, положивъ скипетръ и державу, и одинъ, преклонивъ колѣна на возвышеніи трона, прочелъ по книгѣ, поднесенной митрополитомъ, слѣдующую къ Богу молитву: „Господи Боже Отцевъ, и Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ, и премудростію Твоею устроивый человѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ! Ты

избралъ мя еси Царя и Судію людемъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о мнѣ смотрѣніе, и благодаря величеству Твоему, покланяюся. Ты же Владыко и Господи мой, не остави мя въ дѣлѣ, на неже послалъ мя еси, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со мною присѣдящая престолу твоему премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима, и что есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово: милостію и щедротами единороднаго Сына Твоего съ нимже благословенъ еси съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки, аминь".

По прочтеніи молитвы, митрополитъ возгласилъ: *Миръ всѣмъ.*

Ликъ: *И дўхови Твоему.* Протодіаконъ: *Паки и паки преклонше колѣна, Гóсподу помолимся.* И всѣ предстоявшіе, кромѣ царя, преклонили колѣна, а митрополитъ Московскій, стоя также на колѣнахъ, прочелъ отъ лица всего народа молитву къ Господу, „все устрояющему, неисповѣдимымъ Своимъ Промысломъ, воздающему намъ не по беззаконіямъ нашимъ, чтобы умудрилъ и наставилъ раба своего, благочестивѣйшаго самодержца, которымъ утѣшилъ сердца наши, и даровалъ бы ему непоползновенно проходить великое свое служеніе, согрѣвая сердце его къ призрѣнію нищихъ, къ пріятію странныхъ, заступленію напаствуемыхъ, и подчиненныя ему правительства направляя на путь правды; всѣ же врученные державѣ его люди содержа въ нелицемѣрной вѣрности и сотворяя его отцемъ, о чадахъ веселящимся" [20]).

По окончаніи сей молитвы, святитель Московскій произнесъ предъ лицемъ Царя слѣдующую рѣчь: „Благочестивѣйшій, Богомъ вѣнчанный Великій Государь Императоръ!

Благословенъ Царь царствующихъ! *Онъ положилъ на главѣ твоей вѣнецъ отъ камене честна* (*Пс.* XX. 4). Съ увѣрен-

ностію говорю сіе, потому что изъ устъ пророка беру слово, изображающее судьбу царя, праведно воцарившагося.

Богъ вѣнчалъ тебя: ибо Его провидѣніе привело тебя къ сему закономъ престолонаслѣдія, который Онъ же положилъ и освятилъ, когда, пріявъ царя въ орудіе Своего Богоправленія, изрекъ о немъ Свое опредѣленіе: *отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ* (*Пс.* CXXXI. 11).

Богъ вѣнчалъ тебя: ибо Онъ *даетъ по сердцу* (*Пс.* XIX. 5), а твое сердце желало не торжественнаго только явленія твоего величества, но наипаче таинственнаго осѣненія отъ Господня *Духа владычняго, духа премудрости и вѣдѣнія, духа совѣта и крѣпости*.

Мы слышали твою о семъ молитву нынѣ: Сердцевѣдецъ внялъ ей ранѣе; и когда ты медлилъ пріять твой вѣнецъ, потому что продолжалъ защищать и умиротворять твое царство, Онъ ускорилъ утишить бурю брани, чтобы ты въ мирѣ совершилъ твою царственную молитву, и чтобы вѣнецъ наслѣдія былъ для тебя и вѣнцомъ подвига.

И такъ, *Господа силою возвеселися*, Боговѣнчанный *царь, и о спасеніи Его возрадуйся зѣло*! (*Пс.* XX. 1).

Возрадуйся такожде и ты Благочестивѣйшая Государыня, о славѣ твоего всепресвѣтлѣйшаго супруга, свыше освѣщаемой (и освящаемой), и лучемъ священнымъ и тебя озаряющей.

Утѣшься и возрадуйся благочестивѣйшая матерь царя. Се уже зрѣлъ плодъ чрева твоего, и сладокъ для Россіи.

Свѣтло возрадуйся Православная Церковь, и твоя соборная молитва вѣры, любви и благодарности да восходитъ къ престолу Всевышняго, когда Онъ на *избраннаго отъ людей* Своихъ полагаетъ священную печать Своего избранія, какъ на вожделѣннаго первенца твоихъ сыновъ, на твоего вѣрнаго и крѣпкаго защитника, на преемственнаго исполнителя древняго о тебѣ слова судебъ: *будутъ царіе кормители твои* (*Ис.* XLIX. 23).

Свѣтися радостію, Россія, Божіе благоволеніе возсіяло

надъ тобою въ священной славѣ царя твоего. Что можетъ быть вожделеннѣе, что радостнѣе, что благонадежнѣе для царства, какъ царь, который полагаетъ *сердце свое въ силу Божію* (*Псал.* XLVII. 14), которому царскій вѣнецъ тогда пріятенъ, когда принятъ отъ Царя небеснаго, — Который царскія доблести намѣренія, дѣятельность желаетъ освятить и освящаетъ *помазаніемъ отъ Святаго?*

По истинѣ, Благочестивѣйшій Государь, чтобы отъ *вѣнца* царева, какъ отъ средоточія, на все царство простирался животворный свѣтъ *честнѣйшій каменій многоцѣнныхъ* (*Прит.* III, 15) мудрости правительственной,—чтобы мановенія *скипетра* царева подчиненнымъ властямъ и служителямъ воли царевой указывали всегда вѣрное направленіе ко благу общественному,—чтобы рука царева крѣпко и всецѣло объимала *державу* его,—чтобы *мечь* царевъ былъ всегда уготованъ на защиту правды, и однимъ явленіемъ своимъ уже поражалъ неправду и зло,—чтобы царское *знамя* собирало въ единство и вводило въ стройный чинъ милліоны народа,—чтобы труда и бдѣнія царева доставало для возбужденія и возвышенія ихъ дѣятельности, и для обезпеченія покоя ихъ,—не высшей ли мѣры человѣческой потребенъ для сего въ царѣ даръ?—Но по сему-то наипаче и радуемся мы, что ты, будучи рожденъ царствовать, будучи приснопамятнымъ родителемъ твоимъ уготованъ царствовать, дѣйствительно царствуя, еще взыскуешь свыше дара царствовать. И вѣренъ *Вознесшій тебя отъ людей своихъ* (*Ис.* LXXXVIII. 20), по вѣрѣ твоей и твоего народа, въ пріемлемомъ тобою нынѣ видимо священномъ помазаніи даровать тебѣ невидимо помазаніе благодатное, свѣтоносное, пребывающее, дѣйствующее тобою къ нашему истинному благополучію, къ твоей истинной радости о нашемъ благополучіи,—подобно какъ древле, по царскомъ помазаніи, благодатно и благотворно *ношашеся Духъ Господенъ надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ* (1 *Цар.* XVI. 13) [21].

Окончивъ рѣчь, митрополитъ возгласилъ: *Слава Тебѣ*

благодателю нашему во вѣки вѣковъ. И ликъ запѣлъ торжественный гимнъ великаго Амвросія. Во всемъ облаченіи царскомъ предстоялъ Императоръ, внимая молитвенному гимну.

III.

Началась Божественная Литургія, которую совершали три митрополита: Московскій, Новгородскій и Литовскій, съ двумя протопресвитерами Петербургскими Бажановымъ и Кутневичемъ, третій Московскій—Новскій; изъ архимандритовъ былъ только одинъ ректоръ Московской Духовной Академіи Евгеній, и сверхъ сего два пресвитера Успенскаго собора.

Государь сложилъ съ себя вѣнецъ и смиренно молился на высотѣ своего престола. На маломъ входѣ подносили ему и императрицѣ святое Евангеліе, для благоговѣйнаго цѣлованія. Литургія продолжалась обычнымъ чиномъ до времени пріобщенія. Послѣ пѣнія причастнаго стиха (киноника) и по причащеніи совершавшихъ литургію, открылись Царскія врата; два архіепископа, Казанскій Григорій и Ярославскій Нилъ, „съ послѣдующими имъ по обѣ стороны протодіаконами“, вышли и поднялись на ступени трона и возвѣстили: „Благочестивѣйшій великій Государь нашъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Вашего Императорскаго Величества мѵропомазанія и Святыхъ Божественныхъ Таинъ пріобщенія, приближися время: того ради да благоволитъ Ваше Императорское Величество шествовать сея Великія Соборныя Церкви къ Царскимъ вратамъ“. Отложивъ оружіе, но въ вѣнцѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державою, спустился Императоръ съ возвышенія трона и приблизился къ вратамъ царскимъ. Предъ алтаремъ отдалъ онъ, окружавшимъ его сановникамъ вѣнецъ и прочія знаменія своей власти, сохранивъ на себѣ одну лишь порфиру; во вратахъ царскихъ святитель Московскій совершилъ надъ нимъ таинство мѵро-

помазанія, возглашая по чину таинства: *печать дара Духа Святаго*. Митрополитъ Новгородскій Никаноръ отеръ мѣсто помазанія хлопчатою бумагою.

Императрица слѣдовала за Государемъ и сподобилась также таинственной печати дара Духа Святаго, только на челѣ.

За тѣмъ, митрополитъ Московскій ввелъ Государя, чрезъ Царскія врата, въ алтарь для пріобщенія Божественныхъ Таинъ по чину священническому, при чемъ митрополиты Новгородскій и Литовскій поддерживали бока у порфиры. По причащеніи, архіепископъ Рязанскій Гавріилъ поднесъ Государю антидоръ и теплоту, а Иннокентій, архіепископъ Херсонскій послужилъ къ умовенію устъ и рукъ.

Государыня же пріобщалась по обыкновенному чину мірянъ, при чемъ архіепископы: Варшавскій Арсеній и Полоцкій Василій послужили Государынѣ въ поднесеніи антидора и теплоты и къ умовенію устъ и рукъ.

По совершеніи литургіи, возглашено было торжественное многолѣтіе „Богомъ вѣнчаннымъ, превознесеннымъ и святымъ мѵромъ помазаннымъ", и митрополитъ поднялся опять на ступени трона, чтобы поднести имъ животворящій крестъ [22]).

„Очень немногіе", писалъ въ тотъ приснопамятный день Ѳ. И. Тютчевъ, „будутъ въ правѣ похвастаться, что получили письмо изъ Москвы, помѣченное сегодншнимъ числомъ. Право, я думаю, что въ эту минуту только я да телеграфъ заняты корреспонденціей: ибо въ этотъ часъ всѣ отдыхаютъ отъ трудовъ дня, начавшагося для города Москвы въ 5 часовъ утра; а вечеромъ ожидаются новые труды, которые не будутъ меньшими. Что до меня, то хотя я и далекъ отъ сна, но испытываю такое чувство, словно вышелъ изъ области грезъ, такъ какъ картины, прошедшія передъ моими глазами дѣйствительно походили на грезы. То было ослѣпительное видѣніе... Я всталъ сегодня рано утромъ въ самомъ прозаическомъ мрачномъ расположеніи духа, чувствуя ко всему самое положительное отвращеніе. Словно я лишь зацѣпился на удочку билета, который наканунѣ мнѣ,

можно сказать, навязала А. Блудова. Готовый отказаться отъ борьбы при малѣйшемъ серьезномъ препятствіи, влачился я лѣниво безъ малѣйшаго опредѣленнаго желанія сквозь ряды солдатъ и черезъ непрестанно возраставшую толпу вплоть до внѣшней галлереи, прислоненной къ Ивану Великому и обращенной къ Чудову монастырю. Но, помѣстившись тамъ, уже трудно было не поддаться очарованію дивной панорамы, которую представляетъ Замоскворѣчье, какъ фонъ блистающей на солнцѣ картины. Ближе—Кремлевская площадь, покрытая человѣческими головами, не только мужскими, но и женскими (ибо, къ моему великому удивленію, женскіе зонтики господствовали надъ этой массой черныхъ и сѣрыхъ шляпъ). Еще ближе всѣ крыши, углы и выступы всѣхъ сосѣднихъ зданій до большого колокола и чудовищной пушки, тоже все покрыто зрителями. Подальше—войска, различные полки въ парадныхъ формахъ, выстроенные вдоль эстрады, убранной флагами, по которой Императоръ долженъ пройти послѣ своего коронованія. Очень любопытной минутою было прибытіе дипломатическаго корпуса въ парадныхъ каретахъ, которыя слѣдовали одна за другой черезъ сплошныя народныя массы, разгоняя ихъ во всѣ стороны. Первою ѣхала карета Морни, она же была и самой великолѣпной. Онъ самъ и его свита выказали много тонкой учтивости въ томъ, что, выходя изъ кареты, всѣ, и военные и штатскіе, держали шляпу въ рукахъ и такъ, съ открытой головой, прошли все пространство, отдѣлявшее ихъ отъ входа въ соборъ. Потомъ прибылъ лордъ Гранвиль со своей женой и со своими прекрасными соотечественницами, въ самомъ дѣлѣ прекрасными и изящными. Затѣмъ князь Эстергази въ своемъ сказочно-прекрасномъ мундирѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей очень статныхъ и изящныхъ. За нимъ четвертый посланникъ, князь Де-Линь и его жена, и, наконецъ, вся теперешняя дипломатическая мелкота, малая Европа, съ туркомъ и персомъ въ хвостѣ процессіи. Понятно, я не могъ присутствовать при этомъ прохожденіи всей не Русской

Европы, не предаваясь вновь и вновь горькимъ и мучительнымъ думамъ о нашемъ современномъ положеніи. Ахъ, насколько болѣе удовлетвореннымъ взглядомъ встрѣтили бы ихъ, если бы они пріѣхали привѣтствовать Россію въ Кремлѣ, какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ... Но, терпѣніе! Послѣднее слово еще не сказано, и не въ послѣдній разъ, я полагаю, явились они со своими привѣтствіями. Въ другой разъ они, быть можетъ, будутъ искреннѣе и серьезнѣе. И вотъ, когда послѣ четырехчасового ожиданія я увидѣлъ, подъ балдахиномъ, бѣднаго, дорогого намъ Императора, съ короной на головѣ, блѣднаго, утомленнаго и сердечно старающагося отвѣчать на всѣ клики народа наклоненіемъ головы изъ-подъ этой громадной и сверкающей короны,—о! не трудно будетъ повѣрить, что тогда, вопреки всему, я почувствовалъ, что меня одолѣваютъ слезы и что изъ глубины сердца и почти невольно я примѣнилъ къ нему этотъ извѣстный стихъ: Jamais tant de respect n'admet tant de pitié. (Никогда столько благоговѣнія не вызывало и столько состраданія). Вотъ настала ночь, и Москва горитъ огнями вторично. Хочу попробовать, нельзя ли себѣ проложить дорогу сквозь толпу и добраться до Пашкова дома... (Одинадцать часовъ). Вотъ я и вернулся, хотя живой, но смертельно усталый... Видъ съ высоты бельведера Пашкова дома былъ сказочный: словно огненный городъ висѣлъ на воздухѣ“ [23]).

„Между тѣмъ,“ повѣствуетъ Савва, „всѣ присутствовавшіе въ Успенскомъ соборѣ и участвовавшіе въ молитвахъ архіереи, кромѣ Московскаго митрополита, по окончаніи литургіи, пришли для отдохновенія въ мои келіи, о чемъ я однакожъ заблаговременно не былъ предваренъ. Къ нимъ присоединились еще три Греческихъ архіерея. И такъ, въ моей далеко не просторной залѣ, возсѣдало четырнадцать іерарховъ—всѣ, за исключеніемъ Греческихъ, въ своихъ архіерейскихъ мантіяхъ. Картина, достойная кисти художника! Имъ предложенъ былъ чай. Прошло довольно времени въ оживленной бесѣдѣ, наконецъ, кто-то изъ владыкъ, ка-

жется, преосвященный Иннокентій, возбудилъ вопросъ: чего же имъ тутъ ожидать? Тогда владыка Новгородскій, обратившись ко мнѣ, изволилъ сказать: „О. ризничій, сходите къ своему владыкѣ и спросите, чего намъ здѣсь ожидать“. Я отправился въ Чудовъ монастырь, гдѣ Московскій владыка отдыхалъ отъ своихъ великихъ и продолжительныхъ трудовъ этого великаго и достопамятнаго дня. Когда доложили о мнѣ его высокопреосвященству, онъ позвалъ меня въ гостинную. Я объяснилъ ему цѣль моего посольства. „Странное дѣло,“—сказалъ мнѣ на это владыка,—„вчера, когда я уже готовился отойти ко сну, получаю отъ министра двора бумагу, въ которой онъ проситъ меня назначить къ царскому столу духовныхъ лицъ. Я написалъ кого могъ припомнить: но о томъ, въ какомъ часу будетъ обѣденный столъ, въ бумагѣ ничего не сказано:—поди, пожалуйста, поскорѣе во дворецъ и узнай тамъ, отъ кого можно, въ какомъ часу Государь изволитъ вытти къ столу“. Я поспѣшилъ во дворецъ чрезъ Сѵнодальную Библіотеку и, вошедши во Владимірскую залу, наполненную особами дипломатическаго корпуса, коимъ тутъ предложенъ былъ завтракъ,—увидѣлъ знакомаго мнѣ гофъ-фурьера. Спрашиваю его, отъ кого могу я узнать о томъ, когда Государь изволитъ вытти къ столу. „Отъ оберъ-гофмаршала графа Шувалова“,—сказалъ онъ,—и тутъ же указалъ мнѣ его. Я обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ графу: онъ отвѣтилъ мнѣ, что Государь выйдетъ въ половинѣ 3-го часа. Возвратившись назадъ, я нашелъ Московскаго владыку и всѣхъ прочихъ архіереевъ въ Мѵроварной Палатѣ. Когда я передалъ слова графа Шувалова митрополиту, онъ посмотрѣлъ на часы и, озираясь кругомъ, спросилъ: „а гдѣ архимандриты“? Я бросился въ Сѵнодальную церковь и, увидавши тамъ нѣсколько архимандритовъ, сказалъ, чтобы они скорѣе шли въ Мѵроварную. Когда они вошли, владыка, взглянувъ на нихъ, увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ, именно ректоръ Академіи Евгеній, не въ мантіи. „Почему архимандритъ не въ мантіи“? Вла-

дыка строго спросилъ меня. Я спрашиваю отца ректора: почему онъ безъ мантіи? „Не знаю“, отвѣчалъ онъ,—„куда дѣвалась моя мантія“. Къ счастію, я вспомнилъ, что моя мантія была у меня въ кельѣ; я тотчасъ послалъ за нею и облекъ ею первокласснаго архимандрита. Кромѣ двѣнадцати архіереевъ были записаны митрополитомъ въ списки только архимандритъ Новоспасскій Агапитъ, ректоръ Академіи Евгеній, два намѣстника—Троицкой-Сергіевой Антоній и Кіевопечерской лавры Іоаннъ и протопресвитеръ Успенскаго собора Новскій. Когда все приведено было въ порядокъ, я спросилъ преосвященнаго митрополита, гдѣ его высокопреосвященству угодно будетъ идти во дворецъ — чрезъ Красное Крыльцо, или чрезъ Сѵнодальную Библіотеку, соединяющуюся со дворцомъ посредствомъ корридора? При этомъ я объяснилъ владыкѣ, что если они пойдутъ чрезъ Красное Крыльцо, тысячныя массы народа, наполнявшаго Кремль, бросившись къ нимъ за благословеніемъ, едва ли скоро допустятъ ихъ до дворца. Владыка, убѣдившись этимъ резономъ, приказалъ вести чрезъ библіотеку, но тутъ встрѣтилась другая, не предусмотрѣнная уже мною бѣда. Изъ просторнаго корридора, соединяющаго библіотеку съ дворцомъ, нужно было повернуть налѣво и идти узкимъ проходомъ во Владимірскую залу, а оттуда, чрезъ такъ называемыя Святыя Сѣни, въ Грановитую Палату, гдѣ былъ сервированъ столъ. Но въ этомъ узкомъ проходѣ оказалось множество поваровъ въ бѣлыхъ колпакахъ и фартукахъ съ ножами въ рукахъ, продолжавшихъ еще приготовлять разныя кушанья для завтрака иноземныхъ гостей. Митрополитъ, увидѣвши эту неожиданную картину, съ гнѣвомъ спросилъ меня: „Куда же ты насъ завелъ“? Сейчасъ,—сказалъ я въ отвѣтъ,—войдемъ во Владимірскую залу. Идя впереди и открывая чрезъ толпу разныхъ чиновъ путь архіереевъ, я привелъ ихъ къ Грановитой палатѣ, а самъ остановился въ Святыхъ Сѣняхъ, ожидая шествія къ столу Высочайшихъ Особъ. Чрезъ нѣсколько минутъ вижу торжественную процессію... ... Проводивши Владыкъ къ царской трапезѣ, я воз-

вратился крайне утомленный въ свою келью, къ своему скромному обѣду. Закусивши кое-чего, я поспѣшилъ снова во дворецъ, чтобъ опять провести чрезъ Сѵнодальную Библіотеку архіереевъ. Когда кончился царскій столъ, архіереи проведены были мною прежнимъ путемъ въ Мѵроваренную Палату, — за что Московскій владыка изъявилъ мнѣ свою благодарность" [24]).

Изнеможеннымъ возвратился митрополитъ Московскій на свое Троицкое подворье; но это не помѣшало ему принять посѣтившаго его въ тотъ день А. Н. Муравьева.

„Я,—писалъ Муравьевъ,—посѣтилъ маститаго старца въ самый день коронаціи, какъ только возвратился онъ отъ трапезы Царской изъ Грановитой Палаты, потому что я самъ будучи свидѣтелемъ всѣхъ сихъ торжествъ и въ соборѣ, и въ палатѣ, хотѣлъ поздравить лично того, кто съ такимъ достоинствомъ дѣйствовалъ въ этотъ день во главѣ Святителей Церкви Православной, предъ лицомъ не только всей Россіи, но, можно сказать, и Европы. Я нашелъ его утомленнымъ, уже не въ кабинетѣ, гдѣ обыкновенно принималъ, а въ спальнѣ, но съ лицомъ просвѣтлевшимъ отъ совершеннаго имъ подвига. „Не думалъ я,—говорилъ онъ,—что буду въ силахъ совершить это дѣйствіе, къ которому со страхомъ готовился, но Господь укрѣпилъ мою немощь". Нѣсколько дней спустя, А. Н. Муравьевъ принесъ митрополиту свое описаніе Священнаго Короновавія. Митрополитъ одобрилъ его, но сдѣлалъ только слѣдующее замѣчаніе: „Въ описаніи (Сравненіе пріобщенія царскаго съ пресвитерскимъ) „*Какъ пріобщаются пресвитеры и діаконы*, совѣтую пропустить. Ибо это можетъ подвергнуться непріятному взору, какъ будто уравниваютъ, и даже низводятъ въ средину то, что далеко выше уравненія".

„На слѣдующій день, 27 числа, утромъ, — повѣствуетъ Савва, — совершено было въ Успенскомъ соборѣ благодарственное молебствіе. Когда протодіаконъ возгласилъ: *Благослови Владыко!* Московскій митрополитъ тихо сказалъ Нов-

городскому владыкѣ: „Начинайте". Тотъ очень громко спросилъ: „Такъ мнѣ начинать"? „Да,—отвѣчалъ Московскій,—я свое первенство окончилъ". Тогда Новгородскій возгласилъ: *Слава Святѣй* и проч. Въ 12 часовъ того же дня назначено было собраться во Дворецъ для принесенія въ тронномъ залѣ поздравленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Новгородскій митрополитъ началъ было говорить привѣтственную рѣчь, но сказавши нѣсколько словъ, остановился—память измѣнила ему".

Между тѣмъ, въ этой рѣчи, касательно Императрицы Маріи Александровны, митрополитъ Никаноръ предполагалъ сказать: „Въ царскомъ вѣнцѣ ея самый драгоцѣнный камень есть ея любовь къ Церкви и Россіи".

Съ прискорбіемъ должны замѣтить, что высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Никаноръ. въ продолженіи четырехнедѣльнаго пребыванія своего въ Москвѣ, такъ ослабѣлъ въ силахъ, что возвратившись, 5 сентября, въ С.-Петербургъ, слегъ въ постель и 17-го числа того же сентября 1856 года скончался [25]).

Внимая изъ *прекраснаго далека* торжествамъ Священнаго Коронованія, Погодинъ не утерпѣлъ и написалъ Государю слѣдующее *): „Среди торжественныхъ славословій, коими оглашается нынѣ вся Россія, позволь смиренному труженику Исторіи, удостоенному издавна Твоего Высочайшаго вниманія и благоволенія, принести тебѣ искреннее поздравленіе отъ своего Русскаго преданнаго Тебѣ сердца! Благослови Богъ Твое царствованіе и помоги Тебѣ свыше совершить все доброе, начатое Твоимъ незабвеннымъ Родителемъ, исправить все оказавшееся несогласнымъ съ его благими видами, воспользоваться готовностію всѣхъ Русскихъ людей служить отечеству подъ Твоимъ руководствомъ, восполнить всѣ недостатки и предпринять во благо и пользу Отечества нужныя

---

*) Къ сожалѣнію, это письмо сохранилось только въ черновомъ отрывкѣ.
Н. Б.

для достиженія главной цѣли человѣческаго бытія на землѣ нравственнаго и духовнаго совершенства, воспользуясь пылкимъ общимъ движеніемъ служить Тебѣ. Да найдетъ Россія путь" [26])...

IV.

„Самой коронаціи", писалъ Хомяковъ, „я не видѣлъ. Досталъ мѣста старшимъ дѣтямъ и послалъ ихъ; досталъ еще два билета себѣ и меньшой дочери; тутъ явились двое сербовъ изъ Тріеста, пріѣхавшихъ собственно для этого. У нихъ билетовъ не было, я отдалъ свои и, разумѣется, не могъ не отдать. Оставшись дома написалъ: [27]).

Народомъ полонъ Кремль великій;
Народомъ движется Москва;
И слышны радостные клики,
И звонъ и громы торжества.

Нашъ Царь въ стѣнахъ, издревле-славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ, —
Царя—избранника вѣнецъ.

Ему Господь роднаго края
Вручилъ грядущую судьбу
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу:

Его елеемъ помазуетъ
Она живыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для Царскихъ битвъ.

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На Православнаго Царя.

И дастъ Всевышній даръ познанья
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ онъ даръ,—вѣнецъ дарамъ,
Даръ братолюбья къ братьямъ людямъ.
Любовь отца къ своимъ сынамъ.

И дастъ года онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины.

А ты въ смиреніи высокомъ
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту [28])!

Но стихи эти подверглись критикѣ И. С. Аксакова и одной дамы. Такъ, въ письмѣ Аксакова, отъ 14-го сентября 1856 года, читаемъ: „Прочелъ новые стихи Хомякова. Они для меня замѣчательны тѣмъ, что это первые стихи его въ новое царствованіе. Я еще при нынѣшнемъ Государѣ не писалъ стиховъ"; а въ другомъ своемъ письмѣ, отъ 23 сентября, Аксаковъ писалъ: „Стихи на коронацію превосходны, какъ стихи, но недовольно выразительны — по смыслу. Слова сохраняй *души* красоту — ничего не говорятъ въ настоящемъ случаѣ, и суть тѣ же самыя, которыя я повторялъ въ стихахъ ко всѣмъ дѣвушкамъ и женщинамъ, кому только писалъ стихи! Я едва ли бы помѣстилъ ихъ, но это ужъ мои личные скрупулы" [29]).

Самъ же Хомяковъ писалъ Гильфердингу: „Барыня одна критиковала послѣднюю строфу: съ чего онъ вздумалъ про душу говорить? Объ этомъ и Филаретъ не говорилъ. Вѣдь недурно" [30])!

Сильное впечатлѣніе на современниковъ произвела *Ода* М. А. Дмитріева на *Священное Коронованіе и Мѵропомазаніе Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Втораго*, въ которой, такъ сказать, излагается догматика Самодержавія:

О царь нашъ, сынъ Москвы желанный,
Рожденный въ царственномъ Кремлѣ,

Любовью нашей увѣнчанный
Еще до власти на землѣ!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Но долгъ царя—есть долгъ великій!
Велико знаменье—вѣнецъ!

Вѣнецъ твой—съ Русью сочетанье,
Съ которой Богъ предобручилъ;
Держава—знакъ, что въ обладанье
Твое онъ землю положилъ;
Сей скиптръ—что пастырь ты народа,
Съ которымъ самая природа
Связала племени родствомъ;
Сей тронъ—что ты стоишь высоко,
Да видитъ все царево око
И различаетъ зло съ добромъ!

Высокъ твой тронъ, но есть ступени;
Да будетъ доступъ до царя!
Да вѣрныхъ подданныхъ моленій,
Какъ звукъ докучливый презря,
Ты не отвергнешь на престолѣ;
Да слухъ въ своей высокой долѣ
Склонишь на нихъ мольбы и стонъ:
За то, какъ—сей порфирой пышной,
Такъ благодатью силы Вышней,
Ты будешь въ силу облеченъ!

Храня святыню древнихъ нравовъ
Отца въ Помазанникѣ зря,
Что намъ до чуждыхъ странъ уставовъ!
Намъ нужно добраго царя!
Не нужны намъ его обѣты!
Какіе могутъ быть завѣты
Между дѣтьми и ихъ отцомъ?
Не нужно въ правдѣ намъ залога!
Нѣсть власти, аще не отъ Бога!
Мы вѣрой сердца признаемъ.

За тѣмъ и вы Владыки наши,
Любите подданныхъ, какъ чадъ!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .

О добрый царь нашъ! Вѣрь народу!
Монарховъ искренно любя,
За нихъ готовъ онъ въ огнь и воду,
Готовъ на все и за тебя!
Прочь зло навѣтъ и подозрѣнье!
Какое можетъ быть сомнѣнье
Между отцовъ и ихъ дѣтей!
Пусть доступъ всѣмъ отецъ откроетъ:
Никто ему—ни зла не скроетъ,
Ни лучшихъ къ истинѣ путей!

Тогда—падетъ судовъ лукавство!
. . . .
Не устрашитъ самоуправство,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Тогда-то истина лучами
Освѣтитъ твой чертогъ какъ храмъ.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Тогда и Музы и Науки,
Какъ храмъ, престолъ твой окружатъ,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Умолкнетъ лести вѣроломство;
. . . .
. . . .

Монархъ! Довѣренность къ народу!
Велика́ силою она!
Онъ жизнь отдастъ царю въ угоду;
. . . .
Какъ агнецъ тихъ, властямъ послушенъ,
Какъ левъ, онъ храбръ, великодушенъ;
Доволенъ, малой долѣ радъ:
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Внимай вѣковъ минувшихъ клики!
Онъ Домъ Романовыхъ великій
На царскомъ тронѣ утвердилъ!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Я старъ, я немощенъ на битву;
Но съ чистой вѣрою молитву
Я сотворилъ, какъ гражданинъ,
И вспомнилъ нашу Русь съ любовью,
Когда лежалъ облитый кровью,
Подъ Севастополемъ мой сынъ!

. . . .
. . . .
Всходи, свѣтило упованья,
И лей на насъ добро и свѣтъ!
Да процвѣтутъ твои народы!
Да низведутъ довольство годы
Съ тобою миръ, сей даръ небесъ!
Въ дни бѣдъ Отецъ тебя оставилъ
За тѣмъ, чтобъ ты себя прославилъ,
Чтобъ выше Русь свою вознесъ [31]).

Ода эта своимъ стариннымъ, державинскимъ складомъ очень понравилась Погодину, и авторъ ея писалъ ему: „Очень радъ, что вамъ понравилась моя Ода. Она пошла

было по мытарствамъ; но говорятъ, что на нее повѣяла благодать свыше, и ей-то она обязана разрѣшеніемъ быть въ печати. Хорошо, что Государь былъ въ Москвѣ! Однако, кто написалъ на коронацію? Шевыревъ, князь Вяземскій и я: все старики! Что же нынѣшніе, съ своими высокими идеями? Впрочемъ, у нихъ въ молодости былъ убитъ духъ; а у насъ, въ нашей молодости, при Александрѣ, его поднимали".

По Москвѣ ходили также стихи графини Е. П. Ростопчиной, но которые увидѣли свѣтъ только въ 1874 году:

Не бойтесь насъ цари земные
Не страшенъ искренній поэтъ,
Когда порой въ дѣла мірскія
Онъ вноситъ Божьей правды свѣтъ.

Во имя правды этой вѣчной
Онъ за судьбой людей слѣдитъ;
И не корысть, а пылъ сердечный
Его устами говоритъ...

Но бойтесь устъ медоточивыхъ
Низкопоклонниковъ, льстецовъ;
Но бойтесь ихъ доносовъ лживыхъ
И ихъ коварныхъ полу-словъ.

Но бойтесь похвалы лукавой
И царедворческихъ рѣчей:
Въ нихъ ядъ, измѣна и отрава,
Отрава царства и царей.

Но бойтесь всѣхъ подобострастныхъ,
Кто лижутъ, ластятся, ползутъ.
Они васъ бѣдныхъ—самовластныхъ,
И проведутъ, и продадутъ!..

Они поссорятъ васъ съ народомъ,
Его любовь къ вамъ охладятъ,
И неминуемымъ исходомъ,
Они въ томъ васъ же обвинятъ! [32]).

О коронаціонныхъ праздникахъ вотъ что писалъ Хомяковъ къ А. Н. Попову: „Сказать вамъ новаго нечего, кромѣ того, что мнѣ здѣсь видъ посланниковъ и ихъ свиты просто оплеуха, и ухаживанье за ними нашихъ сановниковъ и военныхъ—просто

нестерпимо". Единомысленъ съ Хомяковымъ былъ и графъ П. Х. Граббе. Въ *Дневникѣ* его, подъ 14 сентября 1856 года, мы встрѣчаемъ слѣдующую запись: „Вчера возвратился послѣ мѣсяца пребыванія въ Москвѣ на коронаціи. Почти каждый день видѣлся съ А. П. Ермоловымъ. Познакомился съ Хомяковымъ, разнообразно замѣчательнымъ; съ Аксаковымъ-сыномъ, съ Тютчевымъ—дипломатомъ. Но общее впечатлѣніе было для меня такъ грустно, такъ раздражительно физически и нравственно, что, не дожидаясь конца пребыванія Двора и продолженія празднества, я отпросился у Государя возвратиться въ Петербургъ".

Изъ коронаціонныхъ праздниковъ, маскарадъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Ѳ. И. Тютчева, и онъ писалъ: „Я только что вернулся съ прославленнаго маскарада... Была страшная толпа. Я шелъ или вѣрнѣе влачился полонезомъ подъ руку съ Китти *), какъ вдругъ какое-то передвиженіе сблизило насъ съ Императорской Четой; это подало случай Императору обратиться къ Китти съ совѣтомъ не потерять своего отца... Что до меня, то признаюсь,—все это производитъ на меня впечатлѣніе грезы... Вотъ, напримѣръ, старуха Разумовская и старуха Тизенгаузенъ, и рядомъ настоящіе князья Мингрельскіе, Татарскіе, Имеретинскіе, въ своихъ великолѣпныхъ костюмахъ, съ торжественной осанкой и съ кровавымъ прошлымъ, или какъ сегодня вечеромъ, напримѣръ, даже два живыхъ, подлинныхъ китайца. И въ двухстахъ шагахъ отъ этихъ блистающихъ огнями залъ, наполненныхъ столь современной толпой, тамъ дальше, подъ сводами — могилы Ивана III и Ивана IV! Еслибъ какъ-нибудь можно было допустить, что до нихъ долетаетъ отзвукъ и отблескъ всего, что происходитъ въ ихъ Кремлѣ, то какъ должны они изумляться, даже будучи мертвыми... Иванъ IV и старуха Разумовская!.. Ахъ, сколько призрачнаго въ томъ, что мы зовемъ дѣйствительностью" [33]).

---

*) Дочерью Екатериною Ѳедоровною. *Н. Б.*

19 сентября 1856 года, Государь и Императрица провели весь день въ Лаврѣ преподобнаго Сергія [34]). Состояніе здоровья Императрицы воспрепятствовало исполненію ихъ благочестиваго желанія посѣтить Кіевъ для поклоненія Святымъ Печерскимъ угодникамъ Божіимъ. „Путешествіе въ Кіевъ,—писалъ Ѳ. И. Тютчевъ,—кануло въ воду. Эта перемѣна вызванная состояніемъ здоровья Императрицы. Бѣдная женщина! Какъ должно быть потрясено ея здоровье и воображеніе мрачнымъ предзнаменованіемъ вѣнца, упавшаго съ ея головы во время Коронованія“ [35]).

23 сентября 1856 года, Государъ и Императрица выѣхали изъ Москвы, и 24 прибыли въ Царское Село. 2-го октября Ихъ Величества торжественно вступили въ С.-Петербургъ, но тотчасъ же возвратились въ Царское Село, и только къ именинамъ Наслѣдника, 6 декабря, переѣхали на жительство въ Зимній Дворецъ [36]).

Архіепископъ Херсонскій Иннокентій очень сожалѣлъ, что не засталъ Погодина въ Москвѣ во время Коронаціи. Возвратившись изъ чужихъ краевъ, Погодинъ, 29 октября 1856 года, писалъ высокопреосвященному: „Здравствуйте, здравствуйте, старый мой другъ высокопреосвященнѣйшій владыко! Вотъ я и воротился домой. Какъ жаль, что не удалось намъ видѣться съ вами. Я долженъ былъ пить воды и купаться въ морѣ. Выкупался животворно. Чувствую себя какъ нельзя лучше физически и нравственно. Сердце кладезь мрачный, сказалъ какой-то стихотворецъ *), а вотъ не случится ли опять вамъ дорога черезъ Москву? Тогда наговорились бы въ сласть. Я теперь усѣлся на мѣстѣ... Что вы теперь подѣлываете? Что *Послѣдніе дни?* **) Пошлите манну гладнымъ намъ и жаждущимъ. Посылаю вамъ на всякій случай седьмой томъ *Изслѣдованій...* Вы не сказали мнѣ объ нихъ ни слова, никогда. Грустно! Одобреніе нужно, а гдѣ же его искать болѣе“ [37]).

---

*) Батюшковъ. *Н. Б.*

**) *Послѣдніе дни жизни Господа нашего Іисуса Христа. Н. Б.*

На это письмо Иннокентій (13 ноября 1856 года) отвѣчалъ: „Душевно радъ вашему благополучному возврату; но какъ я сожалѣю, что не засталъ васъ въ Москвѣ. Тогда все пребываніе мое въ ней было бы инаково: было бы съ кѣмъ поговорить запросто и отвести душу. Тутъ же толковали иные не вѣсть что въ вашемъ отсутствіи. По случаю или, лучше сказать, по счастію, попало мнѣ въ руки собраніе (кажется полное) вашихъ посланій политическихъ. Я взялъ ихъ сюда, даже не помню хорошо отъ кого, чтобъ списать, и скоро возвращу, увѣдомьте кому. Какъ я желалъ видѣть васъ хотя въ Одессѣ, а вы какъ будто бѣгаете насъ. Чѣмъ занимаемся? Да ничѣмъ! Въ три мѣсяца отсутствія накопились цѣлыя горы бумагъ текучихъ. А тутъ разныя порученія сверху, разныя новыя происшествія, напримѣръ, кончина князя Воронцова. Я всегда завидовалъ и кажется никогда не оставлю этой зависти — вашему положенію. Сколько у насъ иждивится времени на одни офиціальности! Когда-то, когда урвешь клочекъ времени, чтобъ безмятежно присѣсть за что либо! *Послѣдніе дни* давно уже прошли цензуру — то-есть, первую инстанцію, и думаю теперь въ Св. Синодѣ. Можетъ быть и выйдутъ живы и цѣлы, или хоть съ ранами. Да что за важное дѣло. За тридцать лѣтъ оно составляло нѣчто, а теперь совѣстно даже пускать его на бѣлый свѣтъ.

V.

А. Ѳ. Бычковъ, поздравляя (2 ноября 1856 г.) Погодина съ благополучнымъ возвращеніемъ его изъ чужихъ краевъ, между прочимъ, писалъ ему: „Душевно поздравляю васъ съ счастливымъ возвращеніемъ въ Москву и съ пріобрѣтеніемъ, послѣ отдыха за границею, новаго запаса здоровья и силъ для дѣятельности полезной, въ которой теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, мы всѣ нуждаемся. Голосъ правды, открывающій наши общественныя язвы и преподающій средства къ ихъ излѣченію, въ настоящее время, не есть голосъ вопіющій въ

пустынѣ. Все честное, благородное и истинно полезное выслушивается благодушно и не остается безъ послѣдствій. Шагъ важный впередъ на пути улучшеній! Дай-то Богъ, чтобы выраженіе Нестора, до сихъ поръ живьемъ жившее у насъ, что *земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ*, перешло бы наконецъ въ преданіе".

Какъ бы внимая этому голосу, Погодинъ, по возвращеніи въ Россію, принялся съ прежнею энергіею писать письма и записки по дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что записки и письма эти не имѣли уже того успѣха, каковой имѣли онѣ во время войны, и явно стало примѣчаться въ высшихъ правительственныхъ сферахъ какое-то охлажденіе къ нимъ.

Такъ, еще до отъѣзда въ чужіе края, Погодину вздумалось познакомить кадетъ съ нѣкоторыми изъ своихъ политическихъ писемъ, и съ этою цѣлію онъ обратился къ І. И. Ростовцову съ слѣдующимъ письмомъ: „Честь имѣю представить вашему превосходительству для напечатанія въ *Журналѣ Военно-Учебныхъ Заведеній*, двѣ свои статьи. Первая—письмо къ Государю Наслѣднику, написанное почти двадцать лѣтъ назадъ, но въ свое время не было доставлено къ Его Императорскому Высочеству. Цесаревичъ изволилъ прочесть его уже впослѣдствіи, и недавно давалъ его для прочтенія великому князю Константину Николаевичу. Вторая—посланіе къ Полякамъ, извѣстное также Государю Императору. Причины, по коимъ эти двѣ статьи напечатать теперь можно и должно, изложилъ я въ особыхъ запискахъ при оныхъ, а равно показалъ и измѣненія, коихъ требуетъ, кажется, печать. Отдаю все на судъ вашего превосходительства. Это дѣло общее, а общее дѣло, я увѣренъ, тоже близко вашему сердцу, какъ и моему. Письмо къ Наслѣднику чисто-историческаго содержанія, сочиненіе частнаго человѣка, написанное за двадцать почти лѣтъ, не только можетъ быть, но и должно быть напечатано для ободренія народнаго духа, который въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ непремѣнно дол-

женъ быть возвышаемъ; съ другой стороны, оно ясно показываетъ совершенное безкорыстіе и великодушіе покойнаго Государя, который не думалъ никогда пользоваться благопріятными обстоятельствами Россіи, даже и безъ Европейскихъ волненій 1848 года, благопріятными обстоятельствами, и для всѣхъ очевидными. Нужно только въ этомъ письмѣ измѣнить оскорбительное выраженіе для Германіи, щадя ея самолюбіе; также смягчить отзывъ объ Америкѣ. Посланіе къ Полякамъ весьма полезно теперь напечатать, чтобы открыть имъ глаза, сколько они видѣть могутъ, и убѣдить въ несостоятельности надеждъ на Западъ. А съ другой стороны, подать надежду на возможность улучшенія ихъ участи. Увидѣвъ въ печати такія безпристрастныя и доброжелательныя рѣчи, они увѣрятся вмѣстѣ съ учрежденіемъ Медицинской Академіи въ Варшавѣ, уничтоженіемъ празднованія объ усмиреніи Польши и назначеніемъ генерала Назимова, что Правительство желаетъ сдѣлать для нихъ всевозможное, и что отъ нихъ зависитъ продолженіе такихъ благодѣтельныхъ мѣръ“.

Не смотря на то, что на оффиціальномъ отвѣтѣ на это письмо (отъ 12 января 1856 г.) Ростовцовъ собственноручно написалъ: *обнимаю васъ*, содержаніе отвѣта было слѣдующее: „По всеподданнѣйшему представленію моему о напечатаніи въ *Журналѣ для чтенія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній* двухъ статей, вашимъ превосходительствомъ доставленныхъ ко мнѣ, при письмѣ, отъ 24-го истекшаго мѣсяца,—Его Императорское Величество не соизволилъ признать возможнымъ исполненіе вашего желанія. О сей Высочайшей волѣ увѣдомляя ваше превосходительство, имѣю честь возвратить при семъ обратно означенныя статьи ваши“.

„Не унывайте“, писалъ Погодину князь П. А. Вяземскій (31 января 1856 г.), „не налагайте на себя клятвы: гдѣ клятва, тамъ и преступленіе. Пишите, выливайте на бумагу желчь свою, надежды свои, планы, смѣты. Не намъ, такъ дѣтямъ пригодится“.

Въ то же время Погодинъ представилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія *Записку о должности инспектора студентовъ*. Но и эта Записка не имѣла успѣха, по крайней мѣрѣ, князь Вяземскій (31 января 1856 г.) писалъ ему: „Благодарю за *Записку*... Вѣроятно, Записка инспекторская примется пока къ свѣдѣнію. Впрочемъ, это не главная предлежащая реформа. Будь инспекторъ человѣкъ порядочный и образованный, не бѣда, если онъ военный. А что касается до юношества, не худо пріучать его къ опрятности и къ наружному порядку. Неряшество внѣ отзывается и на неряшествѣ внутри. Къ тому же никакой инспекторъ не можетъ помѣшать профессорамъ развивать и направлять способности студентовъ, и всякій инспекторъ, будь онъ и разъпрофессоръ, по екзекуторскимъ и фельдфебельскимъ обязанностямъ своимъ, будетъ неминуемо и всегда, какъ вы сами замѣчаете, въ *безпрерывныхъ сношеніяхъ* съ попечителемъ, а *вредить профессорамъ* будетъ онъ тѣмъ болѣе и охотнѣе, что онъ самъ профессоръ. Если уже возвращаться къ прежнему порядку, то по моему, начать съ того, чтобы ценсорское званіе возвратить профессорамъ. Это гораздо важнѣе, и по силамъ буду всегда поддерживать это правило и содѣйствовать ему по возможности“ [38]).

И о ценсурѣ Погодинъ представилъ двѣ записки, которыя, кажется, тоже не имѣли испѣха. Первую записку онъ написалъ еще въ прошлое царствованіе, и къ пребывавшему въ то время въ Петербургѣ Шевыреву писалъ: „Съ министромъ прошу тебя объясниться при случаѣ о ценсурѣ, которая доходитъ до absurdum. Я приготовилъ ему записку, которую скоро доставлю“.

Въ этой запискѣ, между прочимъ, читаемъ: „Надо удивляться гибкости Русскаго ума, который умѣетъ иногда пробираться между шкерами всѣхъ нашихъ ценсуръ, между Сциллами и Харибдами всѣхъ комитетовъ, и въ Кавдинскихъ ущеліяхъ всѣхъ ценсурныхъ предписаній прокладываетъ себѣ иногда узкую дорожку, хоть иногда съ грѣхомъ пополамъ,

т.-е. надо удивляться, что печатается что нибудь. А самое трагическое въ литературномъ дѣлѣ вотъ что: высшее сословіе жалуется обыкновенно, что по Русски нечего читать! Да что жъ вы хотите читать, если сами не позволяете ничего писать. Сама публика пропиталась цензурнымъ духомъ. Пріучась не видать въ печати ничего, чуть чуть показывающаго искреннее движеніе мысли, она дѣлается первымъ доносчикомъ при ея появленіи, гдѣ бы то ни было, и восклицаетъ во сто голосовъ: ахъ, какъ можно пропустить это! И Государь этого ничего не знаетъ! Какъ же пособить злу, которое нигдѣ невидно Правительству въ своихъ ужасныхъ подробностяхъ, и котораго, безъ сомнѣнія, оно не одобряетъ, ибо нѣтъ, смѣю думать, ни одного начальника въ наше время, который бы желалъ невѣжества, стремился бы къ народному притупленію и имѣлъ цѣлію пустить людей на четверинкахъ, безъ видовъ Жанъ Жака Руссо! Что надо дѣлать"?

По мнѣнію Погодина, слѣдовало бы: „Изъ всѣхъ цензуръ составить одну... Цензорами въ столицахъ и университетскихъ городахъ назначать поочередно профессоровъ". Записку свою Погодинъ заключаетъ такими словами: „Нынѣшняя цензура есть вѣрнѣйшая прислужница революціи и первый, самый опасный врагъ Правительства" [39]).

Впрочемъ, вскорѣ по написаніи этой первой записки, 6 апрѣля 1855 года, т.-е. при воцареніи императора Александра II, Кулишъ писалъ Погодину: „Цензура въ Петербургѣ очень смягчилась, но ожидаютъ даже и оффиціальнаго смягченія оной. Литераторы оживаютъ какъ мухи и жужжатъ о новыхъ надоѣданьяхъ публикѣ. Писемскій вездѣ читаетъ неоконченный романъ свой, въ которомъ играютъ роль два штатныхъ смотрителя да переодѣтые журналисты Краевскій и Панаевъ".

Можетъ быть, подъ вліяніемъ князя В. А. Черкасскаго, Погодинъ позднѣе, а именно въ 1857 году, написалъ вторую записку о Цензурѣ; ибо 27-го марта 1857 года, князь Черкасскій писалъ ему: „Дастъ Богъ—когда нибудь пріидетъ

время, когда можно будетъ мыслить вслухъ. Покуда—едва-ли есть надежда". И вотъ, для осуществленія этой надежды, Погодинъ написалъ вторую записку о Цензурѣ, въ которой читаемъ: „Какъ спѣшитъ наше время! Давно ли написалъ я первую свою статью о Цензурѣ, выведенный изъ терпѣнія ея неистовствами? Три года. Всѣ почти жалобы, въ ней выраженныя, нынѣ удовлетворены; все позволено, о чемъ тамъ просилось—и между тѣмъ все это оказалось уже теперь недостаточнымъ, ощущается нужда въ несравненно большей широтѣ, просторѣ, облегченіи и не только ощущается нужда, но уже оказывается очевидно необходимымъ, неизбѣжнымъ.

Да, случаются обстоятельства, когда излишнимъ становится разсуждать о пользѣ или вредѣ дѣла, затруднительности или удобствѣ: какъ бы оно ни было полезно или вредно, затруднительно или удобно,—все равно, оно вступаетъ въ область необходимаго, которое требуетъ себѣ безусловной покорности. Такъ, напримѣръ, поздно разсуждать намъ теперь о пользѣ желѣзныхъ дорогъ а должны ихъ строить, да и только. Такъ точно о свободѣ книгопечатанія, разсуждать нечего, а должно ее допустить, стараясь, разумѣется, сколько нибудь предотвратить злоупотребленія.

Отъ чего же это?

А отъ того, что десять Русскихъ типографій учреждено за границею, и книгопродавцы иностранные, обольщенные успѣхомъ Германскихъ изданій, въ перебой закликаютъ Русскихъ писателей присылать имъ все, что угодно, для напечатанія безъ цензуры. Что запретится нынѣ здѣсь, то завтра напечатается въ Лондонѣ, Парижѣ, Лейпцигѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и проч. и проч. Переслать статьи для напечатанія нѣтъ никакого затрудненія, когда тысячи путешественниковъ отправляются за границу и возвращаются назадъ безпрестанно. Нельзя осматривать всѣхъ мужчинъ и женщинъ, и если вы начнете ихъ осматривать, то книжки или листки будутъ уходить только подальше и поглубже въ ихъ сокровенныхъ углубленіяхъ.

Если вы даже доведете эту строгость осматриваній даже и до них, что невозможно, то книжки или листки будутъ съ товарами, въ бочкахъ сахара, въ кипахъ пряжи и тому подобныхъ.

Курьеры, знатныя лица, свита высочайшихъ особъ будетъ привозить и вывозить безнаказанно. Цѣлое населеніе пограничныхъ Жидовъ примется за эту выгодную торговлю. Довольно одному запрещенному экземпляру добраться сюда, и онъ распространится въ несчетныхъ копіяхъ, какъ *Горе отъ ума*, какъ письмо Бѣлинскаго и проч. Наши путешественники будутъ писать за границею, авторы нарочно ѣздить за границу, чтобы тамъ написать и напечатать. А отъ чтенія никакой уже нѣтъ преграды. Русскіе будутъ ѣздить за границу, чтобъ читать тамъ Русскія книги, а дома не станутъ въ книги охолощенныя и заглядывать. Что же выиграетъ Правительство? Ровно ничего, а потеряетъ много.

Единственное средство противодѣйствовать этому грозному натиску — освободить здѣсь печать отъ стѣсненій, и освобожденная, она парализуетъ заграничную. Здѣсь же она все таки будетъ скромнѣе, умѣреннѣе, тише.

Вотъ внѣшняя необходимость. Но есть и внутренняя.

Нашею оффиціальною ложью, отчетами министровъ, обществъ и проч., нашею охолощаемою печатью заслонилась совершенно наша жизнь, и мы рѣшительно всѣ находимся или въ страшномъ заблужденіи или въ ужасномъ невѣжествѣ.

Недавно попалась мнѣ въ руки записка о сельскомъ духовенствѣ. Я обмеръ, читая зловѣщія строки, а кажется за пятьдесятъ лѣтъ толкаясь въ народѣ, сближаясь, разъѣзжая, я знаю народъ и большую часть явленій. Нѣтъ, ничего мы не знаемъ, понятія не имѣлъ я о тѣхъ адахъ и омутахъ, чрезъ которыя проходитъ бѣдный мальчикъ, и если на 5 изъ ста останется человѣческій образъ и пр.

Вышла записка Щедрина и Печерскаго. Какія вещи мы узнали. Мы можемъ судить по этимъ примѣрамъ, что кроется еще въ нашихъ больницахъ, въ нашихъ училищахъ, въ на-

шихъ полкахъ, въ управленіи казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, въ монастыряхъ. Правительство никогда не узнаетъ, хотя бы двадцать тайныхъ полицій учредило. Полиціи всѣ одинакія— рука руку моетъ, а мы всѣ черны, развратились до-нельзя. Зло возросло до размѣровъ ужасающихъ, и что всего страшнѣе въ оправѣ добра и проч. Гласность—единственное средство, т.-е. свободная печать. Правительство не потеряетъ силы, а пріобрѣтетъ ее"...

Но самымъ жгучимъ вопросомъ для Погодина былъ вопросъ о домашнемъ воспитаніи нашего высшаго сословія. Такъ, по поводу одного письма графа В. А. Сологуба, Погодинъ писалъ: „Есть страшная язва, страшная болѣзнь въ нашемъ обществѣ, на которую намекнулъ авторъ письма, какъ прежде другіе достойные наши писатели. Это иностранное воспитаніе: ни одинъ гувернеръ, французъ, нѣмецъ, англичанинъ, не можетъ привить къ своему воспитаннику, не можетъ физически и нравственно привить любви къ родному языку, почтенія къ Православной Церкви, преданности престолу и отечеству. Напротивъ — всѣ они, родившіеся преимущественно въ XIX столѣтіи, пышутъ ненавистію къ намъ и нашимъ началамъ; и какъ бы они ни были лично честны, добры, благородны, умны, ихъ ученіе и воспитаніе, совершенно противоположное съ нашимъ, оставитъ всегда пагубный слѣдъ на душахъ несчастныхъ воспитанниковъ, даже безъ умысла съ ихъ стороны, но рѣдко встрѣчаются случаи, гдѣ-бы умысла не было. Напрасно ослѣпленные родители думаютъ, что иностранецъ можетъ учить своему языку, не касаясь нашей души и сердца! Пагубное заблужденіе! Нельзя любить отечество вполнѣ, не зная своего языка. Въ языкѣ все: и философія, и нравственность, и любовь, и ненависть, и взглядъ на вещи всѣ, и образъ мыслей. У насъ этого не понимаютъ и понять не хотятъ или не могутъ, и отдаютъ несчастное дитя, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, съ трехъ и четырехъ лѣтъ, на выучку чужимъ языкамъ, чтобъ онъ хорошо произносилъ Французское *n* и Англійское *th*, не

подозрѣвая, что тѣмъ развращаютъ и губятъ свое дитя. Плоды и доказательство мы видимъ на каждомъ шагу. Несмысленные! Да разсудите, для чего же намъ хорошо выговаривать *п*, и стоитъ ли приносить этому *п* такія жертвы? Разумѣется, обо всемъ этомъ надо написать книгу, но пока мы выпишемъ слѣдующее мѣсто изъ слова Иннокентіева, говореннаго послѣ бомбардированія Одессы, къ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которыхъ и мы имѣемъ въ виду: „Оставляйте послѣ сего легкомысленно родную страну свою, чтобъ спѣшить къ нимъ на уроки; наполняйте память и обогащайте свой умъ душетлѣнными произведеніями ихъ разстроеннаго воображенія; препоручайте дѣтей вашихъ ихъ руководству: они научатъ ихъ какъ любить Бога и ближняго, какъ почитать отца и матерь, какъ быть вѣрными царю и отечеству“ [40]).

VI.

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ началъ писать записку о Польшѣ.

Въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующія лаконическія свѣдѣнія о ходѣ этой работы:

Подъ *16 октября 1856 года:* „Началъ о Польшѣ и пр.; не написалось. Прогулялся“.

— *28* — —. „Набросалъ о Польшѣ и думалъ о важности этихъ минутъ. Недостаточно у меня благоговѣнія къ нимъ“.

— *30* — —. „Продолжалъ набрасывать о Польшѣ“.

— *31* — —. „Думалъ о важности и значеніи моего теперешняго дѣла“.

— *1 ноября* —. „Надъ запискою о Польшѣ, а набросалась между тѣмъ другая, впрочемъ неважная“.

— *5* — —. „Думалъ о Польшѣ и потомъ о Лизѣ. Молился. Читалъ Іеремію. Удивительное мѣсто встрѣтилось для Польши и крестьянъ. Все это время я ничего не дѣлалъ

и сижу надъ набросками своими, какъ курица на яйцахъ. Что же выйдетъ? А можетъ... Господи, помоги"!

— *13* — —. „О Польшѣ думалъ живѣе".

— *24—25* —. „Переписалъ записку о Польшѣ".

Познакомимся поближе съ этою запискою Погодина. „Россія",—читаемъ въ этой запискѣ,—„находится политически въ самомъ унизительномъ и позорномъ положеніи, въ какомъ она со временъ Петра Великаго не находилась никогда... Единственная надежда наша на Лудовика Бонапарте, и его слово, его взглядъ, его улыбка, составляютъ наше счастіе, внушаютъ бодрость, или нагоняютъ печаль. Господи! До чего мы дожили! Стыдъ, срамъ и поношеніе"!

„Что же намъ дѣлать"?—спрашиваетъ Погодинъ. „Не затѣять ли новую войну? Мы не готовы ни для какой войны! На войну слѣдовательно надежда намъ плохая! Какіе же есть другіе средства выдти изъ нашего постыднаго положенія?

Дипломатія? Но,—отвѣчаетъ Погодинъ,—дипломатія можетъ дѣйствовать успѣшно, когда ей есть на что опереться...

Средство выйти намъ изъ положенія того времени, по мнѣнію Погодина, должна бы доставить Польша. „Польша,"—писалъ онъ,—„была для Россіи самою уязвимою, опасною пяткою: Польша должна сдѣлаться крѣпкою ея рукою. Польша отдѣлила отъ насъ весь Славянскій міръ: Польша должна привлечь его къ намъ. Польшею мы поссорились съ лучшею Европейскою публикою: Польшею мы должны и примириться съ нею".

„Какъ же",—спрашиваетъ Погодинъ,—„достигнуть такой блистательной цѣли"? и отвѣчаетъ: „Очень просто. Дайте ей особое, собственное управленіе". Рѣшивъ вопросъ такимъ образомъ, Погодинъ уже слышитъ возраженія:

„Поляки, по своему характеру, не будутъ довольствоваться своею свободою, а пожелаютъ прежнихъ границъ". На это Погодинъ отвѣчаетъ: „Это возраженіе старое. Оно не имѣетъ теперь смысла. Гдѣ говорятъ по-Польски, тамъ

Польша, гдѣ говорятъ по-Русски, тамъ Россія. Мы, Русскіе, отказываемся отъ всякихъ завоеваній, выходимъ, такъ сказать изъ Царства Польскаго, нами пріобрѣтеннаго, точно также должны бы тоже выйти Поляки изъ западныхъ нашихъ губерній. Самъ Паскевичъ, какъ я слышалъ, возъимѣлъ эту мысль въ послѣднее время своей жизни".

На другое возраженіе: „Не будетъ ли примѣръ Польши заразителенъ для Россіи, и не захочетъ ли она современемъ такихъ учрежденій, какія изберетъ Польша"? на это Погодинъ отвѣчаетъ: „Это возраженіе могутъ дѣлать только люди близорукіе и незнакомые съ исторіею, съ характеромъ народовъ. Россія испоконъ вѣка жила рядомъ съ Польшею, и между тѣмъ въ Польшѣ господствовало liberum veto, а Россія кланялась безпрекословно Ивану Васильевичу Грозному. Польша до сихъ поръ не извѣстнѣе у насъ, чѣмъ Китай; у насъ другой характеръ, другая кровь, другая исторія, другія обстоятельства. Если придти въ Россію такъ называемой заразѣ, то она придетъ не посредствомъ Польскаго языка, у насъ къ сожалѣнію совершенно неизвѣстнаго, а посредствомъ Французскаго..."

Въ числѣ предварительныхъ мѣръ для осуществленія этого проекта, Погодинъ, между прочимъ предлагаетъ: „Возвращеніе всѣхъ Поляковъ, сосланныхъ за политическія, такъ называемыя, преступленія, безъ исключенія". Но *въ позднѣйшемъ* примѣчаніи онъ самъ же свидѣтельствуетъ: „Они-то и начали послѣднее (1863) возстаніе".

Въ заключеніи своей записки Погодинъ заявляетъ: „Историкъ Русскій, другъ отечества и человѣчества, Карамзинъ, заклиналъ покойнаго Императора Александра I отказаться отъ мысли о возстановленіи Польши, опасаясь за Россію. Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ. Обстоятельства перемѣнились. Наступилъ новый вѣкъ съ новыми мыслями, видами и требованіями. То же чувство любви къ отечеству и человѣчеству побуждаетъ и меня, служителя той же Исторіи, умолять Государя Императора о возстановленіи несчастной

Польши въ предѣлахъ ея родного языка, отнюдь не въ предѣлахъ 1772 года, на которые возставалъ Карамзинъ, отнюдь не съ нашими западными губерніями—на пользу и славу Россіи. Новое воззрѣніе не разнится отъ Карамзинскаго, время примиряетъ и соединяетъ ихъ во-едино".

Лучшимъ опроверженіемъ этой утопической записки можетъ служить позднѣйшее примѣчаніе самого же Погодина, въ которомъ читаемъ: „Это была моя мечта. Послѣднія происшествія (1863 г.) ясно доказали, что Поляки не могутъ разстаться съ мыслью о владѣніи Западно-Русскими губерніями и тѣмъ рѣшаютъ судьбу свою" [41]).

Прочитавъ эту записку, профессоръ Чивилевъ писалъ Погодину: „Вы сѣтуете, что Россія лишилась въ Европѣ прежняго почета и вліянія. Почетъ надобно заслужить. Вліяніе должно быть полезное, основанное на правдѣ и истинномъ пониманіи вещей. А это возможно только при просвѣщеніи. *Маrѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ. Едино же есть на потребу*. О Польшѣ сказана правда. Но къ этому, кажется, лучше было бы приступить прямо словами: „Польша была для Россіи самою уязвимою" и проч.

4 мая 1857 года, Куникъ писалъ Погодину: „Въ Вильнѣ пробудилось новое рвеніе къ изученію Литвы и нѣкоторые молодые умы оставили уже старые предразсудки. Мнѣ очень жаль, что не дозволяютъ жителямъ Вильны издавать Польско-литературный журналъ, который, какъ это именно было намѣреніе редакціи, ознакомилъ бы Поляковъ съ Русской литературой. Правительство ошибается. Надо, чтобы Поляки излечились сами собой отъ своихъ историческихъ предразсудковъ, и теперь было бы для этого благопріятное время, такъ какъ кротость и миролюбіе теперешняго Государя смягчили много озлобленныхъ умовъ".

Кончивъ записку о Польшѣ, Погодинъ началъ писать письмо или записку къ Чевкину о желѣзныхъ дорогахъ. О ходѣ писанія и этой записки мы также находимъ лаконическія свѣдѣнія въ *Дневникѣ* Погодина:

Подъ *13 октября 1856 года*: „Жеребцовъ. О желѣзныхъ дорогахъ и пр. Дѣйствовать. Не дурно ли я сдѣлалъ, разсказавъ о своихъ намѣреніяхъ“.

— *27 ноября* —. „Набросалъ письмо къ Чевкину“.

— *29* — —. „Переписалъ и радовался. О взяткахъ вышло отлично. Прочелъ Кокореву“.

— *2 декабря* —. „Устроилъ и переписалъ письмо къ Чевкину“.

Погодинъ, какъ онъ самъ выражается, былъ помѣшанъ на мысли, что желѣзныя дороги, изъ собственныхъ матеріаловъ, мы можемъ строить государственнымъ кредитомъ, и что онѣ, построенныя даромъ, окупятся сами собою, а правительство получитъ огромную статью дохода для заплаты старыхъ долговъ“. Эту мысль онъ сталъ преслѣдовать съ 1856 года, и началъ съ письма къ Чевкину.

Письмо свое или записку Погодинъ начинаетъ такъ: „Настоящее время такъ грозно, мудрено и важно, что всѣ, принимающіе къ сердцу судьбы отечества, безъ различія чиновъ, званій, состояній и лѣтъ, должны обмѣниваться между собою мыслями, имѣя въ виду общее благо. Говори всякій, не обинуясь, что̀ знаетъ и какъ думаетъ — сидѣть склавши руки и жить спустя рукава — нынѣ есть уже гражданское преступленіе“.

Послѣ сего, такъ сказать, предисловія, Погодинъ обращается уже лично къ Чевкину и пишетъ ему: „На этомъ основаніи я осмѣливаюсь отнять у вашего высокопревосходительства нѣсколько минутъ послѣобѣденнаго времени, не смотря на свое личное съ вами незнакомство. Простите и выслушайте великодушно“. За симъ, Погодинъ сообщаетъ о своихъ впечатлѣніяхъ вынесенныхъ имъ такъ недавно изъ Парижской биржи. „Представьте себѣ“, пишетъ онъ, „что всѣ грѣшники, заключенные въ аду отъ сотворенія міра до нашего времени, получили вдругъ позволеніе подышать чистымъ воздухомъ. Какой крикъ и гамъ поднимутъ они, сорвавшись съ цѣпей своихъ! Такой крикъ и гамъ услы-

шалъ я на биржѣ, переступивъ за дверь, и входя по лѣстницѣ въ верхнюю галлерею. Странные, пронзительные, дикіе вопли приносились ко мнѣ на всякую ступень, такъ что волосы начали у меня становиться дыбомъ. Наконецъ взошелъ я на галлерею, взглянулъ изъ-за перилъ внизъ, откуда неслось дыханіе бурно... Черная сплошная бездна зіяла передъ моими глазами. Волны поднимались, оборачивались, толкались, представляя какую-то клокочущую поверхность. Вниманіе мое тотчасъ привлекла къ себѣ круглая обширная загородка на одномъ краю залы, около которой бѣсновались какія-то человѣческія фигуры... Потъ катился съ нихъ градомъ, лица красныя горѣли, всѣ члены — голова, руки, ноги, туловища. дергались съ неистовствомъ. Какіе-то разсыльные черти шмыгали отъ нихъ къ толпамъ...“ Погодинъ не вытерпѣлъ четверти часа, и совершенно „одурѣлый, опьянѣлый“, поспѣшилъ поскорѣе вонъ на улицу. „Бѣдное человѣчество“, подумалъ онъ, „неужели здѣсь высшій градусъ твоего прогресса, неужели это желанные плоды твоей цивилизаціи, награда твоихъ тяжкихъ трудовъ и страданій“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодину пришла страшная мысль. „Ну, ежели“, писалъ онъ, „эти алчные псы, эти голодные вороны, бросятся когда-нибудь на нашу матушку Россію и налетятъ стаями на наши дѣвственныя поля, проникнутъ въ непочатыя наши горы, захватятъ наши заповѣдныя озера, разведутся на семи нашихъ моряхъ! Что они надѣлаютъ у насъ съ своимъ умомъ, блескомъ, любознательностью, дерзостью, искусствомъ! Души наши возьмутъ они себѣ въ кабалу...“

Воротясь въ Москву, Погодинъ услышалъ о предоставленіи постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ Французской компаніи, и онъ вспомнилъ о Парижской биржѣ.

„Опекунскіе наши Совѣты“, писалъ онъ Чевкину, „даютъ взаемъ деньги, подъ залогъ имѣній, домовъ, вещей, по шести процентовъ въ годъ, на тридцать шесть лѣтъ. Спрашивается: почему же не взять денегъ взаемъ у Опекунскихъ Совѣтовъ на этихъ условіяхъ, и не строить дорогъ самому Правитель-

ству? Представляется мнѣ и другой способъ: такая то дорога стоитъ, положимъ, сто милліоновъ. Почему же нельзя для этого новаго дѣла, внѣ обыкновенныхъ текущихъ оборотовъ, напечатать новыхъ ассигнацій, подъ заглавіемъ: ассигнаціи, билеты желѣзной дороги? Наконецъ третій способъ: иностранцамъ позволяется выпустить акцій на первый случай на семьдесятъ пять милліоновъ. Почему же намъ самимъ не выпустить этихъ акцій? Неужели Правительство наше имѣетъ меньше довѣренности, чѣмъ это иностранное общество?

Затѣмъ Погодинъ обращается къ Петру Великому, „какъ обращалась къ нему въ трудныхъ случаяхъ Екатерина" и пишетъ: „Вспомнимъ, что даже на линіи нынѣшней желѣзной дороги изъ Петербурга въ Москву Мельниковъ находилъ въ лѣсахъ, болотахъ и озерахъ, его указательные колышки. Не представитъ ли намъ жизнь его какихъ-нибудь примѣровъ и для разрѣшенія нашихъ недоумѣній въ дѣлѣ о построеніи желѣзныхъ дорогъ" и Погодину приходитъ на память построеніе Петербурга. „Какъ поступалъ,—спрашиваетъ онъ — Петръ Великій, основывая эту любимую свою столицу? Онъ призвалъ къ себѣ своихъ друзей, сотрудниковъ и помощниковъ, и сказалъ имъ: „Данилычъ! Князь Яковъ Ѳедоровичъ! Ѳедоръ Алексѣевичъ! Вотъ планы, вотъ фасады, выводите улицы, стройте дома въ запуски. Удружитъ мнѣ, кто скорѣе сдѣлаетъ свое дѣло". И не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, какъ

юный градъ
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.

Утвердившись примѣромъ Петра Великаго, Погодинъ оканчиваетъ свою записку или письмо къ Чевкину угрожающимъ тономъ. „Время не терпитъ", писалъ онъ, „и такъ уже цѣлый годъ лежитъ на вашей совѣсти, между тѣмъ какъ намъ всякая минута дорога. Крымъ, говорятъ знатоки и очевидцы-свидѣтели, не стоитъ труда завоевать теперь съ пятью-десятью тысячъ войскъ кому угодно, а Англійскіе корабли властвуютъ

на Черномъ морѣ. Вся мѣстность изучена Французами и Англичанами такъ, какъ мы и вообразить не можемъ. Дороги же въ Крыму вотъ какія, по самому вѣрному свидѣтельству: въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго года, одинъ мой знакомый, ѣхавшій изъ Перекопа въ Симферополь, насчиталъ на одной верстѣ осьмнадцать палыхъ лошадей, послѣ четырехъ уже погребальныхъ экспедицій... Повторяю, время страшное... черныя тучи несутся на Россію, кромѣ тѣхъ, что ее дома облегаютъ...“ [42]).

Познакомившись и съ этою запискою, профессоръ Политической Экономіи Чивилевъ писалъ Погодину: „У насъ въ банкахъ нѣтъ денегъ. Выпускать новыя ассигнаціи крайне опасно: ихъ и безъ того слишкомъ много; отъ новаго выпуска упадетъ курсъ, что повлечетъ за собою страшное разстройство во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Сами желѣзныя дороги не могутъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ: за ассигнаціи нельзя платить кусочками желѣзныхъ дорогъ. Вы говорите, что желѣзныя дороги послѣ можно продать. Либо можно, либо нѣтъ; а если и можно, то за какую цѣну? Конечно, не за ту, сколько стоило ихъ сооруженіе, а за гораздо низшую. Какое же это обезпеченіе?

Вообще очень хорошо, что для постройки желѣзныхъ дорогъ будутъ употреблены иностранные капиталы; иначе ихъ надобно бы было взять изъ оборотовъ внутренней промышленности торговой, мануфактурной и ремесленной, гдѣ они болѣе нужны и приносятъ большіе проценты.

О воровствѣ въ администраціи слѣдуетъ говорить какъ можно больше и кричать какъ можно громче, но прибавлять притомъ, что этого зла нельзя искоренить, не давъ чиновникамъ приличнаго содержанія, для котораго деньги найти нетрудно: стоитъ только немножко сократить гвардію. Наставленіе же не распутывать, а разсѣкать узелъ, чрезвычайно вредно. У насъ ни одна отрасль управленія не имѣетъ правильнаго развитія именно потому, что всѣ считаютъ себя Александрами Великими и разсѣкаютъ узлы.

О купцахъ думаю, что на Семенычахъ и Терентьичахъ мы далеко не уѣдемъ. Не ждите отъ нихъ пути! При томъ они могутъ на дороги употребить только капиталы, которые нужнѣе тамъ, гдѣ теперь употребляются.

Болѣе и яснѣе писать не могу по крайнему недосугу; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Приношу вамъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, живѣйшую благодарность за оказанное мнѣ довѣріе и покорнѣйше прошу извинить въ замедленіи, которое, впрочемъ, было непроизвольное.

Между тѣмъ, 15 февраля 1858 года, митрополитъ Филаретъ писалъ къ Антонію: „У меня былъ генералъ, который въ свое время сильно утверждалъ, что желѣзныя дороги надобно дѣлать своими средствами, и что средства сіи найдутся. Его не послушали; потому что не надѣялись имѣть деньги, и предполагали болѣе искусства въ иностранныхъ инженерахъ. Теперь оказалось, что иностранцы строятъ нашими деньгами, строятъ худо, и потому для улучшенія дѣла берутъ нашихъ инженеровъ“ [43]).

Въ бытность свою въ Парижѣ, въ 1857 году, И. С. Аксаковъ бесѣдовалъ съ иностранцами о Русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, и вотъ что онъ писалъ къ своимъ родителямъ: „Англичане проповѣдуютъ, что защитники цивилизаціи должны противиться введенію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, не смотря на то, что много Французскихъ капиталовъ заинтересовано въ этомъ предпріятіи, мнѣ говорили, что акціи сдѣлали совершенный fiasco, небывалый на биржѣ: никто брать ихъ не хочетъ. Всѣ спрашиваютъ здѣсь, точно такъ, какъ спрашивали и меня въ Франкфуртѣ — отчего не участвуетъ ни одинъ русскій въ этомъ дѣлѣ? Это отсутствіе Русскаго участія подрываетъ кредитъ къ Правительству за границей: „даже *свои* не вѣрятъ“, говорятъ негоціанты. Что отвѣчать на этотъ вопросъ? Сказать ли, что *ни къ одному* русскому и не обращались, что ни одинъ купецъ не былъ спрошенъ, что Русскіе вовсе устранены отъ этого дѣла, что наше Пра-

вительство плюетъ на общественное мнѣніе въ Россіи... Но духу не достаетъ говорить это иностранцу“ [44]).

VII.

Окончивъ записки свои о Польшѣ и о желѣзныхъ дорогахъ, Погодинъ, 12 декабря 1856 года, отправилъ оныя къ Великому Князю Константину Николаевичу [45]), при слѣдующемъ письмѣ: „Пресвѣтлѣйшій Государь, Великій Князь! Съ благоволеніемъ угодно было всегда Вашему Императорскому Высочеству принимать мои политическія размышленія. Послѣднее письмо мое Вы представили Вашему Августѣйшему Брату почти наканунѣ его вступленія на престолъ. Отъ него самого, съ первыхъ лѣтъ его совершеннолѣтія, равно какъ и отъ Государя Императора, имѣлъ я счастіе слышать часто милостивые отзывы и даже принимать въ своемъ домѣ. Но прошло почти два года, и я не удостоился услышать отъ нихъ ни единаго слова. Мнѣ было это очень горько, при моемъ желаніи служить чѣмъ могу, и въ такое время, когда, казалось, всякія услуги нужны, — и я рѣшился молчать, занимаясь въ тѣсномъ кабинетѣ любезной своей Исторіей. Врачи предписали мнѣ путешествіе. Мнѣ случилось замѣтить и узнать очень много любопытнаго. Я говорилъ съ Европейскими радикалами, консерваторами, журналистами и дипломатами, съ Нѣмцами, Французами, Поляками, Славянами. Плодомъ моихъ наблюденій, размышленій и разговоровъ явились представляемыя записки. Предметъ, кажется мнѣ, въ высокой степени важнымъ. Два мѣсяца я обрабатывалъ его, старался представить дѣло какъ можно короче и яснѣе;— кончивъ свой трудъ, считаю вѣрноподданническимъ долгомъ не скрывать его подъ спудомъ, и, преодолѣвъ свое самолюбіе, рѣшаюсь поднять опять свой голосъ, представляя мои записки на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Высочества, и прошу представить оныя, въ случаѣ одобренія, Государю Императору“.

Очевидно, Погодинъ попрежнему разсчитывалъ на успѣхъ и новыхъ своихъ записокъ, а потому заготовилъ, на всякій случай, письмо къ самому Государю (10 декабря 1856 г.) слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь! Преданность моя Вашему Императорскому Величеству извѣстна съ давнихъ лѣтъ. Покойному Вашему родителю я имѣлъ счастіе представить важные историческіе документы. Нѣкоторыя политическія разсужденія заслужили его благоволеніе. Осмѣливаюсь повергнуть теперь на ваше усмотрѣніе мысли, внушенныя тою же преданностію. Всемилостивѣйшій Государь! Сорокъ лѣтъ занимаюсь я усердно Исторіею, и, кажется, слышу внутри ея голосъ. Удостой его высочайшаго вниманія".

Но въ данномъ случаѣ Погодинъ жестоко обманулся въ своихъ надеждахъ на успѣхъ. Времена перемѣнились. Записки свои къ Великому Князю онъ отправилъ чрезъ А. В. Головнина, отъ котораго вскорѣ получилъ два весьма неутѣшительныя для него письма.

Въ письмѣ, отъ 16 декабря 1856 года, Головнинъ писалъ: „Получилъ я вчера письмо ваше, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, съ записками о Польшѣ и о желѣзныхъ дорогахъ, и представилъ то и другое предварительно Генералъ-Адмиралу. Его Высочество принялъ весьма милостиво и обѣщалъ прочесть, но когда онъ успѣетъ это сдѣлать, я рѣшительно не знаю, потому что сегодня готовится къ завтрешнему докладу, завтра послѣ доклада ѣдетъ въ Кронштадтъ на два дня, потомъ говѣетъ, а 25 декабря ѣдетъ за границу. Прочитавъ ваши предположенія, я, признаюсь, горько улыбнулся. Совершенно раздѣляю ваши идеи и признаю справедливость всѣхъ совѣтовъ вашихъ, но подобныя идеи могъ бы осуществить человѣкъ съ геніемъ Петра Великаго, который постигъ бы ихъ умомъ, сталъ бы исполнять желѣзной волей и заставилъ бы дубинкой молчать порицателей. Изъ-за чего же вы хлопочете? Развѣ вы имѣете въ виду подобную личность? Развѣ вы не знаете, какъ въ нашъ вѣкъ, скромный и канце-

лярскій, дѣла дѣлаются. Гдѣ слуги идей? Гдѣ безкорыстіе, которое заставляло бы жертвовать своими выгодами осуществленію идей? Наконецъ, какъ можете вы, у котораго рождаются подобныя чудныя идеи, столь громадныя предположенія, столь завлекательные образы, отъ которыхъ приходишь въ восторгъ и мысленно преклоняешься предъ тѣмъ свѣтлымъ умомъ, который произвелъ ихъ, какъ можете вы на тѣхъ же страницахъ упоминать о личныхъ оскорбленіяхъ, невниманіи и т. п. Притомъ я не понимаю, какое это невниманіе? Скажите лучше, что вы сами ошиблись. Ожидали найти Петра Великаго да не нашли. Кто же виноватъ, какъ не тотъ, который самъ ошибся. Предсказываю подобную будущность вашимъ предположеніямъ. Въ наше время много можно сдѣлать хорошаго, но все же размѣры этого хорошаго будутъ микроскопическіе сравнительно съ тѣмъ, о чемъ вы мечтаете. Мы въ состояніи поднять фунтъ, вымести комнату, а вы хотите, чтобъ подняли милліонъ пудовъ и вычистили бы всѣ зданія Россійской Имперіи и сердитесь когда это не дѣлаемъ".

Другое письмо Головнина, отъ 20 декабря, повергло Погодина въ меланхолію. Въ этомъ письмѣ онъ прочелъ: „Великій Князь Генералъ-Адмиралъ приказалъ мнѣ возвратить вамъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, прилагаемыя письма ваши на имя Государя и на имя генералъ-адъютанта Чевкина и записку о Польшѣ, и увѣдомить откровенно, что Его Высочество вовсе *не* раздѣляетъ изложенныхъ въ нихъ мыслей и потому предоставляетъ вамъ послать эти письма по почтѣ, если желаете. 25 декабря Его Высочество уѣзжаетъ".

Подъ *24* и *26 декабря 1856* года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Письмо отъ Головнина. Великій Князь не согласенъ съ моими мыслями. Вотъ тебѣ и разъ! Пошолъ въ церковь. Было непріятное расположеніе духа, а потомъ мелькнула страшная мысль *о есть и не есть*. Въ волю Божію. *Страшныя мысли о небытіи*, отъ коихъ отмаливался".

Въ это время продолжались у Погодина постоянныя дру-

жескія собесѣдованія съ Кокоревымъ и братьями Мамонтовыми и прочими почтенными, дѣловитыми людьми, и эти собесѣдованія влекли Погодина къ разъясненію предъ Правительствомъ тѣхъ вопросовъ, къ которымъ онъ по своей спеціальности былъ болѣе или менѣе чуждъ. Такъ, по поводу тарифа, онъ счелъ за благо написать (11 декабря 1856 г.), правда къ своимъ ученикамъ, къ Андрею Парѳеновичу Заблоцкому-Десятовскому и Николаю Алексѣевичу Милютину, слѣдующее письмо:

„Судьба кинула меня подъ старость на поприще вопросовъ политическихъ. Вы считались людьми прогресса, отъ котораго и я, въ законномъ смыслѣ этого слова, никогда не былъ прочь. Осмѣливаюсь представить на ваше благоусмотрѣніе мысль, этому любезному для всѣхъ насъ прогрессу соотвѣтственную. Вы назначены, я слышалъ, членами Комитета о тарифѣ. Тарифъ составляетъ теперь въ Москвѣ предметъ шумныхъ разговоровъ. Раздаются даже вопли, которые донеслись и до моей кельи. У меня нѣтъ фабрикъ, я не думаю и впередъ заводить никакой; *между фабрикантами не имѣю ни кумовьевъ, ни сватовъ, и ни съ кѣмъ даже не вожу хлѣба-соли*. Вотъ что пришло мнѣ въ голову: почему бы, по сочиненіи тарифа, не огласить его предварительно печатью, какъ намѣреніе Правительства, на такихъ-то соображеніяхъ основанное, и пусть знатоки дѣла, спеціалисты, фабриканты, купцы, всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, представляютъ въ продолженіе года по газетамъ и журналамъ всѣ замѣчанія, возраженія, дополненія, указанія. Мнѣ кажется, это было бы полезно для дѣла, которое не можетъ быть вполнѣ извѣстно вамъ, чиновникамъ Правительства, удѣляющимъ на оное части только своего времени, а что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Получивъ такимъ образомъ полныя свѣдѣнія и разнообразные взгляды, и обдумавъ ихъ на досугѣ, вы обнародуете сочиненный вами тарифъ, исправленный и дополненный по усмотрѣнію. Вы сложите съ себя значительную часть отвѣтственности, которая падаетъ теперь сполна на Прави-

тельство, иногда безъ вины. Бумагопрядильники, напримѣръ, пожалуются на ткачей, а вы въ сторонѣ и т. п. Наконецъ, что для меня всего важнѣе, вы подадите благой примѣръ для предварительныхъ публичныхъ обсужденій о прочихъ предметахъ управленія; значительный шагъ впередъ. Для самодержавной власти не будетъ вѣдь никакого нарушенія, если я, напримѣръ, изложу свое мнѣніе о всеобщей безнравственности экзаменовъ, а другіе потолкуютъ о реальностяхъ, гуманностяхъ и разныхъ гадостяхъ нашихъ гимназій и проч. Третьяго дня я услышалъ смѣшное замѣчаніе: Русскій человѣкъ хорошъ до звѣзды; какъ получитъ звѣзду, такъ ему ужъ и чортъ не братъ: никто не говори съ нимъ; броситъ высшій взглядъ и промолвитъ сквозь зубы: помилуйте, это намъ извѣстно, но должно имѣть въ виду и проч. и проч. У васъ по двѣ звѣзды, но я желаю, чтобъ вы заслужили по третьей, самой яркой въ глазахъ порядочныхъ людей и смиренныхъ ревнителей прогресса. Не взыщите же на простую рѣчь".

Заблоцкій и Милютинъ не замедлили отвѣтить Погодину слѣдующее: „Виноваты; приходится начинать съ конца, а не съ начала. За желаніе благодаримъ; а хоть вы и запрещаете людямъ со звѣздами говорить: *помилуйте, это намъ извѣстно*; да дѣлать нечего, придется вымолвить запрещенное слово. Не только извѣстно, да и рѣчь о *томъ* была. Правда, начитались мы и наслушались вдоволь, и фабрикантовъ, и ткачей, и купцовъ. Не прочь и еще почитать и послушать, а пуще потолковать, и растолковать, и вразумить. У страха глаза велики. Отъ того больше шуму и крику и воплей по Москвѣ бѣлокаменной. Что грѣха таить? Русскій человѣкъ (со звѣздой ли, безъ звѣзды ли) любитъ наживать *деньги*, а *барышомъ* брезгаетъ. Чему тутъ дивиться, что фабриканты вопятъ и на тарифъ, и братъ на брата. Ткачи идутъ на бумагопрядильщиковъ,—а эти и въ усъ себѣ не дуютъ! Подняли цѣну до двадцати, а теперь, говорятъ, и далѣе пошло. Какъ тутъ не завыть,—только конечно не прядильщикамъ! Скажемъ правду: вопитъ не тотъ, кто дѣло разумѣетъ, а пуще тотъ,

кто отъ сосѣда не дослышалъ. Для этихъ-то пригодилась бы огласка: какъ и что дѣлается. Много поубавилось бы пустого крику. Да не въ нашей это власти. Творяй волю пославшаго мя! Чѣмъ начали, тѣмъ и кончимъ: спасибо за память и за доброе слово,—а сами не прогнѣвайтесь, если что недомолвили или перемолвили".

Къ этому письму Н. А. Милютинъ собственноручно приписалъ: „Все это, разумѣется, для васъ однихъ. Мы люди казенные. Разглашать своихъ мнѣній не имѣемъ права, и ввѣряемъ ихъ именитому профессору, а не всей ученой или неученой братіи".

Въ приведенномъ сейчасъ письмѣ къ А. П. Заблоцкому-Десятовскому и Н. А. Милютину, Погодинъ заявилъ, что онъ *между фабрикантами не имѣетъ ни кумовьевъ, ни сватовъ, и ни съ кѣмъ изъ нихъ даже не водитъ хлѣба-соли*. Но это заявленіе опровергается нижеслѣдующими выписками изъ его *Дневника:*

Подъ *17—20 октября 1856* года: „У Кокорева. Бесѣды о современномъ состояніи Россіи. Рукавишниковъ о Сибири".

— *16 ноября* — „Вдругъ Кокоревъ съ Мамонтовымъ. Разсказы, отъ которыхъ дыбомъ волосъ становится. Боже мой! Что же это такое, чѣмъ все это кончится"!

— *18* — — „Кокоревъ былъ что-то смущенъ".

— *19* — — „Кокоревъ разсказалъ анекдотъ о Павлѣ".

— *21* — — „Обѣдъ у Кокорева".

— *25* — — „Обѣдъ у Мамонтова. Вечеръ у Кокорева и игралъ въ ералашъ. Офицеръ-жидъ".

— *26* — — „Кокоревъ, Мамонтовъ, Рукавишниковъ".

— *1 декабря* — „Съѣздилъ провѣдать Кокорева, который разсказалъ разговоръ съ Муравьевымъ".

— *17* — — „Къ Кокореву. Разсказы. Обѣдъ у Мамонтова. Вечеромъ въ ералашъ и проигралъ шестнадцать руб."

— *21* — — „Кокоревъ и Мамонтовъ. Читали и говорили. Обѣдать къ Мамонтову, а оттуда къ Кокореву. Читали и играли".

— *5 января 1857* года: „Письмо къ Кокореву о художникахъ“.

— *11* — — „Кокоревъ зоветъ въ Ушаки. Рѣшился прогуляться“.

— *12—18* — „Въ Ушакахъ. Толкованія. Прогулки. Карты. Но все-таки скучно и тяжело отъ Петербургскихъ разсказовъ. Не поѣхалъ въ Петербургъ“.

— *19* — — „Изъ Ушаковъ. Завтракъ. Обѣдъ дорогой. Табелька и проигралъ далеко за полночь“.

— *21—22* — — „У Кокорева. Толки. По вечерамъ игралъ и проигралъ. Сытые обѣды. Чтеніе“.

— *24* — — „Обѣдать къ Кокореву съ *Русскою Бесѣдою*. Скучно и вяло. Обыгралъ онъ меня. Ловко“.

— *26—29* — — „У Кокорева. Проводили“.

— *8 марта* — „Обѣдалъ у Кокорева. Читали и толковали. Игралъ съ удовольствіемъ и выигралъ“.

— *18 мая* — „Писалъ инструкцію для Кокорева путешествія по вновь разграфленной книгѣ. Записка отъ Кокорева. Пріѣхалъ. Обѣдалъ у Мамонтова. Петербургскіе слухи грустны. Чувствую простуду. Не хотѣлось ночевать“.

— *21* — — „Проводилъ Кокорева на желѣзную дорогу. Потомъ и Мамонтова. Обѣдалъ и проводилъ до заставы“.

— *10 іюля* — „Н. Ѳ. Мамонтовъ насмѣшилъ“...

— *2 октября* — „Съ Кокоревымъ, который внезапно уѣзжаетъ“.

— *13* — — „Выѣхалъ къ Мамонтову и лошади разбили было опять. Что за чудеса. Насилу выскочилъ съ Грушей. Пошелъ пѣшкомъ. Обѣдалъ у Мамонтова. Игралъ въ карты и все-таки проигралъ на тузы. Добрыя вѣсти отъ Кокорева“.

— *14* — — „Въ Кремлѣ съ Мамонтовымъ. Осмотрѣлъ домъ Кокорева. Объ его иждивеніяхъ“.

— *16* — — „Вечеромъ поѣхалъ къ Мамонтову, гдѣ и ночевалъ“.

— *17* — — „Выѣхалъ изъ Москвы (въ Ушаки) отъ

Мамонтова. По утру у него читалъ что-то. Въ дорогѣ. Иванъ Аксаковъ. Хрулевъ“.

— *18—22* — — „Въ Ушакахъ. Толковали, смотрѣли, гуляли“.

— *23* — — „Выѣхалъ изъ Ушаковъ. Игралъ въ дорогѣ съ Мамонтовымъ и проигралъ съ досадою“.

— *24* — — „Заѣхалъ въ Кирѣево. Гулялъ и спалъ. Мамонтова движенія очень хорошія и человѣческія. Зять его хорошъ. Въ Москву. Взялъ его карету“.

— *28* — — „О старообрядчествѣ Кокорева“.

— *31* — — „У Мамонтова смотрѣлъ домъ, потомъ въ карты и остался ночевать“.

— *1 ноября* — „Собрался домой. Куда въ такую погоду. Лучше утренничекъ и сѣли въ карты и просидѣли до поздняго вечера, а я не отыгрался, а еще проигралъ съ досадою. Рѣшительно несчастливъ и мнѣ ненадо играть“.

— *2* — — „Воротился“.

— *10* — — „Обѣдалъ у Мамонтова. Вечеръ у Кокорева, который читалъ“.

— *16* — — „Обѣдалъ у Кокорева. Весь день игралъ. Съ небольшимъ выигралъ. Разговоръ о дорогѣ, о курсѣ, о судопроизводствѣ, о консулахъ въ Азіи“.

— *23* — — „Н. Ѳ. Мамонтовъ со сномъ о Пугачевѣ и проч.“

— *24* — — „Обѣдъ у Кокорева. Толковали то и се. Новыя его картины. Съ Хрулевымъ о корпусахъ и проч.“

— *1 Декабря* — „Обѣдалъ у Кокорева. О крестьянахъ, о Петербургѣ“.

— *3* — — „У Кокорева“.

— *6* — — „Завтракъ у Н. Ѳ. Мамонтова. Игралъ и выигралъ около 160 р.; ну, теперь хоть половина отыграна“.

— *7* — — „Позавтракавъ у Н. Ѳ. Мамонтова, отправился съ И. Ѳ. Мамонтовымъ на желѣзную дорогу... Радушный пріемъ въ Кирѣевѣ“.

— *8—9* — — „Въ Кирѣевѣ“.

— *15* — — „Обѣдалъ у Кокорева. Ханыковъ и Крузенштернъ. О Печерѣ“.

— *16* — — „Пѣшкомъ къ Мамонтову. Обѣдъ и карты. Слухъ объ уничтоженіи чиновниковъ. Доклады министровъ“.

— *19* — — „Обѣдъ у Кокорева. Но все-таки нѣтъ одушевленія, все какъ будто люди связаны. Разсказывали многія прекрасныя черты Государя. Дай Богъ ему здоровья“.

— *22* — — „Вечеръ у Кокорева“.

— *23* — — „Въ баню къ И. Ѳ. Мамонтову. Отличная, и онъ въ восторгѣ. Обмыли, обрили, остригли и проч. Обѣдъ, уснулъ и въ карты до 2-хъ“.

Упомянемъ также, что въ 1856 году, В. А. Кокоревъ водрузилъ въ Погодинскомъ саду Русскую избу, а 26 ноября того года графиня Е. П. Ростопчина писала Погодину: „Что ваша новая книга изъ бревенъ—то есть, *изба*... Я слышу, что она замѣнила вамъ и *Москвитянинъ*, и Мстиславовъ Ростиславичей, и всѣ прежнія ваши страсти“.

Такимъ образомъ, вопреки собственному показанію Погодина, въ письмѣ его къ А. П. Заблоцкому-Десятовскому и Н. А. Милютину, Погодинъ велъ хлѣбъ-соль съ Московскими купцами и безпрестанныя свиданія съ ними и бесѣды отвлекали его отъ Древнихъ Русскихъ Князей къ современности, къ вопросамъ внѣшней и внутренней политики, отъ Кубарева и Максимовича къ Кокореву и Мамонтовымъ, и изъ историка превращали его въ публициста, какъ о томъ ясно свидѣтельствуютъ вышеприведенныя выписки изъ *Дневника* его.

Но *вмѣстѣ съ тѣмъ* слѣдуетъ замѣтить, что и въ средѣ Московскихъ купцовъ, Погодинъ, охотно пользуясь ихъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ, не отказывался отъ роли правоучителя. Такъ, Кокореву, онъ, между прочимъ, писалъ: „Надо вамъ непремѣнно какой нибудь работы, а то сдѣлаетесь тряпкою: настоящій образъ жизни никуда не годится. Хоть бы дрова пилить и траву косить, но время должно быть занято правильно и постоянно. Праздность убійственна для души и тѣла“.

На это нравоученіе Кокоревъ отвѣчалъ коротко и ясно: „Пустяки, пустяки. Все это истекаетъ изъ незнанія свойства Русской забулдыжной натуры, какова и есть моя натура“ [46]).

VIII.

Въ бытность свою въ Брюсселѣ, Погодинъ обѣщалъ редактору газеты *Le Nord*, по возвращеніи своемъ въ Россію, прислать статью для его газеты. И вотъ, кончивъ путешествіе и возвратясь къ „своимъ пенатамъ“, Погодинъ принялся за исполненіе даннаго имъ г. Поггенполю обѣщанія.

Изъ *Дневника* Погодина мы узнаемъ, что къ 1 января 1857 года, обѣщанная статья была уже готова и прочитана князю В. А. Черкасскому и И. С. Аксакову; а въ крещеніе онъ отправилъ ее уже къ директору Азіатскаго Департамента Ег. П. Ковалевскому [47]), для представленія оной князю А. М. Горчакову. Въ мартѣ Погодинъ получилъ отъ Ковалевскаго слѣдующій отвѣтъ: „Статья ваша очень понравилась князю Горчакову по своей мѣткости и бойкости; но отправить ее въ *Le Nord* изъ министерства онъ не берется, предоставляя вамъ, впрочемъ, совершенную свободу“ [48]).

Вскорѣ послѣ того статья Погодина появилась въ *Le Nord*.

Статью свою Погодинъ начинаетъ вопросомъ: „Но объ чемъ же буду я писать къ вамъ? Дома я не успѣлъ еще осмотрѣться и узнать порядочно, въ какомъ положеніи находятся дѣла: наше время такъ быстро стремится впередъ, и столько неожиданнаго случается безпрестанно, что чрезъ полгода не узнаешь самыхъ знакомыхъ предметовъ! Лучше на первый разъ опишу вамъ впечатлѣніе, оставленное путешествіемъ во мнѣ, въ Русскомъ человѣкѣ, du parti Moscovite, какъ у васъ говорится, который любитъ Отечество, чувствуетъ благодарность къ Европѣ, и желаетъ успѣха человѣчеству.

Что̀ представляетъ намъ теперь Европа?

Начнемъ съ Италіи. Французы занимаютъ Римъ, взятый ими приступомъ еще въ 1850 году. Австрійцы имѣютъ въ своихъ рукахъ Анкону и Болонію, распоряжаются въ Пармѣ и Флоренціи. Тѣ и другіе съ цѣлью отвратить отъ Италіи безпорядки, которые, въ свою очередь, производятъ Англичане въ Сициліи, такъ что даже въ дружественныхъ Французскихъ газетахъ говорится прямо: лордъ Коули знаетъ лучше всѣхъ не только что̀ происходитъ, но и то, что̀ произойдетъ на островѣ.

Сверхъ того, Англичане и Французы требуютъ отъ Неаполитанскаго Короля разныхъ преобразованій, нужныхъ, по ихъ мнѣнію, для спокойствія Италіи, дѣлаютъ демонстраціи и грозятъ явиться съ вооруженною силою.

Я не вхожу въ разсужденіе о справедливости всѣхъ сихъ дѣйствій, готовъ допустить даже, что они спасительны для Италіи и благодѣтельны для Европы. Для меня достаточно одно положеніе, въ которомъ, надѣюсь, всѣ должны согласиться: Франція, Австрія, Англія считаютъ своею непремѣнною обязанностью дѣйствовать въ Италіи и на Италію, и употребляютъ разныя понудительныя мѣры, согласно съ своимъ образомъ мыслей...

Въ Греціи нѣтъ иностранныхъ войскъ, но посланники, Французскій и Англійскій, имѣютъ неограниченную тамъ силу, и всѣ важнѣйшія мѣры принимаются только съ ихъ согласія, утвержденія или даже по ихъ требованіямъ.

Турція находится въ полной зависимости отъ Англіи, Франціи, отчасти Австріи. Султанъ назначаетъ даже министровъ себѣ по ихъ указаніямъ. Большая часть внутреннихъ распоряженій имѣетъ начало въ ихъ совѣтѣ. Французы прорываютъ Суэзскій перешеекъ, Англичане ведутъ дорогу черезъ Малую Азію, къ Евфрату и Персидскому заливу.

На Черномъ морѣ господствуетъ Англійскій флотъ.

Молдавію и Валахію занимаютъ Австрійцы.

Персіи объявляютъ войну Англичане за осаду Герата,

то-есть, за домашнюю ссору Персіянъ съ сосѣднимъ Афганистаномъ.

Въ Нефшателѣ происходитъ Прусская реакція.

А Испанія оставляется въ покоѣ, то-есть, въ тревогѣ.

Все это суть дѣла, противъ которыхъ никто спорить не можетъ.

Что же они показываютъ?

Они показываютъ, что почти всѣ Европейскія государства принимаютъ дѣятельное участіе въ чужихъ дѣлахъ, каждое по своимъ видамъ, съ цѣлію, положимъ, общаго блага.

Такое вмѣшательство никому не кажется страннымъ; всѣ смотрятъ равнодушно на эти событія, какъ бы текущія по обыкновенному порядку вещей, и даже знаменитое политическое равновѣсіе не тревожитъ ничьего спокойствія.

Лордъ Кларендонъ сказалъ недавно въ Парламентѣ, что могутъ представляться случаи, гдѣ вмѣшательство въ дѣла другихъ націй становится не только правомъ, но даже обязанностію.

Вотъ что *есть* теперь въ Европѣ, а что было за четыре года?

За четыре года Императоръ Николай потребовалъ у Султана оффиціальнаго подтвержденія древне-снисканныхъ трактатами правъ Христіанамъ на Востокѣ, и, получивъ отказъ, велѣлъ пограничнымъ своимъ корпусамъ занять Княжества, подъ покровительствомъ Россіи находившіяся,—что случалось и прежде нѣсколько разъ,—и вся Европа всполошилась, испугалась за свое равновѣсіе, пришла въ страшное негодованіе и подняла общую войну противъ Россіи.

Спрашивается, какое различіе между занятіемъ Княжествъ и занятіемъ Рима?

Какое различіе между требованіями отъ Неаполитанскаго Короля и требованіями отъ Султана.

Какое различіе между угрозами Персіи и угрозами Турціи?

А предлоги? Неужели требованіе охранныхъ правъ Христіанамъ предосудительнѣе, непозволительнѣе убѣжденій Неаполитанскаго Короля?

Неужели требованіе ноты или сенеда нарушало болѣе верховныя права Султана (столько для Европы драгоцѣнныя), чѣмъ настоящее западное вліяніе въ Константинополѣ?

Что Христіанамъ становилось несносно жить подъ Турецкимъ игомъ, въ этомъ Французы и Англичане удостовѣрились теперь сами, и всѣ ихъ газеты наполнены описаніями мусульманскихъ неистовствъ, совершаемыхъ даже предъ ихъ глазами, послѣ всѣхъ торжественныхъ обѣщаній и обязательствъ. Кому же было, какъ не Императору Николаю, вступиться за своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ?

Австрія только что предъ тѣмъ вступалась за Черногорію: какъ же Россія могла остаться безмолвною?

Но Императоръ Николай имѣлъ другіе замыслы.

Что онъ не имѣлъ никакихъ другихъ замысловъ, доказывается тѣмъ, что онъ занялъ Княжества такимъ малочисленнымъ войскомъ, которое не могло бороться даже съ Турками успѣшно.

Что онъ не имѣлъ никакихъ другихъ замысловъ, доказывается тѣмъ, что нигдѣ, никакихъ приготовленій имъ не было сдѣлано, ни въ оружіи, ни въ запасахъ, ни въ составѣ войска.

Что онъ не имѣлъ никакихъ другихъ замысловъ, доказывается тѣмъ, что онъ не пользовался Европейскими смутами 1848 года, когда могъ дѣлать на Востокѣ и съ Востокомъ что угодно.

Но Россія вообще имѣетъ заднія мысли.

Положимъ такъ, но какое же Европейское государство не имѣетъ своихъ заднихъ мыслей. Развѣ не имѣетъ ихъ Франція, Пруссія, Англія, Австрія, Германія? У всякаго государства есть свои заднія мысли, внушаемыя ему его Исторіей или природою, но никто не въ правѣ подвергать его за то инквизиціонной пыткѣ или наказанію.

Согласимся: и дѣйствія, и предлоги нынѣшніе не выдерживаютъ никакого сравненія съ дѣйствіями и предлогами 1851 года. Всѣ Европейскія государства поступаютъ теперь

на разныхъ пунктахъ гораздо сильнѣе, произвольнѣе, чѣмъ поступалъ тогда Императоръ Николай, и оправдываютъ его ipso facto отъ всѣхъ нареканій. Судьба, какъ будто изъ уваженія къ его памяти, подставила имъ нарочно въ такомъ скоромъ времени подобныя обстоятельства для оправданія его даже въ глазахъ Европейской толпы.

Какъ же слѣдуетъ опредѣлить Европейскія дѣйствія, исчисленныя нами въ началѣ нашей статьи?

Очень просто: Европейскія государства дѣйствуютъ, смотря по обстоятельствамъ, согласно съ своими видами, имѣя свои цѣли, кому какъ выгоднѣе.

Точно такъ дѣйствовали они и прежде (то-есть, начавъ войну противъ Россіи), смотря по обстоятельствамъ, согласно съ своими видами, имѣя свои цѣли, кому какъ выгоднѣе.

Станемъ ли осуждать ихъ за то?

Нѣтъ, не станемъ. Есть Русская пословица: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше. Государства также. Жаль только, что они прибѣгаютъ къ разнымъ софизмамъ для объясненія своихъ дѣйствій и къ разнымъ напраслинамъ, съ больной головы да на здоровую, которыми запутываются понятія современныя и приводится въ лишнее затрудненіе Исторія.

Взглянемъ на дѣло простѣе, очистимъ его отъ внѣшняго убранства и доберемся до сущности вещей.

Европа сочла опаснымъ для себя безпрестанно возрастающее могущество Россіи...

Это опасеніе не новое, а передается въ наслѣдство изъ вѣка въ вѣкъ, съ перваго появленія Россіи на политическомъ поприщѣ.

Исторія представляетъ множество доказательствъ, какъ Европа старалась, при всякомъ новомъ столкновеніи, препятствовать Россіи на ея пути.

Сколько было и есть справедливаго въ этихъ опасеніяхъ, разсуждать здѣсь не мѣсто.

При покойномъ Императорѣ Николаѣ, Европа увидѣла

самый благопріятный моментъ осадить (faire retrograder), поразить Россію, какого не было прежде никогда, какого вѣрно и не будетъ послѣ никогда.

Въ чемъ состояли благопріятныя для Европы обстоятельства этого момента?

Не входя въ дальнѣйшее объясненіе, довольно привести здѣсь, что Европа обладала пароходами и желѣзными дорогами, а Россія едва принималась кое-гдѣ за каменныя.

Европа изобрѣла винты, штуцера, особыя пули, пушки, батареи, а Россія довольствовалась оружіемъ прошлаго вѣка, которое, въ добавокъ, стало негоднымъ отъ давняго употребленія.

Сверхъ того, общественное мнѣніе возбуждено было въ послѣднее время въ сильной степени, за вмѣшательство Россіи въ Европейскія дѣла (якобы), противъ прогресса, составляющаго предметъ, столько любезный большинству.

Партіи Польская, Венгерская, республиканская обѣщали тысячи горячихъ волонтеровъ противъ Россіи.

Я не говорю здѣсь о другихъ обстоятельствахъ Россіи, кои обнадеживали Европу въ ея покушеніи—не говорю, потому, что достаточно и сказаннаго въ доказательство, какъ удобно и выгодно было напасть на Россію въ избранное время.

Надо отдать честь Европейской проницательности и государственной мудрости, по старымъ, впрочемъ, понятіямъ.

Англія схватила представившійся случай съ жадностью, привела въ дѣйствіе всѣ пружины со свойственною ей рѣшительностію и силою, двинула свои капиталы—и употребила Францію, чтобъ поразить Россію, точно какъ въ другое время употребляла Россію, чтобъ поразить Францію.

Франція видѣла, разумѣется, эту роль, но находилась въ особыхъ обстоятельствахъ, и имѣла свои разсчеты, которые въ конечномъ результатѣ сошлись съ Англійскими — начать войну съ Россіей.

Англія и Франція предугадали, что Германія съ удоволь-

ствіемъ узнаетъ объ ихъ намѣреніяхъ противъ Россіи, а Австрія приметъ даже, въ крайнемъ случаѣ, ихъ сторону.

Можетъ быть, было и предварительное соглашеніе между ними. Шварценбергъ, задолго до объявленія войны, проговорился, что Австрія удивитъ Европу своею неблагодарностію. Спрашивается, въ чемъ же могла обнаружиться эта неблагодарность, еслибъ не рѣшена была задолго война противъ Россіи. Другихъ столкновеній не предвидѣлось никакихъ.

Австрія считаетъ Россію естественною своею непріятельницею, потому что къ ней издавна влечется сердцемъ, безъ всякаго, впрочемъ, съ ея стороны до сихъ поръ исканія, большая часть Славянскаго народонаселенія въ имперіи Габсбургской. Ничего не желаетъ она болѣе ослабленія и униженія Россіи, какъ матеріальнаго, такъ и моральнаго.

Пруссія, вдали отъ сцены дѣйствій, соглашалась въ первыхъ основаніяхъ съ требованіями западныхъ державъ...

Такимъ образомъ, война морскими державами была рѣшена, и, такъ сказать, застрахована — оставалось получить предлогъ, и Императоръ Николай, на высотѣ своего могущества и величія, вскорѣ его подалъ, какъ мы видѣли, велѣвъ занять Княжества.

Разсмотримъ теперь его положеніе.

Велѣвъ занять Княжества, онъ не думалъ ни о какой войнѣ, какъ выше показано, а хотѣлъ посредствомъ этой демонстраціи кончить начатое дѣло скорѣе, хоть какъ-нибудь.

Привыкнувъ къ скорому исполненію своихъ желаній, онъ не воображалъ ни о какомъ значительномъ сопротивленіи, всего менѣе о сильномъ противъ себя союзѣ. Онъ увѣренъ былъ твердо въ Австріи, не только въ Пруссіи, надѣялся на Англію, и думалъ, что Франція не можетъ выслать сильнаго войска изъ своихъ предѣловъ. Наконецъ, онъ никакъ не полагалъ, чтобъ Европа, получивъ отъ него столько разительныхъ доказательствъ безкорыстія, могла возымѣть какія-нибудь подозрѣнія о чистотѣ его намѣреній!

Разскажу вамъ здѣсь откровенно, какъ смотрѣла на заня-

тіе Княжествъ мыслящая часть Русскаго общества. Мы считали все дѣло совершенно пустымъ, и думали, что оно послѣ Валахской демонстраціи кончится требуемымъ сенедомъ. Мы роптали, что вмѣсто этой демонстраціи не объявлена была прямо война и не начаты наступательныя дѣйствія. Мы потеряли бы всотеро меньше, и успѣхъ былъ бы обезпеченъ задолго до прибытія союзныхъ флотовъ. Рыцарская честность Императора Николая думала иначе, и время показало, кто былъ правъ.

Пока мы стояли праздно въ Княжествахъ, въ надеждѣ кончить дѣло полюбовно, Англія и Франція прислали въ Черное море такой флотъ, какого не видалъ до сихъ поръ свѣтъ.

Австрія заключила договоръ съ морскими державами. Сардинія явилась съ своею помощью. Пруссія не шла противъ насъ, но и не принимала нашей стороны въ такой степени, чтобъ можно было грозить ею или надѣяться на нее.

Императоръ Николай пришелъ внѣ себя отъ удивленія. Ударъ за ударомъ поражалъ его прямо въ сердце. Безпрестанно онъ долженъ былъ получать удостовѣренія въ ошибочности прежнихъ своихъ убѣжденій, въ обманчивости своихъ прежнихъ надеждъ. Европейскія газеты разразились громомъ, какъ будто бъ онъ былъ главнымъ виновникомъ войны, грозившей потрясти все зданіе Европейское!

Гдѣ появлялись враги, вездѣ ихъ было больше, потому что безъ дорогъ войска наши не могли поспѣвать имъ на встрѣчу и охранять границы, на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ.

Наконецъ, среди проволочекъ о мирѣ, который для обаянія былъ показываемъ изъ-подъ полы, то съ той, то съ другой стороны, снарядилась экспедиція въ Крымъ; оставленный почти безъ защиты (потому что вылазка считалась невозможною), съ Севастополемъ, открытымъ по сухому пути, съ Азовскимъ моремъ, открытымъ чрезъ проливъ.

Обнаружились, впрочемъ, нѣкоторыя движенія и въ нашу пользу: въ Греціи и между Славянами. Многіе Русскіе ста-

рались убѣдить Государя содѣйствовать движенію единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, какъ единственному средству кончить войну съ честію и пользою. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ ни чьей помощи: онъ, осажденный, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ, находясь въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, боялся подать поводъ къ Европейской революціи, не хотѣлъ перемѣнить своей системы, стыдился сдѣлать уступку противъ прежняго образа дѣйствій, и все еще надѣялся устоять съ однѣми своими матеріальными силами. А всякая почта привозила ему извѣстія, одного другаго прискорбнѣе. Кровь лилась повсюду. Берега опустошались въ Новой Россіи, въ Крыму, на Кавказѣ, по Бѣлому морю, даже въ Камчаткѣ. Припасы истощались. Недостатки прежней системы обнаруживались безпрестанно разительнѣе. Усилія враговъ доходили до невѣроятности. Каждый день бросалось въ Севастополь по сту тысячь бомбъ, гранатъ, ядеръ и картечь. Не было никакихъ силъ человѣческихъ держаться, и только Русскій духъ служилъ еще преградою вражескому натиску.

Состояніе Императора Николая было самое трагическое. Съ этой точки Европа на него еще не посмотрѣла. Что онъ перечувствовалъ въ эти два-три года, того не многимъ досталось перечувствовать на землѣ. Развѣ только Наполеонъ I можетъ быть сравниваемъ съ нимъ своими муками на островѣ св. Елены. Для насъ было ясно, что онъ проживетъ недолго, и въ самомъ дѣлѣ онъ палъ на третій годъ, подъ бременемъ вызванныхъ имъ безъ умысла обстоятельствъ: легкаго дуновенія вѣтра достаточно было, чтобъ сломить этотъ коренастый дубъ, подточенный внутренними неусыпными червями.

Сынъ ставитъ ему памятникъ. Европа должна поставить памятникъ ему, вѣрному стражу Европейскаго порядка, удержавшему потокъ революціи 1848 года, спасшему Австрію, предотвратившему междоусобіе въ Германіи, приносившему въ жертву всѣ собственные, Русскіе интересы Европейскому спокойствію.

Между тѣмъ, морскія державы устали, а цѣль войны была

отчасти достигнута; Францiя озарилась славою и заняла первое мѣсто въ системѣ Европейскихъ государствъ, флотъ Русскiй сожженъ, главнѣйшая крѣпость разрушена, къ удовольствiю Англiи; границы отброшены отъ Дуная, къ удовольствiю Австрiи; влiянiе Россiи на Востокѣ парализовано.

Положено было кончить или по крайней мѣрѣ прекратить войну на неопредѣленное время. Новый Государь Русскiй, съ своей стороны, пожелалъ подарить миръ народу, подвергшемуся нападенiямъ неожиданнымъ, истощенному безпримѣрными жертвами,—и согласился на предложенныя условiя.

Европа достигла своей цѣли, исполнила свое желанiе. Время покажетъ, какую пользу получитъ она отъ этого удара, который нанесла Россiи. Время покажетъ, что́ прiобрѣла Австрiя и Германiя, и надолго ли обезпеченъ успѣхъ Францiи и Англiи.

Вотъ безпристрастное, и, смѣю думать, близкое къ правдѣ, если не совсѣмъ безошибочное, изложенiе хода дѣлъ Европейскихъ за послѣднее время, какъ оно представляется намъ, смиреннымъ гражданамъ Московскимъ.

Европейскiя государства, повторяю, дѣйствовали въ Турцiи, и дѣйствуютъ теперь на другихъ сценахъ, согласно съ своими выгодами, какъ онѣ имъ представились и представляются.

Но представляются имъ эти выгоды, прибавимъ здѣсь нѣсколько словъ кстати, все еще съ прежней точки зрѣнiя, по давнимъ понятiямъ, по старой системѣ, которая, по нашему мнѣнiю, отжила свой вѣкъ.

Не нужно объяснять, что́ мы разумѣемъ подъ старою системою...

Старая система, несовмѣстная съ образованiемъ вѣка, и недостойная христiанскихъ народовъ! Не пора ли перемѣнить ее на другую, новую: живи всякiй кому какъ лучше, развивай свои способности, пользуйся всѣми благодѣянiями Божiими, какъ умѣешь. Помогая другъ другу, мы всѣ уйдемъ гораздо далѣе впередъ, чѣмъ вредя и мѣшая себѣ взаимно.

Если бы десять милліардовъ, въ которые обошлась прошедшая война воевавшимъ и невоевавшимъ державамъ, употребить, съ общаго согласія, на обширную Европейскую колонизацію, сколько бы добра снискала Европа, покоривъ своей власти остальную Азію и Африку, приготовивъ новые для себя рынки, избавясь отъ лишняго народонаселенія, пристроивъ къ мѣсту несчастныхъ своихъ пролетаріевъ!

Вмѣстѣ съ такимъ образомъ дѣйствій во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ между собою, новая система требуетъ отъ государствъ, заключающихъ въ себѣ разнородныя племена, покровительства національностямъ и совершеннаго уравненія ихъ во всѣхъ правахъ съ господствующими народами. Только такимъ образомъ могутъ они предохранить себя на будущее время отъ всякихъ тревогъ.

Внутренній образъ правленія въ государствахъ не принадлежитъ къ содержанію моего письма.

Вотъ какъ мы думаемъ о настоящихъ дѣлахъ міра сего, почтенный редакторъ, мы, Русскіе, по вашему мнѣнію, варвары, которыхъ вы хотѣли осадить еще назадъ на двѣсти лѣтъ! Видите ли какого добра желаемъ мы искренно и сердечно не только для друзей своихъ, но и для враговъ, для общаго спокойствія, для преуспѣянія человѣческаго, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ.

А чего желаемъ мы своему любезному Отечеству? Мы, благодарные Европѣ за данный намъ толчокъ, за новый вразумительный урокъ, желаемъ Россіи на долю совершеннаго спокойствія и уединенія, и утѣшаемся дѣйствіями нынѣшняго нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое, кажется, вполнѣ постигло свою задачу... Мы думаемъ, что всякое новое учебное заведеніе, лишнее пространство хорошо устроенной дороги, удачное замѣщеніе той или другой должности, важнѣе для насъ всѣхъ дипломатическихъ сношеній. Пусть Европа дѣлаетъ, что̀ ей угодно: честь была предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ! Мы думаемъ, что внутреннее устройство, согласное съ требованіемъ вѣка, согласное съ высотою, на ко-

торой стоятъ настоящія Европейскія отношенія, по крайней мѣрѣ въ мысли просвѣщенныхъ и человѣколюбивыхъ дѣтей, важнѣе для насъ всякихъ пріобрѣтеній. Насъ довольно однихъ: семьдесятъ милліоновъ, да земли на 700, и чего хочешь, того просишь! Намъ ничего не нужно, кромѣ того порядка, котораго предки наши искали за моремъ, говоря Рюрику въ 862 году: *Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ!...*

Чтобъ убѣдить васъ еще болѣе въ Русскомъ безпристрастіи, которое составляетъ не только нашу добродѣтель, но даже нашъ порокъ, я скажу вамъ въ заключеніе, почему газета ваша имѣетъ въ Россіи не столько подписчиковъ, сколько вы ожидали. Потому, что она считается слишкомъ къ намъ расположенною: мы хотимъ отъ васъ слышать больше правды, чѣмъ оправданій. Чѣмъ больше будете вы говорить этой правды, безъ желчи, безъ ненависти, какъ дѣлаютъ другіе, а съ добрымъ намѣреніемъ, отъ души, тѣмъ больше найдете у насъ сочувствія. А въ Европѣ ваша прекрасная газета можетъ увеличить число подписчиковъ, когда будетъ помѣщать болѣе дѣльныхъ свѣдѣній о Россіи, которыхъ у васъ все-таки не достаетъ. Соедините эти два условія, и я предрекаю вамъ блистательную будущность: всѣ Европейскія газеты болѣе или менѣе пристрастны, пишутъ въ угоду тому или другому правительству, той или другой партіи, тому или другому образу мыслей. Безпристрастіе и независимость—вотъ что должно быть написано четкими буквами на знамени *Le Nord*, и видимо-невидимо Европейскаго народа подъ него соберется.

Прошу васъ напечатать мою статью безъ перемѣнъ. Подписывающему подъ ней (какъ и подъ всѣми своими статьями, печатными и рукописными въ Россіи) свое имя, мнѣ было бы непріятно отвѣчать за чужія мысли" [49]).

IX.

Погодинъ, желая со своею статьею познакомить и Россію, задумалъ напечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* переводъ ея. Московскій Цензурный Комитетъ, затрудняясь разрѣшить напечатать этотъ переводъ, отправилъ его въ корректурѣ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Когда эта корректура была получена въ Министерствѣ, то директоръ Канцеляріи министра, 25 апрѣля 1857 года, обратился къ товарищу министра князю П. А. Вяземскому съ слѣдующимъ запросомъ: „Угодно ли будетъ вашему сіятельству послать прилагаемую статью, относящуюся къ политикѣ, по заведенному порядку,—къ члену Главнаго Управленія Цензуры по дипломатической части, барону Бюлеру“? На этомъ запросѣ князь П. А. Вяземскій собственноручно написалъ карандашомъ: *Очень хорошо.*

Вышеприведенное письмо Погодина произвело на нѣкоторыхъ, но далеко не на всѣхъ, благопріятное впечатлѣніе. Прежде всего оно понравилось г. Поггенполю, и онъ, 25 апрѣля 1857 года, писалъ Погодину: „Только что возвратившись изъ Парижа, мнѣ невозможно было до сихъ поръ отвѣчать на вашу добрую и ласковую записку, сопровождавшую письмо ваше. Письмо это, хотя оно и писано въ ноябрѣ прошлаго года, я напечаталъ цѣликомъ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ или прибавленій, по вашему желанію. Вы себѣ представить не можете, какое страшное впечатлѣніе произвело въ Европѣ это письмо. Смѣлая, откровенная Русская рѣчь въ первый разъ была услышана Европой, и со всѣхъ сторонъ пишутъ мнѣ о возбужденномъ вашимъ письмомъ сочувствіи къ Русскому образу мыслей. Многіе журналы, даже *Новая Прусская Газета*, перепечатали или перевели письмо ваше. Что́ вы говорите въ концѣ этого письма о дѣльныхъ статьяхъ о Россіи, этимъ же письмомъ было и доказано. Вотъ этакихъ-то писемъ Русскіе почаще

писали бы *Сѣверу*, и тогда Россія откроется Европѣ, какъ она есть, а не какъ ее себѣ Европейцы представляютъ. Душевно, искренне благодарю васъ, что не забыли вами обѣщаннаго, и совершенно убѣжденъ, что *Письма Погодина къ Сѣверу* будутъ эпохой въ знакомствѣ и сближеніи Европы съ Россіей. Вы говорите о дѣльныхъ статьяхъ о Россіи. Да кто-же можетъ ихъ писать, какъ не Русскіе, а Русскіе мнѣ не пишутъ. Вы одни, изо всѣхъ къ кому я обращался, рѣшились помочь мнѣ, и пусть громадный успѣхъ вашего письма послужитъ урокомъ и Европейцамъ, и Русскимъ. Пишите, ради Бога, пишите. На первый разъ вы написали длинное письмо. Не стѣсняйте себя размѣромъ. Пишите только почаще, хоть и гораздо короче. Теперь настоящій моментъ. Огромное предпріятіе Русскихъ желѣзныхъ дорогъ сближаетъ Европу съ Россіей. Пусть же Европейцы знаютъ, что не по варварской странѣ проведутся эти дороги. Сверхъ этихъ писемъ вашихъ, у меня есть до васъ всепокорнѣйшая просьба. Напишите мнѣ, пожалуйста, мнѣ лично, что думаютъ въ Россіи Русскіе практическіе люди о желѣзныхъ дорогахъ, уступленныхъ Компаніи, какія находятъ въ условіяхъ и уставѣ недостатки и какія, по мнѣнію Русскихъ, можно сдѣлать улучшенія или перемѣны. Это для меня *чрезвычайно важно*. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Парижскими акціонерами Компаніи, господа эти просили меня узнать, какой слѣдуетъ избрать путь для скорѣйшаго распространенія акцій въ Россіи. Недовѣріе и даже ненависть къ Россіи еще сильны въ Западной Европѣ, и Парижскіе акціонеры совершенно убѣждены, что успѣхъ этого громаднаго предпріятія возможенъ только при основательномъ знаніи мнѣнія Русской публики, которое, при ограниченной свободѣ печатанія, имъ невозможно почерпать изъ Русскихъ журналовъ. Смѣю надѣяться, что и въ этомъ случаѣ вы не откажете въ просьбѣ моей, и увѣдомите меня о чемъ я васъ прошу. Этимъ вы окажете истинную услугу Отечеству въ этомъ важномъ для Россіи предпріятіи. Пожалуйста, не за-

будьте этой просьбы и понавѣдайтесь, гдѣ слѣдуетъ. Вы такъ снисходительны ко мнѣ и къ моему дѣтищу—*Сѣверу*, что я осмѣливаюсь просить васъ и о другомъ еще: Найдите мнѣ, пожалуйста, въ Москвѣ постояннаго корреспондента, для обыкновенныхъ извѣстій (nouvelles et faits divers). Пусть онъ пишетъ, хоть не болѣе одного раза въ недѣлю, коротенькое письмецо о Московскихъ и губернскихъ новостяхъ. Я знаю, что найти въ Россіи Русскаго корреспондента для иностраннаго журнала—не очень легко. Я получилъ въ разное время нѣсколько пробныхъ писемъ, и поневолѣ принужденъ былъ отказаться, потому что всѣ эти письма были слишкомъ похожи на министерскія отношенія или донесенія, и были писаны такимъ казеннымъ слогомъ и въ такомъ чиновническомъ духѣ, что право трудно было изъ подобныхъ матерьяловъ составить порядочную корреспонденцію. Найдите мнѣ, пожалуйста, хорошаго или даже сноснаго корреспондента. Я вамъ вѣчно буду благодаренъ. Пусть онъ пишетъ на какомъ угодно языкѣ, только писалъ бы дѣльно. Выраженное вами мнѣніе о дѣльныхъ статьяхъ о Россіи чрезвычайно основательно, и я радъ, что сошелся съ вами и на этомъ пунктѣ. Вотъ уже около полугода, какъ я обратился ко многимъ изъ бывшихъ товарищей моихъ, къ нѣкоторымъ профессорамъ и литераторамъ, и изо всѣхъ вы одни осчастливили меня отвѣтомъ. Я совершенно съ вами согласенъ, что *Сѣверу* предстоитъ блестящая карьера; особенно въ Россіи можетъ онъ достигнуть огромнаго числа подписчиковъ. Но для этого необходимо имѣть въ главныхъ центрахъ Россіи хорошихъ корреспондентовъ и этимъ заинтересовать Русскую публику, въ Казани, Харьковѣ, Кіевѣ, на Кавказѣ, на Черномъ морѣ и въ Сибири.—Вотъ откуда мнѣ особенно хотѣлось бы получать постоянныя письма, хоть разъ только въ мѣсяцъ. Не можете ли вы мнѣ и тутъ помочь. Ей Богу, только на васъ однихъ основана вся моя надежда. У васъ вѣрно есть пріятели при губернскихъ университетахъ. Неужели никто изъ нихъ не захочетъ принять участіе въ томъ

журналѣ, въ которомъ вы подписываете письма ваши. Этого быть не можетъ. Я увѣренъ, что на призывъ вашъ отзовутся многіе голоса въ Россіи. Попробуйте, пожалуйста. Громадный успѣхъ перваго письма вашего заденетъ многихъ за-живое. Повторяю: на васъ однихъ вся моя надежда. Не откажите мнѣ въ моей покорнѣйшей просьбѣ. Позвольте мнѣ еще разъ и тысячу разъ благодарить васъ за ваше первое и, смѣю надѣяться, не послѣднее письмо. Если бы всѣ корреспонденты *Сѣвера* могли бы понять, подобно вамъ, что *Сѣверъ* не органъ Русскаго Правительства, но Русской національности, равно какъ и національности другихъ народовъ, то слова ваши сбылись бы въ короткое время, и видимо-невидимо Европейскаго народа стеклось бы подъ знаменемъ *Сѣвера*. Вы совершенно правы, и я счастливъ, что сошелся съ вами въ одной и той же мысли: *безкорыстіе и безпристрастіе* должны быть руководителями *Сѣвера*, журнала преимущественно *международнаго*, а не органа какого бы то ни было правительства, какой бы то ни было партіи. Благодарю за выраженную вами смѣло мысль эту, благодарю за ваше хорошее мнѣніе о *Сѣверѣ*, благодарю за урокъ, вами данный. Пишите, ради Бога, пишите, и почаще, если возможно; чѣмъ вы совершенно осчастливите глубоко уважающаго васъ и совершенно преданнаго...“

Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 9 мая 1857 года, Погодинъ записалъ: „Аксаковъ и Тютчевъ о дѣйствіи Сѣвернаго письма на Государя“.

Нордовское письмо Погодина произвело также сильное впечатлѣніе на графиню Е. П. Ростопчину, и она изъ своего Воронова, 16 іюля 1857 года, написала ему слѣдующее замѣчательное письмо: „И до меня дошло ваше превосходное, родное, умное, дѣльное, вполнѣ Русское, въ добромъ смыслѣ слова, *Письмо къ редактору Le Nord*. Мнѣ уже было говорено о немъ въ Петербургѣ, и не такъ, какъ слѣдуетъ, а вкривь и вкось; мнѣ говорили только, что вы отъ имени Россіи просите *Le Nord* быть менѣе щедрымъ на похвалы,

а говорить больше правду. И это уже хорошо,—но что меня тронуло, умилило, это ваша рѣчь, ваши выраженія о покойномъ Государѣ. Теперь вошло въ гнусную моду ругать его на-повалъ, какъ будто въ отмщеніе за то, что такъ долго его боялись! Тридцать лѣтъ кадили, льстили и подлипали человѣку такъ, что ввели его въ искушеніе и опоили чадомъ гордости, а чуть его не стало, и давай топтать въ прахъ эту великую и *честную* память, въ подтвержденіе безсмертной басни о умирающемъ львѣ. Еще поразила меня своею вѣрностью та мысль, что наше дѣло теперь сторона, что намъ слѣдуетъ уединиться, не дружась и не сводя дружбы, да и не дразня никого; это я давно думаю и говорю, да и князь Горчаковъ, кажется, придерживается того же мнѣнія въ знаменитой фразѣ: „*La Russie ne boude pas, elle se recueille*". Да, мы особнякъ, и должны оставаться особнякомъ, заботясь только о себѣ самихъ и собственномъ благоустройствѣ. А каковъ Мадзини? Будете ли упрекать меня въ моей враждѣ къ этимъ мерзкимъ, трусливымъ и безсовѣстнымъ соціалистамъ, которые портятъ всѣ лучшія стремленія настоящихъ преобразователей, жертвуютъ сотнями невинныхъ сообщниковъ, льютъ чужую кровь, чужими руками жаръ загребаютъ, а сами спокойно сидятъ себѣ у моря и ждутъ погоды? А *наши* поѣхали на поклонъ. Хороши".

Познакомившись съ письмомъ Погодина, графъ П. Х. Граббе, подъ 11—13 апрѣля, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Статья Погодина въ Le Nord умная и замѣчательная даже тѣмъ, что у насъ пропущена. Статья, хорошо написанная, Погодина основана на томъ предположеніи, что Императоръ Николай вовсе не помышлялъ о войнѣ съ Турціей и потому взятъ былъ врасплохъ, когда союзники явились на защиту ей. Всѣ выводы автора статьи сооружены на этомъ началѣ и потому рушатся и падаютъ сами собою въ глазахъ тѣхъ, которые знаютъ, что Императоръ имѣлъ точно замыслы на Константинополь, но полагалъ время и обстоятельства для приступа не благопріятными, и если, когда дошло дѣйстви-

тельно до войны, оказался вовсе неготовымъ, даже до недостатка въ порохѣ, оружіи и многомъ, то на это есть совсѣмъ другія причины въ его характерѣ, въ его управленіи, въ выборѣ людей лежавшія. Историческія изслѣдованія въ свое время это докажутъ".

На великаго же князя Константина Николаевича Нордовская статья Погодина произвела самое неблагопріятное впечатлѣніе, и авторъ ея имѣлъ несчастіе получить отъ него слѣдующій немилостивый рескриптъ (отъ 26 іюня 1857 г.): „Возвращая прилагаемую записку, я повторяю, что вовсе не раздѣляю изложенныхъ въ ней главныхъ мыслей и не вижу пользы отъ напечатанія оной въ *Le Nord*. По этому предмету напечатаны заграницей тысячи книгъ и книжонокъ, и я не вижу пользы возбуждать вновь толки по вопросу, рѣшенному силою обстоятельствъ. Полагаю, что Русскій историкъ могъ бы найти въ особенностяхъ народной жизни Русской много предметовъ, съ которыми было бы полезнѣе знакомить иностранцевъ чрезъ посредство *Le Nord*, и что въ ходѣ историческихъ событій на Руси было многое, что̀ достойно вниманія и удивленія людей мыслящихъ и что̀ невольно должно возбуждать уваженіе къ Россіи и доказывать иностранцамъ, что нельзя судить Исторію и современную жизнь по общепринятымъ на Западѣ правиламъ и формуламъ. Вотъ роль, достойная тѣхъ лицъ, которые называютъ себя *служителями Исторіи*, и которые на этомъ основаніи присвоиваютъ себѣ право учить другихъ. *Константинъ*" [50]).

О впечатлѣніи, какое произвелъ этотъ рескриптъ на Погодина, можно судить по записи его *Дневника*, подъ 28 іюня 1857 года: „Гулялъ (по своему саду) съ удовольствіемъ. Письмо отъ Константина Николаевича преоскорбительное и ужасное. Каково? Думалъ объ отвѣтѣ".

Вслѣдствіе сего, у Погодина завязалась непріятная переписка съ А. В. Головнинымъ, котораго *подозрѣвалъ* [51]).

Еще прежде того Погодинъ былъ недоволенъ Головнинымъ за неисполненіе имъ какихъ то порученій его за границей,

и Головнинъ одновременно съ рескриптомъ написалъ Погодину оправдательное письмо. „Я не могъ“, писалъ онъ, „сдѣлать за границей никакихъ распоряженій насчетъ вашихъ книгъ, ибо былъ въ Лейпцигѣ не одинъ, а съ Его Высочествомъ и при томъ только полчаса. При томъ вы крайне стѣснили меня, написавъ Фоссу, что онъ войдетъ чрезъ меня въ сношеніе съ Дворомъ, чего я никакъ не могъ обѣщать ему. Въ прошедшемъ году, будучи въ Дрезденѣ одинъ, я предложилъ ему письменно послать книги консулу въ Штетинъ на имя Канцеляріи Его Высочества. Не знаю, почему онъ тогда не исполнилъ этого, а теперь уже поздно. Повѣрьте, что путешествуя въ свитѣ Великаго Князя и передѣваясь въ день десять разъ и отвѣчая на стодвадцать писемъ въ день, нѣтъ физической возможности исполнять разныя коммиссіи. Доказательство, что во все путешествіе я ничего не купилъ, ни для себя, ни для родныхъ. Искренно сожалѣю что вы хвораете, тѣмъ болѣе, что со времени возвращенія домой я постояно боленъ“.

На письмо же Погодина, по поводу рескрипта къ нему Великаго Князя, Головнинъ, изъ Стрѣльны, отъ 23 іюля 1857 года, отвѣчалъ: „Письмо ваше, отъ 4 іюля, получилъ и приложенный пакетъ доставилъ Великому Князю. Рѣшительно не понимаю, за чтó вы прогнѣвались.

Вы пишете:	*Отвѣчаю:*
„Неужели частныя сообщенія и вразумленія не позволительны“?	Неужели Великій Князь, прочитавъ вразумленіе, не можетъ сказать, что онъ мнѣніе вразумителя не раздѣляетъ.
„Вы должны доставить книги, ибо вызвались сами, дали слово“.	Я *не* вызывался и *не* давалъ слова, а обѣщалъ сдѣлать, чтó могу и *чтò могъ*, то *дѣлалъ*, а болѣе ничего не могу сдѣлать.

„Богъ съ вами, сильные міра сего“!

Богъ съ вами, щекотливыя самолюбія, которымъ нельзя сказать, что не раздѣляешь ихъ мнѣніе.

Вотъ все, что могу сказать вамъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ. Не взыщите за откровенность и повѣрьте, что со стороны Его Высочества она есть лучшее доказательство уваженія. Я вижу это каждый день. Еслибъ онъ не уважалъ васъ, то не сталъ бы писать самъ, а приказалъ бы гофмаршалу отвѣчать вѣжливыми фразами. Сверхъ того, онъ весьма ясно выразилъ, чего ожидаетъ отъ васъ“.

Это письмо Головнина не было оставлено Погодинымъ безъ отвѣта, и отвѣтъ сей вызвалъ другое письмо Головнина, отъ 5 августа, и тоже изъ Стрѣльны, въ которомъ читаемъ: „Грозное письмо ваше, въ которомъ объявляете, что и дѣтямъ вашимъ завѣщаете не имѣть дѣло съ Дворомъ, я получилъ и, признаюсь, не могъ прибрать закона правды и справедливости, на которомъ основываете эту статью завѣщанія вашего. Дворъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ многихъ сотъ человѣкъ, а навлёкъ на себя вашъ гнѣвъ одинъ я. За что же съ остальными, изъ коихъ многіе на меня вовсе не похожи, дѣтямъ вашимъ не имѣть дѣла? Этого никакъ не пойму. Когда женюсь и будутъ у меня дѣти, я напишу слѣдующую статью въ мое завѣщаніе: „Любезныя мои дѣти! Если вамъ случится быть знакомыми съ Московскими историками и по какому-либо предмету быть разнаго съ ними мнѣнія, то не мѣняйте вашего убѣжденія, доколѣ не увѣритесь, что оно ошибочно, и не скрывайте онаго; если же помянутые историки на васъ прогнѣваются и будутъ дуться, по слабости человѣческой природы, то тѣмъ не менѣе продолжайте уважать и любить ихъ, ибо трудами своими они много послужили Россіи и въ Исторіи останутся ихъ имена, когда объ васъ только что газеты скажутъ: выѣхалъ въ Ростовъ“. Въ заключеніе остается только сказать, что рукописи Савельева и отзывъ вашъ Великій Князь получилъ и вслѣд-

ствіе отзыва рѣшилъ статью Савельева не печатать. Его Высочество весьма благодаренъ вамъ за трудъ разсмотрѣнія".

Для разъясненія заключенія этого письма, замѣтимъ, что до рескрипта, отъ 27 іюня, Погодинъ имѣлъ счастіе получить отъ Великаго Князя Константина Николаевича рескриптъ, отъ 14 іюня, слѣдующаго содержанія: „Препровождая вашему превосходительству, полученную мною отъ вдовы члена Русскаго Географическаго Общества Савельева, оставшуюся послѣ него рукопись, подъ заглавіемъ: *Пути Провидѣнія въ судьбахъ Россіи и Польши*, прошу васъ принять на себя трудъ, въ особенное мнѣ удовольствіе, прочесть это сочиненіе и съ возвращеніемъ онаго, сказать мнѣ ваше мнѣніе о немъ, за что буду весьма вамъ благодаренъ. *Константинъ*".

Подъ 30 сентября 1857 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Никита Крыловъ съ извѣстіемъ, что ждутъ въ Петербургѣ реакціи, что Константинъ Николаевичъ показываетъ себя уже иначе. Это согласно съ письмомъ его ко мнѣ. Грустно"!

Въ то время, когда Погодинъ велъ непріятную переписку съ А. В. Головнинымъ, онъ какъ бы въ награду за свою политическую дѣятельность въ прошлую войну, которую такъ еще недавно высоко цѣнилъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ и его сотрудникъ А. В. Головнинъ, получаетъ слѣдующее письмо (22 іюля 1857 года), отъ достопочтеннаго Соловецкаго архимандрита Александра: „Будучи проѣздомъ въ Москвѣ, въ 1855 г., я непремѣнно желалъ представиться вашему превосходительству, но Господь не судилъ мнѣ этимъ счастіемъ, хотя я и былъ въ домѣ вашемъ. Приношу вашему превосходительству въ благословеніе икону Преподобныхъ Отецъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, на ихъ святыхъ мощахъ освященную, просфору о здравіи вашемъ, хлѣбъ благословенный со всенощной, и двѣнадцать ложечекъ,—труды старцевъ Соловецкихъ. Покорнѣйше прошу принять отъ усердія съ любовію вашему

превосходительству приносимое. Съ чувствомъ глубочайшей признательности приношу вашему превосходительству мою искреннѣйшую благодарность, за вашу прекрасную бесѣду о нападеніи Англичанъ на святую Соловецкую Чудотворную Обитель *). Этотъ подробный, утѣшительный, назидательный, драгоцѣнный перлъ, пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ, не только для Соловецкой обители—которая за васъ молится, но и для всей Россіи. Я не въ силахъ выразить вашему превосходительству за эту божественную для Соловецкихъ старцевъ бесѣду, другой благодарности и признательности, какъ только пожелать: да будутъ ваши родители награждены Царствіемъ Небеснымъ за такого прекраснаго сына Михаила, да будетъ ваше потомство благословляемое и прославляемое и Богомъ, и людьми, въ родъ и родъ, до скончанія вѣка! По предложенію покойнаго графа Николая Александровича, бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода, я осмѣлился послать вашему превосходительству, въ 1855 г., портретъ мой изъ С.-Петербурга, не удаченъ; въ Москвѣ продаютъ и того хуже; въ семъ году мнѣ прислали изъ С.-Петербурга новые съ моею подписью, удачные,—осмѣлился бы послать вашему превосходительству, но съ условіемъ: пришлите мнѣ вашъ портретъ для Соловецкой обители. Господь силъ да будетъ съ вами" [52])!

X.

„По внушенію" воспитательницы великой княжны Маріи Александровны, Анны Ѳедоровны Тютчевой, какъ свидѣтельствуетъ Оомъ, въ воспитатели къ Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу былъ приглашенъ Владиміръ Павловичъ Титовъ, занимавшій въ то время постъ нашего посланника въ Штутгартѣ.

Въ Дневникѣ П. А. Валуева, мы читаемъ: „Въ іюнѣ

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Петербургъ. 1899. XIII, 53—66.

(1856) князь П. А. Вяземскій гостилъ у насъ, въ Митавѣ, восемь дней. Отъ него слышалъ утѣшительныя вѣсти на счетъ воспитанія нынѣшняго Цесаревича Николая Александровича. Воспитателемъ назначается В. П. Титовъ. Предполагается посѣщеніе университетскаго курса, за тѣмъ временное занятіе административной должности, напримѣръ, генералъ-губернаторской и т. п.“.

Замѣчательно, что на мѣсто воспитателя Наслѣдника Русскаго престола претендовалъ также и Погодинъ.

Въ своихъ *Воспоминаніяхъ о графѣ С. Г. Строгоновѣ*, Погодинъ писалъ: „Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II-го, обстоятельства для графа С. Г. Строганова перемѣнились, и онъ поднялся. Разумѣется, онъ не опустилъ, какъ мнѣ кажется, ни одного случая мнѣ вредить, а они могли встрѣчаться часто въ Зимнемъ Дворцѣ или Царскомъ Селѣ. Однажды цѣлый мѣсяцъ шло тамъ, какъ я слышалъ, разсужденіе, кого назначить воспитателемъ къ Наслѣднику: меня или Титова. Титовъ взялъ верхъ“.

Въ *Дневникѣ* А. В. Никитенко, подъ 23 ноября 1856 года, читаемъ: „Вечеръ у князя Щербатова. Былъ, между прочими, и В. П. Титовъ. Мы долго говорили. Онъ человѣкъ умный и живой. Говорятъ, его назначаютъ въ наставники къ Наслѣднику. Этотъ выборъ, кажется, недуренъ. В. П. Титовъ, повидимому, любитъ науку и просвѣщеніе“ [53]).

Когда о назначеніи Титова, узналъ Погодинъ, то ему пришла счастливая или несчастная мысль написать своему старому другу наставительное письмо.

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 8 и 10 декабря 1856 года, отмѣчено: „Принялся за письмо къ Титову. Набросалъ къ Титову съ блистательными выходками. Пересмотрѣлъ письмо къ Титову“.

Такимъ образомъ, въ минуту назначенія Титова наставникомъ къ сыновьямъ Государя, Погодинъ написалъ ему слѣдующее письмо:

„Съ особеннымъ удовольствіемъ услышалъ я, любезнѣйшій

Владиміръ Павловичъ, о твоемъ назначеніи и рѣшился тотчасъ написать къ тебѣ это письмо по дѣлу, столько близкому къ сердцу всякаго Русскаго, любящаго свое Отечество.

Много думалъ я на своемъ вѣку о воспитаніи, и тысячи дѣтей, юношей, прошли предъ моими глазами, выросли, и уже старѣются! Я хочу подѣлиться съ тобою моими многолѣтними опытами, увѣренный, что ты скажешь мнѣ спасибо, и удобное къ исполненію употребишь въ дѣло, а прочее отложишь спокойно въ сторону. Тридцатилѣтняя слишкомъ наша дружеская связь даетъ мнѣ право говорить съ тобою безъ обиняковъ, искажающихъ у насъ всякія сношенія, и общественныя, и частныя.

Какъ историкъ, начну съ Исторіи. Знаешь ли, что въ продолженіе полутораста лѣтъ во всемъ Русскомъ Царствѣ никто не воспитывался, кажется, случайнѣе, чтобъ не сказать иначе, безцѣльнѣе, наслѣдниковъ престола. Крестьянскій сынъ пріучается съизмаленька пахать землю, пономаренокъ пищитъ на клиросѣ, купчикъ наметывается въ своей лавченкѣ,—одни только наши наслѣдники не были почти вовсе приготовляемы соотвѣтственно своему назначенію. Какъ воспитывался Петръ III? Кто заботился о Павлѣ? А Константинъ, Николай, Михаилъ? При Александрѣ только мы встрѣчаемъ одно порядочное имя Лагарпа, но Лагарпъ былъ все-таки французъ XVIII вѣка, и походилъ на Крыловскаго орла. Что принадлежало Муравьеву *), мы не знаемъ основательно, потому что лица, окружавшіе Александра, не оставили намъ никакихъ воспоминаній этого рода изъ его разговоровъ. Изъ учителей и надзирателей послѣдовавшаго времени я встрѣчалъ многихъ, здѣсь и заграницею: это такая посредственность, бездарность и пошлость, что заднимъ числомъ становилось грустно и страшно за ихъ воспитанниковъ. Любознательности не было развито ни у кого, Русскаго языка и Словесности никто не зналъ, читать никто не любилъ. Въ одномъ покойномъ Государѣ было еще болѣе Русскаго эле-

*) Михаилъ Никитичъ. *Н. Б.*

мента, которымъ онъ, впрочемъ, былъ обязанъ единственно себѣ, а не воспитанію. Воспитаніе развивало въ нихъ однѣ способности военныя, и тѣ только въ самой нижней ихъ степени. Между ними не образовалось, вѣдь, ни одного полководца!

Среди моихъ историческихъ разысканій попались мнѣ драгоцѣнныя записки Штелина о воспитаніи Императора Петра III.

...Какая грусть обняла мое сердце, когда я въ первый разъ въ своей уединенной кельѣ на Дѣвичьемъ полѣ, вдали отъ городского шума, читалъ эти роковыя записки. Я видѣлъ, кажется, мальчика, какъ онъ становился на окошко, поднимался на цыпочки, чтобъ посмотрѣть на проходившихъ двадцать-тридцать Голштинскихъ солдатъ! Огонекъ блестнулъ въ его радостныхъ глазенкахъ! Вотъ онъ, вотъ пагубный моментъ, посланный Богомъ въ гнѣвѣ за наши грѣхи, на бѣдное наше Отечество. Вотъ зарожденіе этой несчастной, такъ называемой Голштинской болѣзни, изъ-за которой пролито столько слезъ на Святой Руси?..

Я вспомнилъ тогда, что̀ видѣлъ во время перваго моего путешествія въ Варшавѣ: цѣлый уголъ въ Лазенковскомъ дворцѣ заваленъ былъ жестяными солдатиками, конными и пѣшими, во всякихъ мундирахъ и всѣхъ цвѣтовъ. А Великій Князь Константинъ Павловичъ бѣжалъ изъ дворца самъ-другъ, и не защитила его эта многочисленная армія, что̀ ходила по ниточкѣ ему въ утѣшеніе!

Теперь поговорю съ тобою, какъ педагогъ.

Развитіе однѣхъ какихъ бы то ни было способностей бываетъ всегда вредно, нарушая законное равновѣсіе во всякомъ частномъ человѣкѣ, а въ Государѣ оно гибельно, особенно если относится къ способностямъ столь низкимъ.

Наши дѣти увлекаются обыкновенно шпорами и султанами, эполетами и шарфами. Сто̀итъ часто большого труда отучить ихъ отъ этого расположенія и сообщить другое. А если давать ему пищу, ободрять и даже вмѣнять въ обязан-

ность, что же изъ нихъ выйдетъ? Тутъ уже не спрашивай никакого ученія, не задавай упражненій умственныхъ, а опредѣляй въ службу шестнадцати лѣтъ. Дѣти не хотятъ ничего дѣлать, и съ ними не сладишь.

Это ничего еще, что занятія военныя отнимаютъ время. Но онѣ наполняютъ голову лишними образами, которыми заслоняются—оттѣсняются другіе нужнѣйшіе; онѣ заставляютъ биться юное сердце не отъ того, отъ чего оно должно биться, онѣ доставляютъ удовольствіе, которое должно беречь для чистѣйшихъ источниковъ, онѣ производятъ равнодушіе къ благороднѣйшимъ умственнымъ занятіямъ, мѣшаютъ всякой сосредоточенности, притупляютъ высшія способности, разрываютъ теченіе времени, поворачиваютъ мысли молодого человѣка въ другую сторону.

Глазъ изострится видѣть движеніе ногъ или плечъ, подмѣчать малѣйшее ихъ уклоненіе отъ назначенной линіи, а ухо непремѣнно притупѣетъ слышать прочіе звуки, и привычка требовать исполненія, лишь только выговорится приказъ, перенесенная въ гражданскія сферы, совершенно различныя, произведетъ великое разстройство повсюду. Способности человѣческія таинственно дѣйствуютъ одна на другую.

Приведу тебѣ еще примѣръ въ доказательство моей мысли, какъ вредно занимать однѣ способности на счетъ другихъ.

У насъ господствуетъ въ обществѣ предубѣжденіе о необходимости учить дѣтей вдругъ многимъ иностраннымъ языкамъ. Слѣпцы-родители думаютъ, выуча дитя рано лепетать на пяти языкахъ, что они приносятъ ему великую пользу. Нѣтъ, страшный вредъ приносятъ они своимъ дѣтямъ, скажу я имъ, на основаніи многолѣтнихъ своихъ наблюденій, и чѣмъ больше словъ пріобрѣтаетъ память, тѣмъ меньше понятій способенъ развивать умъ. Исключенія бываютъ, но рѣдко. И пустота, бездѣльность нашего высшаго сословія, въ которомъ не знаешь кого и указать,—такъ оно выродилось,—происходитъ, по моему мнѣнію, весьма много отъ ихъ ученія въ дѣтствѣ многимъ иностраннымъ языкамъ. Въ этомъ

отношеніи я благословилъ внутренно нашу Государыню *), когда услышалъ ее говорящую съ дѣтьми, и дѣтей, ей отвѣчающихъ по-Русски ясно, чисто, правильно. Это гораздо болѣе значитъ, нежели какъ о томъ думаютъ.

Нынѣшній Государь нашъ, также какъ и Государыня имѣютъ, правда, другой взглядъ на военное дѣло, но во Дворѣ при воспитаніи образовалось уже преданіе, разные обычаи вошли въ привычку, составились правила, отъ которыхъ отступить считается невозможностью, сочинилась цѣлая система, которой строгое исполненіе необходимо: такъ заведено! Такъ было прежде! Рутина вездѣ беретъ свое.

Въ запрошломъ году я былъ приглашенъ показать Великому Князю Московскія Достопримѣчательности. Что же— нѣсколько дней сряду нельзя было начать обозрѣнія: нынѣ какой-то смотръ, завтра полковой праздникъ, послѣ завтра пріемъ поздравленій и тому под.

Разумѣется, я не могъ утерпѣть и тогда же сказалъ и даже написалъ объ этомъ два слова къ генералу Зиновьеву.

Не знаю, будешь ли ты имѣть достаточно силы, чтобъ настоять на перемѣну системы воспитанія въ этомъ отношеніи, и освободить Великаго Князя отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей по полкамъ, въ которыхъ онъ числится. Я боюсь, что ты, дипломатъ, послѣ легкаго и тонкаго стороною замѣчанія, омоешь свои руки, точно какъ въ Константинополѣ, слѣдуя въ точности инструкціямъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Извини, никакъ не могу удержаться, чтобъ не задѣть тебя мимоходомъ, хоть, можетъ быть, и безъ основанія. Я боюсь, потому что на дипломатію, сдѣлавшуюся, разумѣется, второю твоею натурою, долженъ еще подѣйствовать теперь зловредный растлительный придворный воздухъ. Мнѣ случилось въ послѣднее время быть во дворцахъ разъ пять-шесть. Ей Богу—человѣческаго зрака я не видалъ тамъ на помертвѣлыхъ лицахъ. Самые честные и благородные люди дѣлаются какими-то механическими куклами, потерявшими всякое со-

*) Марію Александровну. *Н. Б.*

знаніе человѣческаго достоинства, лишенными собственной воли. Покойный графъ Петръ Александровичъ Толстой говаривалъ: эка, братецъ, притча: живешь, бывало, въ чужихъ краяхъ, прирасхрабришься, и думаешь, вотъ что̀ скажу, вотъ что̀ сдѣлаю. Поѣдешь назадъ въ возвратный путь, и станешь чувствовать себя помаленьку тише, тише. На границѣ начнетъ тебя какъ будто коробить, а переступилъ черезъ порогъ въ Зимнемъ Дворцѣ, и поползъ на четверинкахъ. Честный Екатерининскій старикъ чувствовалъ по крайней мѣрѣ, что онъ ползаетъ на четверинкахъ, а нынѣшніе гады, которые, пресмыкаяся по грязи, мечтаютъ, что парятъ въ небесахъ, какъ лжехерувимы. Но это мимоходомъ.

Второе зло, хоть менѣе важное и гибельное, однако, весьма вредное, состоитъ въ томъ, что Великіе Князья воспитываются взаперти. Они не видятъ никого, кромѣ учителей, смѣняющихся предъ ними по часамъ, надзирателей, приставляемыхъ смотрѣть за ихъ шалостями, и не говорящихъ съ ними ни одного слова лишняго, да штатныхъ служителей, вѣроятно, говорящихъ только лишнее. Прочія фигуры, видимыя ими, суть автоматы, отъ которыхъ ни одного живого слова, не только живаго языка услышать несчастные дѣти не могутъ. Все натянуто, все условно и противуестественно. Кругомъ обманъ, лесть, притворство, раболѣпіе. Никто не смѣетъ рта разинуть ни объ какихъ злоупотребленіяхъ. Вездѣ какъ будто царствуетъ блаженство, вездѣ разливаются удовольствія—наслажденія; вездѣ денно и нощно раздаются благословенія! Какъ тутъ не испортиться зрѣнію, какъ тутъ не вскружиться головѣ,—и надо удивляться, что Богъ сохраняетъ еще иногда чистоту, благонамѣренность и здравый смыслъ. Бѣдныя дѣти не получаютъ никакого понятія о народѣ, которымъ управлять предназначаются, не узнаютъ ни его нуждъ ни средствъ ихъ удовлетворенія, кромѣ особенныхъ случаевъ. Нѣтъ, электрическіе токи изъ народа, изъ земли надо провесть въ ихъ учебныя комнаты, надо чтобъ ежеминутно приносились туда свѣжія любопытныя свѣдѣнія

обо всемъ, что происходитъ въ Отечествѣ: въ Казани и Одессѣ, Архангельскѣ и Саратовѣ, въ Сибири и Малороссіи. Живое сообщеніе должно быть устроено съ народомъ, чтобъ Великіе Князья жили одною съ нимъ жизнію, горевали, радовались, веселились, чувствовали по временамъ одинакой голодъ и жажду, благодарили и молились вмѣстѣ. Надо, чтобъ они познакомились со всѣми сословіями, не чрезъ театральныя декораціи, а побывали бы и у крестьянина въ избѣ и въ хлѣву, и у купца въ мелочной лавочкѣ, и у попа, у просфирни въ ихъ хижинахъ, и у подъячаго на чердакѣ; посѣтили бы сѣнокосъ и жатву, крестьянскую свадьбу, похороны, толкучій рынокъ, земскій судъ, пріемный день губернатора; пожили бы въ уѣздномъ городѣ, въ селѣ, на фабрикѣ.

Учебные методы должно измѣнить во многомъ. По часамъ, по классамъ, по параграфамъ, по линейкамъ, можно вѣдь выучить ихъ тому, чему мы выучиваемся болѣе или менѣе, а они должны знать всотеро противъ насъ. Они должны знать все, и обо всемъ имѣть понятіе. Настоящіе методы изобрѣла для насъ нужда и необходимость, а они имѣютъ всѣ средства для того, чтобъ образоваться и развить свои способности иначе, для того, чтобъ стать со всякимъ наравнѣ, и не краснѣть внутренно на всякомъ шагу отъ невѣжества. Одно свѣдѣніе должны они узнать за урокомъ, другое услышать въ чужомъ разговорѣ, на третье наткнуться среди прогулки, четвертое провѣдать отъ заѣзжаго путешественника, пятое за обѣдомъ, шестое въ театрѣ, седьмое на лекціи, осьмое въ засѣданіи ученаго общества, девятое въ гимназическомъ классѣ, десятое отъ просителя, одиннадцатое изъ газетъ въ видѣ новости, двѣнадцатое въ любопытномъ письмѣ къ учителю, въ журнальной статьѣ, въ извѣстіи о новой книгѣ и проч. и проч. Всѣ отличные люди, по какой бы то ни было части, должны поочередно являться въ ихъ учебной комнатѣ: художники, купцы, изобрѣтатели, крестьяне, военные, гражданскіе чиновники, духовные, и разсказывать имъ, или разговаривать предъ ними съ ихъ воспитателями о всѣхъ пред-

метахъ правленія, науки, искусства, жизни въ Россіи и Европѣ. Надо, чтобъ они имѣли около себя представителей всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ добродѣтелей и достоинствъ, а не два три пошлыя лица, къ которымъ они привыкаютъ, съ которыми скучаютъ, и отъ которыхъ бѣгутъ часто развлечься въ переднюю или коридоръ. Одинъ учитель долженъ отличаться твердостію, другой строгостію, третій мягкосердечіемъ, порядкомъ, бережливостію, щедростію; наука искусство, словесность должны имѣть около нихъ жаркихъ ревнителей. Время покажетъ, чье сѣмя произведетъ лучшій плодъ, чье слово окажетъ благотворное дѣйствіе. Надо составить около нихъ особую атмосферу, и преимущественно около Наслѣдника,—чтобъ воздухъ былъ въ ихъ комнатахъ иной, чтобъ самыя стѣны говорили, чтобъ чрезъ окна лѣзли къ нимъ новые образы, чтобъ изъ-подъ пола проведены были слуховыя трубы, чтобъ двери, отворяясь, возбуждали вниманіе...

Но вотъ я и въ области поэзіи. Знаю, что здѣсь есть много идеальнаго. Я хотѣлъ сказать тебѣ только моими мечтаніями, что настоящіе методы воспитанія для Великихъ Князей недостаточны. Я хотѣлъ сказать тебѣ, въ какомъ родѣ должны образоваться новые. Знаній умножилось столько и столько открылось новыхъ сторонъ въ старыхъ знаніяхъ, что по обыкновенному порядку нельзя овладѣть ими на торныхъ дорогахъ, а нужны каменныя и желѣзныя (я терпѣть не могу слова шоссе). Жизнь ушла далеко впередъ. Придумывать новые способы одному человѣку нельзя, какія бы достоинства не имѣлъ онъ. Нуженъ цѣлый свѣтъ, время отъ времени возобновляющійся, изъ опытныхъ, знающихъ по всѣмъ частямъ людей, которые безпрестанно бы переговаривались между собою, сообщали другъ другу свои наблюденія, и дѣйствовали совокупными силами для достиженія самой высокой цѣли, какая только существуетъ въ дѣлѣ воспитанія. Ты, опытный регентъ, движеніями своего камертона будешь приводить всѣ предположенія изъ слова въ дѣло, собирать всѣ отдѣльные звуки въ одну гармонію, и дѣйство-

вать на юную душу, воспитывать нашу надежду, нашу радость!

Наконецъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ участіи родителей въ дѣлѣ воспитанія. Сколько видѣлъ я отцовъ и матерей, посвящавшихъ себя, по ихъ выраженію, воспитанію своихъ дѣтей не щадившихъ для нихъ ни трудовъ, ни попеченій, ни издержекъ, а между тѣмъ приносившихъ имъ вреда больше всѣхъ. Воспитаніе имѣетъ свою науку и свое искусство; воспитаніе требуетъ особенныхъ способностей. Даже такъ называемые учители не всѣ способны учить.

Кто можетъ быть чище Жуковскаго, кто можетъ желать добра больше его своимъ воспитанникамъ, а его Историческія Таблицы отняли много времени даромъ и лишили насъ многихъ прекрасныхъ стиховъ. Привожу этотъ примѣръ въ доказательство, что никому нельзя полагаться на себя, особенно въ новыхъ замышленіяхъ. Никому нельзя полагаться на свое вдохновеніе. Нельзя импровизировать учебные совѣты. Это вообще объ учителяхъ и родителяхъ. Что же если родители царственные, которыхъ слово считается закономъ, а они вѣдь могутъ ошибиться также, какъ и всѣ мы простые смертные, еще болѣе, потому что у нихъ недостаетъ времени обдумывать свои мнѣнія и они привыкли къ самонадѣянности. Въ этомъ случаѣ я думаю, что поможетъ тебѣ твоя дипломатія, и ты съумѣешь лучше всѣхъ отклонить неудобоисполнимости, и воспользоваться дѣльными указаніями къ коимъ способно бываетъ преимущественно материнское чуткое сердце.

Я слышалъ въ чужихъ краяхъ, что ты написалъ откровенно твою исповѣдь. Ты поступилъ благородно, но никто не могъ мнѣ растолковать, какая это исповѣдь? Политическая, гражданская? Объявилъ ли ты свой образъ мыслей, или описалъ тотъ, который считаешь своею обязанностію внушать своему воспитаннику, Наслѣднику Русскаго престола. Это двѣ вещи разныя. Что нужно, полезно намъ, частнымъ людямъ, то можетъ быть не нужно и не полезно Государю и,

наоборотъ, многое нужно ему, безъ чего мы можемъ обойтися. Прошу тебя прислать мнѣ копію. Тогда можетъ быть я сообщу тебѣ какія-нибудь мысли. Ты провелъ большую часть своей жизни въ чужихъ краяхъ, посѣщалъ насъ только наѣздомъ, а у насъ впродолженіе послѣдняго времени произошло столько новаго, всплыло на верхъ столько неожиданнаго и неизвѣстнаго, что мудрено, кажется, тебѣ вдругъ спознаться На всѣхъ высокихъ мѣстахъ нужна, непремѣнно нужна теперь взаимная искренняя критика, отъ которой чувствуется у насъ какое-то роковое отвращеніе. Всякій хочетъ дѣлать по своему, и считаетъ для себя обидою, униженіемъ, посторонніе совѣты. Что касается до меня, я обѣщаю тебѣ къ каждому празднику приготовлять по двѣ, по три біографіи Русскихъ примѣчательныхъ людей, для возбужденія въ душѣ юныхъ твоихъ воспитанниковъ отчизнолюбиваго чувства. Отняла у меня много времени проклятая Политика въ эти два-три года, а то была бы уже готова въ нынѣшнемъ году цѣлая дюжина, со священникомъ Сильвестромъ во главѣ.

Предоставляю тебѣ сдѣлать употребленіе изъ моего письма, какое заблагоразсудишь“ [54]).

Письмо свое Погодинъ послалъ, на предварительное разсмотрѣніе, профессору Политической Экономіи въ Московскомъ Университетѣ Чивилеву, которому самому выпалъ высокій жребій быть преподавателемъ Наслѣднику Русскаго Престола и Великимъ Князьямъ. Чивилевъ на это письмо сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „*Они должны знать все и обо всемъ имѣть понятіе*. Такое начало есть корень зла въ воспитаніи. И тутъ *единое на потребу*: развитіе мыслящей способности; прочее само собою приложится. Особенно, при краткости времени, которое назначается для воспитанія Государей, правило учить всему тутъ болѣе вредно, чѣмъ гдѣ-нибудь. Отъ такого ученья останутся въ головѣ только слова и образы, безъ пониманія ихъ смысла. Природа у Государей такая же, какъ и у другихъ людей: въ ученіи нѣтъ императорской дороги. Главная задача научить мыслить и прі-

учить къ умственному труду; а для этого надобно учить не многому, но существенному, при томъ какъ можно основательнѣе и глубже".

Самъ же Титовъ отвѣчалъ Погодину: „Изъ твоего письма заключить можно, что чѣмъ больше учить предметовъ, чѣмъ больше приводить и показывать разныхъ людей... тѣмъ лучше. Я думаю, напротивъ, до извѣстнаго возраста, т.-е. до 16 или 17 лѣтъ, чѣмъ меньше предметовъ и разсѣянности какого бы ни было рода, тѣмъ полезнѣе. Въ нашъ вѣкъ, умъ вообще слишкомъ разбѣгается. Съ молоду важнѣйшая задача его сосредоточивать. Присылай мнѣ обѣщаемыя тобою Русскія біографіи. Мы, Русь, черезчуръ слабы по этой части, забывая, что во всякомъ дѣлѣ и во всемъ примѣчательномъ и дѣльномъ, главное все же остается человѣкъ съ его пороками и качествами. Однако, кромѣ біографіи, мы нуждались бы, даже собственно для моей задачи, въ библіографіи, т.-е. въ цѣлой библіотекѣ переводовъ и передѣлокъ на Русскій языкъ и Русскій нравъ, сочиненій по общеполезнымъ и прикладнымъ статьямъ. Я не принадлежу къ отчаяннымъ реалистамъ въ воспитаніи, и даже весьма боюсь ремесленной, механической реальности, безъ классической основы. Да и сами классики не могутъ уже быть изучаемы нынѣ такъ, какъ бывало при насъ и до насъ".

По сосѣдству съ Шевыревымъ, въ Клинскомъ уѣздѣ жилъ князь А. С. Меншиковъ, и Погодинъ писалъ Шевыреву: „Спроси отъ себя Меншикова: *Читали-ль вы письмо Погодина къ Титову о воспитаніи Наслѣдника?* Не выскажется ли онъ обо мнѣ, и пр.". Но Шевыревъ отвѣчалъ: „Я самъ не читалъ твоего письма къ Титову. Какъ же мнѣ заговорить о немъ съ княземъ Меншиковымъ, если я самъ не знаю его содержанія"?

Къ сожалѣнію, прекрасное письмо Погодина, вмѣсто ожидаемой отъ него пользы, принесло только вредъ, ибо Погодинъ возъимѣлъ несчастную мысль напечатать свое письмо въ Парижѣ.

Замѣтимъ, что Кокоревъ былъ противъ напечатанія этого письма, что видно изъ его собственноручныхъ замѣчаній къ слѣдующему письму князя Н. И. Трубецкого (изъ Парижа, отъ 13 октября 1857 года) къ Погодину: „*Письмо къ Титову* уже печатается въ новомъ *Русскомъ Заграничномъ Сборникѣ*, коего тенденція, болѣе правительственная, будетъ имѣть предметомъ опровергать безсмыслицы въ Русскомъ значеніи, которыми нашъ Прудонъ *) берется забавлять Русскую публику или, лучше сказать, морочить". При этихъ строкахъ Кокоревъ карандашомъ написалъ: *Какое?* (т.-е. письмо къ Титову) *О воспитаніи Наслѣдника? Напрасно печатаете.*

Въ томъ же письмѣ князя Трубецкого читаемъ: „Хотите ли дозволить переводъ письма къ Титову для *Revue des Deux Mondes*"? При этихъ строкахъ Кокоревъ написалъ: *Нельзя.*

Когда же письмо Погодина было напечатано, то князь В. А. Долгоруковъ обратился къ автору (отъ 22 марта 1858 г.) съ слѣдующимъ запросомъ: „Въ Парижѣ издается на Русскомъ языкѣ новый журналъ подъ названіемъ: *Русскій Заграничный Сборникъ*, въ третьей книжкѣ котораго напечатано *Письмо къ наставнику Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.* Такъ какъ это письмо должно быть одно изъ тѣхъ, которыя вы писали къ В. П. Титову, то Государю Императору угодно знать, какимъ образомъ оно оказалось въ рукахъ редакторовъ *Заграничнаго Сборника?* Кто именно могъ получить съ него копію, и нѣтъ ли еще какихъ-либо вашихъ рукописей, которыя можетъ быть переданы вашимъ превосходительствомъ кому-нибудь за границей и которыя, слѣдовательно, могутъ также появиться въ тамошнихъ изданіяхъ? Ожидая неотлагательно вашего, милостивый государь, отвѣта, для всеподданнѣйшаго доклада Его Величеству, прошу васъ принять" и пр. [55]).

---

*) То-есть, Герценъ. *Н. Б.*

Чтó отвѣчалъ Погодинъ на это письмо, мы не знаемъ, такъ какъ въ *Дневникѣ* его, послѣ 26 января 1858 года, встрѣчаются слѣдующія его строки: „Страха ради Іудейска, прекратилъ Журналъ (т.-е. *Дневникъ*),—и слѣдующая бѣлая страница посвящается графу Закревскому". Но о послѣдствіяхъ письма къ Титову, мы узнаемъ изъ Записокъ Оома, который пишетъ: „Письмо это, въ 1858 году, безъ согласія В. П. Титова и даже безъ вѣдома его, появилось въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ, тотчасъ же было представлено Государю и послужило отчасти причиною къ сложенію Титовымъ своихъ обязанностей при Великихъ Князьяхъ. Говорю отчасти, потому что, къ сожалѣнію, оно совпало съ несчастною исторіею К. Д. Кавелина, котораго пригласилъ Титовъ къ преподаванію Цесаревичу Николаю Александровичу общихъ понятій о правѣ, и слова котораго въ искаженномъ видѣ передавались Государю. Такъ, напримѣръ, говоря о судѣ и судьяхъ, Кавелинъ однажды замѣтилъ, что никто не можетъ быть наказанъ безъ суда и никто не можетъ наказывать человѣка не приговореннаго судомъ къ наказанію. Въ этихъ словахъ замѣтили посягательство на ограниченіе правъ верховной власти. Точно также былъ сдѣланъ ему упрекъ въ томъ, что онъ порицаетъ существующія постановленія, когда онъ, говоря о чинѣ, замѣтилъ, что, вѣроятно, со временемъ чины утратятъ свое значеніе, какъ средство поощренія юношества къ вступленію въ высшія учебныя заведенія, дающія оканчивающимъ курсъ право на чины... Государь, въ разговорѣ съ Титовымъ, намекнулъ ему, что онъ пригласилъ Кавелина, вѣроятно, по совѣту Погодина. Титовъ въ тотъ же день представилъ Государю записку, въ которой, объясняя свой взглядъ на воспитаніе Великихъ Князей, и оправдывая сдѣланный имъ выборъ преподавателей, просилъ объ увольненіи его отъ занятій съ Ихъ Высочествами. Кавелинъ былъ также уволенъ отъ занятій съ Цесаревичемъ, и когда ему предложена была пенсія за эти занятія, то Кавелинъ, 2 мая 1858 года, между прочимъ, писалъ Титову: „Утѣшительно и

справедливо принять вознагражденіе за доведенный до конца трудъ, за совершенное дѣло; можно еще принять вознагражденіе и тогда, когда болѣзнь или потеря физическихъ и умственныхъ силъ лишили возможности трудиться долѣе. Я не подхожу ни подъ ту, ни подъ другую категорію. Занятія мои съ Его Высочествомъ продолжались только нѣсколько мѣсяцевъ; никакихъ результатовъ они не принесли и не могли еще принести. Съ какими же чувствами получилъ бы я вознагражденіе, котораго по совѣсти не заслужилъ?.. Вопросъ о воспитаніи Наслѣдника престола слишкомъ выходитъ изъ обыкновенной ежедневности, чтобы къ нему можно было примѣнять правила повсечастныхъ житейскихъ отношеній. Только за удовлетворительное разрѣшеніе его, вполнѣ или частію, можно принять вознагражденіе съ спокойною совѣстью".

Титовъ былъ замѣненъ Гриммомъ, бывшимъ учителемъ Великаго Князя Константина Николаевича. „Но человѣкъ этотъ,— свидѣтельствуетъ Оомъ,—изъ котораго Ѳ. П. Литке умѣлъ, такъ сказать, выжимать сокъ и который въ роли учителя дѣйствительно былъ полезенъ, теперь на высокомъ пьедесталѣ, оказался смѣшнымъ и совершенно безполезнымъ. Графъ С. Г. Строгановъ тотчасъ понялъ это, и Гриммъ, послѣ двухлѣтнихъ занятій, былъ уволенъ съ огромною пенсіею" [56]).

XI.

Лѣтомъ 1856 года, учитель Смоленской Губернской Гимназіи Ѳедоръ Павловичъ Еленевъ привезъ въ Москву большое написанное имъ сочиненіе, для представленія въ Цензуру и напечатанія. Сочиненіе было политическое, касалось только что оконченной войны и тогдашняго внутренняго состоянія Россіи. Въ Москвѣ въ то время готовились къ коронаціи... Авторъ проживался въ Москвѣ, навѣдываясь по часту въ Цензурный Комитетъ. Наконецъ ему сказали, что сочиненіе его передано на разсмотрѣніе цензору Никитѣ

Петровичу Гилярову-Платонову, который, по свидѣтельству князя Н. В. Шаховского, до такой степени увлекся имъ, что при свиданіи сказалъ автору: „Ваше сочиненіе я не прочиталъ, а, можно сказать, проглотилъ“ [57]).

Впечатлѣніями своими Гиляровъ подѣлился съ Погодинымъ, и послѣдній, подъ 18 ноября 1856 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Гиляровъ объ Еленевѣ“.

Но Погодинъ не довольствовался этою лаконическою записью, а по своему прекрасному обычаю, тотчасъ же написалъ въ Смоленскъ, къ неизвѣстному ему лично автору, сочувственное письмо, которое согрѣло душу скромнаго тогда учителя Гимназіи, и онъ изъ Смоленска, 5 декабря 1856 г., излилъ предъ Погодинымъ свои благодарныя чувства въ слѣдующемъ письмѣ:

„Съ глубокою признательностью прочелъ я милостивыя слова, которыми вы удостоили меня въ письмѣ своемъ, и выраженіе вашей готовности помочь совѣтомъ въ моемъ литературномъ дѣлѣ. Сочиненіе мое въ особенности нуждается въ указаніяхъ и совѣтѣ ума просвѣщеннаго и горячо любящаго нашу Россію. Въ этомъ отношеніи я постоянно останавливался съ надеждою на вашемъ имени, и думалъ, по окончаніи сочиненія, прежде всякаго дѣйствія, просить васъ произнесть о немъ ваше строгое мнѣніе. Отъѣздъ вашъ за границу, о которомъ я узналъ изъ газетъ въ то время, когда уже оканчивалъ переписку, былъ для меня первою и самою чувствительною неудачею. Изъ Московскихъ ученыхъ я рѣшился представить свое сочиненіе только С. П. Шевыреву, преимущественно потому, что зналъ его давнишнюю съ вами пріязнь и надѣялся въ его мнѣніи найти отраженіе вашего взгляда. Но Степанъ Петровичъ былъ тогда такъ занятъ, что могъ только слегка пробѣжать нѣкоторыя мѣста и сдѣлать нѣсколько чисто литературныхъ замѣчаній, за которыя ему искренне благодаренъ. Прискорбно мнѣ было остаться безъ всякаго указанія и совѣта; меня преслѣдовали самыя тягостныя сомнѣнія. Защищая въ нашей жизни начала, кото-

рыхъ необходимость ясна для всякаго здравомыслящаго Русскаго, я опасался, не слишкомъ ли заслонилъ я ими другія явленія, которыхъ необходимость столь же ясна для всякаго, но на которыя смотрятъ, къ сожалѣнію, съ ложной точки зрѣнія, какъ на нѣчто непримиримое съ первыми началами. Для Русскаго сердца одинаково дорого, какъ то, такъ и другое, какъ власть, содержащая порядокъ и силу въ народѣ, такъ и самый народъ, его права, его громко вопіющія нужды, его разумъ и его вѣра въ Божество. Я успокоивалъ себя мыслію, что если невозможно писатъ всего о всемъ, то не слѣдуетъ по крайней мѣрѣ оставлять въ забвеніи тѣхъ началъ, о которыхъ писать позволительно, а остальное надо, по возможности, придвигать къ нимъ ближе и показывать, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ вражды и противодѣйствія, но что взаимно себя подкрѣпляютъ и равно необходимы для счастія Государства. Моя книга не ученая и не для ученыхъ, и, быть можетъ, она найдетъ себѣ нѣкоторую долю признанія въ здравомъ смыслѣ нашего грамотнаго народа. Но поймутъ ли и оцѣнятъ ли справедливо мои стремленія наши ученые и эти авторитеты и вожди нашей юной публики, почерпающей всѣ свои знанія въ журналахъ, всѣ эти люди, мудрствующіе лукаво, у которыхъ все рѣшается съ помощію нѣсколькихъ готовыхъ тезисовъ; захотятъ ли они признать, что путь мною избранный, при всемъ несовершенствѣ выполненія, все же есть путь самый лучшій, потому что онъ не колеблетъ и не разъединяетъ нашихъ жизненныхъ основъ, а охраняетъ и примиряетъ ихъ взаимно, призываетъ обѣ стороны къ обоюдной довѣренности и любви, и только въ этой довѣренности и любви полагаетъ возможность истиннаго прогресса. *Сила не въ силѣ: сила въ любви.* Знаю, что много падетъ на мою голову обвиненій и упрековъ, если не печатно, то по крайней мѣрѣ устами ходячей молвы. Отъ того-то я и не считалъ полезнымъ отдавать моего сочиненія на предварительный судъ кого-либо другого изъ нашихъ ученыхъ: я могъ бы напередъ сказать всѣ ихъ

возраженія и замѣчанія. Тѣмъ отраднѣе для меня ваше участіе и ободреніе, которыми вы меня удостоили по одному только разсказу о моемъ сочиненіи. Но чтобы вы вполнѣ могли понять, какъ дорого для меня ваше вниманіе, я долженъ вамъ сказать, что на васъ я всегда смотрѣлъ, какъ на единственнаго изъ нашихъ ученыхъ, который постигъ духъ Русской жизни, уразумѣлъ ея плоть и кровь, который какъ въ лѣтописяхъ стараго времени, такъ и въ событіяхъ настоящаго чуетъ ту тайную силу Русской натуры, которую Суворовъ чуялъ въ нашемъ солдатѣ, и которая всегда творила чудеса въ жизни нашего народа. Въ послѣднее тяжкое время ваши письма были единственными словами утѣшенія и надежды; они зачитывались во всѣхъ концахъ Россіи; каждое слово задѣвало за живое; многое, что вы тамъ говорите, еще впереди: la question n'est pas encore vidée. Доказательство тому, какъ сильно дѣйствовали на меня ваши мысли, вы найдете въ моемъ сочиненіи, когда я буду имѣть честь представить его на ваше разсмотрѣніе, и я впередъ прошу у васъ извиненія, что позволилъ себѣ буквально привести нѣкоторыя мѣста изъ вашего второго письма о Восточномъ Вопросѣ.

После моего отъѣзда изъ Петербурга, сочиненіе мое приняло болѣе благопріятный ходъ, въ чемъ я было уже отчаялся. Гиляровъ, вѣроятно, вамъ говорилъ, что я, встрѣтивъ непреодолимыя преграды по всѣмъ инстанціямъ нашего Вѣдомства, рѣшился представить свое сочиненіе генералу Ростовцову. Это первый человѣкъ, который не оттолкнулъ отъ себя моего труда, какъ дѣла до него не касающагося, но обѣщалъ, еще не читавши его, оказать ему свое содѣйствіе, и сдѣлалъ уже гораздо болѣе, чѣмъ сколько обѣщалъ. Недавно я получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ пишетъ, что прочелъ всю мою книгу и принимаетъ горячее участіе въ выходѣ ея въ свѣтъ. Онъ передалъ ее лично министру Иностранныхъ Дѣлъ, и просилъ его отмѣтить тѣ мѣста, которыя могутъ быть не согласны съ видами нашего

Правительства. Лучшей цензуры желать невозможно. Но изъ письма генерала Ростовцова я могу догадаться, что, кромѣ политическаго отдѣла, и другія мѣста могутъ потребовать измѣненій; онъ пишетъ, что по множеству своихъ занятій, не можетъ входить въ подробную переписку. Въ случаѣ необходимости быть мнѣ въ Петербургѣ, я надѣюсь, что чрезъ него я могу получить отпускъ прямо отъ министра, такъ какъ отъ своего ближайшаго начальства получить его невозможно.

Какъ только моя рукопись тѣмъ или другимъ путемъ будетъ опять въ моихъ рукахъ, то первымъ моимъ дѣломъ будетъ представить ее вашему превосходительству и просить вашихъ указаній. Каждое ваше замѣчаніе будетъ для меня драгоцѣнно, и только послѣ вашего приговора могу я успокоиться отъ тяжелыхъ сомнѣній въ своемъ собственномъ трудѣ. Вторичная же переписка моего сочиненія (190 лист.) потребовала бы весьма продолжительнаго времени, потому что его нельзя иначе переписать, какъ подъ мою собственную диктовку, такъ какъ черновыхъ моихъ тетрадей никто разобрать не въ состояніи. Притомъ, я такъ спѣшилъ его окончаніемъ, что всѣ поправки и измѣненія дѣлалъ при самомъ переписываніи набѣло, и даже послѣ уже переписыванія вырѣзывалъ цѣлые листы и замѣнялъ ихъ новыми, такъ что черновой экземпляръ во многихъ частяхъ есть не болѣе, какъ простой brouillon. Подлинный же экземпляръ, судя по счастливому обороту дѣла, я надѣюсь въ непродолжительномъ времени представить вашему превосходительству, и быть можетъ буду такъ счастливъ, что представлю его лично.

Вы удостоиваете принимать участіе въ моихъ личныхъ намѣреніяхъ и желаніяхъ. Я знаю, ваше превосходительство, что вы человѣкъ дѣла, а не слова, потому что самое слово, которому вы служите, является у васъ какъ дѣло, какъ плодъ долгаго опыта и глубокаго убѣжденія. Поэтому я не стану распространяться, какъ сильно я чувствую ваше участіе и дорожу имъ, а прямо отвѣчаю на вашъ вопросъ. Всѣ мои намѣренія и желанія были до сей поры устремлены къ тому,

чтобы поставить себя въ возможность оставить казенную службу и жить частнымъ человѣкомъ въ Смоленскѣ или вблизи, предаваясь любимымъ своимъ занятіямъ. Служба по нашему Вѣдомству, которую я, впрочемъ, люблю и уважаю, не можетъ долго удовлетворять ни моральнымъ, ни вещественнымъ требованіямъ человѣка, потому что въ ней всякій, кто уклоняется отъ окольныхъ дорогъ, обреченъ навсегда оставаться въ рядахъ чернорабочихъ. Въ другихъ родахъ службы я не видѣлъ для себя ничего привлекательнаго, главнымъ образомъ потому, что потерялъ вѣру въ службу: я вижу только въ ней или такъ называемыя карьеры, отъ которыхъ чувствую рѣшительное отвращеніе, или же подавленныхъ, загнанныхъ тружениковъ. Обстоятельства до сихъ поръ отдаляли исполненіе моей желанной цѣли: трудно въ одно и то же время и служить, и трудиться для себя, чтобы имѣть возможность раздѣлаться съ службою. Вдругъ совершенно неожиданно все для меня перемѣняется, и судьба влечетъ меня туда, гдѣ я всего менѣе думалъ быть. Генералъ Ростовцовъ, въ своемъ письмѣ, предлагаетъ мнѣ служить въ Петербургѣ, въ его Вѣдомствѣ. Если бы въ настоящую минуту я могъ достать рукою мою скромную цѣль, если бы она хотя немного была ко мнѣ ближе, то никакія предложенія не могли бы увлечь меня изъ моего уединенія. Но при настоящемъ моемъ невѣрномъ положеніи, я долженъ видѣть въ этомъ предложеніи волю Божію, и потому отвѣчалъ Ростовцову, что готовъ служить въ Петербургѣ. Не знаю, какого рода службу онъ дастъ мнѣ, но только поставилъ ему на видъ, что учителемъ уже служить не могу, и по моему слабому здоровью не въ состояніи также сносить канцелярской работы. Грустно мнѣ будетъ оставить мою родину, къ которой я сильно привязанъ. Чрезъ всю представляющуюся перспективу Петербургской службы я вижу одну только свѣтлую точку, одну счастливую минуту,—когда я буду имѣть возможность снова возвратиться на родину и сдѣлаться частнымъ человѣкомъ. Но это моя тайная и задушевная мысль,

которую я могу сказать только тому, кто, не зная меня, почтилъ меня своимъ участіемъ, а тамъ въ Петербургѣ, я долженъ быть и буду тѣмъ, чѣмъ мнѣ велятъ быть.

Мое письмо далеко перешло тѣ предѣлы, которые я долженъ бы былъ себѣ позволить, помня, какъ дорога для васъ каждая минута времени. Но чѣмъ же другимъ могъ я отвѣчать на ваше столь предупредительное желаніе со мною познакомиться, какъ не разсказать вамъ все, что меня въ настоящую минуту занимаетъ".

Познакомившись съ самимъ сочиненіемъ Еленева, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*:

Подъ *30 ноября 1857 года*: „Письмо Еленева и книга основательнаго, видно, человѣка".

— *1 декабря* — „Перелистывалъ книгу Еленева. Нравится. Должны бы озолотить его, а онъ томится, и какіе все посредники. Что за невѣжество".

— *2* — — „Дочелъ Еленева".

XII.

1 января 1857 года, къ Погодину явились учившіеся въ Москвѣ Болгаре и принесли ему поздравленіе съ новымъ годомъ. Онъ ихъ принялъ ласково и сказалъ имъ „нѣсколько словъ задушевныхъ, какъ юной надеждѣ Болгаріи".

Вскорѣ послѣ того, Погодинъ получаетъ отъ болгарина Филаретова слѣдующее письмо: „Мнѣ давно слѣдовало исполнить общее желаніе моихъ молодыхъ соотечественниковъ,— засвидѣтельствовать передъ вами ихъ живѣйшую признательность и сыновнюю преданность къ вамъ за вашу чистую къ нимъ любовь и благодѣтельнѣйшее участіе во всемъ, что касается Болгаръ. Земляки мои особенно были тронуты, когда недавно, въ вашемъ истинно Славянскомъ, гостепріимномъ домѣ, за столомъ, вамъ угодно было обратиться къ нимъ съ такими отеческими наставленіями, съ такими пожеланіями ...... которыя навсегда запали въ душу и останутся ни-

чѣмъ неизгладимыми. Вечеромъ того же дня всѣ они собрались у меня, на заговѣздни, и съ истиннымъ восторгомъ повторяли ваши умныя, въ высшей степени отрадныя и живыя слова. Долго за полночь бесѣдовали мы объ васъ, объ вашихъ всѣмъ извѣстныхъ заслугахъ Славянству вообще и Болгарамъ въ особенности: повторялись цѣлые отрывки изъ драгоцѣнныхъ вашихъ писемъ, подъ конецъ, какъ бы сами собою вырывались изъ глубины души восклицанія: *Да іе живъ и здравъ дѣдо-Погодинъ! Дай му Боже много годины и легки старины! Отъ неговы уста—въ божіи уши!..* Тогда же они просили меня поблагодарить васъ за все отъ лица всѣхъ.

Теперь, хотя и поздно, но все не считаю излишнимъ удовлетворить желанію, какъ моихъ земляковъ, такъ и моему собственному.

Я сознаю свою неспособность живо и отчетливо передавать и видѣнное и слышанное и, признаюсь, боялся, чтобы своимъ вялымъ и бездушнымъ разсказомъ, не нарушилъ бы той полноты и святости высокихъ и восторженныхъ чувствъ, вызванныхъ вашею живою рѣчью.

Вчера получилъ письмо изъ Бѣлграда, въ которомъ, между прочимъ, пишутъ, что на дняхъ должны проѣхать чрезъ Москву двое изъ тѣхъ Болгаръ, которые отходятъ къ Молдавіи, въ качествѣ депутатовъ, съ благодарственнымъ адресомъ къ Бѣлому Царю.

Изъ Цареграда увѣдомляютъ, что дѣло о независимости Болгарской іерархіи подвигается впередъ.

Я имѣлъ честь недавно познакомиться (т.-е. И. С. Аксаковъ былъ такъ добръ, что представилъ меня) съ княземъ Викторомъ Илларіоновичемъ Васильчиковымъ. Представилъ также и И. Н. Денкоглу. Вообще, князь принялъ насъ ласково, и изъ его словъ нельзя было не замѣтить, какъ много хорошаго мы можемъ ожидать отъ его искренняго доброжелательства“.

Старый товарищъ Погодина, дипломатъ Н. И. Любимовъ (3 октября 1857 г.) написалъ ему письмо о положеніи пра-

вославныхъ на Востокѣ. Въ то самое время, когда Погодинъ получилъ это письмо, его посѣтилъ оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода графъ Александръ Петровичъ Толстой. Погодинъ прочелъ ему „кое-что изъ своихъ записокъ, толковали объ обстоятельствахъ, о Московскомъ духовенствѣ, о раскольникахъ", и, между прочимъ, Погодинъ представилъ оберъ-прокурору письмо, полученное имъ отъ Любимова. Письмо это было возвращено съ примѣчаніями читавшаго.

При словахъ Любимова: „Бѣдные Православные на Востокѣ", замѣчено: *Бѣдные Русскіе въ Костромѣ.*

При словахъ: „Не найдете ли нужнымъ Іерусалимское письмо дать еще кому-нибудь прочесть, напримѣръ, Кокореву, въ видахъ поощренія къ принятію хоть какого-нибудь участія въ нашихъ единовѣрцахъ на Востокѣ", замѣчено: *Зачѣмъ же такъ далеко ходить на Востокъ, есть подъ носомъ.*

22 іюля 1857 года, графиня Е. П. Ростопчина, изъ Воронова, писала Погодину: „А что скажете о возстаніи въ Индіи? Тутъ, по моему, перстъ Божій"!

Возстаніе въ Индіи произвело впечатлѣніе и на графа П. Х. Граббе. Въ *Дневникѣ* его, подъ 6 сентября 1857 года, читаемъ: „Прочитывая извѣстія о страшномъ возмущеніи, охватившемъ огромную часть Англійскихъ владѣній и туземныхъ полковъ въ Остъ-Индіи, болѣе всего удивляетъ меня, какъ заговоръ такой обширной, подъ глазами Англійскихъ начальниковъ и офицеровъ, множества гражданскихъ и полицейскихъ агентовъ, въ виду предупрежденій нѣсколькихъ вѣры достойныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, генерала Чарльза Непира, могъ до такой непостижимой степени застать въ расплохъ тамошнее мѣстное правительство. Думаю, что, независимо отъ разныхъ ошибокъ и недостатковъ самого управленія, высокомѣріе и брезгливость, отличающія большую часть Англичанъ, въ ихъ обхожденіи, особливо съ покоренными народами, и недопускающія ихъ до пріязненныхъ съ ними сношеній, вѣроятно, были также причиною такого ожесточеннаго возстанія".

Подъ 20 декабря того же года, графъ Граббе отмѣтилъ: „Англичане должны искупить новыми испытаніями всѣ дерзкія, предательскія, часто преступныя дѣйствія политики Пальмерстона противъ почти цѣлаго свѣта“ [58]).

Съ своей стороны и Погодинъ напечаталъ въ газетѣ Le Nord второе свое письмо. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, сообщаетъ о томъ впечатлѣніи, которое возстаніе Индѣйцевъ произвело въ Россіи. Когда объ этомъ знали только въ общихъ чертахъ, то оно производило радостное впечатлѣніе и на него смотрѣли, какъ на достойное наказаніе Англичанамъ за ихъ эгоизмъ, хищность, вѣроломство. Такъ что одна знатная дама дала даже обѣтъ совершить пѣшеходное путешествіе къ Сергію, если Англичане потерпятъ уронъ. Но когда узнали всѣ кровавыя подробности этого событія, о насиліи и жестокости Индѣйцевъ, то всѣ въ Россіи забыли ненависть противъ Англичанъ и видѣли въ нихъ только представителей цивилизаціи, которой угрожаетъ варварство. Но сами Англичане подозрѣвали Русскихъ въ подстрекательствѣ, вызвавшемъ возстаніе. Погодинъ сильно возсталъ противъ этого подозрѣнія и утверждалъ, что въ данномъ случаѣ Англичане судили по себѣ. Погодинъ же утверждалъ, что Россіи въ то время было не до интригъ политическихъ, что благодаря императора Александра II-го и его министра Иностранныхъ Дѣлъ князя А. М. Горчакова, въ Россіи, какъ для внутренней, такъ и для внѣшней политики наступала новая эра. При этомъ Погодинъ восторженно отзывался о князѣ Горчаковѣ, видя въ немъ достойнаго преемника Паниныхъ, Безбородко, Ростопчиныхъ, что князь Горчаковъ внимательно прислушивается къ общественному мнѣнію, которое начало возвышать свой голосъ, всегда полезный и поучительный [59]).

Письмо Погодина произвело самое благопріятное впечатлѣніе и въ Кіевѣ, и въ Парижѣ, и во Флоренціи: „Ваши письма въ *Le Nord*“,—писалъ Погодину М. В. Юзефовичъ (изъ Кіева),—„мы читаемъ съ восхищеніемъ, и не только мы, Русскіе, но и Поляки. Недавно Грабовскій прибѣжалъ ко мнѣ съ послѣд-

нимъ письмомъ вашимъ въ полномъ восторгѣ". А князь Н. И. Трубецкой (изъ Парижа) писалъ: „Ваше письмо въ *Нордъ* мы прочли и порадовались! Хвала вамъ. Я писалъ къ Поггенполю и поздравилъ за напечатаніе этого письма, хоть и поздно".

„Послѣднее письмо мое",—писалъ А. А. Григорьевъ (изъ Флоренціи),—„было писано подъ вліяніемъ весьма невеселыхъ размышленій и еще менѣе веселыхъ впечатлѣній... Но статья ваша въ *Nord'ѣ*, отъ 17 ноября, мой достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, помирила меня съ жизнію. Еслибъ вы знали, какъ я и попъ здѣшній ей обрадовались— и до какой степени озлились, окрысились, остервѣнились на нее разные подлецы. Даже консулъ нашъ, этотъ нѣжнѣйшій изъ Греческихъ котовъ, вѣжливѣйшій, безъ мыла, какъ говорится, лѣзущій всюду,—даже и тотъ пришелъ (какъ разсказывалъ мнѣ попъ, при коемъ случайно произошло первое прочтеніе) въ ужасъ и негодованіе (разумѣется отъ конца). Мы же — возблагодарили Господа, пославшаго и время, и слово:

Да! Благъ Господь—Онъ знаетъ срокъ
И выслалъ утро на Востокъ.

Жить хочется въ такое время и дѣйствовать надобно.

Но иное впечатлѣніе письмо Погодина произвело въ Петербургѣ.

Куникъ (въ ноябрѣ) писалъ Погодину: „Ваше письмо, помѣщенное въ *le Nord*, не понравилось здѣсь, я это навѣрное знаю, въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ кружкахъ,—въ то время какъ другіе громко высказывали свою симпатію. Были недовольны, entre nous, — Поггенполемъ за то, что онъ напечаталъ письмо".

Свѣдѣніе, сообщенное Куникомъ, подтверждается и слѣдующимъ письмомъ (23 ноября 1857) князя П. В. Долгорукова къ Погодину: „Теперь позвольте мнѣ, искреннему другу вашему, сказать вамъ нѣсколько словъ истины на счетъ статьи вашей въ *Le Nord*, а вѣдь вы знаете, что истину говорятъ

только тѣмъ людямъ, коихъ душевно уважаютъ, какъ я васъ и уважаю и люблю. Статья ваша огорчила всѣхъ друзей просвѣщенія и книгопечатанія, а болѣе всѣхъ огорчила князя А. М. Горчакова, столь пламеннаго защитника книгопечатанія и просвѣщенія. Вы въ ней задѣли мелкіе Нѣмецкіе дворы, съ коими политика наша, въ настоящее время, весьма кокетничаетъ, для отвлеченія ихъ отъ Австріи, и это большая ошибка съ вашей стороны. Вы сѣтуете на вывозъ хлѣба и сала, и это дало поводъ врагамъ просвѣщенія (слѣдственно, и вашимъ врагамъ), обвинять васъ въ коммунизмѣ, что совершенно несправедливо, потому что вы почитатель порядка и законности. Къ большему несчастію, статья ваша попала въ минуту самой тупоумной реакціи, о коей буду вамъ говорить далѣе, и увеличила напоръ друзей тьмы на друзей просвѣщенія. *Графъ Блудовъ въ отчаяніи отъ вашей статьи, и Тютчевъ также.* Ради Бога, не печатайте, по крайней мѣрѣ за вашей подписью статей, *безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ графомъ Блудовымъ и Тютчевымъ.* Вы навлекли непріятности князю А. М. Горчакову, столь твердо стоящему за свободу книгопечатанія, а повѣрьте, что князя Горчакова надобно беречь. Онъ можетъ быть много полезнымъ, а его и безъ того, при Дворѣ, хамы въ звѣздахъ и въ лентахъ стараются подкопать, и замѣнить хитрымъ графомъ Киселевымъ, старымъ другомъ Нессельрода. Князя А. М. Горчакова при Дворѣ многіе и весьма многіе ненавидятъ, потому что онъ не кланяется и не старается угождать разнымъ сіятельнымъ хамамъ. Реакція поднимаетъ голову. Ея коноводы: Орловъ, Панинъ, князь А. Ѳ. Голицынъ, Ланской, Брокъ, Нессельродъ, Гурьевъ, Эдуардъ Барановъ, Бутковъ, Суковкинъ, оба Адлерберга, отецъ и сынъ. Панинъ воспользовался министерскимъ докладомъ, чтобы налгать на журналистику и оклеветать ее, и выхлопоталъ слѣдующія распоряженія: 1) запрещеніе писать о чиновникахъ, о помѣщикахъ, объ улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ, или, какъ сказано, въ *собственноручномъ* Высочайшемъ циркулярѣ, ни объ чемъ, касаю-

щемся до жизни общественной; 2) повелѣніе министрамъ слѣдить за журналами и за книгами, и доносить каждый по своей части; 3) запрещеніе Государственному Совѣту, при разсмотрѣніи представленныхъ ему проэктовъ законовъ, вводить въ нихъ какія-нибудь измѣненія; то-есть, до сихъ поръ Совѣтъ собирался разсуждать и завтракать, а Панинъ хочетъ чтобы Совѣтъ собирался единственно для завтраковъ. Новый Фигаро, Панинъ, хочетъ помѣшать писать обо всемъ, что касается кого-нибудь или чего-нибудь. Слышно, что на дняхъ Панинъ будетъ пожалованъ княземъ Полиньякомъ. Я говорилъ князю Василію Андреевичу Долгорукову, что Панинъ долженъ быть истиннымъ другомъ Герцена и Шнейдера, и что, вѣроятно, онъ хочетъ перевести всю литературу въ ихъ руки, уничтоживъ ее въ Россіи, потому что цензурныя строгости—есть услуга, оказываемая Русской заграничной торговлѣ. Князь Василій Андреевичъ сказалъ мнѣ, что цензура будетъ не такъ строга, какъ боятся... Считаю излишнимъ увѣрять васъ въ уваженіи и въ дружбѣ; я вамъ ихъ доказалъ, высказавъ вамъ истину, которую говорятъ только лицамъ многолюбимымъ и уважаемымъ“.

Въ вышеприведенномъ письмѣ насъ удивило показаніе князя Долгорукова, что будто *графъ Блудовъ* пришелъ *въ отчаяніе, и Тютчевъ также*, отъ послѣдняго Нордовскаго письма Погодина; а между тѣмъ, намъ документально извѣстно, что Погодинъ, предъ отправленіемъ своего послѣдняго письма въ *Le Nord*, посылалъ его на предварительное разсмотрѣніе графа Д. Н. Блудова и Ѳ. И. Тютчева, и послѣдній, 13-го октября 1857 года, писалъ ему: „Въ отношеніи къ письму вашему, назначаемому для *Le Nord*, я, признаюсь вамъ, не вижу никакой надобности сообщать его предварительно князю Горчакову. Содержаніе письма таково, что подвергнуть васъ непріятной отвѣтственности оно никакъ не можетъ. Ежели и есть кой-какія мѣста, которыя слѣдовало бы нѣсколько смягчить, такъ, напримѣръ, гдѣ вы говорите о современномъ бытѣ Русскаго крестьянина, редакція

журнала возьметъ уже это сама на себя. По крайней мѣрѣ, ваша основная мысль пребудетъ цѣла и неприкосновенна, и колоритъ статьи не измѣнится“...

Самъ же графъ Блудовъ писалъ Тютчеву: „Статью, приготовленную Погодинымъ для газеты *Le Nord*, я не возвращаю еще потому, что не могъ ее разобрать и буду принужденъ просить кого нибудь, съ глазами болѣе зоркими, помочь мнѣ“.

Въ то же время Погодинъ получаетъ отъ Кокорева слѣдующее успокоительное письмо: „Злоба утихла. Статья въ *Нордѣ* всѣмъ нравится и производитъ удовольствіе. У Ланскаго буду вечеромъ, а утромъ не поѣхалъ, у него толпа съ портфелями по утрамъ. Тютчевъ показывалъ ваше письмо Государю. Царь изрекъ: *Нисколько не сержусь на Погодина и сохраняю объ немъ тоже самое хорошее мнѣніе, какое всегда имѣлъ и имѣть буду*“.

XIII.

Еще весною 1857 года, Погодину пришла мысль издать отдѣльною книжкою свои политическія письма и записки. Своею мыслію онъ подѣлился съ Кокоревымъ, и 6 іюня 1857 года, писалъ ему: „Напечатать ли мнѣ собраніе моихъ писемъ на Французскомъ языкѣ, въ Парижѣ или Брюсселѣ, съ особымъ предисловіемъ“? Но Кокоревъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, нѣтъ. Зачѣмъ. Это пользы не принесетъ, а поводъ къ злорѣчію дастъ обширный. Все это имѣетъ цѣну потому что отрывалось отъ сердца, но по приложенію къ теперешнему быту, уже старо“ [60]).

Погодинъ же не внялъ совѣту Кокорева и сталъ обдумывать предисловіе, которое окончилъ къ 14-му августа 1857 года [61]).

Предлагаемыя письма, — говоритъ Погодинъ въ этомъ предисловіи,—писаны были въ продолженіе послѣдней войны и разошлись въ безчисленныхъ экземплярахъ по всей Россіи,

особенно первыя. Большая часть ихъ была представлена въ свое время покойному Государю Императору и удостоилась благодарности за вѣрноподданническую искренность.

Я издаю ихъ теперь безъ всякой почти перемѣны: писанныя подъ вліяніемъ минуты, когда сердце волновалось попеременно то надеждой, то негодованіемъ, то стыдомъ, гнѣвомъ, радостью, досадою, пусть онѣ останутся памятникомъ протекшаго бурнаго времени и засвидѣтельствуютъ тѣ чувства, коихъ преисполнены были многіе Русскіе люди.

Охотно сознаюсь, что многое сказано въ нихъ грубо, и даже дерзко, и не можетъ, не должно быть дозволено въ обыкновенное, спокойное время, но когда опасность висѣла надъ головою, и всякаго брало за живое, тогда не досугъ было думать о благоприличіи выраженій. Честь Государю, который выслушивалъ снисходительно и великодушно простую, искреннюю рѣчь. Честь времени, когда она заднимъ числомъ можетъ огласиться безъ измѣненій.

Что касается до вѣрности взглядовъ, до дѣльности мнѣній, частный человѣкъ, смотря на вещи снизу, не зная въ подробности всѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ и современныхъ, легко могъ ошибиться, точно такъ легко могъ и увлекаться, слѣдуя движеніямъ своего сердца, подчиняясь своему образу мыслей. Время показало, что̀ было въ моихъ словахъ правильнаго, и что̀ опроверглось событіями.

Къ собранію своихъ писемъ 1854—1856 года я присоединилъ еще три письма, гораздо прежде, и совершенно по другимъ случаямъ писанныя, въ доказательство, какъ стары мои убѣжденія, и какъ рано началъ я говорить одно и тоже.

Есть въ письмахъ нѣкоторыя сужденія рѣзкія о политикѣ разныхъ Европейскихъ государствъ и ихъ отношеніяхъ къ намъ, но онѣ не значатъ ничего въ сравненіи съ ругательствами Россіи, коихъ полна была Европейская Литература во время оно. Если, не только враги, но даже союзники и друзья, разсуждали о Россіи безъ всякихъ околичностей въ газетахъ, книгахъ, на сценѣ и въ народныхъ собраніяхъ,

публичныхъ и частныхъ, рѣшали по своему судьбу ея, произносили ей рѣшительные приговоры, назначали ей новыя границы, то, кажется, позволительно было и Русскому гражданину смотрѣть, какъ на себя, такъ и на нихъ, съ своей точки зрѣнія, и предлагать свое мнѣніе.

Во всякомъ случаѣ, эти частныя мнѣнія не могутъ быть поставлены на счетъ Правительства, которое имѣетъ свои виды, намѣренія, обязанности и цѣли, и идетъ своей дорогою у насъ, какъ и вездѣ.

Не скрою, что съ молодыхъ лѣтъ я былъ долго отчаяннымъ панславистомъ, и въ началѣ войны видѣлъ исполненіе всѣхъ своихъ задушевныхъ мечтаній,—теперь, простуженный или охладѣлый, наученный опытомъ, я желаю только, чтобъ Славяне воспользовались гражданскими и человѣческими правами, подъ всѣми правленіями, куда помѣстила ихъ судьба, наравнѣ съ прочими Европейскими народами, а послѣ, послѣ что Богъ дастъ, то и будетъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ написаны и *причины по коимъ печатаніе писемъ Погодина допустить можно*: „Письма слишкомъ извѣстны, и большая ихъ часть разошлась по Россіи въ тысячахъ экземпляровъ.

Переписываемыя, онѣ подвергаются ошибкамъ, искаженіямъ, и даже вставкамъ, можетъ быть неблагонамѣреннымъ.

Точно также могутъ онѣ попасть за границу безъ вѣдома автора и напечататься тамъ съ разными прибавленіями и комментаріями.

Лучше предупредить всѣ эти возможные случаи, и напечатать ихъ здѣсь въ томъ видѣ, какой одобрится Правительствомъ.

Написанныя съ горячей любовью къ Отечеству, онѣ могутъ, кажется, принести пользу, возбуждая духъ, питая національное чувство, и, наконецъ, распространяя въ обществѣ болѣе или менѣе справедливыя понятія о нашихъ политическихъ отношеніяхъ, о союзникахъ и противникахъ.

Неудовольствій никакихъ со стороны другихъ прави-

тельствъ опасаться нечего, потому что отзывы о Россіи печатались вездѣ въ несравненно болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Напротивъ, письмами можно еще, въ случаѣ нужды, воспользоваться, ссылаясь на общественное мнѣніе, ими отчасти выраженное, какъ то дѣлаетъ и дѣлала Англія и даже Пруссія.

При томъ частное, личное мнѣніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть на отвѣтственности Правительства: во всѣхъ Европейскихъ литературахъ печатаются безпрестанно сочиненія, служащія тому доказательствомъ.

Оговорка въ предисловіи сдѣлана достаточная.

Нѣкоторыя мѣста подлежатъ исключенію.

Впрочемъ, въ послѣднее время цензура сдѣлалась довольно снисходительна; царскія тайны являются наружу, и въ письмахъ не заключается ничего особеннаго, что не встрѣтилось бы, такъ или иначе, въ другихъ печатныхъ сочиненіяхъ.

Наконецъ, изданіе писемъ Погодина послужитъ очевиднымъ для всѣхъ свидѣтельствомъ, къ чести покойнаго Императора Николая, какъ въ Отечествѣ, такъ и заграницею, что онъ готовъ былъ выслушивать всякое мнѣніе, какъ бы грубо оно ни выражалось, если только былъ увѣренъ въ искренности и благонамѣренности говорившаго".

Свое предисловіе Погодинъ отправилъ къ Ѳ. И. Тютчеву на разсмотрѣніе, а Тютчевъ, съ своей стороны, представилъ оное на разсмотрѣніе графу Д. Н. Блудову. Прочитавъ предисловіе Погодина, графъ Блудовъ писалъ Тютчеву (12 октября 1857 года):

„Возвращаю вамъ, любезнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ, одну часть и, кажется, главную часть бумагъ Погодина. Его проектъ предисловія мнѣ нравится и я былъ бы готовъ одобрить этотъ проектъ, исключивъ изъ него только одно, подчеркнутое мною слово. Причины, по которымъ онъ считаетъ нужнымъ или по крайней мѣрѣ полезнымъ напечатать свои *письма недавно минувшихъ лѣтъ*, заслуживаютъ вниманія и

уваженія, но чтобы произнести рѣшительное слово: печатайте или не печатайте, должно бы вспомнить все что было въ этихъ письмахъ или снова прочесть ихъ".

Заручившись этимъ письмомъ, Тютчевъ, на другой же день, писалъ Погодину:

„Извините, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, если за болѣзнію, я не могъ ранѣе отвѣчать вамъ. Безполезнымъ считаю увѣрять васъ, что я въ полной мѣрѣ сочувствую всѣмъ вашимъ мыслямъ и намѣреніямъ. Все дѣло не въ сочувствіи, а въ содѣйствіи.—И такъ, на первыхъ порахъ бумаги ваши я сообщилъ графу Блудову и вотъ первый его отзывъ о вашемъ предположеніи издать ваши боевыя записки... Опредѣлительнѣе и положительнѣе этого отзыва, вы вѣроятно здѣсь ни отъ одной изъ придержащихъ властей не получите... Буде дѣло и пойдетъ на ладъ, то знаете ли чѣмъ оно все-таки кончится? — Послѣ нескончаемыхъ проволочекъ, поставятъ вамъ въ непремѣнное условіе, сдѣлать столько измѣненій, оговорокъ и уступокъ всякаго рода, что письма ваши утратятъ всю свою историческую современную физіономію, и выйдетъ изъ нихъ нѣчто вялое, безхарактерное, нѣчто въ родѣ полуоффиціальной статьи, заднимъ числомъ написанной.— Сказать ли вамъ чего бы я желалъ? — Мнѣ бы хотѣлось, чтобы какой нибудь добрый или даже недобрый человѣкъ,— *безъ вашего согласія и даже безъ вашего вѣдома*, издалъ бы эти письма, такъ какъ онѣ есть—за границею... Такое изданіе имѣло бы свое значеніе, свое полное, историческое значеніе.—Вообще—мы до сихъ поръ не умѣемъ пользоваться, какъ бы слѣдовало, Русскими заграничными *книгопечатнями*, а въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ это орудіе *необходимое*. Повѣрьте мнѣ, правительственные люди,—не у насъ только, но вездѣ—только къ тѣмъ идеямъ имѣютъ уваженіе, которыя безъ ихъ разрѣшенія безъ ихъ фирмы, гуляютъ себѣ по бѣлому свѣту... Только со *свободнымъ словомъ* обращаются они, какъ взрослый съ взрослымъ, какъ равный съ равнымъ.— На все же прочее, смотрятъ они—даже самые благонамѣ-

ренные и либеральные, какъ на ученическія упражненія... ...Да хранитъ васъ Господь Богъ, по возможности бодрымъ душевно и тѣлесно".

Замѣчательно, что совершенно противоположное Тютчеву совѣтовалъ Погодину князь П. В. Долгоруковъ. Онъ писалъ: „Послушайтесь моего дружескаго совѣта—не пишите въ иностранныхъ журналахъ; излагайте ваши мысли на бумагѣ, и доставляйте ихъ Государю черезъ князя А. М. Горчакова или князя В. А. Долгорукова. Къ чему печатать за границею, когда Правительство охотно выслушиваетъ частныя мнѣнія, если даже иногда и не раздѣляетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ? Впрочемъ, теперь поднимаются вопросы такіе важные, что можно ихъ обсуждать и въ Русскихъ журналахъ, особенно когда владѣешь мыслію и перомъ, какъ вы владѣете. Если статьи ваши не пропустятъ въ Москвѣ, присылайте ихъ князю П. А. Вяземскому или графу Блудову, и они уже постараются объ отстраненіи для васъ затрудненій цензурныхъ" [62]).

Да и самъ Погодинъ задушевнымъ письмомъ Тютчева, повидимому, остался недоволенъ, и въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 15 октября 1857 года, записалъ: „Письмо Тютчева о *Письмахъ*, ни то ни се".

Тогда ему пришла мысль обратиться къ барону М. А. Корфу „о печатаніи писемъ" [63]). Но и тутъ переговоры не имѣли успѣха.

Между тѣмъ, Погодинъ чуялъ, что на него надвигается буря, и онъ, подъ 25 ноября 1857 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Выговоръ, негодованіе, непріятности. Вотъ тебѣ и разъ. Съ одной стороны я радъ, что могу приняться теперь за Исторію. Былъ смущенъ".

XIV.

Воспитаніе и житейскія нужды нашего Духовенства издавна составляли предметъ думъ и заботъ Погодина. Зная это, оберъ-прокуроръ Св. Сvнода графъ Н. А. Протасовъ, еще въ

1844 году, пригласилъ Погодина осмотрѣть С.-Петербургскую Духовную Академію и Семинарію, вновь тогда отдѣланныя. Графъ Протасовъ просилъ также Погодина сообщить ему и свое мнѣніе объ осмотрѣнномъ. Руководителемъ Погодина, при осмотрѣ, былъ инспекторъ Академіи архимандритъ Филоѳей, скончавшійся въ санѣ митрополита Кіевскаго и Галицкаго.

Исполняя желаніе графа Протасова, Погодинъ писалъ ему: „Помните ли вы оборванныхъ ребятишекъ, съ голыми локтями, босикомъ, въ туфляхъ или сапожищахъ, въ затрапезныхъ халатахъ и длиннополыхъ неразрѣзныхъ сюртукахъ всѣхъ цвѣтовъ, съ заплатами на спинѣ и прорѣхами на бокахъ, въ шапкахъ лѣтомъ и картузахъ зимою, какъ они, въ урочный часъ, разсыпались въ Москвѣ по Никольской или по Петровкѣ и поднимали шумъ и гамъ на улицѣ, толкая прохожихъ, кривляясь и дразня ихъ языкомъ, окружая калачниковъ, пряничниковъ, сбитеньщиковъ, затѣвая драку съ ними и между собою? Не обливалось ли сердце ваше кровью при мысли, что эти нищіе сорванцы и озорники предназначаются учить народъ закону Божію, воздѣвать руки къ небу передъ престоломъ Господнимъ за грѣхи наши, и совершать ежедневно великую тайну? Такъ было еще недавно. Не такъ ли бываетъ и теперь по всѣмъ городамъ Русскаго Царства? Какая бѣдность, какая нужда, какая грубость! Заглядывали ли вы въ ихъ училища, когда, зимнимъ утромъ, они освѣтятъ вамъ ихъ восковыми огарками, натасканными изъ отцовскихъ церквей? Или когда бросятся изъ дверей по прочтеніи молитвы, какъ будто сорвавшись съ цѣпи? Или когда во сто голосовъ начнутъ твердить свои зады? Знаете ли вы воздухъ, которымъ дышутъ они, и который разложить затруднилась бы Химія? Разсуждали ли вы о дикой необузданности бурсака сравнительно съ деспотизмомъ, самымъ жестокимъ и безотчетнымъ его надзирателя? Встрѣчались ли вы съ нимъ въ образѣ дьячка или попа на сельскихъ праздникахъ? Всматривались ли вы въ его физіономію?

Прислушивались ли вы къ звуку его голоса? Однимъ словомъ, имѣете ли вы понятіе о воспитаніи первоначальномъ, среднемъ и окончательномъ нашего духовенства?

Ступайте же для утѣшенія къ Невскому монастырю, обойдите ограду, и вы увидите на правой рукѣ два огромныя зданія: это новая Семинарія и Академія.

Поднимитесь по средней лѣстницѣ, и вамъ представятся по обѣимъ сторонамъ ея длинные, просторные коридоры, съ воздухомъ чистымъ и здоровымъ. Отворите боковыя двери и полюбуйтесь классами.—какія свѣтлыя учебныя комнаты! Молодые люди, прилично одѣтые, сидятъ въ порядкѣ на дубовыхъ красивыхъ лавкахъ, передъ почтенною каѳедрой, за своими книгами и тетрадями. Ни крику, ни шуму, ни воплей. Благочинная тишина царствуетъ между ними. А вотъ и столовая, куда идутъ они, по два въ рядъ, тихо и спокойно. Вотъ ихъ опрятныя кровати, снабженныя всѣми нужными вещами. Вотъ обширныя комнаты для занятій...

— Но все это наружный порядокъ,—говорите вы:—точно, мы учились съ голодомъ и холодомъ пополамъ, мы не перемѣняли бѣлья по мѣсяцу, мы спали на голыхъ досахъ и сочиняли проповѣди въ чуланахъ, но выучились же. Не въ наружности главное.

Выучились... Честь и слава вашему испытанному мужеству, вашему долготерпѣнію, вашему героизму, вы взяли приступомъ крѣпость! Но сколько васъ пало за стѣною? Не чувствуете ли вы сами болѣзненныхъ ранъ въ сердцѣ вашемъ, въ вашей душѣ, послѣ долговременной битвы? Ваше время было одно, а нынѣ другое, съ иными требованіями, иными нуждами. Но я согласенъ съ вами, что наружность есть дѣло второе, однакожъ, второе, а не двадцатое, и имѣетъ свою важность. Согласитесь, что не худо въ молодыхъ лѣтахъ пріучать дѣтей къ опрятности, порядку, благочинію, и наоборотъ, что въ грязи, въ нуждѣ, въ лохмотьяхъ, съ голодомъ и холодомъ, среди брани и ругательствъ, въ безпрестанномъ страхѣ и трепетѣ, зарождаются многіе по-

роки, которыхъ впослѣдствіи искоренить не въ силахъ никакая Философія, никакая Герменевтика и никакое Богословіе.

— Но вы забываете, что изъ этихъ убранныхъ комнатъ, съ этой мягкой постели, семинаристъ вашъ попадетъ въ избу, почти курную, къ пустымъ щамъ, къ женѣ, которая ничѣмъ не отличается отъ деревенской бабы.

Нѣтъ, я помню это, и отвѣчаю вамъ: путь нашего духовнаго воспитанія длиненъ и покрытъ многими терніями. Вы видите теперь въ новомъ заведеніи, что часть этого пути, часть значительная, обнимающая десять лѣтъ жизни, очищена, углажена, украшена... Будьте же признательны, благодарите за нее, и ожидайте съ терпѣніемъ, чтобъ и слѣдующія части, слѣдующія станціи, одна за другою, очищались, углаживались.

— Да не мѣшаетъ ли пріятная наружность внутреннему достоинству?

Мѣшать она не можетъ: если такія правила признаны необходимыми для воспитанія всѣхъ дѣтей вообще, то странно же дѣлать изъ нихъ исключеніе въ пользу, то-есть во вредъ духовнаго юношества. Неужели философская дилемма понятнѣе, когда голова всклокочена и изъ сапогъ выглядываютъ пальцы?

А вы лучше спросите вотъ какъ: наружность и внутренность соотвѣтствуютъ ли одна другой? На этотъ вопросъ вдругъ отвѣчать нельзя: надо познакомиться съ заведеніемъ покороче, обозрѣть предметы, часы занятій, руководства, отношенія къ низшимъ и высшимъ училищамъ, посмотрѣть на воспитанниковъ въ разные часы, въ классѣ и въ комнатѣ, дома и въ гостяхъ, въ ученьи и на службѣ,—но это другое дѣло. На первый разъ мы пожелаемъ, чтобы внутренность Петербургской Семинаріи была еще лучше и выше ея прекрасной наружности, чтобъ она сдѣлалась образцомъ для всѣхъ губернскихъ Семинарій, чтобъ сіи послѣднія всѣ были устроены также прочно и довольно, и чтобы содержались въ такомъ порядкѣ и исправности, какъ она. Еще болѣе поже-

лаемъ, чтобы все наше духовное воспитаніе, приготовленіе пастырей церкви и учителей народа, заняло подобающее ему мѣсто между предметами государственнаго попеченія. Въ настоящихъ дѣйствіяхъ мы видимъ уже зарю спасительныхъ преобразованій. Станемъ надѣяться, что высшее наше духовенство, въ рукахъ котораго находится воспитаніе, своими благими совѣтами, основанными на просвѣщенной опытности, своими учеными пособіями, окажетъ необходимое содѣйствіе благодѣтельному Правительству, и пріобрѣтетъ тѣмъ новое право на признательность всѣхъ истинныхъ сыновъ Отечества".

Такъ писалъ Погодинъ въ 1844 году.

Много лѣтъ спустя, Погодинъ, сблизившись съ о. Іоанномъ Стефановичемъ Белюстинымъ, предложилъ ему написать записку о состояніи нашего низшаго духовенства: прослѣдить жизнь мальчика изъ духовнаго званія со времени оставленія имъ отеческаго дома, описать, какъ живетъ онъ въ Училищѣ, какъ переходитъ въ Семинарію, оканчиваетъ курсъ, поступаетъ на мѣсто, женится, въ какія отношенія входитъ онъ къ своему семейству, епархіальному начальству, къ крестьянамъ и помѣщикамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ просилъ о. Белюстина, чтобы въ его описаніи „не было никакой риторики, и чтобы соблюдена была вездѣ чистая истина". —„Попробую", отвѣтилъ Погодину о. Белюстинъ.

25 сентября 1855 года, Погодинъ получаетъ отъ о. Белюстина слѣдующее письмо: „Умоляю васъ вооружиться на нѣсколько минутъ терпѣніемъ и прочесть все письмо мое.— Исполняя ваше приказаніе: описать бытъ духовенства въ уѣздныхъ городахъ и селахъ,—впродолженіе цѣлаго лѣта собиралъ я нужные для того матеріалы, сравнивалъ ихъ между собою, повѣрялъ сообщенное мнѣ другими съ дѣйствительностью (помня ваше условіе—Sine qua non, писать одну правду, я всѣ силы употреблялъ собрать наибольшее число свѣдѣній и такихъ, справедливость которыхъ могла бы быть повѣрена кѣмъ угодно) и почти готовъ приступить къ самому дѣлу. Но еслибъ вы только знали, какъ горько, какъ

тяжело писать правду о положеніи (нравственномъ, умственномъ и вещественномъ) этого духовенства! — Боже, какъ жалко это положеніе во всѣхъ отношеніяхъ! Даже не увѣренъ, чтобы у меня стало силъ кончить это дѣло, не смотря на всю готовность—исполнить ваше приказаніе. Правы, тысячу разъ вы правы, что нужно радикально преобразовать духовенство, чтобы оно соотвѣтствовало идеѣ своего предназначенія.—Откуда и въ чемъ зло? Не смѣю сказать. Но вотъ нѣчто изъ того, что дѣлается; извольте судить сами. Еще разъ,—слова мои, еслибъ то было нужно, могутъ быть повѣрены кѣмъ угодно, и въ нихъ не окажется даже одной буквы неправды.

— Мнѣ (кому бы то ни было—священнику, причетнику, не исключая даже и вдовъ) нужно представить сына своего въ Училище. На первый разъ, я *долженъ* (conditio sine qua non) подарить смотрителю и учителямъ никакъ не менѣе десяти руб. сер. Тутъ не берется въ разсчетъ, ни положеніе, ни семейство,—*долженъ*,—и кончено; а если на бѣду у меня мѣсто видное, то сумма удваивается.—Далѣе,—во все то время, пока учится мой сынъ, я *долженъ* по крайней мѣрѣ два раза въ годъ побывать въ Училищѣ со взносомъ точно такой же суммы. Теперь—одно изъ двухъ: я могу или нѣтъ вносить требуемыя (именно требуемыя;—замѣшкался отецъ, ему приказываютъ явиться) деньги. Могу и вношу исправно, сынъ мой пользуется полнымъ благоволеніемъ смотрителя и учителей, не въ томъ смыслѣ, чтобы они слѣдили за его нравственностью и успѣхами, а въ томъ, что онъ безнаказанно можетъ быть лѣнтяемъ, шалуномъ и т. п. Не могу,— и это вымѣщается на сынѣ моемъ; и, Отецъ Небесный, еслибъ только вы изволили взглянуть, какъ зло, какъ безпощадно это вымѣщается! Кровью облилось бы ваше сердце при видѣ звѣрскихъ истязаній девяти, десяти-лѣтняго мальчика, не смотря на то, что онъ совершенно для васъ чуждый. Тутъ не помогаютъ ни успѣхи, ни доброе поведеніе,

ничто. И вотъ первыя впечатлѣнія дѣтства, впечатлѣнія, какъ извѣстно каждому, неизгладимыя во всю жизнь.

— Далѣе,— ученики дошлелись до послѣдняго класса и ихъ нужно перевести въ Семинарію. И вотъ, для примѣра, какъ это дѣлалось въ настоящемъ году (дѣлается и всегда) въ Кашинѣ. За мѣсяцъ до перевода, всѣ ученики были разосланы къ отцамъ своимъ съ приказаніемъ, чтобы они явились къ смотрителю и представили ни какъ не менѣе двадцати руб. сер., безъ чего ни одинъ переведенъ не будетъ. Естественно, тѣ отцы, которыхъ дѣти были лѣнтяями и шалунами, поспѣшили явиться и взнести требуемое (нѣкоторые тридцать—сорокъ руб.), а тѣ, чьи дѣти шли успѣшно, особенно бѣдняки, которымъ и занять негдѣ и продать нечего, или не явились совсѣмъ, или явились съ суммою меньшею требуемой.—Чѣмъ же кончилось? Дѣти первыхъ всѣ переведены, послѣднихъ—оставлены или исключены. Прибавлю для полноты, что учители большею частію являются въ классъ въ ненормальномъ положеніи, и въ такомъ положеніи позволяютъ себѣ такія грубыя, циническія выходки, отъ которыхъ едва ли и стѣны не краснѣютъ. И вотъ впечатлѣнія, которыя выносятся дѣтьми изъ училищъ! Каковы должны быть послѣдствія—понятно.

— Еще, еслибъ этимъ гадкимъ впечатлѣніямъ, которыя губительнѣе холеры, могло что-нибудь противодѣйствовать въ квартирахъ! Но нѣтъ; тамъ впечатлѣнія еще худшія. Недостатокъ средствъ большей части отцовъ, заставляетъ искать квартиры для дѣтей своихъ не благонадежнѣйшей, а дешевѣйшей.—У кого жъ эти квартиры? У бѣднаго мѣщанина, солдата, вдовы и т. п.,—у этого люда, который за весьма немногими исключеніями, по всей справедливости, можетъ назваться отребіемъ человѣчества. Чтожъ тутъ мальчикъ? Онъ посылается въ кабакъ, поощряется къ воровству, видитъ самое неисправимое пьянство, самый грубый развратъ. Онъ захотѣлъ бы не послушать хозяевъ,—его бьютъ; такимъ образомъ, его безпощадно бьютъ учители, бьютъ пьяныя хозяйки,

не говоря уже о томъ, что обираютъ у него все, что можно взять—до здоровой пищи, которую представляетъ отецъ.— И чтожъ слѣдствіемъ этого? Мальчики, отданные въ Училище чистыми и здоровыми по тѣлу и душѣ, возвращаются домой съ неисцѣлимыми недугами въ душѣ, а не рѣдко и въ тѣлѣ. Да, не дальше какъ въ прошедшемъ году ко мнѣ пришли два ученика, братья-сироты послѣ одного достойнаго священника, одинъ десяти, другой одиннадцати лѣтъ—въ с......! И что сдѣлаютъ противъ всего этого отецъ и мать въ короткое вакантное время?—Недуги тѣла еще успѣютъ кое-какъ залѣчить; а недуги душевные? Не вырвешь въ какія-нибудь двѣ-три недѣли того, что развивается годомъ! И, обливаясь кровавыми слезами, опять провожаютъ дѣтей своихъ въ Училище; мѣняютъ квартиру, т.-е. изъ одной поганой ямы переводятъ въ другую... Не остаются совершенно цѣлыми стоящіе на лучшихъ квартирахъ: зараза сообщается черезъ товарищей—(кто бы повѣрилъ: двѣнадцати, тринадцати лѣтъ мальчики уже пьютъ водку!..)—Страшная картина!— Но да поразитъ меня Господь Богъ своимъ гнѣвомъ, если въ ней есть хоть одна черта прибавленная.

— Довольно однакожъ. Едва ли даже у вашего превосходительства станетъ терпѣнія прочитать и это.

— Таково дѣтство дѣтей нашихъ;— вотъ подъ какими вліяніями начинаетъ развиваться душа ихъ. Ждать ли послѣ этого добра? — Нужна чрезвычайно счастливая организація ребенка, чтобы изъ этого омута—жестокостей, несправедливостей, привычки видѣть высшихъ себя въ ненормальномъ положеніи— съ одной стороны, и—глубочайшаго, отвратительнаго невѣжества, жизни чисто животной—съ другой, выйти съ чистою и нерастлѣнной душой. А много-ли такихъ?— Но это зло можетъ исправиться въ Семинаріи? Охъ!.....

Послѣ этого, — простите милостиво, ваше превосходительство, что я осмѣливаюсь говорить о себѣ,—каково должно быть мое положеніе?—У меня девять человѣкъ дѣтей и едва триста рублей доходу. Что должно быть съ моими дѣтьми?

Вы сами отецъ, и поймете всю невыносимую боль сердца при одной мысли объ этомъ. И молилъ я Господа, какъ только могъ молить, чтобы Онъ устроилъ меня въ такомъ городѣ, гдѣ бы я самъ могъ воспитывать дѣтей своихъ, и не жалѣлъ я силъ, чтобы обратить на себя вниманіе его высокопреосвященства Филарета, митрополита Москвы (для этого я сначала перевелъ, а потомъ съ основанія передѣлалъ сочиненіе, то самое, что было у васъ) и удостоиться получить какое-нибудь мѣсто въ Москвѣ; но Господу доселѣ было не угодно исполнить моихъ моленій; его высокопреосвященство назвалъ мой трудъ мудрованіемъ и отказалъ въ мѣстѣ *). Вотъ—въ слѣдующій годъ старшій мой сынъ (теперь въ третьемъ классѣ Уѣзднаго Гражданскаго Училища) долженъ поступить въ Кашинское Духовное Училище (безъ чего не можетъ онъ быть принятъ въ Семинарію); но вся душа содрогается при одной мысли объ этомъ; отдать его въ Гимназію,—нѣтъ ни малѣйшей возможности содержать въ ней, тѣмъ болѣе, что у меня шесть дочерей,—старшей уже пятнадцать лѣтъ и черезъ годъ она невѣста; не правда ли, что отъ такого положенія можно сойти съ ума?

Но утопающій хватается за соломину. И мнѣ невольно думается: не напрасно Господь устроилъ такъ дѣла, что вы изволили обратить на меня вниманіе, и такое милостивое вниманіе, какого я, ничѣмъ не заслужившій его, никогда не смѣлъ и ожидать; не черезъ ваше ли превосходительство Господу, принявшему наконецъ моленія мои, благоугодно привести ихъ въ исполненіе? — Иначе, чѣмъ и какъ объяснить, что человѣкъ, такъ безвѣстный и ничтожный какъ я, удостоивается быть принятымъ вами и даже слышать увѣренія, что вы готовы сдѣлать для меня все полезное? — А мнѣ такъ немногое нужно бы: или перемѣщеніе въ такой городъ, гдѣ-бъ я могъ на своихъ глазахъ воспитать дѣтей своихъ, или по крайней мѣрѣ устройство

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1898 г. кн. XII, 244, 248.

сына моего въ какомъ-либо гражданскомъ заведеніи (ужъ если Господь не судилъ всѣмъ, то хоть одинъ бы пошелъ путемъ добрымъ и надежнымъ); какъ священникъ, я не имѣю на то никакого права; но, можетъ быть, какъ законоучитель Уѣзднаго Училища, мнѣ можно оказать такую милость.— Могу ли, смѣю ли просить ваше превосходительство о томъ, чтобы вы оказали мнѣ величайшую милость, принявъ хоть какое-нибудь участіе въ дѣлахъ моихъ? И не могу, и не смѣю; а, объяснивъ свое положеніе, какъ оно есть, возлагаю всѣ свои надежды на Господа. Если угодно Ему, если Его святое Провидѣніе именно васъ избрало быть посредникомъ Своего милосердія ко мнѣ, то и безъ моихъ моленій вы примете во мнѣ самое теплое, самое живое участіе; если же нѣтъ, то всѣ мои мольбы будутъ напрасны.—Но, Господи, если *нѣтъ*, то къ кому-жъ наконецъ прибѣгну я, кто выведетъ меня изъ этой тьмы неисходной?

Еще два слова о томъ, съ чего начато письмо. Не будетъ ли трудъ мой не только напраснымъ, но даже и вреднымъ для меня?—Высказывать правду не всегда безопасно; а высказанная мною правда покажется невыносимо горькою для многихъ; и что, если она вконецъ погубитъ меня? Будь я одинокъ,—иное дѣло; но увлечь съ собою въ погибель и семейство, т.-е. лишить его и тѣхъ скудныхъ средствъ жизни, какія есть теперь, и повергнуть его въ такую нищету, о какой Московскіе нищіе и понятія не имѣютъ, — было бы ужасно".

XV.

Въ февралѣ 1857 года, Погодинъ уже имѣлъ въ своихъ рукахъ Записку о Сельскомъ Духовенствѣ. Подъ впечатлѣніемъ чтенія этой Записки онъ писалъ высокопреосвященному Херсонскому Иннокентію (24 апрѣля 1857): „Двѣ ночи я не могъ спать спокойно—страшные образы являлись мнѣ въ моемъ воображеніи. Понятія не имѣлъ я, — хоть и

толкусь въ народѣ и знакомъ со всѣми сословіями,—о тѣхъ смутахъ, о тѣхъ адахъ, черезъ которые проходитъ молодое дитя. Изъ ста одинъ или два могутъ сохраниться чистые, ознаменованные благодатью, и имъ за-живо надо поклоняться, какъ святымъ во плоти. А въ прочихъ дикихъ и даже извергōвъ, не смѣй никто бросить камня....... О, какими ядами должна быть вытравлена эта противная привычка смотрѣть сквозь пальцы на ужасы около васъ совершающіеся! Но, довольно".

Не знаемъ, удалось ли высокопреосвященному Иннокентію прочесть это письмо къ нему Погодина, отъ 24 апрѣля 1857 года, такъ какъ высокопреосвященный скончался 26 мая того же 1857 года.

Вторую часть Записки о. Белюстина, Погодинъ получилъ, при письмѣ, отъ 22 мая 1857 года, лежа въ постели „отъ ушиба". „Душевно жалѣю",—писалъ о. Белюстинъ,—о вашей болѣзни. . Конецъ Записки доставляю Дополненія: о судопроизводствѣ въ духовенствѣ, о священническихъ вдовахъ и сиротахъ-дѣвицахъ, о необходимости ввести живопись въ кругъ семинарскаго ученія, для уничтоженія нелѣпѣйшихъ и соблазнительныхъ образовъ Суздальскихъ, о пѣніи въ селахъ, для уничтоженія теперешняго невыносимо дикаго козлогласованія, о послѣднемъ указѣ св. Синода, воспрещающемъ (—вотъ до чего дошло злоупотребленіе властію!..) всякія просьбы на консисторіи и архіереевъ; о необходимости при каждой сельской церкви завести училища для мальчиковъ и дѣвочекъ, на полной отвѣтственности священника (—теперь, изъ ста крестьянъ — десять, — и это maximum, умѣющихъ прочитать, разумѣется, безъ малѣйшаго смысла и пониманія, Символъ Вѣры и двѣ-три коротенькихъ молитвы; заповѣди знаютъ изъ тысячи много что двое-трое; о женщинахъ и говорить нечего. И это—*православная* Русь! — Стыдъ и позоръ!—И наши фарисеи дерзаютъ кричать во всеуслышаніе, что только въ Россіи сохранилась вѣра неизмѣнною,—въ Россіи, гдѣ двѣ трети не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ

вѣрѣ: о, Іудино окаянство!—) и о прочемъ многомъ-многомъ, буду подготовлять понемногу; потому что спѣшить, кажется, некуда. О, еслибъ обстоятельства позволили мнѣ дышать посвободнѣе и я могъ работать не по однимъ ночамъ (—днемъ отъ множества взваленныхъ на меня дѣлъ,—дѣлъ безполезнѣйшихъ собственно для меня, взять перо въ руки рѣшительно невозможно),—я описалъ бы *все*, что только есть и дѣлается въ нашей хвальной и препрославленной Руси—отъ вѣры и до администраціи. Все чудно, все верхъ совершенства, все ведетъ къ величію, славѣ и благоденствію!!.. И приведетъ,—скоро приведетъ!! Горько жить на свѣтѣ человѣку, котораго Господь наградилъ способностью—мыслить и понимать. Въ милліонъ разъ лучше быть слѣпцомъ и даже идіотомъ; жить, какъ живутъ волъ и собака, не волнуясь и не тревожась ничѣмъ, пока ножъ или петля не прекратятъ такого завидно-спокойнаго существованія... А то, — видѣть зло и не видѣть ни малѣйшей возможности остановить или предотвратить его,—горько, до болѣзни горько".

Со всѣми своими посѣтителями Погодинъ начиналъ говорить о сельскомъ духовенствѣ и отъ всѣхъ получалъ подтвержденіе, изложенному въ Запискѣ Белюстина. „Приходитъ ко мнѣ", пишетъ Погодинъ, „священникъ изъ одного села здѣшней губерніи, у котораго я однажды останавливался, искавъ источниковъ Москвы-рѣки. Я прочелъ ему страницу изъ Записки о содержаніи дѣтей на квартирахъ. Священникъ старикъ залился слезами: „Точно такъ", сказалъ онъ, всхлипывая.

Въ это время въ Москвѣ пребывалъ нашъ Парижскій протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, и Погодинъ прочелъ ему страницу объ училищныхъ домахъ. О. Васильевъ, пишетъ Погодинъ, „расхохотался.—Что вы? спросилъ я его. Продолжайте, продолжайте, отвѣчалъ онъ, я вспомнилъ одинъ случай изъ дѣтской своей жизни. Какой?—Я учился въ Ливенскомъ Училищѣ. Вдругъ треснула у насъ стѣна въ училищномъ домѣ. Мальчишки, мы испугались, и бросились сказать

учителю. Учитель отнесся къ смотрителю. Смотритель пришелъ, освидѣтельствовалъ стѣну, и сказалъ намъ: Послушайте, ребята, заклейте трещину листомъ бумаги; если листъ къ завтрему останется въ цѣлости, то бояться нечего; а если разорвется, то мы посмотримъ. Мы тотчасъ учинили операцію. На другой день листъ располосовало. Приходитъ смотритель, обозрѣваетъ стѣну, и говоритъ намъ: Не садитесь на эту сторону, а снаружи мы подопремъ. Такъ и было исполнено. Это бы все еще ничего, но прошло лѣтъ десять, или болѣе, я кончилъ курсъ въ Училищѣ, въ Семинаріи, въ Академіи, назначенъ на мѣсто, пріѣхалъ повидаться съ родными въ Ливны, посѣтилъ Училище, и увидѣлъ стѣну точно въ томъ же положеніи, въ какомъ ее оставилъ. Вотъ чему я расхохотался. Теперь ѣду я въ Ливны опять, и посмотрю опять, исправлена ли стѣна.

Третье подтвержденіе. Профессоры, Спасскій или Лешковъ, разсказали мнѣ на той же недѣлѣ, что товарищъ ихъ, инспекторъ Гимназіи Грифцовъ ѣздилъ на вакаціи, кажется въ Коломну, повидаться съ своимъ братомъ, лѣкаремъ, и какъ педагогъ, осмотрѣвъ Гражданское Училище, хотѣлъ взглянуть и на Духовное. Смотритель упросилъ его всѣми силами, чтобъ онъ не ходилъ въ Училище, потому что совѣстно чужому человѣку показать домъ.

Четвертое подтвержденіе. Профессоръ Басовъ, лѣчившій меня, разсказалъ тогда же о своемъ землякѣ, Болховскомъ купцѣ, который пріѣхалъ въ Москву, и у него остановился. Этотъ купецъ былъ ириглашенъ знакомымъ ректоромъ Орловской Семинаріи, недавно поступившимъ на мѣсто, завести порядокъ въ его Семинаріи, относительно экономіи. Какой, говорилъ докторъ, нашелъ онъ котелъ, въ которомъ варили щи для семинаристовъ, что была за минута, когда вынималось мясо изъ котла, и прибѣгали какіе-то служки, рвали и раздирали его руками, просто уши вянутъ“.

Въ рукописи Белюстина Погодинъ уничтожилъ всѣ мѣста, по коимъ можно было бы заключить о званіи и мѣстѣ жи-

тельства автора, и въ такомъ видѣ давалъ читать ее своимъ знакомымъ.

„Неужели вы проѣхали мимо?—писалъ Погодинъ (30 августа 1857 г.) протоіерею І. В. Васильеву, въ Петербургъ.— Вѣдь это стыдно, даже грѣшно! Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ вашего возвращенія и приготовливался говорить съ вами о многомъ... Таковы Русскіе люди, даже самые лучшіе! Не достаетъ у насъ выдержки, и потому... и потому... Посылаю вамъ Записку о Сельскомъ Духовенствѣ: прочтите ее, кому знаете, а передъ отъѣздомъ мнѣ возвратите. Самъ я посылать никому не хочу, потому что знаю судьбу такихъ посылокъ: отдадутъ на разсмотрѣніе, прочтутъ съ удовольствіемъ, и положатъ подъ красное сукно. Это скажите отъ моего имени графу Толстому и Василію Борисовичу Бажанову, если будете читать имъ записку. Всего лучше если она попадетъ въ чужіе краи и напечатается хоть нашими врагами, хоть въ предосужденіе намъ: авось, тогда возымѣетъ она свое дѣйствіе. А что въ Ливенскомъ Училищѣ задѣлана ли трещина, или только замазана? Послѣ я имѣлъ еще вѣрное свидѣтельство о такомъ же положеніи Дмитровскаго Училища, которое у насъ подъ носомъ! Поклонитесь, прошу васъ, барону Брунову, и скажите ему, что его память обо мнѣ меня чувствительно трогаетъ. Я впрочемъ не имѣлъ отъ него никакого извѣстія, хоть и послалъ ему съ Севастьяновымъ собраніе своихъ писемъ. Получилъ ли онъ ихъ? Спросите вашего знакомаго, на чье имя можно присылать спиртъ въ Гавръ и въ Марсель, — также какія пошлины за него взимаются. Столько же усердно вамъ кланяюсь, сколько горько пеняю. Жду отъ васъ извѣстія изъ Петербурга о полученіи сей посылки, и о будущей судьбѣ записки, которую при отъѣздѣ прошу переслать“.

О. Васильевъ заинтересовалъ запискою Белюстина и протопресвитера Бажанова, и оберъ-прокурора Св. Сунода графа А. П. Толстаго. Заручившись этимъ, Погодинъ рѣшился написать о. Бажанову, что у него есть „записка — золото“ о

состоянiи духовенства. О. Бажановъ отвѣчалъ ему, что „золота подъ спудомъ держать не слѣдуетъ“.

Съ оберъ-прокуроромъ Св. Сvнода графомъ А. П. Толстымъ Погодинъ, по поводу записки о. Белюстина, вошелъ въ личныя сношенiя, и отдалъ ему записку, какъ человѣку, писалъ онъ, „издавна мнѣ знакомому. Онъ спросилъ у меня позволенiя списать записку, на что я и согласился. Мѣсяца черезъ два возвратилъ онъ мнѣ ее изъ Петербурга, и еще черезъ два или три посѣтилъ меня опять, прiѣхавъ въ Москву. — Какъ же вы не спрашиваете меня, встрѣтилъ я его этими словами, — объ авторѣ записки, чтобъ его озолотить или воспользоваться его свѣдѣнiями.—Я думалъ, отвѣчалъ онъ, что вы не скажете мнѣ его имени. О, отвѣчалъ я, если вамъ могло впасть на умъ такое опасенiе, то разумѣется я не скажу имени; я вижу теперь, что авторъ можетъ подвергнуться опасности“...

Обо всемъ вышеизложенномъ Погодинъ извѣстилъ о. Белюстина, и онъ отвѣчалъ ему: „Умоляю васъ прочесть все письмо; оно жъ не долго. О, съ какою радостью получилъ я письмо ваше! Значитъ, ваше терпѣнiе не истощилось отъ писанiй моихъ! О, дай Господи, чтобы оно не истощилось до конца! Но не возрадовался, прочитавши.—Графа А. П. Толстаго я знаю по Твери; встрѣчалъ, бывши студентомъ, въ домѣ Жеребцовыхъ (что уѣхали въ Италiю и приняли католицизмъ, тутъ давалъ я уроки). Онъ не Михаилъ Петровичъ Погодинъ, которому ничто человѣческое не чуждо, который знаетъ Русь не на словахъ, а на дѣлѣ. Для васъ въ моей запискѣ нѣтъ ничего новаго. Въ ней лишь сгруппировано то, что вамъ хорошо извѣстно въ частностяхъ. Для васъ въ ней нѣтъ преувеличенiй, а развѣ опущенiй бездна. Но Толстой? Очень нужно принимать ему къ сердцу записку о такомъ презрѣнномъ людѣ, какъ попы! Очень нужно ему изъ-за него ссориться (иначе нельзя) съ коноводами всѣхъ безпорядковъ! . Слѣдовательно, тутъ ждать нечего. Такъ будетъ, —увидите. Его увѣрятъ, что все вздоръ. И преспокойно

сдастъ онъ въ архивъ записку; тамъ растерзаютъ ее,— вотъ и все! Даруй Отецъ Небесный, чтобы я ошибся. Развѣ Георгіевна *) не пересоздала ли его, наслѣдовавъ отъ отца чудную душу? В. Б. Бажановъ слишкомъ уклончивъ, хоть и проникнутъ искреннѣйшимъ желаніемъ добра (*Іоан.* XII, 43), и первый скажетъ *Вамъ*: „да, все это правда“; *инымъ*: „можетъ быть тутъ и есть правда; но какъ же быть? гдѣ нѣтъ зла? — *Время все исправитъ*“. Фактически знаю, что именно такіе отвѣты давалъ онъ всегда, когда представляли ему необходимость преобразованія. Фактически знаю, что Иннокентій сильно хлопоталъ о многихъ улучшеніяхъ. Изъ всего Сѵнода одинъ Василій Борисовичъ раздѣлялъ его убѣжденія, и сильный сдѣлать *все*, не рѣшился сдѣлать *ничего* . . . . . . Нѣтъ, сердце не вѣщуетъ ничего добраго. Ужъ хоть бы не случилось злаго“.

Въ іюлѣ 1857 года, посѣтилъ Москву ученикъ Погодина князь Николай Ивановичъ Трубецкой. При свиданіи съ своимъ наставникомъ, князь Трубецкой спросилъ его: Нѣтъ ли какихъ примѣчательныхъ записокъ? Погодинъ далъ ему, что̀ „попалось подъ руку“ и вмѣстѣ—*Записку о состояніи Сельскаго Духовенства*, „думая, — писалъ Погодинъ, — сознаюсь, про себя, не придетъ ли князю Трубецкому въ голову напечатать ее за границею“.

Тогда же Погодинъ увѣдомилъ о. Белюстина и сообщилъ ему свое „тайное ожиданіе“. О. Белюстинъ отвѣчалъ Погодину немедленно „и заклиналъ принять мѣры, чтобы *Записка* его не была напечатана“. Съ своей стороны и протоіерей І. В. Васильевъ совѣтовалъ Погодину „не отдавать записки князю Трубецкому“. „Печатать,—писалъ Погодину о. Белюстинъ,—никакъ, ни подъ какимъ видомъ не позволяю, если только имѣю какія-либо права на трудъ свой. Я не хочу не только передъ людьми, даже въ совѣсти своей быть въ раз-

---

*) Графиня Анна Георгіевна Толстая, рожденная княжна Грузинская. *Н. Б.*

рядѣ . . . кидающихъ печатно грязью въ недруговъ своихъ. Если вы имѣли терпѣніе читать мои письма, и особенно послѣднія, то не могли не замѣтить, чего хотѣлъ я. Повторяю въ послѣдній разъ: я предназначалъ свое дѣло собственно и единственно для *двоихъ*, чтобы они 1) по мѣрѣ силъ и возможности улучшили худое, исправили безпорядочное, направили къ цѣлямъ благимъ и святымъ блуждающихъ въ неисходной тьмѣ и пр. и пр.; 2) *дали мнѣ трудъ и дѣло для улучшенія собственнаго моего быта, воспитанія и устройства семейства*,—вотъ и все! Иначе, еслибы только вы намекнули мнѣ, что вотъ оно куда можетъ пойдти,—клянусь Господомъ живымъ, я сжегъ бы его, и ни одна душа человѣческая не провѣдала бы о немъ. Поэтому, если есть еще какая-либо возможность удовлетворить моей цѣли, то именемъ Отца Небеснаго молю васъ, поищите средствъ удовлетворить ей. Въ противномъ случаѣ, прошу, молю и заклинаю васъ—сжечь все. Да не *мои* уста возглаголютъ во *все*-услышаніе о дѣлахъ человѣческихъ. Больше сказать мнѣ нечего".

Такимъ образомъ, о. Белюстинъ былъ не виноватъ „ни тѣломъ ни душою", что Записка его была напечатана, въ 1858 году, въ Парижѣ, въ I-мъ томѣ *Русскаго Заграничнаго Сборника*, подъ заглавіемъ *Описаніе Сельскаго Духовенства*.

Этимъ неблагоразумнымъ дѣйствіемъ, какъ и многими другими, Погодинъ вполнѣ оправдалъ отзывъ, сдѣланный о немъ Н. В. Бергомъ, въ письмѣ къ нему же: „Въ дѣйствіяхъ людей, ведущихъ подобную вамъ жизнь, т.-е. полуаскетическую, всегда есть порывы, скачки черезъ житейскіе пороги куда-то Богъ вѣсть. Вы въ своемъ родѣ дѣвственный Константинъ Аксаковъ, который имѣетъ, вслѣдствіе своей дѣвственности, постоянный зудъ во всѣхъ органахъ и это мѣшаетъ ему дѣлать самое простѣйшее дѣло какъ надо".

Противъ автора Записки и самого Погодина поднялась цѣлая буря. 26 января 1859 г., А. Н. Муравьевъ писалъ митрополиту Московскому Филарету: „Прикажите непремѣнно

написать отвѣтъ на книгу о Сельскомъ Духовенствѣ. Вы медлите, а книга сія, какъ ядъ, производитъ глубокія язвы въ высшемъ кругу, и ей вѣрятъ какъ Евангелію“.

Вскорѣ, въ С.-Петербургѣ появилась ѣдкая брошюра, подъ заглавіемъ: *Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ Описаніе Сельскаго Духовенства*. Въ этой брошюрѣ изрекается страшное проклятіе на автора и издателя передъ всѣми Русскими людьми. *Объясненіе* на эту брошюру написалъ самъ Погодинъ. „Дѣйствовавъ всегда открыто,—писалъ онъ,—не скрываясь никогда подъ буквою или псевдонимомъ, я готовъ и въ настоящемъ случаѣ принять на себя обвиненіе, хотя косвенное. Прежде всего замѣчу, что какъ чиновники не составляютъ юстиціи, такъ и духовныя лица, какія бы ни были внѣ ихъ священнодѣйствія, не составляютъ церкви. Кто осуждаетъ тѣхъ или другихъ чиновниковъ, тотъ еще не показываетъ тѣмъ неуваженія къ юстиціи; кто показываетъ злоупотребленія духовныхъ лицъ или учрежденій, какихъ бы то ни было, тотъ можетъ благоговѣть передъ церковію и святыми ея уставами. Обвиненія „свѣтскаго человѣка“ по своему духу принадлежатъ скорѣе іезуиту, или такому инквизитору, который въ молитвѣ *Отче Нашъ* готовъ найдти доказательство богохульства. Метода его не новая и употребляется искони всѣми виноватыми людьми. Вы будете уличать ихъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, а они вмѣсто отвѣта взведутъ на васъ вину въ неуваженіи или въ оскорбленіи религіи, власти, правительства. „Фармазонъ, красный, властей не признаетъ“!—восклицаетъ Фамусовъ Грибоѣдова. „Это наши язвы, оглашать ихъ непозволительно“, — кричитъ въ *Разъѣздѣ послѣ представленія Ревизора* патріотъ Гоголевъ. *Изъ избы не надо выносить сора*: хороша была бы изба, недавно замѣтилъ Н. Ф. Павловъ, еслибы копить въ ней всѣ такія драгоцѣнности. Но распространяться болѣе о пошлыхъ, запоздалыхъ выходкахъ *свѣтскаго человѣка* не считаю болѣе нужнымъ“.

Въ заключеніе своего *Объясненія*, Погодинъ, обращаясь

къ своей судьбѣ, писалъ: „Странная судьба досталась мнѣ на долю. Съ самаго выступленія моего на поприще общественной дѣятельности, при изданіи перваго журнала въ 1827 году, случилось мнѣ пріобрѣсти множество литературныхъ враговъ, преемственно продолжающихся. За ними послѣдовали враги политическіе, за мысли о послѣдней войнѣ и новыхъ обстоятельствахъ. Неужели найдутся еще новые враги между духовными, за искреннее, сердечное участіе въ судьбѣ Русскаго духовенства“.

Отцы и братія! Еже что переписалъ или не дописалъ, исправливайте Бога дѣля, а не кляните“.

Хотя митрополитъ Московскій Филаретъ былъ очень недоволенъ книгою о. Белюстина о *Сельскомъ Духовенствѣ*, но тѣмъ не менѣе въ письмахъ къ своему другу, намѣстнику Лавры архимандриту Антонію, онъ, вспоминая прошлое, писалъ: „Къ числу учениковъ, у которыхъ въ послѣднемъ десятилѣтіи прошедшаго столѣтія, въ классѣ, въ рукахъ мерзли въ чернильницѣ чернилы, принадлежалъ и я въ Коломнѣ. Въ Лаврѣ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ аудиторію, которая нынѣ составляетъ часть библіотеки, владыка Платонъ пришелъ къ намъ на Богословскую лекцію въ шубѣ и въ шапкѣ Крымскихъ овчинъ, и, посидѣвъ немного, натопилъ намъ залу, сказавъ: *И въ поученіи моемъ разгорится огнь*“.

На замѣчаніе Антонія, что „по десяти лѣтъ лежатъ смѣты для учебныхъ заведеній“, Филаретъ писалъ: „Въ 1825 году, осматривая Владимірскую Семинарію, доносилъ я, что недостатокъ зданій, нестерпимый даже для классовъ по числу учащихся; а общаго жительства нѣтъ. Семинарія до сихъ поръ не удовлетворена—сорокъ три года“.

Въ бытность свою въ Петербургѣ, въ маѣ 1859 года, Н. Ѳ. Фонъ-Крузе, по просьбѣ Погодина, посѣтилъ протопресвитера В. Б. Бажанова, и о своемъ свиданіи писалъ: „У Бажанова я былъ и лично передалъ ему ваше письмо.

Онъ просилъ меня сказать вамъ: „Белюстинъ лежитъ у него на сердцѣ, но что онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. То, что онъ въ настоящее время для него можетъ, будетъ хуже его теперяшняго положенія, а потому и надо подождать. Белюстину же нечего безпокоиться". Скажите мнѣ, знаетъ ли Белюстинъ иностранные языки? Въ такомъ случаѣ я могъ бы, можетъ быть, устроить ему мѣсто въ иностранной миссіи. Мнѣ обѣщаютъ хлопотать объ этомъ".

12 іюля 1859 года, Н. В. Калачовъ писалъ Погодину: „По Духовному Вѣдомству ходятъ отрадные слухи о скоромъ преобразованіи духовныхъ заведеній. Но виновникъ этихъ преобразованій священникъ Белюстинъ находится, какъ я слышалъ навѣрное, еще въ худшемъ и болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ былъ прежде".

Выстраданное слово отца Іоанна, очевидно, запало въ душу, тогда еще молодую, въ Бозѣ почившаго митрополита Кіевскаго и Галицкаго Іоанникія; ибо вся послѣдующая жизнь Святителя нашего была посвящена заботѣ настойчивой, ревностной и, можно сказать, ревнивой о воспитаніи дѣтей своихъ бѣдныхъ собратій.

XVI.

Къ душевнымъ волненіямъ у Погодина присоединились и физическія страданія.

Подъ 8 мая 1857 года, мы читаемъ слѣдующую запись въ его *Дневникѣ*: „По дорогѣ отъ клуба къ Крылову, близъ прежняго рокового мѣста, *) ось поломалась, и я слетѣлъ лицомъ на мостовую. Весь разбился. Едва опамятовался. На извозчикѣ домой. Перелома никакого нѣтъ, но близка была опасность".

Пользовали Погодина профессора Московскаго Университета, сначала Ѳ. И. Иноземцевъ, а потомъ В. А. Басовъ. О

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1893. VII, 380—381.

ходѣ болѣзни мы узнаемъ изъ слѣдующихъ записей *Дневника* Погодина:

Подъ *9 мая 1857 года*: „Иноземцевъ. На діету, а впрочемъ ничего".

— *13* — — „Нога плоха и безпокоюсь. Надоѣдаютъ навѣщатели. Въ саду, на солнцѣ".

— *15* — — „Нынѣ день перваго паденія. Не наказываетъ ли меня Димитрій Царевичъ".

— *17* — — „Филаретъ съ благословеніемъ".

„Душевно жалѣлъ объ ушибѣ вашемъ,—писалъ Погодину Даль;—что это за напасть? Въ другой разъ уже такая бѣда на васъ, а, кажется, не на ухарскихъ коняхъ ѣздите". И. И. Давыдовъ съ упрекомъ писалъ Погодину: „Какъ же не увѣдомить о несчастномъ паденіи?.. Какъ вы не посовѣтовались съ А. И. Оверомъ". Въ другомъ письмѣ И. И. Давыдова читаемъ: „Навѣщалъ ли васъ А. И. Оверъ? По моему мнѣнію,—онъ одинъ геніальный врачъ, и безъ него нѣсть спасенія. Да еще призывали-ль вы въ помощь Врача Небеснаго, *Иже речетъ горъ: двигайся, и двинется?* Различныя порученія, даваемыя мнѣ въ храмъ Ѳемиды, называете вы мытарствами: это, можетъ быть, и справедливо; да вѣдь безъ мытарства въ рай не попадешь. Что дѣлать? Вы видите, кого Минерва въ командиры выбираетъ, мимо нашей братіи. Будешь радъ у Ѳемиды пріютиться" *). Ордынскій изъ Казани писалъ Погодину: „То мѣсто вашего письма, гдѣ вы говорите о вашей болѣзни, мени сильно огорчило и встревожило. Что съ вами такое?... Я ничего не знаю о вашей болѣзни, потому что, какъ писалъ уже вамъ, бывшіе мои корреспонденты-товарищи, пріятели, родные, отбились отъ рукъ, не потому, чтобы охладѣли ко мнѣ, а потому, что юная Русь вообще равнодушна, вяла, лѣнива. Желаю всей душою вамъ облегченія. Вы нужны Россіи".

---

*) Въ то время И. И. Давыдовъ занималъ также мѣсто члена консультаціи при Министерствѣ Юстиціи. *Н. Б.*

Майскіе недуги Погодина совпали съ кончиною его искренняго друга, высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.

Въ день Сошествія Святого Духа, въ тотъ самый праздникъ, въ который Иннокентій совершилъ нѣкогда первую литургію въ Одесскомъ соборѣ, при вступленіи на епархію, въ этотъ самый день, 26 мая 1857 года, онъ, въ 4-мъ часу утра, мирно предалъ духъ свой Богу.

До конца своей жизни, Иннокентій сохранилъ дружескія сношенія съ Погодинымъ, и этими сношеніями послѣдній весьма дорожилъ. Нельзя было сдѣлать большаго огорченія ему, какъ отозваться дурно объ Иннокентіѣ. Такъ, подъ 28 декабря 1856 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Взбѣсилъ Константинъ Аксаковъ отзывомъ объ Иннокентіѣ“.

Послѣднее письмо къ Погодину, Иннокентій написалъ 17 января 1857 года. Онъ писалъ: „Насилу-то вы откликнулись! А сами безпрестанно жалуетесь, что васъ забыли! А вамъ, вѣрно, менѣе дѣла, чѣмъ мнѣ, ибо оно у васъ, между прочимъ, и свободное. Начнемъ отвѣтъ съ вашего конца. Ну, можно ли заключить письмо такимъ ужаснымъ эпилогомъ? *Сѣтовать на откровенность, стать на почтительное разстояніе*... Да, откуда у васъ такія нелѣпыя мысли? Развѣ мы подали къ нимъ какой-либо поводъ? Да хотя бы вы были полубогъ, я обходился бы съ вами все попрежнему. Такъ должно быть и съ вашей стороны. Аминь! Теперь ad rem. Странно и дивно, что вопіютъ у васъ всѣ о какомъ-то богохульствѣ: да въ чемъ же оно? я и теперь не вижу. Этого богохульства не нашли здѣсь ни цензура, ни добрые люди, никто. Его не нашла Академія Петербургская, и напечатала въ *Христіанскомъ Чтеніи*; его не нашелъ Св. Сѵнодъ, ибо проповѣдь до печати была и тамъ. И вотъ, одна ваша Москва богохульствуетъ!.. Да присмотритесь получше сами къ тому, чѣмъ соблазняетесь, и вамъ покажется другое. У васъ, въ Москвѣ, давно поселился какой-то Spiritus

и кажетъ вамъ вещи въ другомъ видѣ. Помните, что вы писали мнѣ о проповѣди Вологодской, на кладбищѣ? И тогда и теперь это мѣсто одно изъ лучшихъ. А чѣмъ оно у васъ казалось? У васъ, какъ въ нашей доброй арміи, привыкли къ извѣстной шагистикѣ, къ набору сухихъ и общихъ мѣстъ и все, что не по вашей ниточкѣ, выходитъ изъ обыкновеннаго ряда мыслей и выраженій, кажется ересью. Будьте увѣрены, что пишу сіе безъ всякаго авторскаго самолюбія, что мнѣ въ этихъ пустякахъ? Но жаль истины, которая у васъ, видимо, страдаетъ. Кстати, о переселеніи къ вамъ въ Москву. Не бывать сему! Почему? Потому что рѣшительно не хочу ни въ какое мѣсто. А почему не хочу? По причинѣ слабаго здоровья. Но велятъ! Нѣтъ, и это не подѣйствуетъ. Если не здѣсь, то нигдѣ. Это у меня дѣло совершенно рѣшенное, и сданное въ архивъ. Это знаютъ хорошо въ Петербургѣ. Объ этомъ говорено и переговорено въ Москвѣ, объ этомъ уже не разъ писано мною, кому слѣдуетъ. Если будете здѣсь, то увидите все это сами, и даже согласитесь съ моею рѣшимостью и причинами ея. У меня теперь одна мысль—путешествіе на Востокъ будущею осенью или весною 1858 г. Вотъ, если хотите участвовать, то милости просимъ. Будемъ имѣть свой пароходъ, слѣдовательно полную свободу вояжа и проч. О кладбищахъ вашихъ *) я имѣю другія понятія, потому что знаю дѣло это совершенно. Когда увидимся, и это вамъ объяснится. Но, вы—да будетъ вамъ сіе извѣстно—во мнѣніи нѣкоторыхъ, вѣдь сами принадлежите къ числу покровителей тайныхъ Московскаго раскола (Древлехранилище). Спасибо за Болгаръ. Если Безсоновъ взялся за краткую Исторію Болгаріи, то я весьма радъ. Это перо дастъ намъ дѣльную вещь. Попросите его и отъ меня и растолкуйте (если нужно) что нужно—самое краткое, самое понятное для народа (Болгаръ) изложеніе судьбы исторической Болгаріи. Много, страницъ сто пятьдесятъ. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Для обширной Исторіи, Блудовъ съ Академіею дѣлаютъ про-

*) Т.-е., раскольничьихъ. *Н. Б.*

грамму и послѣ (по нашемъ разсмотрѣніи програмы) будетъ сдѣлано объявленіе въ газетахъ, какъ вы совѣтуете. Съ вашими политическими взглядами (но вообще они стоятъ историка истиннаго) я не совсѣмъ согласенъ, и дивлюсь, какъ вы, и съ вашею Исторіею, судили такъ поверхностно (sit dictum pace tua), какъ мы не судили въ Одессѣ. Да, къ чести послѣдней оказывается, что мы были умнѣе въ Дипломатикѣ и вашей Москвы и, къ сожалѣнію, Петербурга. Читаете ли вы Saneho? Читайте: Стоитъ того. Онъ видѣлъ и видитъ дальше другихъ.....

Послѣдніе дни земной жизни Спасителя, пишутъ, пропущены уже Св. Сѵнодомъ. Надобно печатать (пять томиковъ небольшихъ) гдѣ и какъ? Въ Одессѣ нельзя. Думаю, при Сѵнодѣ: тамъ пріятельски присмотрятъ за этимъ. И о прочемъ подумаемъ. Да вольно же вамъ не провѣдать насъ ни во время войны (пусть это недостатокъ храбрости!), ни послѣ—ужъ это похоже не знаю на что. Едва ли и къ вамъ не придется обратить: *Марѳо! Марѳо!* И вамъ въ новомъ лѣтѣ желаемъ всякихъ благъ отъ Господа. Но, помните, что Онъ спасаетъ—*правыя сердцемъ*. Прочитайте моего Воронцова *), когда вздумаете, наложите на себя за что-либо эпитимію. Гг. Кошелеву, Хомякову, Снегиреву (a potiori parte) мое искреннее почтеніе".

На это письмо Погодинъ отвѣчалъ, 26 января 1857 года: „Цѣлую, обнимаю, лобызаю и крѣпко сжимаю въ объятіяхъ. Давно не чувствовалъ я такого живого удовольствія, какъ чувствую сію минуту, прочитавъ ваше письмо и удостовѣрясь перстами... Аминь!

Отвѣчаю по пунктамъ:

Воля ваша, сравненіе отвратительное, душу возмущающее. Не понимаю, какъ привычка можетъ до такой степени возмущать, ослѣплять высокоумнаго человѣка. Христосъ, Голгоѳа—можетъ ли уподобляться Христу, Голгоѳѣ—кто, что? Повѣрите ли, что теперь даже кровь бросаетъ у меня въ го-

*) Слово при погребеніи князя М. С. Воронцова. *Н. Б.*

лову. И что вы говорите о Цензурѣ! Развѣ это цензурное дѣло? Это дѣло внутренняго чувства, которое указываетъ мѣру. Но у васъ дѣйствовала здѣсь привычка. „Глинка съ Богомъ за пани-брата“,—говорилъ Крыловъ,—„онъ Бога и въ кумовья къ себѣ позоветъ“! Только привычкою можно оправдать это выраженіе. Точно такъ и Филаретъ грѣшитъ иногда. У васъ въ этихъ случаяхъ играютъ роль и передвигаются слова, но вы не припоминаете въ эти минуты, кто подъ словами разумѣется. Кого Христу уподобить можно вообще, и въ частности, о данномъ случаѣ и говорить нечего. Нарочно распространяюсь объ этомъ предметѣ, чтобъ предостеречь хоть невольно на будущее время. Богохульнымъ назвалъ я употребленіе не въ еретическомъ смыслѣ; это прилагательное здѣсь значитъ только, непозволительное, предосудительное. Бога ради, вникайте безъ предубѣжденія въ смыслъ моихъ словъ. Я такъ убѣжденъ въ ихъ истинѣ и вѣрности, какъ... не знаю съ чѣмъ сравнить. Натуры вашего затемнѣнія я просто не понимаю. Наборъ словъ сухихъ, такихъ въ нихъ общихъ мѣстъ мнѣ противенъ былъ всегда, слѣдовательно, все, что не онъ, мнѣ любезно и пріятно, а вы говорите, въ Москвѣ привыкли къ набату... Помилуйте. Давно ли? Не слишкомъ ли? Вы говорили мнѣ о моихъ *Изслѣдованіяхъ*, что я стараюсь доказывать иногда, что дважды два не только четыре, но четыре съ половиною. Глубокое замѣчаніе, которое одно вѣситъ для меня тяжелѣе всѣхъ нашихъ критикъ и ругательствъ. Не доказываю ли я и теперь самъ, что дважды два не только четыре, но четыре съ половиною? Второй аминь! Не помню, что я писалъ о проповѣди на Вологодскомъ кладбищѣ. Кажется, я не писалъ объ ней ничего. Помню только, что всѣ Вологодскія проповѣди оставили во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе и нравились мнѣ сильно. Не нравилась мнѣ проповѣдь, не говоренная, а напечатанная только въ Петербургѣ, якобы... послѣ нелѣпаго подозрѣнія о какомъ-то коммунизмѣ. О Москвѣ вопросъ близкій, который рѣшить можете только вы. Желалось бы поговорить,

но письменно нельзя, а развѣ при свиданіи, теперь только жалѣть и скорбѣть остается.

На Востокъ радъ, радъ, радъ и благодарю . . . .

О кладбищахъ . . . . желаю знать ваше мнѣніе. О покровительствѣ слышу отъ васъ съ великимъ удовольствіемъ. Не могу понять, кто бы были эти нѣкоторые, во мнѣніи которыхъ я считаюсь покровителемъ. Извѣстно ли вамъ мое посланіе къ раскольникамъ, которое хлопоталъ я напечатать. Мнѣ кажется, здѣсь былъ ясно выраженъ мой образъ мыслей *). Раскольники многіе были моими коммиссіонерами и я имѣлъ связь съ ними только какъ съ купцами, и пользовался ихъ расположеніемъ и довѣріемъ. Говорилъ имъ всегда одно и то же при всякомъ случаѣ, что повторялъ и въ посланіи, которое вамъ и пришлю, если у васъ его нѣтъ.

За краткую Исторію Болгаръ принялся болгаринъ, здѣсь оканчивающій курсъ, Филаретовъ, а за пространную берется Безсоновъ.

Программа академическая—вздоръ, лишнія путы. Программу можетъ написать тотъ, кто знаетъ Болгарскую Исторію, а Болгарскую Исторію не знаетъ никто, и узнаетъ первый только тотъ, кто будетъ писать, слѣдовательно, нуженъ только образованный и ревностный человѣкъ, который и есть Безсоновъ. Ему и книги въ руки или, лучше, работа, а книга въ руки намъ, когда тотъ ее кончитъ. Въ чемъ не согласны вы со мною касательно послѣднихъ происшествій, нетерпѣливо желаю знать. Въ продолженіе трехъ лѣтъ точка зрѣнія перемѣнялась у меня по обстоятельствамъ много разъ. Вижу тоже, что писемъ моихъ вы не знаете и половины...

Цѣна чѣмъ меньше, тѣмъ членовъ больше будетъ, а доброхотные датели всегда могутъ дать больше назначенной цѣны.

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1899. XIII, 25—27.

При Сvнодѣ, *Послѣднихъ дней* и не думайте печатать. Испортятъ такъ, какъ Одесскія проповѣди, которыхъ въ руки нельзя взять. Попросите лучше Блудова — въ Типографіи II-го Отдѣленія.

Пріѣхать въ Одессу во время войны не было мнѣ никакого слѣда. Я стоялъ здѣсь на часахъ, писалъ безпрестанно и ждалъ дѣла, а что было дѣлать въ Одессѣ?..... Лѣтомъ уѣзжалъ я на воды и купался въ морѣ по необходимости. Теперь чувствую себя хорошо и рѣшаюсь кончить Древнюю Исторію.

Воронцова гдѣ же прочесть? *Одесскаго Вѣстника* у меня нѣтъ. Пришлите.

...Получилъ и прочелъ, заключилъ, что красно, изъ гроба и проч.

Поклоны Кошелеву и Хомякову отдалъ, а третьяго лица я не видалъ года три и жалѣю, что вы возобновили его забытый образъ въ воображеніи. Это... ну, Богъ съ нимъ.

Жаль, что не сошлись съ . . . . Это живой, замѣчательный человѣкъ. Сколько добра могло бъ извлечь изъ него умное Правительство. Умъ, сердце—рѣдкіе.

Получили ль мои послѣднія письма о Полякахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о воспитаніи Наслѣдника, что поручилъ я переслать къ вамъ изъ Бѣлева Елагину?...

Опять цѣлую, любезно обнимаю и прижимаю къ сердцу. Ахъ, много званныхъ, но мало избранныхъ. Тѣмъ они дороже, любезнѣе. Паки и паки аминь, преданный Погодинъ.

Выкиньте изъ головы, чтобъ наборъ словъ могъ нравиться. Живыми своими оборотами, новыми пріемами, вы производите дѣйствіе, а старое пошло".

Не дождавшись отвѣта и пользуясь оказіей Михаила Ѳедоровича Мамонтова, Погодинъ, 24 апрѣля 1857 года, написалъ высокопреосвященному Иннокентію другое письмо: „Ну, вотъ и опять чередъ за вами, преосвященный владыко! Я не имѣю отвѣта на послѣднее письмо, уже давно посланное, дошло ль оно вѣрно, что меня подчасъ смущаетъ.

Откликнитесь же поскорѣе. Посылаю вамъ послѣднія писанія свои, предполагая, что посланныя не дошли до васъ. Со мною случилось въ послѣднее время много примѣчательнаго въ психологическомъ отношеніи, что хотѣлось бы сообщить вамъ. А кстати, пишутъ мнѣ изъ Петербурга, чтобъ я изъявилъ желаніе ѣхать въ Одессу попечителемъ. Хорошо бы пожить съ вами и побесѣдовать, и очистить многіе вопросы для дѣйствія, теперь необходимаго; хорошо бы и поѣхать вмѣстѣ на Востокъ—но навязываться и напрашиваться никогда я не рѣшался; не слѣдуетъ и теперь на старость. Если назначатъ или вспомнятъ на верху, то я не прочь. Хорошо бы устроить на верху и Славянское ваше предпріятіе: Семинарію и Лицей — мы устроили бы особое отдѣленіе для Болгаръ и Сербовъ и стали бы учить ихъ чему надо, а не наполнять ихъ голову всякимъ ненужнымъ для нихъ хламомъ. А какъ бы хотѣлось потолковать о раскольникахъ, о крестьянахъ, о которыхъ, помните, толковали мы въ 1841 году, на берегу какой-то безымянной рѣчки, въ верстахъ трехъ отъ Вологды, на вашей дачѣ, смотря на бѣдную деревушку, на другой сторонѣ рѣчки . . . . . Радъ бы написать: до свиданія. Преданный Погодинъ.

Да что же не доставляете сочиненій! Русскій, досадный человѣкъ! Пока пишутся проекты и разсуждаютъ комитеты, мнѣ думается учредить общество для выкупа крестьянъ... Податель—купецъ М. Ѳ. Мамонтовъ, ѣдущій на поклоненіе въ Іерусалимъ. Приласкайте его и снабдите благими совѣтами, содѣйствіемъ, напримѣръ, рекомендательными письмами и т. п.“.

Идею о попечительскомъ мѣстѣ въ Одессѣ, далъ Погодину графъ А. С. Уваровъ. 27 апрѣля 1857 года, онъ писалъ ему: „Хрулевъ мнѣ сообщилъ ваше предложеніе о попечительствѣ; вы сами знаете, какъ мнѣ пріятно было бы служить вмѣстѣ съ вами, но, кажется, дѣла совершенно измѣнились. Въ Харьковъ, говорятъ, назначенъ Пироговъ; я уже непремѣнно откажусь отъ своего мѣста, а вы могли бы проситься въ Одессу попечителемъ“.

Готовясь вступить на новое поприще, Погодинъ въ это время искалъ бесѣды съ митрополитомъ Филаретомъ. Цѣль была достигнута, и 28 апрѣля того же 1857 года, владыка Московскій писалъ ему: „Милостивый государь Михаилъ Петровичъ! Вамъ угодно было писать мнѣ: и я долго не далъ отвѣта, потому что мало могу владѣть временемъ. Можете доставить мнѣ удовольствіе бесѣдовать съ вами нынѣ вечеромъ, есть ли заблагоразсудите. Усердно призываю вамъ благословеніе Божіе. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ М. Московскій“.

Письменная бесѣда Погодина съ Иннокентіемъ прекратилась на-вѣки.

Замѣчательно, что Святитель Херсонскій, за четыре дня до кончины своей, т.-е. 22 мая 1857 года, получивъ отъ одного изъ учениковъ своихъ, смиреннаго іеромонаха Іоасафа, книгу о *Владимірскихъ Древностяхъ*, писалъ ему: „Нельзя не порадоваться, что вы нашли способъ употребить такъ прекрасно досугъ свой на пользу Церковной Исторіи. Продолжайте, почтеннѣйшій о. Іоасафъ, трудиться на семъ священномъ поприщѣ. Если гдѣ, то на немъ трудъ тщетенъ не бываетъ“.

XVII.

Кончина Иннокентія поразила многихъ. „Любопытна одна подробность“,—писалъ А. С. Хомяковъ къ Ю. Ѳ. Самарину,—„смерти Иннокентія. Онъ выѣзжалъ, хотя чувствовалъ себя нехорошо и принималъ гостей. Сидѣлъ у него Строгановъ вечеромъ, и разговоръ шелъ обыкновенный. Вдругъ, ударили въ колоколъ ко всенощной, въ его Крестовой церкви. Онъ обратился къ Строганову: *Слышите? Ударили къ панихидѣ.*— Что вы, ваше преосвященство, это ко всенощной.—*Нѣтъ, это къ панихидѣ: звукъ очень пріятенъ.* Это былъ какъ будто минутный бредъ. Затѣмъ онъ съ гостьми простился, прилегъ спать, и кончилъ“.

Удрученный физическими страданіями, получилъ Погодинъ извѣстіе о кончинѣ Иннокентія. „Недѣля тяжелая“,—отмѣтилъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*,—„упадокъ духа. Доходилъ до крайности. Поражено воображеніе. Написалъ статью объ Иннокентіѣ“.

„Господи“!—писалъ онъ,— *„Да за что же прогнѣвался Ты на насъ такъ жестоко! Чѣмъ согрѣшили мы передъ Тобою паче всякой мѣры? Скоро ли перестанешь Ты казнить насъ, и такъ уже ходящихъ въ сѣни смертнѣй* *).

Мая 26-го, въ пятомъ часу утра скончался въ Одессѣ, послѣ кратковременной болѣзни, на 57 году отъ роду, высокопреосвященный Иннокентій.

Но что же? Это архіерей, богословъ, витія...

Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія; это великій гражданинъ Русскій, котораго душа отзывалась на всѣ *вопіющіе вопросы* Отечества, котораго сердце болѣло всѣми его ранами, котораго умъ занятъ былъ постоянно мыслями объ ихъ исцѣленіи, который готовъ былъ всегда жертвовать ему своею жизнію.

Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія — это другъ человѣчества, который горячо желалъ ему вездѣ законнаго преуспѣянія, въ духѣ Христовой вѣры, который въ минуту сомнѣній и колебаній, возвышалъ *одинъ* громозвучный свой голосъ за угнетенныхъ *Славянъ на Востокѣ, и осмѣлился предречь имъ свободу*, который возбуждалъ участіе къ ихъ бѣдствіямъ, казнилъ стыдомъ равнодушныхъ.

Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія—это братъ, пылавшій любовію къ меньшей братіи, принимавшій живое участіе *въ ея скорбной долѣ, призывавшій всѣмъ существомъ своимъ ея возрожденіе, провидѣвшій въ немъ съ радостнымъ біеніемъ сердца, зарю новыхъ, славныхъ судебъ.*

Иннокентій былъ государственный человѣкъ, который въ

*) Мѣста, напечатанныя курсивомъ были не пропущены тогдашнею цензурою. *Н. Б.*

затруднительныхъ обстоятельствахъ всегда могъ подать благой совѣтъ, и указать на новыя стороны вопроса.

Иннокентій былъ просвѣщенный человѣкъ, стоявшій съ вѣкомъ наравнѣ, для котораго въ области познаній не было ничего незнакомаго, которому Геологія была также близка, какъ Гомилетика, и Анатомія, Военное Искусство, Политическая Экономія извѣстны наравнѣ съ Патристикою.

Иннокентій дѣлалъ столько же, сколько говорилъ: при первомъ извѣстіи о вражескомъ нападеніи на Крымъ, онъ полетѣлъ туда чрезъ всѣ опасности, благословить Русское войско на святые подвиги и одушевить вѣрою, столько еще въ немъ сильною, и *неизвѣстною иностраннымъ военачальникамъ*. Иннокентій, въ Одессѣ, осыпаемый бомбами и ядрами, совершалъ безтрепетно Богослуженіе Страстной Субботы, около соборнаго храма, подъ выстрѣлами всего непріятельскаго флота, и удержалъ съ собою цѣлой народъ на священной молитвѣ.

Иннокентій являлся на всѣхъ батареяхъ, на всѣхъ бастіонахъ, во всѣхъ лагеряхъ, во всѣхъ больницахъ, и не упускалъ ни одного случая, впродолженіе *роковыхъ трехъ лѣтъ*, чтобъ возбуждать вездѣ духъ, разносить всюду слова жизни, надежды и вѣры.

И такого человѣка лишиться въ то время, когда людей, говорятъ, нѣтъ!

Господи! Неужели мы еще мало умалились, неужели мы еще не довольно обнищали, неужели мы еще не глубоко упали? Или Ты опредѣлилъ въ верховномъ совѣтѣ Своемъ, чтобъ всѣ мы, подобно несчастнымъ Израильтянамъ, родившимся въ Египтѣ, перемерли въ пустынѣ, недостойные узрѣть землю обѣтованную? Или Ты хочешь самъ совершить чудо спасенія нашего,—чтобъ никто не смѣлъ помышлять о своемъ ничтожномъ содѣйствіи,—и потому лишаешь насъ *послѣднихъ* свѣточей, *которые проливали какіе-то слабые лучи въ густой непроницаемой тьмѣ насъ облегающей?*

О, люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйной вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Эти стихи Пушкина невольно вспали мнѣ на умъ, когда я писалъ о кончинѣ Иннокентія: именно незамѣченный, непризнанный, неоцѣненный, прошелъ онъ передъ нами, какъ выразился поэтъ! Близорукіе, мы думали, что Иннокентій только красно говоритъ, точно какъ мы думали о Пушкинѣ, что онъ только стихи бойко пишетъ!

Впрочемъ, даже *этимъ* низшимъ, очевиднымъ его достоинствамъ, не воздали должной чести *слѣпые*, грубые и жестокіе современники! Въ журналахъ нашихъ, навязывающихъ намъ въ каждомъ нумерѣ по новому, *пряничному* своему генію, въ журналахъ нашихъ, впродолженіе двадцатилѣтней слишкомъ дѣятельности Иннокентіевой, вы не найдете двухъ страницъ объ его сочиненіяхъ. Обильныя образцами высокаго краснорѣчія, и примѣрами ораторскихъ движеній, новыхъ и сильныхъ, составляющія сокровище Русской Словесности и Русской Науки, сокровище христіанскаго міра всѣхъ исповѣданій, драгоцѣнныя сочиненія Иннокентія прейдены молчаніемъ, отъ современной критики. А находились еще и такіе легкомысленные опрометчивые судьи, которые за то или другое слово, вырвавшееся у витіи въ потокѣ неудержной рѣчи, за какое-нибудь общее мѣсто, проскользнувшее по привычкѣ, за неосторожное изреченіе, которое можно растолковать въ худую сторону, произносили Иннокентію приговоръ осужденія, забывая всѣ его дѣла, всѣ его заслуги, труды, достоинства, всѣ доказательства благороднаго взгляда на жизнь.

Но неужели Иннокентій не имѣлъ недостатковъ и пороковъ? Я терпѣть не могу безусловныхъ панегириковъ, и не вѣрю въ земное совершенство, слѣдуя апостолу Павлу, сказавшему, что *всякій человѣкъ есть ложь*, и псалмопѣвцу

Давиду, воскликнувшему: *„Аще Ты, Господи, назриши, то кто постоитъ!* Иннокентій, какъ всѣ мы, грѣшные люди, имѣлъ, вѣроятно, свои *пороки* и недостатки: я не говорю объ нихъ потому только, что ихъ не знаю: случайно, *только* вродолженіе нашей двадцатилѣтней дружеской съ нимъ связи представлялся мнѣ онъ съ одной своей, свѣтлой стороны, и производилъ во мнѣ всегда то впечатлѣніе, которое въ слабыхъ чертахъ передалъ я выше. *Темная, отрицательная его сторона* осталась для меня такимъ образомъ неизвѣстною. *Пороки и недостатки Иннокентіевы могли относиться къ его званію, къ привычкѣ властвовать, къ заведенному порядку управленія—желательно, чтобъ всѣ они были скорѣе оглашены, тщательно изслѣдованы и безпристрастно осуждены, да, читая ихъ, смиряемся мыслію, какъ слаба человѣческая природа, самая высшая,—да, читая ихъ, назидаемся, какъ осторожну и внимательну должно быть человѣку въ наблюденіи за собою, если и самые избранные, надѣленные Божіими дарами, такъ легко увлекаются и такъ скоро падаютъ! Высокая душа Иннокентіева вѣрно сама будетъ рада такому обнаженію, чтобъ разсчесться вѣрнѣе съ своими современниками и не получить отъ земли ничего лишняго, а разсчетъ съ небомъ у всякаго особый, его же никто исповѣсть до Страшнаго Суда Божія.*

Друзьямъ Иннокентія, слѣдовательно, нечего опасаться за его славу, за его память: какъ бы ни были велики его проступки, у него много еще останется въ запасѣ достоинствъ, за которыя должно будетъ намъ поминать имя его съ благодарностію.

Прости, нашъ незабвенный Иннокентій! Да останутся эти бѣдныя, стѣсненныя строки, на одрѣ тяжкой болѣзни, изъ глубины сердца слезами съ кровію написанныя, свидѣтельствомъ, хоть предъ немногими внимательными, моего искренняго къ тебѣ уваженія и горячей любви".

Вылившаяся изъ души статья эта не могла явиться въ то время въ печати въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Выражая полное сочувствіе Погодину, Протопресвитеръ В. Б. Бажановъ (6 іюля 1857 года) писалъ ему: „Вполнѣ раздѣляю скорбь вашу о кончинѣ преосвященнаго Иннокентія—незабвеннаго, незамѣнимаго. Я познакомился съ нимъ въ 1823 г. и пользовался дружескимъ его расположеніемъ и довѣріемъ, которое съ лѣтами, болѣе и болѣе возрастало; я зналъ его! Да проститъ ему Господь всѣ согрѣшенія его за то добро, которое онъ сдѣлалъ, и которое желалъ еще сдѣлать. Многое унесъ онъ съ собою, что было бы весьма полезно для Россіи. Вы оцѣнили его достойно и праведно; но едва ли оцѣнка ваша въ настоящемъ видѣ можетъ явиться въ свѣтъ. Въ утѣшеніе скажу вамъ, что на дняхъ явится въ одномъ изъ журналовъ оффиціальное донесеніе о кончинѣ и послѣднихъ дняхъ его,—присланное въ Синодъ, — умилительное для всѣхъ, отрадное для друзей и назидательное для его недоброжелателей, которые, если и есть, то, полагаю, въ самомъ незначительномъ числѣ".

Въ томъ же письмѣ читаемъ и слѣдующее: „Откуда взялся слухъ о сокращеніи Богослуженія? Кому можетъ придти это въ голову?—Мы думаемъ о противномъ. Вѣроятно, это смѣшали съ сокращеніемъ именъ въ эктеніяхъ, о которомъ, была рѣчь, и это, вѣроятно, послѣдуетъ".

Но Погодинъ письмомъ Бажанова остался недоволенъ, и въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 7 іюля 1857 года, записалъ: „Письмо отъ Бажанова. Царедворское". Статью же свою отправилъ въ *Московскія Вѣдомости*, для напечатанія; но Коршъ не рѣшился напечатать ее безъ цензуры, а потому представилъ эту статью въ Московскій Цензурный Комитетъ, который, разсмотрѣвъ оную, нашелъ, что „изображаемыя здѣсь черты изъ жизни покойнаго архіепископа Иннокентія, какъ члена Святѣйшаго Синода, подлежатъ предварительно разсмотрѣнію онаго".

Въ засѣданіи Главнаго Управленія Цензуры, 11 іюля 1857 года, послѣ прочтенія статьи Погодина, поручено было К. С. Сербиновичу узнать о ней мнѣніе Духовнаго Вѣдом-

ства. Сербиновичъ, впослѣдствіи, сообщилъ объ этомъ словесно князю П. А. Вяземскому и вручилъ особую записку, на основаніи которой, 30 іюля 1857 года, послана была бумага къ попечителю Московскаго Учебнаго Округа слѣдующаго содержанія: „Прилагаемая у сего въ рукописи статья Погодина, подъ заглавіемъ *Кончина Иннокентія*, нѣсколько измѣненная противу доставленнаго вами корректурнаго листа, была передаваема на разсмотрѣніе Духовнаго Вѣдомства, которое отозвалось, что сія рукопись можетъ быть допущена къ печати, по сдѣланіи въ оной измѣненій, показанныхъ въ препровождаемой при семъ особой запискѣ. Покорнѣйше прошу сообщить о томъ Погодину".

Порученіе это касательно Погодина исполнилъ Коршъ, который 6 августа 1857 года, писалъ ему: „Петербургская Цензура возвратила вашу статью не въ корректурѣ, а въ копіи, присоединивъ слѣдующія замѣчанія: 1) Въ заглавіи надобно прибавить: *Архіепископа Херсонскаго*, ибо есть и другой, въ своемъ родѣ достойнѣйшій, Иннокентій Камчатскій. 2) По важности значенія слова *архіерей* исключить это слово въ трехъ мѣстахъ, какъ отмѣчено. Можно ли въ общемъ смыслѣ понятіе объ архіереѣ отдѣлять отъ понятія о другѣ человѣчества, о братѣ, любящемъ меньшую братію? 3) Ежели духовная особа знаетъ также хорошо всѣ свѣтскія науки, какъ и Патристику, то это внушаетъ невыгодное понятіе о ея духовныхъ познаніяхъ. Напротивъ, Патристику и прочія духовныя—нужно архіерею знать спеціально во всей полнотѣ. 4) „На *всѣхъ* батареяхъ, на *всѣхъ* бастіонахъ, во *всѣхъ* лагеряхъ, во *всѣхъ* больницахъ". Что не правдоподобно, то лишаетъ правдивости похвалу. 5) Вмѣсто: *когда людей совсѣмъ нѣтъ*, лучше сказать: *когда особенно нужны ревностные дѣятели*... Сообщивъ это, Коршъ прибавляетъ: „Знаете ли вы, что ваша статья напечатана въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* безъ Петербургской цензуры"?

Отъ себя же князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Не гнѣвайтесь на насъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ.

Мы право не виноваты, а ужъ если есть охота гнѣваться, то обратите гнѣвъ на себя. Вы многосложно, многосторонно, вы кругомъ и съ головы до пятокъ виноваты. Во-первыхъ, какъ вамъ, академику, разныхъ обществъ и разныхъ орденовъ члену и кавалеру не знать, что статья, подобная вашей, не подъ мѣру нашей цензурѣ, и что пропустить ее въ первобытномъ ея видѣ, было дѣло невозможное. Пропусти ее, и все на васъ и на насъ возстало бы, военачальники, градоначальники, духовенство и наконецъ, самые приверженцы Иннокентія. Въ вашей статьѣ всему и всѣмъ достается, начиная отъ Господа Бога.

О, ты, что въ горести напрасно,
На Бога ропщешь человѣкъ!

Вы призываете къ отвѣту Бога. Вы уничтожаете Россію, наконецъ, вы добираетесь и до самого Иннокентія, и даете недоброжелателямъ и злымъ толкамъ полный просторъ обвиненіямъ и подозрѣніямъ всякаго рода. Между тѣмъ, въ вашей статьѣ много очень хорошаго, дѣльнаго и справедливаго, хотя есть и часть несправедливости. Нельзя сказать, чтобы Россія вовсе обнищала смертью одного человѣка. Нельзя сказать, чтобы Иннокентій прошелъ по Россіи незамѣченнымъ. Онъ не былъ митрополитомъ, это правда, но лично былъ возвышенъ саномъ, почестями и пр. Чтобы дать статьѣ нѣкоторую законную благовидность, мы ее съ графомъ Блудовымъ постригли, ногти и волоса, пообрили, и представили ее въ Главное Управленіе Цензуры. Тутъ пріемъ ей былъ короткій, кое что замѣтили, но дѣло такъ-бы и обошлось, если вслѣдъ за этимъ, не узнали-бы мы, что статья ваша передана была и отцу Бажанову. Слѣдовательно, вы побѣжали за двумя зайцами, за гражданскою и духовною цензурою, а рѣчь духовнаго зайца впереди, такъ что намъ уже и думать было нечего. Духовная цензура еще пощипала вашу статью, которая нынѣ, вдвойнѣ пересмотрѣнная и исправленная, отправлена въ Московскій Цензурный Комитетъ, на ваше благоусмотрѣніе и дальнѣйшее отъ васъ зависящее распоря-

женіе. Вотъ вамъ полный отчетъ. Мы дѣйствовали усердно и добросовѣстно. Гнѣваться вамъ на насъ не слѣдуетъ. Графъ Блудовъ отправляется сегодня въ Ревель".

XVIII.

„Преосвященный Іеремія *) уволенъ отъ службы, — писалъ Святитель Московскій своему Лаврскому намѣстнику Антонію,—а преосвященный Иннокентій—и отъ вѣка сего. Рано оба. Преосвященный Иннокентій имѣлъ по своему мѣсту порученія, для которыхъ не легко найти другого изобрѣтательнаго и распорядительнаго".

Дочь стараго университетскаго товарища Погодина, Надежда Ляликова, 25 іюля 1857 года, писала ему изъ Одессы: „Прочитавъ статью вашу о возлюбленномъ архипастырѣ нашемъ Иннокентіѣ, я чувствую сильное желаніе благодарить за прекрасныя строки: онѣ тронули до слезъ и останутся лучшимъ утѣшеніемъ въ грустныя минуты воспоминанія о немъ. Тяжело было привыкнуть къ мысли что Иннокентія уже не стало!.. Намъ, которые видѣли его такъ часто въ храмѣ, намъ ли когда нибудь позабыть то величіе его при совершеніи Божественной службы; тотъ кроткій, глубоко проникающій взглядъ, когда, опершись на посохъ, онъ начиналъ говорить. Незабвененъ великій постъ, когда во всей духовной красотѣ смиренія являлся Святитель нашъ, служа примѣромъ для всѣхъ и согрѣвалась молитва въ присутствіи его. Въ великую субботу, у заутрени, предъ плащаницею, какъ бы предчувствуя свою кончину, пропѣлъ онъ одинъ, давъ знакъ, чтобы молчали. А радостный день Воскресенія Спасителя! Кто не почувствовалъ радости въ сердцѣ,—когда радость была возвѣщена имъ. Блѣдность лица его оживилась восторгомъ и съ улыбкой на устахъ и ласковости во взорѣ обращался онъ

---

*) Епископъ Нижегородскій, былъ уволенъ на покой, въ Нижегородскій Печерскій монастырь, 17 іюня 1857 г. *Н. Б.*

къ каждому, кто подходилъ къ нему. Почти цѣлая свѣтлая недѣля его неутомимаго служенія и наконецъ въ воскресенье послѣдній разъ я видѣла его. Послѣдній разъ поцѣловала святительскую руку, меня благословившую и слышала голосъ его, когда онъ, обратясь, къ папенькѣ, сказалъ: *Супругу вашу не вижу.* „Она не совсѣмъ здорова ваше высокопреосвященство". *То-то; я такъ и полагалъ.* — Вскорѣ печальное извѣстіе изъ Крыма о болѣзни его отозвалось глубокою скорбью въ Одессѣ, — надежда на выздоровленіе была еще сильна, а предчувствіе говорило, что недолго онъ будетъ съ нами. Но вотъ, ему лучше и даже пронесся слухъ, что завтра (день Святыя Троицы) онъ будетъ присутствовать при литургіи, которую совершитъ викарій Херсонскій епископъ Поликарпъ *). Всѣ спѣшатъ увидѣть его скорѣе. 10 часовъ утра, а не слышно благовѣста въ соборѣ: зачѣмъ такъ медлятъ? Среди радостнаго ожиданія, во время обѣдни, провозглашена была первая вѣсть о кончинѣ его. И вотъ, мы видимъ его уже уснувшимъ сномъ смерти! Тоже спокойствіе въ незабвенныхъ чертахъ и не хочется отойти отъ драгоцѣннаго праха. Во гробѣ преосвященный нашъ! Надгробное пѣніе, прерываемое рыданіемъ пѣвчихъ дѣтей, слезы духовенства и народа, и останки великаго іерарха были опущены въ могилу, приготовленную съ лѣвой стороны, въ правомъ придѣлѣ собора. Кто равнодушно взглянетъ на мѣсто, покрытое чернымъ сукномъ, надъ которымъ теплится лампада! Сюда-то приходятъ погрустить и поклониться всѣ, кому дорого слово Евангелія, и кто имѣлъ счастіе слышать его благовѣствующимъ. Говорить о почившемъ архипастырѣ съ тѣми кого любилъ онъ, доставляетъ великую радость для души и я вполнѣ вѣрю, что вы меня простите, что, зная ваши обширныя занятія, я рѣшилась написать къ вамъ. Да хранитъ святое Провидѣніе васъ и семейство ваше на многіе годы"...

---

*) Викарій Одесскій, потомъ епископъ Орловскій. Преставился 29 августа 1867 года.

Самъ же Ляликовъ писалъ своему товарищу: „Въ обхожденіи преосвященный былъ со всѣми привѣтливъ и ласковъ. Ученыхъ любилъ и часто бесѣдовалъ... Чинъ служенія довелъ до великолѣпія. На проповѣдь его сбирались тысячи всѣхъ сословій. Посѣщалъ охотно засѣданія двухъ здѣшнихъ обществъ Сельскаго Хозяйства и Исторіи и Древностей, и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Любимымъ желаніемъ его и разговоромъ, въ послѣднее время, было ѣхать въ Іерусалимъ“.

Но не всѣ чтили память покойнаго Святителя. Такъ, когда больной и убитый горемъ Погодинъ писалъ Кокореву: „А кончина Иннокентія. Какъ я былъ пораженъ. Что за злосчастная судьба. Какъ на выборъ погибаютъ люди лучшіе“! На это Кокоревъ отвѣчалъ: „*Не вижу потери. Все игралъ покойникъ на старой общей дудкѣ*“. Но надо замѣтить что Кокоревъ былъ раскольникъ.

Хомяковъ, упрекая газету *Молву* за равнодушіе къ современной дѣйствительности, писалъ къ Кошелеву: „Вообрази, что я редакторамъ долженъ былъ напомнить, что надобно же что-нибудь сказать по случаю (весьма грустному) смерти Иннокентія, о которой ты вѣроятно уже знаешь. Пастырь не пастырь, а все-таки крайне замѣчательный человѣкъ, и смерть его нельзя не считать потерею и пройти молчаніемъ“.

Въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ, И. И. Давыдовъ помянулъ Иннокентія краснорѣчивымъ словомъ.

Но Никитенко, подъ 29 декабря 1857 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Актъ въ Академіи Наукъ. И. И. Давыдовъ утомилъ слушателей акаѳистомъ Иннокентію“.

Преемникомъ Иннокентія въ Одессу былъ назначенъ любимый ученикъ его Димитрій, епископъ Тульскій и Бѣлевскій. „Ты знаешь,—писалъ Хомяковъ Кошелеву,—что Иннокентій умеръ и что на его мѣсто назначенъ Дмитрій, нашъ Тульскій. Какъ я радъ, что объ его прощаніи съ Тулою не будетъ ничего въ газетахъ! Это было такъ хорошо, искренно

и трогательно, что стыдно было бы видѣть это вмѣстѣ съ прочими вѣстями о прощаніяхъ съ *обожаемыми* начальниками. Весь городъ подвинулся отъ мала до велика, и провожали его карету за нѣсколько верстъ пѣшкомъ; а въ соборѣ рыданія были общія. Находитъ же человѣкъ отзывъ хоть бы и у насъ! Я съ нимъ много говорилъ о Болгарахъ: вѣдь теперь онъ долженъ о нихъ печься. На него, кажется, можно надѣяться".

Въ письмѣ своемъ къ Ю. Ѳ. Самарину, Хомяковъ писалъ: „Дмитрій, къ крайнему удивленію всѣхъ рясоносцевъ, поступилъ на мѣсто Иннокентія. Необычайное повышеніе. Ему же поручится Болгарское дѣло. Я объ немъ уже говорилъ и нашелъ большое сочувствіе. Намъ, можетъ быть, можно будетъ сильнѣе за это дѣло приняться, чѣмъ прежде. Дмитрій не эгоистъ, какъ его предшественникъ".

Въ письмѣ же къ самому оберъ-прокурору Св. Сѵнода, графу А. П. Толстому, Хомяковъ писалъ: „Когда вы нынѣшній годъ посѣтили меня болящаго въ Москвѣ, вы разспрашивали меня объ нашемъ Тульскомъ архіереѣ Дмитріѣ. Я сказалъ вамъ свое мнѣніе, но теперь считаю обязанностію, къ своему личному мнѣнію о немъ, прибавить разсказъ о томъ, какъ выразилось мнѣніе общественное. Можетъ быть, уже вамъ все это извѣстно, но разскажу на всякій случай. Пріѣхалъ я въ деревню въ концѣ іюня, и бездна хлопотъ долго мѣшала мнѣ быть въ Тулѣ, чтобы проститься съ нашимъ пастыремъ. Наконецъ, за три дня до его отъѣзда, былъ я у него вечеромъ наединѣ. Разговоръ, разумѣется, скоро обратился на его будущія дѣйствія въ Одессѣ по дѣламъ нашихъ единовѣрцевъ. Горячее его участіе въ ихъ жалкой судьбѣ, увлеченіе, съ которымъ онъ говорилъ объ нихъ, меня истинно порадовали, и вамъ пріятно будетъ знать, что вы будете въ немъ имѣть ревностнаго дѣлателя, совершенно чуждаго всякимъ личнымъ видамъ, всякимъ любіямъ, кромѣ человѣко- и правдо-любія. Особенно же, думаю я, будетъ пріятно вамъ слышать, какъ онъ говорилъ объ отношеніяхъ

Грековъ къ Славянамъ: „Первое дѣло въ самомъ церковнослуженіи есть его дѣйствіе на душу и на нравственную жизнь христіанъ. Если языкъ непонятенъ народу, мы впадаемъ въ Латинство, и въ одно время разрушаемъ единство молитвы между пастырями и паствою, и лишаемъ церковную службу всякаго духовнаго вліянія на домашнюю жизнь христіанъ. Это важно во всѣхъ случаяхъ, а особенно въ народахъ непросвѣщенныхъ или неграмотныхъ". На это я ему отвѣчалъ, что вѣдь тутъ еще важенъ вопросъ о Вселенствѣ, ибо народность и провинціализмъ не должны съ нимъ входить въ соперничество. „Именно такъ",—сказалъ онъ. — „Это-то всего важнѣе. Отъ этого самаго и не должно допускать совершеннаго преобладанія одной народности надъ другою; ибо такое порабощеніе въ дѣлахъ духовныхъ было бы полнымъ торжествомъ провинціализма, совершенно противнаго Христіанству и Вселенству". Меня поразилъ такой, кажется мнѣ, новый и высокій взглядъ на отношеніе Вселенства къ народамъ. Я оставилъ его очень поздно и съ чувствомъ удвоенной къ нему любви. Но это все личныя мои впечатлѣнія, а вотъ какъ выразилось чувство общее. Три дня сряду отъ обѣдни до темнаго вечера приходили къ нему прощаться всѣ горожане и деревенскіе жители, случайно пришедшіе въ городъ. Ему положительно не давали даже обѣдать. Всѣ оружейники, всѣ мѣщане, женщины и мужчины перебывали у него. Этого не довольно: всѣ, кажется, дѣти приходили просить благословенія. Онъ роздалъ имъ до пяти тысячъ крестиковъ. Наконецъ, въ день отъѣзда (онъ захотѣлъ уѣхать прямо изъ церкви, такъ какъ и пріѣхалъ прямо въ церковь), соборъ былъ биткомъ набитъ, Кремль также, площадь передъ воротами и низъ Кіевской улицы также. Онъ служилъ какъ всегда, съ большимъ чувствомъ. Священники и діаконы безпрестанно останавливались, чтобы отирать глаза. Послѣ обѣдни онъ вышелъ проститься: благодарилъ за любовь, которой не заслужилъ; потомъ просилъ прощенія за все, чѣмъ могъ передъ кѣмъ-нибудь провиниться. „Простите меня, вашего

брата, какъ и сами просите, чтобы Господь васъ простилъ", прибавилъ нѣсколько словъ наставленія и увѣщанія и, наконецъ, просилъ, чтобы его не забыли въ молитвахъ, — живаго, чтобы Богъ далъ ему силы для исполненія долга, на немъ лежащаго, или мертваго, дабы Господь простилъ ему его слабость въ исполненіи этого долга. Онъ былъ сильно тронутъ самъ, и столько было слышно искренности въ его словахъ, что весь соборъ плакалъ на взрыдъ. Отъ собора до воротъ Кремля дошелъ онъ только часа черезъ два: такъ къ нему толпились. Губернаторъ и полицмейстеръ хотѣли раздвигать народъ, но не могли. Мѣщане добродушно обнимали ихъ, упрашивая, чтобъ имъ не мѣшали проститься съ своимъ епископомъ. Въ воротахъ онъ сѣлъ въ дорожную карету и ѣхалъ шагомъ въ густой толпѣ. Она его провожала не только до шлагбаума, но еще версты съ двѣ; и тогда только остановились, когда онъ вышелъ, просилъ, чтобы его не огорчали видомъ такого труда, принимаемаго изъ любви къ нему, и еще разъ далъ общее всѣмъ благословеніе. Тутъ было что-то напоминающее первые вѣка церкви, и конечно одна уже такая сцена облагораживаетъ и очищаетъ общую жизнь Этого не будетъ въ газетахъ, и слава Богу. Тамъ такъ много всякой лжи, оффиціальной и неоффиціальной, что такой прекрасной правдѣ тамъ не мѣсто; но я счелъ обязанностію разсказать ее вамъ, особенно послѣ разговора нашего о преосвященномъ Димитріѣ. Я увѣренъ, что эти подробности будутъ вамъ пріятны".

Къ достойному преемнику Иннокентія, самъ Погодинъ, 27 сентября 1857 года, писалъ: „Смѣю напомнить о себѣ вашему преосвященству. Мнѣ очень жаль, что мнѣ не удалось такъ долго съ вами встрѣчаться, но слухомъ земля полнится. Вы одолжили бы меня много, если бы, по наслѣдству незабвеннаго, благоволили сказать мнѣ два слова о положеніи Болгарскаго дѣла, въ которомъ принимаю я живое участіе. Еще, вы должны знать коротко покойнаго. Не напишите ли о немъ какой правды, хотя безъ имени. Онъ на-

полнялъ своими словами Отечество, а объ немъ царствуетъ совершенное молчаніе. Не слышится никакого спасиба. Такъ ли происходитъ въ Европѣ. Не найдете ли чего въ его бумагахъ примѣчательнаго? Письмо это доставитъ вамъ одинъ молодой болгаринъ, отправляющійся учить своихъ соотечественниковъ. Поручая себя благосклонному расположенію вашему и прося извиненія въ простотѣ моего отношенія,— больнехонекъ,—съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть имѣю".

Но Болгаре почитали Иннокентія, и одинъ изъ нихъ, Николай Палаузовъ (2 января 1858) писалъ къ Погодину: „Бумаги Иннокентія сбережены, по крайней мѣрѣ все то, что мы нашли — цѣло, и до послѣдняго клочка перейдетъ къ брату его. Будучи членомъ Коммиссіи, назначенной для разбора бумагъ и библіотеки, и сверхъ того повѣреннымъ брата, я особенно забочусь о сохраненіи всего того, что принадлежало Иннокентію. Каталоги и опись уже составлены; теперь они разсматриваются и приводятся въ порядокъ, послѣ чего будутъ представлены въ Св. Синодъ и не иначе перейдутъ къ брату, какъ по истеченіи 6-ти мѣсяцевъ. Великая и незамѣнимая потеря! Это былъ великій геній, коему оцѣнку не мнѣ дѣлать,—вы прекрасно описали его въ небольшой своей статьѣ, напечатанной въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*. Но кто напишетъ его біографію и разберетъ многостороннюю дѣятельность его! Объ этомъ я писалъ брату. Разумѣется. ближе всего вамъ, и никто другой достойно этого не сдѣлаетъ. Но для этого, братъ долженъ сообщить вамъ всѣ матеріалы. Нынѣшній преосвященный Димитрій прекрасныхъ свойствъ человѣкъ, принимаетъ участіе въ Болгарахъ, и искренно желаетъ имъ добра. Но Иннокентій былъ мужъ съ такими пружинами и съ такою силою къ дѣйствованію, которыя даются не многимъ".

Въ годовщину кончины Иннокентія, А. Н. Муравьеву давалось быть на Святыхъ Горахъ, и онъ оттуда писалъ: „Вчера мы слышали умилительную панихиду въ пещерской церкви Антонія и Ѳеодосія: это была годовщина архіепи-

скопа Иннокентія. Службу совершалъ соборнѣ архимандритъ и совершенно нечаянно избралъ сію подземную церковь для ранней литургіи; а между тѣмъ, эту лишь одну, во всей обители Святогорской, церковь освятилъ самъ Иннокентій! Архимандритъ Арсеній сказывалъ мнѣ, что въ послѣднее свое посѣщеніе обители, когда возвращался съ коронаціи, преосвященный Иннокентій, уже предчувствуя близкую свою кончину, прощаясь съ братіею во святыхъ вратахъ, поклонился до земли настоятелю и всему братству, прося себѣ прощенія, если чѣмъ ихъ оскорбилъ, во время управленія епархіею; потому что, присовокупилъ онъ: мы уже не свидимся болѣе въ земной жизни".

Въ 1867 году, Погодинъ издалъ *Вѣнокъ на могилу Высокопреосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Таврическаго.*

Еще до выхода въ свѣтъ этой книги, Погодинъ писалъ въ Парижъ, къ умирающему Шевыреву: „Вчера получилъ твое письмо вечеромъ и спѣшу отвѣчать нынѣ же. Посылаю чрезъ князя Дмитрія Оболенскаго цѣлую книжку объ Иннокентіѣ, которая по обстоятельствамъ еще не вышла въ свѣтъ, а къ тебѣ чрезъ почту пишу на всякій случай. Иннокентія, какъ оратора, ты знаешь лучше моего. Онъ говорилъ всегда проповѣди, а не читалъ. Это были импровизаціи обдуманныя. Записывалъ же чрезъ долгое время. Ученый онъ былъ многосторонній. Во всемъ принималъ живое участіе и всѣмъ занимался: Анатоміей и Военнымъ Искусствомъ. О Севастополѣ и Одессѣ у него было много мыслей, оправдавшихся на дѣлѣ. На всѣхъ опасныхъ мѣстахъ онъ былъ впереди—служилъ обѣдню въ Страстную Субботу и обходилъ соборъ подъ ядрами. Въ Севастополѣ ѣздилъ по всѣмъ батареямъ. Порывался всюду и нѣсколько разъ, не смотря на препятствія. Уничтоженія крѣпостного права алкалъ и жаждалъ. Въ 1841 году, еще въ Вологдѣ, сидя на берегу рѣки, на его дачѣ, мы положили въ память той минуты, выкупить при первомъ случаѣ, избы, разбросанныя по другому берегу. Вообразить нельзя, сказалъ онъ, сколько прибудетъ умствен-

наго нравственнаго капитала въ Русскомъ народѣ, вслѣдствіе освобожденія. Когда его обвиняли въ коммунизмѣ, онъ отвѣчалъ: я не училъ никогда брать, а училъ отдавать все. О Гегелевой Философіи говорилъ: удивительная тонкость—паутина! О Христіанствѣ говорилъ: еслибъ взглянуть на Христіанство даже только какъ на философскую систему, то всѣ системы прочія показались бы предъ нимъ, какъ ничто. Имѣніе свое, то-есть сочиненія, предоставилъ въ пользу училищъ, гдѣ училъ и учился. А его обвиняли въ корыстолюбіи! Имени его не слышится въ поганой литературѣ: для этого я хотѣлъ было издать этотъ *Вѣнокъ*. Объ *Изслѣдованіяхъ* моихъ онъ сказалъ мнѣ: прекрасно, но вотъ недостатокъ главный, или лучше, излишекъ: вы стараетесь, кажется, доказать, что дважды два не только четыре, но даже четыре съ половиною. Воображеніе богатѣйшее: что̀ онъ придумалъ сдѣлать въ Крыму, для возстановленія древнихъ святынь! Я былъ тамъ вездѣ и видѣлъ мѣста своими глазами. А устройство ходовъ, церквей и проч. Ѣздилъ я однажды осматривать съ нимъ церкви въ Вологдѣ: пріѣхали въ отдаленную церковь. Вычищено, освѣщено все, украшено. А покажи-ка свою купель. Купель-то принесли всю въ грязи и т. п. Ласковъ и любезенъ былъ съ своими подчиненными до невѣроятности. И этого человѣка ругаютъ у насъ подлецы. Ну, вотъ, желчь и поднялась. Ты виноватъ—а страстная недѣля на дворѣ. Знаешь ли мое извѣстіе объ его кончинѣ. Прочтешь въ книжкѣ".

Въ томъ же письмѣ Погодинъ проситъ Шевырева напомнить отцу Васильеву, „что въ церкви (т.-е. Парижской) и его камышекъ есть, а онъ и не откликнулся" [64]).

XIX.

Возвратившись изъ своего заграничнаго путешествія, Погодинъ засталъ въ Москвѣ возгорѣвшуюся съ новою силою словесную войну Западниковъ съ Славянофилами. Погодинъ

не принималъ въ ней непосредственнаго участія, но зорко къ ней присматривался, прислушивался и выжидалъ.

Русская Бесѣда, съ первыхъ же дней своего существованія, вступила въ упорную борьбу за Православныя Русскія начала съ своими „собесѣдниками" западнаго лагеря.

Съ самаго же появленія *Русскаго Вѣстника*, обозначилось въ немъ направленіе, впрочемъ, давно извѣстное, имѣющее уже полуторастолѣтнюю давность: это направленіе такъ называемое *западное*, долго не встрѣчавшее почти и противорѣчія.

Вслѣдъ за *Русскимъ Вѣстникомъ*, появилась и *Русская Бесѣда*, и въ ней выразилось направленіе новое, не болѣе, какъ лѣтъ пятнадцать возникшее опредѣленно въ Москвѣ, но предчувствуемое задолго прежде. Направленіе это въ нашей литературѣ встрѣчено было не возраженіями, не споромъ серьезнымъ, а бранью, насмѣшками и искаженіями, проповѣдуемой этимъ направленіемъ мысли. Петербургскіе журналы прозвали представителей новаго направленія *Славянофилами*. *Русскій Вѣстникъ* вступилъ съ *Русской Бесѣдой* въ серьезный споръ.

Русская Бесѣда огласила необходимость и возможность новыхъ началъ для Философіи; она ратовала за народность въ наукѣ и за Русское воззрѣніе; отстаивала Русскую сельскую общину; выразила несочувствіе къ писателямъ *натуральной школы* и наконецъ возстала противъ ученія, связаннаго съ именемъ Жоржъ Зандъ.

Во второй же книгѣ *Русской Бесѣды*, было напечатано посмертное сочиненіе И. В. Кирѣевскаго: *О необходимости новыхъ началъ для Философіи*. „Оно содержитъ",—писалъ Хомяковъ,—„критику историческаго движенія философской науки, слѣдующая же часть должна была заключать въ себѣ догматическое построеніе новыхъ для нея началъ. Таково было намѣреніе автора, таковы были наши надежды: но Богъ судилъ иначе". И эту первую часть своего послѣдняго сочиненія И. В. Кирѣевскій заканчиваетъ такимъ словомъ: „Фи-

лософія Нѣмецкая, въ совокупности съ тѣмъ развитіемъ, которое она получила въ послѣдней системѣ Шеллинга, можетъ служить у насъ самою удобною ступенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ Древне-Русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цѣльному сознанію вѣрующаго разума".

Въ первой книгѣ *Русской Бесѣды* 1857 года, напечатаны *Отрывки*, найденныя въ бумагахъ И. В. Кирѣевскаго. Эти *Отрывки*, по словамъ Хомякова, даютъ предчувствовать мысль Кирѣевскаго и написаны „тѣмъ прозрачнымъ изящнымъ слогомъ", какимъ отличались всѣ статьи нашего мыслителя.

Вслѣдъ за этими *Отрывками* помѣщена статья А. С. Хомякова, въ которой трактуется о возможности новыхъ началъ для Философіи. Статья Хомякова „ведетъ читателя на тѣ высоты чистой мысли, на которыя всходъ очень труденъ, на которыхъ воздухъ такъ рѣдокъ, что дышать трудно, но съ которыхъ взоръ объемлетъ цѣлый міръ; человѣкъ, сходя оттуда въ цвѣтущія долины жизни, возвращается укрѣпленный и обогащенный духовно".

Знаменитый авторъ *Введенія въ науку Философіи*, ключарь Казанскаго собора протоіерей Θеодоръ Сидонскій, при отпѣваніи своего собрата И. В. Кирѣевскаго, 16 іюня 1856 года, при гробѣ его произнесъ: „...Да, братія, предъ нами гробъ Русскаго мыслителя,—мыслителя, которому величіе и достоинство Россіи, предшествовавшее и ожидаемое, кроющееся въ ея религіозно-нравственныхъ вѣрованіяхъ, составляли источникъ немаловажныхъ утѣшеній, которому *цѣльный образъ воззрѣнія*, какъ самъ онъ покойный выражался,—Православной Славянской Старины являлся залогомъ обновленія всего Европейскаго Просвѣщенія, а затѣмъ и общечеловѣческаго преуспѣянія... И задачею послѣдняго труда почившій поставилъ себѣ, если уже не отысканіе, то по крайней мѣрѣ указаніе возможности новыхъ началъ любомудрія... Но — не успѣлъ этотъ послѣдній трудъ почившаго

огласиться, какъ подвижникъ самъ отзывается отъ міра сего къ созерцанію лучшихъ зраковъ невечерняго свѣта. Совершился исходъ поборника принятыхъ отъ отцевъ и прадѣдовъ живыхъ убѣжденій: но трудъ вѣры его возвратить дѣтямъ—юному поколѣнію, сердца отцевъ—живыя убѣжденія въ преданіяхъ вѣры, ужели останется безплоднымъ, ужели пройдетъ въ ученомъ Русскомъ мірѣ, не возбудивъ новыхъ дарованій, не породивъ новыхъ изслѣдованій? Нѣтъ! Усиліе отстоять, раскрыть всю плодовитость убѣжденія, оживляющаго Православную Русскую грудь, не погаснетъ съ жизнію почившаго. Начало, и не безжизненное, положено. Иные дѣятели пойдутъ далѣе, разберутъ возбужденный вопросъ частнѣе, обсудятъ его многостороннѣе, и трудъ погребаемаго нами съ нимъ не погибнетъ! Чѣмъ изъ живѣйшаго убѣжденія въ истинѣ происходилъ онъ, тѣмъ больше доставлялъ блаженства работавшему: тѣмъ больше сохранитъ онъ и разовьетъ жизненности въ мірѣ духовномъ“! [65])

Выразителями мнѣній *Русской Бесѣды* о народности въ наукѣ и о Русскомъ воззрѣніи явились Ю. Ѳ. Самаринъ и К. С. Аксаковъ.

„Мы“ — писалъ Самаринъ, — „только тогда достигнемъ умственной самостоятельности, когда мысль наша найдетъ своенародную Русскую точку зрѣнія“.

Противъ этого, въ лицѣ М. Н. Каткова, Б. Н. Чичерина, возсталъ *Русскій Вѣстникъ* и утверждалъ, что въ наукѣ имѣетъ цѣну только общечеловѣческое воззрѣніе, а не народное“.

На это Самаринъ возражалъ: „Какъ отдѣлить общечеловѣческое отъ народнаго. Еще не родился тотъ геній, который размежевалъ бы всю область человѣческаго вѣдѣнія на двѣ полосы и поставилъ между ними столбы съ надписями: образованное и человѣческое—ложное и народное“!

„Мы хотимъ“,—писали въ *Русскомъ Вѣстникѣ*—„внести оригинальное воззрѣніе въ науку: это очень хорошо, но прежде чѣмъ помышлять о внесеніи чего-нибудь въ науку,

не лучше ли внести къ себѣ науку? Вмѣсто нашествія на науку, можетъ быть вовсе нежеланнаго ей, не лучше ли дать у себя мѣсто для развитія того духа, который творитъ и зиждетъ науку“?... Нѣтъ, не нужно дожидаться генія, который бы размежевалъ область человѣческаго вѣдѣнія и отмѣтилъ намъ для пользованія общечеловѣческое и образованное. ...Какъ далекъ отъ насъ древній міръ! Но разверните книгу Греческаго или Римскаго классика, и вы, образованный человѣкъ, тотчасъ же почувствуете себя въ своей средѣ; конечно, къ чести вашей, у васъ окажется гораздо болѣе общаго съ древнимъ Платономъ, Аристотелемъ, Цицерономъ, нежели съ Сквозникомъ-Дмухановскимъ — вашимъ современникомъ и соплеменникомъ“.

„Почтенный сотрудникъ нашъ“,—говоритъ въ заключеніе *Русскій Вѣстникъ*,—„Б. Н. Чичеринъ, первый, въ нашемъ журналѣ, поднявшій съ нашей точки зрѣнія вопросъ о народности въ наукѣ, уже достаточно высказалъ, въ какой мѣрѣ можетъ быть допускаемо вліяніе народности въ этомъ дѣлѣ. Народность, равно какъ и личность человѣка, можетъ болѣе или менѣе предрасполагать нашу мысль къ изученію того или другаго рода предметовъ, къ тому или другому логическому пути при разработкѣ данныхъ. Но наука не можетъ терпѣть, чтобы мысль, служащая ей органомъ, подчинялась какому-либо исторически установившемуся народному воззрѣнію на тотъ или другой предметъ вѣдѣнія... Вопросъ о Русской народности есть въ этомъ спорѣ вопросъ капитальный; только здѣсь, спеціально въ этомъ вопросѣ, обозначается то направленіе, которое получило въ нашей литературѣ, странное названіе славянофильскаго. Здѣсь главный предметъ спора, здѣсь все то, что заставило людей этого мнѣнія развернуть особое знамя“.

Съ своей стороны и К. С. Аксаковъ писалъ слѣдующее: „Не давно одно выраженіе, употребленное въ объявленіи о *Русской Бесѣдѣ*, подало поводъ къ нападеніямъ и толкамъ. Выраженіе это: *Русское воззрѣніе.* Оно точно не было объ-

ясненo, потому что это казалось излишнимъ и предполагалось, что оно не затруднитъ ничьего пониманія. Однако, послышались возраженія такого рода: „Воззрѣніе должно быть общечеловѣческое! Какой смыслъ можетъ имѣть Русское воззрѣніе“? Но неужели можно было думать, что въ программѣ *Русской Бесѣды* предполагалось такое Русское воззрѣніе, которое не будетъ въ то же время общечеловѣческимъ. Подобнаго мнѣнія, конечно, нельзя допустить, особенно со стороны тѣхъ людей, которымъ придаютъ названіе Славянофиловъ, которые обвиняются въ пристрастіи, будто бы, къ Россіи и которые конечно не захотятъ лишить ее высшаго достоинства, т.-е. человѣческаго. Теперь скажемъ о самомъ выраженіи, такъ странномъ для нѣкоторыхъ. Развѣ воззрѣніе народное исключаетъ воззрѣніе общечеловѣческое? Напротивъ. Вѣдь мы говоримъ напримѣръ: Англійская литература, Французская литература, Германская философія, Греческая философія. Отчего же это никого не смущаетъ? А вѣдь въ литературѣ, въ философіи, если она Англійская, Нѣмецкая и т. д., выражается и воззрѣніе народное. Всѣ это признаютъ. А если признаютъ за другими народами, то почему же не признать и за Русскимъ? Если народность не мѣшаетъ другимъ народамъ быть общечеловѣческими, то почему же должна она мѣшать Русскому народу? Дѣло человѣчества совершается народностями, которыя не только отъ того не исчезаютъ и не теряются, но, проникаясь общимъ содержаніемъ, возвышаются и свѣтлѣютъ, и оправдываются, какъ народности. Отнимать у Русскаго народа право имѣть свое Русское воззрѣніе — значитъ лишить его участія въ общемъ дѣлѣ человѣчества. Мало того: тогда только и является произведеніе литературы, или другое какое, вполнѣ общечеловѣческимъ, когда оно въ то же время совершенно народно. *Иліада* Гомера есть достояніе всемірное, и въ то же время есть явленіе чисто Греческое. Шекспиръ есть поэтъ, принадлежащій всему человѣчеству, и въ то же время совершенно народный, Англійскій. А именно этой-то народности, этого-то самобытнаго

воззрѣнія и не достаетъ нашей умственной дѣятельности; а отъ того, что въ ней нѣтъ народности, нѣтъ въ ней общечеловѣческаго. Мы уже полтораста лѣтъ стоимъ на почвѣ исключительной національности Европейской, въ жертву которой приносится наша народность; отъ того именно мы еще ничѣмъ и не обогатили науки. Мы, Русскіе, ничего не сдѣлали для *человѣчества* именно потому, что у насъ нѣтъ, не явилось по крайней мѣрѣ, *Русскаго воззрѣнія*. Странно было бы нападать изъ любви къ народности на общечеловѣческое: это значило бы отказывать своему народу въ имени человѣческомъ. И конечно такихъ нападеній нельзя ожидать отъ *Русской Бесѣды*, считающей, по смыслу своей програмы, общечеловѣческое — народнымъ Русскимъ достояніемъ. Въ чемъ же споръ? Постараемся представить его въ настоящемъ свѣтѣ. Русскій народъ имѣетъ прямое право, какъ народъ, на общечеловѣческое, а не чрезъ посредство и не съ позволенія Западной Европы. Къ Европѣ относится онъ критически и свободно, принимая отъ нея лишь то, что можетъ быть общимъ достояніемъ, а національность Европейскую откидывая. Онъ относится точно также къ Европѣ, какъ ко всѣмъ другимъ, древнимъ и современнымъ народамъ и странамъ: такъ думаютъ люди, называемые Славянофилами. Европеизмъ, имѣя, человѣческое значеніе, имѣетъ свою, и очень сильную, національность: вотъ чего не видятъ противники нашихъ мнѣній, не отдѣляющіе въ Европѣ человѣческаго отъ національнаго. И такъ, споръ поднятый настоящимъ образомъ, совершенно перемѣняетъ свое значеніе. Съ одной стороны, такъ-называемые Славянофилы стоятъ за общечеловѣческое и за прямое на него право Русскаго народа. Съ другой стороны, поборники Западной Европы стоятъ за исключительную Европейскую національность, которой придаютъ всемірное значеніе и ради которой они отнимаютъ у Русскаго народа его прямое право на общечеловѣческое. И такъ, наоборотъ, такъ-называемые Славянофилы стоятъ за общечеловѣческое, а противники ихъ — за исключительную на-

ціональность. Съ одной стороны, чувство свободы и любви; съ другой, — чувство зависимости и преданности авторитету. Вотъ настоящее положеніе вопроса. Но противники наши едва ли и передъ собой захотятъ съ этимъ согласиться" [66]).

Слѣдя за этимъ споромъ и въ то же время сочувствуя защитникамъ Русской народности, Казанскій профессоръ Ордынскій весьма ѣдко, но едва ли вполнѣ справедливо, писалъ Погодину: „Только карлики наши, умственные недоросли, эти пстые гасильники могутъ возставать противъ народности въ наукѣ; да и то только противъ *Русской* народности. Леонтьевъ, въ одномъ томѣ *Пропилеевъ*, высказываетъ очень ясно, что существуетъ Англійская народность въ наукѣ. Они готовы допустить даже Чувашскую, Мордовскую народность, но никакъ не Русскую. Понятно, почему: всѣ они гонялись цѣлый вѣкъ за модой въ наукѣ, за послѣдними, новѣйшими книгами, а еще паче брошюрами; дѣльно, основательно, никогда и ничему и не учились. На счастье ихъ Шихматовъ и Норовъ успѣли убить окончательно тѣ зародыши науки, которые показались было при Уваровѣ; имъ теперь раздолье: студенты и безграмотные, боятся труда, какъ огня. Что же будетъ, если молодость возмется за умъ и примется учиться? Вся ихъ, т.-е. гасильниковъ, слава, добытая такими гадкими и подлыми интригами, разлетится какъ дымъ".

По желанію Погодина, высказалъ свое мнѣніе о Русскомъ воззрѣніи и М. А. Дмитріевъ. „Вы требуете", — писалъ онъ, — „моего мнѣнія... Направленіе *Русской Бесѣды* честное; но оно не ясно. Споры о народномъ направленіи поднялись, а въ чемъ оно состоитъ, особенно въ наукѣ, издатели не выразились на-чисто! Это значитъ, что они и сами не ясно его понимаютъ. Прежде всего опредѣли ясно, да отъ этого и иди далѣе. А они только *чувствуютъ* чего хотятъ; а *не понимаютъ* ясно, въ чемъ это заключается именно, чего имъ хочется. Какая-то туманная любовь предмета" [67]).

Московскіе ученые очень внимательно прислушивались

къ мнѣніямъ Троицкихъ ученыхъ. Посредникомъ между ними и Славянофилами былъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

Князь Н. В. Шаховской, въ статьѣ своей: *Годъ службы Н. П. Гилярова-Платонова*, приводитъ весьма замѣчательное письмо его къ Троицкому профессору В. Д. Кудрявцеву, въ которомъ читаемъ: „У насъ есть слухъ, что Академія *Бесѣдою* недовольна. Изъ числа многихъ, разсказываемыхъ случаевъ, я укажу на одинъ, болѣе къ намъ близкій. Говорятъ, Филаретъ Александровичъ *) на своихъ лекціяхъ изъявилъ торжественное несогласіе съ Кирѣевскимъ (не съ положительной только стороны идеи Кирѣевскаго, что было бы понятно, но, главнѣйшимъ образомъ, съ отрицательной). Меня таки это удивляетъ. Да, удивляетъ и по многимъ причинамъ: во-первыхъ, взять хоть степень философскаго образованія, потомъ... Но что объ этомъ говорить! Разсказываютъ кое-что и другое въ доказательство недовольства Академіи. Излагать всего я вамъ не стану, а скажу только о размышленіяхъ, къ какимъ приводитъ меня этотъ фактъ, то-есть, не самое недовольство, а извѣстность здѣсь недовольства Академіи. Знаете ли (между прочимъ скажу вамъ въ скобкахъ, что я самъ, разумѣется, во многомъ недоволенъ *Бесѣдою*, и недоволенъ именно прежде всего ея Православіемъ, недоволенъ, во-вторыхъ, нелѣпо поставленнымъ вопросомъ о народности въ наукѣ, не лишеннымъ истины въ своей сущности, но принужденнымъ развиваться крайне странно, вслѣдствіе нелѣпо и по недомолвкѣ выраженнаго мнѣнія объ этомъ въ программѣ и пр.). Знаете ли, повторяю я, что меня интересуетъ, и, надобно сознаться, крайне забавляетъ въ этомъ? Зная хорошо почтенную Московскую Духовную Академію, я знаю, что такое тамъ значитъ наука, какъ смотрятъ на Православіе и что такое вообще убѣжденіе сего разсадника юношества, и зная все это, я вижу, что почтенные серьезные люди интересуются мнѣніемъ Троицкимъ, замѣчаютъ о та-

*) Сергіевскій. *Н. Б.*

мошнихъ убѣжденіяхъ, и размышляютъ о нихъ. Въ гостиной говорятъ, что Петръ Симонычъ Казанской, въ разговорѣ съ Бахметевой, сказалъ то-то и обнаружилъ такое-то историческое убѣжденіе. „Нѣтъ“, говорятъ другіе, „онъ совсѣмъ сказалъ не то; онъ сказалъ вотъ что и вотъ что, его убѣжденія вотъ какія“. А, какъ вамъ это покажется? Петръ Симонычъ! Убѣжденія!..

Извините за мою болтовню. Но начавъ уже писать на новомъ листикѣ, не хочу оставлять его недоконченнымъ. Скажу вамъ еще два слова о забавномъ и въ то же время грустномъ положеніи *Бесѣды*. *Бесѣда* объявила, что она за вѣру, и даже промолвилась, къ сожалѣнію, что она за Православіе. Это объявленіе и потомъ, наконецъ, надо сознаться, все-таки явная нравственная серьезность возбудили сочувствіе къ *Бесѣдѣ* со сторонъ духовныхъ. Сочувствіе это ясно обнаружилось: письма, изустныя извѣстія, собственныя признанія являются съ разныхъ концовъ Россіи! Но какое сочувствіе! Письма, нѣкоторыя признанія обнаружили, что *Бесѣду* считаютъ за продолженіе *Маяка*, или, по крайней мѣрѣ, желаютъ и надѣются этого продолженія. Представьте же себѣ комическое положеніе *Бесѣды*, которая возбудила вдругъ сочувствіе въ людяхъ, рѣшительно самыхъ нестоющихъ сочувствія, и наконецъ сочувствіе это относится вдругъ чортъ знаетъ къ чему, чего *Бесѣда* вовсе не думаетъ усвоивать и чѣмъ она гнушается! И что прикажете тутъ дѣлать? Какъ быть? Какъ освободиться отъ этихъ непрошеныхъ друзей, которые услугой своею положительно вредны. Скажу изъ безчисленныхъ примѣровъ одинъ. Харьковскій Филаретъ весьма благоволитъ къ *Бесѣдѣ*, проповѣдуетъ ее всѣмъ своимъ знакомымъ и въ то же время, въ томъ же разговорѣ съ тѣми же знакомыми съ жаромъ и энергіей высказываетъ и защищаетъ самыя обскурантическія идеи противъ свободы печатанія и мысли, противъ всякаго, въ комъ бы-то ни было неблаговоленія къ деспотическимъ формамъ. . И это высказывается и защищается, замѣтьте vis-à-vis съ Университетомъ, который, конечно, тамъ и имѣетъ

понятіе о бесѣдникахъ, какъ о чемъ-то родственномъ, по направленію, его преосвященству".

XX.

Сельская община составляла также предметъ спора между Западниками и Славянофилами.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* появилась статья Б. Н. Чичерина: *О Сельской Общинѣ въ Россіи.*

На основаніи изученія этого предмета по источникамъ, Чичеринъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная.

2) Она вовсе не похожа на общины другихъ Славянскихъ земель, сохранившихъ первобытный свой характеръ посреди историческаго движенія. Она имѣетъ свои особенности, но онѣ вытекаютъ собственно изъ Русской Исторіи.

3) Изъ родовой общины она сдѣлалась владѣльческой, а изъ владѣльческой—государственною.

4) Настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на землевладѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ по мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души.

Противъ мнѣнія Чичерина, въ *Русской Бесѣдѣ* выступилъ И. Д. Бѣляевъ. Изучая тотъ же предметъ, Бѣляевъ пришелъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Бѣляевъ утверждалъ:

1) Русская община есть, по преимуществу, товарищеская или, вѣрнѣе сказать, мірская. Она образовалась изъ самого быта Русскихъ людей; правительство же только мудро воспользовалось тѣмъ, что уже существовало въ правахъ и обычаяхъ народа.

2) Въ главныхъ чертахъ она тождественна съ общинами другихъ Славянскихъ земель, на сколько эти послѣднія общины не были искажены вліяніемъ Римства и истекающихъ изъ него гражданскихъ учрежденій.

3) Съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ она сохранила всѣ отличительныя черты, которыми рѣзко отличается отъ западныхъ Германскихъ и прочихъ общинъ—черты, составляющія главную основу порядка и величія въ настоящемъ и служащія залогомъ благоденствія и могущества Россіи въ будущемъ.

4) Настоящее устройство сельской общины вышло не изъ сословныхъ обязанностей, не изъ прикрѣпленія земледѣльцевъ къ мѣстамъ жительства и не изъ разложенія податей на души, а изъ тысячелѣтней жизни Русскаго народа и государства".

Вотъ начало продолжительныхъ споровъ *Русской Бесѣды* съ *Русскимъ Вѣстникомъ* объ этомъ предметѣ [68]).

По поводу этихъ споровъ К. Д. Кавелинъ писалъ Герцену: „Ты мечталъ, что якорь спасенія въ общинѣ. Мы не имѣемъ даже этого утѣшенія, видя какъ и она слѣдуетъ общему, тяготѣющему надъ нами закону разрушенія; въ этомъ признаются даже тѣ, которые также, какъ и ты, вѣруютъ въ Русскую общину" [69]).

Но нѣкоторые и изъ Западниковъ не раздѣляли мнѣнія Чичерина о сельской общинѣ. Такъ, В. П. Боткинъ, 7 іюня 1856 года, изъ Кунцова, писалъ П. В. Анненкову: „Чичеринъ возражать, кажется, сбирается; но чтобы онъ ни возражалъ, а воззрѣніе его не избавится отъ упрека въ нѣкоторой легкости, и никто на свѣтѣ не увѣритъ меня, чтобы общинное владѣніе было плодомъ позднѣйшаго законодательства, а не нравовъ, которые, напротивъ, перепутываютъ у насъ всякое законодательство".

Познакомившись съ статьею Б. Н. Чичерина, П А. Валуевъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Читалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* замѣчательную статью Б. Н. Чичерина *о Сельской Общинѣ въ Россіи.* Эта статья равно замѣчательна потому, что въ ней есть, и по тому чего въ ней нѣтъ. Замѣчательно и, кажется, справедливо отрицаніе патріархальности, восхваляемой Гакстгаузеномъ, т.-е. патріархальности

будто бы первобытной и будто бы доселѣ сохранившейся въ общинныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Въ этихъ отношеніяхъ Чичеринъ, напротивъ того, видитъ послѣдствія первобытнаго укрѣпленія крестьянъ землѣ и дальнѣйшихъ затѣмъ учредительныхъ мѣръ со стороны Правительства. Но, указывая на послѣдовательный ходъ переворота, авторъ, кажется, забываетъ, что для разъясненія вопроса о томъ, что́ была издревле Русская *сельская община*, недостаточно рѣшить вопросъ о раздѣльномъ и нераздѣльномъ владѣніи землею. О внутреннемъ устройствѣ и управленіи сельскихъ обществъ, которыя, конечно, существовали, хотя и были общинами въ *учредительномъ*, гражданственномъ, а не *землевладѣльческомъ* частноправномъ отношеніи, ничего, или почти ничего, не сказано. Слѣдовательно, и не опредѣленъ, съ подлежащею полнотою, древній бытъ нашихъ поселянъ. Если же въ концѣ статьи Чичеринъ говоритъ, что нынѣшняя сельская община „не зародышъ общественнаго развитія, а плодъ его", — то читатель не знаетъ, въ какомъ смыслѣ принять эти слова, въ прямомъ или ироническомъ. Называть „развитіемъ" укрѣпленіе землѣ, насильственное сосредоточеніе земледѣльцевъ въ большихъ селахъ и ежегодный передѣлъ земель,—т.-е. именно три главнѣйшія препятствія къ развитію сельскаго сословія и сельской промышленности,—какъ то походитъ на шараду, или, по крайней мѣрѣ, на крупный парадоксъ" [70]).

Между тѣмъ, споры въ Москвѣ о сельской общинѣ возбудили въ Кіевскихъ ученыхъ стремленіе къ изученію этого учрежденія. Вотъ что писалъ Погодину, изъ Кіева, М. В. Юзефовичъ: „Давно я не сообщался съ вами и вообще съ Москвою, хотя, безъ преувеличенія, сердцемъ и мыслію живу у васъ и съ вами. Недавно я получилъ письмо отъ друга, Михаила Александровича Максимовича, но еще не отвѣчалъ ему.—Буду писать на дняхъ, какъ къ нему, такъ къ Самарину и Кошелеву. И ему и имъ потрудитесь передать мой поклонъ. Теперь наше все вниманіе обращено здѣсь на отысканіе источниковъ, относящихся до нашего древняго общин-

наго быта. Есть на то свой поводъ надѣяться, но есть совершенное основаніе быть увѣреннымъ въ возможность полнаго объясненія этого вопроса посредствомъ актовъ, находящихся въ здѣшнемъ архивѣ и *ожидаемыхъ* изъ Львовскаго Бернардинскаго архива,—а также изъ Вильны и Витебска. Изъ того, что уже открыто у насъ, достаточно для несомнѣнности существованія въ самыя отдаленныя времена и общиннаго владѣнія землею. Имѣются уже слѣды для объясненія и самого способа распредѣленія этого владѣнія между членами общины. По выходѣ въ отставку Судіенки, я принялъ на себя предсѣдательство въ здѣшней Археографической Коммиссіи, чтобы всѣми силами и средствами содѣйствовать разрѣшенію этого коренного вопроса нашей Исторіи. Иванишевъ, спасибо, трудится надъ нимъ усердно. Сообщите объ этомъ общимъ друзьямъ нашимъ" [71]).

Свое изслѣдованіе о сельской общинѣ, извѣстный профессоръ Университета св. Владиміра Николай Дмитріевичъ Иванишевъ, напечаталъ въ *Русской Бесѣдѣ*, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи.*

Въ послѣсловіи къ этому изслѣдованію отъ *Русской Бесѣды* сказано: „Читатели *Русской Бесѣды*, безъ сомнѣнія, порадовались дѣльною и прекрасною статьею Иванишева и новымъ богатымъ пріобрѣтеніемъ, которымъ онъ подарилъ нашу историческую науку. Споръ о значеніи и существованіи общины, происходившій между сотрудниками *Русской Бесѣды* и тою школою, которой органомъ являлся Чичеринъ, былъ уже рѣшенъ противъ этой школы. Недавно изданный первый томъ *Актовъ, относящихся до Юридическаго быта Древней Россіи* (Калачова), и акты, сообщаемые Иванишевымъ, кладутъ только могильный камень на бренные останки кратковѣчной теоріи; но любопытно и поучительно разрѣшить слѣдующій вопросъ: отъ чего, при одинакихъ данныхъ, одно ученіе не усумнилось, ни на мгновеніе, въ существованіи и правахъ древней Русской общины, а противоположная школа

могла сомнѣваться въ нихъ и даже отвергать ихъ? Отвѣтъ нашъ будетъ весьма простъ. Школа относится къ явленіямъ Русской жизни, какъ къ явленіямъ, совершенно внѣшнимъ, о которыхъ она узнаетъ только путемъ внѣшнимъ и средствами случайными. Что писано, и уже разобрано, что на пергаментѣ или на бумагѣ, что засвидѣтельствовано вещественнымъ знакомъ, она то знаетъ, тому вѣритъ, и болѣе не знаетъ ничего. Въ дальнѣйшемъ развитіи своего мертваго и мнимаго прагматизма, она, по необходимости, теряетъ также то чувство истины художественной или человѣческой, которое не дозволяетъ принять картину Остада за картину Рафаэля, даже если бы на Остадѣ была поддѣлана подпись Рафаэля, подкрѣпленная свидѣтельствами, повидимому, несомнѣнными. Школа получила характеръ мертвенности; она уже не чуетъ жизни, и живого не понимаетъ нигдѣ, ни дома, ни въ чужихъ людяхъ. Другое отношеніе къ наукѣ находится тамъ, гдѣ прежде всего и болѣе всего требуется жизнь. Люди этого направленія легко могутъ чувствовать истину даже въ чужеземныхъ явленіяхъ, въ силу своей собственной человѣческой жизни. Это чувство художественной истины. Въ домашнихъ же явленіяхъ они чувствуютъ истину вслѣдствіе неотразимаго внутренняго убѣжденія. Они (въ Россіи) сознаютъ свое Русское, какъ человѣкъ чувствуетъ и знаетъ явленія своей собственной жизни, или какъ членъ сознаетъ жизнь организма, котораго онъ составляетъ часть. Люди сіи знали живую истину объ общинѣ, и акты письменные оправдали ихъ; противоположная школа не понимала Русской жизни, и теперь уличена бумагою и чернилами, единственнымъ оракуломъ, которому она вѣритъ, хотя и тотъ ей не вполнѣ доступенъ, потому что самыя письменныя явленія суть опять оболочка жизни. Отъ всей души желаемъ, чтобъ умный и трудолюбивый писатель, видя свою ошибку, понялъ ея причину. Не въ способностяхъ, не въ усидчивости, не въ доброй волѣ оказался онъ несостоятельнымъ, а въ живомъ чутьѣ Русской жизни, и этого чутья въ книгахъ не добудешь. Къ счастью,

у него еще много времени впереди. Всѣмъ нашимъ ученымъ совѣтуемъ помнить слова даровитаго Прескотта: „Во всякой Исторіи народной, писанной иноземцемъ, есть непремѣнно односторонность и непониманіе. Одноземство даетъ такія силы, которыхъ никакой геній замѣнить не можетъ“! Бѣда для насъ, когда мы своей землѣ не единоземны“.

Но Иванишевъ остался недоволенъ этимъ послѣсловіемъ *Русской Бесѣды* къ его статьѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ профессоръ Кіевской Духовной Академіи В. Ѳ. Пѣвницкій, въ письмѣ своемъ къ ризничему Московской Сѵнодальной Библіотеки архимандриту Саввѣ. Онъ писалъ: „Иванишевъ, помѣстившій статью объ общинахъ въ *Русской Бесѣдѣ*, недоволенъ за прибавленіе, сдѣланное къ его статьѣ редакціею *Русской Бесѣды*. Онъ вовсе не хотѣлъ, чтобы его статья была не только могильнымъ, но какимъ-нибудь камнемъ въ спорѣ, поднятомъ Чичеринымъ“ [72]).

Слѣдуетъ замѣтить, что въ книгѣ: *Крестьяне на Руси* И. Д. Бѣляевъ пришелъ къ совершенно тѣмъ же выводамъ относительно крестьянскаго землевладѣнія въ древней Росс[іи], какъ и Б. Н. Чичеринъ. Это было послѣднимъ указано въ книгѣ: *Русскій Дилеттантизмъ и Общинное землевладѣніе*.

Полемика *Русскаго Вѣстника* съ *Русскою Бесѣдою* произвела охлажденіе между старыми друзьями, А. Н. Поповымъ и М. Н. Катковымъ, что потребовало взаимнаго объясненія. 7-го марта 1857 года, М. Н. Катковъ писалъ А. Н. Попову: „Вы упрекаете *Русскій Вѣстникъ* за оскорбительныя выходки противъ *Русской Бесѣды*. Я рѣшительно не понимаю васъ, и если вы намекаете, что изъ-за меня дѣйствуютъ такъ неприлично другія лица, мои сотрудники, то позвольте и мнѣ думать, что въ этихъ незаслуженныхъ упрекахъ слышится не вашъ голосъ. Я увѣренъ, что вы сами, сообразивъ хладнокровно, согласитесь, что если и можно въ чемъ упкрекнуть *Русскій Вѣстникъ*, то, конечно, не въ излишествахъ полемики. Сдѣлайте милость, хоть по чувству справедливости, пересмотрите всѣ тѣ статьи въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, кото-

рыя вызваны были несогласіемъ съ нѣкоторыми статьями *Русской Бесѣды*. Въ моихъ *Замѣткахъ* не можете вы не усмотрѣть желаніе соглашенія, полное доброжелательство и готовность сочувствовать во многомъ существенномъ, конечно, при желаніи, чтобы это сочувственное выразилось явственнѣе и отдѣлилось отъ того, что, по моему мнѣнію, болѣе или менѣе невѣрно или составляетъ случайную примѣсь къ дѣлу. Я всегда такимъ образомъ отзывался о такъ называемыхъ Славянофилахъ, и вы сами всегда бывали не прочь соглашаться со мною во многомъ по этому предмету. Во всякомъ случаѣ *Замѣтки* мои не могли оскорбить никого; это засвидѣтельствовано даже и въ *Русской Бесѣдѣ*. Статья Чичерина о народности въ наукѣ также не представляетъ ничего оскорбительнаго, каково бы ни было ея достоинство. Сравните съ этими статьями, напримѣръ, статью Самарина о народномъ образованіи, гдѣ онъ такъ насмѣхается надъ своими противниками. У насъ бы достало умѣнья отвѣчать на это; поводовъ трунить было и намъ не мало; но *Русскій Вѣстникъ* не воспользовался ими. Вотъ почти все, что было собственно полемическаго противъ *Русской Бесѣды* въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Если же въ моемъ журналѣ поднялись статьи, которыя по своему содержанію не согласовались со взглядами *Русской Бесѣды*, то можетъ ли быть это поставлено въ укоръ журналу? Статьи эти были писаны лицами спеціальными, писаны съ прямою и единственною цѣлію разъяснить предметъ ихъ занятій и сообщить публикѣ результаты ихъ изслѣдованій. Какое бы право имѣлъ я отлучать подобныя статьи? Кое чему, особенно въ статьяхъ Чичерина, я и самъ не очень сочувствую; но я не могу въ своемъ журналѣ дѣйствовать деспотически и гнуть всѣхъ подъ одну мѣрку. Въ статьѣ ученой я прежде всего долженъ смотрѣть, въ духѣ ли науки постановленъ вопросъ; а болѣе или менѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе вопроса придетъ само собою. Главная задача журналиста, въ настоящее время, у насъ возбуждать вопросы и вызывать мысль на дѣятельность. Приглашая васъ къ уча-

стію въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, я видѣлъ въ васъ представителя того, что было мнѣ особенно сочувственно въ людяхъ, собравшихся теперь подъ знаменемъ *Русской Бесѣды*; я надѣялся найти въ васъ живую связь между обоими журналами. Какъ присланную вами статью, такъ и вообще ваше участіе, я ставлю высоко и очень огорченъ теперешней нашей размолвкой. Не отнимайте у меня статьи и не оставляйте меня; а я всегда былъ, такъ и желалъ бы всегда остаться, къ вамъ въ самой доброй пріязни. Если вы отмѣните ваше прежнее рѣшеніе, то сдѣлайте милость написать мнѣ двѣ-три строки, и статья ваша будетъ тотчасъ же напечатана; она была бы напечатана въ первыхъ книжкахъ, еслибы не письмо ваше. Если же я въ теченіе недѣли не получу отъ васъ отвѣта или получу отвѣтъ неблагопріятный, то я, скрѣпя сердце, возвращу ее вамъ черезъ контору" [73]).

XXI.

Въ *Русской Бесѣдѣ* противъ проповѣдниковъ ученія, связаннаго съ именемъ Жоржъ-Зандъ, выступилъ Тертій Ивановичъ Филипповъ и *воздвигъ* противъ себя *напастей бурю*.

Прежде чѣмъ приступимъ къ апологіи Т. И. Филиппова, приведемъ слово *Современника* о *Русской Бесѣдѣ*.

„Радушно привѣтствовали мы",—писалъ *Современникъ*,— „*Русскую Бесѣду*, и радовались основанію этого журнала, будто пріобрѣтаемъ въ немъ союзника по убѣжденіямъ, сподвижника въ общемъ дѣлѣ. А между тѣмъ, извѣстно было, что убѣжденія, раздѣляемыя *Современникомъ* со всѣми другими журналами, пользующимися большимъ или меньшимъ сочувствіемъ въ огромномъ большинствѣ просвѣщенныхъ людей нашей Земли, отвергаются *Русскою Бесѣдою*, какъ ошибочныя; извѣстно было, что *Русская Бесѣда* и основывается именно съ тою цѣлію, чтобы противодѣйствовать вліянію нашихъ мнѣній, если возможно — уничтожить его. Какъ же радоваться появленію противника? Или мы надѣялись, что

Русская Бесѣда будетъ не такова, какъ того всѣ ожидали, судя по программѣ, что она смягчитъ предполагаемую рѣзкость своего протеста, будетъ удаляться борьбы? Нѣтъ, этого нельзя было надѣяться. Программа и имена многихъ сотрудниковъ слишкомъ ясно убѣждали, что *Русская Бесѣда* начнетъ открытую и сильную борьбу. Ея воинственность обнаружилась еще до появленія первой книги журнала, споромъ ея редакціи съ *Московскими Вѣдомостями* о народномъ воззрѣніи въ наукѣ. *Русскій Вѣстникъ*, которому ближе Петербургскихъ журналовъ могли быть извѣстны намѣренія новаго журнала, также объявлялъ, что предвидитъ неизбѣжность жаркихъ преній съ *Русскою Бесѣдою*. Первая книга ея не замедлила оправдать эти предвѣстія. Всѣ статьи, сколько-нибудь выражающія духъ журнала, таковы, что ни одна не могла бы быть напечатана ни въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, ни въ *Отечественныхъ Запискахъ*, ни въ *Современникѣ*. *Русскій Вѣстникъ*, по своему мѣстному положенію, чувствующій на себѣ ближайшую обязанность обращать особенное вниманіе на *Русскую Бесѣду*, уже началъ съ нею серьезное преніе: первый же нумеръ его, вышедшій послѣ появленія *Русской Бесѣды*, содержитъ уже сильное возраженіе на важнѣйшую статью *Русской Бесѣды*, и мы должны сказать, что въ этомъ случаѣ мнѣнія, выраженныя *Русскимъ Вѣстникомъ*, кажутся намъ совершенно справедливыми. Нѣтъ сомнѣнія, что *Русская Бесѣда* будетъ защищаться и нападать, что названные нами выше Петербургскіе журналы должны принять участіе въ жаркихъ преніяхъ и, конечно, по характеру своихъ убѣжденій, станутъ не на сторонѣ *Русской Бесѣды*.

И, однако же, мы отъ искренняго сердца повторяемъ свое привѣтствіе *Русской Бесѣдѣ*, желаемъ ей долгаго, полнаго силы существованія. Это потому, что мы считаемъ существованіе *Русской Бесѣды* въ высокой степени полезнымъ для нашей литературы вообще и въ частности для тѣхъ началъ, противъ которыхъ возстаетъ она, которыя для насъ дороже всего, которыя мы защищали и всегда будемъ защи-

щать. Будемъ говорить откровенно: искренность — лучшее правило въ жизни; *Русская Бесѣда* сама обѣщаетъ искренность и, конечно, готова принять ее отъ другихъ.

Разногласіе между убѣжденіями Славянофиловъ, органомъ которыхъ хочетъ быть *Русская Бесѣда*, и убѣжденіями людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ. Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ стремленіяхъ противники совершенно сходятся, мы въ томъ убѣждены. Мы хотимъ свѣта и правды, — *Русская Бесѣда* также; мы, по мѣрѣ силъ, возстаемъ противъ пошлаго, низкаго и грязнаго, — *Русская Бесѣда* также; мы считаемъ кореннымъ врагомъ нашимъ, въ настоящее время, невѣжественную апатію, мертвенное простодушіе, лживую мишуру — *Русская Бесѣда* также. И, каковы бы ни были разногласія, мы увѣрены, что *Русская Бесѣда* въ сущности точно также понимаетъ всѣ эти слова, какъ и мы. Согласіе въ сущности стремленій такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ скоро рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ и та и другая сторона съ радостью откажется, какъ скоро кѣмъ-нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ высказано болѣе здравое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными Русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же.

Въ самомъ дѣлѣ, чего хотимъ мы всѣ? Увеличенія числа учащихся и выучивающихся; усиленія научной и литературной дѣятельности; проложенія желѣзныхъ дорогъ; разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ и т. д. Мы увѣрены, что какихъ бы началъ ни держался человѣкъ въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, онъ также будетъ отвергнутъ и *Русскою Бесѣдою*, какъ и нами, если не хочетъ всего этого. Возьмемъ вопросы болѣе частные. Чего, напримѣръ, тре-

буетъ *Русская Бесѣда* въ сферѣ научной дѣятельности? Полнѣйшаго и основательнѣйшаго знакомства съ Европейскою наукою, усиленной разработки всѣхъ отраслей науки, касающихся Русскаго міра, преимущественно Русскаго быта и Исторіи. Прекрасно. Мы всѣ хотимъ того же самаго, и *Русская Бесѣда*, конечно, не оскорбитъ никого изъ грамотныхъ людей Русскихъ подозрѣніемъ, что онъ не раздѣляетъ этихъ желаній. Въ чемъ же несогласіе между нами и Славянофилами. Въ вопросахъ, которые могутъ быть очень важны для Германіи или для Франціи, но которымъ у насъ не пришло еще время—служитъ достаточнымъ основаніемъ для разъединенія здравомыслящихъ людей. Это вопросы теоретическіе, пока еще вовсе не имѣющіе у насъ приложенія къ жизни,—вопросы, ведя споръ о которыхъ (насколько возможенъ у насъ споръ о нихъ), можно и должно у насъ не разрывать рукъ, соединяемыхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, существенно важныхъ, въ настоящее время, для нашей родины.

Такъ мы думаемъ и такъ всегда будемъ думать, пока *Русская Бесѣда* не измѣнитъ дѣлу Просвѣщенія и житейской правды, за которое теперь, не смотря на всѣ неумѣренныя (и, по нашему мнѣнію, рѣшительно преждевременныя) инвективы противъ людей, думающихъ объ отвлеченныхъ вопросахъ иначе, нежели она,—стойтъ она почти во всемъ существенно важномъ.

Будетъ ли она продолжать стоять за Просвѣщеніе? Надѣемся, основываясь на томъ, что издатель журнала Кошелевъ, къ числу главныхъ сотрудниковъ принадлежатъ: Аксаковы, Самаринъ, Хомяковъ, князь Черкасскій. Но постоянно ли будетъ оправдываться наша надежда, зависитъ отъ того, ихъ ли мнѣнія будутъ преобладать въ журналѣ. Это необходимо для того, чтобы журналъ пріобрѣлъ симпатію въ публикѣ и литературѣ, и, искренно желая того, откровенно выскажемъ, что *Русской Бесѣдѣ* предстоитъ внутренняя борьба

для сохраненія въ литературѣ мѣста, которое назначается ей ожиданіями публики“ [74]).

Но ожиданія и надежды *Современника* на *Русскую Бесѣду* не оправдались и не могли оправдаться, такъ какъ *Современникъ*, въ приведенной сей часъ, якобы хвалебной, статьѣ своей, стремился свести на нѣтъ тѣ православныя, Русскія начала, именуемыя имъ *отвлеченными, туманными вопросами, вопросами теоретическими, неимѣющими у насъ приложенія къ жизни*; но проповѣдь этихъ началъ и было жизненнымъ дѣломъ *Русской Бесѣды*. Это понималъ Хомяковъ и писалъ: „Не выдумали ли, политики, что такъ какъ уже нельзя избавиться отъ Славянофильства, такъ нельзя ли сдѣлать свое *ручное*, въ противоположность нашему дикому? *Slavenophilismus ad usum freilinarum*“.

Въ это-то самое время и выступилъ въ *Русской Бесѣдѣ* Т. И. Филипповъ сильнымъ противникомъ проповѣдниковъ ученія, связаннаго съ именемъ Жоржъ-Зандъ.

XXII.

Въ первой же книгѣ *Русской Бесѣды* 1856 года, появился разборъ народной драмы Островскаго *Не такъ живи, какъ хочется*, написанный Т. И. Филипповымъ.

Приступая къ разбору, критикъ замѣтилъ, что въ этомъ произведеніи предлагается художественное рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ: и вопросъ этотъ тѣмъ для насъ особенно занимателенъ, что рѣшается весьма различно, даже противоположно, у насъ и на Западѣ. Островскій взялъ въ содержаніе своей драмы происшествіе изъ нашей народной жизни, которымъ рѣшается этотъ вопросъ съ Русской точки зрѣнія.

За симъ, критикъ обращается къ романамъ Жоржъ Зандъ, и по нимъ знакомитъ съ воззрѣніями Запада на семейныя отношенія. Онъ пишетъ: „Самыя сильныя и опасныя по своему вліянію возраженія противъ семейнаго союза провоз-

глашались въ романахъ Жоржъ-Зандъ. Съ именемъ этой женщины связано столько зла, что говорить объ ея достоинствахъ приходится съ большой осторожностью... Злоупотребленія были для Занда только предлогомъ къ борьбѣ и снабжали ее живыми возраженіями; истинное же, внутреннее ея побужденіе было иное: ненасытимая страстность ея природы, влеченіямъ которой она предаться не хотѣла, не узаконивъ ихъ, вывела ее изъ здраваго понятія о правахъ личной любви, которое предлагается уставомъ Христіанскаго брака. Обстоятельства, естественно ограничивающія произволъ нашихъ личныхъ ощущеній, показались ей насильственными и несодержащими въ себѣ неприкосновенной правды: она ихъ переступила и свое преступленіе задумала возвести на степень общаго закона"...

Высказавъ это, критикъ знакомитъ и съ самимъ ученіемъ, проповѣдуемымъ Жоржъ-Зандъ. „За единственное основаніе сердечнаго союза", — пишетъ онъ, — „принята любовь, какъ источникъ личнаго эгоистическаго наслажденія, а все остальное, всѣ обязанности, соединенныя съ этимъ союзомъ, напримѣръ, хоть бы судьба дѣтей, все это препоручалось случайному устройству, какъ нѣчто не существенное, а второстепенное. То, что въ Христіанскомъ бракѣ почитается поводомъ, здѣсь стало цѣлью, и наоборотъ. Такой извращенный порядокъ мышленія имѣлъ необыкновенно разрушительныя послѣдствія: то, что прежде сдерживалось предписаніями нравственнаго закона, получило не только свободу, но какой-то призывъ на усиленное развитіе. Изящество любовнаго наслажденія, столь приманчивое для кипящаго юнаго возраста и столь опасное для его нравственной твердости, даже при тщательномъ огражденіи постановленій, вдругъ разрѣшается безусловно, даже съ поощреніемъ. Женщина, до того времени исключенная изъ позорныхъ правъ, восхищенныхъ мужчиною, получила уравненіе съ нимъ въ этихъ правахъ, и все, что отъ вѣка считалось ея украшеніемъ: стыдъ, цѣломудріе, скромность, вѣрность однажды сдѣланному выбору, — изгонялось, какъ

обветшалая принадлежность прежняго времени съ его предразсудками. Отсюда-то происходитъ это мрачное уныніе современнаго поколѣнія, ибо священнѣйшія тайны нашего бытія, источникъ нашего счастія, нагло обнажаются прежде времени, и жизнь чрезъ то теряетъ всю свою красоту; отсюда и это общее умственное, нравственное и тѣлесное разслабленіе въ наше время, признанное свидѣтельствомъ лучшихъ умовъ и оплакиваемое друзьями человѣческаго рода. *Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ*, — есть выраженіе неловкое по обороту и по мѣстоимѣнію *всякъ*, но оно осмѣяно и обругано напрасно: оно не съ вѣтру сказано, а есть плодъ глубокихъ и безпристрастныхъ наблюденій надъ современностію. Да и какъ же иначе можетъ быть? Наслажденіе, ставъ основнымъ началомъ жизни, не можетъ воспитать ничего твердаго, сильнаго, здраваго, трезваго (это все послѣдствія воздержанія и мѣры); оно порождаетъ вялость, лѣнь, болѣзненность, тревогу ума. До чего доводятъ эти ученія женщину, имъ слѣдующую, объ этомъ я умолчу изъ стыда; гдѣ-то сказано: „на женщинѣ, какъ бы нѣкая узда, наложенъ естественный стыдъ; и если бы не онъ, то не спаслось бы ничто въ мірѣ“. Не слишкомъ ли я мрачно изобразилъ сущность и послѣдствія новыхъ Европейскихъ ученій? Но возьмемъ образчикъ. Самымъ полнѣйшимъ образомъ выражены понятія Жоржъ-Занда о любви, въ ея знаменитомъ романѣ *Люкреція Флоріани*: эта женщина, представленная образцовою и во многихъ другихъ отношеніяхъ, въ особенности является такою въ своихъ понятіяхъ о любви и въ своихъ способахъ установлять сердечныя отношенія. Что же такое Люкреція Флоріани? Это есть мать четверыхъ дѣтей отъ различныхъ и живыхъ еще отцевъ, вступающая въ новый союзъ, который и составляетъ содержаніе романа. Какое же правило было у этой женщины при переходѣ отъ одного избранника къ другому? Не очень мудреное: „Я его прогнала“, говоритъ она про одного изъ нихъ. „Впрочемъ, я никогда не отдавалась безъ увлеченія“, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ; и

вотъ все, чѣмъ она руководствовалась въ своихъ выборахъ. Что же еще остается? Еще бы безъ увлеченія"!

„Таковъ",—пишетъ критикъ,—„послѣдній выводъ Европейской жизни и мысли въ столь существенной области человѣческаго быта? Не скажутъ-ли, что это вовсе не общій взглядъ въ Европѣ на эти отношенія, а частно принадлежащій извѣстному писателю? Но Зандъ не столько нововводительница, сколько угадчица общаго настроенія западныхъ обществъ, которое она только выяснила и привела въ порядокъ силою своего дарованія *); кто жъ бы принялъ ея уроки, еслибы въ умахъ было заготовлено твердое имъ противодѣйствіе? А ея романы обошли всю Европу, всюду собирали обильную дань. Притомъ ея понятія естественно выводятся изъ Европейскаго невѣрія, въ распространеніи и владычествѣ котораго на западѣ, я думаю, не имѣетъ сомнѣнія никто: ни тотъ, кто этому радъ, ни тотъ, кого это печалитъ. Когда же невѣріе ограничитъ стремленія человѣка предѣломъ его земнаго быта, куда же дѣться чувству? Отказаться отъ счастія, небеснаго или земнаго, оно не можетъ (это его природа—искать счастія); небо затворено, земная дѣйствительная жизнь даетъ мало; остается строить самодѣльный рай. Нужды нѣтъ, что онъ похожъ на магометанскій: „часъ—да мой"! вотъ все, къ чему приводится человѣкъ, лишенный Христіанскаго упованія. Если мнѣ докажутъ противное, т.-е. что Зандъ есть явленіе частное, особенное, возникшее внѣ связи съ общимъ ходомъ западной жизни, я нимало не поколеблюсь отказаться отъ своего мнѣнія, но я сомнѣваюсь въ возможности это доказать, и Европа врядъ ли откажется отъ Занда, которую она считаетъ плодомъ своихъ умственныхъ и общественныхъ успѣховъ".

---

*) А. Хомяковъ развилъ эту мысль въ своей статьѣ: *Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ*; тамъ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Жоржъ-Зандъ переводитъ въ сознаніе и въ область науки только ту мысль, которая была проявлена въ жизни Ниноною и которой относительная справедливость къ обществу была доказана истиннымъ уваженіемъ общества къ этой дерзко-логической женщинѣ". *Т. Ф.*

Какъ бы иллюстраціею къ изложенному можетъ служить совѣтъ святочтимаго Печерскаго схимника Парфенія, данный одной дѣвицѣ, принадлежащей къ одному благочестивому, пользующемуся уваженіемъ всей Россіи семейству. Схимникъ пишетъ: „Чадо Божіе Елизавета! Желалъ бы азъ недостойный пребыти тебѣ дѣвою. Вить ваши сестры многія иногда ошибаются въ мущинахъ. Отъ частаго свиданія, пондравится, и не чаетъ его себѣ достать а доставши—вскорѣ не чаетъ его избыть“...

XXIII.

Познакомивъ съ идеями западными, Т. И. Филипповъ переходитъ къ разсмотрѣнію Русскаго міросозерцанія. Прежде всего онъ задаетъ вопросы: „Гдѣ же нашъ Русскій взглядъ? Гдѣ его искать? Существуетъ ли онъ гдѣ-нибудь, строго опредѣленный? Развѣ у насъ въ обществѣ нѣтъ вовсе этихъ грустныхъ явленій, которыя въ такомъ множествѣ встрѣчаются и даже узаконяются на западѣ“?

„Конечно есть“,—отвѣчаетъ Филипповъ,—„и не мало. Но вѣдь у насъ много своего, а болѣе того чужаго, и чувство справедливости велитъ намъ отдать Занду западное, а себѣ оставить свое. Западъ и у насъ посѣялъ много злаго, пошатнулъ въ нашемъ сознаніи не мало нравственныхъ началъ: это необходимыя слѣдствія нашихъ неосторожныхъ съ нимъ сближеній, чуждыхъ всякой осмотрительности и разбора. Намъ довольно знать, что то или другое идетъ съ *просвѣщеннаго* запада, и мы, какъ будто какіе неопытные малолѣтки, бросаемся на все съ жадностію и кучей загребаемъ, что ни попало, по пословицѣ: „Клади въ мѣшокъ—дома разберемъ“. Мы однако не будемъ распространяться о явленіяхъ нашей общественной жизни: онѣ извѣстны столько же читателю, сколько и мнѣ; притомъ въ нихъ многое проистекаетъ не изъ сознательныхъ побужденій, а изъ невольныхъ увлеченій, и все это такъ смѣшано, что трудно съ точностію разгра-

ничить, что̀ въ нихъ своего, и что̀ чужаго. Обратимся лучше къ нашей Словесности, которая должна намъ представить не житейскія невольныя увлеченія, а твердо сознанныя и исповѣдуемыя начала; и тутъ мы найдемъ не мало слѣдовъ чужаго вліянія. Припомнимъ, напримѣръ, какіе упреки сыпались на Татьяну Пушкина за то, что она не измѣнила мужу, къ которому не имѣла особой нѣжности, для Онѣгина, котораго любила и котораго видѣла у своихъ ногъ. „Вотъ по-истинѣ Русская женщина"! говорили про нее съ язвительной насмѣшкой. Да, мы еще счастливы, что съ понятіемъ о Русской женщинѣ самые враги наши соединяютъ способность не только любить такъ, какъ любила Татьяна, но и такой строгій взглядъ на свои обязанности: — да, это *наша* Русская женщина не купила счастія цѣною совѣсти: слава ей! О, если бы эта слава осталась на вѣки за нею! Если бы Просвѣщеніе запада никогда не увѣрило ея, что вѣрность и честь суть принадлежности слабаго умственнаго развитія, что позорное счастіе лучше чистой скорби! И кто же предпочтенъ Татьянѣ ея суровымъ критикомъ? *) Вѣра изъ *Героя нашего времени*: эта женщина, которую нѣкогда любилъ Печоринъ, потомъ бросилъ, а она все отъ него не отстаетъ, и когда онъ ее отъ скуки кликнетъ, бѣжитъ къ нему опрометью, боясь пропустить счастливую минуту его прихоти! И у этого человѣка поворачивался языкъ говорить о человѣческомъ достоинствѣ! Конечно, мы попривыкли-таки ко всякимъ понятіямъ (и то сказать, ужъ пора), слухъ нашъ притерпѣлся, но, кому не въ привычку,—я не знаю,—это должно привести въ содроганіе. Представьте себѣ свѣжаго человѣка съ естественно развитымъ чувствомъ, воспитаннаго вдали отъ современнаго растлѣнія, какъ на него должно это подѣйствовать? Нужно ли распространяться еще о тѣхъ романахъ и повѣстяхъ, въ которыхъ изображается на разные лады, какъ дѣвушка идетъ замужъ рѣшительно по своей волѣ,

---

*) Бѣлинскимъ. *Н. Б.*

даже по любви, сперва живетъ съ мужемъ счастливо, потомъ подвертывается кто-нибудь побойчѣе мужа, и начинается драма: и виноватаго не сыщешь! Еще какъ-то такъ выходитъ, что мужъ виноватъ: чего онъ глядѣлъ? не видалъ развѣ, кого за себя бралъ? Это уже *западъ*.

Не грубо ли я обошелся съ содержаніемъ нашихъ западныхъ повѣстей и романовъ? Можетъ быть, меня обвинятъ въ томъ, что я не принялъ во вниманіе тонкости чувствъ и т. п.? Но бѣда пускаться въ тонкости: здравая совѣсть всегда нѣсколько груба и не льститъ пороку, какъ бы прилично онъ себя ни одѣвалъ, какихъ бы искусныхъ и благовидныхъ извѣтовъ къ самооправданію онъ ни изыскивалъ. Мерзость — все мерзость, грѣхъ — все-таки грѣхъ, хотя бы кто грѣшилъ и съ высшей точки зрѣнія".

Высказавъ это, критикъ опять спрашиваетъ: „Но гдѣ же наконецъ нашъ взглядъ, собственно Русскій? На Татьянѣ нельзя же основать никакого общаго всему народу воззрѣнія? Я и не имѣлъ такого намѣренія, и о Татьянѣ упомянулъ только по данному поводу. Такъ не присвоимъ ли мы себѣ Христіанскій взглядъ? Но онъ не нашъ, а общій всей церкви. Впрочемъ, мы имѣемъ нѣкоторое право назвать его нашимъ въ томъ смыслѣ, что нашъ народный бытъ устроенъ совершенно на основаніи Православныхъ мнѣній, что всѣ жизненныя отношенія, а въ томъ числѣ и семейныя, обсуждаются у насъ въ народѣ совершенно сообразно съ ученіемъ Православнымъ. Это должно быть извѣстно всякому, кто имѣетъ средства проникнуть, хоть нѣсколько, въ смыслъ нашей Русской жизни; крѣпость же Христіанскаго семейнаго начала есть отличительная черта нашего народнаго быта, признанная, кажется, и друзьями сего начала, и противниками, хотя тѣ и другіе судятъ о немъ разно. Но бытъ, скажутъ, дѣло темное: въ немъ такъ много противорѣчій, что не трудно сдѣлать ошибку въ выводѣ; объ немъ же такія ходятъ различныя, даже взаимно-противоположныя мнѣнія, что изъ него мудрено извлечь какія-либо безспорныя опре-

дѣленія нашей народной сущности. Я соглашаюсь съ этимъ возраженіемъ и предлагаю для своего дѣла другой источникъ, котораго нельзя ни оподозрить, ни отвергнуть: народную поэзію"...

Обращаясь къ этому источнику, критикъ пишетъ: „Есть у насъ въ народѣ пѣсня, которую всякій можетъ слышать и понынѣ, если часъ, другой постоитъ около любаго хоровода. Она начинается такъ:

Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!
Зайди, зайди, братецъ, ко сестрицѣ въ гости!

Содержаніе пѣсни такое: сестра, отданная замужъ въ недобрую семью, проситъ брата провѣдать ее и помочь ей совѣтомъ въ ея тяжеломъ и одинокомъ положеніи.

Спроси, спроси, братецъ, про ея здоровье!
У меня ли, братецъ, есть четыре горя,
Есть четыре горя, пятая кручина:
Какъ первое горе—свекоръ-то бранчивый,
А второе горе—свекры *) ворчалива,
Какъ третіе горе—деверекъ насмѣшникъ,
Четвертое горе—золовка смутьянка,
Пятая кручина—мужъ жену не любитъ.

Что же дѣлаетъ въ этомъ положеніи Русская женщина?

. . . .

Она приноситъ „одну тихую жалобу", обращенную къ брату; и кромѣ брата, ея жалобы навѣрно уже никто не услышитъ. . . . .

. . . .

Я не знаю, какъ кому, а мнѣ эта кроткая покорность судьбѣ, которой перемѣнить нельзя, не нарушивъ того, что святѣе всякаго личнаго чувства, представляется трогательнѣйшею чертою, умиляющею до слезъ. Что же отвѣчаетъ братъ? . . . .

. . . .

---

*) Древняя форма слова: свекровь. *Т. Ф.*

Братъ не растерялся, ни отъ множества сестринаго горя, ни отъ тайнаго, неуловимаго желанія блеснуть силой своего участія; сохраняя полную ясность невозмущеннаго ума, которую даетъ только истинное вниманіе къ чужому дѣлу и желаніе помочь ему (иначе: истинная любовь), онъ обозрѣлъ ея положеніе и посовѣтовалъ трудное, но лучшее:

Потерпи, сестрица, потерпи, родная!

Сколько въ этихъ словахъ любви! Какой честный, нельстивый, исполненный истиннаго и прозорливаго участія совѣтъ! Вѣдь можно бы и иначе было посовѣтовать: *брось! уйди!* или что-нибудь въ этомъ родѣ. . . . .
. . . .

Но нашей несчастной не до конца еще терпѣть; братъ предвидитъ измѣненіе ея обстоятельствъ и утѣшаетъ ее такъ:

Свекоръ-то бранчивый, свекоръ скоро помретъ,
Свекры ворчалива за нимъ въ землю пойдетъ,
Деверекъ насмѣшникъ въ чужихъ людяхъ возьметъ,
Золовка смутьянка сама замужъ выдетъ,
Мужъ жену не любитъ, другую не возьметъ,
Другую не возьметъ, тебя не минуетъ.

Полагаю, что сказаннаго достаточно для уясненія нашего вопроса, т.-е. для отличія нашихъ народныхъ воззрѣній на семейныя отношенія отъ воззрѣній западныхъ [75]).

XXIV.

Взрывъ журнальнаго негодованія разразился надъ Т. И. Филипповымъ. Прежде всѣхъ возмутился духомъ *Современникъ*. Тамъ писали: „Въ первой книгѣ *Русской Бесѣды*, вмѣстѣ съ статьями, заслуживающими одобренія и отъ тѣхъ, которые противорѣчатъ имъ, нашла себѣ мѣсто статья, которая, кажется, приличною не *Русской Бесѣдѣ*, а развѣ покойному *Маяку*. Этого мы не хотѣли ожидать, и хотѣли бы думать, что это случайная ошибка. Если бы Филипповъ

только хвалилъ какъ ему угодно комедіи Островскаго, тутъ не было бы бѣды; но зачѣмъ примѣшивать странные толки о постороннихъ дѣлу предметахъ, которыхъ онъ совершенно не хочетъ понимать? Его разсужденія слишкомъ противорѣчатъ общему духу самой *Русской Бесѣды*. Правда, *Русская Бесѣда*, въ предисловіи предупреждаетъ, что въ ней мы встрѣтимъ людей, „которые болѣе или менѣе разногласятъ между собою въ мнѣніяхъ касательно важныхъ и отчасти жизненныхъ вопросовъ“, но кружокъ которыхъ все-таки связанъ „единствомъ коренныхъ неизмѣнныхъ убѣжденій“. Намъ кажется, что единство между Филипповымъ и, напримѣръ, Самаринымъ или Аксаковымъ, едва ли можетъ существовать въ чемъ нибудь существенно важномъ. Союзъ ихъ съ нимъ ненатураленъ. Дѣло другое, еслибъ онъ хотѣлъ сдѣлаться ихъ ученикомъ,—это было бы и естественно и хорошо; тогда только мы успокоились бы за *Русскую Бесѣду*. Полагая, что это такъ и случится, не будемъ говорить о статьѣ Филиппова, называющей грѣхомъ все, что происходитъ въ мірѣ не по правилу, предлагаемому стихомъ изъ одной Русской пѣсни:

Потерпи, сестрица, потерпи, родная!

Мы думаемъ, что о дѣлахъ земныхъ, каковы Наука и Литература, разсуждать съ Филипповымъ совершенно безполезно; считаемъ обязанностію замѣтить только, что и онъ не долженъ бы говорить о нихъ: вѣдь это суетныя и тлѣнныя земныя понятія, несовмѣстныя съ его точкою зрѣнія. Надѣясь, что онъ пойметъ всю справедливость этой истины и не будетъ говорить ничего или заговоритъ другимъ, болѣе приличнымъ Русской Литературѣ тономъ, въ слѣдующихъ книгахъ журнала, — мы не будемъ принимать его статью въ соображеніе при нашемъ мнѣніи о *Русской Бесѣдѣ*; но крайность, въ которую неосторожно вовлекъ онъ *Русскую Бесѣду*, служитъ доказательствомъ, что новый журналъ долженъ точнѣе и строже опредѣлить границы своего направленія. Съ цѣлію содѣйствовать ему въ этомъ, мы обратимъ вниманіе его участниковъ на тѣ

обстоятельства и вопросы, отъ точнаго взгляда на которые много зависитъ успѣхъ общаго намъ съ ними дѣла—содѣйствія развитію родного Просвѣщенія и плодотворность самыхъ споровъ *Русской Бесѣды* съ ея противниками, если должны быть постоянные споры..... Если *Русская Бесѣда* дѣйствительно останется вѣрна научной точкѣ зрѣнія Самарина, а не образу мыслей Филиппова, то основаніемъ спора окажутся взаимныя недоразумѣнія, а не существенное разномысліе, и споръ о различіи началъ прекратится, какъ скоро мнимые противники объяснятся другъ съ другомъ. Объясненія съ Филипповымъ, конечно, не приведутъ къ согласію: тутъ различіе, дѣйствительно, лежитъ въ сущности понятій. Или намъ и Самарину должно забыть то, что мы знаемъ, или Филиппову—узнать многое, на что не обращалъ онъ вниманія... Наконецъ, съ Филипповымъ мы можемъ соглашаться только въ двухъ пунктахъ: въ томъ, что *терпѣніе* — прекрасное качество, и въ томъ, что *смиреніе* — высокая добродѣтель; но такъ какъ эти вопросы принадлежатъ *не Литературѣ, а законамъ благоустройства и благочинія*, то можно, пожалуй, сказать, что мы съ нимъ не сходимся ровно ни въ чемъ, когда рѣчь идетъ о Литературѣ. Это различіе между разными соучастниками *Русской Бесѣды* дѣлать необходимо: иначе, если мысли К. Аксакова смѣшивать съ мыслями Филиппова или на оборотъ, дѣло совершенно запутается“ [76]).

Такимъ образомъ, критика *Современника* выключаетъ изъ области Литературы двѣ высокія Христіанскія добродѣтели: *терпѣніе, смиреніе* и относитъ ихъ къ области *благоустройства и благочинія!*

Критикъ *Современника* забылъ или не зналъ молитву преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего........ Духъ же *цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія...* даруй ми рабу Твоему“, и что эта молитва вдохновила Пушкина передъ самою его смертію написать:

Отцы—пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой.
„Владыко дней моихъ“! . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
И духъ *смиренія, терпѣнія*, любви
И *цѣломудрія* мнѣ въ сердцѣ оживи.

Вмѣстѣ съ *Современникомъ* возсталъ противъ Филиппова и *Русскій Вѣстникъ*, въ которомъ Ѳ. М. Дмитріевъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Островскій беретъ содержаніемъ своихъ произведеній изъ быта тѣхъ сословій, которыхъ всего менѣе коснулось Просвѣщеніе. Извѣстно также, что такія произведенія у насъ нерѣдко называются народными, вслѣдствіе того страннаго смѣшенія понятій, по которому простонародное принимается у насъ иногда за народное. Филипповъ раздѣляетъ, кажется, это воззрѣніе, и, рѣшаясь видѣть въ новой піесѣ полное воспроизведеніе Русской семейной жизни, счелъ за нужное опредѣлить основы послѣдней и ея внутреннее отличіе отъ характера семейныхъ отношеній въ остальной Европѣ. Дѣло не шуточное. Западъ не представляетъ одной сплошной массы. Въ этомъ легко убѣдиться даже и наглядно. Стоитъ только взглянуть на положеніе женщины въ Германіи и Франціи, въ Англіи и въ Италіи... Но Филипповъ за полное выраженіе всей западной жизни принимаетъ по преимуществу Францію и за современное требованіе вѣка призналъ тѣ мысли, которыя выражала въ нѣкоторыхъ своихъ романахъ Жоржъ-Зандъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Филипповъ ссылается на статью Хомякова“.

Прочитавъ столь „строгій, неумолимый приговоръ семейной жизни девяти или десяти народовъ“, Ѳ. М. Дмитріевъ

сталъ „нѣсколько опасаться и за Русскія основы семейной жизни“. „Въ самомъ дѣлѣ“,—продолжаетъ Дмитріевъ,—„что если Филиппову вздумается осудить и Русское общество, на основаніи двухъ или трехъ романовъ“?... Но опасенія Дмитріева были напрасны. Филипповъ, по его мнѣнію, „гораздо снисходительнѣе къ Русскому быту и останавливается на такомъ источникѣ, который, по убѣжденію Филиппова, не подлежитъ никакому сомнѣнію, въ которомъ цѣликомъ отразился весь взглядъ народа. Этотъ источникъ—Русская пѣсня“. Но, замѣчаетъ Дмитріевъ, „пѣсни составляютъ драгоцѣнный источникъ для Исторіи нашего быта; ученые филологи, съ ихъ помощью, дополняютъ пробѣлы въ нашихъ историческихъ свѣдѣніяхъ; но вѣдь этимъ матеріаломъ надобно пользоваться съ разборомъ, и опредѣлить прежде, какъ время происхожденія пѣсни, такъ и ея сферу“... Древлянская семья, продолжаетъ Дмитріевъ, „изображенная Филипповымъ, конечно не выражаетъ Русскаго взгляда во всѣ эпохи нашей Исторіи, и не возможна въ смыслѣ основного закона семейной жизни. Странно, по нашему мнѣнію, произвольно предполагать въ Русской Исторіи какую-то неизмѣнность быта, да еще и радоваться этому, какъ будто бы жизнь можетъ обойтись безъ измѣненій, какъ будто неподвижность есть твердость. Разумѣется, источникъ того воззрѣнія, которое высказано Филипповымъ, самъ по себѣ очень похвальный: онъ состоитъ въ привязанности къ своему Отечеству; но средства, избранныя для выраженія этой привязанности, намъ кажутся не совсѣмъ вѣрными и безполезными въ практическомъ отношеніи. Къ чему можетъ повести такое хвалебное отношеніе къ своимъ началамъ, еслибъ даже оно и было вполнѣ законно? Заключимъ наши замѣчанія словомъ одного стариннаго Русскаго стихотворенія:

А гнило слово похвальное
Похвала живетъ человѣку пагуба [77]).

XXV.

Доказательствомъ тому, что разсужденія Т. И. Филиппова, о супружескомъ союзѣ, освященномъ таинствомъ брака, не противорѣчили общему духу *Русской Бесѣды*, какъ это утверждалъ *Современникъ*, можетъ служить то, что самъ А. С. Хомяковъ выступилъ горячимъ и краснорѣчивымъ защитникомъ тѣхъ идей, за которыя съ такою яростію напали на Филиппова поклонники ученія, связаннаго съ именемъ Жоржъ-Зандъ.

Изъ Тулы, въ томъ же 1856 году, Хомяковъ писалъ Филиппову: „Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ сотруднику *Русской Бесѣды*, но не знаю, не ошибаюсь ли. Не отступились ли отъ васъ всѣ прочіе сотрудники, не удалили ли васъ общимъ мірскимъ приговоромъ, по Русскому стародавнему обычаю? Прошу васъ не оскорбляться такимъ предположеніемъ. Важный Петербургскій журналъ такъ опредѣлительно объявилъ, что у васъ ничего нѣтъ общаго съ остальными сотрудниками *Бесѣды*, такъ рѣшительно предписалъ имъ удалиться отъ васъ, чтобы не подпасть отвѣтственности за нетерпимость, высказанную вами въ разборѣ комедіи Островскаго, что едва ли они рѣшились, едва ли даже могли ослушаться. Какъ совершился приговоръ, Аѳинскимъ ли записываніемъ на раковинахъ, или просто словомъ устнымъ, я не знаю, но вѣроятно онъ уже совершенъ и совершенъ торжественно. Вѣдь предписаніе дано было важнымъ журналомъ, а составлено и провозглашено—кѣмъ? Да, подумайте только, кѣмъ? Человѣкомъ, который объявляетъ во всеуслышаніе, что онъ вамъ даже отвѣчать не можетъ, потому что для такого спора „или вы должны выучиться всему тому, что знаетъ онъ, или онъ долженъ забыть все, что знаетъ“. (Правда, тутъ же онъ признаетъ въ Самаринѣ нѣкоторыя права на равенство съ собою, но это очевидно только признакъ скром-

ности съ его стороны, да и Самаринъ едва ли рѣшится принять на себя какое бы то ни было соучастіе въ познаніяхъ великаго незнакомца). И такъ, вы видите, какой и коликій мужъ предписалъ сотрудникамъ *Бесѣды* отказаться отъ васъ. Скажите, когда вы прочли такое предписаніе, не охватилъ ли васъ ужасъ? Не пробѣжалъ ли у васъ морозъ по кожѣ? Смѣлы же вы. Мнѣ такъ и въ чужѣ стало за васъ страшно. Всѣ мои знакомые, всѣ деревенскіе сосѣди увѣрены, что громовыя слова, поразившія васъ, произнесены не Русскимъ какимъ-либо писателемъ (гдѣ у насъ найти столько учености?). Нѣтъ! ихъ произнесла какая-нибудь колоссальная знаменитость Европейская, выучившаяся по Русски — собственно для изреченія приговора надъ вами. (Не самъ ли многовѣдатель Гумбольтъ? Это моя догадка: что вы объ ней скажете?) Очевидно, сотрудникамъ *Бесѣды* приходится повиноваться. Нашелся было кто-то, который вздумалъ увѣрять васъ, что статья *Современника* написана не Европейскою знаменитостью, не многовѣдателемъ Гумбольтомъ, а просто весьма неизвѣстнымъ Русскимъ авторомъ, который, скромной фіалкѣ подобный, расцвѣтаетъ журнальными статейками въ тѣни своего собственнаго темненькаго имени,—по этому никто не повѣрилъ: этому быть нельзя. Есть же предѣлъ всякому человѣческому самохвальству, даже самохвальству журнальнаго писателя.— Отойди, Израиль, въ палатки свои и отступись отъ грѣшника!— Вѣроятно, приговоръ этотъ уже исполненъ надъ вами. Вы видите, милостивый гопударь, что мое предположеніе очень вѣроятно и нисколько не оскорбительно для васъ, ибо оно основано не на признаніи какой-нибудь вины за вами, а на невольномъ благоговѣніи передъ сокрушающимъ величіемъ вашего судьи въ *Современникѣ.* За всѣмъ тѣмъ, какъ ни вѣроятна моя догадка, такъ какъ вашъ остракизмъ не объявленъ, я еще считаю себя въ правѣ обратиться къ вамъ, какъ къ участнику въ *Русской Бесѣдѣ*, не скрывая впрочемъ удивленія своего къ мужеству или упорству другихъ

сотрудниковъ, которые еще медлятъ исполненіемъ приговора, произнесеннаго великимъ Анонимомъ".

Высказавъ это, Хомяковъ обращается къ самому разсужденію Филиппова и пишетъ: „Вы навлекли на себя грозу и, позвольте сказать, отчасти подѣломъ. Пишете вы о комедіи, пишете вы статью въ журналѣ, положимъ, трехмѣсячномъ, но всетаки журналѣ, и вздумали затронуть нравственный вопросъ, да и еще затронуть его не такъ, какъ нибудь слегка, а затронуть глубоко, серьезно, искренно. Я спрашиваю у васъ самихъ, водится ли это, дѣлается ли это въ другихъ журналахъ, принято ли это въ литературномъ обычаѣ? Вы знаете, что нѣтъ. Вѣдь вы должны понимать, что такіе вопросы прямо могутъ коснуться совѣсти читателя, отчасти встревожить и можетъ-быть даже разстроить ее, — а какое имѣете вы на это право? Или вы думаете, что за тѣмъ подписываются на журналъ, чтобъ прочитавъ его, повѣсить голову, да задуматься надъ своей душею? Вы скажете, что это бываетъ кое-гдѣ. А гдѣ напримѣръ? Во Франціи ли, у насъ ли? Нѣтъ, даже и не въ Германіи: такъ и вамъ не слѣдовало заводить новаго обычая. „On ne se prépare pas à la lecture d'un journal comme à un examen de conscience", сказала при мнѣ одна дама и очень мило сказала: Вотъ ваша первая вина.

Вторая не легче. Пришла вамъ несчастная мысль коснуться вопроса нравственнаго, вопроса живаго, крайне щекотливаго, можно сказать, задорнаго—женской эманципаціи и ея проповѣдниковъ, а въ особенности великой проповѣдницы, Жоржъ-Зандъ. Не могли ли вы, даже разрѣшая вопросъ по своему, сдѣлать какія-нибудь исключенія въ пользу страстныхъ натуръ, геніальныхъ умовъ, непонятыхъ женщинъ, душъ вольнолюбивыхъ, угнетенныхъ мелкою пошлостью ежедневной жизни? Такими исключеніями всякій могъ бы воспользоваться и смотрѣлъ бы снисходительнѣе на вашу теорію: но вы не умѣли или не хотѣли подготовить себѣ такихъ простыхъ, облегчающихъ обстоятельствъ. Еще болѣе:

вы употребили, и не разъ, выраженія крайне грубыя и неприличныя:—грѣхъ, развратъ и даже мерзость. Вы такъ наивно виноваты, что мнѣ даже жаль васъ. Позвольте мнѣ у васъ спросить: если мы будемъ употреблять такія рѣзкія слова, къ чему же служитъ прогрессъ, къ чему цивилизація, къ чему смягченіе нравовъ, къ чему наконецъ весь девятнадцатый вѣкъ? Знаете ли, къ какому разряду людей вы приписываетесь? Пріѣхалъ какъ-то въ Петербургъ москвичь *) (славянофилъ, чтоли) въ бородѣ, въ Русскомъ платьѣ: былъ гдѣ-то на большомъ вечерѣ, и вдругъ какая-то милая Петербургская дама, вся въ кружевахъ (ну, просто вся блескъ и трепетъ, какъ гдѣ-то сказалъ Гоголь), обратилась къ нему, прося отъ имени многихъ разрѣшенія бросить мужей. Что жъ вы думаете? Медвѣдь отказалъ; не позволилъ даже Петербургскимъ женамъ бросать своихъ Петербургскихъ мужей. Вы не вѣрите, не вѣрю и я. Но посмотрите: это напечатано въ *Le Nord*, въ январѣ нынѣшняго года, въ письмѣ изъ Петербурга. Пусть это шутка, пусть даже насмѣшка на счетъ Московскихъ Славянофиловъ и ихъ неумытной (шутникъ скажетъ *неумытой*) строгости; все таки видно, что про нихъ идетъ такая слава. И къ этимъ-то людямъ, вы приписываетесь! Имъ не слѣдъ на большіе вечера, а вамъ не слѣдъ въ журналъ, даже въ трехмѣсячный! Начинаете ли вы понимать свое преступленіе?

Есть еще третья вина, но та ужъ полегче. Вы находите, что правило для разрѣшенія одной изъ формъ вами поставленнаго вопроса яснѣе выражается въ простой крестьянской, можно сказать, мужицкой пѣснѣ, чѣмъ въ произведеніяхъ современной западной Словесности, и что непросвѣщенный народъ вѣрнѣе хранитъ нравственное понятіе, чѣмъ цивилизованное общество, которое мы обыкновенно принимаемъ за образецъ. Непростительно".

Такимъ образомъ, Хомяковъ обвинилъ Филиппова по тремъ

---

*) Здѣсь А. С. Хомяковъ сообщаетъ автобіографическія свѣдѣнія. *Н. Б.*

пунктамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обвиняетъ и критиковъ нашихъ за то, что никто изъ нихъ не замѣтилъ въ статьѣ Филиппова „вѣрность, съ какою онъ изобразилъ художественные недостатки *натуральной школы*; могли бы оцѣнить справедливость поставленнаго имъ положенія, что *натуральная школа, по своему дагеротипному характеру, непремѣнно должна быть запечатлѣна рабскою пошлостью и не можетъ никогда возвыситься до художественнаго творчества, которое одно только способно постигнуть и выразить духовную свободу жизни.* Далѣе, кто-нибудь могъ бы сказать читателю,— какъ высоко Филипповъ поставилъ вопросъ *о самоуважающей себя любви*, и какъ ясно онъ показалъ, что *она полагаетъ предѣлы своимъ правамъ не вслѣдствіе какого-нибудь внѣшняго закона, но вслѣдствіе собственнаго своего уваженія къ самой себѣ*". „Мысль эта",—пишетъ Хомяковъ, обращаясь къ Филиппову,—„новая, благородная и выраженная вами съ достоинствомъ, соотвѣтствующимъ самому предмету. Все это могли бы признать журнальные критики; скажу болѣе, нѣкоторые сначала признавали это въ разговорахъ, но скоро спохватились. Вы такъ провинились передъ Цивилизаціею, что вамъ потачки дѣлать не слѣдовало. *Разругай его, душа Тряпичкинъ*"!

Покончивъ съ *Современникомъ*, Хомяковъ переходитъ къ статьѣ Ѳ. М. Дмитріева и дѣлаетъ о ней весьма вѣское замѣчаніе. Сказавъ, что наши критики поступили съ Филипповымъ по Хлестаковскому рецепту, Хомяковъ, въ письмѣ своемъ къ Филиппову, продолжаетъ: „Иные привѣтствовали васъ тѣмъ почти безсловеснымъ крикомъ, которому мы видѣли образецъ; другіе, болѣе хитрые въ діалектикѣ, стали придираться къ подробностямъ. У нихъ Жоржъ-Зандъ (еще недавно одна изъ великихъ представительницъ потребностей вѣка) вдругъ стала какъ-то совсѣмъ особнякомъ. Дѣла нѣтъ до того, что вы просили въ своей статьѣ, чтобы вамъ показали, что „Жоржъ-Зандъ есть явленіе частное, возникшее внѣ всякой связи съ образованіемъ Запада". Этого вамъ доказывать не

стали, а просто сказали это голословно, на зло всякому здравому смыслу, и потомъ—*ругай, душа Тряпичкинъ.* Не ловко показалось сразу оправдывать Зандъ, такъ пусть она покуда останется явленіемъ совершенно самостоятельнымъ! Критики не видятъ какой бы ни было зависимости ея отъ исторической жизни Европы. Они не видятъ ничего общаго между ею.... ... и почти всѣми мыслителями, ученіями и школами современнаго запада! Критики тутъ не видятъ ничего общаго, никакой круговой поруки или солидарности въ бытѣ, словесности, исторіи, гражданскихъ и даже церковныхъ законовъ"...

Въ заключеніе своего письма, Хомяковъ ставитъ и разрѣшаетъ важный вопросъ. „Неужели,—пишетъ онъ,—Жоржъ-Зандъ не имѣетъ никакого оправданія? т.-е., неужели она не опирается ни на какое здравое и доброе чувство въ душѣ человѣческой? Ея успѣхъ, даже временный, былъ бы невѣроятенъ, если бы не было какой нибудь правды въ ея основѣ, или, лучше сказать, если бы не было какого нибудь нравственнаго повода къ ея существованію. И дѣйствительно, онъ есть въ самомъ бытѣ современнаго общества. На это законное оправданіе ложной теоріи слишкомъ мало обращаютъ вниманія, и позвольте мнѣ сказать, что вы сами, намекнувъ на него, намекнули слишкомъ легко".

„Все ученіе объ эманципаціи женщинъ",—продолжаетъ Хомяковъ,—„лежитъ на двухъ началахъ, на чувствѣ справедливости, котораго законности и святости отрицать нельзя, и на той нравственной слабости, которая, не рѣшаясь на строгій приговоръ противъ порока, готова распространить его предѣлы, чтобъ уничтожить по крайней мѣрѣ несправедливость привилегіи, даруемой обществомъ на пользованіе этимъ порокомъ. Ученіе о законности разврата для женщины оправдывается общимъ развратомъ мужчинъ, и давнишній жизненный обычай связанъ логически съ новою теоріею. Вглядитесь, прошу васъ, безпристрастно въ тотъ вопросъ, который скрывается за слабыми умствованіями или соблаз-

нительными вымыслами цѣлой школы. Какія права мужчины на развратъ? На чемъ основана его постыдная привилегія? На большей слабости воли? Этого никто сказать не смѣетъ и не рѣшится! На большихъ искушеніяхъ? Это чистая ложь, ибо развратъ женщины происходитъ всегда отъ разврата мужчины, и, сверхъ того, гораздо извинительнѣе уже и потому, что мужчина свободнѣе управляетъ своею судьбою, чѣмъ женщина. На томъ, что мущина носитъ на себѣ многія другія обязанности, которыя не лежатъ на женщинѣ и которыя выше обязанностей семейныхъ? И это низость и нелѣпость! Предположимъ даже, что есть обязанности выше семейной святыни. Неужели права на развратъ (и слѣдовательно на порокъ вообще) возрастаютъ съ расширеніемъ круга общественныхъ и гражданскихъ обязанностей?.. На томъ, что женскій развратъ вноситъ болѣе разстройства въ бытъ семейный? Самое это предположеніе невѣрно, и если справедливо, то справедливо только въ отношеніи семьи къ законамъ гражданскимъ. Но кто же подчинитъ свое счастіе постановленіямъ условнымъ или вздумаетъ временными учрежденіями ограничивать нравственныя права, которыя или вовсе не существуютъ, или существуютъ вѣчно...

Для общества предстоитъ впереди выборъ неизбѣжный: или расширеніе предѣловъ дозволеннаго разврата на женщину, или подчиненіе мужчины строгости нравственнаго закона; а необходимость выбора возвыситъ общій строй жизни въ избѣжаніе совершеннаго паденія“ [78]).

„Общимъ хоромъ“, — писалъ В. В. Григорьевъ къ П. С. Савельеву, — „отпѣли Филиппова; меня живьемъ похоронятъ за Грановскаго“.

XXVI.

Вслѣдъ за Т. И. Филипповымъ выступилъ В. В. Григорьевъ съ своею статьею о Грановскомъ, и тоже воздвигъ на себя и на *Русскую Бесѣду* цѣлую бурю.

Живя и служа въ отдаленномъ Оренбургѣ, В. В. Григорьевъ былъ опечаленъ извѣстіемъ о кончинѣ Грановскаго, Неволина и Надеждина, и свои чувства выразилъ въ письмѣ къ своему другу П. С. Савельеву. „Неволинъ и Надеждинъ,—писалъ онъ—предшествующее намъ поколѣніе, а вотъ и изъ нашей братіи одного утащила смерть—Грановскаго. Скверно это съ моей стороны, Савка, а не жаль мнѣ его: какъ засадитъ намъ человѣкъ занозу подъ ребра, такъ старайся, не старайся ее вытащить, а заноза все остается. Не я былъ неправъ противъ покойнаго, а онъ противъ меня. Уважать его особенно—не за что было, а любить его я любилъ, пока онъ самъ не заставилъ разлюбить себя“.

Поводомъ къ размолвкѣ Григорьева съ Грановскимъ, если вѣрить одной замѣткѣ, появившейся въ одномъ заграничномъ изданіи, почерпнутой изъ якобы „совершенно достовѣрнаго письма изъ Москвы“, былъ слѣдующій: Григорьевъ, будучи „однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Липранди“, былъ командированъ въ Остзейскія губерніи съ цѣлію осмотрѣть книжныя лавки и частныя библіотеки. „Ему сопутствовали два жандармскіе офицера“. По окончаніи этого порученія, Григорьевъ былъ назначенъ въ Оренбургъ. Проѣздомъ черезъ Москву, ему вздумалось навѣстить Грановскаго, „можетъ быть и за тѣмъ, чтобы заглянуть въ его библіотеку“, какъ гласитъ вышеупомянутое письмо изъ Москвы. „Грановскій, знавшій про подвигъ Григорьева, велѣлъ своему слугѣ не впускать его во дворъ. Отсюда, говорятъ, гнѣвъ. Эта молва не въ пользу Григорьева“. Но Н. И. Веселовскій, на основаніи дѣйствительно достовѣрныхъ источниковъ, свидѣтельствуетъ, что Григорьевъ всѣми силами старался „оправить Рижскихъ книгопродавцевъ, которые при другомъ слѣдователѣ не отдѣлались бы такъ легко, какъ отдѣлались они на этотъ разъ“.

Когда П. Н. Кудрявцевъ чрезъ Савельева просилъ у Григорьева матеріаловъ для біографіи Грановскаго, то Григорьевъ писалъ: „О Грановскомъ переписываться съ его біографами нѣтъ у меня ни времени, ни желанія, тѣмъ болѣе, что они

торопятся его обезсмертить. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* Кудрявцевъ состряпалъ уже статью о великомъ покойникѣ. Для меня, ты знаешь, Грановскій не былъ ни мыслителемъ, ни гражданиномъ, передъ которымъ стоило бы кланяться; профессоръ-артистъ—вотъ, по моему, вѣрнѣйшее опредѣленіе его характера и заслугъ; успѣлъ же онъ потому, во-первыхъ, что артистъ на каѳедрѣ дѣло у насъ небывалое; во-вторыхъ— потому, что былъ онъ человѣкъ своего времени: съ кѣмъ слѣдовало, кутилъ и въ картишки бился. Пожалуй и Никитенко умретъ, такъ тоже воспоютъ его, хотя отъ Никитенко до Грановскаго верстъ тысячу. Смѣшно, что Грановскаго вздумало оплакивать и Географическое Общество: вотъ пользы-то для Общества надѣлалъ! *Русскій Вѣстникъ* тоже, я думаю, откроется плачемъ по Грановскомъ".

Но въ то же время и у самого Григорьева зародилась мысль напечатать сохранившіяся у него письма Грановскаго, присоединивъ къ нимъ личныя воспоминанія. „Ограничься Григорьевъ",—пишетъ Н. И. Веселовскій,—„только этимъ, и дѣло прошло бы совершенно благополучно, да кромѣ того получилъ бы онъ еще и благодарность отъ друзей и почитателей покойнаго. Но для Григорьева этого было мало. Для него Грановскій жилъ не отдѣльно отъ другихъ, жилъ не безъ связи съ обществомъ... И вотъ, пришлось затронуть вопросы, имѣвшіе близкую связь съ этимъ обществомъ, вопросы о воспитаніи и образованіи, о которыхъ много думалъ и которые давно уже волновали Григорьева. Принимаясь за подобную статью, Григорьевъ не долженъ былъ надѣяться и расчитывать, чтобы она произвела благопріятное для него впечатлѣніе. Прямо, безъ всякихъ оговорокъ, высказываетъ онъ образъ мыслей, который могли раздѣлить весьма немногіе, безпристрастные люди, который для самолюбиваго большинства былъ непонятенъ, и для извѣстной литературной партіи долженъ былъ казаться нестерпимою личною обидою. Между тѣмъ, партія эта, состоявшая изъ людей сколько талантливыхъ, столько же и самолюбивыхъ, привыкшихъ мнѣ-

нія свои считать за коранъ, внѣ котораго нѣтъ ни истины, ни знанія, и высказывать эти мнѣнія диктаторски, партія эта готова была преслѣдовать тѣхъ, кого считала за враговъ убѣжденій своихъ, преслѣдовать всѣми средствами, не разбирая, позволительны они или нѣтъ. Григорьевъ зналъ это очень хорошо, зналъ издавна, зналъ по опыту не только литературному, будучи обстрѣленъ смолоду, но и жизненному. Онъ долженъ былъ ожидать со стороны той партіи самыхъ придирчивыхъ нападокъ; а тѣ, которые будутъ ему сочувствовать, сочувствіе это не выразятъ печатно, чтобы не подпасть подъ такіе же удары, которые посыпятся на автора статьи. Все это Григорьевъ предвидѣлъ, и тѣмъ не менѣе писалъ, какъ считалъ себя обязаннымъ писать. Но, при всей своей опытности, онъ никакъ не ожидалъ, что статья его приведетъ извѣстный кружокъ въ такое ожесточеніе. Вопреки литературнымъ правиламъ, предметомъ обвиненій, насмѣшекъ и придирокъ всякаго рода стала не самая статья, а личность ея автора. Закидать его грязью, во что бы то ни стало сдѣлалось главною цѣлью критики, противъ него направленной [79]).

Замышляя написать статью о Грановскомъ, Григорьевъ, 3-го марта 1856 года, изъ Оренбурга, писалъ, между прочимъ, А. И. Кошелеву слѣдующее: „Лѣтъ восемь—девять тому, ультро-западное направленіе, господствовавшее исключительно въ обществѣ и журналахъ нашихъ, опротивѣло мнѣ до того, что я задумалъ противодѣйствовать ему на сколько могъ, предпринявъ изданіе въ томъ же духѣ, какомъ повидимому проникнуты и вы. Это было блаженной памяти *Сѣверное Обозрѣніе*... Печальный конецъ этой затѣи извѣстенъ, ...наградивъ меня, за ревность долгомъ и ненавистью всѣхъ безусловныхъ поклонниковъ запада... Не знаю, насколько счастливѣе меня будете вы съ вашею *Бесѣдою*; но, помня, каково было мнѣ сиротствовать, ратуя безъ сподвижниковъ, я не могъ удержаться, чтобы, увидѣвъ другихъ людей, возобновляющихъ мое дѣло, не благословить ихъ подвига и не выразить имъ сочувствія къ этому подвигу предложеніемъ своего

посильнаго сотрудничества. При большемъ досугѣ, я бы обѣщалъ работать постоянно и много по части, которая составляла нѣкогда мою специальность: по изученiю и разборкѣ мусульманскаго и немусульманскаго востока, единственной отрасли занятiй въ Россiи, по которой нечему намъ учиться у запада... Но я занятъ службою по горло... Такимъ образомъ, многаго обѣщать не могу; но въ теченiе настоящаго года, желалъ бы я, если Богъ поможетъ, успѣю написать двѣ статьи; одну—о Т. Н. Грановскомъ, до его профессорства къ Москвѣ. Я былъ друженъ съ покойнымъ въ домосковскiй перiодъ его жизни и могъ бы сообщить о томъ, какъ развивалась эта прекрасная натура, много любопытнаго. Но я не поклонникъ Грановскаго и выбираю этого представителя западнаго направленiя въ Москвѣ, какъ тему для указанiя безплодности для Руси непереваренной западной Науки. Другая статья будетъ имѣть предметомъ Н. И. Надеждина, котораго нѣкогда зналъ я близко и долго. Надеждина считаю я типомъ Русскаго ученаго — не въ возможности, а въ дѣйствительности, и мнѣ хотѣлось бы показать значенiе его въ Наукѣ и въ общественной жизни, не въ видѣ похвальнаго слова, а съ возможнымъ безпристрастiемъ".

На это письмо Кошелевъ отвѣчалъ: „Хотя Т. Н. Грановскiй былъ и западнаго направленiя, но онъ былъ человѣкъ живой и часто мы услаждались въ бесѣдѣ съ нимъ. Ваши слова о немъ будутъ истиннымъ вкладомъ для *Бесѣды*, ибо это докажетъ людямъ противнаго намъ направленiя, что мы умѣемъ цѣнить людей и не одинаковаго съ нами убѣжденiя" [80]).

Отправивъ свою статью о Грановскомъ, Григорьевъ писалъ Савельеву: „Много враговъ наживу я этою статьею, если только цензура пропуститъ ее цѣликомъ. И о себѣ, и о тебѣ нахвасталъ. Петрова чуть въ святые не произвелъ, а Грановскому досталось. Впрочемъ, все еще не довольно откровенно".

Когда Кошелевъ прочелъ статью Григорьева, то писалъ

ему: „Не нахожу словъ, чтобъ достойно отблагодарить васъ за пересылку статьи о Т. Н. Грановскомъ. Я прочелъ ее съ истиннымъ наслажденіемъ и не нахожу нужнымъ измѣнить въ ней ни единаго слова. Статья написана живо, дѣльно, умно и правдиво. Я зналъ Тимоѳея Николаевича, хотя не коротко, но порядочно; искренно любилъ его и услаждался его бесѣдою: бывало заѣдешь къ нему на полчаса, а просидишь три часа. Изъ западниковъ онъ былъ самый живой и самый симпатичный человѣкъ. Мѣсто, гдѣ вы говорите объ изученіи востока у насъ на Руси и о методѣ знакомства съ западомъ—превосходно, и стоитъ цѣлой статьи о Русскомъ воззрѣніи. Что дѣлать, наши противники не хотятъ насъ понять, или мы *не умѣемъ* осязательно выражаться. Ваша послѣдняя статья меня такъ съ вами сблизила, что мнѣ какъ-то не вѣрится, что мы все еще не знакомы матеріально“.

Познакомимся теперь съ сутью статьи В. В. Григорьева, появившейся въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 года, подъ заглавіемъ: *Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ.*

Въ этой статьѣ Григорьевъ старался показать разницу между основательнымъ и поверхностнымъ изученіемъ того или другого предмета. Усвоивать послѣдніе результаты Науки на западѣ, значило въ его глазахъ хватать не болѣе какъ верхи; увлекаться безотчетно всѣмъ иностраннымъ считалъ онъ вреднымъ для нашего Отечества. Отсюда, по мнѣнію Григорьева, всѣ ученыя и соціальныя системы на западѣ непремѣнно находили у насъ послѣдователей. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у насъ расплодились гегелисты, потомъ ихъ смѣнили фурьеристы и прудонисты, потомъ мы всѣ подѣлались фритредерами и т. д. И всѣ стремились, каждый по своему, перекроить Русскую жизнь по западнымъ образцамъ. Григорьевъ ратовалъ за то, чтобы Русскіе ученые самостоятельно двигали Науку, а не плелись только въ хвостѣ западной Европы. А возможно ли это, думалъ онъ, если мы будемъ презирать все родное и благоговѣть предъ всѣмъ иностраннымъ? Русскимъ надо быть Русскими, говорилъ онъ.

Ратовалъ онъ также за строгое исполненіе обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ студента. „Я не понимаю“,—писалъ Григорьевъ въ этой статьѣ,—„какъ можно быть студентомъ и находить время танцовать на балахъ, любезничать въ гостинныхъ, кутить по ресторанамъ, неистовствовать въ спектакляхъ. Не могу смотрѣть безъ отвращенія на такихъ господъ: въ нихъ, должно быть, нѣтъ ни искры любви къ знанію, ни тѣни стремленія пріобрѣсти его. И чѣмъ больше глубокомысленныхъ фразъ отпускаетъ такой юноша, тѣмъ онъ для меня гаже“. Григорьевъ говорилъ также о вредѣ, проистекающемъ для Русской Науки отъ командированія на западъ еще не установившихся молодыхъ людей для приготовленія ихъ къ ученой дѣятельности.

Въ заключеніе своей статьи Григорьевъ, между прочимъ, писалъ: „У насъ любятъ поговорить о крѣпкихъ убѣжденіяхъ, объ упорности стремленій, но, быть-можетъ, менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, ладятъ съ людьми такихъ убѣжденій и стремленій... Въ коноводы партій попадаетъ тотъ, чье умственное превосходство не давитъ никого изъ сочленовъ, чье нравственное достоинство не колетъ никому глазъ; тотъ кто красивѣе всѣхъ носитъ одежду ея недостатковъ, но вмѣстѣ и обладаетъ достаточными качествами, чтобы заставить извинить себѣ эти недостатки... Пуританизмъ въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, требующій отъ человѣка полнаго преданія себя дѣлу, съ артистическою природою не совмѣстенъ. Его и не было у Грановскаго. Въ обществѣ людей, съ которыми соединяла его одинаковость вкусовъ и образа мыслей, насчитается нѣсколько такихъ, которые превосходили его и силою общихъ убѣжденій, и ревностію въ ратоборствѣ за нихъ, и даже умственными къ тому средствами. Таковъ, напримѣръ, былъ авторъ *Записокъ доктора Крупова* *). Но все-таки не онъ, а Грановскій первенствовалъ въ общемъ кружкѣ — отъ того, что ни умъ, ни характеръ дѣятельности послѣдняго ни для

---

*) Герценъ. *Н. Б.*

кого не были тягостны, отъ того, что кружокъ находилъ достаточнымъ,

вмѣсто цѣли,
Одно стремленіе любить;

отъ того, что тамъ чувствовали себя совершенно правыми предъ совѣстію и человѣчествомъ, когда случалось

къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ".

Но лишь только появилась въ свѣтъ эта статья, какъ на автора ея посыпались нападки со всѣхъ сторонъ. Прежде всѣхъ разразились *Отечественныя Записки*, замѣткой Головачева. „Что за пакостная статья Головачева", — писалъ Григорьеву Савельевъ, — „направленная противъ твоей особы... И плюнуть не стоитъ! А знакъ хорошій: значитъ, даже начало статьи за живое задѣло этихъ господъ! Всѣ эти господа Европеисты одного покроя... Ты забылъ о Грановскомъ одинъ знаменательный фактъ: первая печатная его статья въ *Библіотекѣ для Чтенія*, была: *О современномъ состояніи кухни въ Европѣ*" [81]).

Въ особенности ополчился на Григорьева *Русскій Вѣстникъ*.

Тамъ выступили противъ Григорьева: Н. Ф. Павловъ и К. Д. Кавелинъ.

Въ статьѣ *Біографъ-Оріенталистъ*, Павловъ, между прочимъ, говоритъ: „Писать біографіи мудрено. Сообщать свѣдѣнія объ отжившемъ человѣкѣ трудно. Тутъ существуютъ различныя воззрѣнія. Много и много вѣковъ повторяется извѣстная поговорка древнихъ Римлянъ: de mortuis aut bene aut nihil. Григорьевъ считаетъ ее *обломкомъ какого-то языческаго суевѣрія, несовмѣстнаго съ нашимъ образованіемъ*. Это невѣрно. Чувство, выраженное ею — есть неотъемлемая принадлежность нашего духовнаго состава. — Первое — побужденіе

передъ гробомъ и надъ могилой—это простить, отпустить, забыть дурное, преувеличить хорошее... Поэты различныхъ эпохъ и разныхъ народовъ простирали свое всепрощеніе даже на историческія лица...

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь...
. . . .
...И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ.

Въ статьѣ Павлова есть нѣсколько строкъ, гдѣ говорится, что Грановскій могъ „сдѣлаться другомъ и слиться душою съ тѣмъ, кого вовсе не видывалъ и кто нѣкогда въ древнихъ Аѳинахъ рукоплескалъ Софоклу; могъ мысленно изъ Москвы, отъ Харитонья въ Огородникахъ, протянуть руку чрезъ океанъ далекому жителю береговъ Миссиссипи“.

Въ заключеніи статьи, Павловъ писалъ: „*Не ханскими ярлыками* *) двигается впередъ дѣло образованности. Мѣра Просвѣщенія опредѣляется отчасти степенью пониманія такихъ личностей, какова была личность Грановскаго. Конечно, его чувства, мысли, дѣятельность, вліяніе, направленіе, даръ любить и внушать любовь, духъ, оживлявшій нѣкогда этотъ прахъ, который лежитъ теперь въ землѣ на Пятницкомъ кладбищѣ,—это особый міръ, онъ не приходитъ на умъ въ бесѣдахъ съ Татарами отъ Дюссо и не видится глазу изъ мѣстопребыванія Киргизъ-Кайсаковъ“.

Но даже ненавистники Григорьева должны были признать, что Павловъ въ своемъ памфлетѣ некстати пустился въ оцѣнку ученыхъ заслугъ не только самого Григорьева, но и вообще Русскихъ оріенталистовъ.

Другъ же Григорьева, оріенталистъ П. С. Савельевъ, за-

---

*) Здѣсь Павловъ разумѣлъ диссертацію В. В. Григорьева: *О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды Русскому духовенству*. Москва, 1842. *Н. Б.*

мѣтилъ: „Остроумный беллетристъ, котораго развѣ въ шутку, по Турецкому заглавію *Ятаганъ*, данному имъ одной изъ своихъ повѣстей, могъ кто назвать оріенталистомъ, теперь не шутя пишетъ о востокѣ, поражаетъ оріентальную ученость Григорьева и всею тяжестію Западно-Европейской эрудиціи уничтожаетъ всѣхъ Русскихъ оріенталистовъ и весь факультетъ! Среди треска ракетъ и шутихъ, пущенныхъ имъ на поле полемики, изрекаетъ авторъ *Ятагана* свой неумолимый, какъ судьба, приговоръ: *Вы никогда не можете сравняться съ западными знаменитостями, потому что Нѣмцы несравненно ученѣе насъ; мы и не созданы быть такими специалистами, какъ западные Европейцы; мы не муравьи; намъ не нужны произведенія специальности.* Приговоръ страшный, обрекающій на безплодіе всѣ произведенія Русской Науки въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ“ [82]).

Въ *Русскомъ* же *Вѣстникѣ* былъ напечатанъ физіологическій очеркъ К. Д. Кавелина, подъ заглавіемъ *Слуга*, въ которомъ читаемъ: „Порядочнымъ людямъ чувство превосходства другого надъ собою внушаетъ уваженіе, любовь, даже благоговѣніе; въ лакеѣ же оно возбуждаетъ только недоброжелательство и зависть. Удивительное это дѣло, думаетъ лакей про себя: чтò бы, кажется, въ баринѣ такого особеннаго? По мнѣ такъ ровно ничего! А честятъ. И какъ еще честятъ! ...За что его такъ ужъ черезчуръ любить? За то, что онъ краснобай, и за все хватается, и книжки перебираетъ? Это всякій съумѣетъ на его мѣстѣ сдѣлать не хуже его. Заставилъ бы я его комнату выместь, да сапоги почистить или на запяткахъ въ трескучій морозъ потрястись, и посмотрѣлъ бы, что изъ него выйдетъ. Плохъ бы оказался, навѣрное. То-то и есть, что на легкомъ хлѣбѣ живетъ и такими же, какъ онъ, дармоѣдами прославляется“... За симъ, Кавелинъ продолжаетъ: „Если лакей зналъ барина, когда послѣдній былъ еще очень молодъ, нравственно и даже физически еще не сложился, дѣлалъ ошибки, впадалъ въ заблужденія, отдавался страстямъ, вообще шелъ въ жизни нетвердою стопой,—вотъ когда нужно по-

слушать лакея! Въ разсказахъ его о баринѣ въ такихъ случаяхъ обнаруживаются совершенно новыя черты лакейской души. Къ злорадству и зависти тутъ присоединяется еще Хлестаковская хвастливость, желаніе показаться за панибрата съ знатнымъ своимъ бариномъ. „Для васъ баринъ важная птица,—думаетъ лакей,—а для меня такъ онъ такъ себѣ, дрянь и больше ничего"!.. Разскажетъ вамъ лакей, что его баринъ не прочь былъ сладко съѣсть и сладко выпить, и что и волокита онъ былъ исправный... Въ головѣ лакея отпечатлѣвается только внѣшняя оболочка вещей... Цѣль всѣхъ усилій лакея—снять съ барина ореолъ славы, — разсѣять нимбъ величія, которымъ онъ окруженъ, низвести его до себя... Въ случайной близости къ барину лакей видитъ только право говорить о немъ съ пренебреженіемъ, трактовать его ни по чемъ. Оттого и существуетъ давнишнее правило не водить дружбы съ лакеемъ, не фамильярничать съ нимъ, потому что лакей тотчасъ же зазнается и возмечтаетъ, что онъ ровенъ съ бариномъ....... Иной разъ баринъ, разглядѣвъ по пристальнѣе слугу и замѣтивъ за нимъ разныя разности, лишитъ его своего довѣрія, выбранитъ порядкомъ, а смотря по винѣ, въ припадкѣ справедливаго гнѣва, велитъ пожалуй и со двора прогнать. Какъ же лакею не досадовать и не злиться" [83])?

Въ *Молвѣ*, по поводу физіологическаго очерка Кавелина *Слуга*, замѣтили: „Что за странное ожесточеніе противъ сословія слугъ! Что за странное возвышеніе особы барина! Въ лицѣ слуги представлена низость; въ лицѣ барина—благородство... И потомъ, намъ кажется, что типъ слуги, сколько онъ вообще извѣстенъ, представленъ даже ошибочно, онъ представленъ завидующимъ знаменитости своего барина; намъ кажется совершенно наоборотъ; слуга впадаетъ скорѣе въ другую крайность: онъ тщеславится своимъ бариномъ, его чиномъ, знатностью; не чувство зависти, а чувство подобострастія—вотъ скорѣе одно изъ свойствъ слуги".

Кавелинъ остался вѣренъ памяти Грановскаго, и онъ писалъ

слѣдующее въ 1866 году: „Грановскій не былъ ученымъ въ узкомъ значеніи этого слова; онъ писалъ и говорилъ для того, чтобы понимали то, что онъ пишетъ и говоритъ; чтобы быть ученымъ въ самомъ присяжномъ смыслѣ этого слова, ему не доставало не знаній, не начитанности, не критическаго взгляда, не обобщающихъ идей—всѣмъ этимъ онъ былъ богатъ, какъ нельзя болѣе; но ему не доставало аффектаціи, чопорности, презрѣнія ко всякому независѣвшему отъ него мнѣнію, однимъ словомъ, всего того, что такъ часто одними выдается, а другими принимается за ученость“ [84]).

Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 26 января 1857 г., записалъ: „Много занимала публику статья въ *Русской Бесѣдѣ*, въ которой Григорьевъ обругалъ Грановскаго. Этотъ Григорьевъ былъ когда-то посланъ въ Лифляндію, за свою сомнительную дѣятельность, въ которой, по возвращеніи, получилъ крестъ. Во время моего цензорства, онъ написалъ было статью — прямой доносъ на противную себѣ партію Русскихъ литераторовъ. Словомъ, этотъ любезный господинъ съ успѣхомъ шелъ по слѣдамъ Булгарина. Теперь ему сильно не понравилась высокая и чистая репутація Грановскаго, и онъ задумалъ столкнуть его въ грязь“ [85]).

Самъ Шевыревъ возсталъ противъ статьи Григорьева. Онъ писалъ Погодину: „Вчера прочелъ я статью Григорьева о Грановскомъ. Вѣдь тутъ есть нехорошій поступокъ. Какъ могъ рѣшиться на него Григорьевъ? И какъ рѣшилась *Бесѣда* всю статью напечатать?—Не будь въ этой статьѣ сплетней другъ на друга, она бы имѣла ученый и нравственный характеръ. Да, не такъ готовились мы къ Наукѣ, живучи у Стараго Пимена и у Успенья на Вражкѣ, а потомъ въ Римѣ и въ Женевѣ. Какъ Богъ избавилъ меня отъ Берлина и Мюнхена въ то время, когда они могли бы погубить меня. Нашъ Рожалинъ погибъ жертвою этого чувственнаго матеріализма, въ которомъ купалась вся эта молодежь. Статья Григорьева открываетъ глаза на многое и въ этомъ отношеніи поучительна; но все-таки она остается дурнымъ поступкомъ—и мнѣ ду-

шевно жаль, что *Русская Бесѣда* взяла на себя его половину. Я объ этомъ напишу и къ Кошелеву" [86]).

Кошелеву же Шевыревъ писалъ: „Статья Григорьева преинтересный документъ въ Исторіи современнаго образованія, а все-таки со стороны Григорьева дурной поступокъ, и мнѣ жаль, что онъ совершенъ въ *Русской Бесѣдѣ*. Грановскій письмами своими много выигрываетъ, какъ человѣкъ искренній, изливающій душу свою въ душу другого. Но что касается до этого *друга*, то къ нему не только всякое сочувствіе исчезаетъ, а чувствуешь омерзѣніе. Мнѣ кажется, тутъ спора быть не можетъ" [87]).

„Удивительнѣе всего",—писалъ Н. И. Веселовскій,—„что восхваленный Григорьевымъ санскритистъ Павелъ Яковлевичъ Петровъ оскорбился статьею Григорьева и порвалъ съ нимъ всякую связь, забывъ все прошлое. Московскіе бывшіе студенты на обѣдѣ въ Татьянинъ день, въ Шахматномъ клубѣ, кричали: *Pereat Grigorieff*"!

XXVII.

Къ числу весьма немногихъ лицъ, которые къ статьѣ В. В. Григорьева отнеслись съ сочувствіемъ и уваженіемъ, принадлежалъ и Погодинъ. Въ *Дневникѣ* его, подъ 29 октября и 1 ноября 1856 г., отмѣчено: „Думалъ о Грановскомъ, и его дѣйствіе безъ дѣйствія. Прочелъ прекрасную статью Григорьева".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ самому Григорьеву Погодинъ писалъ слѣдующее: „На васъ, по поводу статьи о Грановскомъ, поднимается страшная гроза. Чинятъ перья и проч. Это бы ничего, но досадно приписаніе вашей статьѣ зависти, мщенію и тому подобнымъ глупостямъ и гадостямъ. Толковать и спорить съ этими господами невозможно, а статья о Надеждинѣ, въ которой вы искренно скажете свое мнѣніе безпристрастное о другомъ человѣкѣ, также вамъ близкомъ, броситъ вѣрный свѣтъ и на первую статью, покажется ея на-

стоящая цѣль. Въ статьѣ о Грановскомъ слѣдовало бы исключить нѣсколько словъ“ [88]).

10-го марта 1857 года, изъ Оренбурга, Григорьевъ отвѣчалъ Погодину: „Изъ письма вашего, отъ 21-го февраля, съ душевнымъ удовольствіемъ увидѣлъ я, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что вы имѣете неосторожность принадлежать къ небольшой горсточкѣ людей, которые еще не считаютъ меня достойнымъ висилицы за статью о Грановскомъ. Неосторожность, говорю, потому что такой образъ мыслей на всякаго имѣющаго его, способенъ навлечь ожесточенное гоненіе западниковъ; душевное же удовольствіе мое происходитъ отъ того что amicus certus in re incerta cernitur. Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ расположеніи, но все-таки мнѣ особенно пріятно было видѣть что расположеніе это выразилось дѣятельно — добрымъ совѣтомъ, тогда какъ прочіе пріятели только смотрятъ, точно будто не ихъ тысячу рубятъ. До меня, за отдаленностію мѣстопребыванія, не дошла еще и половина воздвигнутыхъ громовыхъ тучъ; но ни нанесенные, ни ожидаемые удары не тревожатъ меня: я чувствую себя совершенно правымъ и зналъ что подыму грозу. Пиша о Грановскомъ, я помнилъ, что не должно дѣлать въ отношеніи къ другимъ того, чего не желаешь чтобы тебѣ сдѣлали, писалъ о Грановскомъ такъ, какъ бы желалъ чтобы писали со временемъ обо мнѣ, если заслужу эту честь. Лучше я, кажется, ничего не могу сказать въ свою защиту. Мстить Грановскому я не имѣлъ повода, зависти къ нему не питалъ, потому что не находилъ и не нахожу чему въ немъ завидовать; мои идеалы, мои кумиры неизмѣримо выше, и притомъ къ кумирамъ моимъ питаю я лучшія чувства нежели зависть. Я слишкомъ гордъ и самоувѣренъ, чтобы кому-нибудь завидовать. Не могло существовать во мнѣ по отношенію къ Грановскому и jalousie de métier, потому что дороги наши были разныя. Причина появленія статьи гораздо проще и, разумѣется, чище. Стала выходить *Бесѣда*. Надо было послать въ нее что-нибудь, потому что я не люблю смотрѣть, сложа

руки, когда добрые люди дѣло затѣваютъ. Ученаго, по специальности моей, за служебными занятіями заброшенный, не могъ я написать ничего, по неимѣнію подъ рукою надлежащихъ пособій. Между тѣмъ, отовсюду требовалось сообщенія свѣдѣній о Грановскомъ. У меня были цѣлы письма его изъ-за границы, кое-что могъ я разсказать объ немъ съ памяти: ну, я и рѣшилъ, что напишу воспоминанія о Грановскомъ. А когда началъ писать, и увидѣлъ въ письмахъ его разные взгляды па мою особу, пришло мнѣ въ голову объяснить, почему онъ думалъ такъ, а я иначе объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Это принято за самохвальство. Пусть. Кто не хочетъ понимать, тому не выгодно понять, того не вразумишь. Вы, зная западниковъ по опыту, очень хорошо знаете, что спорить съ ними нельзя, ибо споръ возможенъ только при добросовѣстности, въ которой они не сильны, да которую и знать не хотятъ. Поэтому, у меня и не рѣшено еще: отвѣчать ли на подлые намеки и пошлыя придирки г.г. Головачова, Галахова и комп., или нѣтъ. Если „бесѣдники“ сочтутъ это нужнымъ, я буду отвѣчать, какъ ни тяжело для меня дѣлать изъ Грановскаго, котораго я любилъ, дубинку для колоченія ею его поклонниковъ; если же, по приговору „бесѣдниковъ“, которому я себя подчиняю — потому что дѣло общее—можно будетъ обойтись безъ отвѣта, т.-е. перебранки, я очень радъ отъ нея отказаться. О Надеждинѣ предполагалъ я писать еще прежде, чѣмъ рѣшился на статью о Грановскомъ; но сначала остановило меня то же отсутствіе ученыхъ пособій, о которомъ сказалъ я выше, ибо о Надеждинѣ хотѣлось мнѣ сказать и *доказать*, что онъ много сдѣлалъ для Науки, что это былъ настоящій *Русскій ученый*, для чего нужно было показать положеніе каждаго предмета, о которомъ онъ трактовалъ, *до него*, и что онъ по этому предмету прибавилъ къ капиталу Науки. Такъ бы и поклонникамъ Грановскаго слѣдовало доказать его заслуги Наукѣ тѣмъ, которые не вѣрятъ въ эти заслуги. — Потомъ оставилъ я намѣреніе „бесѣдовать“ о Надеждинѣ,

потому что разобрать оставшіяся послѣ него бумаги и издать посмертные труды его поручено было П. С. Савельеву, который, извѣщая меня объ этомъ, увѣдомилъ также, что напишетъ цѣлый рядъ статей о покойномъ. У Савельева и у меня взглядъ на Надеждина одинаковой, написать о чемъ бы то ни было сможетъ Савельевъ не хуже меня, у него подъ рукою всѣ средства, а у меня никакихъ. Согласитесь, что въ такихъ обстоятельствахъ писать похвальное слово Николаю Ивановичу я долженъ, обязанъ былъ предоставить Савельеву. Въ настоящихъ обстоятельствахъ, я совершенно согласенъ съ вами, разговориться печатно о Надеждинѣ было бы весьма для меня полезно, и я очень благодаренъ вамъ за указываемый благородный способъ отвѣчать на клевету; но я не могу прибѣгнуть къ этому способу теперь. Впрочемъ, я не боюсь репутаціи Зоила—я довольно на вѣку своемъ печатно воспѣвалъ людей, въ отношеніи къ которымъ зависть могла бы закрасться въ меня гораздо скорѣе, чѣмъ въ отношеніи къ Грановскому. Мнѣ неловко защищаться, потому что долженъ буду повторять безпрестанно: я, я. Это опять, возопіютъ, самохвальство; а какъ же могу я доказать отсутствіе зависти въ себѣ иначе, какъ указывая, что вотъ-молъ, тогда-то и тамъ-то печаталъ *я* о такомъ-то и о такомъ-то, то-то и то-то... *Нѣсколько строкъ изъ статьи о Грановскомъ слѣдовало бы исключить*, замѣтили вы мимоходомъ. Какія эти строки? Не тѣ ли, гдѣ говорится о Философіи, удобной для ужиновъ? Я, Михаилъ Петровичъ, имѣлъ право написать эти строки, потому что *на дѣлѣ* видѣлъ какъ примиреніе, возможное за стаканомъ шампанскаго, невозможно въ жизни практической. Примирите-ка на дѣлѣ фритредеровъ съ протекціонистами, а и тѣ и другіе желаютъ блага народу“ [89]).

„Отвѣчать вамъ“,—писалъ Погодинъ Григорьеву,—„на ругательства не слѣдуетъ. На мнѣніе собесѣдниковъ *) полагаться не должно. Эти люди прекрасные, но не мужи совѣта.

---

*) Т.-е. на *Русскую Бесѣду*. *Н. Б.*

Я стою на прежнемъ: написать статью о Надеждинѣ, которая нужна именно отъ васъ, и безъ отношенія къ послѣдней полемикѣ. Въ заключеніе вы скажете: я сказалъ откровенно свое мнѣніе о Надеждинѣ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ, какъ сказалъ откровенно о Грановскомъ. Мнѣ очень жаль, что послѣдняя статья растолкована въ кривую сторону. Послѣ напечатанія статей противъ васъ, въ публикѣ у насъ примѣтно стала реакція въ вашу пользу".

Какъ В. В. Григорьевъ не бодрился, но вся эта оскорбительная полемика привела его въ раздраженное состояніе. „Наконецъ ты рѣшился",—писалъ онъ своему другу П. С. Савельеву,—„пріобрѣсти безсмертіе, написавши обо мнѣ статью, которую бы, со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, я могъ напечатать. Напечатать-то напечатаю, но съ такимъ комментаріемъ, какъ о Грановскомъ; докажу при этомъ случаѣ, какой ты былъ мошенникъ, и какой самъ я прекраснѣйшій человѣкъ. Не правда ли, вѣдь и статья о Грановскомъ не съ какою другою цѣлію написана. Только придрался къ Грановскому, чтобы себя расхвалить. Это ясно, какъ день. Но для меня ясно также, что правду никогда нельзя высказывать безнаказанно; не смотря на то, я при случаѣ опять готовъ высказать ее, какъ бы отвратительно ни разругали меня за Грановскаго... Вѣдь сказать правду о Бѣлинскомъ также не легко, какъ и о Грановскомъ [90]).

Прошло много лѣтъ, и вотъ, въ 1869 году, является въ Москвѣ біографія Т. Н. Грановскаго, написанная А. В. Станкевичемъ. Познакомившись съ этою книгою, извѣстный Бакунинъ, 23 ноября 1869 года, писалъ: „Меня книга не удивила. Александръ Станкевичъ узенькій...... идеалистъ,— чѣмъ болѣе живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что на свѣтѣ нѣтъ ничего грязнѣе идеалистовъ. И Грановскій былъ также идеалистъ, не грязный, — это правда; — онъ былъ слишкомъ благороденъ и слишкомъ другъ Николая Станкевича, чтобы грязь могла когда-либо до него ко-

снуться. Но въ немъ не было ни одной капли реальной Дидеротовской и Дантоновской, реально-человѣколюбивой крови. Онъ жилъ и умеръ въ доктринѣ и въ сентиментально-гуманистической фикціи. Онъ любилъ гуманность, но не живыхъ людей. Какъ всѣ доктринеры и идеалисты, онъ самъ того не сознавая, презиралъ, во имя націи и во имя изящной гуманности, глупую, ненаучную и неизящную толпу, черный людъ. Поэтому онъ долженъ былъ быть отъявленнымъ врагомъ соціализма и вѣрующимъ въ жизнь другую, въ которой, вѣроятно, онъ думалъ, толпа будетъ имѣть случай поумнѣть и умыться. Я прочелъ нѣсколько писемъ его къ сестрамъ, къ кузинамъ, — что за прекраснодушіе, какое отвратительное хлопотанье о себѣ, о своей позѣ въ исполненіи de sa mission, что за несносно-изящное саморисованье въ идеалѣ, какъ передъ зеркаломъ,—что за отваритительное самолюбивое кокетство! И все это на Французскомъ діалектѣ, — признакъ лжи. Вѣчныя хлопоты о себѣ, о своемъ счастьи, о своемъ несчастьи, о своей красотѣ, о своемъ достоинствѣ, о своемъ положеніи и *о своемъ* призваніи. Когда же ему было думать о живомъ, страждущемъ, попранномъ человѣчествѣ. Какая огромная разница, какая пропасть между нимъ и нашимъ Русскимъ Дидеротомъ,—нашимъ неумытымъ реалистомъ по темпераменту и по натурѣ — Виссаріономъ Бѣлинскимъ! Этотъ весь отдавался предмету, — Грановскій принималъ предметъ въ себя, дѣлалъ его своимъ украшеніемъ, своею изящною позою, а если предметъ въ немъ не укладывался, урѣзывалъ его, или совсѣмъ отбрасывалъ отъ себя. Какое отсутствіе реальнаго чувства и смысла были необходимы чтобы изволить ему писать такія письма къ Вердеру, къ Невѣрову, т.-е., къ тѣнямъ, къ бездушнымъ и редикульнымъ фантомамъ.

... Станкевичъ (Николай) былъ идеалистъ, но самъ проклинавшій свой идеализмъ, самъ собою недовольный, въ то время какъ Грановскій былъ самъ собою доволенъ,—это явствуетъ изъ каждой строки къ кузинамъ и сестрамъ, въ пись-

махъ къ которымъ онъ такъ женоподобно рисуется. У Станкевича умъ былъ широкій, — у Грановскаго ограниченный. У Станкевича былъ вѣрный смыслъ реальностей,—и если онъ умеръ полу-идеалистомъ, такъ только потому, что у него была чахотка, — самая идеальная болѣзнь въ мірѣ. Передъ гигантомъ Станкевичемъ, Грановскій былъ изящный маленькій человѣкъ, не болѣе. Я всегда чувствовалъ его тѣсноту и никогда не чувствовалъ къ нему симпатіи. Письма его на счетъ Герцена столько же глупы, сколько отвратительны *). Похороните его друзья (т.-е. Герценъ и Огаревъ); онъ васъ не стóитъ. Будетъ одною пустою тѣнью въ памяти менѣе“ [91]).

Но „друзья“ не послѣдовали его совѣту. Вотъ какъ Герценъ описываетъ свою скорбь при полученіи извѣстія о кончинѣ Грановскаго: „Грустно поразила меня вѣсть о смерти Грановскаго. Я шелъ въ Ричмондъ, на желѣзную дорогу, когда мнѣ подали письмо. Я прочиталъ его идучи и истинно сразу не понялъ. Я сѣлъ въ вагонъ, письма не хотѣлось перечитывать, я боялся его. Посторонніе люди, съ глупыми, уродливыми лицами, входили, выходили, машина свистала, я смотрѣлъ на все и думалъ: „Да это вздоръ! Какъ? Этотъ человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ, онъ, котораго улыбка, взглядъ у меня передъ глазами — его будто нѣтъ?... меня клонилъ тяжелый сонъ и мнѣ было страшно холодно. Въ Лондонѣ со мной встрѣтился А. Таляндье; здороваясь съ нимъ, я сказалъ, что получилъ дурное письмо, и какъ будто самъ только что услышалъ вѣсть, не могъ удержать слезъ.

Мало было у насъ сношеній въ послѣднее время, но мнѣ *нужно* было знать, что тамъ—вдали, на нашей родинѣ, *живетъ* этотъ человѣкъ!

Безъ него стало пусто въ Москвѣ, еще связь порвалась!.. Удастся ли мнѣ, когда-нибудь, одному вдали ото всѣхъ посѣтить его могилу—она скрыла такъ много силъ, будущаго, думъ, любви, жизни... Тамъ перечту я строки грустнаго при-

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1890. XIV, 182—183.

миренія, которыя такъ близки мнѣ, что я ихъ выпросилъ въ даръ *нашимъ* воспоминаніямъ".

За тѣмъ, Герценъ приводитъ и эти „строки", вылившіяся изъ души Н. П. Огарева:

То было осенью унылой...
Средь урнъ надгробныхъ и камней
Свѣжа была твоя могила
Недавней насыпью своей.
Дары любви, дары печали—
Рукой твоихъ учениковъ
На ней разсыпанны лежали
Вѣнки изъ листьевъ и цвѣтовъ.
Надъ ней суровымъ днямъ послушна
Кладбища сторожъ вѣковой,—
Сосна качала равнодушно
Зелено-грустною главой,
И рѣчка, берегъ омывая,
Волной безслѣдною вблизи
Лилась, лилась не отдыхая
Вдоль нескончаемой стези...

* * *

Твоею дружбой не согрѣта
Вдали шла долго жизнь моя
И словъ послѣдняго привѣта
Изъ устъ твоихъ не слышалъ я.
Размолвкой нашей *) недовольный
Ты, можетъ, глубоко скорбѣлъ;
Обиды горькой, но невольной
Тебѣ простить я не успѣлъ.
Никто изъ насъ не могъ быть злобенъ,
Никто, тая строптивый нравъ,
Былъ повиниться не способенъ,
Но каждый думалъ, что онъ правъ.
И ѣхалъ я на примиреніе,
Я жаждалъ искренно сказать
Тебѣ сердечное прощенье
И отъ тебя его принять...
Но было поздно...
Въ день унылый,
Въ глухую осень, одинокъ
Стоялъ я у твоей могилы
И все опомниться не могъ.
Я, стало, не увижу друга?
Твой взоръ потухъ и навсегда?

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1894 г. кн. VIII, 366—373.

Твой голосъ смолкъ среди недуга?
Меня отнынѣ никогда
Ты въ часъ свиданья не обнимешь,
Не молвишь въ проводъ ничего?
Ты сердцемъ любящимъ не примешь,
Признаній сердца моего?
. . . .

* * *

Я пережилъ—и вновь блуждаетъ
Жизнь между дѣла и утѣхъ,
Но въ сердцѣ скорбь не заживаетъ,
И слезы чуятся сквозь смѣхъ.
Въ наслѣдье мнѣ дала утрата
Портретъ съ умершаго чела,
Гляжу—и будто образъ брата
У сердца смерть не отняла:
И вдругъ мечта на умъ приходитъ
Что это только мирный сонъ;
Онъ это спитъ, улыбка бродитъ,
И завтра вновь проснется онъ;
Раздастся голосъ благородный...
Но снова въ памяти унылой
Рядъ урнъ надгробныхъ и камней
И насыпь свѣжая могилы
Въ цвѣтахъ и листьяхъ, и надъ ней,
Дыханью осени послушна—
Кладбища сторожъ вѣковой—
Сосна качаетъ равнодушно
Зелено-грустною главой,
И волны, берегъ омывая,
Бѣгутъ, спѣшатъ, не отдыхая.

Но чтобы окончательно разсѣять тяжкое впечатлѣніе, произведенное отзывомъ Бакунина о мужѣ приснопамятномъ въ Исторіи Русскаго Просвѣщенія, заключимъ эту главу выпискою изъ *Молвы*, сдѣланною Александромъ Дмитріевичемъ Свербеевымъ въ Богучаровской библіотекѣ Дмитрія Алексѣевича Хомякова, въ которой заключается статья К. С. Аксакова, и въ ней читаемъ: „Въ прошедшемъ году, помѣщена была въ *Русской Бесѣдѣ* статья Григорьева о Грановскомъ. Эта статья вызвала большое негодованіе со стороны противниковъ *Бесѣды*. Мы, съ своей стороны, признавая за каждымъ полную свободу мнѣнія о другомъ человѣкѣ и полное право оное высказывать (въ противномъ слу-

чаѣ, это значило бы стѣснить свободу сужденія; неужели же намъ по душѣ такое стѣсненіе?), убѣждаться, что никто не имѣлъ права обвинять Григорьева въ желаніи унизить Грановскаго, должны, однако же, признать, что къ такимъ нападеніямъ могъ подать поводъ тонъ статьи Григорьева. Сверхъ того, сужденіе о Грановскомъ неполно, а потому и выходитъ рѣзко и несправедливо. Тѣмъ не менѣе, статья Григорьева чрезвычайно интересна и умно написана; она сообщаетъ намъ много дорогихъ свѣдѣній о Грановскомъ, память о которомъ такъ жива въ Москвѣ. Если и возбуждаютъ непріятное чувство иногда тонъ, иногда нѣкоторыя сужденія автора, то тѣмъ не менѣе самъ Грановскій, изъ всего сообщаемаго о немъ, а главное, изъ его писемъ, выходитъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Его прекрасную душу узнаемъ мы съ новыхъ, такъ сказать, домашнихъ сторонъ, и любимъ его еще болѣе. Не всякій выдержитъ то испытаніе, которому подвергъ Григорьевъ Грановскаго, не всякій, обнаженный въ своихъ частныхъ отношеніяхъ, въ своихъ письмахъ, пишучи которыя, конечно, не думалъ онъ о печати, явится такъ хорошъ, благороденъ, человѣчественъ. И такъ, не можемъ не быть благодарны Григорьеву за обнародованіе его статьи. Страсти, возбужденныя этою статьею, къ сожалѣнію, мѣшаютъ вникнуть въ дѣло, мѣшаютъ спокойному разсмотрѣнію вопроса. Въ высшей степени художественная, благородная и сочувственная личность Грановскаго не подлежитъ сомнѣнію, но если бы кто-нибудь сталъ дѣлать изъ Грановскаго кумиръ, то онъ бы оказалъ ему плохую услугу. Во-1-хъ, кумировъ ненадобно вовсе, и никакихъ. А во-2-хъ, личность Грановскаго не имѣетъ въ себѣ ничего кумирнаго; личность Грановскаго именно такова, что она стоитъ не надъ людьми, а съ людьми, каждому протягивая сочувственно руку,—и это важное, очень важное, и далеко не у всѣхъ имѣющееся достоинство. Вотъ почему такъ привѣтливъ и дружественъ его благородный, теплаго, тихаго чувства исполненный образъ; и этотъ образъ еще яснѣе является намъ изъ статьи Григорьева.

Съ другой стороны, также не должно быть крайности; странно было бы приковать поколѣніе къ одному человѣку, какъ бы не были высоки его достоинства, авторитетовъ быть не должно, а мы къ нимъ очень склонны. Человѣкъ замѣчательный: становится для своихъ современниковъ и вождемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, мостомъ, который они переходятъ, чтобы идти далѣе; благодарность тогда бываетъ еще живѣе. Такъ и теперь, почему не предположить, что молодыя поколѣнія студентовъ, благодарныя Грановскому, пошли далѣе, и требованія ихъ стали даже шире и серьезнѣе. И самъ Григорьевъ, и другіе, судя о Грановскомъ, какъ объ ученомъ, упускаютъ изъ виду самое важное его значеніе въ Университетѣ и въ обществѣ. Грановскій не подвинулъ впередъ Науки общей Исторіи, не сдѣлалъ чего-нибудь новаго, да и никто изъ Русскихъ ученыхъ этого не сдѣлалъ, и не можетъ сдѣлать, при отсутствіи еще въ насъ самостоятельной дѣятельности; — но въ лекціяхъ своихъ передавалъ Грановскій жизнь того или другаго времени, со всею ея невидимою обстановкою, съ ея воздухомъ, такъ сказать, — передавалъ художественно путь, которымъ всего удобнѣе познается юношами истина.—Достоинство его лекцій можетъ засвидѣтельствовать Москва, слышавшая два его курса. Конечно, не пропали эти живыя впечатлѣнія, которыя выносили слушатели изъ его аудиторіи. Отсюда отчасти уже вытекаетъ то важное значеніе Грановскаго, на которое мы намекнули; это значеніе, если можно такъ выразиться: *педагогическое*. Онъ воспитывалъ своихъ слушателей; онъ подымалъ ихъ надъ обыденною жизнію въ высшія сферы духа; онъ будилъ въ нихъ благородныя движенія и чувства, онъ образовывалъ и устремлялъ ихъ силы; это великое дѣло, огромное значеніе. И вотъ почему эта всеобщая любовь къ Грановскому, и вотъ почему она понятна и законна. Говорятъ: онъ ничего не написалъ, ничего не сдѣлалъ; онъ точно мало написалъ, но онъ много сдѣлалъ. Онъ могъ, въ отвѣтъ на такой упрекъ, указать, какъ сдѣлалъ нѣкогда Мерзляковъ, на студентовъ и сказать: вотъ мои лек-

ціи! Но не на однихъ студентовъ могъ указать Грановскій, онъ могъ указать на общество, внимавшее полной одушевленія и изящества, возвышенной, увлекательной его рѣчи, и теперь благодарно произносящее имя Грановскаго“.

Любопытно прослѣдить, какъ отразилась статья В. В. Григорьева на людей послѣдующихъ поколѣній, живущихъ въ то время, когда страсти, возбужденныя этою статьею, уже давно улеглись.

Сколько намъ извѣстно, новое поколѣніе, почитая Грановскаго, не осудило Григорьева, а напротивъ, осталось ему благодарнымъ, за его чрезвычайно интересную и умно написанную статью о Грановскомъ.

Какъ бы подтвержденіемъ сказаннаго, могутъ служить нижеслѣдующія строки изъ письма ко мнѣ графа Павла Сергѣевича Шереметева: „Отдѣльный оттискъ статьи Григорьева о Грановскомъ“,—писалъ онъ—„я пріобрѣлъ какъ-то въ Москвѣ у букиниста. Имя Грановскаго было мнѣ тогда едва знакомо, а можетъ быть и вовсе не знакомо, и о полемикѣ, возбужденной статьей Григорьева, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; это было, кажется, лѣтъ восемь тому назадъ. Въ то лѣто я былъ въ Тульской губерніи, въ Богородицкѣ, у извѣстнаго вамъ графа В. А. Бобринскаго, и, какъ сейчасъ помню, мы вмѣстѣ прочитали статью Григорьева... Изъ этой статьи, въ первый разъ пришлось узнать благородную личность Грановскаго, и долго потомъ мы вспоминали объ удовольствіи, которое доставила намъ эта статья. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого чтенія умеръ попечитель Кавказскаго Учебнаго Округа Я. М. Невѣровъ, Бобринскій прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ вспоминалъ наше чтеніе статьи Григорьева и сообщилъ, что Невѣровъ завѣщалъ сумму денегъ на какое-то доброе дѣло, посвященное памяти друга своего Грановскаго“.

Слѣдуетъ замѣтить, что Я. М. Невѣровъ былъ также другомъ и В. В. Григорьева, и черезъ него онъ впервые познакомился, а потомъ и крѣпко сдружился съ самимъ Грановскимъ.

„Я познакомился съ Грановскимъ",—писалъ Я. М. Невѣровъ,—„въ концѣ 1834 года, въ Петербургѣ, чрезъ Василія Васильевича Григорьева. Съ естественнымъ молодости увлеченіемъ, Григорьевъ говорилъ обо мнѣ товарищу своему Грановскому и возбудилъ въ немъ желаніе познакомиться со мною... Григорьевъ хвалилъ умъ и способности Грановскаго, но въ этихъ похвалахъ видно было болѣе уваженія, нежели увлеченія и теплой сердечной привязанности; меня же связывало съ Григорьевымъ именно это чувство ... Безотчетная, исключительно на теплотѣ сердечной основанная, доходившая почти до паѳоса, привязанность Григорьева ко мнѣ, возбудила и во мнѣ такое же чувство къ нему... Восторженные обо мнѣ отзывы Григорьева Грановскому заинтересовали его, и онъ искалъ случая со мною познакомиться. Григорьевъ привелъ его ко мнѣ на мои вечера"...

Вскорѣ между Невѣровымъ и Грановскимъ завязалась тѣсная дружба [92]).

XXVIII.

Въ самомъ концѣ 1856 года, въ Москвѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе любимаго ученика Т. Н. Грановскаго, Бориса Николаевича Чичерина, посвященное памяти учителя, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Областныя учрежденія Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ.*

Достоинства этого сочиненія вполнѣ оцѣнены критикой и оно стяжало въ Русской Литературѣ почетную извѣстность автору. Но противъ направленія Чичерина, какъ и слѣдовало ожидать, вооружилась *Русская Бесѣда,* и между востокомъ и западомъ продолжалась ожесточенная война.

Въ качествѣ критика на сочиненіе Чичерина, въ *Русской Бесѣдѣ* выступилъ профессоръ Римскаго Права въ Московскомъ Университетѣ Никита Ивановичъ Крыловъ.

„Судя по названію книги",—писалъ Крыловъ,—„читатель въ правѣ ожидать, что сочинитель будетъ излагать Исторію

областныхъ учрежденій на Руси, въ XVII вѣкѣ, покажетъ: которое когда установлено, по какимъ причинамъ и на основаніи какихъ началъ, разсмотритъ отношеніе того или другого учрежденія къ тогдашней общественной жизни на Руси; но на дѣлѣ авторъ все это или вовсе опустилъ изъ виду, или иного коснулся только мелькомъ, а все свое вниманіе обратилъ на то, чтобы доказать, что всѣ учрежденія Россіи не только въ XVII-мъ вѣкѣ, но и прежде, были не удовлетворительны, недостаточны, неудачны и несообразны съ теоріею, а вопросъ о современной жизни тогдашняго общества на Руси его вовсе не занимаетъ, и согласны ли учрежденія съ жизнію, онъ на это нисколько не обращаетъ вниманія, и преслѣдуетъ ихъ только за то, что они не согласны съ теоріею, какъ будто бы жизнь общества слагается по теоріи, или общество должно управляться учрежденіями, которыя не согласны съ жизнію и построены на теоріяхъ, составленныхъ тѣмъ или другимъ мыслителемъ, или заимствованныхъ со стороны, а не вытекшихъ изъ самой жизни общества изъ его Исторіи".

По мнѣнію Н. И. Крылова, „невѣрное, произвольное основаніе, взятое Б. Н. Чичеринымъ, волей неволей повело его и къ невѣрнымъ заключеніямъ; онъ на всѣ учрежденія старой Руси смотрѣлъ съ точки собственной теоріи, и отъ того всѣ они представлялись въ искаженномъ видѣ; онъ искалъ въ нихъ того, чего въ нихъ нѣтъ, и не видалъ того, что въ нихъ заключается. Много труда положилъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи, и за трудолюбіе нельзя не благодарить его; но, къ сожалѣнію, трудъ сей, преисполненный отрицанія, не только безполезенъ, но и вреденъ нашей Исторіи: подобные труды только останавливаютъ ходъ историческаго изученія. Не такихъ трудовъ ждетъ Русская Исторія отъ своихъ изслѣдователей; лучшій образецъ нашъ въ историческомъ изученіи,—безсмертный Карамзинъ: по его стопамъ мы должны идти, а не придумывать путей, строптивыхъ и косныхъ, ведущихъ къ заблужденіямъ".

Между тѣмъ, 21 декабря 1856 года, Б. Н. Чичеринъ публично защищалъ въ Московскомъ Университетѣ свое сочиненіе объ *Областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ*.

„Диспутъ Чичерина",—свидѣтельствуетъ Н. И. Крыловъ,— „есть событіе, для Исторіи Московскаго Университета многознаменательное. Общество къ нему выразило самое теплое участіе: лица различныхъ состояній и убѣжденій, различнаго пола и возраста, въ огромномъ количествѣ, слились вмѣстѣ съ Университетомъ въ одну общую Русскую семью, и приняли живѣйшее участіе въ ученой бесѣдѣ. Это мы—члены Университета—чувствуемъ и сердечно благодаримъ общество за такое лестное для насъ вниманіе. Но особенный привѣтъ, отъ лица Университета, свидѣтельствую любезнымъ дамамъ: ихъ не устрашили наши старые волостели, намѣстники, дьяки и воеводы, отъ которыхъ трепетала нѣкогда вся Русь. Честь и слава геройскому ихъ подвигу! И Университетъ, съ своей стороны, привѣтствовалъ почтеннѣйшее общество достойнымъ образомъ. Юридическій Факультетъ возводилъ на каѳедру магистерской степени даровитѣйшаго своего питомца, обстановленнаго—и готовою литературною славою, и новымъ ученымъ трудомъ, который онъ представляетъ на судъ публики, и блестящими надеждами на будущіе успѣхи. Живою, бойкою рѣчью онъ заявляетъ себя собравшемуся обществу, высказывая въ ней свои юридическія убѣжденія и дѣлая общій очеркъ своего многосложнаго сочиненія".

На диспутѣ, Н. И. Крыловъ, въ качествѣ университетскаго оппонента, сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, относящихся къ цѣлому составу сочиненія—и къ *формальной его сторонѣ*, и къ *матеріальной*. Цѣль замѣчаній Крылова, какъ онъ пишетъ, была „вовсе не та, чтобы взвести на молодого ученаго, отъ имени Науки, обвинительный актъ, обличить въ ложномъ пониманіи Исторіи Русскаго Права, и тѣмъ лишить его и нравственнаго, и ученаго достоинства, которое безспорно ему принадлежитъ. Нѣтъ, такой тяжелый процессъ мнѣ не по душѣ. Напротивъ, какъ прежній на-

ставникъ, я радуюсь успѣхамъ даровитаго ученика, сочувствую ему въ его тяжелыхъ, но блистательныхъ трудахъ на поприщѣ юной исторической Науки, уважаю его разсудочный талантъ, удивляюсь и точности юридическаго языка, и богатству знаній источниковъ, которое онъ успѣлъ пріобрѣсти въ короткое время. При такомъ лестномъ, для многихъ завидномъ, положеніи молодого ученаго, мнѣ хотѣлось бы принять какое-нибудь участіе въ его ученой работѣ, и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ моихъ и знаній, къ дальнѣйшимъ успѣхамъ его на поприщѣ Науки. Русскому дѣятелю, особенно даровитому, обязаны мы всѣ помогать, кто чѣмъ можетъ. Если въ его литературныхъ произведеніяхъ окажется какое либо несовершенство, неправильность, неполнота, то мы должны указать ему на эти слабыя стороны; но указать съ любовію, уваженіемъ, благодушіемъ, дабы не огорчить его въ трудѣ, и безъ того уже безотрадномъ. Вотъ съ какой стороны смотрю я на ученую критику. И вотъ источникъ, откуда вытекла потребность души моей, внезапная и неожиданная, высказать на публичномъ диспутѣ мои ученыя убѣжденія, мои воззрѣнія на Науку юридическую. Быть можетъ и Чичеринъ, и другіе мои ученики, которыми (признаюсь въ слабости) сердечно любуюсь, найдутъ въ нихъ что-нибудь годное для своихъ ученыхъ работъ; быть можетъ, какая-нибудь мысль, сказанная мимоходомъ, глубоко заляжетъ въ душѣ молодого труженика и освѣтитъ ему темный путь изысканій по Русскому Праву. При такомъ возможномъ предположеніи, цѣль моихъ критическихъ замѣчаній вполнѣ достигнута. И такъ, съ любовію и уваженіемъ я встрѣтилъ Чичерина въ тотъ рѣшительный моментъ, когда онъ представился многочисленному Московскому обществу, какъ соискатель ученой степени, какъ состязатель и защитникъ своихъ положеній. Въ одинаковомъ тонѣ—тогда и теперь — я высказываю свои замѣчанія. Если сердечная влага, смягчавшая изустную рѣчь, нѣсколько уже высохла отъ давленія типографскаго станка, то чувство останется прежнее“.

Высказавъ это, Крыловъ замѣчаетъ: „Самая блистательная, поразительная сторона въ сочиненіи Чичерина, это — сціентифическое построеніе Исторіи Русской, возведеніе фактическихъ явленій въ понятія, понятій въ типы; времена, у большей части нашихъ изслѣдователей сливаемыя, здѣсь раздѣляются; событія разнообразныя и темныя получаютъ смыслъ; невидимые моменты въ Исторіи духа народнаго выясняются и выходятъ наружу; видно движеніе началъ, мыслей. Однимъ словомъ, у Чичерина Русская Исторія представляется не въ одномъ пространствѣ, но и во времени. Это, по моему мнѣнію, не маловажное достоинство всякаго историческаго произведенія, но по преимуществу — въ отношеніи къ Русской Исторіи. Я отдаю полную справедливость разсудочному акту мышленія, которымъ Чичеринъ связываетъ разрозненныя и какъ бы случайныя явленія въ Исторіи Русскаго Права въ стройную систему, извлекаетъ изъ массы событій общіе итоги, преломляетъ старую жизнь подъ извѣстнымъ умственнымъ угломъ, и тѣмъ самымъ вводитъ въ нее господство началъ, идей, понятій. Исторія человѣчества есть откровеніе общечеловѣческихъ идей, а не безсмысленное происшествіе“.

За симъ, Крыловъ переходитъ къ Русскому Праву и пишетъ: „Наше Русское Право находится въ первой порѣ своего литературнаго бытія, едва начинаетъ воспринимать наукообразную форму; неудивительно, если оно носитъ признаки своего несовершенства. Русскимъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ предстоитъ много трудностей; надобно сдѣлать много уклоненій отъ истиннаго пути, много ошибочныхъ опытовъ, чтобы наконецъ воспроизвести настоящій образъ прошедшихъ вѣковъ. Но они не должны робѣть предъ этимъ роковымъ, неизбѣжнымъ закономъ Литературы; предъ ними стоятъ высокіе, поучительные образцы — дѣятели на томъ же поприщѣ, относительно Исторіи другихъ народовъ. Сколько сдѣлано трудовъ, усилій человѣческаго духа, чтобы освоить, приблизить къ намъ классическій Римскій міръ! И онъ все-таки былъ слишкомъ далекъ отъ дѣйствительнаго, живаго своего

типа, пока не возстановилъ его великій Нибуръ! И это онъ сдѣлалъ не однимъ орудіемъ знанія, не путемъ аналитическаго изслѣдованія по древнимъ памятникамъ, но силою высокаго историческаго такта, какимъ-то пророческимъ видѣніемъ. Какую блѣдную, безобразную физіономію носила Исторія Германскаго Права, пока Эйхорнъ и новая историческая школа не очистила ее отъ всѣхъ чуждыхъ и недостойныхъ наростовъ! Но дѣло нашей историко-юридической Литературы гораздо труднѣе, чѣмъ западной. Классическій Римскій міръ богатъ былъ типическими образами, яркими идеями, разсудочными началами, которыя управляли человѣческими событіями и сообщали имъ логическое единство, опредѣленный смыслъ. Германскій міръ, самъ по себѣ, отдѣльно стоящій, есть неопредѣленнѣйшій, неуловимый организмъ: идеи юридическія какъ будто разошлись по всѣмъ сторонамъ, окрѣпли въ общественныхъ формахъ, срослись съ фактическими явленіями и укрылись отъ сціентифическаго анализа. Но по мѣрѣ прикосновенія своего съ Римскимъ міромъ, онъ постепенно проникается Римскими юридическими началами, воспринимаетъ опредѣленныя—внѣшнія формы, сосредоточивается въ извѣстныхъ отдѣльныхъ моментахъ политическаго и гражданскаго бытія, и такимъ образомъ изъ своего хаотическаго, внутренняго, субъективнаго состоянія выходитъ наружу—и дѣлается способнымъ для наукообразнаго пониманія. Нашъ Русскій бытъ стоитъ одиноко въ этой безпредѣльной, широкой равнинѣ, называемой—Россіею; онъ отрѣзанъ отъ западнаго міра и чрезъ то лишился вліянія Латино-Романскаго элемента, который такъ благотворно дѣйствовалъ на гражданскую сторону западной Цивилизаціи. Прикосновеніе къ нему Греко-Византійскаго міра ограничивалось болѣе внутреннею—церковною стороною, нежели политическою. Удивительно ли, что Русскій народъ, предоставленный своимъ собственнымъ однороднымъ силамъ, замкнутый въ необозримомъ пространствѣ, безъ всякаго соприкосновенія съ народами высшей Цивилизаціи, дѣйствующій самъ на себя, не имѣлъ тѣхъ средствъ,

какими владѣлъ западъ, для выработыванія опредѣленныхъ, яркихъ началъ политической жизни. Это отсутствіе юридическихъ формъ слишкомъ ощутительно для Науки и затрудняетъ дѣло изслѣдованія. Есть событія—и какое ихъ множество,—а недоумѣваешь, какъ ихъ сознать, въ какое общее понятіе возвести, какимъ техническимъ языкомъ выразить; есть борьба, и какая—вѣковая, борьба на жизнь и смерть—но она не обозначается никакимъ яснымъ процессомъ восхожденія отъ одного историческаго состоянія въ другое, не уравниваетъ борющіеся элементы; большею частію выражается въ цѣлостномъ истребленіи одного другимъ, а часто не сопровождается никакими послѣдствіями. Вообще эта безконечная, старая борьба преслѣдовала одни мѣстные, династическіе вопросы, была битвою сословій, а не цѣлаго народа. Народъ Русскій спокойно, даже съ нѣкоторою ироніею, смотрѣлъ на эту драку великаго князя съ удѣльными, удѣльныхъ князей съ боярами, не принимая въ ней никакого сердечнаго, дѣятельнаго участія“.

Представивъ такъ ярко условія въ какихъ находится подвигъ изученія Русскаго Права, Крыловъ съ участіемъ обращается къ труженикамъ на этомъ поприщѣ. „Я испытываю—пишетъ онъ — всегда отрадное, но вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то болѣзненное впечатлѣніе, когда вижу молодого ученаго, отважно и смѣло выступающаго на поприще историческихъ изслѣдованій по Русскому Праву. Моя ученая дѣятельность сосредоточена въ другомъ мірѣ—Римскомъ; тамъ всегда весело работать: народная жизнь выработала множество типическихъ формъ, въ которыя можно вставлять всякое историческое содержаніе; литературныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ было множество во всѣ времена. Всѣ вмѣстѣ, безъ различія временъ и народовъ, въ какой-то чудной, всемірной, дружественной бесѣдѣ, одинъ другому помогаемъ, одинъ другому передаемъ свои впечатлѣнія, и работаемъ надъ однимъ общимъ дѣломъ; понятно, что такая работа должна имѣть счастливый успѣхъ. Другая работа у Русскаго изслѣдователя. Вмѣстѣ съ паро-

домъ, и онъ одиноко стоитъ въ этомъ темномъ и безпредѣльномъ пространствѣ, не распознавая часто и времени. Что же остается ему дѣлать? Гдѣ взять образцы для подражанія? Гдѣ хранится планъ художника, по которому созидалось многовѣковое зданіе.

— Государство Россійское? Да, есть надъ чѣмъ здѣсь призадуматься“...

Далѣе, Крыловъ обращается къ самому сочиненію Чичерина и замѣчаетъ: „Сочиненіе, къ которому относятся мои критическія замѣчанія, именно обхватываетъ Россію въ этомъ мрачномъ пространствѣ, между двумя опредѣленными линіями—родовымъ ея бытомъ и государственнымъ. Не удивительно, если изслѣдователь, не имѣя путеводной нити, иногда уклоняется въ сторону, и ведетъ насъ по такимъ путямъ, по которымъ наши предки никогда не проходили. Вотъ здѣсь мы обязаны подать ему руку, и помочь ему, кто чѣмъ можетъ“.

„На моемъ диспутѣ“,—пишетъ мнѣ Б. Н. Чичеринъ,—„который былъ, сколько помнится, въ февралѣ 1857 года, Крыловъ произнесъ, по своему обыкновенію, блестящую, но мишурную рѣчь, и этимъ бы все ограничилось, если бы Славянофилы, которые пришли отъ нея въ восторгъ, не убѣдили его ее напечатать. Статья произвела эффектъ, и Крыловъ такъ возгордился, что сталъ громить все и всѣхъ. Это взорвало Каткова, который рѣшился его разоблачить, что не трудно было сдѣлать, ибо статья была наполнена самыхъ грубыхъ промаховъ, не только по Русскому Праву, о которомъ Крыловъ не имѣлъ понятія, но и по Римскому Праву и Латинскому языку. Вообще Крыловъ былъ очень умный и даровитый человѣкъ, чѣмъ и умилялъ студентовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ круглый невѣжда и лишенный всякихъ нравственныхъ правилъ“.

Н. И. Крыловъ написалъ чуть не цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: *Критическія замѣчанія на сочиненіе Чичерина: Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ*, и напечаталъ ее въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 года.

Во время писанія своихъ *Критическихъ Замѣчаній*, Крыловъ имѣлъ потребность въ общеніи съ Погодинымъ. „Что то *жутко* становится“, —писалъ онъ ему—„но не робѣть! Есть *дивныя вещи*; безъ слезъ умилительныхъ не могу я самъ писать“. Въ другомъ письмѣ Крылова (20 марта 1857 г.) читаемъ: „Я хворалъ отъ простуды, а болѣе отъ мозговаго и сердечнаго потрясенія, которое я употребилъ при обдѣлкѣ *второй* моей *критической статьи*. Теперь оправился, и вчера потянуло къ тебѣ—перевесть духъ, и спросить твоего чистосердечнаго мнѣнія. Дѣло касается Исторіи Руси и ея сціентифическаго пониманія. А я здѣсь на этой землѣ—новый Латинскій пришлецъ... Ты вѣдь у насъ *старожилъ*. У тебя, въ домѣ, на *Дѣвичьемъ полѣ*—всѣ находили пріютъ и отраду—въ новыхъ своихъ литературныхъ трудахъ. Собери, братъ, *Русскихъ людей*—да поумнѣе, — и между ними одного или двухъ западниковъ—не жидовъ и жидовствующихъ—(Напр., М. С. Щепкина, Н. Ѳ. Павлова)—для казни“.

Вслѣдъ за *Критическими Замѣчаніями* Н. И. Крылова, въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 года была напечатана статья Ю. Ѳ. Самарина, написанная авторомъ въ Сызранѣ, подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ Чичерина*. Замѣчательное совпаденіе основныхъ мнѣній Крылова и Самарина, дало поводъ *Русской Бесѣдѣ*, выразить желаніе, чтобы „даровитый нашъ писатель Б. Н. Чичеринъ, наконецъ, убѣдился въ несостоятельности своего взгляда на Русскую Исторію, глубже вникъ въ ея внутренній смыслъ, посмотрѣлъ на нее съ истинно-объективной точки зрѣнія, и обогатилъ нашу Литературу новыми историческими трудами“ [93]).

XXIX.

Подобно Т. И. Филиппову, В. В. Григорьеву, и Н. И. Крыловъ воздвигъ на себя и на *Русскую Бесѣду* цѣлую бурю.

Противъ Н. И. Крылова прежде всѣхъ возсталъ самъ Катковъ. Облекшись таинственнымъ псевдонимомъ *Байборода*,

и вооружившись матеріаломъ, даннымъ ему Леонтьевымъ, онъ напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* рядъ *Изобличительныхъ Писемъ*.

Въ этихъ *Письмахъ* мы, между прочимъ, читаемъ: „Вы не должны щадить человѣка, который нагло рядится въ пышную мантію авторитета, который мистифируетъ публику, и обращаетъ легковѣріе, столь свойственное юному образованію, въ трубу своей славы. Безпощадно срывайте съ него эту мантію, безпощадно разгоняйте мракъ, которымъ питается его незаслуженный авторитетъ, особенно если онъ имѣетъ нѣкоторыя средства удачно мистифировать публику... Требуется просто безпощадность... изъ убѣжденія, что такое дѣло полезно, что оно послужитъ къ очищенію нашей умственной и нравственной атмосферы, что оно послужитъ карою за оскорбленную честь Науки и Литературы. Повинуясь этимъ двумъ побужденіямъ, я на первый разъ хочу принести въ жертву общественной справедливости одного оратора по имени: Крылова“. Далѣе, Байборода, обращаясь къ читателямъ *Русскаго Вѣстника*, пишетъ: „Можетъ быть, большинство читателей съ недоумѣніемъ и вопросительно посмотритъ и подумаетъ: кто этотъ ораторъ, и что это за г. Крыловъ“?

На этотъ вопросъ Байборода отвѣчаетъ: „Въ Москвѣ извѣстно, что Крыловъ спеціально занимается Римскимъ Правомъ, что когда-то, лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, онъ произнесъ на университетскомъ актѣ рѣчь ex officio, что рѣчь эта подала надежды; что послѣ того Крыловъ хранилъ въ Литературѣ совершеннѣйшее молчаніе, которое не приводило никого въ отчаяніе; что онъ прервалъ, наконецъ, свое молчаніе въ 1856 и 1857 годахъ новымъ ораторскимъ произведеніемъ, отхватившимъ чуть не полкниги *Русской Бесѣды*, и угрожающимъ столько же занять мѣста во всѣхъ послѣдующихъ книгахъ за 1857 годъ... Извѣстно еще, что Крыловъ преподаетъ предметъ своей спеціальности и, охотно вѣрю, не безъ пользы. Но это тайна скромныхъ стѣнъ Университета; объ этомъ публика не хочетъ знать.

Когда рѣчь идетъ о правахъ на *авторитетъ въ ученой Литературѣ*, то ужъ не слѣдуетъ прятаться за стѣны какого-либо зданія, равно какъ не слѣдуетъ, въ случаѣ общественнаго суда, искать убѣжища въ своихъ, напримѣръ, семейныхъ добродѣтеляхъ, или хорониться за друзей".

Изъ дальнѣйшаго изложенія *Изобличительныхъ Писемъ* видно, что Байборода, не совсѣмъ раздѣляя воззрѣнія Б. Н. Чичерина, является однако его защитникомъ, хотя тотъ и не нуждался въ его защитѣ, и проситъ редактора *Русскаго Вѣстника* позволенія, быть безпристрастнымъ относительно его сотрудника. „Дѣйствительно,—пишетъ Байборода,—общія воззрѣнія Чичерина запечатлѣны нѣкоторою исключительностью. Онъ самъ даетъ противъ себя оружіе своими понятіями о значеніи государства вообще. Но честь и слава ему за его блестящіе труды! При всей односторонности своихъ воззрѣній, онъ далъ сильный толчокъ изученію Русскаго Права; никто изъ нашихъ юридическихъ дѣятелей такъ рѣшительно и энергически не ставилъ вопросовъ; съ первыхъ шаговъ, онъ занялъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ нашей ученой Литературѣ. И надъ нимъ-то такъ ломается *ученѣйшій юристъ*, его-то такъ великодушно третируетъ ученикомъ своимъ преемникъ барона Брамбеуса!.. За то, что когда-то судьба привела его слушать лекціи этого великаго учителя!— Односторонность нѣкоторыхъ мнѣній Чичерина была уже замѣчена съ разныхъ сторонъ. Самаринъ въ сущности высказываетъ все то, что справедливо или нѣтъ усиливается доказать Крыловъ. Но, еще прежде, главная односторонность Чичерина въ его понятіяхъ о централизаціи, обозначена живыми чертами въ прекрасной статьѣ Кавелина, появившейся въ *Отечественныхъ Запискахъ*" [94]).

Въ это время въ Москвѣ была основана славянофильская газета *Молва*, и издатель ея, одинъ изъ признательныхъ учениковъ Н. И. Крылова, С. М. Шпилевскій, въ первомъ же нумерѣ своей газеты, заявилъ, что со 2-го нумера — въ Смѣси—профессору Московскаго Университета Н. И. Крылову

предоставляется особый отдѣлъ, подъ заглавіемъ: *Юридическія замѣтки профессора Крылова.* При этомъ редакторъ *Молвы* писалъ: „Н. И. Крыловъ, только съ недавняго времени, послѣ долгаго молчанія, рѣшился подать свой голосъ печатно, но уже давно всему ученому Русскому міру были извѣстны заслуги Крылова, какъ профессора; уже болѣе двадцати лѣтъ для воспитанниковъ Юридическаго Факультета Московскаго Университета дорого имя Крылова".

Не ограничиваясь этимъ, Шпилевскій обратился ко всѣмъ бывшимъ ученикамъ Крылова съ воззваніемъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ, что неизвѣстный господинъ, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ Байборода, силится обнаружить въ своихъ письмахъ мнимость авторитета Крылова, доказать его полное незнаніе Исторіи Римскаго Права, даже незнаніе Латинской грамматики; что профессоръ Крыловъ рѣшился самъ отвѣчать на всѣ обвиненія въ его незнаніи. Но сверхъ этого, редакторъ *Молвы* считаетъ обязанностью также отвѣчать господину Байбородѣ; тѣмъ болѣе, что онъ невольно былъ поводомъ злобнаго нападенія на многоуважаемаго профессора, потому что осмѣлился назвать Крылова ученнѣйшимъ юристомъ. Редакторъ *Молвы* вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ, что „насмѣшка надъ его личнымъ чувствомъ и мнѣніемъ относится не къ нему одному, но ко всѣмъ бывшимъ ученикамъ Крылова, а между ними много такихъ, которыхъ трудно обвинять въ легковѣріи по молодости... Скажу еще, что любимый нашъ профессоръ не заискивалъ нашего расположенія къ себѣ снисходительностію или другими какими-нибудь посторонними средствами. Любовь къ нему и уваженіе имѣетъ основаніемъ единственно только удивленіе къ ученому его таланту".

Къ своимъ *Юридическимъ Замѣткамъ* Крыловъ написалъ слѣдующее вступительное слово: „Въ наше время, *юридическая* Наука въ Россіи подвергается какимъ-то *варварскимъ* нашествіямъ; въ эту священную землю вторгаются какіе-то удалые наѣздники, неизвѣстно даже какого происхожденія, и

своими буйными размахами обезображиваютъ красивое лицо Науки нашей, находящейся еще въ первой порѣ молодости, разоряютъ небогатое и честнымъ трудомъ нажитое ея достояніе и препятствуютъ дальнѣйшему, свободному и естественному ея развитію. Благодушная Россія! Какая темная сила насылаетъ на тебя набѣги и искушенія, именно въ то время, когда ты начинаешь только складываться и приходить въ мѣру возраста крѣпкаго? Сперва *набѣги* обращены были на Землю, а теперь на Науку. Поставленный на боевомъ постѣ, какъ стражъ и жрецъ Науки, именно той отрасли семейственной, которая особенно испытываетъ всю разрушительную силу варварскихъ движеній, я, по благосклонности редактора *Молвы*, избралъ на его землѣ небольшой участокъ, и выстроилъ на немъ литературную *цитадель*, проведя по всему протяженію сторожевую цѣпь; отсюда я намѣренъ обстрѣливать непріятельскія партіи, какъ бы давая тѣмъ знать, что Наука и въ Россіи имѣетъ своихъ воиновъ-защитниковъ; на высшемъ пунктѣ этой крѣпости захотѣлось мнѣ поставить рефракторъ, посредствомъ котораго я буду наблюдать за лучшими и свѣтлыми явленіями юридической Науки на западѣ и отъ всей души подѣлюсь новыми открытіями съ любезными соотечественниками.

На первый разъ, для пробы, я направлю мой выстрѣлъ на знакомую Московской публикѣ, какъ будто *роковую* персону".

И вотъ, Крыловъ, пишетъ обширный отвѣтъ на *Изобличительныя Письма*, съ слѣдующимъ обращеніемъ къ Редакціи *Русскаго Вѣстника:* „Въ вашемъ журналѣ помѣщена статья безыменнаго автора, направленная прямо на мое лицо. Не понимая, ни цѣли, ни формы, ни содержанія этой статьи, а между тѣмъ, имѣя полное право признавать, что она должна была пройти сквозь вашу *редакцію*, какъ самое слово показываетъ, я вынужденъ, по нѣкоторымъ сомнительнымъ пунктамъ, дать немедленно отвѣтъ, а по этой необходимости мнѣ надобно обратиться непосредственно къ *Редакціи*, и

именно къ тому члену, къ которому она должна была поступить на ревизію, по своему филологическому и юридическому содержанію, то есть, профессору Латинской Словесности и Древностей Римскихъ при Московскомъ Университетѣ, г. *Леонтьеву*. Разумѣется само собой, по всѣмъ законамъ, что съ вымышленнымъ именемъ я не могу говорить: ибо для бесѣды необходимъ, нуженъ мнѣ живой человѣкъ; далѣе, само собой предполагается, что предметомъ моей ученой бесѣды будетъ только то, что достойно этого названія; а все прочее, какъ недостойное и находящееся внѣ моего пониманія, я не принимаю, и препровождаю обратно въ Редакцію" [95])...

Эти строки взорвали П. М. Леонтьева и онъ написалъ къ редактору *Русскаго Вѣстника* слѣдующее письмо: „Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, которую, надѣюсь, вы не затруднитесь исполнить. Въ № 3 *Молвы* я прочиталъ странное, крайне удивившее меня, требованіе г. профессора Крылова, чтобы я принялъ на себя отвѣтственность за помѣщеніе въ *Русскомъ Вѣстникѣ Изобличительныхъ Писемъ* г. Байбороды. Близость моя къ Редакціи *Русскаго Вѣстника*, извѣстная публикѣ изъ программы вашего журнала, не давала г. Крылову ни малѣйшаго права на такое требованіе, и я покорно прошу васъ дать мнѣ возможность протестовать публично противъ такого поступка. Еще неприличнѣе, мнѣ кажется, намеки г. Крылова, смѣшивающіеся съ тѣмъ требованіемъ, хотя въ сущности ему противорѣчащіе, будто бы за именемъ г. Байбороды скрываюсь я. Вы, очень хорошо знаете, что не я авторъ *Изобличительныхъ Писемъ*. Вы можете подтвердить передъ публикой эти слова мои уже однимъ напечатаніемъ настоящаго письма, и нѣтъ сомнѣнія, что этого удостовѣренія будетъ достаточно. Я не считаю впрочемъ нужнымъ скрывать, ни отъ г. Крылова, ни отъ публики, что если бы г. Байборода не помѣстилъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* своихъ писемъ, я можетъ-быть попросилъ бы у г. Крылова публичнаго объясненія тѣхъ матеріальныхъ ошибокъ, кото-

рыми всякій, получившій надлежащее образованіе, не могъ не быть пораженъ въ статьѣ г. Крылова, помѣщенной въ *Русской Бесѣды* 1857 года. Г. Байборода снялъ съ меня эту плачевную обязанность. Но близость моя къ Редакціи *Русскаго Вѣстника* и черезъ нее къ общественному дѣлу Литературы, не позволила бы мнѣ долго хранить молчаніе о такомъ непонятномъ явленіи, какъ *Критическія Замѣчанія* г. Крылова на диссертацію г. Чичерина. Никакой существенный интересъ не можетъ страдать отъ полнаго приложенія законовъ общественной гласности.

И такъ, сознаюсь откровенно: если бы г. Байборода не предупредилъ меня, то можетъ-быть я представилъ бы вамъ свои замѣтки. Но мнѣ не привелось этого сдѣлать, и г. Крылову было бы очень можно и даже должно оставить меня въ покоѣ и воздержаться отъ непозволительныхъ и неслыханныхъ въ Литературѣ воззваній. Считаю недостойнымъ останавливаться на выраженіяхъ г. Крылова, которыя, по его мнѣнію, могутъ унизить меня или даже предать анаѳемѣ за идолопоклонство. Но не могу не пожалѣть, что г. Крыловъ былъ, повидимому, слишкомъ взволнованъ, когда писалъ № 2-й своихъ *Юридическихъ Замѣтокъ*. При всей готовности принять его вызовъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ сдѣланъ, я не нахожу въ *Юридическихъ Замѣткахъ* указанія на то, чего г. Крылову угодно отъ меня требовать. Того ли, чтобы я заставилъ замолчать г Байбороду? Но какими мѣрами? Предупредительныя мѣры не въ моей власти, да и прибѣгать къ нимъ было бы не либерально. А право наказанія исключительно и нераздѣльно принадлежитъ г. Крылову. Защищать мнѣ его и возражать г. Байбородѣ?—Но это дѣло самого г. Крылова. Мнѣ не остается ничего болѣе, какъ только высказаться по предмету этого спора.

Роль судьи всегда непріятна, но я готовъ принять ее на себя, чтобы исполнить требованіе г. Крылова.

На вопросъ: правъ ли, или нѣтъ г. Крыловъ въ своихъ

возраженіяхъ противъ г. Байбороды? я принужденъ отвѣчать: нѣтъ, г. Крыловъ неправъ.

Больше я ничего не скажу уже на томъ основаніи, что г. Крыловъ обращается ко мнѣ, какъ къ профессору Латинской Словесности и Древностей въ Московскомъ Университетѣ.

Приличіе не позволяетъ мнѣ приводить доказательства словъ моихъ. Въ каждой Наукѣ есть пункты, допускающіе различіе мнѣній, и есть пункты несомнѣнные, о которыхъ никому не позволительно спорить. Подобныя элементарныя вещи, составляющія азбуку Науки, не могутъ быть предметомъ публичнаго пренія между двумя профессорами".

XXX.

Волею или неволею и самъ М. Н. Катковъ, подъ собственнымъ именемъ, вынужденъ былъ принять участіе въ полемикѣ, возгорѣвшейся по поводу *Областныхъ Учрежденій Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ*. Онъ написалъ обширное *Объясненіе*, въ которомъ читаемъ: „Г. Крыловъ объявляетъ, что не хочетъ имѣть дѣла съ неизвѣстнымъ ему лицомъ. *Нуженъ мнѣ живой человѣкъ*, восклицаетъ онъ, и направляетъ недостойныя выходки противъ П. М. Леонтьева. Это странное обращеніе къ г. Леонтьеву, когда отвѣтъ адресованъ въ Редакцію *Русскаго Вѣстника*, вызываетъ меня на личное объясненіе.

Имѣю честь объявить г. Крылову, что Редакція *Русскаго Вѣстника* сосредоточена въ одномъ лицѣ, и единственный редакторъ этого журнала есть нижеподписавшійся, который и несетъ на себѣ безраздѣльно всю отвѣтственность, какъ передъ Правительствомъ, такъ и передъ публикой. Я имѣю друзей, которые помогаютъ мнѣ въ моемъ трудѣ дѣломъ и совѣтомъ; *Русскій Вѣстникъ* имѣетъ много сотрудниковъ, которые находятся въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ Редакціи; но всякій, кому представляется надобность до

Редакціи для личнаго объясненія, долженъ обращаться не къ кому-либо другому, а непосредственно ко мнѣ.

Свойство и степень участія, принимаемаго моими товарищами въ редакціи *Русскаго Вѣстника*, неизвѣстны г. Крылову, а потому не слѣдовало ему приписывать г. Леонтьеву ревизію, какъ онъ выражается, статьи, подъ заглавіемъ: *Изобличительныя Письма.* Если г. Крыловъ предполагаетъ, что статья эта должна была подвергнуться предварительному разсмотрѣнію со стороны г. Леонтьева, какъ специалиста, то предположеніе это не совсѣмъ основательно. Повѣрка замѣчаній, составляющихъ содержаніе *Изобличительныхъ Писемъ,* вовсе не требуетъ специальныхъ познаній. Въ нихъ идетъ рѣчь о предметахъ большею частью элементарныхъ, которые должны быть болѣе или менѣе извѣстны всякому человѣку, не лишенному общаго образованія.

Если бы въ Редакцію представлено было указаніе на двѣ, на три подобныя ошибки, она сочла бы эти ошибки за случайность, незаслуживающую вниманія, и не приняла бы статьи; но когда на десяти или двѣнадцати страницахъ оказался не одинъ десятокъ подобныхъ ошибокъ, то она сочла своимъ долгомъ заявить это передъ публикой. Не въ *Русскомъ Вѣстникѣ,* такъ въ другомъ Русскомъ журналѣ, должны были появиться указанія на ошибки, наполняющія статью, писанную тономъ авторитета и глубокаго знанія. Молчаніе въ подобномъ случаѣ было бы знакомъ согласія, и не послужило бы къ чести Русской Литературы. Надобно было прервать это молчаніе, надобно было, такъ сказать, порѣшить дѣло домашнимъ судомъ, чтобы не произошло огласки на весь міръ. Теперь, когда съ разныхъ сторонъ обращено живое вниманіе на наше Отечество, когда въ иностранныхъ журналахъ появляются извѣстія и цѣлыя статьи о явленіяхъ нашей Литературы, рѣчь объ этомъ странномъ явленіи легко могла бы зайти за границей, и Европейскіе ученые, мнѣнія которыхъ нельзя же совершенно ни во что не ставить, имѣли бы тогда полное право перенесть вину на всю нашу Литературу,

на все наше общество. Мы всѣ, правые и виноватые, пишущіе и непишущіе, стали бы отвѣтчиками, и оправдаться намъ было бы трудно.

Согласенъ, что обличительная статья въ *Русскомъ Вѣстникѣ* написана рѣзко. Но рѣзкость впечатлѣнія происходитъ именно оттого, что она снабжена доказательствами. Если бы не было въ ней выписокъ изъ статьи г. Крылова, если бы она состояла изъ однихъ голословныхъ и бездоказательныхъ порицаній, то дѣйствіе ея было бы самое ничтожное: она была бы выраженіемъ какого-либо личнаго раздраженія, и вся рѣзкость ея падала бы на голову писавшаго.

А потому, напрасно г. редакторъ *Молвы* видитъ въ этой статьѣ какую-то злобную выходку.

Г. Шпилевскій жалуется, что въ *Изобличительныхъ Письмахъ*, будто бы осмѣяно естественное въ ученикѣ чувство уваженія къ наставнику; смѣю увѣрить его, что онъ ошибается. Ни въ какомъ случаѣ Редакція не допустила бы въ своемъ журналѣ насмѣшки надъ такимъ добрымъ и похвальнымъ чувствомъ. Ученикъ можетъ уважать, любить своего наставника и удивляться ему—это въ порядкѣ вещей; но не можетъ сообщать ему авторитета, и мѣрою своего удивленія опредѣлять его значеніе въ Наукѣ.

Рѣзкость обвиненія въ обличительномъ письмѣ г. Байбороды должна быть измѣряема, съ одной стороны, количествомъ и важностью указанныхъ погрѣшностей, съ другой,—объемомъ и силою притязаній погрѣшившаго. Г. Крыловъ дебютируетъ въ Литературѣ не скромнымъ, робкимъ тружеником, который жалостливо поглядываетъ на свою публику,—нѣтъ! онъ является во всеоружіи авторитета; съ лицами, обратившими на себя общее вниманіе своими трудами, исполненными дарованія и истинно-ученыхъ качествъ, онъ обходится какъ учитель съ учениками; взыскиваетъ съ нихъ за незнаніе данныхъ имъ уроковъ; провозглашаетъ себя жрецомъ Науки; хочетъ обстрѣливать Литературу; стоять на священной стражѣ Науки. При такихъ притязаніяхъ, естественно возникаетъ

потребность повѣрки правъ, на которыхъ они основаны. При такихъ притязаніяхъ нельзя извинять ни малѣйшей ошибки, не только ошибокъ капитальныхъ; нельзя также предполагать, чтобъ на автора такого рода могъ находить столбнякъ. Подобная случайность можетъ произойти только въ летучемъ разговорѣ; а въ статьѣ, писанной для всеобщаго поученія, не должно, по крайней мѣрѣ, встрѣчаться столько столбняковъ, чтобы число ихъ далеко превышало число страницъ, которыя ими усѣяны.

Въ *Изобличительномъ Письмѣ*, каждое обвинительное слово скрѣплено уликой, общій выводъ сдѣланъ на основаніи доказательствъ, достаточныхъ и по содержанію, и по количеству. Но слѣпого ослѣпленія незамѣтно въ этомъ письмѣ. Критикъ не порицаетъ безусловно всей статьи г. Крылова; находитъ даже возможнымъ отдать автору справедливость за литературный талантъ; находитъ, что г. Крыловъ умѣетъ выразиться и хорошо, и мѣтко. Иной былъ бы, можетъ быть, очень доволенъ этими качествами...

Впрочемъ, такъ какъ обвиненіе основано на доказательствахъ, то критикъ самъ дается въ руки автору. Стóитъ только уничтожить эти доказательства, обвиненіе падетъ само собою, и критикъ останется со стыдомъ. Напрасно г. Крыловъ не воспользовался такимъ выгоднымъ положеніемъ. Ему бы слѣдовало за одинъ разъ развѣять въ прахъ всѣ приведенныя противъ него улики. Времени имѣлъ онъ довольно, цѣлую недѣлю. Публика имѣла полное право ожидать, что въ слѣдующемъ выпускѣ своихъ *Юридическихъ Замѣтокъ*, г. Крыловъ выйдетъ чистъ изъ этой тьмы приписанныхъ ему ошибокъ и погрѣшностей. Вмѣсто того, онъ осыпаетъ бранью Редакцію журнала, гдѣ сдѣлано было на него нападеніе, старается всевозможными способами оскорбить г. Леонтьева за то, что онъ, по предположенію г. Крылова, будто бы содѣйствовалъ напечатанію *обличительнаго письма*; забрасываетъ читателя множествомъ словъ, ничего не объясняющихъ и отзывающихся дурнымъ вкусомъ; раз-

суждаетъ о своемъ воззрѣніи на Исторію Римскаго Права, чего вовсе не требуется; излагаетъ пространное ученіе о самокатѣ, съ презрѣніемъ отвернувшись отъ Редакціи *Русскаго Вѣстника*, неспособной понимать глубину этого ученія, и обращаясь къ просвѣщенному обществу, съ увѣренностью, что оно съ удовольствіемъ выслушаетъ это ученіе. Не обижаясь такимъ презрительнымъ отзывомъ о своихъ понимательныхъ способностяхъ, Редакція *Русскаго Вѣстника* позволяетъ себѣ замѣтить г. Крылову, какъ дебютанту въ Литературѣ, что въ ней, какъ и во всякомъ порядочномъ обществѣ, не принято самому себя хвалить; пусть читатель скажетъ, что чтеніе вашего писанія доставляетъ ему удовольствіе; а вѣдь еще сомнительно, скажетъ ли онъ это, потому что, по всей вѣроятности, читатель будетъ испытывать чувство, совсѣмъ непохожее на удовольствіе, читая о томъ, какъ самокатъ совершаетъ свое движеніе отъ центра къ радіусамъ, или о томъ, какъ выкатывается ликъ Римскаго цензора, какъ выкатывается трибунъ въ великолѣпный типъ и т. п. Во всякомъ случаѣ, это поучительное объясненіе самоката могло бы быть отложено до будущаго, болѣе благопріятнаго времени. До того ли теперь, когда возникло такое серіозное дѣло? Когда столько обличительныхъ указаній ждутъ опроверженія?

Читатель скажетъ, что г. Крылову слѣдовало бы высказаться опредѣленнѣе о цензорахъ въ Римѣ, вмѣсто того, чтобы распространяться о самокатѣ. Сколько же, спроситъ читатель, было цензоровъ въ Римѣ—два или пять? г. Крыловъ не ссылается здѣсь ни на наборщика, ни на переписчика, ни на столбнякъ. Онъ сознается, что собственноручно и въ полной памяти поставилъ пять; онъ не отпирается отъ пяти; онъ поставилъ пять съ цѣлію означить, что въ Римѣ былъ не одинъ цензоръ, онъ поставилъ пять для того, чтобы означить дѣйствительность. Что̀ все это значитъ? Это еще непонятнѣе, чѣмъ движеніе отъ центра къ радіусамъ, и обратно. Къ чему всѣ эти извороты? Немного требуется, чтобы ска-

зать рѣшительно, сколько было въ Римѣ цензоровъ: два или пять? Ученики г. Крылова остались въ недоумѣніи. Они могутъ думать, что въ нашъ вѣкъ, обильный открытіями и изобрѣтеніями всякаго рода, случилось и такое открытіе. Слѣдовало вывесть ихъ изъ недоумѣнія, разсѣять всякое сомнѣніе. Это обвиненіе капитальное, страшное; отшучиваться отъ него нельзя.

Если бы г. Крыловъ побѣдоносно опровергъ всѣ замѣчанія своего противника, онъ могъ бы тогда обойтись безъ всякой брани. Оправданіе г. Крылова было бы для его критика ужаснѣе всего. На него легла бы вся тяжесть общественнаго осужденія. Онъ исчезъ бы какъ призракъ, и Редакція *Русскаго Вѣстника* закрыла бы свой журналъ. А г. Крыловъ, доказавъ, что имѣлъ право утверждать существованіе пяти цензоровъ, употреблять *ordo equestris* вмѣсто *ordo equester*, приписать Римскому Сенату власть обрекать трибуновъ подземнымъ богамъ, формулой *sacer esto*, сливать воедино двѣ такія различныя вещи какъ *jus exulandi* и *asylum*, принимать преторіанцевъ за всадниковъ и т. д., могъ бы говорить уже все, что ему угодно, не опасаясь услышать ни малѣйшаго возраженія. Авторитетъ его утвердился бы незыблемо, и ему, въ лучахъ неслыханной славы можно было бы, какъ Августу, торжествовать всеобщее замиреніе съ тѣмъ обрядомъ, который, по сказанію г. Крылова, происходилъ тогда въ Римѣ.

Но, довольно. Я не пишу возраженія на статью г. Крылова, а только объясняюсь, по его собственному вызову.

Чтобъ доказать г. Крылову мое полное безпристрастіе, я дѣлаю распоряженіе о перепечатаніи его *юридическаго отвѣта* съ дипломатическою точностію въ моемъ журналѣ. Смѣю надѣяться, что Редакція *Молвы* не будетъ на меня въ претензіи за это заимствованіе. Пусть та самая публика, передъ которою сдѣлано было нападеніе на г. Крылова, услышитъ и оправданіе его. Скажу, однако, искренно, что статья г. Крылова не послужитъ ему въ пользу“ 96).

За Крылова вступился больной и удрученный невзгодами жизни С. П. Шевыревъ. Подъ псевдонимомъ *Ярополкъ*, онъ сдѣлалъ профессору Леонтьеву запросы объ equester, equestris.

„Профессоръ Крыловъ,—пишетъ Шевыревъ,—„говоря ordo equestris, ошибается вмѣстѣ съ Рамсгорномъ, Крейцеромъ, Ньюпортомъ, Лемеромъ. А Байборода правъ съ профессоромъ Леонтьевымъ, неиздавшимъ ни строки на Латинскомъ языкѣ".

Другой запросъ касается цензоровъ. „Профессоръ Крыловъ",—замѣчаетъ *Ярополкъ*,—„имѣлъ полное право употребить неопредѣленное число цензоровъ, потому что, кромѣ двухъ цензоровъ, въ Римѣ были по всѣмъ городамъ Римскаго Государства особые цензоры.

Наконецъ: *Пантеонъ былъ залою въ термахъ Агриппы*: *открытіе* Байбороды. Что Пантеонъ примыкалъ въ Римѣ къ термамъ Агриппы, это не открытіе, а извѣстно съ тѣхъ поръ, какъ въ Римѣ стали заниматься языческими древностями. Но чтобы онъ былъ когда нибудь залою въ баняхъ Агриппы, это открытіе принадлежитъ Байбородѣ и его патронамъ.

Муратори, разсказывая Исторію Августа, говоритъ: „еще при жизни его, ему какъ Богу, посвящаемы были алтари и храмы,—и ссылается на Тацита, Светонія, Діона. А Байборода увѣряетъ, что Августу, при жизни его, божескихъ почестей не воздавали. Кому вѣрить? Светонію или ему" [97])?

Подъ 17—18 мая 1857 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Слухи, что Шевыревъ писалъ статью *(Ярополкъ)*. *Ярополка* приписываютъ мнѣ. Непріятно"!

17 мая 1857 года, И. Д. Бѣляевъ писалъ Погодину: „Шевыревъ, подъ именемъ *Ярополка*, напечаталъ въ *Молвѣ* статью противъ Леонтьева прегорячую, хотя и дѣльную; а во вражьемъ станѣ уже знаютъ, что *Ярополкъ*—Шевыревъ и разумѣется, ругаютъ; у меня во вторникъ былъ поутру Калачовъ, и говоритъ, что за злую статью написалъ въ *Молвѣ* Шевыревъ; я спросилъ какую? Да ту самую, подъ которою

подписалъ псевдонимъ *Ярополкъ.* Я, съ своей стороны, сказалъ, что это не Шевыревская статья. Такъ не его, и я отъ Редакціи не слыхалъ о Шевыревѣ, но Калачовъ сказалъ, да это уже извѣстно. Откуда они это знаютъ, я рѣшительно не понимаю; имени Шевырева не зналъ даже самъ редакторъ *Молвы.* Казанскій профессоръ классическихъ языковъ Ордынскій писалъ Погодину: „Я догадываюсь, что вы конецъ вашего письма написали вскорѣ по прочтеніи подлѣйшей статьи Байбороды. Я и не только я, но и *здѣшніе* даже западники, съ восторгомъ читали статьи В. В. Григорьева и Н. Н. Крылова. Статья послѣдняго понравилась мнѣ такъ, что я не помню, когда читалъ я что нибудь *ученое* съ такимъ удовольствіемъ“ [98]).

XXXI.

Независимо отъ всѣхъ непрошенныхъ защитниковъ, Б. Н. Чичеринъ выступилъ противъ своихъ противниковъ тоже съ цѣлою книгою, которая, подъ заглавіемъ *Критика г. Крылова и способъ изслѣдованія Русской Бесѣды,* была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ.*

Свою полемическую книгу Б. Н. Чичеринъ оканчиваетъ такими словами:

„С. М. Соловьевъ, разбирая направленіе *Русской Бесѣды,* справедливо назвалъ его *анти-историческимъ.* Это признакъ отрицательный; если же мы хотимъ характеризовать положительнымъ именемъ, то мы не можемъ назвать ее иначе, какъ *мистико-фантастическою.* Отрицаніе составляетъ только одну ея сторону, ту, которая обращена противъ всѣхъ памятниковъ старины, противъ всѣхъ положительныхъ данныхъ Русской Исторіи, противъ хода историческаго развитія, противъ высокихъ личностей и блестящихъ дарованій, появившихся въ Русскомъ народѣ. Все это имѣетъ цѣлью расчистить поле, на которомъ бы въ мистическомъ порывѣ могло разгуляться воображеніе. Однако, и для по-

слѣдняго нужна точка опоры, нужна извѣстная единица, *x*, которую можно исполнять и украшать своими вымыслами. И вотъ, по мановенію *Русской Бесѣды*, передъ нами возникаетъ таинственная фигура *самого народа*...... Народъ не принимаетъ ни въ чемъ участія; онъ стоитъ поодаль, иронически смотритъ на случайную игру событій и все думаетъ какую-то думу. О чемъ онъ думаетъ, неизвѣстно, но должно быть что-нибудь хорошее. По крайней мѣрѣ, *Русская Бесѣда*, не обинуясь, приписываетъ ему все, что она можетъ выдумать лучшаго. Такимъ образомъ, идеалъ народнаго воображенія выдается за непосредственное сознаніе народныхъ началъ и переносится въ давнопрошедшую жизнь; самопоклоненіе мистически-напряженной фантазіи выставляется, какъ любовь къ отечественной старинѣ; желаніе захватить привилегированное положеніе въ Литературѣ выдаетъ себя за исключительную способность понимать народную Исторію. Мистики всегда считаютъ себя избранниками. Если съ воззрѣнія *Русской Бесѣды* снять покровъ заманчивыхъ фразъ, если вникнуть въ основаніе ея возгласовъ, то легко убѣдиться, что она любитъ не *дѣйствительную* Русскую старину, ибо дѣйствительной Русской старины она, можно сказать, вовсе не знаетъ. Нѣтъ, она въ древней Россіи любитъ необработанную почву, на которую можно произвольнымъ образомъ переносить собственныя желанія и требованія. *Русская Бесѣда* смотритъ на древнюю Русь, какъ Греки смотрѣли на золотой вѣкъ. Однако, въ томъ и другомъ воззрѣніи, при основномъ сходствѣ, есть и существенныя различія, которыхъ нельзя упускать изъ виду. Во-первыхъ, Греки, описывая золотой вѣкъ, не наталкивались на историческіе памятники, не встрѣчали противорѣчія въ фактахъ, а потому не имѣли поползновенія обходиться съ Наукою такъ легкомысленно, какъ обходится съ нею *Русская Бесѣда*. Во-вторыхъ, Греки созидали себѣ представленія полныя, художественныя, а *Русская Бесѣда* до сихъ поръ высказываетъ только смутныя черты смутнаго идеала. Въ этомъ отношеніи

Русская Бесѣда скорѣе похожа на недоученаго художника, который, видя, что соотечественники его ѣдутъ учиться искусству у великихъ мастеровъ Италіи, взываетъ къ нимъ: „Куда вы стремитесь, безумцы? Чему вы тамъ научитесь? Все это гниль и дрянь, которая только портитъ самородный талантъ. Вотъ я вамъ открою тайну искусства, вотъ я напишу вамъ картину домашней работы, передъ которою поблѣднѣютъ и Рафаэль, и Тиціанъ, и Корреджіо. Глядите сюда"! ....Если найдутся легковѣрные люди, которые, увлекаясь прелестью домашней работы, станутъ ждать появленія полной картины, то имъ, вѣроятно, долго придется дожидаться. И не мудрено: художникъ, замечтавшись на досугѣ, забылъ уже употребленіе карандаша, кисти и красокъ" [99]).

Но вотъ что замѣчательно. Недавно въ *Русскомъ Архивѣ* было напечатано письмо А. С. Хомякова къ А. И. Кошелеву, въ которомъ читаемъ слѣдующія строки: „Письма К. С. Аксакова наполнены восторгомъ по случаю древней сельской жизни въ Россіи. Очевидно, онъ принимаетъ за дѣйствительность бывшее многое, чтó существовало только въ законѣ, а не на дѣлѣ. Иначе представился бы случай единственный въ мірѣ: золотой вѣкъ, о которомъ никто не помнитъ черезъ сто пятьдесятъ лѣтъ, не смотря на крайнюю желѣзность послѣдовавшаго. Если онъ въ Москвѣ, сообщи ему это замѣчаніе" [100]).

Въ письмѣ же своемъ къ И. С. Аксакову, тотъ же Хомяковъ писалъ: „Я читаю то, чего не успѣлъ прочесть въ Москвѣ—Устрялова и восхищаюсь его всесовершенной глупостью. Впрочемъ, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ одномъ: всѣ ошибки Петра оправдываются, т.-е. объясняются, страннымъ безсмысліемъ до-Петровской, Романовской, Московской Руси"!

Тяжело отозвалась на Н. И. Крыловѣ эта полемика, возбужденная *Областными учрежденіями Россіи въ XVII вѣкѣ*. О душевномъ состояніи критика ясно свидѣтельствуютъ лаконическія записи Погодина, въ его *Дневникѣ*, подъ 8, 11—12,

14—16 мая 1857 года: „Варвинскій (докторъ) о возбужденіи Крылова. Вечеромъ Крыловъ съ явными признаками бѣлой горячки. Бѣляевъ о Крыловѣ. Толковали, какъ его устроить. Иноземцевъ и Варвинскій (доктора) о Крыловѣ. Матюшенковъ (докторъ) о Крыловѣ. Кошелевъ о Крыловѣ".

17 мая 1857 года, И. Д. Бѣляевъ писалъ Погодину: „Крыловъ находится еще въ возбужденномъ состояніи, и самъ старается успокоить себя скорѣйшимъ переѣздомъ въ Богородское. Кошелевъ былъ у меня, и я по его и вашему желанію, былъ у Крылова вчера, но статьи Крыловъ мнѣ не отдалъ, а обѣщалъ нынче поутру самъ быть у Кошелева, для личнаго объясненія. Причина возвращенія статьи, по его словамъ, въ недовѣрчивости къ Бартеневу и въ желаніи, чтобы ему показывали корректуру послѣ цензора, чтобы знать, какъ исправитъ цензоръ. Вообще дѣло объ этой статьѣ что-то безпокоитъ Крылова, такъ что когда я сталъ говорить съ нимъ объ этомъ, то онъ сначала разгорячился, но потомъ, послѣ нѣсколькихъ словъ убѣжденія съ моей стороны, успокоился. Прибавленье къ *Молвѣ* выйдетъ завтра, я его читалъ; написано прекрасно и покойно, только не знаю, не перемѣнилъ ли чего Крыловъ послѣ".

Предъ отъѣздомъ въ Богородское, самъ Крыловъ писалъ Погодину слѣдующее: „На послѣднемъ моментѣ выѣзда моего изъ Москвы, у меня оказался въ деньгахъ *прочетъ*: Извѣстный *Кошелевскій* . . . . объявилъ мнѣ, что въ росписи его помѣщика заработной платы артельщикамъ, не стоитъ мое имя; а потому онъ не можетъ, безъ особаго разрѣшенія, учинить уплату" [101]).

Одинъ изъ позднѣйшихъ, но признательныхъ, учениковъ Н. И. Крылова, и преемникъ его по каѳедрѣ Римскаго Права въ Московскомъ Университетѣ, С. А. Муромцевъ, въ 1880 г., свидѣтельствовалъ: „Безъ малаго сорокъ выпусковъ юристовъ, получившихъ свое образованіе въ стѣнахъ Московскаго Университета, слушало лекціи Крылова. Въ средѣ бывшихъ его слушателей насчитывается множество людей самыхъ разно-

образныхъ профессій и положеній, не всегда близкихъ къ юриспруденціи; но въ воспоминаніяхъ и отзывахъ рѣдкаго о Крыловѣ не послышится въ той или другой степени восхищеніе, возбужденное необыкновеннымъ талантомъ профессора. Оно обнаруживаетъ существованіе живой связи, навсегда установленной, между профессоромъ и ученикомъ. Оно свидѣтельствуетъ, что съ воспоминаніемъ о профессорѣ соединено воспоминаніе объ умственномъ возбужденіи, происходившемъ въ аудиторіи, подъ вліяніемъ его лекцій. Крыловъ дѣйствовалъ на умы своихъ слушателей; они *жили*, работали подъ вліяніемъ его чтеній и навсегда сохранялись слѣды этой работы и память о ней... Предъ слушателемъ проходили послѣдовательно миѳическій патрицій,—сжатый тисками религіозно-родовыхъ сочлененій, сдавленный рядомъ авторитетовъ и въ то же время сильный своею консервативною привязанностью къ старинѣ,—голодный и потому заносчивый и настойчивый плебей, шагъ за шагомъ отвоевывающій себѣ права и основывающій типъ гражданина цвѣтущей эпохи Рима; проходилъ потомъ этотъ мощный типъ во всей его величественной красѣ для того, чтобы смѣниться своевольнымъ и развращеннымъ гражданиномъ конца республики, въ свою очередь преобразовавшимся въ еще болѣе развращеннаго, робкаго и подловатаго клеврета Имперіи. Необыкновенная пластичность представленія и языка дѣлали лекцію Крылова доступною и для неизбранныхъ слушателей, Въ образной рѣчи его всегда было достаточно глубины, чтобы дать работу головѣ самаго пытливаго слушателя и въ то же время въ умы обыкновенные, робѣвшіе предъ отвлеченіемъ, проникало не мало, благодаря именно особенностямъ рѣчи профессора. Въ счастливомъ сочетаніи глубины мысли съ пластичностью ея передачи, заключался источникъ могучей силы Крылова, какъ профессора. Трудно передать на словахъ всю увлекательность его рѣчи, изобразить напряженное состояніе, которое переживала, слушая Крылова, его аудиторія. Слишкомъ слабыми покажутся, въ настоящемъ случаѣ,

обычные эпитеты. На Русскихъ юридическихъ каѳедрахъ не было еще лектора, болѣе замѣчательнаго... Чтобы судить о его рѣчи, надо было самому слушать и, кто слышалъ ее, тотъ знаетъ ея силу. Крыловъ былъ профессоръ-*поэтъ*." [102]).

XXXII *).

Въ концѣ апрѣля 1858 года, Борисъ Николаевичъ Чичеринъ поѣхалъ заграницу съ цѣлью изученія чужихъ странъ и приготовленія къ каѳедрѣ. Между прочимъ, онъ имѣлъ въ виду съѣздить въ Лондонъ, куда онъ попалъ осенью 1858 года. Онъ желалъ видѣть Герцена и отъ имени прежнихъ Московскихъ его друзей постараться убѣдить его вести свою журнальную полемику въ болѣе умѣренномъ тонѣ. Самъ Грановскій, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ, писалъ, что у него чешутся руки отвѣчать Герцену въ собственномъ его органѣ **).

Герценъ встрѣтилъ Б. Н. Чичерина очень дружелюбно. Онъ часто у него обѣдалъ и проводилъ вечера. Скоро, однако, Б. Н. Чичеринъ убѣдился, что всякія пренія съ Герценомъ будутъ совершенно напрасны, ибо политическія знанія и государственный смыслъ замѣнялись у него страстностью, которая, при всей даровитости и благородствѣ его натуры, подрывала всякую плодотворную дѣятельность. Онъ хотѣлъ быть, по собственнымъ его словамъ, нѣчто въ родѣ Loustalot или Camille Desmoulins, тогда какъ положеніе Россіи требовало совершенно иного. Поэтому, когда Герценъ, провожая Б. Н. Чичерина на желѣзную дорогу, уговаривалъ его вести съ нимъ пренія въ *Колоколѣ*, Б. Н Чичеринъ уклонился отъ этого приглашенія.

Герценъ же, уже подъ впечатлѣніемъ послѣдующаго раз-

---

*) Главнымъ источникомъ для главъ XXXII и XXXIII послужило письмо ко мнѣ Б. Н. Чичерина, изъ Москвы, отъ 21 декабря 1899 г. *Н. Б.*

**) *Жизнь и труды М. П. Погодина.* Спб. 1900 г. XIV, 182—183.

драженія, писалъ: „Мы ждали Чичерина съ нетерпѣніемъ; нѣкогда одинъ изъ любимыхъ учениковъ Грановскаго, другъ Корша и Кавелина, онъ для насъ представлялъ близкаго человѣка. Слышали мы о его жестокости, о консерваторскихъ веллеитетахъ, о безмѣрномъ самолюбіи и доктринаризмѣ, но онъ еще былъ молодъ... Много угловатаго обтачивается теченіемъ времени“.

При первомъ посѣщеніи, Чичеринъ,—по словамъ Герцена,—сказалъ ему: „Я долго думалъ, ѣхать мнѣ къ вамъ, или нѣтъ? Къ вамъ теперь такъ много ѣздитъ Русскихъ, что, право, надобно имѣть больше храбрости не быть у васъ, чѣмъ быть; я же,—какъ вы знаете,—вполнѣ уважая васъ, далеко не во всемъ согласенъ съ вами“.

Приступъ этотъ,—говоритъ Герценъ,—мнѣ не понравился, и онъ замѣтилъ: „Чичеринъ подходилъ не просто, не юно, у него были камни за пазухой; свѣтъ его глазъ былъ холоденъ, въ тэмбрѣ голоса былъ вызовъ и страшная отталкивающая самоувѣренность. Съ первыхъ словъ я понялъ, что это не противникъ, а врагъ; но подавилъ физіологическій сторожевой окрикъ, и мы разговорились“.

Разговоръ тотчасъ перешелъ къ воспоминаніямъ и къ разспросамъ со стороны Герцена. Чичеринъ разсказывалъ о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Грановскаго.

На другой день, послѣ обѣда у Герцена, рѣчь зашла о Кетчерѣ. Чичеринъ говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, котораго онъ любитъ, беззлобно смѣясь надъ его выходками. Увлеченный разсказами и воспоминаніями, Герценъ предложилъ Чичерину прослушать написанное имъ о Кетчерѣ.

Между тѣмъ, разстоянія,—пишетъ Герценъ,—дѣлившія наши воззрѣнія и наши темпераменты, обозначились скоро. Съ первыхъ дней начался споръ, по которому ясно было, что мы расходимся во всемъ. Онъ былъ почитатель Французскаго демократическаго строя и имѣлъ нелюбовь къ Англійской, неприведенной въ порядокъ, свободѣ. Онъ въ императорствѣ видѣлъ воспитаніе народа, и проповѣдывалъ сильное

государство и ничтожность лица передъ нимъ. Можно понять, что были эти мысли въ приложенiи къ Русскому вопросу. Онъ былъ гуверменталистъ, считалъ правительства гораздо выше обществъ и его стремленiй, и принималъ императрицу Екатерину II-ю почти за идеалъ того, что надобно Россiи. Все это ученiе шло у него изъ цѣлаго догматическаго построенiя, изъ котораго онъ могъ всегда и тотчасъ выводить свою философiю бюрократiи".

„Зачѣмъ вы хотите быть профессоромъ"?—спросилъ Герценъ Чичерина,—„вы должны быть министромъ".

Тѣмъ не менѣе, Герценъ проводилъ Чичерина на желѣзную дорогу, и они разстались несогласные во всемъ, „кромѣ взаимнаго уваженiя".

Изъ Францiи Чичеринъ, по поводу одной справки, о которой просилъ Герценъ, написалъ послѣднему письмо, въ которомъ съ восхищенiемъ говорилъ о работникахъ, объ учрежденiяхъ. „Вы нашли то",—отвѣчалъ ему Герценъ,—„чего искали и очень скоро" [103]).

Въ письмѣ своемъ Б. Н. Чичеринъ, между прочимъ, указывалъ и на то, что новѣйшiя извѣстiя изъ Россiи состоятъ „въ полномъ противорѣчiи съ тѣмъ, что сообщали Герцену его корреспонденты".

На это Герценъ отвѣчалъ, что напечатаетъ отвѣтъ въ *Колоколѣ*, гдѣ и появились слѣдующiя строки самого Герцена: „Насъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

Насъ упрекаютъ свирѣпо красные демократы въ томъ, что мы мирволимъ Александру II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь хорошее и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденiя крестьянъ.

Насъ упрекаютъ Славянофилы въ западномъ направленiи.

Насъ упрекаютъ Западники въ Славянофильствѣ.

Насъ упрекаютъ *прямолинейные доктринеры въ легко-*

мысліи и шаткости, оттого что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ, совсѣмъ напротивъ,—на жару".

Эти строки возмутили Б. Н. Чичерина. Ему „казалось непозволительнымъ, въ такое серіозное время, отвѣчать на совѣты благоразумія такимъ легкомысленнымъ издѣвательствомъ", и онъ рѣшился написать Герцену то достопамятное письмо, которое Герценъ назвалъ *обвинительнымъ* актомъ, а мы долгомъ почитаемъ воспроизвести какъ историческій актъ, въ полномъ его видѣ.

Б. Н. Чичеринъ писалъ: „Милостивый государь. Въ послѣднемъ листѣ *Колокола*, вы, съ свойственной вамъ энергіей, отвѣчали на упрекъ въ шаткости, въ легкомысліи, который слышится вами съ разныхъ сторонъ. Упрекъ этотъ съ нѣкоторыми другими повторяется, смѣю сказать, значительною частію мыслящихъ людей въ Россіи. Признаюсь, я также въ немъ виновенъ, и не отступаюсь отъ своего мнѣнія — послѣ вашего отвѣта; мнѣ кажется даже, что вы не совсѣмъ поняли, въ чемъ васъ именно упрекаютъ или, можетъ быть, упрекъ дошелъ до васъ въ искаженномъ видѣ. Позвольте же мнѣ объяснить это нѣсколько подробнѣе. Здѣсь рѣчь идетъ о различныхъ направленіяхъ Русскаго общества, о различіи взглядовъ на современные вопросы, скажу болѣе, о различіи политическихъ темпераментовъ, что, можетъ быть, глубже всего раздѣляетъ людей. Поэтому надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить это письмо въ своемъ журналѣ. Обращаюсь къ вамъ, ибо другого свободнаго органа у насъ нѣтъ, иначе я съ вами спорить не могу.

Заранѣе предупреждаю васъ, что я приступлю къ вамъ съ довольно высокими требованіями. Знаю, что удовлетворить имъ не легко, но знаю также, какъ велики обязанности, которыя на васъ лежатъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ. Вспомните значеніе и характеръ той эпохи, въ которую мы живемъ въ Россіи. Послѣ Севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система управленія руши-

лась сама собою. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ идти невозможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ одни не въ состояніи упрочить государственное благоустройство, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа. Между тѣмъ, Правительство не рѣшается еще прямо и явно вступить на новую дорогу; оно ни въ себѣ, ни въ обществѣ не находитъ для этого достаточной опоры; оно идетъ какъ будто ощупью, колеблясь, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ, но прислушиваясь однакоже къ разнымъ голосамъ, до него долетающимъ, и готовое подъ часъ принять благоразумно высказанное мнѣніе. Таковъ по крайней мѣрѣ результатъ, который можно вынести изъ наблюденій надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Съ другой стороны, народъ съ ужасомъ увидѣлъ внутреннее свое растлѣніе, онъ проситъ свѣта, проситъ лекарства отъ наболѣвшихъ ранъ. Какая почва для политическаго писателя: Правительство, ищущее опоры! Народъ жаждущій гласности! И передъ этими требованіями стойте вы одинъ, далеко отъ стѣсненій, вдали отъ партій, отъ мгновенныхъ страстей, отъ сплетень и дрязгъ, окружающихъ ежедневную жизнь. Вы можете взвѣсить каждое свое слово, спокойно и безпристрастно высказать правду всѣмъ и каждому, обличать злоупотребленіе, дѣйствовать на Правительство, давать направленіе обществу, развивать зрѣющую политическую мысль, наконецъ, вы можете показать, что́ такое свободное Русское слово. Въ вашемъ положеніи все, что вы говорите, имѣетъ значеніе; вы сила, вы власть въ Русскомъ Государствѣ.

Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?

Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете это на показъ, и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманныхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ. Вы

человѣкъ брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ и негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ. Это ваши собственныя слова. Но неужели это требуется отъ политической дѣятельности? Я полагалъ, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагалъ, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагу, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе; что, впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необузданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общественныхъ дѣлахъ прежде всего требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разныя стороны, а разумъ, познающій и созидающій.

И неужели вы думаете, что Россія, въ настоящее время, нуждается въ людяхъ съ пылкими страстями, которые отъ избытка чувствъ перегораютъ быстро и умираютъ на полдорогѣ? Вспомните еще разъ, въ какую эпоху мы живемъ. У насъ совершаются великія гражданскія преобразованія, распутываются отношенія, созданныя вѣками. Вопросъ касается самыхъ живыхъ интересовъ общества, тревожитъ его въ самыхъ глубокихъ его нѣдрахъ. Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующія стремленія, согласить враждебные интересы, развязать вѣковые узы, чтобы путемъ закона перевести одинъ гражданскій порядокъ на другой! Здѣсь также есть борьба, но борьба другого рода, безъ сильныхъ эффектовъ, безъ гнѣвныхъ порывовъ, борьба обдуманная, осторожная, озаренная мыслію, неуклонно идущею по избранному пути. Въ такую пору нужно не раздувать пламя, не растравлять язвы, а успокаивать раздраженіе умовъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли. Или вы думаете, что гражданскія преобразованія совершаются самою страстью, кипѣніемъ гнѣва?

Впрочемъ, я забываю, что вы къ гражданскимъ преобразованіямъ довольно равнодушны. Гражданственность, Просвѣщеніе не представляются вамъ драгоцѣннымъ растеніемъ, которое надобно заботливо насаждать и терпѣливо лелѣять, какъ лучшій даръ общественной жизни. Пусть же это унесется въ роковой борьбѣ; пусть, вмѣсто уваженія къ праву и къ закону, водворится привычка хвататься за топоръ, — вы объ этомъ мало тревожитесь. Вамъ во чтобы ни стало нужна цѣль, а какимъ путемъ она достигается,—безумнымъ и кровавымъ или мирнымъ и гражданскимъ, это для васъ вопросъ второстепенный. Чѣмъ бы дѣло ни развязалось, — невообразимымъ актомъ самаго дикаго деспотизма, или свирѣпымъ разгуломъ разъяренной толпы, — вы все подпишите, вы все благословите. Вы не только подпишите, вы считаете даже неприличнымъ отвращать подобный исходъ. Въ вашихъ глазахъ это поэтическій капризъ Исторіи, которому мѣшать неучтиво. Поэтическій капризъ Исторіи! Скажите пожалуста, когда вы писали эти слова, какъ вы на себя смотрѣли: какъ на политическаго дѣятеля, направляющаго общество по разумному пути, или какъ на артиста, наблюдающаго случайную игру событій?

Политическій дѣятель имѣетъ въ виду не только цѣль, но и средства. Зрѣлое обсужденіе послѣднихъ, точное соображеніе обстоятельствъ, избраніе наилучшаго пути при извѣстномъ положеніи дѣлъ, — вотъ въ чемъ состоитъ его задача, и ею онъ отличается отъ мыслителя, изучающаго общій ходъ Исторіи, и отъ художника, наблюдающаго движенія человѣческихъ страстей. То, что вы называете поэтическимъ капризомъ Исторіи, дѣйствіемъ самой природы, есть дѣло рукъ человѣческихъ. Сама природа здѣсь вы, я, третій, всѣ, кто приноситъ свою лепту на общее дѣло. И на каждомъ изъ насъ, на самыхъ незамѣтныхъ дѣятеляхъ лежитъ священная обязанность беречь свое гражданское достояніе, успокоивать бунтующія страсти, отвращать кровавую развязку. Такъ ли вы поступаете, вы, которому ваше положеніе даетъ

болѣе широкое и свободное поприще, нежели другимъ? Мы въ правѣ спросить это у васъ и какой дадите вы отвѣтъ? Вы открываете страницы своего журнала безумнымъ воззваніямъ къ дикой силѣ, вы сами, стоя на другомъ берегу, съ спокойной и презрительной ироніей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать неучтиво. Палка сверху и топоръ снизу — вотъ обыкновенный конецъ политической проповѣди, дѣйствующей подъ внушеніемъ страсти! О, съ этой стороны вы встрѣтите въ Россіи много сочувствія. Спросите у самаго тупого и закоснѣлаго врага Просвѣщенія, военнаго или штатскаго, но въ особенности военнаго, который вслѣдъ за другими кричитъ противъ взятокъ и злоупотребленій, спросите его: какое отъ нихъ лекарство? У него одинъ отвѣтъ: палка! Топоръ еще не въ такомъ ходу: мы къ нему не такъ привыкли; но, судя по письму, которое вы печатали въ *Колоколѣ*, и это средство начинаетъ пріобрѣтать популярность. Нѣтъ, всякій, кому дорога гражданская жизнь, кто желаетъ спокойствія и счастія своему Отечеству, будетъ всѣми силами бороться съ такими внушеніями и пока у насъ есть дыханіе въ тѣлѣ, пока есть голосъ въ груди, мы будемъ проклинать и эти орудія, и эти воззванія.

...Въ пылу страсти вы забываете не только время, людей, обстоятельства, вы забываете даже собственное свое положеніе. Слѣдовать за минутными увлеченіями общества, носиться по вѣтру, который измѣняется въ ту или другую сторону, можно еще, когда журналистъ живетъ среди этого общества. Но когда станокъ его на другомъ концѣ Европы, когда слово его едва доходитъ въ Отечество спустя два-три мѣсяца, къ чему ведетъ подобная тактика? Удары по неволѣ должны разразиться въ пустотѣ. Положимъ, напримѣръ, что статьи, въ которыхъ вы говорите, что все пропало, что Александръ II-й не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, дошли въ Москву въ то время, когда Государь говорилъ свою рѣчь Дворянству. Какое впечатлѣніе произведутъ онѣ на читате-

лей? Звонятъ въ набатъ, а поводъ къ трезвону не только забытъ, но оказывается, что это пустой пуфъ, подхваченный легковѣріемъ Какъ вы думаете, увлекаясь такимъ образомъ сами, въ состояніи ли вы увлекать другихъ?

Къ несчастію, даже эти промахи не остаются безъ печальныхъ послѣдствій. Умѣренностію, осторожностію, разумнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ вы могли внушить къ себѣ довѣріе Правительства; въ настоящее время, только его пугаете. Все, что есть въ Россіи невѣжественнаго, отсталаго, закоснѣлаго въ предразсудкахъ, погрязшаго въ мелкихъ интересахъ, все это съ торжествомъ указываетъ на васъ и говоритъ: вотъ послѣдствія либеральнаго направленія, вотъ что производитъ слово, освобожденное отъ оковъ. Грустно сказать, что первый свободный Русскій журналъ служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу цензуры, если только въ пользу цензуры могутъ быть сильныя доказательства.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что вы, который увлекаетесь и увлекаете другихъ, увлекли бы за собою Русское общество, и Россія наполнилась бы людьми, которые кидаются въ крайность, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро и умираютъ на полудорогѣ. Представьте себѣ, что въ нѣдрахъ нашего Отечества завелось бы нѣсколько *Колоколовъ*, которые бы всѣ въ разные голоса стали звонить по вашему примѣру, которые бы наперерывъ стали раздувать пламя, разжигать страсти, взывать къ палкѣ и топору для осуществленія своихъ желаній. Что будетъ Правительство дѣлать съ такимъ обществомъ? Къ чему можетъ повести разгаръ общественныхъ страстей, какъ не къ самому жестокому деспотизму? Каждая почти революція представляетъ этому примѣръ. И точно, если больной, вмѣсто того, чтобы спокойно и терпѣливо выносить леченіе, предается бѣшенымъ порывамъ, растравляетъ себѣ раны и хватается за ножъ, чтобы отрѣзать страдающій членъ, съ нимъ нечего больше дѣлать, какъ связать его по рукамъ и по ногамъ.

Въ обществѣ юномъ, которое не привыкло еще выдерживать внутреннія бури и не успѣло пріобрѣсти мужественныхъ добродѣтелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднѣе, нежели гдѣ либо. У насъ общество должно купить себѣ право на свободу разумнымъ самообладаніемъ, а вы къ чему его пріучаете? Къ раздражительности, къ нетерпѣнію, къ неуступчивымъ требованіямъ, къ неразборчивости средствъ. Своими желчными выходками, своими незнающими мѣры шутками и сарказмами, которые носятъ на себѣ заманчивый покровъ независимости сужденій, вы потакаете тому легкомысленному отношенію къ политическимъ вопросамъ, которое и такъ уже слишкомъ у насъ въ ходу. Намъ нужно независимое общественное мнѣніе, это едва ли не первая наша потребность, но общественное мнѣніе умѣренное, стойкое, съ серьезнымъ взглядомъ на вещи, съ крѣпкимъ закаломъ политической мысли, общественное мнѣніе, которое могло бы служить Правительству и опорою въ благихъ начинаніяхъ, и благоразумною задержкой при ложномъ направленіи. Вотъ чего у насъ не достаетъ, вотъ къ чему мы должны стремиться. Бранью-же, Боже мой! и безъ того полнится Русская Земля. Всѣ бранятся, отъ малаго до великаго, во всѣхъ сферахъ, на всѣхъ ступеняхъ общества, вездѣ слышишь одно и то же—критику безцѣльную, безплодную, безтолковую. Тошно становится отъ этого хора. Поэтому не удивляйтесь, что васъ находятъ еще слишкомъ умѣреннымъ, не радуйтесь, что ваши шутки и насмѣшки встрѣчаютъ себѣ отзывъ и одобреніе. Этою пищею мы всегда готовы пользоваться, она дается и принимается такъ легко и остроуміе у насъ въ такомъ почетѣ! Оно замѣняетъ всю государственную мудрость, образованіе, трудомъ добытую мысль, знаніе дѣла; на немъ основывались блистательныя карьеры, колоссальныя репутаціи; на немъ выѣзжали въ министры, въ генералы, въ дипломаты. У насъ нѣтъ болѣе вѣрнаго средства пріобрѣсти себѣ всеобщую дань благодарности и удивленія, какъ рѣшать всѣ государственные и фи-

нансовые вопросы остроумными выходками. Это избавляетъ читателя отъ работы, отъ умственнаго напряженія. Неистощимый запасъ остротъ — вотъ самое надежное ручательство за успѣхъ журнала. Приглашайте Александра II къ сотрудничеству, пойте акаѳисты Норову и Вяземскому, печатайте фарсы, сочиненные на Панина, — все это будетъ принято съ восторгомъ, все это будетъ переходить изъ устъ въ уста.

Только врядъ ли подобное направленіе встрѣтитъ сочувствіе просвѣщенныхъ людей въ Россіи. Они смотрятъ на дѣло нѣсколько серьезнѣе. Имъ кажется, что привычка замѣнять дѣло эффектомъ, бездѣліемъ, опасна для политическаго образованія народа, что общество, воспитанное на остроумныхъ выходкахъ, становится неспособнымъ къ разумному рѣшенію тяготѣющихъ надъ нимъ вопросовъ; наконецъ, имъ хотѣлось бы, чтобы свободное Русское слово отвѣчало на благородную потребность политической мысли, а не на безплодную потребность брани и остроты.

Вотъ, милостивый государь, объясненіе тѣхъ упрековъ, въ которыхъ вы сочли нужнымъ оправдываться передъ публикой. Существенный смыслъ ихъ тотъ, что въ политическомъ журналѣ увлеченія, страсти должны замѣняться зрѣлостью мысли и разумнымъ самообладаніемъ Если подобное требованіе есть доктрина, пусть это будетъ доктринерствомъ, объ словѣ нечего спорить. Вамъ такой образъ дѣйствія не нравится, вы предпочитаете быстро перегорать, истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Истощайтесь! таковъ вашъ темпераментъ; его не перемѣнишь. Но позвольте думать, что это не служитъ, ни къ пользѣ Россіи, ни къ достоинству журнала, и что во всякомъ случаѣ нечего этимъ величаться.

За симъ всякій охотно признаетъ за вами существенную заслугу — раскрытіе злоупотребленій. Передъ вашей уликой задумается лихоимецъ и притѣснитель въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи. Правительственнаго контроля онъ не боится, онъ смолоду привыкъ его обходить, но онъ не уйдетъ отъ контроля гласности, которая невидимо сторожитъ

его въ лицѣ всѣхъ окружающихъ, и обличитъ преступленіе на другомъ концѣ Европы, на островѣ, который хранитъ неприкосновеннымъ ея священное знамя. Съ этой стороны, повторяю, вы имѣете право на благодарность всѣхъ и каждаго, каково бы ни было различіе политическихъ направленій".

Слѣдуетъ замѣтить, что письмо это было перепечатано въ сокращеніи самимъ Б. Н. Чичеринымъ, въ его книгѣ, изданной въ Москвѣ, въ 1862 году, подъ заглавіемъ: *Нѣсколько современныхъ вопросовъ* *). Въ предисловіи сказано: „Это былъ первый протестъ Русскаго человѣка противъ направленія *Колокола.* Въ настоящее время, оппозиціи противъ Герцена открыто широкое поле въ Русской журналистикѣ, а потому этотъ вопросъ имѣетъ интересъ современности. Я пользуюсь предоставленною Литературѣ свободою не для того, чтобы, съ своей стороны, поднять голосъ противъ Герцена, а для того, чтобы познакомить Русскую публику съ тѣмъ, что было заявлено давнымъ давно въ самомъ журналѣ Герцена. Свободомыслящіе люди никогда не могли сочувствовать направленію, которое компрометируетъ самое имя свободы. Въ настоящее время, это стало яснѣе, нежели прежде. За мною остается только честь начинанія".

XXXIII.

Въ то время, когда появилось письмо Б. Н. Чичерина къ Герцену, „къ несчастью, въ Россіи все волновалось и кипятилось", и слово благоразумія мало имѣло шансовъ на успѣхъ.

Б. Н. Чичеринъ подвергся взрыву журнальнаго негодованія.

Прежде всѣхъ, какъ и подобало, возсталъ противъ него самъ Герценъ.

„Я являюсь",—писалъ онъ,—„передъ нашими читателями съ *обвинительнымъ актомъ* въ рукѣ.

*) Стр. 9—19.

На этотъ разъ обвиняемый не Панинъ, не Закревскій— обвиняемый я самъ.

Обвиненіе это, высказанное отъ имени *значительнаго числа мыслящихъ людей въ Россіи*, для меня имѣетъ большую важность. Его послѣднее слово состоитъ въ томъ, что вся дѣятельность моя, т.-е. дѣло моей жизни, — приноситъ *вредъ Россіи*.

Еслибъ я повѣрилъ этому, я нашелъ бы самоотверженіе передать свое дѣло другимъ рукамъ и скрыться гдѣ-нибудь въ глуши, скорбя о томъ, что ошибся цѣлой жизнью. Но я не судья въ своемъ дѣлѣ... И потому я безъ комментарій передаю обвиненіе на судъ общественнаго мнѣнія.

До тѣхъ поръ, пока оно не станетъ громко со стороны обвиненія,—я упорно пойду тѣмъ путемъ, которымъ шелъ.

До тѣхъ поръ, пока на одно такое письмо я буду получать десятки самыхъ пламенныхъ выраженій сочувствія,— я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока число читателей будетъ возростать, какъ оно теперь возростаетъ,—я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока Бутеневъ въ Константинополѣ, Киселевъ въ Римѣ, не знаю кто въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ— будутъ выбиваться изъ силъ, метаться къ визирямъ и трехъбунчужнымъ пашамъ, къ министерскимъ секретарямъ и кардинальскимъ послушникамъ, прося и вымаливая запрещеніе *Колокола* и *Полярной Звѣзды*,... я буду упорствовать.

Я стою передъ вами въ моей „неисправимой закоснѣлости"...

Обвинительное письмо—существенно отличается отъ прошлыхъ писемъ противъ *Колокола*. Въ тѣхъ былъ дружескій упрекъ и тотъ дружескій гнѣвъ, въ негодованіи котораго звучала знакомо и привѣтливо родная струна.

Ничего подобнаго въ этомъ письмѣ.

Тѣ были писаны съ нашей *стороны*.

...Это письмо писано съ совершенно *противной* точки зрѣнія"...

Сторона Герцена въ то время имѣла значительную силу въ Русскомъ обществѣ, а особенно въ Петербургѣ, а потому, вскорѣ по напечатаніи *обвинительнаго акта*, Герценъ сталъ получать письма отъ своей *стороны*.

На Б. Н. Чичерина обрушилась Петербургская журналистика и прежде всего Н. Г. Чернышевскій. Перу послѣдняго, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежитъ протестъ, подъ заглавіемъ: *Автору обвинительнаго акта г. Чичерину*, который М. П. Драгомановъ, въ своей книжкѣ, изданной въ Женевѣ, въ 1892 году *), приписалъ К. Д. Кавелину.

Протестъ этотъ былъ препровожденъ Герцену при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Въ *Колоколѣ* напечатанъ *обвинительный актъ* отъ лица *значительной части мыслящихъ людей въ Россіи.* Многіе, считая себя мыслящими, точными и обдуманными людьми, нашли оскорбительнымъ для нихъ принять на себя участіе въ *обвинительномъ актѣ*; а потому поручили мнѣ написать протестъ, который мы требуемъ напечатать въ *Колоколѣ.* Можетъ быть, для васъ покажется нѣсколько щекотливымъ печатать такой протестъ, въ которомъ излагаются взгляды на характеръ вашей дѣятельности. Но позвольте вамъ сказать: ...Вопросъ касается не столько васъ, сколько насъ, а главнѣе всего принципа. *Обвинительный актъ* предаетъ посмѣянію то, что бьется въ груди. Это посмѣяніе высказано русскимъ и, какъ говоритъ авторъ, отъ лица Русскихъ мыслящихъ людей. Послѣ этого мы не можемъ и не должны молчать, а вы не можете и не имѣете права отказать намъ высказать, во всеуслышаніе, наше слово, на которое, мы увѣрены, отзовутся всѣ теплыя сердца, которыми не бѣдна Русская Земля. Печатая *обвинительный актъ*, вы печатали его не на одного себя, вы печатали его также на насъ и на самый принципъ, а потому вы обязаны напечатать и нашъ протестъ“.

Получивъ это письмо и протестъ, Герценъ писалъ: „Мы

---

*) *Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену. Н. Б.*

были прежде увѣрены, что строгій судья нашъ, если найдетъ себѣ симпатію въ станѣ нашихъ противниковъ, то въ той средѣ, которую мы считаемъ нашей, ее не найдетъ,—а всетаки намъ было дорого прочитать слова дружеской защиты. Жаль намъ, что авторъ отвѣта тоже требуетъ, чтобъ мы напечатали его письмо. Если noblesse oblige печатать противъ себя, то decorum oblige не печатать статей за себя". Но авторъ протеста настаивалъ на печатаніе протеста. „Если вы прочтете,—писалъ этотъ авторъ Герцену,—еще разъ нашъ протестъ, то вы увидите, что основной смыслъ его не защита васъ, а защита принципа".

Наконецъ, Герценъ, уступая требованіямъ, напечаталъ протестъ противъ Чичерина.

Протестъ заключается воззваніемъ къ молодому поколѣнію, такими словами: „Къ вамъ, молодые люди, къ вамъ, сидящимъ еще на скамейкахъ и въ аудиторіяхъ, обращаюсь я теперь. Вамъ выпадаетъ на долю великое, небывалое дѣло. Вы будете призваны спасти міръ и осуществить истинное Царство Христово. Начните съ того, что, изучая науки общественнаго устройства, по преимуществу касающіяся экономическихъ отношеній и естественныхъ правъ человѣка,—не вѣрьте имъ, какъ бы онѣ, повидимому, не удовлетворяли; изучайте ихъ глубоко, для того, чтобъ убѣдиться, что въ нихъ забыто сердце; изучайте для того, чтобъ предать ихъ проклятію; изучайте для того, чтобы разрушить ихъ и создать новое зданіе. Не забывайте, что Царство Христово еще нигдѣ не было на землѣ; что царствовала форма, а не сущность. Всѣ общества смѣются надъ истиной Христа, вездѣ душно, тѣсно сердцу. Только въ Русскомъ крестьянскомъ полѣ—только въ Русской крестьянской сходкѣ—только въ Русской деревнѣ отдыхаетъ сердце, становится широко и дышится свободно. Умрите, если будетъ нужно,—умрите, какъ мученики,—умрите за сущность, какъ умирали первые Христіане за форму,—умрите за сохраненіе *равнаго права каждаго крестьянина на землю* — умрите за *общинное начало*".

Вслѣдъ за симъ протестомъ, М. П. Драгомановъ, въ своей книжкѣ (стр. 42), напечаталъ слѣдующее *коллективное письмо къ К. Д. Кавелину*, въ которомъ читаемъ: „Милостивый государь Константинъ Дмитріевичъ. Позвольте выразить вамъ наше сочувствіе къ вашему письму, написанному въ отвѣтъ письму г. Чичерина, помѣщенному въ *Колоколѣ*“. Подписали: И. Бабстъ, Н. Тютчевъ, П. Анненковъ, Ив. Тургеневъ, Скребицкій.

По замѣчанію Б. Н. Чичерина, напечатанное въ заграничной брошюрѣ П. М. Драгоманова, вышеприведенное письмо К. Д. Кавелина, „по всѣмъ признакамъ принадлежитъ (не Кавелину), а Чернышевскому. Сужу объ этомъ по слогу, манерѣ и содержанію. Письмо же Кавелина было совсѣмъ другое“. Въ архивѣ Б. Н. Чичерина оно сохранилось. Вотъ его содержаніе:

„Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Борисъ Николаевичъ.

Я получилъ письмо ваше изъ Ниццы, отъ 8-го декабря, когда уже прочелъ ваше письмо къ Герцену, напечатанное въ 29 № *Колокола*. И прежде и послѣ письма ко мнѣ, я ни на одну минуту не сомнѣвался въ чистотѣ и благородствѣ побужденій, внушавшихъ вамъ горькіе укоры Искандеру; но не могу не сознаться, что дѣйствіе ихъ на меня было тѣмъ тяжелѣе и горестнѣе, чѣмъ значительнѣе ваше имя въ Литературѣ и чѣмъ я тверже убѣжденъ въ вашей нравственной безупречности. Если бы письмо ваше къ Герцену было написано человѣкомъ мнѣ совершенно неизвѣстнымъ, я бы отвѣчалъ ему въ самомъ *Колоколѣ*. Къ несчастью, письмо писали вы... и у меня отваливаются руки.

Основная мысль вашего письма, какъ нельзя вѣрнѣе. Послѣ первыхъ взрывовъ негодованія на порядокъ дѣлъ, какой у насъ есть, на лица, которыя стоятъ у насъ на первомъ планѣ, давнымъ давно слѣдовало серьезнѣе подумать о томъ, что предстоитъ дѣлать, чего ожидать, по какому направленію идти. Къ сожалѣнію, не только одна Лондонская, но и наша

Русская Литература, съ этой стороны, сильно смахиваетъ на фразу, мало питая умъ.

Если бы вы сказали только это, вы были бы совершенно правы; но рядомъ съ этимъ вы сказали много такого, чего сказать, конечно, не хотѣли.

Не стану говорить о томъ, что вы не имѣли никакого права такъ жестоко, съ высоты величія, говорить съ человѣкомъ, котораго кромѣ большаго имени и положительныхъ заслугъ, ограждаютъ отъ всякихъ окорбленій великія несчастія и страданія. Съ этой стороны, и защитники, и порицатели вашего письма равно не одобряютъ васъ. Изъ коротенькаго оправданія Герцена, напечатаннаго передъ вашимъ письмомъ, я вижу, что онъ не только обиженъ, но опечаленъ и сконфуженъ такимъ неожиданнымъ посланіемъ. По тону его отвѣта я вижу, что отъ вашего письма у него сердце перевернулось въ груди. Его убиваетъ мысль: неужели все мыслящее въ Россіи судитъ обо мнѣ такъ безсердечно? На васъ лежала обязанность, если вы разъ рѣшились укорять Герцена печатно, сдѣлать это со всѣмъ возможнымъ уваженіемъ къ его личности и къ его злосчастной судьбѣ. Отсутствіе и тѣни этого уваженія, холодная безпощадность вашихъ упрековъ, напоминающая бюрократическое *поставленіе на видъ* начальниковъ подчиненнымъ, производитъ тяжелое и грустное впечатлѣніе.

Но если бы письмо ваше было только холодно и безучастно къ человѣку, оно было бы несправедливо только къ нему, но могло бы быть справедливо по существу дѣла. Къ сожалѣнію, нельзя сказать и этого. Увлекшись желаніемъ какъ можно ярче выразить свою мысль, съ которою, повторяю, всѣ согласны, вы прибѣгли съ аргументамъ ложнымъ, къ клеветамъ, вы непростительно искажаете истину.

Укажу на главное.

Вы особенно упираете на ту фразу въ корреспонденціи *Колокола*, гдѣ крестьяне приглашаются точить топоры. Фраза эта дѣйствительно нехороша. Но скажите, пожалуйста, какое

право имѣли вы, выводя изъ этой фразы, что Герценъ желаетъ революціи въ Россіи, не привести множества другихъ фразъ изъ другихъ нумеровъ *Колокола*, въ которыхъ не только корреспонденты, но и самъ редакторъ положительно выражаютъ желаніе, чтобы предстоящія реформы совершились у насъ мирно и спокойно, безъ крови и жертвъ. Если бы не вы такъ играли этой фразой, а кто нибудь другой, я увидѣлъ бы въ этой игрѣ не ораторскій оборотъ рѣчи, а преднамѣренную клевету и недобросовѣстность.

Вы говорите, что Герценъ равнодушенъ къ гражданскимъ реформамъ, что ему все равно, сдѣлается ли дѣло актомъ деспотизма или актомъ революціи. Вы фехтуете съ необыкновеннымъ искусствомъ противъ него его же собственными словами, чтобы доказать ему и убѣдить другихъ въ томъ, что реформа и революція, для него все равно. А такъ какъ Герценъ давно уже пользуется у насъ репутаціей краснаго революціонера, и притомъ вы въ своемъ письмѣ ловко указываете на воззваніе къ топорамъ, съ умолчаніемъ желаній мирной реформы, то и остается впечатлѣніе, что, собственно говоря, Герцену смертельно хочется революціи въ Россіи. Если вы хотѣли выразить эту мысль, то я могу поздравить васъ съ совершеннымъ успѣхомъ. Справедливость, конечно, требовала упомянуть и о другомъ смыслѣ тѣхъ же словъ, которыми вы такъ искусно пользуетесь, чтобы доказать революціонныя цѣли редактора *Колокола*. Вы, я, всѣ мы безъ исключенія убѣждены въ томъ, что если Правительство не проведетъ реформы мѣрами административными, то она совершится путемъ революціи; Герценъ могъ хотѣть выразить именно эту мысль. Но какое дѣло до того, что̀ именно онъ хотѣлъ выразить? Въ планѣ оратора лежало доказать, что Герценъ — революціонеръ и желаетъ произвести революцію въ Россіи, и потому, разумѣется, слѣдовало воспользоваться его словами въ этомъ смыслѣ. Истина и намѣреніе — дѣло второстепенное. Въ ораторскихъ состязаніяхъ кто станетъ о нихъ серьезно думать?

У васъ встрѣчается также фраза и о томъ, какъ было бы плохо, если бы въ нѣдрахъ нашего Отечества завелось нѣсколько *Колоколовъ*. Спасительное предостереженіе, особенно для Россіи, гдѣ лица высшаго управленія ежеминутно твердятъ Государю, что наша Литература раздуваетъ пламя, разжигаетъ страсти! Скажите, ради Бога, въ чью пользу дѣлаете вы такіе намеки? Не пожива ли это Панинымъ съ компаніей?

И такъ, дѣло рѣшеное: Герценъ революціонеръ, *Колоколъ* призываетъ къ революціи и даже призываетъ съ успѣхомъ. Вы говорите въ одномъ мѣстѣ вашего письма: „топоръ еще не въ такомъ ходу, мы къ нему не такъ привыкли, но судя по письму, напечатанному въ *Колоколѣ*, и это средство начинаетъ пріобрѣтать у насъ популярность“. Вотъ, что значитъ, Борисъ Николаевичъ, ораторское искусство! Захочешь опровергнуть противника, а глядь—своихъ оклеветалъ. Вы сумѣли отыскать въ Россіи любителей топора, которыхъ мы не знаемъ, и которыхъ до смерти хочется отыскать Тимашеву съ собратіями. Съ какимъ пренебреженіемъ, даже презрѣніемъ трактуете вы наше горе и наши страданія! Съ изданія рескриптовъ 20-го ноября и 5-го декабря, чего - чего, Боже великій, мы не натерпѣлись и не вынесли! Въ февралѣ мы видѣли, какъ Главному Комитету удалось обойти Государя въ истолкованіи усадебъ; въ мартѣ реакція сказалась еще рѣшительнѣе. Положимъ, что для васъ все равно, будетъ ли мужикъ освобожденъ съ землею или безъ земли, пройдетъ ли онъ черезъ чистилище срочно-обязанныхъ отношеній или не пройдетъ: для насъ же это далеко не все равно. Для насъ такое или другое рѣшеніе совпадаетъ съ спокойнымъ или революціоннымъ выходомъ изъ теперешняго нашего положенія. Теперь и Правительство въ этомъ убѣдилось. Могли же и мы такъ думать, не заслуживая за это ни презрѣнія, ни насмѣшки! И мы глубоко страдали. Дѣло освобожденія крестьянъ, нашъ якорь спасенія, стало быстро двигаться назадъ. Въ маѣ меня прогнали отъ Наслѣдника, какъ человѣка въ

высшей степени опаснаго, за то, что я осмѣлился прямо поставить вопросъ о выкупѣ земель въ *Современникѣ*. Въ журналахъ запрещено говорить о выкупѣ; по тому же поводу князь Щербатовъ долженъ былъ оставить свое мѣсто. Всѣ эти событія навели общее уныніе на все, что есть либеральнаго и просвѣщеннаго въ Россіи. Но когда издана была Главнымъ Комитетомъ извѣстная вамъ программа въ руководство дворянству разныхъ губерній, когда огласилось намѣреніе Правительства поставить всю Россію въ осадное положеніе посредствомъ уѣздныхъ начальниковъ и генералъ-губернаторовъ, тогда объяты были ужасомъ не одни либеральные и просвѣщенные люди, но и самые реакціонеры. Настроеніе умовъ въ то время напоминало 1849-й и послѣдующіе годы минувшаго царствованія. Что я не преувеличиваю, это могутъ засвидѣтельствовать вамъ люди всѣхъ мнѣній, и друзья и враги ваши. Всякій, кто былъ въ это время въ Россіи, кто испыталъ и видѣлъ тогдашнее настроеніе, не безъ глубокаго негодованія прочтетъ слѣдующія высокомѣрныя и жестокія слова изъ письма вашего: „И откуда вся эта тревога? По какому поводу возгорѣлось негодованіе? Право, когда подумаешь объ этомъ, становится и грустно и смѣшно. Не прошло еще года съ тѣхъ поръ какъ Государь высказалъ твердое намѣреніе преобразовать старое крѣпостное право.... что же случилось въ этотъ промежутокъ?.. Ну, скажите, не похоже ли это на шутку"? Не знаешь, что и подумать, читая эти слова, пересыпанныя разсужденіями о важности вопроса, о невозможности рѣшить его сразу. Правительство дѣйствуетъ мудро, строго и осторожно преслѣдуя зрѣло и дальновидно обдуманный планъ освобожденія крестьянъ; все идетъ своимъ порядкомъ; ничего особеннаго не случилось; о циркулярѣ Муравьева собственно и говорить не стоитъ. А мы, въ легкомысліи и безуміи нашемъ, думали, что вопросъ о реформѣ и революціи виситъ на волоскѣ, что Муравьевъ, Ростовцовъ и другіе, интриговавшіе у Государя подъ носомъ, пользовавшіеся въ то время огромнымъ его довѣріемъ, могутъ загубить все дѣло! Въ са-

момъ дѣлѣ, какіе мы жалкіе безумцы! Ничего мы болѣе и не заслуживаемъ, кромѣ презрѣнія за свое легкомысліе.

Не забудьте, что письмо ваше имѣетъ политическое значеніе, что оно скрѣплено авторитетомъ вашего имени,—имени уважаемаго и очень извѣстнаго въ Россіи. Вы сами принадлежите къ либеральной партіи, находитесь въ связи или въ сношеніяхъ со всѣми литературными кружками и во всѣхъ подробностяхъ знаете ихъ стремленія, цѣли, надежды, высказываемыя и не высказываемыя въ печати. Свидѣтельство и отзывы такого человѣка въ глазахъ Правительства чрезвычайно важны. Само оно мало понимаетъ смыслъ теперешняго литературнаго движенія; тайная полиція, какъ гончая собака, вынюхиваетъ только краснаго звѣря, но, какъ тридцатилѣтній опытъ доказалъ, часто слишкомъ увлекается своею спеціальностью и потому тоже судья не безпристрастный; наконецъ, реакція, враждебная всякому движенію, столь же подозрительна въ своихъ сужденіяхъ, какъ и тайная полиція. Какъ же узнать истину? Какая тайна скрывается въ этихъ людяхъ и въ ихъ мысляхъ? И вотъ, выступаетъ одинъ изъ нихъ добровольно и раскрываетъ тайну. Признаться, то, что онъ говоритъ, заключаетъ въ себѣ мало утѣшительнаго; давнишнія подозрѣнія и опасенія Правительства, къ несчастью, оказываются справедливыми. Оно давно предполагало, что цѣль Герцена произвести революцію въ Россіи, что съ этою собственно цѣлью и издается *Колоколъ*; что въ обществѣ, при помощи *Колокола*, революціонное направленіе ростетъ и усиливается и въ этомъ его поддерживаютъ наши литературные органы. Правительство давно уже догадывается, что на мудрые его виды и предначертанія, относительно освобожденія крестьянъ, нападаютъ съ одной стороны реакціонеры, а съ другой революціонная партія, желающая воспользоваться этимъ государственнымъ вопросомъ, чтобы произвести насильственный переворотъ въ Россіи. И что же? Всѣ эти догадки оправдываются какъ нельзя болѣе! Изъ среды этой самой партіи отдѣляется одинъ изъ

самыхъ блестящихъ его представителей. Онъ, и въ лицѣ его „значительная часть мыслящихъ людей въ Россіи", отъ имени которыхъ онъ говоритъ, сами ужаснулись этой партіи, съ которою они до сихъ поръ шли вмѣстѣ. Должно быть, дѣло зашло уже слишкомъ далеко, когда лучшіе чувствуютъ себя вынужденными отказаться отъ бывшихъ своихъ единомышленниковъ! Должно быть, положеніе становится критическимъ, когда изъ груди этихъ лучшихъ вырываются подобныя признанія объ тѣхъ, которые стояли съ ними въ одномъ лагерѣ.

Не думайте, чтобы я преувеличивалъ. Въ высшихъ кружкахъ всѣ отъ письма вашего въ восторгѣ. „Леберальная партія рѣшилась покончить и разорвать съ партіею революціонной",—вотъ стереотипная фраза, которою ваше письмо привѣтствуютъ въ дворцахъ и высшихъ административныхъ сферахъ. Этого ли вы хотѣли, Борисъ Николаевичъ? Единственный упрекъ, который вамъ дѣлаютъ, есть тотъ, что вы не представили вашего прекраснаго и благороднаго письма, до его напечатанія, на одобреніе Правительства: оно бы непремѣнно одобрило—письмо такъ хорошо — но испросить разрѣшеніе все таки слѣдовало. Отзывъ этотъ идетъ отъ князя Долгорукова. И они правы. Письмомъ вашимъ вы оказали имъ существенную услугу. Такой помощи и поддержки они, конечно, не ожидали. Письмо ваше неопровержимый документъ, на который они съ торжествомъ и гордостью могутъ ссылаться теперь при преслѣдованіи своихъ цѣлей.

Я понимаю, что можно не соглашаться съ противникомъ, наговорить ему самыхъ жестокихъ вещей; я допускаю возможность, разорвавши съ партіей, которая идетъ слишкомъ далеко, высказать противъ нея обвиненіе, которое, собственно говоря, по бывшимъ близкимъ моимъ отношеніямъ къ ней, я не долженъ бы высказывать. Что дѣлать? Это—несчастіе, это—трагическое положеніе. Тутъ сталкивается общественное благо съ моими личными обязанностями, и я могъ предпочесть первое послѣднимъ. Но я спрашиваю васъ: думаете ли вы серьезно, положа руку на сердце, что Герценъ предна-

мѣренно раздуваетъ революцію въ Россіи и что въ Россіи есть революціонная партія? Если вы это думаете, — вы можете быть правы передъ своимъ убѣжденіемъ и своею совѣстью, что написали это письмо, но я съ вами не согласенъ и съ скорбью долженъ удалиться отъ васъ, потому что считаю такое убѣжденіе не только совершенно ложнымъ, но и крайне вреднымъ. Если же вы этого не думали, какъ же рѣшились написать? Какъ же вы могли доставить всей этой безмозглой челяди, наполняющей наши дворцы и салоны высшаго круга, радость оправдывать свои отупѣлыя и злонамѣренныя инсинуаціи авторитетомъ вашего благороднаго имени? Вѣдь это значитъ продать свое право первородства — и за что же? За блюдо чечевицы. Насъ же, друзей вашихъ, вы поставили въ самое нелѣпое положеніе: передъ одними опровергать взведенныя вами клеветы, а передъ другими защищать чистоту и благородство вашихъ побужденій!

Право, какое-то проклятіе лежитъ на нашей Литературѣ и на самой нашей мысли. Или у человѣка страсть говорить и онъ говоритъ — ничего; или онъ имѣетъ, что сказать, а станетъ говорить — выходитъ совсѣмъ не то, что онъ хотѣлъ сказать. Такому хаосу мыслей и словъ, видно, предстоятъ Маѳусаиловы лѣта.

Я не желаю, чтобы это письмо было напечатано въ *Колоколѣ*, или гдѣ бы то ни было, но если въ вашихъ намѣреніяхъ не лежало высказать печатно все то, въ чемъ вы клевещете на Герцена, на *Колоколъ*, на Русское общественное мнѣніе, на Русское Правительство (считая его мудрымъ), на Русскую Литературу, то я прошу васъ сообщить это письмо въ Лондонъ, Герцену, для собственнаго только свѣдѣнія. Для пользы дѣла необходимо, чтобы онъ слышалъ разныя мнѣнія и могъ извлечь изъ нихъ то, чего ему необходимо придерживаться при дальнѣйшемъ изданіи *Колокола*".

Большинство друзей Б. Н. Чичерина было за него, но и нѣкоторые изъ близкихъ ему людей высказались противъ, въ томъ числѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, и Кавелинъ. Дотолѣ

Б. Н. Чичеринъ шелъ съ Кавелинымъ, рука объ руку. Они вмѣстѣ писали письмо къ издателю *Колокола*, напечатанное въ первомъ томикѣ *Голосовъ изъ Россіи*. Но въ это время съ Кавелинымъ случилось событіе, которое имѣло существенное вліяніе на его дальнѣйшее отношеніе къ Правительству. Онъ былъ удаленъ отъ преподаванія Наслѣднику за статью объ освобожденіи крестьянъ, напечатанную имъ въ *Современникѣ*. Это было послѣдствіе реакціонной интриги, которая побудила и тогдашняго руководителя воспитаніемъ Наслѣдника, В. П. Титова, подать въ отставку. Кавелинъ озлобился. Онъ потерялъ свой прежній спокойный взглядъ на ожидаемыя перемѣны и сталъ преувеличивать значеніе и вліяніе лицъ, интригующихъ вокругъ престола. Подъ этими впечатлѣніями ему казалось, что письмо Б. Н. Чичерина къ Герцену можетъ послужить новымъ орудіемъ въ рукахъ реакціи. Того же боялись и Бабстъ, и Тургеневъ, и Анненковъ. „До какой степени",—замѣчаетъ Б. Н. Чичеринъ,—„эти опасенія въ то время были распространены въ Петербургѣ, можно видѣть изъ того, что даже такой умѣренный человѣкъ, какъ Никитенко, высказалъ это въ своемъ *Дневникѣ*". Въ этомъ *Дневникѣ*, подъ 8 января 1859 года, читаемъ: „Въ 29-мъ № *Колокола* прочиталъ письмо Герцена, приписываемое Чичерину, въ которомъ Герцена упрекаютъ отъ имени всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи за рѣзкій тонъ и радикализмъ. Это, конечно, отчасти и справедливо, и Герценъ вредитъ этимъ своему вліянію на общество и на Правительство. Но возраженіе, ему, сдѣланное, кажется, еще вреднѣе. Оно какъ бы оправдываетъ крутыя мѣры и вызываетъ ихъ".

Прочитавъ письмо Кавелина, съ припиской, подписанною Бабстомъ, Тургеневымъ, Анненковымъ и пр., Б. Н. Чичеринъ все это отправилъ къ издателю *Колокола*.

Теперь возникаетъ вопросъ, что побудило Драгоманова, въ своемъ изданіи „замѣнить одно письмо другимъ? Рука Кавелина была ему извѣстна, и если онъ напечаталъ писанную тою же рукою приписку, подписанную Бабстомъ, Тур-

геневымъ, Анненковымъ и пр., то очевидно, и самое письмо было у него въ рукахъ". Трудно объяснить подобную ошибку.

Съ К. Д. Кавелинымъ, и послѣ *обвинительнаго акта*, Б. Н. Чичеринъ оставался пріятелемъ. Окончательно они разошлись только въ 1861 году, по поводу студенческихъ исторій, когда Кавелинъ порвалъ со всѣми Московскими профессорами, своими прежними друзьями, всякую связь за то, что они въ этомъ дѣлѣ становились на иную почву, нежели онъ.

Съ своей же стороны Герценъ получилъ еще четыре письма, въ которыхъ рѣзко нападали на Чичерина. Нѣкоторые упрекали Герцена за напечатаніе *обвинительнаго акта*; но онъ на это замѣчалъ: „Еслибъ публикованіе *обвинительнаго акта* только и принесло что эти горячіе, полные любви и симпатіи протесты, то я конечно не сталъ бы раскаяваться въ томъ, что напечаталъ. Привыкнемъ-те же наконецъ къ свободѣ не только мнѣній, но и громкаго высказыванія ихъ" [104]).

Герценъ съ самодовольствіемъ писалъ: „Чичеринъ кампанію потерялъ, въ этомъ для меня нѣтъ сомнѣнія. Взрывъ негодованія, вызванный его письмомъ, былъ общимъ въ молодомъ обществѣ, въ литературныхъ кругахъ. Я получилъ десятки статей и писемъ... Сухо-оскорбительный, дерзко-гладкій тонъ возмутилъ, можетъ, больше содержанія, и меня и публику одинакимъ образомъ: онъ былъ еще новъ тогда". За то, продолжаетъ Герценъ, „на сторонѣ Чичерина стали: великая княгиня Елена Павловна, Тимашевъ, начальникъ III-го Отдѣленія, и Н. Х. Кетчеръ" [105]).

Въ концѣ 1858 года, Б. Н. Чичеринъ пребывалъ въ Ниццѣ, и 6 декабря того же года, князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Здѣсь Московскій боецъ Чичеринъ" [106]).

Но Б. Н. Чичерину дѣйствительно не даромъ досталось разномысліе съ Герценомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Чичеринъ подвергается ругательствамъ безпрерывнымъ".

Но, замѣтимъ и мы, Б. Н. Чичерина „ругали жур-

налисты“, и въ ихъ числѣ самъ И. С. Аксаковъ, но его чтили и уважали студенты Московскаго Университета, не смотря на то, что онъ не льстилъ имъ, а имѣлъ мужество и благородство, въ самый разгаръ страстей политическихъ, говорить имъ: „Повиновеніе закону! Вотъ первое требованіе правды, первый признакъ гражданственности, первое условіе свободы. Свобода анархическая—преддверіе деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, одна можетъ установить прочный порядокъ. Не думайте притомъ, чтобы повиновеніе закону ограничивалось одними хорошими законами. Еслибъ всякій сталъ исполнять только тѣ законы, которые онъ считаетъ хорошими, то было бы полное господство анархіи“.

Въ то же время, ратуя „противъ поползновеній открыть университетскія двери настежь“, онъ говорилъ тѣмъ же студентамъ: „Въ стѣны этого зданія, посвященнаго Наукѣ, не долженъ проникать шумъ страстей, волнующихъ внѣшнее общество. Здѣсь мы должны, углубляясь въ себя, въ тишинѣ готовиться на жизненное дѣло или на полезное поученіе“.

XXXIV.

Изъ Лондона переѣдемъ въ Москву, и тамъ прислушаемся къ полемикѣ, которую вели Славянофилы съ своимъ противникомъ почтеннымъ историкомъ Россіи С. М. Соловьевымъ.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1857 года, С. М. Соловьевъ напечаталъ свое, такъ сказать, исповѣданіе исторической вѣры, подъ заглавіемъ: *Шлецеръ и анти-историческое направленіе.*

Въ этой статьѣ Соловьевъ, разсматривая сужденія нѣкоторыхъ Славянофильскихъ писателей о замѣчательнѣйшихъ людяхъ Допетровской Руси, доказываетъ, что всѣ эти люди должны быть названы представителями того же самаго направленія, которое нынѣ Славянофилы называютъ западническимъ и отрицательнымъ, что Посошковъ, митрополитъ Ма-

карій, Геннадій, Максимъ Грекъ, бояринъ Матвѣевъ, Нащокинъ, митрополитъ Кипріанъ, и наконецъ тѣ Новгородцы, которые призвали Рюрика, должны быть названы людьми отрицательнаго направленія въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понимается отрицательность Славянофилами, потому что всѣ они или жаловались на чрезвычайную неудовлетворительность той степени развитія, на которой стояла Русь въ ихъ время, или своею дѣятельностію обнаруживали недостатки тогдашняго быта [107]).

Противъ этой статьи возсталъ цѣлый соборъ Славянофиловъ. Въ *Русской Бесѣдѣ* появились возраженія и П. А. Безсонова, и Ю. Ѳ. Самарина, и К. С. Аксакова, и А. С. Хомякова [108]).

Въ статьѣ Соловьева болѣе всего „поразило" К. С. Аксакова и другихъ его единомышленниковъ одно мѣсто, вотъ оно: „Мы имѣемъ возможность изучить характеръ древняго Русскаго общества въ большей или меньшей полнотѣ, въ настоящее время, на одномъ изъ сословій, именно на сословіи земледѣльческомъ, въ общихъ чертахъ одинаковомъ вездѣ. Однообразіе, простота занятій, подчиненіе этихъ занятій природнымъ условіямъ, надъ которыми трудно взять верхъ человѣку, однообразіе формъ быта, разобщеніе съ другими классами народа, ведетъ въ земледѣльческомъ сословіи къ господству формъ, давностію освященныхъ, къ безсознательному подчиненію обычаю, преданію, обряду. Отсюда въ этомъ сословіи такая удержимость относительно стараго, такое отвращеніе къ нововведеніямъ, осязательно полезнымъ, такое безсиліе смысла предъ подавляющею силою привычки. Въ земледѣльческомъ сословіи сохранились преданія, обряды, идущіе изъ глубочайшей древности: попробуйте попросить у земледѣльца объясненія смысла обряда, который онъ такъ вѣрно соблюдаетъ— вы не получите другого отвѣта, кромѣ: *такъ водится*; но попробуйте нарушить обрядъ или часть его, вы взволнуете человѣка, цѣлое общество, которые придутъ въ отчаяніе, будутъ ждать всѣхъ возможныхъ бѣдствій отъ нарушенія об-

ряда. Но понятно, какую помощь оказываетъ это сословіе государству, когда послѣднее призоветъ его на защиту того, что всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. Поэтому справедливо называютъ земледѣльческое сословіе по преимуществу охранительнымъ. Почтенныя свойства этого сословія, какъ сословія, не могутъ быть оспариваемы; но чтоже если буйный народъ живетъ въ формѣ быта земледѣльческаго сословія" [109]).

„И такъ",—съ горячностью возражаетъ К. С. Аксаковъ,—„по мнѣнію Соловьева, земледѣльческое сословіе, съ одной стороны, представляетъ тупость понятій и безсиліе смысла предъ подавляющею силою привычки, съ другой—оно можетъ быть полезно государству:—чѣмъ?—тѣмъ, что государство пользуется имъ только, какъ оружіемъ. Польза великая; но за эту пользу благодарить надо государство, а не земледѣльческое сословіе: точно такъ же, какъ вы благодарите зодчаго, а не матеріалъ. Вотъ еслибъ земледѣльческое сословіе могло разсуждать и понимать, тогда оно могло бы приносить какую нибудь нравственную долю въ общее дѣло всей Земли; но оно ограничено и тупо, живетъ подъ подавляющею силою привычки, оно не можетъ видѣть далѣе предѣловъ своего тѣснаго обычнаго круга, поэтому оно не можетъ понять, что такое общее дѣло всей Земли, а слѣдовательно, какое въ немъ можетъ быть чувство любви къ Отечеству!.. Но снисходительный авторъ находитъ, что въ немъ есть и хорошее; это—помощь, которую оно оказываетъ, когда призовутъ его на защиту того, что всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. Какъ бы то ни было, земледѣльческое сословіе полезно государству только, какъ chair à canon.

Какова характеристика земледѣльческаго сословія, начертанная Соловьевымъ? — и эти строки (приведенныя нами выше) написалъ, столько уважаемый нами, трудолюбивый нашъ ученый! Но зачѣмъ авторъ ограничился однимъ земледѣльческимъ сословіемъ? Вѣдь наши, напримѣръ, рыбачьи села, живутъ той же жизнію; такъ онѣ тоже подходятъ сюда?

Вѣдь наши рукодѣльныя села, въ которыхъ то плетутъ сѣти, то дуги гнутъ и пр., также живутъ той же жизнію и тоже подходятъ сюда? Да и при этихъ разнообразныхъ занятіяхъ, всѣ наши села болѣе или менѣе занимаются земледѣліемъ. Было бы, кажется, откровеннѣе, вмѣсто земледѣльческое сословіе, сказать прямо: крестьяне, простой народъ. Но авторъ не выразился такъ. Во всякомъ случаѣ земледѣльческій бытъ есть господствующій бытъ нашего простого народа.

Замѣтьте еще, что характеристика земледѣльческаго сословія, составленная почтеннымъ профессоромъ, есть, по его мнѣнію, характеристика Древняго Русскаго общества, Древней Россіи (кромѣ государства, конечно: въ этомъ отношеніи никто не упрекнетъ Соловьева).—Такъ вотъ какова была вся Древняя Россія! — Ну, а во время, положимъ, Междуцарствія, когда все государство, весь государственный нарядъ лежалъ во прахѣ, когда некому было и кликнуть народъ на защиту, кто поднялся за Россію, кто сослался граматами, чей голосъ раздался на Нижегородской площади, кто наконецъ спасъ Россію и государство?—Народъ, Русскій народъ, жившій въ формѣ быта земледѣльческаго сословія, характеристику котораго, написанную Соловьевымъ, мы привели выше...

Жестоко и несправедливо слово почтеннаго ученаго о земледѣльческомъ сословіи, объ этомъ сословіи, которое почитаетъ и чувствуетъ себя не какъ отдѣльное лицо, и не какъ село, но какъ Христіанское братство, какъ Русскій народъ. Для него дорога слава и добро Россіи. Изъ того, что оно молчитъ, нельзя заключить, чтобъ оно не могло сказать полезнаго для насъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи.

Но не обмолвился ли Соловьевъ? Такъ ли мы поняли его слово? Очень бы желали ошибиться [110]).

Въ статьѣ Соловьева, Аксаковъ обращаетъ еще вниманіе на слѣдующее мѣсто: „Вспомнимъ, какъ принималось Христіанство“,—говоритъ историкъ,—„когда въ Новгородѣ явился

волхвъ, то масса простого народа бросилась къ нему; подлѣ епископа остался только князь съ дружиной. Дѣло извѣстное, что восходящее солнце освѣщаетъ сначала только верхи горъ“ [111]).

На эти строки К. С. Аксаковъ замѣчаетъ: „Недурно сказано! Хорошо тѣмъ, что по крайней мѣрѣ ясно. И такъ, „восходящее солнце освѣщаетъ сначала только верхи горъ, то есть, князя, дружину (такъ значится въ приведенномъ примѣрѣ), вообще же,—высшія, верхнія сословія.—А солнце Христіанской истины, когда взошло оно надъ человѣчествомъ, что̀ оно освѣтило прежде, и кто потомъ передалъ этотъ свѣтъ міру?—Верхи горъ? сильные міра сего?—Нѣтъ. Апостолы были рыбаки, люди изъ простого народа.

Историкъ, пожалуй, можетъ пренебрегать низменностями и благоговѣть передъ верхами горъ. Но солнце истины кидаетъ лучи свои не по его усмотрѣнію“ [112]).

Очевидно, подъ впечатлѣніемъ вышеприведенныхъ строкъ С. М. Соловьева, А. С. Хомяковъ писалъ С. Т. Аксакову слѣдующее: „Когда я буду въ Москвѣ, я вамъ разскажу про одинъ интересный вечеръ, проведенный мною на постояломъ дворѣ въ распиваніи чая съ Лебедянской чиновницей и откупившимся на волю крестьяниномъ-прасоломъ. Безстрастный смыслъ этого человѣка меня порадовалъ: въ немъ удивительно высказывалось та особенность крестьянина, которую я давно въ немъ вижу, не смотря на сомнѣнія многихъ и который иначе нельзя назвать, какъ историческимъ чутьемъ. Отъ этого-то чутья, по моему мнѣнію, происходитъ и самое безстрастіе и какая-то важность въ толкованіи о вопросахъ общественныхъ. Была когда-то эта способность вѣроятно и въ другихъ сословіяхъ, но ее утратили; а сохранилась она, по закону правосудія, только въ сословіи обиженномъ. Я радъ, что мы ихъ презрителю, Соловьеву, отпѣли пѣсенку“.

Съ своей стороны и П. А. Безсоновъ (13 октября 1857 года) писалъ Погодину: „Лѣтомъ и осенью я записалъ у народа до *двухъ сотъ* стиховъ, особенно раскольничьихъ. Удиви-

тельно, какъ созрѣло сознаніе: о Петровскомъ преобразованіи, разорванности высшаго класса отъ низшаго, о положеніи простого народа, о вопросахъ Вѣры, быта, о всемъ, о чемъ толкуютъ Славянофилы, мыслите и пишете вы. Удастся ли мнѣ напечатать хоть половину? Прочту ли вамъ когда либо? А есть чему поучиться. И какъ мнѣ послѣ этого смѣшны современные профессора, съ ихъ каѳедральной гордостью, эти Соловьевы, глумящіеся надъ „мужиками горланами" и т. п.! Но вы счастливы: имя ваше, имя Хомякова, хорошо извѣстно, повторяется часто безсознательно, но съ какой-то вѣрою и надеждою"...

XXXV.

Изъ роя *Русской Бесѣды* отроилась еженедѣльная газета *Молва*, которая вся почти наполнялась К. С. Аксаковымъ.

29 января 1857 года, И. Д. Бѣляевъ писалъ въ С.-Петербургъ, къ А. Н. Попову: „Рекомендую Сергѣя Михайловича Шпилевскаго, вѣроятнаго будущаго сочинителя многихъ дѣльныхъ книгъ въ Русскомъ направленіи; это нашъ первый кандидатъ, не родовикъ и не западникъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о дозволеніи издавать ему *Молву*, еженедѣльную газету. Что можно, пособите ему совѣтомъ и знакомствомъ съ нужными людьми... Константинъ Сергѣевичъ и даже Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковы съ нимъ очень поладили и надѣятся успѣха отъ его предпріятія, общаго всѣмъ и для всѣхъ нужнаго" [113])....

„Отъ души радуемся",—писала *Русская Бесѣда*,—„появленію у насъ, въ Москвѣ, *Молвы*, сочувствующей направленію *Русской Бесѣды*. Тяжело стоять круглою одиночкою посреди собратій, болѣе или менѣе непріязненныхъ и истолковывающихъ наши слова и мысли, составляя новые словари и изобрѣтая новыя логики; а потому привѣтствуемъ съ радушіемъ періодическое изданіе, заявившее съ перваго номера о намѣреніи своемъ защищать наше самобытное на-

родное развитіе и всѣми силами къ тому содѣйствовать. Чего хотимъ мы? Осуществленія какихъ-либо мечтаній, примѣненія какихъ-либо особенно намъ любезныхъ изобрѣтеній или находокъ? Ни мало. Мы хотимъ только одного: чтобъ диктаторскй намъ не навязывали, или такъ—въ поблажку своей и нашей лѣни, не передавали, въ видѣ изреченій Дельфійскаго оракула, понятій и знаній, выработанныхъ гдѣ-то, когда-то и кѣмъ-то, и чтобы дозволено было *намъ самимъ* мыслить, соображать свѣдѣнія съ *нашими* временными, мѣстными и другими обстоятельствами, развивать то, что Богомъ въ *насъ* вложено, и исходить не изъ такой или иной временной философской системы, или изъ чего-то намъ самимъ неизвѣстнаго, а изъ того, что̀ претворилось въ кровь и плоть *нашу*, что составляетъ существенную часть *насъ самихъ*—изъ нашей Православной Христовой Вѣры. Еще разъ изъявляемъ нашу радость по случаю появленія періодическаго изданія, обѣщающаго идти одною съ нами дорогою. Добрый путь, добрый собратъ! Но не мѣшаетъ здѣсь и теперь же объявить во всеуслышаніе, что наши два изданія совершенно независимы другъ отъ друга. Увѣрены впередъ, что *Бесѣду* будутъ упрекать въ томъ, что̀ скажетъ *Молва* и наоборотъ; а потому просимъ друга и недруга судить каждаго изъ насъ за собственныя вины, и отнюдь не относить къ отвѣтственности *Молвы* то, что скажетъ *Бесѣда*, а *Бесѣду* не казнить за то, что будетъ сказано въ *Молвѣ*" [114]).

13 апрѣля 1857 года, въ субботу, вышелъ 1-й нумеръ *Молвы*. Она начинается передовою статьею К. С. Аксакова, въ которой тотъ прямо заявляетъ: „Нравственное дѣло должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней принудительной силы. Ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ вторженіе грубой силы въ нравственные вопросы. Тамъ, гдѣ грубая сила думаетъ подкрѣпить истину, она подрываетъ ее, ибо вноситъ сомнѣніе въ ея собственной, внутренней силѣ: такъ что лучше для истины имѣть грубую силу себѣ врагомъ, чѣмъ сподвижницей. Одно есть оружіе нравственной

истины—это свободное убѣжденіе, это—слово. Вотъ единственный мечъ духа! Вспомнимъ прекрасные стихи поэта, обращенные къ человѣку:

И ты, когда на битву съ ложью
Идешь за правду думъ твоихъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тяжесть латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула—ей окова
Сауловъ тягостенъ шеломъ;
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ".

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ *Молвы*, А. С. Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Аксаковъ проклинаетъ *Молву*; хотя подписка идетъ хорошо, но вражда кипитъ, журналы ругаются, и это его разстраиваетъ. Я отчасти этому радъ. Его premier Moscou объ общественномъ мнѣніи очень недуренъ или, лучше сказать, просто хорошъ, и очень смѣлъ. Пошлите хоть что нибудь въ *Молву*. Я туда маленькіе вклады посылаю" [115]).

Между тѣмъ, передовыя статьи К. С. Аксакова возбуждали неудовольствіе въ С.-Петербургѣ и обратили на себя вниманіе цензуры. Но особенное вниманіе обратили на себя двѣ нижеслѣдующія передовыя статьи.

23 августа 1857 года, Аксаковъ писалъ: „Трудъ есть долгъ человѣка, есть его нормальное состояніе на землѣ. Только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнью. Каковъ бы ни былъ трудъ: вещественное ли это обработываніе земли, работа ли это напряженной мысли—все равно. Въ потѣ лица снѣсти хлѣбъ свой—вотъ удѣлъ и долгъ человѣка.

Жизнь не есть удовольствіе, какъ думаютъ нѣкоторые: жизнь есть подвигъ, заданный каждому человѣку, жизнь есть трудъ. Худо, если человѣкъ, изъ талантовъ, ему Богомъ дарованныхъ, дѣлаетъ себѣ легкое самоуслажденіе, а не смотритъ на нихъ, какъ на тяжелые долги, которые онъ обязанъ выплатить съ лихвою. Все человѣчество трудится. Всюду кипитъ трудъ, разнообразно совершаемый народами, отдѣль-

ными лицами. Худо тѣмъ, которые нарушаютъ законъ труда, данный человѣчеству, и праздно наслаждаются плодами чужихъ трудовъ.

Благословенъ трудъ, и да всякій совершитъ его всею свободною совокупностью силъ своихъ! Не всѣмъ, однако, людямъ данъ удѣлъ вольнаго труда. Мы видимъ, напримѣръ, въ Америкѣ Негровъ, работающихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольничій трудъ Мы видимъ это и сердце наше скорбитъ...

Трудъ святъ и воленъ по существу своему. Вольный трудъ—споръ и плодоносенъ; съ нимъ миръ и спокойствіе.

Твердо уповаемъ, что Господь благословитъ и всѣхъ людей своихъ благословеніемъ вольнаго труда".

Другую статью свою (30 августа 1857 года), Аксаковъ посвящаетъ Русской одеждѣ и пишетъ: „Одежда есть одно изъ выраженій духа человѣческаго. Самый образъ свой человѣкъ сдѣлалъ измѣнчивымъ и подчинилъ владычеству идеи. Духъ вѣка, духъ народности выражается въ одеждѣ, самомъ естественномъ, простомъ и свободномъ проявленіи смысла человѣческаго.

Одежда есть въ тоже время дѣло народнаго и личнаго вкуса, дѣло эстетическаго чувства. Принужденіе не должно имѣть мѣста въ дѣлѣ одежды; странно было бы насиловать вкусъ народа или человѣка. Очень естественно, что въ одеждѣ своей человѣкъ можетъ быть воленъ, какъ въ своей прическѣ, въ походкѣ, въ манерахъ и т. п. Одежда должна только подлежать общественному мнѣнію, не имѣющему въ себѣ ничего насильственнаго.

Верхніе классы Россіи давно уже носятъ одежду иностранную; полтораста лѣтъ тому назадъ введена она была въ Россію;—какимъ образомъ—объ этомъ говоритъ Исторія.

Славянофиловъ упрекаютъ въ томъ, что они хотѣли бы воротиться къ Русской одеждѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мнѣніе ихъ не ясно понято. Славянофилы вовсе не желаютъ, чтобъ Русская одежда была *введена:* въ такомъ

случаѣ они предпочли бы лучше иностранное платье, чѣмъ Русское, *насильно вводимое.* Славянофилы желаютъ лишь одного: *чтобъ всякій могъ одѣваться, какъ кто хочетъ,* и чтобъ Русское платье было дозволено въ Россіи, какъ дозволено въ Россіи платье иностранное. Такимъ образомъ, была бы снята съ Русской одежды полуторастолѣтняя опала.

Тогда для всякаго, кто *пожелаетъ* носить Русскую одежду, *можно* будетъ надѣть ее. Вотъ все, что желаютъ Славянофилы, въ вопросѣ объ одеждѣ" [116]).

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 2 октября 1857 года, мы встрѣчаемъ слѣдующую любопытную отмѣтку: „Съ Оболенскимъ (княземъ Дмитріемъ Александровичемъ) о Константинѣ Николаевичѣ, о пребываніи въ Варшавѣ: являться въ Русскомъ сарафанѣ, въ Русской одеждѣ, которая преслѣдуется дома".

Вышеприведенныя передовыя статьи дали поводъ тогдашнему товарищу министра Народнаго Просвѣщенія князю П. А. Вяземскому написать дружеское письмо автору ихъ, К. С. Аксакову. 10 сентября 1857 года, изъ Лѣснаго, князь Вяземскій писалъ: „Народная молва вамъ приписываетъ *Молву,* или по крайней мѣрѣ передовую батарейную статью ея, которая, подъ заглавіемъ *Москва,* палитъ и жаритъ изо всѣхъ орудій... Нынѣ обращаютъ снова мое вниманіе на №№ 20 и 21, а именно на мѣста, въ которыхъ говорится о вольномъ трудѣ и о трудѣ невольномъ и о вольномъ и невольномъ туалетѣ. Историческій, наслѣдственный вопросъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, есть, безъ сомнѣнія, вопросъ, надъ которымъ призадуматься можно и который каждаго благомыслящаго человѣка долженъ озабочивать. Но вы сами согласитесь, что это вопросъ щекотливый и жгучій, и потому самимъ Правительствомъ изъятый изъ среды вопросовъ, предоставленныхъ гласному печатному сужденію и журнальной полемикѣ. Вопросъ сей взяло Правительство на свое рѣшеніе и, такъ сказать, подъ свою отвѣтственность. Слѣдовательно, не для чего, вопреки извѣстнымъ и положительнымъ распоряженіямъ

его, вскользь и побочно, поднимать его отвлеченными и риторическими фразами, въ которыхъ нѣтъ никакихъ новыхъ поясненій и доводовъ и не пріискивается ключа къ открытію ларчика, который вовсе *не просто открывается.* Упованіе на водворенье *вольнаго труда*—утопія, которая можетъ сбить съ толку трудящихся. Большая часть труда особенно того, который совершается въ потѣ лица, есть трудъ *по нуждѣ,* а вовсе не изъ доброй воли. Трудъ есть наказаніе свыше человѣческому роду и слѣдствіе первороднаго грѣха. Спросите у вольныхъ работниковъ Англіи и Франціи, что думаютъ они о своемъ вольномъ трудѣ, который запираетъ ихъ часовъ на двѣнадцать и болѣе въ сутки въ душныя фабрики, чтобы выработать себѣ и дѣтямъ своимъ кусокъ насущнаго хлѣба. Спросите этихъ вольныхъ работниковъ, во что обходится имъ и чѣмъ для нихъ кончаются ихъ grèves, когда вздумаютъ они возвысить заработную плату свою. Нечего смотрѣть вамъ въ Америкѣ на Негровъ. И въ вольной Англіи бѣдные люди совершаютъ невольничій трудъ, потому что ручной, физическій трудъ есть почти всегда и вездѣ неволя. Вводить въ искушеніе несбыточными мечтаніями и эффектными фразами меньшую братію грѣшно и ужъ вовсе неправославно".

Далѣе, князь Вяземскій обращается къ *вольному* и *невольному туалету* и продолжаетъ: „Частными предписаніями высшаго начальства, такъ называемая Русская одежда не допускается равно всѣмъ сословіямъ. Сей вопросъ оффиціально или полицейски рѣшенъ. Здѣсь уже не мѣсто выводить печатно, *чего желаютъ Славянофилы въ вопросѣ объ одеждѣ.* Во первыхъ, смѣшно признавать за собою прозвище, которое на смѣхъ пущено было Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ, въ *Буяновѣ.* Но это въ сторону. Дѣло въ томъ, что, во избѣжаніе соблазна и безпорядка, остается покориться распоряженію полиціи. Это—обязанность каждаго благоразумнаго человѣка. Иначе дѣлаешь оппозицію, и какую? Совершенно ребяческую, неприличную взрослымъ людямъ. Все это говоритъ вамъ не товарищъ министра, а человѣкъ, которому

минуло шестьдесятъ пять лѣтъ, который почти весь свой вѣкъ, хорошо или худо, провелъ съ перомъ въ рукѣ, который уважаетъ всякое частное убѣжденіе, хотя не всегда съ нимъ соглашается. А потому я позволяю себѣ говорить съ вами откровенно. Если вы, въ пылу убѣжденій своихъ, не хотите оберегать себя и ту частичку благоразумной свободы, — все въ мірѣ относительно, — которою нынѣ пользуется печать и журналистика: то мы, хладнокровные и присяжные зрители и цѣнители того, что печатается, должны, изъ любви къ Литературѣ, изъ сочувствія и уваженія къ званію писателей, оберегать васъ отъ васъ самихъ и отъ недоброжелателей вашихъ въ особенности и Литературы вообще. Сдѣлайте одолженіе, во имя Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, заколотите нѣсколько нескромныхъ пушекъ на вашей батареѣ. Берите примѣръ съ главныхъ нашихъ учителей. Поле для подвиговъ вашихъ остается еще обширное и многоплодное. Воздержитесь, ради Бога, отъ пальбы въ заповѣдныя мѣста. Спросите батюшку вашего: онъ страстный охотникъ, но и онъ вамъ скажетъ, что охота имѣетъ свои законы, свои ограниченія. Въ чужихъ дачахъ охотиться не дозволяется, а тѣмъ паче въ казенныхъ. Аминь. Надѣюсь, что все сказанное мною примите какъ оно было сказано, то есть, съ любовью и добродушіемъ" [117]).

Но К. С Аксаковъ не внялъ дружескому и благоразумному совѣту собрата, и въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Молвы* разразился статьею, которая прекратила недолгіе дни *Молвы*.

Аксаковъ писалъ: „Было время, когда у насъ не было публики. Возможно ли это? скажутъ мнѣ. Очень возможно и совершенно вѣрно: у насъ не было публики, а былъ народъ. Это было еще до построенія Петербурга. Публика—явленіе чисто западное, и была заведена у насъ вмѣстѣ съ разными нововведеніями. Она образовалась очень просто: часть народа отказалась отъ Русской жизни, языка и одежды, и составила публику, которая и всплыла надъ поверхностью. Она-то,

публика, и составляетъ нашу постоянную связь съ западомъ; выписываетъ оттуда всякія, и матеріальныя, и духовныя наряды, преклоняется передъ нимъ, какъ передъ учителемъ, занимаетъ у него мысли и чувства, платя за это огромною цѣною: временемъ, связью съ народомъ и самою истиною мысли. Публика является надъ народомъ, какъ будто его привилегированное выраженіе; въ самомъ же дѣлѣ публика есть искаженіе идеи народа.

Разница между публикою и народомъ у насъ очевидна (мы говоримъ вообще, исключенія сюда нейдутъ).

Публика подражаетъ и не имѣетъ самостоятельности: все, что принимаетъ она чужое,—принимаетъ она наружно, становясь всякій разъ сама чужою. Народъ не подражаетъ и совершенно самостоятеленъ; а если что приметъ чужое, то сдѣлаетъ это своимъ, усвоитъ. У публики свое обращается въ чужое. У народа чужое обращается въ свое. Часто, когда публика ѣдетъ на балъ, народъ идетъ ко всенощной; когда публика танцуетъ, народъ молится. Средоточіе публики въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ. Средоточіе народа—Кремль.

Публика выписываетъ изъ-за моря мысли и чувства, мазурки и польки: народъ черпаетъ жизнь изъ родного источника. Публика говоритъ по-Французски, народъ по-Русски. Публика ходитъ въ Нѣмецкомъ платьѣ, народъ—въ Русскомъ. У публики—Парижскія моды. У народа—свои Русскіе обычаи. Публика (большею частію по крайней мѣрѣ) ѣстъ скоромное, народъ ѣстъ постное. Публика спитъ, народъ давно уже всталъ и работаетъ. Публика работаетъ (большею частію ногами по паркету); народъ спитъ или уже встаетъ опять работать. Публика презираетъ народъ: народъ прощаетъ публикѣ. Публикѣ всего полтораста лѣтъ, а народу годовъ не сочтешь. Публика преходяща; народъ вѣченъ. И въ публикѣ есть золото и грязь, и въ народѣ есть золото и грязь; но въ публикѣ грязь въ золотѣ; въ народѣ — золото въ грязи. У публики — свѣтъ (monde, балы и проч.); у на-

рода — міръ (сходка). Публика и народъ имѣютъ эпитеты: публика у насъ—почтеннѣйшая, а народъ—православный.

Публика, впередъ! Народъ назадъ! такъ воскликнулъ многозначительно одинъ хожалый" [118]).

Статья эта, какъ и слѣдовало ожидать, произвела въ Петербургѣ очень непріятное впечатлѣніе.

23 декабря 1857 года, министръ Народнаго Просвѣщенія писалъ помощнику попечителя Московскаго Учебнаго Округа графу А. С. Уварову, между прочимъ, слѣдующее: „Въ *Молвѣ* напечатана весьма неумѣстная и по духу, и по выраженіямъ, статья подъ заглавіемъ *Опытъ Синонимовъ—Публика—Народъ*. Подобныя опредѣленія могутъ только служить къ возбужденію враждебныхъ соотношеній между различными сословіями общества. Выставлять низшихъ членовъ общества образцами всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, а высшихъ примѣрами всѣхъ возможныхъ недостатковъ и нравственныхъ слабостей — вредно и пагубно по послѣдствіямъ, которыя подобные лжеумственные парадоксы могутъ повлечь за собою. Особенно же въ нынѣшнее время"...

Цензоромъ *Молвы* былъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, и А. С. Норовъ на этомъ оффиціальномъ письмѣ собственноручно прописалъ: „Прибавляю къ сему, что единственно по уваженію къ лицу, чрезъ ходатайство коего г. Гиляровъ назначенъ цензоромъ, я ограничиваюсь нынѣ (выговоромъ).

Вмѣстѣ съ симъ прошу, ваше сіятельство, поручить цензированіе *Молвы* цензору Безсомыкину и увѣдомить меня съ первою почтою, кто авторъ упомянутой статьи".

Не довольствуясь этимъ, А. С. Норовъ сдѣлалъ объ этой статьѣ К. С. Аксакова, 24 декабря 1857 года, особый всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ, кромѣ того писалъ, что многія статьи, помѣщаемыя въ *Молвѣ* „отличаются направленіемъ, которое не согласуется вполнѣ, ни съ правилами цензуры, ни съ тѣми благонамѣренными началами, которыя должны служить основаніемъ каждому литературному произведенію".

Государь на этомъ докладѣ собственноручно начерталъ карандашемъ слѣдующее: *Статья эта мнѣ извѣстна. Нахожу что она написана въ весьма дурномъ смыслѣ. Объявить Редакціи Молвы, что если и впредь будутъ замѣчены подобныя статьи, то газета сія будетъ запрещена, а редакторъ и цензоръ подвергнутся строгому взысканію*".

Между тѣмъ, такъ еще недавно, 15 іюля 1856 года, князь П. А. Вяземскій, писалъ Н. П. Гилярову-Платонову слѣдующее: „Литературный народъ въ Москвѣ очень добросовѣстенъ и въ глубинѣ души своей благонамѣренъ; я этому вѣрю вполнѣ. Но онъ вовсе не практическій, пишетъ часто безъ оглядки и безъ догадки. Въ Москвѣ цензоръ долженъ быть смѣтливъ и догадливъ за себя и за писателя" [119]).

А. А. Григорьевъ писалъ Погодину, что „Константинъ Аксаковъ погубилъ *Молву*"; а самъ Погодинъ, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 25 октября 1857 года, записалъ: „Павловъ (Николай Филипповичъ), между прочимъ, сказалъ о руганьяхъ меня Аксаковымъ во время оно. Грустно. Я не предполагалъ ихъ, а охлажденіе видѣлъ, вслѣдствіе осужденія мною дѣйствій Константина".

Любопытно, что самъ графъ Н. Х. Граббе, прочитавъ статью Аксакова, замѣтилъ: „Статья Аксакова *Публика и Народъ* — это зажженный пальникъ, брошенный въ пороховой погребъ; это болѣе чѣмъ ошибка въ наше взволнованное время".

Въ томъ же духѣ писалъ и В. А. Мухановъ: „Въ Москвѣ, въ журналѣ *Молва*, явилась статья *Публика и Народъ*. Статья произвела раздраженіе. Всѣ напали на министра Просвѣщенія. Рѣшительно есть люди, которымъ всего мало, пока нѣтъ безпорядковъ". Въ Дневникѣ же своемъ, подъ 24 января, В. А. Мухановъ сообщаетъ слѣдующее: „У Аксакова, автора статьи *Публика и Народъ*, украли въ церкви часы, и вмѣсто ихъ положили въ карманъ записку, въ которой написано: „Пока публика молилась, народъ укралъ у васъ часы" [120]).

XXXVI.

По окончаніи *Семейной Хроники*, С. Т. Аксаковъ началъ писать *Дѣтскіе годы Багрова-внука.* 15 ноября 1856 года, онъ писалъ И. С. Тургеневу: „Я занятъ теперь такимъ дѣломъ, о которомъ хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе. Я боюсь, попалъ ли я на настоящій тонъ, и не нужно ли измѣнить самые пріемы: я пишу книгу для дѣтей, разумѣется, не маленькихъ, а такихъ, которымъ около двѣнадцати лѣтъ. Я ничего не придумалъ лучшаго, какъ написать исторію ребенка, начавъ ее со времени баснословнаго, доисторическаго и проведя его сквозь всѣ впечатлѣнія жизни и природы, жизни преимущественно деревенской. Какъ бы мнѣ хотѣлось сію же минуту прочесть вамъ нѣсколько тетрадей! Разумѣется, тутъ нѣтъ никакой поддѣлки подъ дѣтскій возрастъ и никакихъ нравоученій. Чувствую, что можно бы сдѣлать дѣло немаловажное, но никакъ не смѣю надѣяться на удачное исполненіе". Тургеневъ, получивъ это извѣстіе, писалъ С. Т. Аксакову: „Ваша мысль написать исторію ребенка для дѣтей— прекрасна, и я увѣренъ, что вы исполните ее, какъ нельзя лучше, съ этою эпическою ясностью и простотой, которая составляетъ вашу особенность между пишущей братіей" [121]).

Погодинъ доставилъ С. Т. Аксакову, какую-то старинную, книжку, по поводу которой Аксаковъ, 19 ноября 1856 года, писалъ: „Очень благодарю васъ за *Дѣтское Чтеніе.* Ровно черезъ шестьдесятъ лѣтъ взялъ я въ руки эти драгоцѣнныя тогда для меня книжки и пораженъ былъ изумленіемъ. Я нигдѣ не видывалъ такого отсутствія пониманія предмета, какъ тутъ, а между тѣмъ книжки производятъ сильное и благотворное впечатлѣніе. Это сбиваетъ меня съ толку относительно моихъ настоящихъ понятій".

Подъ 9 ноября 1856 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдалъ у Аксаковыхъ съ Томашевскимъ. Слу-

шалъ книгу для дѣтей. Нѣтъ, это не для дѣтей. Это продолженіе *Воспоминаній*".

Къ лѣту 1857 года, *Дѣтскіе годы Багрова-внука* были окончены, и авторъ ихъ писалъ Погодину: „Я кончилъ свою книгу 19 іюня. Цѣлыя сутки грустилъ какъ дитя. Не знаю, хорошъ ли мой трудъ, но души своей я много туда положилъ, потому что чувствую какую-то пустоту" [122]). Тоже писалъ онъ и своему сыну Ивану: „*Дѣтскіе годы* кончилъ, работалъ ровно восемь мѣсяцевъ ... Я самъ знаю, что много въ нихъ есть такого, что выше всего написаннаго мною. Вообрази, что я грустилъ, какъ дитя, кончивъ свою работу. Я много положилъ въ ней души, не знаю почувствуютъ ли это читатели"?

И. С. Аксаковъ былъ противъ печатанія этого сочиненія отрывками въ журналахъ. Изъ Рима, въ іюлѣ 1857 года, онъ писалъ своему отцу: „Не смотря на все мое желаніе, чтобы вы участвовали въ *Бесѣдѣ*, я можетъ быть, не посовѣтовалъ бы вамъ давать въ нее отрывокъ изъ новаго вашего сочиненія, потому что, чтобы вполнѣ оцѣнить его, надобно стать на точку дѣтскаго воззрѣнія. До сихъ поръ все читали воспоминанія и разсказы взрослаго, и вдругъ, неприготовленная публика ухватится съ жадностію за чтеніе воспоминаній того же автора о тѣхъ же лицахъ, по разсказанныхъ, переданныхъ подъ другимъ угломъ зрѣнія. Цѣлое сочиненіе, разомъ вышедшее, другое дѣло" [123]).

Въ семейной жизни А. С. Хомякова, годъ 1857-й былъ годомъ неблагополучнымъ.

26 января, онъ тяжко заболѣлъ. „Пишу къ вамъ изъ дома Хомякова",—читаемъ въ письмѣ Кошелева къ А. Н. Попову,—„онъ занемогъ въ субботу 26-го очень тяжко; къ тому присоединилось то, что лѣчиться не согласился иначе какъ гомеопатически; въ воскресенье его болѣзнь усилилась; во вторникъ она стала уже весьма опасною. Мы всѣ жестоко перепугались; но сегодня, кажется, по милости Божіей, ему какъ бы получше. Мы дежуримъ около него. У него нача-

лось разстройствомъ желудка, воспаленіемъ въ легкихъ при тифозномъ расположеніи. Теперь тифозность пропадаетъ, но необходимъ за нимъ строжайшій присмотръ... Меня одного Алексѣй Степановичъ слушаетъ безусловно" [124]).

„Хомяковъ опасно боленъ"—писалъ Погодину С. Т. Аксаковъ,—„и кромѣ гомеопатіи, ничѣмъ не лѣчится". Въ свою очередь и П. И. Бартеневъ сообщалъ Погодину: „Вы знаете уже, что Хомякова вчера соборовали. Мысль о смерти и разныя сближенія въ дняхъ и числахъ съ кончиною жены до сихъ поръ не покидали его. Но вчера послѣ бесѣды съ духовникомъ, кажется, началась перемѣна къ лучшему. Сердце дрожитъ за него" [125]).

Болѣе утѣшительныя свѣдѣнія сообщалъ Кошелевъ А. Н. Попову, въ письмѣ своемъ, отъ 6 февраля 1857 года: „Болѣзнь Хомякова началась простудою и разстройствомъ желудка. Въ субботу, 26 января (день кончины Екатерины Михайловны), онъ не могъ встать съ постели, потому и не былъ у обѣдни заупокойной, что̀ на него очень сильно подѣйствовало. 28-го уже онъ былъ плохъ; 30-го онъ былъ отчаянно боленъ; 31-го—соборовали его масломъ, а 1-го февраля онъ пріобщался Св. Таинъ, и совершенно приготовился къ смерти. Къ вечеру стало ему уже нѣсколько лучше; но 2-го февраля онъ хорошо спалъ, и болѣзнь пошла на убавку. Съ 4-го онъ былъ внѣ опасности" [126]).

Въ тотъ же день, т.-е. 6 февраля, и И. С. Аксаковъ писалъ Е. И. Елагиной: „Знаете ли вы о болѣзни Хомякова? Какъ мы перепугались! Онъ спасенъ, конечно, милостію Божіею, но при ней и уходомъ друзей и гомеопатіей. Впрочемъ, самая болѣзнь еще не такъ была страшна, сколько страшно было его убѣжденіе: съ перваго дня болѣзни (у него сдѣлалось воспаленіе легкихъ или что-то въ этомъ родѣ съ тифознымъ характеромъ) онъ объявилъ, что умретъ въ Срѣтеніе и приказалъ собрать постель, на которой умерла (его жена) Катерина Михайловна и хотѣлъ лечь на нее, но кашель не далъ. Заболѣлъ онъ въ день ея смерти; послѣдній

разговоръ его въ обществѣ былъ о томъ же, о чемъ и послѣдній разговоръ съ Катериной Михайловной. Словомъ, всѣ совпавшія вмѣстѣ обстоятельства сильно на него подѣйствовали. Страннымъ казалось бы это суевѣріе въ Хомяковѣ, еслибъ не объяснялось тѣмъ, что онъ видѣлъ въ немъ милостивое предвареніе Божіе о томъ, чтобъ онъ приготовился къ смерти. И онъ говорилъ мужественно, серьезно, совершенно убѣжденный въ близкомъ концѣ. Онъ соборовался въ четвергъ и исповѣдывался, а въ пятницу причастился, воображая притомъ, что Срѣтеніе въ пятницу: разумѣется, никто не хотѣлъ выводить его изъ заблужденія. Но пятница же была и седьмымъ днемъ. Онъ призвалъ сына, объявилъ ему, что умретъ въ тотъ же или на другой день, велѣлъ даже платье приготовить, ждалъ смерти. Она не пришла. Къ вечеру ему сдѣлалось лучше, наступила суббота, срокъ прошелъ, и онъ убѣдился, что Богъ позволяетъ ему еще жить. Съ тѣхъ поръ ему все лучше и лучше, веселость возратилась, но онъ еще очень слабъ и въ постели. Я увѣренъ, что это событіе будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на его жизнь“ [127]).

Но Погодинъ не переставалъ заботиться о здоровьѣ Хомякова и по его выздоровленіи. Онъ писалъ ему: „Рѣшаюсь написать къ тебѣ слова два покрупнѣе о твоей болѣзни, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ. Мнѣ кажется, ты смотришь на нее все-таки слегка или даже шутя. Наружность твоя не понравилась мнѣ въ послѣдній разъ, не смотря на выздоровленіе. Теперь я слышу о какой-то лихорадкѣ.

Верзися долу, сказалъ сатана Христу.

Не искусиши Господа Бога твоего, отвѣтилъ Христосъ.

Еслибы ты принадлежалъ одному себѣ, ты могъ бы располагать собою по произволенію, но ты принадлежишь семейству,— и Отечеству, которыя имѣютъ право подать голосъ въ своемъ дѣлѣ. Ты не думаешь о нихъ, сидя на своемъ конькѣ, и представляешь собою Донъ-Кишота гомеопатіи. Отдаю ей полную справедливость, но родъ человѣческій жилъ

вѣдь безъ нея тысячи лѣтъ, и смертность съ нею нимало не уменьшилась. Въ случаяхъ нейтральныхъ, дѣлай, пожалуй, опыты, но гдѣ рѣчь идетъ о жизни, и такой жизни, тамъ неумѣстенъ твой гомеопатическій point d'honneur. Съ великимъ умомъ природа отпустила тебѣ маленькую дозу придури, и я совѣтовалъ бы тебѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдаваться на чужой судъ. Говорю искренно, ибо смѣю думать, что въ моемъ къ тебѣ почтеніи, кромѣ давней пріязни, ты сомнѣваться не можешь, и моею любовію внушаемаго совѣта, не примешь въ худую сторону. И такъ, пригласи Овера и еще человѣкъ двухъ врачей поумнѣе, вмѣстѣ съ твоими Самарянами, и выслушай безпристрастно ихъ мнѣніе. Если они не увидятъ ничего важнаго въ твоемъ положеніи, потѣшайся, какъ угодно, а если скажутъ что нибудь рѣшительно, то послушайся. Dixi et salvavi animam. Обнимаю" [128]).

Получивъ самъ исцѣленіе отъ угрожавшей ему смертной болѣзни, Хомяковъ въ томъ же 1857 году, 24 іюля, похоронилъ почтенную старицу, свою мать.

„Письмо твое",—писалъ онъ Кошелеву,—„застало меня въ то время, когда я изъ Москвы перевозилъ въ деревню гробъ матушки. Скончалась не болѣзнію, а истощеніемъ силъ... Грустно, что ея уже нѣтъ; не говорю о ней какъ о матери моей или даже какъ о женщинѣ, истинно и глубоко добродѣтельной, но говорю какъ о добромъ и почтенномъ образчикѣ прежней эпохи. Много ли женщинъ или мужчинъ среднихъ лѣтъ, а подавно молодыхъ, въ которыхъ такъ сильно развиты были интересы серьезно-религіозные, политическіе и общественные? Въ ней безспорно отражалась эпоха крѣпкая, Екатерининская, съ лучшей ея стороны. Духовное ея существо не было ни разварено (отъ 1800 до 1825), ни придавлено (отъ 1825 до 1855). Мнѣ очень грустно и немножко странно, что некому меня дома бранить. Кажется бы много далъ, чтобы опять слышать тѣ комплименты, которыми иногда она меня такъ щедро надѣляла".

„Тяжела мнѣ моя послѣдняя потеря",—писалъ Хомяковъ

М. С. Мухановой,—„можетъ быть болѣе, чѣмъ я самъ думалъ. Ея лѣта, ея со дня на день слабѣющее здоровье заставляли меня ожидать ея кончины, и ожиданіе должно бы, повидимому, притуплять до нѣкоторой степени самую горесть; но въ матушкѣ была еще такая живость чувства и мысли, что, казалось, смерть еще не такъ близка и что сперва отзовется ея приближеніе на умъ и сердце, а потомъ только возьметъ она всѣ свои права. Вышло не такъ. Тѣло разрушилось, а душа до послѣдняго дня сохраняла всѣ свои силы. Разумѣется, я не говорю о послѣднихъ уже часахъ; но за сутки съ небольшимъ она разсуждала о дѣлахъ домашнихъ, о строеніи церкви, о судьбахъ Россіи, какъ и прежде въ полномъ здоровьи. Много настрадалась она въ жизни, и тяжело было ея поприще, прежде чѣмъ она пришла къ отдыху; но и не безполезна была эта жизнь и много добрыхъ воспоминаній связано съ нею. Она, смѣю это сказать, была благороднымъ и чистымъ образчикомъ своего времени, и въ силѣ ея характера было что-то принадлежащее эпохѣ, болѣе крѣпкой и смѣлой, чѣмъ эпохи послѣдовавшія. Что до меня касается, то знаю, что во сколько я могу быть полезенъ, ей обязанъ я: и своимъ направленіемъ, и своею неуклончивостію въ этомъ направленіи, хотя она этого и не думала. Счастливъ тотъ, у кого была такая мать и наставница въ дѣтствѣ, а въ то же время какой урокъ смиренья даетъ такое убѣжденіе! Какъ мало изъ того добраго, что есть въ человѣкѣ, принадлежитъ ему? И мысли по большей части сборныя, и направленіе мыслей заимствованное отъ первоначальнаго воспитанія. Что же его-то собственно“?

Въ письмѣ же къ С. Т. Аксакову, Хомяковъ писалъ: „Она была хорошій и благородный образчикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучшіе, разумѣется) представители этого времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоувѣренной. Была какая-то привычка къ

широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Для матушки общее дѣло было всегда и частнымъ ея дѣломъ. Нынѣшній годъ она послѣ тарифа нѣсколько дней не хотѣла даже, чтобъ у нея спрашивали про ея здоровье и очень удивила Свербееву тѣмъ, что на ея вопросъ отвѣчала: „Что вы тутъ толкуете о здоровьи старухи, когда раззоряютъ всѣхъ купцовъ! Вотъ вы объ чемъ должны теперь говорить“ [129])!

Но въ то же время, не взирая на невзгоды житейскія, Хомяковъ погруженъ былъ въ Богословіе полемическое, и по поводу разныхъ сочиненій Латинскихъ и Протестантскихъ о предметахъ вѣры, писалъ на Французскомъ языкѣ брошюру, которую, въ 1858 году, Брокгаузъ издалъ въ Лейпцигѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Еще нѣсколько словъ Православнаго Христіанина о Западныхъ Вѣроисповѣданіяхъ*. Брошюра эта заключается слѣдующими замѣчательными словами: „Три голоса громче другихъ слышатся въ Европѣ:

Повинуйтесь и вѣруйте моимъ декретамъ,—это говоритъ Римъ.

Будьте свободны и постарайтесь создать себѣ какое-нибудь вѣрованіе,—это говоритъ Протестантство.

А Церковь взываетъ къ своимъ:

Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа“ [130]).

Въ это время, Москву посѣтилъ нашъ Парижскій протоіерей Іосифъ Васильевичъ Васильевъ и познакомился съ Хомяковымъ. „Былъ у меня“,—писалъ послѣдній къ Кошелеву,—„нашъ Парижскій священникъ, и я очень радъ, что съ нимъ познакомился. Онъ мнѣ говорилъ о тѣхъ двухъ брошюрахъ, и вотъ между прочимъ отзывъ, который, кажется мнѣ, долженъ быть вѣренъ“. Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобы онѣ подѣйствовали и въ комъ нибудь произвели убѣжденіе, но они рѣшительно произвели страхъ въ томъ смыслѣ, что кто ихъ читалъ (изъ иновѣрцевъ), потомъ рѣшительно избѣгаетъ спора. Многіе мои знакомые изъ католиковъ, съ

которыми въ прежнее время у меня бывали пренія, теперь вовсе отъ нихъ отказываются, а если къ нимъ начнешь приступать, то отвѣтъ одинъ: Eh, monsieur. On peut tout prouver avec un certain abus de la logique. Одинъ сказалъ мнѣ: L'Orient vous a transmis le don du sophisme. Болѣе же ничего ни отъ кого и добиться не могъ".—Отзывы Протестантовъ также нестерпимы; но все равно. Логическую основу положить нужно, и я не думаю, чтобы я даромъ работалъ"...

Въ письмѣ своемъ къ М. С. Мухановой, Хомяковъ сообщаетъ слѣдующій отзывъ журнала *Repertorium* о его богословскихъ брошюрахъ: „Книга стоитъ отвѣта, но совѣтуемъ возражателямъ приняться за дѣло, сильно обдумавъ свои возраженія. Она похожа на укрѣпленія Севастопольскія, и ея легкимъ боемъ не возьмешь. Во всякомъ случаѣ, должно признаться, что Россія крѣпка не одними вещественными силами" [131]).

XXXVII.

Въ самый годъ основанія *Русской Бесѣды*, Москву посѣтилъ близкій ей по духу Владиміръ Ивановичъ Ламанскій.

Прежде чѣмъ скажемъ о цѣли его пріѣзда въ Москву, познакомимся поближе съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, немало потрудившемся на словесной нивѣ.

В. И. Ламанскій родился въ С.-Петербургѣ, 26 іюня 1833 года.

Въ письмѣ своемъ къ министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнину, отъ 18 февраля 1862 г., Ламанскій сообщилъ о себѣ слѣдующія автобіографическія свѣдѣнія: „Выпущенный",—пишетъ онъ,—„изъ 1-й С.-Петербургской Гимназіи съ первою золотою медалью, я поступилъ въ 1850 г. въ С.-Петербургскій Университетъ, на Историко-Филологическій Факультетъ, и обратился преимущественно къ занятіямъ Славянскими литературами. За диссертацію *), напи-

*) Разсужденіе объ языкѣ *Русской Правды*. *Н. Б.*

санную мною на задачу по каѳедрѣ Славянскихъ нарѣчій, Историко-Филологическій Факультетъ удостоилъ меня серебряной медали. Черезъ годъ по выходѣ изъ Университета, въ 1855 году, я опредѣлился въ Императорскую Публичную Библіотеку, съ намѣреніемъ, избравъ такую должность, которая бы мнѣ позволяла продолжать мои ученыя занятія. Въ 1858 году, я выдержалъ экзаменъ на степень магистра, а въ слѣдующемъ году представилъ въ Факультетъ диссертацію *О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи*, по публичномъ защищеніи которой, Факультетъ призналъ меня магистромъ. Академія Наукъ удостоила это сочиненіе напечатанія въ одномъ изъ своихъ изданій и присудила мнѣ за него половинную Демидовскую премію".

Въ то время Ламанскій написалъ свою знаменитую записку *О распространеніи знанія въ Россіи*, и съ нею онъ пріѣхалъ въ Москву. 20 декабря 1856 года, Кошелевъ писалъ Погодину: „Вотъ г. Ламанскій. У него въ головѣ славная мысль. Онъ вамъ ее сообщитъ и дастъ записку прочесть. Вѣрно вы его примите сочувственно" [132]). Но Погодинъ, еще до полученія этого письма, уже успѣлъ познакомиться съ Ламанскимъ, и въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ:

Подъ *12 декабря 1856 года*: „Ламанскій о распространеніи знаній".

— *14* — —: „Вечеромъ Ламанскій о распространеніи знаній, дѣятеляхъ, опасностяхъ и проч.".

— *23* — —: „Ламанскій. Досаду производитъ молодое вранье объ Исторіи".

— *25* — —: „Съ Ламанскимъ".

Въ эти посѣщенія, Погодинъ прочелъ Ламанскому только что написанное письмо свое къ В. П. Титову, о воспитаніи Наслѣдника Русскаго Престола.

Записка Ламанскаго еще въ рукописи произвела сильное впечатлѣніе, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. 21 января 1857 года, В. П. Титовъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдъ у Блудовыхъ. А. Н. Поповъ обѣщаетъ со-

общить проектъ юноши Ламанскаго объ изданіи на Русскомъ языкѣ систематическаго собранія статей, передѣлываемыхъ или переводимыхъ изъ современныхъ западныхъ литературъ, о разныхъ ученыхъ предметахъ или курсахъ, изложенныхъ съ особливою цѣлью распространить общеполезныя практическія свѣдѣнія между свѣтскими людьми, и вообще между читающимъ классомъ всѣхъ сословій" [133]).

Но записка Ламанскаго была напечатана не въ *Русской Бесѣдѣ*, какъ бы слѣдовало ожидать, а въ *Современникѣ*, съ слѣдующимъ заявленіемъ Редакціи: „Просимъ гг. читателей и всѣхъ вообще гг. литераторовъ и ученыхъ обратить особенное вниманіе на записку В. И. Ламанскаго—*О распространеніи знаній въ Россіи.* Въ рукописи этотъ проектъ былъ прочитанъ многими изъ ученыхъ и литераторовъ обѣихъ нашихъ столицъ, и въ каждомъ изъ читавшихъ, основная мысль проекта возбуждала живое участіе и полное одобреніе, какъ своею вѣрностью, такъ и полностью" [134]).

По напечатаніи записки, появились слѣдующія замѣчанія на нее К. С. Аксакова: „Въ 5-мъ номерѣ *Современника* помѣщена статья г. Ламанскаго *О распространеніи знаній въ Россіи.* Статья эта исполнена искреннимъ и глубокимъ желаніемъ Просвѣщенія родной странѣ, желаніемъ, которому невозможно не сочувствовать. Читая эту статью, видимъ, что здѣсь не перо одно пишетъ, но что серьезная мысль, глубокое душевное убѣжденіе, искренняя любовь ко благу, къ Просвѣщенію, проникаютъ каждое выраженіе, каждое слово.

Авторъ находитъ у насъ очень мало руководствъ и вообще книгъ по разнымъ наукамъ. Для этого онъ считаетъ необходимымъ обратиться, всего болѣе, къ переводамъ, такъ какъ нашими западными сосѣдями сдѣлано много въ научномъ отношеніи, въ чемъ, конечно, никто спорить не станетъ. Необходимость переводовъ хорошихъ книгъ съ иностраннаго изданія популярныхъ руководствъ—понятна. Для достиженія этой цѣли, для доставленія грамотному Русскому міру 1) популярныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ знанія,

2) переводовъ классическихъ иностранныхъ сочиненій по всѣмъ наукамъ, авторъ считаетъ необходимымъ учредить общество, думая, что дѣятельность совокупная будетъ успѣшнѣе. Вполнѣ согласны съ авторомъ. Мѣстопребываніе такого общества должно быть въ Москвѣ, главномъ центрѣ Просвѣщенія. Еще разъ согласны, ибо понимаемъ значеніе Москвы, истинной столицы нашей. „Членами общества могутъ быть всѣ образованные люди, съ условіемъ ежегоднаго извѣстнаго взноса"! Мы бы сказали просто: „всѣ люди". Почему бы не могъ быть членомъ всякій, кто только въ состояніи и желаетъ внести потребуемую сумму. Далѣе, говоря о составѣ общества, г. Ламанскій полагаетъ, что оно должно раздѣляться на отдѣленія. „Члены отдѣленія рѣшаютъ, какія сочиненія достойны перевода, берутся переводить сами или отыскиваютъ переводчиковъ". Г. Ламанскій предполагаетъ еще особый совѣтъ общества, состоящій „изъ просвѣщенныхъ людей, пользующихся всеобщею извѣстностью"; онъ долженъ опредѣлять условія платы за трудъ и заботиться объ отысканіи средствъ для изданія. Особый постоянный капиталъ необходимъ для изданія книгъ. Авторъ говоритъ:

„Для того необходимо образовать, по примѣру нашихъ Славянскихъ братьевъ, съ разрѣшенія Правительства, *Русскую Матицу* или народный капиталъ изъ добровольныхъ пожертвованій, для изданія особыхъ книгъ и сочиненій".

Мысль прекрасная, и мы не знаемъ, почему бы ей не исполниться.

Съ своей стороны, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего скажемъ, что, по нашему мнѣнію, общество должно явственнѣе опредѣлить цѣль свою: распространеніе знаній въ Россіи. Оно должно сказать, что оно будетъ стараться доставлять возможность полезнаго чтенія по всѣмъ предметамъ и для всѣхъ, издавая возможно дешево и удобно, и новыя и старыя, имѣющія достоинство книги. Почтенный авторъ самъ также думаетъ. Сверхъ того, онъ полагаетъ, чтобы въ связи съ обществомъ распространенія знаній въ

Россіи, состояла и публичная библіотека въ Москвѣ, которая давно составляетъ предметъ желанія всѣхъ людей образованныхъ.

Теперь о составѣ общества.

Если дѣло пойдетъ,—чего надобно ожидать,—то количество членовъ будетъ огромно и распространено по всей Россіи. Въ такомъ случаѣ, какъ будутъ рѣшать они о достоинствѣ сочиненій?—Съѣзжаться для этого будетъ невозможно; а между тѣмъ, члены, находящіеся внѣ Москвы, могутъ имѣть и желаніе и право рѣшать о достоинствѣ сочиненій. И такъ, намъ кажется всего лучшимъ, чтобы въ каждомъ Русскомъ городѣ, гдѣ только будутъ находиться члены, они могли назначать отъ себя выборнаго, одного или двухъ (безъ ограниченія числа), избраннаго изъ ихъ среды, или изъ людей, находящихся въ Москвѣ. Этотъ выборный долженъ находиться въ Москвѣ, которая, съ своей стороны, назначаетъ тоже выборныхъ отъ себя. Изъ этихъ выборныхъ, довѣренныхъ людей, составляется совѣтъ общества, рѣшающій всѣ вопросы объ избраніи и изданіи книгъ (также и дѣла по библіотекѣ, если она будетъ). Ежегодно совѣтъ отдаетъ печатно отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, дѣйствія общества будутъ производиться людьми, назначенными общественнымъ довѣріемъ; и сверхъ того, совѣтъ общества будетъ состоять изъ представителей всѣхъ концовъ Россіи.— Сумма, взносимая членами общества, должна быть положена самая умѣренная, и равная для всѣхъ; но за то никакихъ вознагражденій членъ не имѣетъ. Тотъ, кто дастъ болѣе, не имѣетъ также никакихъ особыхъ выгодъ; пусть имъ руководитъ одно желаніе общей пользы. Члены всѣ равны; права, соединяемыя съ ихъ званіемъ, это — право выбирать и быть выбраннымъ въ совѣтъ общества и право носить званіе члена.

Члены совѣта общества пользуются безденежнымъ пріобрѣтеніемъ изданій общества, въ видѣ вознагражденія за труды свои.

Совѣтъ можетъ, когда сочтетъ нужнымъ, пригласить на обсужденіе вопроса или наличныхъ членовъ или, письменно, и отсутствующихъ. Собраніе членовъ имѣетъ значеніе чисто совѣщательное. Рѣшеніе принадлежитъ совѣту.

Совѣтъ можетъ раздѣляться на отдѣленія по предметамъ наукъ.

Выборы въ члены совѣта присылаются за руками.

Желательно было бы, чтобы совѣтъ общества распространенія знаній въ Россіи имѣлъ, съ разрѣшенія Правительства, право ходатайствовать предъ Правительствомъ по дѣламъ касающимся Просвѣщенія въ Россіи (изданіе книгъ, устройство школъ и проч.), чрезъ Императорскую Академію Наукъ; а по дѣламъ библіотеки,—чрезъ управленіе Императорской Публичной Библіотеки.

Требуемая сумма для того, чтобъ быть членомъ общества распространенія знаній въ Россіи (почему бы не назвать просто: Общество Просвѣщенія?) должно быть по нашему мнѣнію 3 р. серебромъ ежегодно (даже менѣе 3 руб. серебр.). Всякій желающій можетъ пожертвовать сверхъ того сколько ему угодно. Сумма должна быть мала особенно для того, чтобъ дать возможность принять участіе въ этомъ благомъ дѣлѣ, какъ можно большому числу Русскихъ людей.

Вотъ наши замѣчанія на прекрасную мысль г. Ламанскаго Въ заключеніе скажемъ, что мы съ удовольствіемъ прочли правдивый отзывъ его о Славянофилахъ и справедливое его утвержденіе, что Славянофилы хотятъ Просвѣщенія, хотятъ свѣта".

Записку Ламанскаго съ удовольствіемъ прочелъ и почтенный старецъ графъ П. Х. Граббе. „Статья Ламанскаго въ *Современникѣ*",—писалъ онъ,—„умная и хорошо написанная. Ей преимущественно обязанъ я часами пріятно проведенными въ кабинетѣ, удержанный невольно дурной погодой" [135]).

Въ запискѣ своей Ламанскій выразилъ желаніе объ учрежденіи въ Москвѣ публичной библіотеки, которая, какъ пи-

шетъ К. С. Аксаковъ, „давно составляетъ предметъ желанія всѣхъ людей образованныхъ“.

Мысль Ламанскаго объ учрежденіи въ Москвѣ публичной библіотеки до такой степени совпала съ общимъ желаніемъ, что иные уже стали помышлять о помѣщеніи въ этомъ желаемомъ Московскомъ книгохранилищѣ частныхъ библіотекъ. Такъ, 7-го августа 1857 года, нашъ Штутгартскій протоіерей Базаровъ писалъ Погодину: „Прибывъ на время въ Россію въ сопровожденіи Августѣйшей Невѣсты Великаго Князя *), я надѣялся представиться вамъ лично въ Москвѣ. Но, не зная еще навѣрно, удастся ли мнѣ сдѣлать предполагаемое путешествіе по Россіи, обращаюсь къ вамъ письменно съ покорнѣйшей просьбою... Послѣ смерти тестя моего, протоіерея Кочетова **), осталась библіотека, состоящая изъ тысячи пяти сотъ номеровъ различнаго содержанія. Теща моя до сихъ поръ не рѣшилась приступить къ розничной продажѣ этихъ книгъ, въ надеждѣ на то, что Духовное Вѣдомство, во уваженіе заслугъ покойнаго, купитъ у нея всю библіотеку. Но до сихъ поръ, не смотря на обѣщанія разныхъ лицъ, ничего въ пользу этого дѣла не сдѣлано. Посему она рѣшается приступить къ продажѣ книгъ порознь. И какъ слышно, что въ Москвѣ собираются устроить публичную библіотеку, то я и предложилъ тещѣ моей обратиться къ вамъ за совѣтомъ и помощію, взявшись быть ея посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Надѣясь, что вы еще сохранили маленькую память о нашемъ заграничномъ знакомствѣ, я прибѣгаю къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, почтить меня извѣщеніемъ, дѣйствительно ли есть предположеніе объ устройствѣ публичной библіотеки въ Москвѣ, и если такъ, то можно ли надѣяться, что предлагаемыя книги протоіерея Кочетова найдутъ сбытъ въ эту библіотеку. Въ такомъ случаѣ вамъ бы доставленъ

---

*) Михаила Николаевича—Ольги Ѳеодоровны. *Н. Б.*

**) Члена Академіи Наукъ. *Н. Б.*

былъ каталогъ этихъ книгъ, по которому вы могли бы выбрать то, что болѣе будетъ идти для публичной библіотеки. Теща моя не назначаетъ отъ себя цѣны, предоставляя оцѣнку книгъ справедливому суду знатоковъ дѣла. Въ числѣ этихъ книгъ находится особенно много историческаго содержанія, на Латинскомъ и Французскомъ языкахъ. Большая часть касается конечно богословскихъ предметовъ, но есть и произведенія Словесности, какъ древней, такъ и иностранной. Если вамъ угодно будетъ почтить меня отвѣтомъ по сему предмету, то соблаговолите адресовать, до 22 августа, на имя вдовы протоіерея Кочетова, Маріи Тимоѳеевны Кочетовой, въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, близъ церкви Матѳея Апостола, въ собственномъ домѣ. Послѣ 22-го августа, я отправляюсь отсюда опять за границу или, чрезъ Москву и Кіевъ, на Варшаву, или, если это не удастся, прямо на Стеттинъ. Въ первомъ случаѣ, я очень радъ буду увидѣться съ вами, если вы пособите мнѣ отыскать васъ, доставивъ мнѣ вашъ адресъ“.

Къ мысли Ламанскаго объ основаніи въ Москвѣ публичной библіотеки весьма сочувственно отнесся и графъ А. С. Уваровъ. Онъ писалъ Погодину: „Отъ чего полагаете вы, что изъ такого мелкаго чувства самолюбія, вамъ не сказалъ о моемъ желаніи поскорѣе основать въ Москвѣ публичную библіотеку. Идея эта не моя, а слѣдствіе необходимости; я надѣюсь, что это желаніе Москвы, Москвы образованной... Помогите мнѣ, поддержите меня... Вамъ можно дѣйствовать на вашихъ знакомыхъ. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра обѣдать и мы съ вами сейчасъ примемся за дѣло“. Въ другомъ письмѣ графъ Уваровъ писалъ Погодину: „Вечеромъ въ 9 часовъ, буду у Кошелева. Пришлю за вами карету. Сто разъ спасибо, что вы принимаете участіе въ общемъ нашемъ дѣлѣ“.

Между тѣмъ, напечатанная записка Ламанскаго произвела и на Погодина сильное впечатлѣніе. Въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣтилъ:

Подъ *5 августа 1857 года*: „Думалъ о письмѣ къ Ламанскому съ исчисленіемъ моихъ трудовъ по его части".

— *16* — — — : „Читалъ Ламанскаго и возбуждался".

— *22* — — — : „Читалъ Ламанскаго и думалъ о своемъ положеніи".

— *24* — — — : „Читалъ Ламанскаго и думалъ о Франціи".

Мысль В. И. Ламанскаго *О распространеніи знанія въ Россіи*, оживилась во дни празднованія, въ апрѣлѣ 1865 г., столѣтія со дня кончины Ломоносова.

Среди распорядителей юбилея Ломоносова, среди которыхъ дѣйствовалъ и В. И. Ламанскій, возникло намѣреніе „образовать изъ среды себя Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ князя Г. А. Щербатова, который бы продолжалъ Высочайше разрѣшенную по Имперіи подписку для составленія Ломоносовскаго капитала". Въ слѣдующемъ 1866 году, князь Г. А. Щербатовъ обратился къ министру Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Валуеву съ ходатайствомъ о продолженіи существованія Комитета, и при этомъ сообщилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ составленный означеннымъ Комитетомъ проектъ Устава Ломоносовскаго Общества, для представленія его на Высочайшее утвержденіе. Учреждаемое Общество поставило себѣ цѣлью распространенія знанія въ Россіи, посредствомъ слѣдующихъ мѣръ: 1) изданія общеполезныхъ книгъ и распространеніе ихъ въ народѣ; 2) содѣйствія улучшенію народныхъ училищъ; 3) устройства публичныхъ чтеній, читалень и учено-литературныхъ съѣздовъ 4) изданія повременныхъ сборниковъ и отдѣльныхъ сочиненій, какъ членовъ общества, такъ и постороннихъ лицъ.

Въ дѣйствительные члены Общества можетъ быть избранъ всякій, заявившій свою преданность Наукѣ и дѣлу Русскаго Просвѣщенія, а въ члены корреспонденты можетъ быть избрано всякое лицо, безъ различія подданства, заявившее себя Обществу трудами по народному образованію.

Но этотъ проектъ Устава не былъ представленъ на Вы-

сочайшее утвержденіе и все дѣло, съ сожалѣнію, ограничилось разсмотрѣніемъ устава въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Совѣтѣ министра Народнаго Просвѣщенія.

XXXVIII.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 года, въ одной изъ Петербургскихъ гостинныхъ, П. И. Бартеневу случилось встрѣтить человѣка лѣтъ около тридцати, средняго роста, бѣлокураго, въ военномъ сюртукѣ. „Особенную притягивающую силу,—свидѣтельствуетъ Бартеневъ,—имѣло его спокойное лицо, кроткая улыбка и голубые глаза, въ которыхъ свѣтилось что то чрезвычайно чистое и благородное. Не трудно было замѣтить, что этотъ человѣкъ живетъ какою то возвышенною, внутреннею жизнію, что какая то мысль и при томъ высокая, какое-то святое чувство зрѣютъ въ тайникахъ его души". Бартеневу сказали, что это—Николай Васильевичъ Шеншинъ.

Для питомца Пажескаго Корпуса и лейбъ гусара Шеншина, Венгерская война (1849), была началомъ многочисленныхъ разъѣздовъ по Россіи. Въ маѣ мѣсяцѣ, онъ отправился въ походъ. Лейбъ-гусарскій полкъ, въ которомъ служилъ Шеншинъ, не ходилъ дальше Ковенской губерніи. Князь А. Ѳ. Орловъ обратилъ на Шеншина особенное вниманіе военнаго министра, князя А. И. Чернышова, который и взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Тотчасъ же онъ былъ командированъ въ Воронежъ. Въ началѣ 1850 года, онъ ѣздилъ въ Кіевъ, гдѣ сблизился съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Проѣзжая Москву, Шеншинъ познакомился съ семействомъ Арсеньевыхъ, и 27 сентября 1850 года, женился на Евгеніѣ Сергѣевнѣ Арсеньевой. Въ генварѣ 1852 года, дали Шеншину порученіе ѣхать на торги въ Рыбинскъ. На обратномъ пути въ Москвѣ, онъ познакомился съ Хомяковымъ. Они сошлись очень просто и въ то же время оригинально. Въ заутреню, на Пасху, они стояли въ алтарѣ одной церкви. Шеншинъ прямо

подошелъ къ Хомякову и похристосовался съ нимъ“. Съ того времени они сблизились. Это сближеніе Шеншинъ почиталъ счастливѣйшимъ въ своей жизни.

Во время Крымской войны, частые переѣзды Шеншина изъ Гатчины и Петербурга въ Симферопольскія госпитали и на батареи Севастопольскія, совершенно его переродили. Изъ молодого офицера, воспитаннаго въ роскоши и на Французскихъ книгахъ, выросъ самый горячій патріотъ. Всѣми силами души онъ предался тому направленію, представительницею котораго служила *Русская Бесѣда*. Онъ горячо увѣровалъ въ историческое величіе нашей родины, жаждалъ ея духовнаго освобожденія отъ наплыва чужеземныхъ стихій и искалъ спасенія въ сближеніи съ простымъ Русскимъ народомъ, *во сколько* въ этомъ простонародіи сохранилось коренныхъ и вѣковѣчныхъ началъ Православной жизни“.

„Осенью 1855 года, Шеншинъ ѣздилъ въ свитѣ Императора Александра II-го въ Николаевъ и Крымъ, и немедленно по возвращеніи оттуда, уже получилъ новое порученіе: его послали на рекрутскій наборъ въ Рязань, гдѣ онъ прожилъ до февраля 1856 года, а въ слѣдъ за тѣмъ, на Пасху, поручено ему ѣхать въ дивизію Плаутина, для отдѣленія больныхъ солдатъ и доставленія имъ отдыха, для чего ихъ нарочно перевозили въ Павлоградъ. Въ то время какъ Шеншинъ, вмѣстѣ съ докторомъ Отто, занимался этимъ дѣломъ, князь В. Ил. Васильчиковъ вызвалъ его въ Николаевъ для участія въ слѣдственной Коммиссіи по бывшимъ злоупотребленіямъ въ продовольствіи арміи [136]). Здѣсь онъ сблизился съ И. С. Аксаковымъ, который, 18 іюня 1856 года, изъ Николаева, писалъ своимъ родителямъ: „Я познакомился со всѣми и былъ принятъ, какъ давно ожидаемый, очень дружески; не говорю уже о Шеншинѣ. Къ Шеншину должна пріѣхать на дняхъ его жена и останется здѣсь до конца Коммиссіи“ [137]).

По окончаніи этой Коммиссіи, Шеншину представился случай еще разъ объѣхать Россію и ближе познакомиться уже

не съ солдатомъ, а съ крестьяниномъ. Министръ Государственныхъ Имуществъ М. Н. Муравьевъ, наслышавшись о Шеншинѣ, пригласилъ его принять участіе въ предпринятой имъ ревизіи среднихъ губерній. Лѣтомъ 1857 года, Шеншинъ побывалъ въ Пензѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Нижнемъ. Изъ Нижняго, Шеншинъ уѣхалъ въ Петербургъ, вызванный въ Военное Министерство, гдѣ ему предложили мѣсто вице-директора Коммисаріатскаго Департамента, которое онъ и занялъ осенью въ 1857 году; но въ этой должности онъ оставался недолго и, по предложенію С.-Петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева, вступилъ въ члены отъ Правительства въ Петербургскомъ Комитетѣ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Изъ *Дневника* Погодина, мы узнаемъ, что въ 1857 году, онъ познакомился и сблизился съ Н. В. Шеншинымъ.

Подъ *28 февраля 1857 года*: „Шеншинъ“.

— *6 марта* — —: „Съ Хрулевымъ и Шеншинымъ о крестьянахъ“.

— *10 сентября* — —: „Шеншинъ о крестьянахъ и Дворѣ“.

— *12* — — —: „Шеншинъ“.

Въ томъ же году, Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Шеншинъ вашимъ письмомъ нѣсколько оскорбился. Будто бы онъ въ писсимизмѣ недоросль! Увѣряетъ, что не хуже вашего можетъ все видѣть въ самомъ мрачномъ видѣ; а по правдѣ, онъ довольно бодръ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ черезъ чуръ крѣпко засыпаетъ подъ чтеніе пріятельскихъ статей, что я испыталъ, когда читалъ его женѣ отрывки изъ брошюры, еще неконченной“ [138]).

Но дни Шеншина были уже сочтены. Въ 1858 году, на маневрахъ въ Красномъ Селѣ, онъ простудился, и 20 іюля скончался. Погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

„Смерть Шеншина“,—пишетъ П. И. Бартеневъ,—„поразила всѣхъ, кто его ни зналъ. Общество понесло великую утрату, лишившись въ немъ высокаго, усерднаго, и безко-

рыстнаго дѣятеля. Но лѣность наша почти вошла въ пословицу. Одинъ Погодинъ помянулъ Шеншина теплымъ словомъ".

Узнавъ о кончинѣ Шеншина, Хомяковъ писалъ къ И. С. Аксакову: „А вотъ нѣтъ и Шеншина! У меня просто кровью сердце залило при вѣсти объ его кончинѣ. Славная, чистая, добрая, нѣжно-любящая и дѣтская натура! Онъ простудился и едва уже ноги таскалъ, и какъ его Ѳ. И. Гильфердингъ и докторъ ни отговаривали, поѣхалъ въ Комитетъ, потому что „засѣданіе важное, а насъ стоящихъ за крестьянъ мало". Гильфердингъ справедливо говоритъ: „Il est mort sur la brèche". Меня радуетъ, что его какъ будто оцѣнили, и какое-то приходитъ странное, вѣроятно мечтательное убѣжденіе, что лучшія чувства заговорятъ послѣ его смерти даже въ душѣ тѣхъ, которые съ нимъ не соглашались въ жизни"...

Узнавъ, что Погодинъ пишетъ о Шеншинѣ, Хомяковъ писалъ И. С. Аксакову: „Я радъ, что Погодинъ пишетъ о Шеншинѣ, но, пожалуйста, будьте осторожны. Вы говорите: статья горяча, даже можетъ быть слишкомъ. Этого намъ всячески избѣгать надобно, не ради какой опасности, а потому, что сдержанность есть несомнѣнная сила, а всякая лишняя горячность роняетъ авторитетъ; да и грустно бы было, если бы наша горячность отозвалась какъ нибудь нехорошо въ комъ нибудь изъ читателей, для памяти покойнаго. Онъ безъ сомнѣнія былъ нашъ во всѣхъ отношеніяхъ"...

Съ своей стороны, и И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Посылаю вамъ письмо ко мнѣ Евгеніи Сергѣевны Шеншиной. Нынче вечеромъ вѣроятно получу отъ нея обѣщанныя подробности. Мнѣ кажется, деликатность не позволяетъ навязывать устамъ умершаго, близкаго и дорогаго намъ человѣка слова, которыхъ онъ не договорилъ, и заставить его, безъотвѣтнаго, служить нашей цѣли. Я увѣренъ, дорогой Михаилъ Петровичъ, что вы со мной согласитесь".

А все таки, П. И. Бартеневъ былъ правъ: только „одинъ Погодинъ помянулъ Шеншина печатно теплымъ словомъ".

Погодинъ писалъ: „Еще горестное извѣстіе изъ Петербурга! Скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, послѣ пятидневной жестокой болѣзни, Шеншинъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ Русскихъ гражданъ, устремившихся, въ послѣднее время, по Государеву слову, на новый путь, взалкавшихъ возрожденія, благовѣстившихъ неумолчно пробужденіе!

Что за враждебный рокъ владычествуетъ надъ нашими судьбами! Лишь только приготовится человѣкъ дѣйствовать, выстрадается, прогоритъ, созрѣетъ, установится,—и чего ему стоитъ!—какъ вдругъ, невидимая будто рука опускается изъ облаковъ, хватаетъ и уноситъ его со средины поприща! Сколько людей даровитыхъ, людей благонадежныхъ, людей геніальныхъ, потеряли мы впродолженіи немногихъ лѣтъ: Иванъ Кирѣевскій, Петръ Кирѣевскій, Иннокентій, Глинка, Брюловъ, Надеждинъ, Грановскій, Мейеръ, Милютинъ, Кудрявцевъ, Ивановъ, Шеншинъ... За кѣмъ теперь чередъ? Скоро ли исполнится число? Что это—жертвы искупительныя, умилостивительныя, или задаточныя? Умилосердися, Господи, и... и прости нашему грѣшному ропоту: какіе мертвые, почти ужъ смердящіе, живутъ, и какіе живые, жизненные, умираютъ безпрестанно.

Шеншинъ не успѣлъ произвести что-либо важное, вѣковѣчное; но его чистое сердце, его здравый умъ, добрая воля, его неустрашимость, готовность на всякія жертвы, его благородное сознаніе человѣческаго и гражданскаго достоинства,—сознаніе столько рѣдкое между нами, заглохшее въ тинѣ старыхъ, заматорѣлыхъ привычкахъ раболѣпства и подобострастія,—ставили его высоко въ современномъ обществѣ. Шеншинъ не имѣлъ еще въ своихъ рукахъ большихъ дѣлъ, но развѣ однѣ большія дѣла опредѣляютъ достоинство человѣка? Есть вѣсы, на которыхъ двѣ лепты вѣсятъ тяжеле милліона; есть счеты, на которыхъ цѣнятся дорого всѣ вздохи, изъ стѣсненной груди украдкою вылетѣвшіе, всѣ слезы, на подушку въ ночной темнотѣ пролитыя, всѣ взгляды, невольно къ небу поднявшіеся, всѣ слова, на устахъ замер-

шія. Въ великомъ хозяйствѣ Исторіи текущей жизни, равно какъ въ великомъ хозяйствѣ природы, ничто не пропадаетъ: тамъ имѣютъ свое значеніе и свое могущество, таинственное, великое—и тихія желанія, и робкія надежды, и смутныя мысли, что порою борются въ душѣ и наводятъ тоску на нее, и мучительные часы, что влачишь въ позорной, противной праздности, когда руки рвутся на работу, и внутри ощущается сила ворочать каменья.

Шеншину удалось однако показать, по крайней мѣрѣ, къ чему онъ былъ способенъ: нѣсколько разъ, презирая всѣ опасности, сквозь цѣлый непріятельскій флотъ, на рыбачьей лодкѣ, и чрезъ все осаждающее войско, въ крестьянской одеждѣ, проникалъ онъ въ Бомарзундъ и передавалъ коменданту распоряженія покойнаго Государя; нѣсколько разъ, подъ градомъ пуль и ядеръ, являлся онъ въ Севастополѣ съ царскою помощію для больныхъ и раненыхъ; по окончаніи войны, Шеншинъ не прекращалъ своей служебной дѣятельности, и наконецъ назначенъ членомъ отъ Правительства въ Петербургскомъ Комитетѣ объ улучшеніи быта крестьянъ. Къ этому дѣлу приложилъ онъ все свое сердце: денно и нощно оно составляло его душу и его заботу; неутомимо ратовалъ онъ, охраняя права меньшей безмолвной братіи,—и на этой святой службѣ Отечеству и человѣчеству застигла его неумолимая смерть. Умирая, завѣщалъ онъ женѣ своей, любимому другу—спутницѣ жизни,—простить крестьянамъ недоимки, и всѣми силами стараться о возможно лучшемъ устройствѣ ихъ судьбы. За нѣсколько минутъ до кончины, онъ впалъ въ безпамятство. Послѣднія слова покойнаго, уже въ жару, относились къ добротѣ Государя и къ надеждѣ, что онъ не оставитъ народъ и устроитъ его участь.

Память достойныхъ съ похвалами! Выразимъ же, друзья, почившему брату искреннее наше уваженіе, нашу усердную признательность, засвидѣтельствуемъ торжественно наше горячее сочувствіе, которое вмѣстѣ поддерживаетъ, ободряетъ, укрѣпляетъ и остающихся.

Прости, любезный, благородный, смѣлый, добрый Шеншинъ! Съ жгучею болью въ сердцѣ отдаемъ тебѣ послѣднее братское лобзаніе, и возносимъ Христіанскую молитву объ упокоеніи души твоей, послѣ тяжелой житейской борьбы и страды. Но тебѣ вѣрно тамъ лучше,—помолись же объ насъ, чтобъ и намъ было здѣсь хорошо“ [139])...

XXXIX.

1 мая 1857 года, Погодинъ посѣтилъ Аксакова, а вечеръ провелъ у новорожденнаго Хомякова, и въ тотъ же день, вотъ что записалъ въ *Дневникъ* своемъ: „Больше пустого, чѣмъ дѣльнаго. Константинъ Аксаковъ противенъ и смѣшенъ своимъ тщеславіемъ и добросовѣстностью. Нѣтъ, надо непремѣнно издавать журналъ особо отъ нихъ“.

Такимъ образомъ, мысль о возобновленіи *Москвитянина* не покидала Погодина.

При имени *Москвитянинъ*, невольно возстаютъ въ нашей памяти писатели стараго поколѣнія, и объ нихъ можно было тогда сказать словами Саади:

Иныхъ ужъ нѣтъ; а тѣ далече.

Между тѣмъ, народилось новое поколѣніе писателей, среди котораго было жутко не только Погодину и Шевыреву, но даже и ученику ихъ, К. Д. Кавелину, и онъ въ августѣ 1857 года, писалъ къ Герцену: „Еслибъ ты могъ воротиться и оглянуться здѣсь вокругъ себя, какъ бы ты удивился! Новое племя подростаетъ, новые труженики мысли выступаютъ на сцену; мы и наши предмѣстники понемногу сходятъ со сцены. Свѣдѣній у нихъ, безъ сомнѣнія, больше нашего. А больше ли жару, больше ли вѣры и надежды,—это великій вопросъ. Мнѣ кажется, что они въ этомъ отъ насъ отстали, какъ мы отстали отъ нашихъ предшественниковъ. Тяжкое беретъ раздумье, неужели характеръ, вѣра, любовь размѣниваются на

мелочь, по мѣрѣ того какъ накопляется умственный капиталъ?.......

Все валится, все разрушается, ничего пока не создается; нѣтъ возможности провидѣть того синтеза, на которомъ построится новое общественное зданіе. Страшно жить посреди этого процесса разложенія и удушливой атмосферы, которою онъ всегда сопровождается" [140]).

Но прежде чѣмъ приступимъ къ описанію неудачной попытки Погодина возобновить *Москвитянинъ*, помянемъ тѣ лица и событія, которыя нечужды духу *Москвитянина*, хотя и отпѣтаго, но еще не погребеннаго.

Въ годину Священнаго Коронованія, въ ноябрѣ 1856 года, въ Москвѣ скончалась спутница жизни наставника Богомъ вѣнчаннаго Царя, Елисавета Алексѣевна Жуковская, оставивъ по себѣ двухъ сиротъ. Узнавъ объ этомъ горестномъ событіи, Погодинъ писалъ Кошелеву: „Сейчасъ я услышалъ о кончинѣ Жуковской. Увѣдомьте меня, что̀ знаете. Когда, гдѣ похороны? Что̀ съ дѣтьми? Имъ нельзя вѣдь оставаться тамъ. Если нужно, я радъ принять ихъ на время къ себѣ. У меня есть дѣти и другое общество для нихъ".

Кошелевъ отвѣчалъ: „Жуковская скончалась во вторникъ, въ 3-мъ часу ночи. Сейчасъ дали знать по телеграфу братьямъ; одинъ пріѣхалъ вчера, а другіе должны были пріѣхать сегодня. До ихъ пріѣзда распоряжались тамъ Свербеевъ и я. Панихида сегодня въ 1 и въ 7 часовъ. Похороны завтра въ 9 часовъ. Везутъ ее по желѣзной дорогѣ въ Питеръ. Дѣти въ кори; ихъ никуда нельзя перевозить; иначе я взялъ бы ихъ къ себѣ. Я тамъ ночевалъ первую ночь, а теперь братья Жуковской тамъ. Я буду тамъ сегодня вечеромъ въ 7 часовъ. До свиданья" [141]).

Подъ 30 ноября 1856 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „На похороны къ Жуковской. Пѣшкомъ почти. Оттуда съ Шевыревымъ и потомъ пѣшкомъ. Думалъ о дѣйствіяхъ статсъ-секретаря".

Кончина Императора Николая и вступленіе на престолъ

Императора Александра II-го не могли не отозваться въ сердцѣ ветерана 12-го года, друга и сверстника Жуковскаго, и его чувства выразились въ цѣломъ рядѣ стихотвореній [142]). „Какъ хороши“,—писалъ М. А. Дмитріевъ къ Погодину,—„стихи князя Вяземскаго къ Государынѣ! Вотъ старички-то не растеряли силъ съ лѣтами“!

4 января 1856 года, С. П. Шевыревъ писалъ князю Вяземскому: „Примите сердечную мою благодарность за вашъ прекрасный гостинецъ, за шесть царскихъ стихотвореній. Любовь и скорбь слились въ душѣ вашей въ одно изящное чувство и послужили для нихъ вдохновеніемъ. Со времени Жуковскаго мы не читали такихъ стиховъ. Онъ завѣщалъ вамъ свои чувства и свою лиру. *18 февраля — 17 апрѣля*, мнѣ напомнило строй Посланія къ Императору Александру I-му. *Императоръ умираетъ и прощается съ Москвой* — въ этомъ стихотвореніи вы отгадали то чувство, которое прожила бы Москва, если бы его у нея не отняли. Не понимаю, почему отъ нея скрыли и послѣднее повелѣніе умиравшаго Царя, и предсмертное его прощаніе съ нею въ самую минуту этого прощанія. Какое бы прекрасное событіе записала она въ своихъ лѣтописяхъ! Зачѣмъ бояться этихъ святыхъ чувствъ, которыми жива и сильна Россія, и не питать ихъ въ народѣ. Вы въ поэзіи сохранили высокое чувство Императора и отгадали тотъ отголосокъ Москвы, который былъ бы, еслибъ телеграфъ покорился послѣднему манію царской воли. Благодарю, благодарю васъ за утро, которое провелъ я, оглашая свой кабинетъ гармоніей стиховъ вашихъ и отзываясь вамъ сердцемъ и слезами“.

Но Погодинъ (22 января) вотъ что писалъ князю Вяземскому: „За нѣкоторыя изъ послѣднихъ вашихъ стихотвореній многіе возстали противъ васъ жестоко. Жаль, что не могъ поговорить съ вами о нихъ въ Петербургѣ. Недавно, ночью, я написалъ объ нихъ нѣсколько словъ, но еще не клалъ на бумагу. Надѣюсь удовлетворить ими обѣ стороны“.

На это письмо князь П. А. Вяземскій отвѣчалъ Пого-

дину: „Если мои Московскіе *жестокіе нападатели* бранятъ меня за риѳмы и стихосложеніе моихъ послѣднихъ стихотвореній, то отдаю имъ мою повинную голову. Если обвиняютъ они меня за *чувство*, то я о нихъ жалѣю.

Рабъ и похвалить не можетъ, а я могу хвалить, именно потому, что я не рабъ, что я чувствую и знаю, что я не рабъ. Опасаться же прослыть рабомъ въ глазахъ щекотливыхъ судей, и жертвовать этому опасенію сочувствіями своими, вотъ это было бы совершенно холопски. И въ самой щекотливости этой, признаюсь, нахожу что-то холопское. Во всякомъ случаѣ, утѣшаюсь тѣмъ, что имѣю на сторонѣ своей Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, которые тоже не стыдились сочувствій своихъ. Многое можно было бы еще къ тому досказать, но времени нѣтъ, да и пользы нѣтъ. Растолкуйте мнѣ загадки о здѣшнихъ журналахъ. Не догадываюсь; душевно вамъ преданный“.

Среди молодого поколѣнія, какъ *памятники надгробные*, въ Москвѣ въ то время жили и здравствовали старинные друзья Погодина: Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ и Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ.

Въ *Дневникѣ* Погодина 1857 года, мы встрѣчаемъ слѣдующія отмѣтки:

Подъ *2—3 іюля*: „Съ Кубаревымъ о времени и мѣстѣ, о цѣли, о неизвѣстности. Съ Кубаревымъ о мірѣ и безконечности и пр. Страшные вопросы. Глубина премудрости“.

— *3, 12* и *17 августа:* „Вечеромъ Давыдовъ и Кубаревъ. Съ Кубаревымъ о Французской революціи. Кубаревъ о Петрѣ, народѣ, и проч.“.

Отъ сосѣда своего, по Дѣвичьему полю, С. Д. Нечаева, Погодинъ, 15 сентября 1857 года, получилъ слѣдующую записку: „Я возвратился въ бѣлокаменную и жажду имѣть удовольствіе, видѣть и послушать васъ. Нельзя ли будетъ 17-го числа у меня откушать въ *три часа?* Но, пожалуйте, пригласите съ собою и любезную дочь вашу, которую мои

дщери такъ много полюбили. Привозите и сына вашего, бывшаго товарища моего юнаго археолога".

Къ числу старинныхъ друзей Погодина принадлежалъ также и Владиміръ Ивановичъ Даль. Въ то время онъ трудился надъ своимъ монументальнымъ трудомъ, вышедшемъ въ свѣтъ только въ 1863—1866 г., подъ заглавіемъ: *Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка.*

Когда Даль дошелъ до буквы *З*, то 30 іюня 1857 года, писалъ Погодину: „Посовѣтуйте, какъ быть мнѣ: силъ для службы не достаетъ, хилѣю со дня на день—а хотѣлось бы поработать, сколько Господь попуститъ, надъ *Словаремъ*, который дошелъ только до *З*. Но, вышедши въ отставку, я могу разсчитывать всего на все только, и съ пенсіею, на двѣ тысячи доходу: какъ съ этимъ проживу со своей семьей въ Москвѣ? А неужели мнѣ забиться, ради дороговизны, въ деревню или въ уѣздный городишко? Для меня-то бы все равно, но надо думать и о другихъ; заѣхать куда и умереть не штука, да какъ покинуть послѣ дѣтей на чужбинѣ? Ждемъ со дня на день своего министра *); болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ какимъ-либо инымъ чувствомъ, жду конца и послѣдствій: знаю, что по бумажной части, у меня безпорядки точно такіе, какъ у другихъ, можетъ быть и болѣе, по ненависти моей къ этому занятію, по колику оно составляетъ прямую *цѣль* службы и трудовъ; а между тѣмъ, ревизія наѣздомъ не дастъ средствъ вникнуть въ сущность управленія. Хорошо, еслибъ можно было спросить тридцать семь тысячъ крестьянъ; этому суду я бы съ радостію подчинился".

Когда же Погодинъ сталъ уговаривать Даля печатать свой *Словарь* въ изданіяхъ Академіи Наукъ, то сей послѣдній отвѣчалъ ему: „Вамъ все ни почемъ! Уговариваетъ меня печатать *Словарь* при Академическихъ листкахъ. Такъ лучше же при любомъ иномъ изданіи, хоть люди увидятъ. При томъ

*) С. С. Ланского. *Н. Б.*

съ этою сволочью связываться нельзя; я это испыталъ и не одинъ разъ. Развѣ вы забыли письмо къ вамъ И. И. (Давыдова), въ которомъ онъ нагло отрекается отъ словъ и дѣлъ своихъ? У меня теперь все это на лицо и письмо подложено къ отзыву о пословицахъ Академіи, за подписью того же И. И. (Давыдова). Подписавъ своею рукою мнѣніе, что это сборникъ (пословицъ) безнравственный, что онъ будетъ *развращать нравы*, что это *куль муки, отравленный мышьякомъ*; онъ, тотъ же самый ползунъ, пишетъ вамъ же, что вы мнѣ прислали" *)!!!

Къ числу писателей младшаго поколѣнія, поколѣнію Жуковскаго и князя Вяземскаго, но ровестниковъ поколѣнію Погодина, Шевырева и Максимовича, оставались еще въ живыхъ Николай Филипповичъ Павловъ и Николай Александровичъ Мельгуновъ. Но печально было ихъ существованіе. 29 декабря 1856 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Сокрушаетъ меня Мельгуновъ на чужбинѣ. Это добрая душа погибаетъ въ западной гнили. А. Павловъ, то и дѣло ищетъ денегъ. Ко мнѣ ужъ онъ не дѣлаетъ другихъ визитовъ, какъ съ этою цѣлію. Какъ возвѣстятъ Николая Филипповича, такъ ужъ знаю денежная просьба" [143]). Съ тою же цѣлію посѣщалъ Павловъ и Погодина. Въ *Дневникѣ* послѣдняго, подъ 26 октября 1857 года, читаемъ: „Павловъ за деньгами и выканючилъ, чтобы спасти Мельгунова отъ тюрьмы. Далъ, не хотя, семьсотъ".

Въ это время добрый и даровитый Мельгуновъ влачилъ въ Парижѣ свое жалкое существованіе. Вотъ что читаемъ о немъ въ письмѣ И. С. Тургенева къ Герцену: „А Мельгуновъ, вообрази (только это между нами), далъ на концѣ новаго (1857) года réveillon, который стоилъ ему навѣрно франковъ триста... Гости были Пинто, Грибовскій, я, два офицера въ мундирахъ, совершенные жеребцы, да нѣсколько отставныхъ лоретокъ. Мельгуновъ, съ свойственною ему флегматической

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1898. XII, 269—270.

важностію, отвелъ меня въ сторону, и держалъ слѣдующую рѣчь: „Здѣсь вы можете видѣть то, что называется въ Парижѣ demi-monde, но предупреждаю васъ, не судите о немъ по этому обращику; ибо здѣсь находящіяся лоретки или стары или некрасивы". Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на его лобъ съ надвинутой ермолкой и думалъ: Да изъ чего же ты тратишься въ такомъ случаѣ? Этотъ человѣкъ—чудакъ перваго сорта,—а премилый со всѣмъ тѣмъ".

Положеніе Мельгунова съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ухудшалось. Вотъ что, напримѣръ, писалъ о немъ Шевыревъ къ Погодину: „Мельгуновъ находится въ крайнемъ положеніи. Обремененный долгами, которые не позволяютъ выѣхать изъ Франкфурта или его окрестностей, онъ не получаетъ никакой помощи отъ Павловыхъ, которымъ ввѣрилъ всѣ свои капиталы. Мельгунову придется доживать вѣкъ свой на хлѣбахъ у кого-нибудь изъ насъ, если онъ на то согласится. Но надобно же найти какія-нибудь средства пособить ему. На дняхъ получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ описываетъ мнѣ дѣла свои. Въ слѣдъ за тѣмъ, какъ бомбу, пустилъ телеграфическую депешу, которая перетревожила у насъ всѣхъ и въ городѣ, и въ деревнѣ. Думали, что Богъ знаетъ что. Но тревога домашняя и положеніе Мельгунова отняли у меня сонъ—и я двѣ ночи не сплю. Вотъ поди, поправляй свое здоровье. Нивѣсть откуда приходитъ безпокойство. Мельгуновъ, слава Богу, разстался съ тою женщиною, которая его разорила. Но она оставила ему долги: онъ ихъ принялъ на себя.

Чѣмъ будетъ существовать впослѣдствіи Мельгуновъ, я не понимаю...

Павловъ тѣмъ еще болѣе виноватъ предъ Мельгуновымъ, что потворствовалъ всѣмъ его слабостямъ и только подсмѣивался надъ нимъ.

О! какъ ужасно развязывается драма жизни! Какъ личины всѣ спадаютъ, какъ открывается человѣкъ со всѣми его слабостями! Что передъ этимъ всѣ романы и повѣсти! Напиши

ко мнѣ въ отвѣтъ объ этомъ что-нибудь. Повидайся съ Павловымъ. Вытребуй его къ себѣ. Онъ, говорятъ, разъѣзжаетъ преважно по Москвѣ въ каретахъ на чужія деньги. О, Гоголь! Гоголь! Создалъ же онъ этого Хлестакова, который расплодился въ милліоны и разъѣзжаетъ по всей Россіи"..

Но самъ Н. Ф. Павловъ съ достоинствомъ писалъ Погодину: „Хомякову я ни копѣйки не долженъ; Шевыреву заплатилъ съ 11%; передъ вами хотя и виноватъ неаккуратностью, но вѣдь платилъ, также и теперь: что долженъ, заплачу. Благодарю васъ за готовность помочь намъ, но эта готовность предложена на такихъ условіяхъ, что человѣкъ хоть нѣсколько уважающій себя скорѣе продастъ свою душу чорту, чѣмъ воспользуется ею. Съ чего это я поѣду Христа славить къ Кокореву, Мамонтову, Бабсту, съ которыми я не такъ давно и знакомъ и какимъ образомъ одинъ изъ четырехъ поплетъ за меня деньги въ Совѣтъ... Еще разъ благодарю васъ, но пусть лучше все погибнетъ, кромѣ чести" [144])!

Вмѣстѣ съ симъ, Павловъ продолжалъ еще заниматься Литературою. Всеобщее вниманіе обратилъ на себя его разборъ комедіи графа В. А. Сологуба, *Чиновникъ*.

Въ заключеніи своего разбора, Павловъ писалъ: *Надо истребить взятки*,—прекрасно. *Надо искоренить зло съ корнями*,—ничего не можетъ быть лучше! Да корень-то этотъ въ васъ г. Надимовъ, въ складѣ вашего ума, въ оборотѣ вашей мысли, въ біеніяхъ самого сердца... Вы не взяточникъ, вы человѣкъ безподобный, благородный, честный; но въ то время какъ языкъ вашъ ратуетъ противъ взятокъ, въ основѣ и въ направленіи вашихъ мыслей лежитъ глубоко-таинственная, непостижимая для васъ самихъ симпатія къ тому порядку, къ тому настроенію, которое создаетъ взятки" [145]).

„А читали вы", — спрашивалъ М. А. Дмитріевъ Погодина,—„разборъ Павлова комедіи Сологуба? Это тоже замѣчательная вещь! Тутъ комедія въ сторонѣ, а главное правда"!

XL.

Въ то время, когда, по выраженію К. Д. Кавелина, „все валилось, все разрушалось и ничего не созидалось“, Москва, 26 марта 1857 года, праздновала полустолѣтіе службы князя Сергія Михайловича Голицына въ званіи почетнаго опекуна.

Приготовленія къ этому торжеству начались еще въ февралѣ мѣсяцѣ и въ нихъ принималъ участіе и Погодинъ, какъ бывшій нѣкогда подчиненный юбиляра по Московскому Университету.

22 февраля 1857 года, Погодинъ написалъ Н. В. Сушкову слѣдующее *конфиденціальное* письмо:

„Съ покорнѣйшею просьбою обращаюсь къ вамъ, любезнѣйшій Николай Васильевичъ. Въ Москвѣ готовится юбилей князю Сергію Михайловичу Голицыну. Учредители желаютъ, чтобъ пропѣты были куплеты, а въ какомъ смыслѣ, прилагается программа. Настройте вашу лиру, одушевитесь—напишите стихи. У васъ доброе сердце, и у старика доброе сердце; а сердце сердцу вѣсть подаетъ, слѣдовательно стихи должны вылиться прекрасные. Просимъ васъ убѣдительно. Прислать можете на мое имя, только какъ можно скорѣе. Больше теперь не пишу. Обнимаю крѣпко“ [146]).

За недѣлю до торжества, въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ было прочитано слѣдующее Высочайшее повелѣніе: 1) Въ память юбилейнаго дня, выбить особую медаль съ изображеніемъ князя. 2) Къ дню юбилея, 26 марта, поставить въ галлереѣ Воспитательнаго Дома портретъ князя. 3) Изъ приношеній образовать капиталъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты онаго постоянно содержать одну пенсіонерку въ Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. 4) Учредить во всѣхъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ Опекунскаго Совѣта по одной постоянной вакансіи пенсіонера имени князя Голицына, равно по одной кровати въ больни-

цахъ сего же Вѣдомства. 5) Начертать краткое обозрѣніе пятидесятилѣтняго служенія князя и 6) Къ празднованію юбилея въ Воспитательномъ Домѣ пригласить преосвященнѣйшаго митрополита Московскаго и Коломенскаго, совершить литургію и молебствіе; а послѣ угостить посѣтителей торжества обѣденнымъ столомъ" [147]).

Государь и Императрица Александра Өеодоровна почтили юбиляра рескриптами; а Императрица осчастливила князя Голицына собственноручнымъ письмомъ. Митрополитъ Филаретъ, возвращая рескрипты, писалъ князю Голицыну: „Кажется, въ первый разъ въ подобныхъ актахъ встрѣчаю глубоко сердечное слово: *Искренно васъ любящій*. Господи, спаси Царя. Господь да сохранитъ васъ" [148]).

Не смотря на свою немощь, митрополитъ Филаретъ въ тотъ день не только священнодѣйствовалъ, но и проповѣдывалъ. Владыка, между прочимъ, сказалъ: „...Притча Соломонова говоритъ: *вѣнецъ хвалы старость: на путехъ же правды обрѣтается*. То есть, вы можете достигнуть старости, которая будетъ увѣнчана похвалою; но чтобъ достигнуть такой старости, надобно идти къ ней путемъ добродѣтели... Приближающіеся къ старости! Будьте внимательны, вѣрнымъ ли путемъ идете къ ней. Младолѣтные! Не отлагайте вступить на путь добродѣтели, на которомъ одномъ можете найти *вѣнецъ хвалы*, для вашей старости. Не только на пути порока, но и на распутіяхъ легкомыслія, суеты, роскоши, праздности, нельзя найти *вѣнца хвалы*. Пожелаемъ и помолимся, чтобы честь воздаваемая испытанной добродѣтели, была сѣменемъ и дѣйствительнымъ посѣвомъ добродѣтели на обширномъ полѣ; чтобы чтимая добродѣтель не преставала отражаться въ чтущихъ ее; чтобы сословіе благородныхъ по роду и наименованію всегда обиловало благородными чувствованіями и дѣяніями. Чтобы велія мощь вельможъ продолжала проявлять себя въ великихъ общеполезныхъ подвигахъ, чтобы *сынове родящіися*, которые смѣнятъ насъ на поприщѣ жизни общественной, не возмнили неутвержденнымъ своемудріемъ и

поверхностно блистательною дѣятельностію затмить и замѣнить древнюю добродѣтель, глубоко на вѣрѣ и благочестіи основанную. Да не забудется и сія притча: *вельможи и судіи и сильныи славни будутъ, и нѣсть отъ нихъ ни единъ вящшій боящагося Господа* (Сир. X, 27). Аминь".

Но владыка не въ силахъ былъ принять участіе въ предложенной трапезѣ. На другой день торжества, 27 марта 1857 года, онъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію: „Мнѣ не можется. Вчерашнее служеніе было по случаю юбилея князя Сергія Михайловича. Я ушелъ прямо изъ церкви: и на праздникѣ Воспитательнаго Дома не былъ" [149]).

По видимому, почтенный Н. В. Сушковъ исполнилъ просьбу Погодина, и на обѣдѣ была пропѣта кантата:

ХОРЪ.

Многа лѣта, многа лѣта,
Благодѣтель и отецъ!
Эта пѣсня—дань привѣта,
Голосъ преданныхъ сердецъ.

СОЛО.

О, да будетъ тихъ и ясенъ
Путь твоихъ грядущихъ лѣтъ,
Какъ и вечеромъ прекрасенъ
Благотворный солнца свѣтъ!

ХОРЪ.

Многа лѣта и пр. [150]).

Вскорѣ послѣ сего торжества, вѣроятно отъ сильныхъ ощущеній, самъ юбиляръ занемогъ весьма серьезно, и 8 апрѣля 1857 года, митрополитъ Филаретъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію:

„Князь Сергій Михайловичъ, въ первую половину Страстной недѣли, былъ очень въ малонадежномъ состояніи здоровья; въ среду, пріобщался Святыхъ Таинъ; и съ пятницы ему лучше. Умедленный пульсъ и ускоренное дыханіе стали приближаться къ обыкновенному положенію. Но онъ очень слабъ. Въ пятницу, отъ вечерни заѣзжалъ я къ нему: но

докторъ Блументаль сказалъ мнѣ, что ежели войду къ нему, и заставлю его говорить, то это будетъ ему вредно; и я возвратился, не видавъ его. Вчера отъ князя Трубецкого слышалъ, что ему лучше, но все слабъ. Сегодня послалъ къ нему эконома, но онъ еще не возвратился"...

На другой день, 9 апрѣля, Филаретъ писалъ:

„Я видѣлъ сегодня князя Сергія Михайловича. Окружающіе довольны его состояніемъ. Но видится еще болѣзнь въ очахъ его. Помолитесь о немъ" [151]).

8 декабря 1857 года, студенты Московскаго Университета съ плачемъ похоронили своего добраго профессора Ѳедора Лукича Морошкина. Среди новыхъ поколѣній, Морошкинъ былъ „представителемъ преданій о старомъ Университетѣ и профессорахъ его—Сандуновѣ, Цвѣтаевѣ и др. Каѳедру Гражданскихъ Законовъ онъ не оставлялъ до кончины своей. Хотя будучи и тверитянинъ родомъ, онъ горячо любилъ Москву и Московскій Университетъ. Онъ какъ будто боялся сойти съ Русской почвы, чтобы не измѣнить началамъ Русскаго быта, которымъ онъ оставался постоянно вѣренъ, а потому и отказался отъ предложенія поступить въ Профессорскій Институтъ для обученія юридическихъ наукъ въ чужихъ краяхъ" [152]).

„Поразила меня очень смерть Морошкина",—писалъ Шевыревъ Погодину [153]).

Морошкинъ вѣровалъ, что „придетъ время, когда Русская Юстиція, извѣдавъ чужеземныя начала правды, снова обратится къ *Уложенію* Царя Алексѣя Михайловича, какъ великому истолкователю народнаго генія и воздастъ ему почести, какія нѣкогда воздавали сыны Рима безсмертнымъ *XII-ти таблицамъ*. *Уложеніе*—родословно, какъ Москва; патріархально—какъ Русскій народъ и грозно — какъ Царскій гнѣвъ. Судьбы Отечества отпечатлѣлись въ немъ всѣми эпохами славы и уничиженія, народныя племена—всѣми юридическими понятіями, народная мысль—всѣми завѣтными мыслями и наклонностями. По мѣсту своего происхожденія, будучи Уложеніемъ Мо-

сквы, по времени изданія—произведеніемъ упорной старины, оно какъ будто приковываетъ народъ къ неподвижному основанію Московской мѣстности и древнихъ обычаевъ; но будучи соборнымъ, оно поставлено на распутіи Русской Исторіи: оно вольно было принять всѣ стихіи Русской общественной жизни, и дѣйствительно ихъ приняла и уложила. Уложеніе не отвергаетъ и чужеземнаго, не противится преобразованіямъ, но при этомъ оно хочетъ быть самобытнымъ, хочетъ быть Уложеніемъ Москвы,—оно хочетъ быть единымъ послѣдовательнымъ, народнымъ. Въ этомъ отношеніи оно упорнѣе самой Россіи. Когда наше Отечество подклонило свою главу подъ остріе преобразованія, одно Уложеніе пробилось сквозь ряды иностранныхъ регламентовъ и побѣдоносно возлегло на тронѣ Екатерины II. Законники новаго направленія тщетно покушались замѣнить его новымъ уложеніемъ; ничто не могло поколебать его; одинъ *Сводъ Законовъ* восторжествовалъ надъ нимъ могущею волею Николая I-го" [154]).

По свидѣтельству ученика Морошкина С. М. Шпилевскаго, лекціи Морошкина „имѣли важное достоинство необыкновеннаго живого изложенія. Морошкинъ постоянно старался догматизмъ гражданскихъ законовъ уяснять примѣрами изъ дѣйствительнаго быта... На лекціи Морошкина собиралось множество студентовъ изъ другихъ факультетовъ. На лекціяхъ у него было легко и весело, отъ него не вѣяло педантизмомъ, онъ не утомлялъ и не заставлялъ дремать отъ сухости изложенія. Студенты любили профессора; они доказали это и послѣ смерти его: узнавши объ ней, они тотчасъ устроили изъ среды себя дежурство при гробѣ покойнаго, и въ день погребенія, несли на плечахъ своихъ гробъ его отъ Покровскихъ воротъ до могилы его, въ Даниловомъ монастырѣ" [155]).

XLI.

14 января 1857 года, на вечернемъ засѣданіи Совѣта Московскаго Художественнаго Общества, въ квартирѣ вице-президента Общества А. Д. Черткова, произошло несчастное столкновеніе между графомъ В. А. Бобринскимъ и С. П. Шевыревымъ, надѣлавшее въ свое время много шума, а для Шевырева имѣвшее роковыя послѣдствія. Это было какъ бы началомъ его конца...

Почтенный питомецъ Московскаго Университета Алексѣй Борисовичъ Михайловъ, имѣвшій случай близко познакомиться съ этимъ печальнымъ происшествіемъ, сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности: „Графъ Бобринскій явился на засѣданіе въ состояніи духа нѣсколько приподнятомъ. Шевыревъ, въ своей запискѣ, въ которой онъ излагаетъ настоящій случай, выражаетъ даже предположеніе, что графъ былъ не совсѣмъ трезвъ, но, впрочемъ, Шевыревъ тутъ же оговаривается, что, благодаря богатырскому тѣлосложенію графа, опьянѣніе его не могло быть сколько-нибудь замѣтно. Въ разговорѣ, передъ засѣданіемъ и во время самого засѣданія, графъ выражалъ свои мысли въ формѣ необычайно энергичной и рѣзкой. Особенно доставалось тогдашнимъ Русскимъ порядкамъ и неустройствамъ. Когда, напримѣръ, зашла рѣчь о злоупотребленіяхъ въ управленіи построенной казною желѣзной дороги, графъ замѣтилъ, что грабежъ въ этихъ случаяхъ чисто наше родное дѣло; когда заговорили о предстоявшей всемірной выставкѣ и о возможномъ участіи въ ней Россіи, то графъ сказалъ, что то въ родѣ того, что на выставку, при настоящемъ положеніи нашихъ дѣлъ, мы могли бы послать развѣ только драную спину помѣщичьяго крестьянина, чтобы похвалиться передъ Европою безмѣрной выносливостью этой спины; наконецъ, по какому-то такому же поводу, графъ воскликнулъ, что когда все это слышишь,—самое имя Русское становится противнымъ.

Профессоръ Шевыревъ, понявъ всѣ эти замѣчанія графа въ томъ смыслѣ, что графъ позоритъ и унижаетъ Россію и все Русское, безразлично—хорошее оно или дурное, съ запальчивостью сталъ укорять графа въ недостаткѣ патріотизма, весьма не стѣсняясь при этомъ въ выраженіяхъ. Графъ отвѣтилъ тоже съ горячностью и, между прочимъ, сказалъ, что Шевыревъ принялъ на себя неблагодарный трудъ быть защитникомъ всякой мерзости и подлости. Затѣмъ собесѣдованіе это, разгораясь, стало принимать все болѣе и болѣе бурный характеръ. Шевыревъ кричалъ, что графу дорогъ лишь его титулъ, а ему, Шевыреву, дороже всего честь Русскаго имени. Съ обѣихъ сторонъ посыпались слова прямо бранныя и даже неприличныя. Присутствовавшія на засѣданіи лица и хозяева Чертковы, видимо, растерялись и не сумѣли во время положить конецъ этой сценѣ. Графъ Бобринскій, наступая на Шевырева, требовалъ дуэли. Шевыревъ рѣшительно отказывался, говоря, что направлять пистолетъ въ человѣка, вообще противно его правиламъ, а въ данномъ случаѣ у него, никогда въ жизни не стрѣлявшаго, едва ли есть основаніе подставлять подъ выстрѣлъ свою грудь за то только, что онъ защищалъ честь Русскаго имени. Отступая отъ графа, Шевыревъ схватился за стулъ, а графъ, принявъ это за угрозу, замахнулся и задѣлъ Шевырева. Послѣ этого началось уже побоище, въ которомъ графъ Бобринскій, человѣкъ громаднаго роста и силы, конечно, смялъ совершенно Шевырева и даже повредилъ ему ребро. Только тутъ удалось разнять дравшихся, и Шевырева унесли домой“.

Извѣстіе объ этомъ происшествіи мгновенно распространилось по Москвѣ, а Московскій генералъ губернаторъ графъ А. А. Закревскій счелъ своею обязанностью, довести объ этомъ происшествіи до свѣдѣнія Государя.

По Высочайшему повелѣнію, князь В. А. Долгоруковъ, 8 февраля 1857 года, писалъ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову слѣдующее:

„Государь Императоръ, относительно Шевырева, Высо-

чайше повелѣть соизволилъ, предложить ему, согласно съ мнѣніемъ генералъ-адъютанта графа Закревскаго, оставить званіе члена Московскаго Художественнаго Общества и подать прошеніе объ увольненіи отъ должности профессора Университета; кромѣ того, выслать его изъ Москвы, на жительство въ Ярославль. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщивъ вмѣстѣ съ симъ графу Закревскому и министру Внутреннихъ Дѣлъ, я долгомъ считаю и ваше высокопревосходительство увѣдомить, для зависящихъ въ чемъ слѣдуетъ распоряженій".

Графу же Бобринскому, Высочайше повелѣно было, оставить столицу и жить безвыѣздно въ своей деревнѣ.

„Горестно вспомнить объ этомъ событіи",—писалъ Погодинъ,—„Шевыревъ поплатился за свою слишкомъ горячую любовь къ Отечеству... Ссора Шевырева была представлена не такъ, какъ бы слѣдовало. Шевыреву назначено было жить въ Ярославлѣ. Я утѣшалъ его, стараясь сколько-нибудь разсѣять его, что онъ будетъ имѣть случай написать, въ pendant къ *Слову* Даніила Заточника,—*Слово* Стефана Заточника... Какова была мысль подниматься съ семействомъ на житье въ Ярославль,—послѣ университетскаго юбилея, съ высоты своей славы".

Никитенко же, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 26 января 1857 года, записалъ слѣдующее: „Въ минуту, когда общество наше готово совсѣмъ утонуть въ обычной апатіи и пустотѣ, когда толки о погодѣ, о придворныхъ новостяхъ, о томъ, что въ такомъ-то журналѣ обруганъ такой-то и т. д. — когда все это начинаетъ безмѣрно надоѣдать,—благосклонная судьба обыкновенно посылаетъ нашей публикѣ, на выручку, какой-нибудь громкій, особенный случай, преимущественно скандалъ. И вотъ, публика выходитъ изъ летаргическаго сна, начинаетъ шевелиться, поднимаетъ голову, слушаетъ, говоритъ, смѣется, пока это ей не надоѣстъ въ свою очередь, и она, усталая, снова погружается въ пуховикъ своего умственнаго и сердечнаго бездѣйствія. Вотъ теперь такой случай прилетѣлъ къ

намъ изъ Москвы... Сегодня, въ Академіи, въ Университетѣ, только объ этомъ и толкуютъ. Кто стоитъ за одного изъ бойцевъ, кто за другого" [156]).

„Вы сердитесь на меня",—писалъ С. Т. Аксаковъ къ Погодину,—„какъ капризная женщина... Не хотите раздѣлить со мною общественнаго оскорбленія въ лицѣ Шевырева! Я прихожу въ бѣшенство отъ одной мысли объ этой вопіющей несправедливости".

„Шевыревская исторія",—писала къ Погодину же А. П. Елагина,—„несносно печальна. Просто горько и стыдно".

Но самъ Шевыревъ, 25 января 1857 года, писалъ къ Ю. Н. Бартеневу: „Примите мою душевную благодарность за ваше вчерашнее посѣщеніе и бесѣду... Исторія непріятна, но она имѣла много пріятныхъ для меня послѣдствій и обнаружила, что гораздо болѣе добра, нежели зла, въ нашемъ Московскомъ обществѣ, что добрыхъ людей у насъ много, что имя Русское славится и знаменуетъ себя прекрасно. Не прошло часа послѣ событія, какъ у моей постели сидѣлъ добрый вѣстникъ отъ графа А. А. Закревскаго, Ив. Н. Замятинъ. Графъ Закревскій, узнавъ о событіи отъ А. Д. Черткова, прислалъ Замятина успокоить меня и спросить о моемъ здоровьѣ... Н. Г. Рюминъ также посѣтилъ меня и узнавалъ обо мнѣ. Въ прошедшее воскресенье, попечитель Университета Е. П. Ковалевскій почти часъ провелъ у меня въ домѣ, исполненный ко мнѣ вниманія и участія. Всѣ знаменитости нашего Медицинскаго Факультета, Ѳ. И. Иноземцевъ, А. И. Поль, А. И. Оверъ, О. В. Варвинскій, А. О. Армфельдъ, другъ за другомъ меня навѣстили. Дамы посѣщали меня больного въ спальнѣ, у моей постели. Говорить ли объ участіи друзей? Голоса отовсюду, исполненные участія, неслись ко мнѣ. И вы меня посѣтили, и такъ отрадно бесѣдовали со мною. Въ Москвѣ, къ сожалѣнію, говорятъ, что я будто бы сына подстрекаю къ мщенію, и что сынъ намѣренъ отомстить за меня. Я сегодня получилъ отрадное письмо отъ сына. Если я самъ, по Христіанскимъ правиламъ, противникъ дуэли,

то, конечно, передалъ эти правила сыну. Мой юноша растетъ силами внутренними для служенія Отечеству: пошлю ли я его на такое скверное дѣло, какъ дуэль, когда я самъ готовъ отъ души простить обиду, мнѣ нанесенную. Да и зачѣмъ же сыну моему мстить за меня, когда я защищалъ имя Русское? Тутъ лучшее мщеніе въ приговорѣ общественнаго суда. Надѣюсь, что въ Московскомъ обществѣ нашемъ, имя Русское свято, и что за меня столько же мстителей, сколько добрыхъ Русскихъ въ нашемъ Отечествѣ. Зачѣмъ же приносить мнѣ въ жертву милаго юнаго сына? Нѣтъ, я принялъ всѣ мѣры, чтобы сынъ мой остался спокоенъ и продолжалъ свои занятія науками. Онъ исполнитъ мою просьбу и приказаніе. Видно, нѣкоторымъ событіямъ надобно случиться, чтобы выяснились мысли людей, чтобы сказывались ярче добро и зло, чтобы потрясались внутреннія струны души....О, какая музыка! Съ одной стороны, чудная гармонія, съ другой — разладица. Но гармонія торжествуетъ и нравственная сторона возвышается. Да, пускай я страдаю, лишь бы эта сторона возвышалась и торжествовала, и лишь бы славилось имя Русское".

Узнавъ о своей ссылкѣ въ Ярославль, Шевыревъ сообщилъ объ этомъ Погодину, и послѣдній, 15 февраля 1857 года, занесъ въ свой *Дневникъ*: „Извѣстіе отъ Шевырева. Опальный и ссыльный. Къ нему. Жалокъ". На другой день послѣ этого посѣщенія, Шевыревъ писалъ Погодину: „Много говорено было днемъ. Все никакъ не могу понять, какъ же я попалъ въ опальные и ссыльные"? Вслѣдъ за симъ, Шевыревъ снова пишетъ Погодину: „Просьбу къ графу Закревскому я отправилъ черезъ Ѳ. П. Корнилова. Если надобно будетъ что прибавить, онъ велитъ прибавить. Графъ Закревскій самъ такъ велѣлъ просить; я уже право не знаю, что мнѣ дѣлать.— Хорошо тебѣ такъ говорить; до весны, т.-е. до мая мѣсяца, я долженъ буду просидѣть въ домашней тюрьмѣ и не знать свѣжаго воздуха. Выѣзжать не велѣли доктора. Лучше ужъ поѣду въ Ярославль съ семействомъ. И заключеннымъ позволяютъ выходить на воздухъ, а мнѣ нельзя будетъ. А каково,

въ теченіе великаго поста, не говѣть, не быть ни разу у обѣдни, быть лишену Святаго Причастія. Ужъ это похоже на страданія Максима Грека. Оно, правда, мнѣ кстати. Скоро буду писать объ немъ, если не убьютъ вдосталь. Все хочется плакать. Боюсь выплакать сердце. На жизнь не достанетъ. Я не могу никакъ принять позы, разыгрывать жертвы. Это не въ моемъ характерѣ. Я страдаю—и только".

Въ тотъ же день, по полученіи этого письма, Погодинъ посѣтилъ Шевырева, и подъ 17 февраля 1857 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеромъ къ Шевыреву, который все-таки не образумился, а жалокъ".

Какъ и слѣдовало ожидать, въ Шевыревѣ приняли горячее участіе Петербургскіе друзья его.

22 февраля 1857 года, воспитатель Наслѣдника Цесаревича В. П. Титовъ писалъ Погодину: „Спѣшу увѣдомить тебя, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, что просьба нашего стараго товарища разрѣшена благопріятно. Письмо твое, отъ 17-го, вслѣдъ за полученіемъ, сообщено мною было князю Долгорукову, который безпристрастно и доброжелательно далъ ходъ Московскимъ представленіямъ. Душевно жаль добраго Шевырева. Дай Богъ ему скорѣй оправиться тѣломъ и успокоиться духомъ. Происшествіе, во всѣхъ отношеніяхъ печально, и подробности такія, какъ описывалъ ихъ самъ Шевыревъ, легко могли подать поводъ къ заключенію, что для собственной его пользы лучше будетъ удалиться ему на нѣсколько времени изъ Москвы. Зла ему никто не желалъ и все, позже оттуда писанное въ его оправданіе и облегченіе, нашло здѣсь вѣрный отголосокъ. Мы часто говорили про него съ А. А. Окуловою, Вяземскимъ и Норовымъ, которые не одни принимаютъ въ немъ теплое участіе. Дружески обними его за всѣхъ насъ, когда увидишь".

Прочитавъ письмо Титова, Шевыревъ писалъ Погодину: „Благодарю тебя за письмо отъ Титова. Возвращаю его. Я имѣю уже извѣстіе, почти оффиціальное (но это пока между нами), что меня оставляютъ въ Москвѣ до выздоровленія, а

потомъ есть надежда поѣхать въ деревню, но только еще надежда. Вѣроятно, все это есть плодъ совокупныхъ трудовъ Петербургскихъ друзей. Слава Богу, что не совсѣмъ еще охладѣли люди, а то душѣ становилось больно грустно".

XLII.

7-го марта 1857 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Я въ первый разъ сегодня прокатился въ каретѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Сосланный вмѣсто Ярославля въ свой домъ, я не знаю хорошо своего положенія".

На другой же день, онъ писалъ Погодину: „Аксаковы ничего не могутъ сдѣлать для Трутовскаго. Онъ былъ влюбленъ въ дочь. Она идетъ за мужъ. Вотъ причина умственнаго разстройства. Это, разумѣется, между нами... Поклонись отъ меня душевно Степану Алексѣевичу (Маслову) и Василію Александровичу (Кокореву), и поблагодари ихъ за посѣщеніе. Я, какъ узникъ, не могъ отдать имъ тѣмъ же. Принялся за Русскіе глаголы пока—и на этомъ отдыхаю. Все тотъ же что былъ въ Парижѣ; все профессоръ, хоть и безъ каѳедры. Ты гоняешь своихъ удѣльныхъ, а я спрягаю глаголы... Да что ты такой грустный?.. Что за Литература! Тошно въ руки брать....Пожалуйста, поклонись добрымъ людямъ да крѣпко пожми имъ руки. Ими веселится сердце. На нихъ съ надеждою смотришь и отдыхаешь душею... Да что такихъ людей въ дѣло не пускаютъ! Видно нѣтъ добра. Ай, горе, горе, горе!.. Завтра Сорокъ Мучениковъ и жаворонки прилетятъ. Вотъ девизъ Россіи".

Шевыревъ жаловался Погодину на постигшее его новое горе. „Да ужъ называть ли это горемъ"?—писалъ онъ,—„сегодня (12 марта 1857 года) пришла мнѣ отставка; сохранены пенсія и званіе академика, но отнято у меня двѣ тысячи сто рублей серебромъ, которые были бы мнѣ совсѣмъ нелишними въ теперешнемъ моемъ положеніи..... Но ужъ, право, полно горевать: буду радоваться.—Вѣдь три креста:

насиліе, клевета и несправедливость. Вѣдь славно, любезный другъ! А то хорошо, что на душѣ свѣтло—и какъ-то свѣтлѣе. Какъ бы не дѣти и не нужды семейныя, не обратилъ бы на это вниманія, а двѣ тысячи сто рублей серебромъ—не бездѣлица. Вдругъ ихъ не выработаешь. Подумай-ка, погадай, и скажи что придумаешь и присовѣтуешь. Я спокоенъ. Но не хотѣлось бы для дѣтей потерять своего. Вѣдь живу ужъ изъ капиталу. Полтора года потеряно: въ это время два тома бы издалъ. За что же потеряно время даромъ?—Да и какъ же быть жертвою Канцеляріи? Ожидаю отъ тебя отвѣта".

Вмѣсто отвѣта, Погодинъ посѣтилъ Шевырева, и подъ 16 марта 1857 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдалъ у Шевырева, который составилъ категоріи своихъ непріятелей: насиліе, клевета, несправедливость и проч. Довольно спокоенъ и не понимаетъ своего положенія".

Поздравляя Погодина съ Свѣтлымъ Праздникомъ, Шевыревъ писалъ: ...„Я былъ у тебя, но мнѣ сказали, что ты въ деревнѣ. Вѣроятно, заперся по обычаю... Отъ министра ни слова въ отвѣтъ. Вчера получилъ очень пріятное письмо отъ князя Вяземскаго... Что за ужасно-холодная Пасха! Этого я не запомню".

Въ маѣ мѣсяцѣ того же 1857 года, какъ мы уже знаемъ, и самъ Погодинъ слегъ въ постель, но и на одрѣ болѣзни не забывалъ своего несчастнаго друга, и подъ 11 мая, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Какъ жаль Шевырева". Едва получивъ облегченіе отъ болѣзни Погодинъ писалъ Шевыреву: „Чуть-чуть лучше. Болѣзнь принимала опасный характеръ. Три дня сряду были операціи многократныя. Боль невеликая, но воображеніе страшно было поражено, такъ что по вечерамъ даже былъ почти безъ памяти. А объ тебѣ все-таки думалъ въ антрактахъ: слушай, слушай меня безусловно—чувствую, что тебѣ говорю дѣло. Томъ Древней Словесности—такъ какъ уже начатъ и почти конченъ тобою—оставлять нечего. Но надо въ одно и то же время выдать: Гомера, Данта и Шекспира. Нужды нѣтъ, если это можно будетъ чрезъ годъ или болѣе.

Ты явишься на сцену съ этою книгою въ двухъ или трехъ частяхъ: Гомеръ, Дантъ и Шекспиръ и четвертою частію— Древней Словесности. Слышишь? Непремѣнно! А до тѣхъ поръ ни гу-гу, даже писемъ писать какъ можно менѣе. Повѣрь, что это будетъ хорошо. А ты все еще ни своего положенія, ни своихъ отношеній къ обществу, къ Литературѣ, не понимаешь и не видишь нисколько, и находишься въ заблужденіи. Обнимаю. Первое писаніе".

Въ другомъ письмѣ Погодина (15 августа 1857 г.) къ Шевыреву, читаемъ: „Ну какъ же ты поживаешь, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ? Что подѣлываешь? Каково твое здоровье? Твой духъ? Что Софья Борисовна? Дѣти? Черкни мнѣ обо всемъ этомъ строки по двѣ, да третью въ отвѣтъ о Гомерѣ, Шекспирѣ и Дантѣ. Работаешь ли надъ ними. Сколько листовъ накатано. Исторія Русской Словесности меня теперь не интересуетъ. XV, XVI, XVII-мъ вѣкомъ теперь нельзя произвести дѣйствія. Это хорошо для школы, для каѳедры, въ другое время. Тебѣ особенно нужно ударить съ другой стороны. Послушай меня. Я все еще боленъ и поправляюсь медленно. Носъ все еще шалитъ, и опухоль не прошла, хоть все уменьшилось нѣсколько. Голова свѣжа и работаю порядочно. Въ послѣднее время сидѣлъ надъ Новымгородомъ. Безпокоятъ дѣла, въ которыхъ не вижу хорошаго направленія".

Изъ своего сельскаго уединенія Щекина, Шевыревъ (21 августа 1857) отвѣчалъ Погодину: „Книги, и кабинетъ, и каѳедра меня утомили. Мнѣ теперь гораздо пріятнѣе бесѣдовать съ простымъ Русскимъ человѣкомъ, чѣмъ съ любымъ изъ нашихъ повѣствователей и даже чѣмъ съ великими поэтами міра. На душѣ у меня свѣтло. Я ни передъ кѣмъ изъ людей не виноватъ. Виноватъ передъ Богомъ, какъ всѣ мы грѣшные. Тишина души и миръ совѣсти—великая услада. Природа въ гармоніи съ ними. Я не скучаю, не унываю. А жду времени, когда бодро примусь за трудъ. Надобно для того собрать физическія силы, которыя были много истощены Уни-

верситетомъ, интригами факультетскими и послѣдними событіями моей жизни. О дѣйствіи на публику я не думаю. Мнѣ хочется довершить мой трудъ *), потому что въ немъ есть полная мысль. Если гоняться за эффектами, растеряешься въ мелочахъ и не оставишь послѣ себя ничего цѣлаго и оконченнаго. Исторія Русской Словесности должна быть написана. Рано или поздно ее прочтутъ...... Дѣти—общее безпокойство отцевъ современныхъ, довѣряющихъ исключительно гимназіямъ и университетамъ. Позволь сказать тебѣ искренно: ты слишкомъ удаляешься отъ дѣтей своихъ и живешь внѣ семьи. Наука не должна разстраивать жизни—и исполненіе обязанности семейной, по моему, важнѣе изданной книги. Князь Меншиковъ сосѣдъ мой, былъ у меня первый. Я не могъ еще отдать ему визитъ".

Въ семейной же жизни Погодина, конецъ 1857 года ознаменовался радостнымъ событіемъ. Онъ благословилъ дочь свою Александру на вступленіе въ законный бракъ съ Зедергольмомъ

„Вчера благословилъ я",—писалъ Погодинъ Шевыреву,— „свою Сашу, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, и спѣшу извѣстить тебя, зная, какъ ты ее любишь. Хотѣлъ пріѣхать къ тебѣ, но никакъ не удалось. Не могу опомниться. Волненіе сердечное не перестаетъ. Я уѣзжалъ въ Химки, и оттуда уже прислалъ свое согласіе, предоставляя Сашѣ рѣшить. Она отвѣчала мнѣ чрезъ нѣсколько дней,—и я возвратился третьяго дня. Что Богъ дастъ — отзывы со всѣхъ сторонъ слышатся самые хорошіе. Зедергольмъ прослужилъ 17 лѣтъ на Кавказѣ, безъ средствъ и протекціи, своей грудью—школа хорошая! Добръ и честенъ, какъ свидѣтельствуютъ всѣ. Больше ни объ чемъ я никогда и не думалъ. Хотѣлось бы мнѣ русскаго,—но видно на роду написана мнѣ связь съ Варягами, а Зедергольмъ кстати или некстати шведъ".

По поводу радостнаго сего событія Погодинъ даетъ балъ.

---

*) Т.-е. Исторію Русской Словесности. *Н. Б.*

Въ это время посѣтилъ Москву М. А. Максимовичъ, и на приглашеніе на балъ отвѣчалъ своему другу: „Помогай Радигость веселиться *молодежи* твоей и тебѣ ею радоваться; былъ бы и я участникомъ, но, къ сожалѣнію, моя *молодица* еще и сегодня получила отъ своего благотворнаго врача (Смирнова) воспрещеніе выѣзжать на нѣсколько дней, послѣ вытерпѣннаго ею нарыва на щекѣ. А мнѣ уже не прыгать, да со времени супружества,—ниже́ ухаживать! Но если время будетъ тихое и не очень холодное, не премину воспользоваться призваніемъ твоимъ и прибыть къ тебѣ. До свиданія".

12 декабря 1857 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Мнѣ хотѣлось очень вчера послѣ твоего бала быть у тебя, чтобы распросить о дѣлахъ твоихъ семейныхъ, столь близкихъ и мнѣ, но грипъ схватилъ и меня—и съ субботы я сижу дома".

Въ началѣ января 1858 года, въ домѣ Погодина происходили приготовленія къ брачному торжеству.

17 января, извѣстный ученый К. И. Невоструевъ писалъ Погодину: „Честь имѣю покорнѣйше привѣтствовать васъ съ предстоящимъ бракомъ дщери вашей и въ ономъ желаю вамъ родительскаго утѣшенія. Пѣвчіе Чудовскіе мнѣ вовсе незнакомы *) и я не имѣю никакого къ нимъ отношенія (они живутъ на Троицкомъ подворьѣ). Не менѣе же ихъ славятся синодальные пѣвчіе, у коихъ помощникомъ инспектора состоитъ родственникъ мой изъ Духовной Академіи. Къ нему и относился я по письму вашему. И въ отвѣтъ на это, получилъ слѣдующую отъ него записку: Г. помощникъ регента, за 10 человѣкъ пѣвчихъ, проситъ 25 руб. сер.; за 15 человѣкъ — 30 руб.; за 20 человѣкъ — 40 руб. Меньше сего взять не можетъ, ссылаясь на то, что у нихъ работы теперь довольно и къ вамъ на Дѣвичье поле ѣхать далеко".

Самъ Погодинъ, подъ 18 января 1858 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Сазикову за образомъ. Всенощная".

---

*) Невоструевъ жилъ въ Чудовомъ монастырѣ и занимался описаніемъ рукописей Сvнодальной Библіотеки. *Н. Б.*

Въ самый же день свадьбы, 19 января 1858 года, въ *Дневникѣ* Погодина записано: „У обѣдни. Благословеніе. Горько я плакалъ про себя. Господи! помози. Встрѣча и поздравленія. Обѣдъ. Вечеръ въ избѣ. Здоровье и развеселился“.

А. Ѳ. Бычковъ былъ очень огорченъ, что Погодинъ не увѣдомилъ его объ этомъ важномъ семейномъ событіи, и 20 марта 1858 года, писалъ Погодину: „Приношу вамъ мое искреннее поздравленіе, какъ съ наступающимъ Свѣтлымъ Праздникомъ, такъ и съ событіемъ, совершившимся въ вашемъ семействѣ, о которомъ я узналъ отъ А. А. Куника и которому я душевно радовался. Не хочу таить, что чувство моей къ вамъ сердечной привязанности было нѣсколько затронуто тѣмъ, что это извѣстіе дошло до меня не лично отъ васъ“.

XLIII.

29 декабря 1856 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Лучше бы сдѣлала *Русская Бесѣда*, если бы возобновила *Москвитянинъ*. Многихъ бы промаховъ она избѣгла, многихъ бы сотрудниковъ. Она должна еще пріобрѣтать опытность, которою могла бы воспользоваться, какъ уже благопріобрѣтеннымъ капиталомъ“. Въ другомъ письмѣ Шевырева читаемъ: „Вопросы великіе, живые, историческіе. Надобно писать и говорить, а гдѣ“?

„Участь *Москвитянина*“,—писалъ, 1 марта 1857 года, П. А. Безсоновъ Погодину—„просто меня тревожитъ и бѣситъ: тщетно вы обѣщали, тщетно нанималъ я къ вамъ пошевни, тщетно писалъ напоминательныя записочки; *Москвитянина* нѣтъ въ рукахъ моихъ. Кошелевъ, написавшій столько о направленіи желѣзныхъ дорогъ, позабылъ одинъ проектъ: проложить къ вамъ *) изъ Москвы желѣзную дорогу; право, это чрезвычайно оживило бы всю нашу производительность [157]).

---

*) Т.-е. на Дѣвичье поле. *Н. Б.*

„А гдѣ же *Москвитянинъ*“?—вопрошала *Молва*,—„судьба *Москвитянина* рѣшительно окружена мракомъ неизвѣстности. Трудится ли наборщикъ надъ его листами, движется ли его типографскій станокъ?—Кто скажетъ! Можетъ быть, *Москвитянинъ* вдругъ явится, какъ тѣ рѣки, которыя возникаютъ и вдругъ выходятъ изъ-подъ земли. Мы были бы рады его появленію. Мы благодарны ему за то, что онъ не прекращалъ своего существованія, не терялъ вѣры въ лучшія времена журналистики; мы благодарны и за многія интересныя историческія извѣстія и матеріалы, имъ помѣщенные, и за немногія замѣчательныя статьи, и за то, что онъ говорилъ намъ о Славянахъ, духовнаго и кровнаго родства съ которыми мы теперь, наконецъ, не отвергаемъ. Самое то, что *Москвитянинъ* издавался плохо, было, по нашему мнѣнію, кстати; въ тотъ періодъ Литературы, Московскій журналъ не могъ благоденствовать: это бы противорѣчило всей Московской литературной дѣятельности“ [158]).

Съ своей стороны, Безсоновъ продолжалъ вопіять къ Погодину. Написавъ, что „Бартеневъ совсѣмъ оттеръ его отъ *Русской Бесѣды*“, что онъ „долженъ на время отстрониться, чтобы онъ не поссорилъ его съ Кошелевымъ и прочими“, Безсоновъ продолжаетъ: „Жду *Москвитянина*: ужели не воскреснетъ почти двухъ годовалый Лазарь? А Марѳа и Марія, вы и мы“ [159]).

Наконецъ, 7-го іюня 1857 года, Погодинъ рѣшился обратиться въ Главное Управленіе Цензуры съ слѣдующею просьбою: „Занятый окончаніемъ историческихъ своихъ трудовъ, я не имѣю времени заниматься редакціей *Москвитянина*, ученолитературнаго журнала, мною съ 1841 года издаваемаго, и прошу покорнѣйше Главное Правленіе Цензуры о дозволеніи поручить оную въ слѣдующемъ 1858 году, учителю 1-й Московской Гимназіи, коллежскому ассесору Аполлону Александровичу Григорьеву“.

Подъ симъ прошеніемъ собственноручно А. А. Григорьевымъ написано: „Принять на себя обязанность редакціи

Москвитянина, въ будущемъ 1858 году, симъ изъявляю свое согласіе".

Министерство Народнаго Просвѣщенія, получивъ удостовѣреніе отъ директора Училищъ Московской губерніи, что Григорьевъ „человѣкъ благонамѣренный и въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ замѣченъ не былъ"; а также и отъ исправляющаго должность начальника III-го Отдѣленія А. Е. Тимашева, что къ „дозволенію коллежскому ассесору Григорьеву завѣдывать редакціею журнала *Москвитянинъ* со стороны III-го Отдѣленія препятствія не встрѣчается", Министерство Народнаго Просвѣщенія, 24 октября 1857 года, исполнило просьбу Погодина.

Когда В. В. Григорьевъ узналъ объ этомъ, то писалъ Савельеву слѣдующее: „Погодинъ пишетъ мнѣ, что, пользуясь свободою отъ цензурныхъ стѣсненій, онъ располагаетъ возобновить *Москвитянинъ* и издавать его толкомъ, какъ слѣдуетъ. Если такъ, то вотъ и еще будетъ *политическій* журналъ въ Русскомъ духѣ. Давай Богъ! Не знаю, позволятъ ли служебныя занятія принять въ *Москвитянинъ* такое участіе, какое бы желалъ я принять, но чѣмъ-нибудь стану помогать, если только Катенинъ не поѣдетъ на мнѣ верхомъ" [160]).

Самому же Погодину В. В. Григорьевъ (22-го октября 1857 г.), изъ Оренбурга, писалъ: „Письмо ваше, отъ 24-го апрѣля, дошло благополучно до моихъ рукъ, вмѣстѣ со всѣми къ нему приложеніями; и радъ я былъ и письму, и приложеніямъ; а не отвѣчалъ вамъ своевременно, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, потому, во-первыхъ, что хотѣлъ, чтобы и мой отвѣтъ сопровождался какимъ-нибудь интереснымъ для васъ приложеніемъ, и потому, во-вторыхъ, что пока придумывалъ, что̀ бы такое послать вамъ, успѣлъ переболѣть нѣсколько разъ и сдѣлать довольно значительную поѣздку.

Хотите вы возобновить *Москвитянинъ*, думаете что при теперешней снисходительности цензуры можно будетъ говорить правду безъ обиняковъ, и что правда ваша кому-нибудь принесетъ пользу. Можетъ быть; но примѣръ *Писемъ* ва-

шихъ едва ли не доказываетъ противнаго. Рукописное у насъ на Руси дѣйствуетъ сильнѣе печатнаго. *Письма* эти читала вся образованная Русь, читала въ такое время, когда сильно чесалось въ затылкѣ, и что же вышло? Умнѣе, дѣльнѣе живѣе вашихъ *Писемъ* вы едва ли что произведете; съ другой стороны, большинство думаетъ, что оно уже вышло изъ лѣса на большую дорогу, и опять спокойно предается кейфу. Нѣтъ, Михайло Петровичъ, ничего путнаго не выйдетъ. Страшно подумать, а кажется, отвернулся Господь-Богъ отъ Россіи. Правятъ царствомъ тѣ же люди, что и при Николаѣ, и тѣмъ же порядкомъ идутъ дѣла. А когда эти люди сойдутъ со сцены, ихъ замѣнятъ новые, образъ дѣйствій которыхъ будетъ еще хуже. Новые люди будутъ умнѣе старыхъ, но отъ направленія ихъ еще тошнѣе станетъ Россіи, потому что умъ устремленъ будетъ на окончательное разрушеніе того, что потрясено безсознательно глупостію. Новые люди точно такъ же, какъ и старые, будутъ смотрѣть на народъ какъ на глину, изъ которой позволительно лѣпить что вздумается. Мы не понимаемъ этихъ людей, они насъ не понимаютъ. Мы не доживемъ до возможности дать дѣламъ нашъ желательный ходъ, а они скоро овладѣютъ властію, потому что мы никогда о ней не думали, а они явно стремятся къ этой цѣли. Наше дѣло—дѣло проигранное, если только ратники за него не будутъ предпріимчивѣе и рѣшительнѣе людей вашего и моего поколѣнія, а судя по *Молвѣ*, надѣяться этого нельзя. Я, живу службою, но сейчасъ же бы бросилъ ее, еслибъ могъ организовать дѣльную Славянофильскую партію, или хотя содѣйствовать ея организаціи; но я не вѣрю въ возможность этого, а безъ вѣры нечего и браться за дѣло, да и чувствую притомъ, что нѣтъ уже у меня достаточной энергіи. Грустно сознаваться, а силы истощены уже въ безтолковой служебной дѣятельности".

Высказавъ это, Григорьевъ продолжаетъ: „Оставляя Оренбургскій край, В. А. Перовскій представилъ Государю общее обозрѣніе своей дѣятельности по устройству этого края, какъ

въ первое, такъ и въ послѣднее свое управленіе—документъ довольно любопытный, за который и удостоился онъ недавно полученнаго рескрипта. Посылаю для архива вашего копію съ этого документа.

Что мы не дѣлаемъ ничего съ цѣлію подвинуть дѣла наши въ Средней Азіи, что мы смотримъ равнодушно на возстаніе туземцевъ въ Индіи, и чуть не горюемъ за Англичанъ—это скверно, но все-таки не бѣситъ меня такъ, какъ нелѣпое положеніе торговли нашей съ Среднею Азіею. Никакихъ усилій не стоитъ измѣнить его въ нашу пользу; можно сдѣлать это такъ, что никакая придирчивость Англичанъ не найдетъ куда иголочку подпустить. И со всѣмъ тѣмъ мы не только ничего не предпринимаемъ для улучшенія дѣла, но съ каждымъ днемъ портимъ его болѣе и болѣе—единственно отъ непроходимой глупости нашихъ дипломатовъ, финансоваго управленія и администраторовъ вообще. Зло, которое подъ носомъ, кидается въ носъ сильнѣе, чѣмъ хотя и бо́льшее, но отдаленное. Видѣть ежедневно ка́къ послѣдній бухарецъ надуваетъ насъ и потому презираетъ — воля ваша омерзительно. Стыдно носить имя русскаго, стыдно въ глаза взглянуть азіатцу. И хоть ты лобъ себѣ взрѣжь, растолковывая дуракамъ и свиньямъ, ка́къ глупо мы ведемъ себя, никто и ухомъ не хочетъ повести. Какъ отъ стѣны горохъ. Я служу, потому что иначе мнѣ ѣсть нечего; но тошно, тошно. Такъ бы проклялъ все, да и самъ къ чорту. Видите, въ какомъ я расположеніи духа. Тутъ не до болтовни. Прощайте же, и не поминайте лихомъ“.

XLIV.

Такимъ образомъ, 24 октября 1857 года, послѣдовало разрѣшеніе на изданіе *Москвитянина*; но нареченный и утвержденный редакторъ этого журнала А. А. Григорьевъ, по рекомендаціи и при содѣйствіи самого же Погодина, уѣхалъ въ Италію, давать уроки сыну отъ второй жены

князя Юрья Ивановича Трубецкаго. И такъ, вмѣсто *Москвитянина*, мы читаемъ рядъ интересныхъ писемъ изъ Италіи А. А. Григорьева къ Погодину.

Переписка эта началась съ 10 августа 1857 года.

Но прежде чѣмъ заняться чтеніемъ этихъ писемъ, намъ надлежитъ ознакомиться съ свѣдѣніями, сообщенными намъ почтеннымъ родословомъ В. В. Руммелемъ, о семействѣ, въ которое А. А. Григорьевъ вступилъ наставникомъ.

Ученикъ Погодина, князь Юрій Ивановичъ Трубецкой, овдовѣвъ, женился на Леопольдинѣ - Юліи - Терезіи Морень (Morin), дочери капитана Французской службы Фердинанда Мореня. Отъ этого брака князь Ю. И. Трубецкой имѣлъ двухъ дочерей и сына Ивана (род. 29 ноября 1841 г.), въ наставники которому, по рекомендаціи Погодина, вдовою князя Ю. И. Трубецкаго и былъ приглашенъ А. А. Григорьевъ.

Къ этому же времени относятся и слѣдующія письма князя Н. И. Трубецкого и князя и княгини Мещерскихъ къ Погодину, которыя для него, уже склонявшагося къ западу жизни, были дальнимъ отголоскомъ молодости и воспоминаніемъ о любезномъ ему Знаменскомъ, а потому и мы, прежде писемъ Григорьева, прочтемъ эти письма, писанныя изъ Парижа.

„Изъ всѣхъ многочисленныхъ обитателей Знаменскаго",— писалъ князь Н. И. Трубецкой,—„одной Сашенькѣ *) выбралась странная участь!! Fiat. Я часто разсказываю моей К. наше житье бытье въ Знаменскомъ, ваши уроки, мою непростительную лѣность, и наконецъ какъ мы съ вами дѣлали 1200 ударовъ въ воланы! Помните? Зачѣмъ же вы меня называете *невѣрнымъ* друзьямъ. У васъ таятся какіе-то предразсудки. Богъ съ вами"!

„Ваше письмо къ Александрѣ Ивановнѣ"—писалъ князь

*) Княгиня Александра Ивановна Мещерская (рожденная княжна Трубецкая). *Н. Б.*

Николай Ивановичъ Мещерскій къ Погодину,—„какъ она вамъ уже написала, пришло удивительно поздно; непонятно мнѣ, гдѣ оно могло пробыть два мѣсяца. Не менѣе того я былъ тронутъ до глубины сердца доброю душею вашею, истинной дружбой, которую вы намъ доказываете. Нѣтъ, сынъ мой Еммануилъ не въ хлопкахъ и не на жиденькомъ супѣ Французскомъ воспитанъ. Наше состояніе не позволило бы его лелѣять, а вотъ и доказательство, что онъ въ семнадцать лѣтъ чрезъ всю Россію проѣхалъ одинъ. Моя цѣль была—Русскій языкъ, которому бы онъ ни здѣсь, ни въ Петербургѣ не выучился бы. На Кавказѣ легче будетъ пріучаться къ Русскому языку, и пускай онъ попробуетъ собственныя свои крылья. Пожалуйста, Михаилъ Петровичъ, съ многими знакомствами, которые вы имѣете, продолжайте по дружбѣ вашей имѣть, хотя издалека, имѣть надзоръ надъ молодыми его лѣтами. Александра Ивановна пошлетъ ему письмо ваше, дабы онъ умѣлъ цѣнить дружбу такую. Прощайте, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, еще разъ благодарю васъ за жену, благодарю васъ за сына. Мнѣ остается немного дней здѣсь провести, но прошу васъ имъ продолжать дружбу вашу".

За письмомъ князя Мещерскаго слѣдуетъ письмо и княгини Александры Ивановны Мещерской: „Какимъ образомъ письмецо ваше, 12-го ноября, получила только сегодня, 22/10 января? Этотъ вопросъ вы рѣшите и не пѣняйте на мою неакуратность; за это письмо я должна васъ отъ сердца поблагодарить, за участіе въ сынѣ моемъ, но и кстати побранить—съ чего вы взяли, что Еммануилъ воспитанъ въ хлопкахъ? Самое лучшее доказательство въ противномъ, что онъ самъ устойно умолялъ ѣхать на Кавказъ и поѣхалъ и пишетъ, благодаря Бога, славныя письма! Да сохранитъ его Богъ Своею милостью! Мы долго, долго не рѣшались, но онъ умолялъ, и многіе совѣтовали, въ числѣ ихъ Платонъ Чихачевъ, отпустить его съ Богомъ! Что же было мнѣ дѣлать? Я не живу съ тѣхъ поръ, Богъ знаетъ что страдаетъ мое напу-

ганное сердце, но дѣло не обо мнѣ. Мы его поручили князю Мирскому 1-му *), его начальнику. Онъ обѣщалъ намъ здѣсь за нимъ наблюдать, какъ за сыномъ. Князь Мирской—другъ намѣстнику. У Еммануила есть письмо къ князю Борятинскому отъ его матери и отъ его любимой сестры, съ которой я очень дружна. Многія еще обѣщали намъ принять участіе въ немъ. Что же было дѣлать? Къ вамъ прислать? Мы объ этомъ думали! Но какъ воспитанъ у васъ былъ Бецкій? И гдѣ эти герои не воспитанныя въ хлопкахъ? Въ свѣтѣ *кто удаченъ, тотъ правъ*—въ этомъ все состоитъ и наши, soit disant, *нелѣпости* будутъ похвальнѣе, ежели Богъ благословитъ моего Еммануила. Вы меня напугали, Богъ съ вами! Извините мое длинное письмо и не сердитесь, читая выраженіе моей откровенности. Прошлаго года мнѣ грустно было, когда всѣ уѣхали. Я къ вамъ написала записку, которая васъ не застала. Ради нашей старой дружбы, напишите вашимъ знакомымъ объ сынѣ моемъ. Богъ васъ за то полюбитъ! Ежели былъ бы другъ въ Петербургѣ, то не отпустила бы на Кавказъ; но, не имѣя друга, не благоразумнѣе ли дѣломъ заняться на Кавказѣ, чѣмъ знакомиться въ Петербургѣ immoralité. Онъ воспитанъ нравственно, слава Богу. Вотъ и у меня бумаги не стало! Прошу васъ, извините: не знаю какъ адресовать, вы—Превосходительство? Но знаю, вы всегда старый другъ Михаилъ Петровичъ. Мужъ, дочь, сестра, вамъ усердно кланяются. Мнѣ такъ жаль, что онъ у васъ не былъ. Онъ мнѣ писалъ, что не могъ васъ видѣть".

Теперь обратимся къ чтенію писемъ А. А. Григорьева.

Переписка началась съ 10 августа 1857 года. „Съ чего начать это письмо"?—пишетъ Григорьевъ, съ „благодарности? Вы знаете, что я всегда сильно чувствую сдѣланное мнѣ добро. Вы имѣли, или лучше сказать, Провидѣніе имѣло черезъ васъ благую цѣль—услать меня на нѣсколько времени куда-нибудь подальше. Если бы мнѣ предложили вы тогда

---

*) Князю Дмитрію Ивановичу Святополкъ-Мирскому. *Н. Б.*

ѣхать въ Гренландію, я бы точно также охотно согласился, какъ согласился ѣхать въ Италію... Душа моя была совсѣмъ разбитая и не было въ ней ни одного мѣста, которое бы не наболѣло. Не знаю, въ какой мѣрѣ и степени вы это понимаете, мой *строгій* (!), бранчивый, но глубоко-нѣжный Михаилъ Петровичъ; но вы это понимали..... Зачѣмъ вы хотѣли бы положить рѣзкую грань между прошедшимъ моимъ и будущимъ? Нѣтъ! Да изсохнетъ десница моя, если я забуду тебя, о Іерусалимъ,—т.-е., зеленый *Москвитянинъ!* *) Благороднѣйшая, сознательнѣйшая полоса юности, формація крѣпкихъ и возвышенныхъ вѣрованій, купленныхъ и страданіями, и безумной, но широкой жизнію, и безумными, но поднимавшими душевный строй страстями, и страшными жертвами своего *я*, и смиреніемъ передъ правдою. Незачѣмъ класть граней между моимъ будущимъ и этимъ прошедшимъ. Неужели вы, человѣкъ всегда бывшій и оставшійся способнымъ къ широкому пониманію жизни, видѣли въ ней, въ этой жизни только праздный разгулъ?.. Вотъ и здѣсь, далеко уже отъ всего этого, я скажу все-таки одно и то же. Можетъ быть, мы ничего не сдѣлаемъ; можетъ быть, мы только брага или даже пѣна будущаго пива, но если чему-либо дѣлаться въ настоящую минуту, то *нашихъ* рукъ дѣло миновать не можетъ. Гордость—скажете вы... Не знаю, только будьте добросовѣстны сами и скажите: много ли вы ждете отъ вашихъ беззагульныхъ праведниковъ, которые, впрочемъ всѣ очень хорошіе и почтенные люди! Но Боже мой! Во градѣ Ливорно, на берегу изумруднаго Средиземнаго моря, въ которомъ только-что сейчасъ я выкупался и котораго полоса виднѣется изъ окна палаццо, гдѣ я живу— я всей душею ушелъ опять въ старый любимый вопросъ...... Какое-то осрамленіе произвело на меня все, что я видѣлъ въ двѣ недѣли путешествія, хотя собственно осрамленіе произведено Прагой и Венеціей да тремя моряками.

---

*) Т.-е. Молодая Редакція *Москвитянина. Н. Б.*

Остальное, право, не стоитъ того, чтобы упоминать и ѣздить такъ далеко. Особенно Пруссія и Берлинъ. Мнѣ больно и стыдно было за нашихъ гелертеровъ, восхищающихся наивно наслажденіями Берлинской или Вѣнской жизни. Это какія-то копѣечныя, расчетливыя удовольствія. Мы, т.-е. Русскіе, такъ удовольствоваться не умѣемъ, да и слава Богу, что не умѣемъ. Вѣдь способность такъ жить, способность къ копѣечному сладострастію—показываетъ страшную мизерность души. Да и весь Берлинъ—Петербургъ (!) да еще въ мизерномъ видѣ. Передъ однимъ зданіемъ стòитъ снять шапку (чтò я и сдѣлалъ) передъ Университетомъ. Тамъ на цѣлый міръ звучало слово вѣнценосныхъ Гегеля и Шеллинга. А кстати: зашелъ я спросить въ книжную лавку портретъ моего идола да прибавилъ еще des *Herrn Professors*... „Und wer ist der Herr Schelling?—получилъ въ отвѣтъ и подумалъ:

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ
Скажи мнѣ, что такое слово?

Ай-ай-ай! Листъ кончается.

У княгини мнѣ пока хорошо—и, кажется, меня полюбили. Я знаю, что свое дѣло дѣлаю я посильно, больше чѣмъ добросовѣстно. Я два раза въ день занимаюсь съ княземъ: утромъ теоретически, вечеромъ практически. Въ это дѣло, мнѣ, слава Богу, приходится вносить всю душу и оно для меня есть настоящее дѣло. Учу и учусь. Весь день мой въ занятіяхъ“......

Письмо 2-е. 26 августа 1857 года, изъ виллы Санъ-Патриціо: „Не знаю, знали вы или нѣтъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что посылаете меня нѣкоторымъ образомъ на какое *послушаніе*: во всякомъ случаѣ—я *послушаніе* выполняю. Я серьезно и честно дѣлаю дѣло, которое вы мнѣ поручили, т.-е. воспитываю молодого князька, мягкаго, какъ воскъ, но..... Два раза въ день занимаюсь я имъ: полтора часа утромъ Русской и Славянской грамматикой, Закономъ Божіимъ, Русской Исторіей, Латинскимъ языкомъ, да полтора часа

послѣ обѣда читаю ему и его сестрамъ произведенія Русской Литературы. Князекъ привязывается ко мнѣ, ибо двухъ часовъ прожить безъ меня не можетъ. Барыня..... со мною деликатна и предупредительна. Вообще она въ сущности добрая *барыня* и главное ее несчастіе то, что она *une artiste manquée*, ибо у нея до сихъ поръ удивительный талантъ. Талантъ этотъ ее мучитъ и, за недостаткомъ поприща, выливается или переливается черезъ край въ домашнихъ дрязгахъ. Бецкій извѣстный вамъ — д..... и п..... съ ненавистью ко всякой даровитости, прикрываемою уваженіемъ къ трудолюбію и учености, ибо самъ онъ занимается какими-то безцѣльными трудами по части Искусства.... Покамѣстъ, мнѣ внѣшнимъ образомъ хорошо, т.-е. меня покоютъ, уважаютъ всѣ мои привычки, даже просили меня остаться при моемъ костюмѣ, который было я, *страха ради Австрійскаго*, начиная съ Праги измѣнилъ на кургузый Европейскій; хотя всѣмъ этимъ ослѣпляться не долженъ. Но я дѣлаю здѣсь дѣло... Описывать вамъ впечатлѣніе Италіей я не стану. Вмѣсто впечатлѣній, у меня родится постепенно цѣлая книга думъ, подъ названіемъ: *Друзьямъ издалека*. Хочу съ вами лучше серьезно поговорить о будущемъ. Я обязанъ вамъ много — но душевно гораздо больше чѣмъ матеріально. Вы знаете, что я подчинялся, подчиняюсь вамъ и буду подчиняться, какъ высшему и старшему въ пониманіи того, что̀ люблю я столь же горячо и безкорыстно, какъ и вы. На счетъ матеріальный я смотрю, правдѣ въ глаза прямо. Не выгоритъ наше дѣло по *Москвитянину* — нечего дѣлать; придется пожертвовать домомъ, а матеріальнаго обезпеченія искать въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что на-роду мнѣ знать написано, быть ни чѣмъ инымъ, какъ Русскимъ литераторомъ и ни къ чему другому я не способенъ. Съ службой надобно покончить навсегда и это вовсе не изъ Донъ-Кихотства какого-нибудь, а изъ того, что 1) ни моральныхъ, ни служебныхъ силъ у меня не станетъ болѣе надувать человѣчество, читая въ Гимназіи предметъ, который я считаю для

Гимназіи безполезнымъ и котораго я нисколько не знаю *). Лѣнь ли это—умозаключайте сами изъ того, что я аккуратнѣйшимъ образомъ и съ стараніемъ возовой лошади буду всегда ежедневно дѣлать то, что я умѣю дѣлать; 2) никакихъ силъ такъ же не станетъ у меня выносить формализмъ служебный. Да и не зачѣмъ—въ случаѣ ли успѣха *Москвитянина*, въ случаѣ ли переѣзда въ Петербургъ. Когда я возвращусь,—что никакъ не можетъ быть прежде января, ибо вы сами дали мнѣ здѣсь дѣло и дѣло честное, — мы должны начать *Москвитянинъ* съ марта мѣсяца..... До сихъ поръ мы все говорили о *Москвитянинѣ* какъ то *воздушно* и этимъ воздушнымъ характеромъ начинаній да вашей болѣзнію объясняется то, что вы *сердились*, когда я вамъ говорилъ о покупкахъ для *Москвитянина* и проч. Но, либо я дѣйствительно удостоенъ вами довѣренности въ качествѣ редактора, либо эта какая-то игра. Смотрю на вещи прямо и здѣсь, какъ смотрѣлъ тамъ. О томъ, что у меня мало земли подъ ногами,—какъ выражался человѣкъ котораго умъ я глубоко уважаю, но характеръ гражданскій и личный цѣню весьма дешево,—жалѣть нечего. Земли всегда будетъ достаточно подъ каждымъ изъ насъ со временемъ; были бы крылья! Это воззрѣніе еще болѣе укореняется у меня въ землѣ, гдѣ земля, и море, и небо, и горы такъ хороши, что должны бы напротивъ къ себѣ притягивать. Мнѣ *лично* терять уже нечего — но *этимъ-то* (и только этимъ: я очень знаю себѣ цѣну) я и дорогъ для дѣла: дѣло есть для меня все. О себѣ, право, я и заботиться не хочу. Проживется какъ-нибудь — не я первый, не я послѣдній. Лучше ли хуже ли — вѣдь это въ сущности такой вздоръ, о которомъ и думать не стоитъ. Стало быть, Бога и Христа ради, поставьте вопросъ такимъ образомъ, чтобы я и моя личность интересовали васъ, поколику я могу быть полезенъ Литературѣ и журналу... Вотъ вамъ — не знаю утѣшительный ли, но во всякомъ случаѣ правдивый результатъ

---

*) Законовѣдѣніе. *Н. Б.*

двухъ мѣсяцевъ жизни, совершенно уединенной, жизни размышленій и наблюденій. Что я работалъ надъ собою въ это время могу сказать съ совершеннымъ убѣжденіемъ. Что будетъ дальше—не знаю".

Письмо 3-е. 18 сентября 1857 года: „Прежде всего — Христосъ Воскресе! хотя бы еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Великая *вѣсть* *) принесена къ намъ *Нордомъ*, но еще прежде я услыхалъ о ней отъ нашего Флорентійскаго священника (ибо недавно я ѣздилъ съ княгиней на два дня во Флоренцію), который со слезами восторга сообщилъ мнѣ объ этомъ. *Какъ* бы ни сдѣлали, въ *какой бы степени* ни сдѣлали—начало положено. Ура — Александру II-му, благоденствіе—великому Отечеству! Здѣсь *всѣ* приняли это дѣло съ радостью (тутъ есть частица и моего вліянія). Одинъ Бецкій похудѣлъ отъ злобы и страха...... Княгиня, не смотря на свою крикливость, оказывается право весьма честною женщиною. Изъ князька—авось Господь поможетъ мнѣ выдѣлать что-нибудь путное. По крайней мѣрѣ я принялъ это, какъ серьезную задачу, возложенную на меня Провидѣніемъ, и въ эту задачу кладу всѣ силы, которыя мнѣ отпущены Господомъ Богомъ на дѣло: т.-е. извѣстную степень ума, даровитости и соотвѣтствующія добродѣтели осторожности и хитрости. Нравственное вліяніе мое на него растетъ значительно. Съ отличнѣйшимъ, но ограниченнѣйшимъ англичаниномъ, мы не ссоримся, но Бецкій, если бы вы знали только какая это... Его православіе (т.-е. лучше католицизмъ) — православіе Андрея Муравьева въ соединеніи съ Фамусовымъ взглядомъ на Просвѣщеніе. Этотъ господинъ считаетъ *Горе отъ ума непозволительнымъ* для юношества — вотъ вамъ его мѣрка. Всѣми презираемый, всѣми трактуемый весьма скверно, онъ имѣетъ мѣдный лобъ жить тутъ... Не дивитесь тому, что я такъ долго занимаю васъ этою дрянью: я въ жизни еще не наталкивался на гадину, болѣе отвратительную своимъ гадкимъ

---

*) Объ освобожденіи крестьянъ. *Н. Б.*

безсиліемъ и не считаю противнымъ Христіанской любви свое отвращеніе. Жизнь моя пришла въ желаемыя границы. Я учу и учусь, я дѣлаю дѣло (то или другое) почти весь день. Пишу много. (Даже стиховъ много). Теперь вотъ что: вы говорили мнѣ, чтобы я, если найду нужнымъ, оставался съ Богомъ еще, хоть на четыре мѣсяца. Увы! такъ и приходится. Княгиня возвращается въ Москву только на весну. Впрочемъ, вамъ стоитъ только написать и, чтобы ни было, я явлюсь. Дѣло-то въ томъ только, что я сталъ весьма серьезно смотрѣть на то дѣло, которое я здѣсь дѣлаю, и класть въ него душу. Поэтому благословите остаться! Чѣмъ лучше я сосредоточусь, тѣмъ лучше для *Москвитянина*, Весьма значительно усовершенствовался въ Англійскомъ языкѣ, по Итальянски читаю.

XLV.

Отвѣтныя письма Погодина привели Григорьева въ восторгъ, и онъ, 27 октября 1857 года, пишетъ ему *Письмо* 4-е: „Благодарю васъ глубоко, душевно благодарю васъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за оба ваши письма, особливо за письмо, отъ 11 октября: я съ нимъ не разстаюсь; глупо сказать, но все-таки скажу: я цѣловалъ въ немъ тѣ строки, гдѣ говорите вы: „Утро встаетъ, заря занимается“... Я весь день проходилъ въ какомъ-то чаду лирическаго упоенія....... Я ходилъ по всѣмъ мѣстамъ, отыскивая хотя ли кого-нибудь изъ Русскихъ, кому бы я могъ броситься на шею, гордясь и тѣмъ, что я Русскій, и даже своей Русской одеждой, которую сохранилъ я съ упорствомъ раскольника. Да—дѣлать, работать!.. Но, не изъ восклицаній, а изъ подробнаго донесенія обо всемъ, что̀ я дѣлаю и о чемъ надумался, должно состоять сіе письмо.

На воспитаніе князька я взглянулъ, благодаря моей страстной натурѣ, весьма серьезно и съ начала, еще болѣе серьезно гляжу теперь. Но еще до сихъ поръ я, то прихожу

въ горькое отчаяніе, то преисполняюсь надежды паче мѣры, и середины никакъ не найду. И не думайте, чтобы виною этого было отсутствіе середины только во мнѣ самомъ. Нѣтъ!....... Но не даромъ же Господь наложилъ на меня эту задачу, ибо *даромъ* въ жизни ничего не бываетъ. Надъ натурою же этой поработать стоитъ: онъ у меня даровитъ—и не одной только внѣшней даровитостью,—ибо иначе откуда бы у него образовалась привязанность ко мнѣ, фанатику такого взгляда на жизнь, который радикально противорѣчитъ его взглядамъ (ибо у него ужъ есть взгляды—въ этомъ-то и горе). Кто виноватъ въ этихъ взглядахъ? Отчасти княгиня........ Отчасти Бель, честнѣйшій человѣкъ или, лучше сказать, *дядька*....... Бель посмотрѣлъ на свое дѣло такъ, что главное—надобно *скрывать* отъ юноши все, что можетъ возбуждать страсти—*ergo* не надобно ничего читать, кромѣ дѣтскихъ книгъ; въ Исторіи—*зачеркивать* всѣ мало-мальски ужасныя событія. Что же вышло? Страстная натура обращена только въ другую сторону—на мелкія страстишки: на лошадей съ хорошей упряжью, на маленькое тщеславіе и т. п. Прибавьте къ этому Бецкаго, который безъ смысла заставляетъ зубрить катихизисъ и при каждомъ вопросѣ ученика говоритъ: „Это въ тебѣ спрашиваетъ дьяволъ". Вотъ что я засталъ (кромѣ того, что по-Русски онъ говорилъ: моя дядя ошибился). Мальчикъ пятнадцати лѣтъ—въ совершенствѣ знаетъ по-Англійски и не знаетъ Шекспира; полуитальянецъ — не читалъ Данта, когда мы, дѣти толпы, въ эти годы прочли все, что можно было прочесть... Прибавьте къ тому еще *порядокъ* дня, губящій безплодно столько времени. О, порядокъ! Не даромъ во мнѣ, какъ во всякомъ Русскомъ человѣкѣ таится къ тебѣ закоснѣлая, непримиримая ненависть... Вотъ что я засталъ. Какъ истинно Русскій человѣкъ, т.-е. какъ смѣсь фанатика съ ерникомъ (извините за выраженіе—впрочемъ, оно благодаря пріятелю моему Дружинину и благодаря *Русской Бесѣдѣ*, напечатавшей его въ письмахъ Грановскаго—получило уже литературное гражданство)—я не сталъ въ борьбу съ

тѣмъ, съ кѣмъ нельзя бороться; подчинился всему нелѣпому въ домѣ, всему злу порядка (Бель мечталъ всегда и доселѣ мечтаетъ, бѣдный, завести свой порядокъ—и эти два *порядка*, Белевскій и княгининъ, грызутся между собою уморительно)—но потомъ что съ *умомъ* я могу дѣлать что хочу. Такъ до сихъ поръ и было. Вѣрю, что такъ и будетъ, ибо вѣрю, что хочу я добраго и хочу всѣми силами души. Признаю Божье Провидѣніе въ положенной на меня задачѣ и сколько могу—несу въ нее всѣ данныя мнѣ силы головы, сердца и убѣжденія.

Теперь о себѣ. Ни *успокоиться*, ни *измѣниться* я уже не могу—говорю вамъ со всею искренностію. То что я выработалъ въ себѣ въ послѣдніе годы, то при мнѣ и останется. Знаю только теперь положительно и окончательно, что я—столь же мало славянофилъ, сколь мало западникъ,—что истинно общее у меня, ненатянутое, искреннее, только съ вами съ одной стороны, съ Островскимъ—съ другой; съ Кокоревымъ, поскольку я знаю его мнѣнія по его сочиненіямъ (въ особенности *Путь Черноморцевъ*)—съ третьей. Все остальное, въ моихъ глазахъ или блестящій пустоцвѣтъ или даромъ расточающаяся сила — какъ Грановскій съ одной стороны и Хомяковъ съ другой,—или наивное и вредное дѣтство, какъ К. С. Аксаковъ (погубилъ-таки *Молву*! молодецъ!)—или слѣпыя дарованія, какъ старикъ Аксаковъ, Писемскій, Толстой *) (сей послѣдній, впрочемъ, такъ силенъ, что можетъ сдѣлаться зрячимъ). Вы пишете все мнѣ,—изучайте то, и то, и это... О Господи! сколько въ васъ, въ великомъ человѣкѣ мысли и жизни, *вещей казенныхъ*... Изучить для нѣкоторыхъ натуръ, переводится словомъ проще: „нанюхиваться“. Ну-съ!—будете ли вы довольны, если я вамъ скажу, что я *нанюхался* достаточно картинъ, для того, чтобы мое критическое стало шире, и вообще нанюхался Итальянскаго Искусства до того, что въ первый разъ жизни искренне, неказенно понялъ сколько хороша Гомерова *Одиссея*.

*) Графъ Левъ Николаевичъ. *Н. Б.*

Всего не напишешь. Скажу вамъ вотъ что. *Мы* (т.-е. Славянофилы), хотимъ все доказывать великія нелѣпости, какъ то, что Византійскіе типы не въ примѣръ *прекраснѣе*, художественнѣе Итальянскихъ Мадоннъ и удивляемся, что никто этихъ нелѣпостей не слушаетъ. А вотъ этакой фактъ гораздо назидательнѣе. Въ деревнѣ A Ponte Mariano, близъ которой вилла нашей принчипессы, стоитъ на перекресткѣ прекрасный образъ Мадонны; а въ какомъ-нибудь Спасскомъ, подлѣ Москвы, въ бѣдной деревенской церкви—Суздальскія иконы. Но въ Понтѣ А Моріано живутъ язычники, буквально язычники, которые едва ли имѣютъ понятіе о томъ, что Богородица не Богъ; а въ селѣ Спасскомъ молятся уродливымъ иконамъ истинные Христіане, которые знаютъ сердцемъ, что не иконамъ, а Незримому они молятся. Сила *нашего* именно въ томъ, что оно не перешло въ образы, заслоняющіе собою идею, а остались въ линіяхъ, только напоминающихъ.

А еще сила въ томъ, что все *наше* есть еще живѣе, растительнѣе—когда здѣсь—великолѣпное зданіе поросло мохомъ и что еще *не уявися, что будемъ*.

Кланяется вамъ Войцеховичъ, который очень полюбилъ меня здѣсь и былъ, надобно отдать ему честь, вовсе не похожъ на сенатора. Прощайте—спѣшу въ галлереи, гдѣ я всякій день.

На счетъ *Москвитянина*—вотъ что-съ. Если вы *серьезно* думаете о немъ, то имѣйте въ виду, что коалиція *Современника* разстраивается, что Островскій, Толстой *) и Тургеневъ могутъ быть *нашими*... Средства, рѣшительность и нѣкоторая ласковость, которая въ васъ тѣмъ обаятельнѣе, чѣмъ рѣже... И я скажу тутъ: Утро встаетъ—поднимайтесь и вы съ одра и станьте тѣмъ, чѣмъ были вы для насъ въ 1851 и 1852 годахъ. И вы намъ нужны и мы вамъ нужны. А будущее наше или тѣхъ, которые будутъ подобны намъ, но сильнѣе насъ—или ничье“.

---

*) Графъ Левъ Николаевичъ. *Н. Б.*

Письмо 5-е, отъ 8-го ноября 1857 года, изъ Флоренціи: „На меня иногда нападаетъ желаніе написать къ вамъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ. И вотъ, таковое напало на меня опять въ день вашего ангела — съ которымъ издалека васъ поздравляю. Не дивитесь такому желанію... Я вѣдь знаю васъ такъ давно, съ шестнадцати лѣтъ моего возраста—я видѣлъ отъ васъ такъ много горькаго и сладкаго, что привязанность къ вамъ срослась съ моимъ существомъ. Вы со мной еще съ юношей бесѣдовали о самыхъ важныхъ вопросахъ (во времена доктора Гая), вы написали ко мнѣ въ Петербургъ нѣсколько строкъ, полныхъ глубокаго чувства,— вы меня и бранили безъ мѣры, и безъ мѣры же подымали меня въ собственныхъ глазахъ во вся времена моей безобразной, но полной жизни.

Лирическое чувство, которымъ ваше послѣднее письмо меня исполнило—нѣсколько разлетѣлось потомъ... И знаете отъ чего? Читали ли вы въ *Нордѣ* (въ первыхъ пяти ноябрьскихъ нумерахъ) одинъ *фельетончикъ* изъ Петербурга, *срамный* фельетончикъ, гдѣ *мы* хотимъ показать что и мы дескать Европейцы и у насъ есть блудницы, скандальныя исторіи, demi-monde... Это ужасно! Не знаю, произвелъ ли онъ въ васъ то же чувство негодованія... Вѣдь это голосъ изъ Россіи, это—les prémices нашей свободы слова... Бѣдный, обманутый, самолюбіемъ ли, безумнымъ ли увлеченіемъ, Герценъ! Неужели одинъ подобный фельетонъ не наведетъ его на мысль... что ужъ лучше старообрядчество, чѣмъ подобная пакость моральной распущенности!

Еще мысль, которая гложетъ меня: что, если все, что ни дѣлается или ни затѣвается, дѣлается и затѣвается только для виду, для *блезиру*, и завершится чѣмъ-нибудь въ родѣ подобнаго фельетончика?

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, для меня со всею неумолимостью поставляется вопросъ: что̀ противнѣе душѣ моей, ея правдѣ: подобный ли фельетончикъ или православіе блаженной памяти *Маяка?* А *все*, *все* и въ душѣ, и въ обстоя-

тельствахъ этихъ нудитъ дать себѣ наконецъ послѣднiй, удовлетворяющiй и порѣшающiй отвѣтъ...

Еще вотъ что: меня пугаютъ и ставятъ въ тупикъ молодыя, подростающiя поколѣнiя... Имъ черезъ-чуръ много дано критическаго анализа и черезъ-чуръ рано. То, отчего въ былую пору наши сердца бились восторгомъ и отчего мы лѣзли на стѣны, ими повѣряется, *продергивается*... да еще какъ!.. И видишь, что они во многомъ правы, но что ихъ *правота* отнимаетъ у нихъ крылья и привязываетъ къ мелочамъ.

Въ настоящую эпоху жизни, каждый день приноситъ мнѣ новую моральную пытку и новый тягостный вопросъ, и это иногда просто невыносимо. Иногда мнѣ кажется, что ни отъ чего не убѣжалъ я, бѣжавши въ Италiю. Будущее темно— въ настоящемъ какая-то безвыходная бездна вопросовъ и сомнѣнiй, какiя-то слѣпыя, но страшныя ненависти, какiя-то смутныя, но пламенныя вѣрованiя... во что? Вотъ въ этомъ-то и вопросъ... Въ Русское начало? Да что́ оно такое? Цѣлую книгу исписалъ я уже мечтами по его поводу и анализомъ самымъ безстрашнымъ, а въ головѣ и въ сердцѣ все еще тьма-тьмущая... Ясно только отрицанiе, ясна только ожесточенная ненависть ко всему, что̀, или съ точки зрѣнiя *Маяка* обузиваетъ, или съ точки вышеписанныхъ фельетончиковъ (въ которые сводится весь Петербургъ и вся *образованность*) его сглаживаетъ... А мнѣ тридцать-пять лѣтъ, и я одинъ изъ тѣхъ, которымъ чутье этого начала давалось и дается... неужели же вся жизнь такъ и пройдетъ безъ порѣшенiя....... „Заря занимается“—пишете вы—Да! но только заря, вѣчная заря, которою ужъ мы всѣ, право, сыты.

А тутъ еще подъ бокомъ...... Это Бецкiй. Вы себѣ и представить не можете, что это за подлая ракалiя: и злость, и трусливость гiены... Воображаю, какъ онъ меня распишетъ, если ужъ не расписалъ своимъ прiятелямъ, хоть я держусь вообще осторожности многоопытнаго мужа Одиссея... Онъ простить мнѣ не можетъ того, что князекъ учится со мной охотно и дѣлаетъ успѣхи.

Княгиня уѣхала въ Парижъ... Мы (т.-е. домъ) ведемъ жизнь до того регулярно-глупую, безцвѣтную и *пошлую*, что для нея не стоитъ жить въ Италіи. А такъ живетъ бо́льшая часть нашихъ Русскихъ пріѣзжихъ. Сбѣгаютъ разъ съ лорнетомъ въ Уффисцію и въ Питти, а потомъ регулярно-глупо ѣздятъ въ Кашины (нѣчто несравненно худшее нашего Парка и тѣмъ болѣе Сокольниковъ). Я въ галлереяхъ каждый день; наслаждаюсь и учусь сколько могу, потому что памятники Искусства—единственное чего надобно здѣсь нахватываться и съ чѣмъ надобно сжиться, хоть Войцеховичъ и подсмѣивался немного надъ моими, чисто-художественными изученіями, и совѣтовалъ, какъ будущему редактору журнала — больше всматриваться въ практическія стремленія вѣка. Да Богъ знаетъ, правъ ли онъ. Я все-таки остаюсь той вѣры — что все живое вносится въ міръ только Искусствомъ. Можетъ быть, эта вѣра въ Искусство есть часть того символа, котораго точнѣйшимъ опредѣленіемъ я мучусь...

Будущая статья, которою *Москвитянинъ* долженъ начаться, называется: *Всеобщая перевѣрка* — выведетъ все изъ Пушкина и все сведетъ къ Пушкину. Это въ самомъ дѣлѣ *наше* первое, цѣлостное, синтетическое выраженіе, хотя выраженіе въ Рафаэльскихъ контурахъ очерками. Все *правильное* послѣдующее наполняетъ только контуры плотію и красками—концы всего въ Пушкинѣ.

Правда ли что *Мицкевичъ* дозволенъ? Если такъ, то о немъ значитъ тоже можно говорить—и—(вотъ что я отсюда издалека лучше вижу) говорить о Пушкинѣ, о немъ и проч. несравненно будетъ полезнѣе, чѣмъ доказывать что Грановскій не былъ истинный ученый и что Никита Ивановичъ Крыловъ правъ, употребляя equestris. Всѣмъ этимъ только *развращается* публика и подрывается кредитъ литературнаго мнѣнія, а дѣло общее превращается въ дѣло кружка.

За симъ кланяюсь вамъ до лица земли, прося не забыть иногда хоть строчкою человѣка, которому строчки ваши Богъ знаетъ какъ дороги.

Вотъ еще вѣрованіе благопріобрѣтенное: За границей можно учиться и ѣздить по разнымъ городамъ. Но надобно быть чѣмъ-нибудь отъ Господа Бога обиженнымъ, чтобы для *удовольствія* жить въ какомъ-либо мѣстѣ, кромѣ Отечества".

Письмо 6-е, отъ 18 ноября 1857 года: „...Недавно Евгеній Эдельсонъ писалъ мнѣ, что Писемскій сталъ соредакторомъ Дружинина въ *Библіотекѣ*—и стало быть наши перейдутъ туда. Не порадовался я этому, *во-первыхъ*, потому что считаю подчиненность критики литераторамъ—самымъ крайнимъ ея паденіемъ; *во-вторыхъ*, потому что Писемскій для меня далеко не то, что Островскій, и *въ-третьихъ*, потому что это лишаетъ меня рукъ въ журналѣ. Съ другой стороны, это поставляетъ и вопросъ о журналѣ иначе. Либо *Москвитянину* вовсе надобно прекратиться, либо выставить на знамени уже неограниченнѣйшую независимость мнѣнія, и стать чисто-критическимъ во всемъ, въ литературѣ, политикѣ и проч. Однимъ словомъ, поворотъ къ той же мысли, по которой строилъ я планъ *Москвитянина*, въ формѣ и размѣрѣ добрыхъ покойниковъ *Телеграфа* и *Телескопа*,—съ тяжкою лямкою на время, съ расчетомъ на одну правду и смѣлость, съ отсутствіемъ, прямо объявленнымъ, всякой Словесности—и мечты о соединеніи въ немъ прежнихъ сотрудниковъ разрѣшены. Что вы мнѣ скажете?

Вспомните, 1) что съ *Библіотекой*, съ Дружининымъ и съ Писемскимъ *я* лично все-таки могу ужиться, но не нена-падая *только* на борзописаніе Писемскаго (что—жертва очень малая), что все-таки, какъ и въ *Москвитянинѣ* 1851 года, я въ *Библіотекѣ* могу сдѣлаться главнымъ, а подъ конецъ и единственнымъ органомъ критики, 2) что появленіе *Москвитянина* встрѣчено будетъ на первый разъ смѣхомъ не только чужихъ, но теперь и своихъ, своихъ самыхъ близкихъ, съ которыми ни въ чемъ я не разнюсь, кромѣ того только, что они непослѣдовательны и нерѣшительны, а я вижу дальше и прямѣе; и если, взвѣсивши два этихъ обстоятельства, вы все-таки скажете, что надобно издавать *Москвитянинъ*, то

вы укрѣпите во мнѣ *вѣру* — ибо даромъ вы слова не скажете.

Теперь другое. Если издавать, то поддержите меня въ слѣдующемъ планѣ.

Я дѣлаю что̀ можно для воспитанія князька и къ Университету его поставлю. Но надобно сдѣлать такъ, чтобы и въ Университетѣ онъ *годъ* остался подъ моимъ руководствомъ. Это ему въ нравственномъ и умственномъ развитіи будетъ полезно, и меня еще на годъ обезпечитъ... Мнѣ не *сласть* жить у нихъ (порядокъ мнѣ смѣшонъ, да кромѣ того, *Бецкаго* я видѣть не могу безъ содраганія, какъ жабу), но я могу черезъ это обезпечивать домашнихъ и жить, не нарушая пристойности, внѣ дома своего,—это для меня очень важно на первый годъ *отчаянной* редакціи. Стало быть, дѣйствуйте со временемъ вліяніемъ и словомъ, а я, съ своей стороны, машину эту подвожу. Привязанность князька ко мнѣ не ослабѣваетъ, а получается эта привязанность простотой и душевностью моего отношенія да вѣрнымъ служеніемъ убѣжденію. Онъ, по крайней мѣрѣ, понимаетъ, что я занимаюсь съ нимъ всѣми данными средствами, а не какъ наемникъ, который „*бѣжитъ, яко наемникъ есть*“. Въ Москвѣ же эта подлая тварь Бецкій—прижметъ хвостъ, если къ тому времени, его *солнца*, т.-е. Закревскій, Берингъ и другая погань, потускнѣютъ передъ ростущимъ общественнымъ мнѣніемъ *).

Планы!!! О! если бы вы знали, какъ страшны стали мнѣ, однако, всякіе планы — и съ другой стороны *для чего же нибудь* истинно-таинственныя силы хранили меня, и во время пути, и во время пребыванія за границею. Что̀ я *лично* за птица или за праведникъ? Стало быть...

„On ne va jamais si loin que quand on ne sait où l'on va“—говоритъ Французская поговорка, и мнѣ хочется ей вѣрить... Если я и не вижу свѣта, то по крайней мѣрѣ у

*) Бецкій, по рекомендаціи Александра Всеволодовича Всеволожскаго, служилъ нѣкогда чиновникомъ при Закревскомъ. *Н. Б.*

меня есть какое-то собачье чутье на свѣтъ и собачья же вѣрность свѣту. Я *знаю*, что всѣ эти штуки, и *Библіотека* и пр., все это—не дѣло, не настоящее дѣло, еще меньшее дѣло, чѣмъ другая крайность безобразія—*Молва*. Я *знаю*, что хотя успѣхъ *Русскаго Вѣстника* будетъ еще колоссальнѣе, и все-таки ему не жить, ибо внутреннихъ соковъ жизни въ немъ нѣтъ.

Для меня все яснѣе и яснѣе становится мысль, что подъ покровомъ разныхъ толковъ, таятся живыя начала: боярское, Варяжское или Татарское; въ одномъ: *левитское*, въ другомъ,— земское (промышленное и земледѣльческое вмѣстѣ, а не врозь), въ третьемъ и т. д. Все это *стихійное*, что въ насъ облекается то тою, то другою оболочкою, со временемъ выступитъ рѣзко и ясно... А пока... пока, чему же прикажете слѣдовать, какъ не темнымъ указаніямъ этого стихійнаго?.. Вѣдь это темное сказывается въ душѣ такими осязательными ненавистями и такими существенными привязанностями.

Есть ненависть, ненависти рознь. За ненависть какого-нибудь Ордынскаго (хоть и можно ее употреблять въ дѣло) къ тому что вамъ, мнѣ или другому чувствующему человѣку ненавистно, за ненависть цеховую, ученую, — нельзя дать гроша мѣднаго. Вѣдь его с....... м..... вынюхала въ *Одиссеѣ* Жуковскаго только навозъ и потомъ поднялась съ запачканнымъ рыломъ тоже переводить (въ томъ смыслѣ, какъ клоповъ переводятъ) *Одиссею*... Что жъ у насъ съ такими союзниками общаго?.. Съ другой стороны, напримѣръ, эта склизкая жаба Бецкій, вѣдь онъ тоже ненавидитъ неправославіе—да во имя чего?! Для него „невидимая церковь“ есть тайная полиція.

Все это думаешь, передумываешь и впадаешь иногда въ тоску невыносимую... Спасаешься только въ „Уффиціи“ да въ „Питти“.

Въ прочитанныхъ нами письмахъ Григорьева, меня поразили его отзывы о любимомъ и вѣрномъ ученикѣ Погодина, почтенномъ Иванѣ Егоровичѣ Бецкомъ. Познакомившись съ

этими отзывами, родной племянникъ князя Юрья Ивановича Трубецкаго, Иванъ Александровичъ Всеволожскій, 29 ноября 1900 года, писалъ мнѣ: „За Бецкаго никто не заступится. Напрасно Григорьевъ на него такъ жестоко нападаетъ. Ивану Егоровичу Бецкому, воспитанному въ традиціяхъ стараго дома на Покровкѣ *), невозможно было сочувствовать направленію передоваго человѣка Григорьева и, вѣроятно, ему страшно было за „князька", который могъ заразиться идеями наставника. Наши либералы пятидесятыхъ годовъ не отличались вѣротерпимостью. Григорьевъ не хотѣлъ смотрѣть на Бецкаго, какъ на рѣдкаго образца допотопной окаменѣлости, и причислилъ его къ разряду гадъ. Между тѣмъ, могу завѣрить, что Бецкій былъ человѣкъ добрѣйшей души, всѣмъ сердцемъ преданный семейству Трубецкихъ и страстно любившій всѣхъ дѣтей своего отца".

Въ моей Библіотекѣ хранится портретъ И. Е. Бецкаго, присланный имъ изъ Флоренціи, 12 августа 1888 года, и врученный мнѣ его университетскимъ товарищемъ, графомъ И. Д. Деляновымъ. Портретъ украшенъ слѣдующею автографическою надписью: *Автору книги: Жизнь и Труды М. П. Погодина.*

XLVI.

А. А. Григорьевъ, вмѣсто того, чтобы жить въ Москвѣ и редактировать *Москвитянинъ*, и въ наступившемъ 1858 году, все еще проживалъ во Флоренціи, и продолжалъ писать Погодину пространныя письма.

Письмо 7-е. Изъ Флоренціи, 26 января 1858 года:

„Опять письмо ваше оживило нѣсколько меня, начинавшаго было уже приходить въ отчаяніе отъ вашего молчанія...... За симъ, перехожу a l'ordre.

1) *Нива.* Ради Бога не воображайте изъ вашего далека,

---

*) Въ Москвѣ. *Н. Б.*

чтобы тутъ, на этой безплодной нивѣ, можно было сдѣлать что-либо дѣйствительно путное. Все что можно дѣлать, я дѣлалъ и дѣлаю, т.-е. я отдалъ моему воспитаннику столько много времени, сколько не всякій отдастъ. Дѣлаетъ онъ что-нибудь только тогда, когда находится со мной...... Я пребываю твердъ въ тѣхъ намѣреніяхъ, о которыхъ имѣлъ честь писать вамъ въ послѣднемъ письмѣ, и которымъ, какъ благимъ и разумнымъ, вы обѣщали содѣйствіе... Я еще годъ вынесу это чистилище, которое все-таки, по отношенію ко мнѣ, лучше моего собственнаго домашняго ада. Они мной довольны да и забавно было бы, еслибъ были недовольны.

Единственная человѣческая натура это княжна Настасья Юрьевна (младшая), тихая, но благородная, вѣрующая въ святое, натура, которую Провидѣніе вѣроятно скоро приберетъ подальше и поближе къ себѣ. Друзья, находящіе всегда черты Мефистофеля и Сатиры въ моей физіономіи, вѣроятно, подивились бы теперь особенному развитію этихъ чертъ—ибо истинно-злобный смѣхъ разбираетъ меня порою. А вотъ какая дескать новая нелѣпость выйдетъ изъ такой-то неизбѣжной коллекціи!.. Смѣхъ нелѣпый, но мало-успокоительный! Теперь о себѣ. Вы иногда пророкъ. Совѣтуя мнѣ въ Италіи заниматься Искусствомъ, вы только предугадывали мою чисто *стихійную* природу. Я отдался *галлереямъ* съ неистовствомъ и нанюхался теперь значительно. Все что вы говорили, исполнилось. Написавши книжицу различныхъ философскихъ мечтаній о Русскомъ началѣ и другую маленькую книжку лихорадочныхъ сонетовъ, я замолкъ, не пишу ни строчки, все бѣгаю по галлереямъ и нюхаю. Тутъ иного и дѣлать впрочемъ нечего. Тутъ только старое хорошо. Жизнь впереди наша, наша, наша! Это все измѣнилось и измельчало. Нужна уже мнѣ ограниченность, чтобы чему-нибудь въ ихъ настоящемъ завидовать... Даже наша жирная, пьющая безъ просыпу и сопровождаемая загулами до зеленаго змія масляница носитъ въ себѣ больше, чѣмъ ихъ *теперешній* карнавалъ, сѣмянъ жизни, широты, братства!.. Чтобы такъ поэтизи-

ровать Италію и жизнь въ ней, въ ущербъ нашей, какъ это дѣлалъ покойникъ Гоголь,—надобно имѣть эгоистическую и притомъ хохлатцкую душу... Дерзко! скажете вы — и потомъ разскаетесь и скажете: „онъ правъ, только не надобно говорить ему этого“... Такъ ли! Что за статья въ *Молвѣ* о *Публикѣ и Народѣ*... Или къ нимъ относится извѣстная сказка:

Пошелъ же дурень.
Пошелъ же бабинъ
На Русь гуляти
Себя казати,

со всѣми безобразіями дурня, который напѣвомъ „Со святыми упокой“—привѣтствуетъ свадьбу и желаніемъ „жену пояти, дѣтей повывесть“ встрѣчаетъ старца монаха...

... Еще вотъ что: Правда ли, что Василій Лешковъ пишетъ противъ словеснаго судопроизводства?

О Боже мой, кабы вы знали, какъ я сердцемъ постоянно съ вами и особенно теперь, когда три единственныя силы, въ которыя я безъ *ограниченій* вѣрю, т.-е. вы, Кокоревъ, Островскій, сблизились, по сообщеннымъ мнѣ извѣстіямъ.

Запрещеніе *Доходнаго мѣста*, когда позволяются вещи Щедрина, комедія Львова и проч., доказываетъ для меня только силу истиннаго Искусства, смутно чуемую всякою, всякою грязью и подлостью. Да! *Доходное мѣсто*, со всѣми своими огромными недостатками, все-таки дѣло живое, художественное, Божеское... и по истинному, они его боятся. Но кто это *они?*.. Вотъ ужасный вопросъ!

Эдельсона прокатили въ *Библіотекѣ*—какъ я радъ—вы не повѣрите! Это отучитъ его вѣрить въ Петербургъ.

Если статья моя *О современной критикѣ* напечатана не въ январьской книжкѣ *Библіотеки* и если вы ее пробѣжали, то сдѣлайте милость, скажите мнѣ о ней свое мнѣніе... Въ ней есть порокъ отвлеченной высоты поставленія вопросовъ, но есть и неотвлеченная сторона. Вообще, она—исповѣданіе, долго думанное и кажется ясное.

Но въ *Москвитянинъ* не такія статьи надобны. Знаете ли, какъ мы начнемъ! Рядомъ *Литературныхъ Мечтаній*, т.-е. перевѣркою всей Литературы, какъ нѣкогда Виссаріонъ *) въ блаженной памяти *Молвъ* 1833 года. Да, съ памятью Виссаріона да съ *его* экстравагантностію нужно примириться...

А главное, чтобы васъ я нашелъ здоровымъ, бодрымъ и *веселымъ* (*непремѣнно веселымъ*)".

Письмо 8-е. Изъ Флоренціи, 9 февраля 1858 года: „Можетъ быть, вы посердились на меня, услыхавши, что я оставилъ домъ княгини (Трубецкой) и съѣхалъ отъ нихъ на квартиру (не прекращая, разумѣется, своихъ наставническихъ занятій); но я долженъ былъ это сдѣлать, по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ и по *духовному* происхожденію отъ общаго нашего отца, который, „ниже у Господа Бога въ дуракахъ быть не хотѣлъ" **). Уживчивость моя простирается всегда только до первыхъ попытокъ на мою свободу,—единственное благо, которое у меня есть и котораго никто у меня отнять не можетъ. Княгиня изъявила неудовольствіе, что я не возвращаюсь домой въ 10 часовъ вечера. На первый разъ, я, по своему обычаю, отшутился, но между прочимъ сказалъ моему *воспитаннику*, что если еще разъ услышу что либо подобное, то, какъ не заключившій контракта на свою жизнь и свободу, съѣду... И съѣхалъ на другой же день, не имѣя по прекрасному обычаю своему, ни гроша въ карманѣ — и не смотря на *засылы* и просьбы. Такъ было *надобно* сдѣлать... Слуги княгини провожали меня чуть что не со слезами, оказывали всевозможныя услуги... Но, мы остались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; разница вся только въ томъ, что я мерзну на своей холодной квартирѣ — но это, въ сущности пустяки... За то мой воспитанникъ меня начинаетъ радовать. Сегодня онъ подалъ мнѣ такое сочиненіе, что я въ невольномъ порывѣ радости перекре-

---

*) Бѣлинскій *Н. Б.*

**) Т.-е. Ломоносовъ. *Н. Б.*

стилъ и поцѣловалъ его. Благородное убѣжденіе и святое чувство свободы проникло таки наконецъ въ эту критическую натуру. Москва, Университетъ и общество порядочныхъ людей—авось окончательно сформируютъ *человѣка* изъ этого умнаго, вполнѣ даровитаго, но мальчика флорентійца. Да, теперь только я понимаю, что вы мнѣ поручили благородную и святую задачу—и готовъ бранить себя за то, что впадалъ въ хандру и уныніе и называлъ себя иногда, какъ Тургеневскій Рудинъ, „проживальщикомъ послѣднихъ упражненій умственныхъ способностей“.

Недавно, честный, но крайне невѣжественный и ограниченный пріятель мой мистеръ Бэль, въ досадѣ на то, что молодого князька возили на балъ къ князю Понятовскому, ходилъ передо мною въ трагическомъ бѣснованіи по комнатѣ и восклицалъ съ пѣной у рта: Huitans de nur efforts sont perdus!—а я думалъ: хороши были твои efforts, любезный мой, когда они могутъ потеряться—и когда они въ воспитанникѣ произвели только чувство отвращенія къ тебѣ. Вообще, сколько, воспитывая, я передумалъ въ это время о воспитаніи!.. Нѣтъ—да не манитъ никто человѣческую душу къ правдѣ прикормкою, какъ рыбу, или сластями, какъ обжорливое дитя. Маните къ ней на лѣзвіе меча. Долго будетъ душа противиться, но если ужъ наконецъ пойдетъ на это, на голую, прямую, честную правду жизни, то значитъ—это человѣческая душа!

Видите, избранный мною старецъ и отецъ духовный, что я остаюсь все тѣмъ же неизлечимымъ идеалистомъ, даже закаляюсь въ идеализмѣ—и, браните меня, *если можете.*

Изъ дому моего — вѣсти мнѣ все нехорошія—но въ этомъ дѣлѣ, я хуже всякой бабы, и да проститъ меня Господь!—никогда не буду въ состояніи поступить круто.

Изъ Русскихъ здѣсь пріѣхалъ еще Н. А. Жеребцовъ. Онъ хочетъ печатать книгу о Россіи и, съ свойственною ему volubilité de parler, успѣлъ пересказать мнѣ въ два вечера ея содержаніе. Собственно, этотъ господинъ—мельница, пе-

ремалывающая чужую муку; но я все не могу рѣшить себѣ вопроса, вредны или полезны эти мельницы. Задача книги весьма печальная — доказать, что у насъ все было, есть и будетъ лучше, чѣмъ на западѣ. Я называю такую задачу печальною—потому, что, право, мнѣ теперь равно противны восторги отъ волосъ Лукреціи Борджія и восторги отъ того, что мы тридцать лѣтъ сидѣли сиднемъ... Вы, Кокоревъ, Островскій—*старая*—и, я думаю, надоѣвшая вамъ пѣсня, но она во мнѣ *работалась*.

Что значитъ прекращеніе *Молвы*? Запрещенія такъ нейдутъ къ благословенному царствованію честнаго и добраго Александра II.

И почему именно *Молва*? Чудно сердце человѣческое. Я неистово злился на *нихъ*, читая фельетонъ *Норда* объ обѣдѣ (первый) — и теперь мнѣ ихъ жаль, какъ родныхъ, какъ кровныхъ.

И неужели я правъ въ тѣхъ горестныхъ предчувствіяхъ, которыя терзали меня, когда я читалъ фельетончикъ *Норда* о Петербургскихъ блудницахъ?..

...У меня физически бьется сердце, когда я вижу новый нумеръ *Норда*. Да, чѣмъ-то болѣзненно-страстнымъ становится привязанность къ родинѣ въ чужой землѣ"!

Письмо 9-е. 7 марта 1858 года: ...„Принципъ народностей не отдѣлимъ отъ принципа художественнаго, и это точно нашъ сvмволъ, только *допотопный*. Въ этомъ сvмволѣ— новость, свѣжесть жизни, вражда къ *теоріи*, къ той самой теоріи, которая есть результатъ жизненнаго истощенія въ томъ мірѣ, въ который судьба меня бросила. *Теорія* и *жизнь*, вотъ западъ и востокъ, въ настоящую минуту. Западъ дошелъ до мысли, что человѣчество существуетъ само для себя, для своего счастія, стало быть должно *опредѣлиться* теоретически, успокоиться въ конечной цѣли, въ возможно полномъ пользованіи. Востокъ внутренно носитъ въ себѣ живую мысль, что человѣчество существуетъ во *свидѣтельство* неистощенныхъ еще и неистощимыхъ чудесъ Великаго Худож-

ника, наслаждаться призвано свѣтомъ и *тѣнями* Его картинъ; отсюда и грань. Западъ дошелъ до отвлеченнаго лица—человѣчества. Востокъ вѣруетъ только въ душу *живу* и не признаетъ *развитія* этой души... Но я увлекся своимъ созерцаніемъ и началъ съ жалобъ.

Лиси язвины имутъ, и птицы гнѣзда; Сынъ же человѣческій не иматъ гдѣ главы подклонити. Такъ и наши воззрѣнія или лучше сказать, наше внутреннее чувство... Никто не знаетъ и знать не хочетъ, что въ немъ-то, т.-е. въ *Православіи* (понимая подъ симъ *равно* Православіе отца Парѳенія и Иннокентія—и исключая изъ него только Бецкаго и Андрюшку Муравьева), заключается истинный демократизмъ, т.-е. не réhabilitation de la chair — а торжество души, *душевнаго* начала. Никто этого не знаетъ, всякаго отъ Православія „претитъ“, ибо для всѣхъ оно слилось съ ужасными вещами — а мы, его носители и жрецы — пьяныя вакханки, совершающія культъ тревожный, лихорадочный новому, невѣдомому богу. Такъ вакханками и околѣемъ. Это горестно, но правда... Горестнѣй же всего то, что этого ничего нельзя говорить, ибо заговоривши, примыкаешься къ оффиціальнымъ опекунамъ и попечителямъ Православія или подвергаешься нареканію въ „Брынской вѣрѣ“.

Увы! *Новое* идетъ въ жизнь, но мы - его жертвы. Жертвы, неимѣющія утѣшенія даже въ признаніи. Жертвы Герцена—оцѣню даже я. православный, а нашихъ жертвъ никто не признаетъ: слѣпыя стихіи, мы и заслуги-то даже не имѣемъ. Вотъ почему наше дѣло пропащее *).

А своекорыстіе однихъ изъ насъ и полная распущенность другихъ (къ числу послѣднихъ принадлежу я самъ)! Меня, напримѣръ, лично—никакія усилія человѣческія не могутъ ни спасти, ни исправить. Для меня нѣтъ опытовъ—я впадаю вѣчно въ стихійныя стремленія... Ничего такъ не жажду я, какъ смерти. Еще прошлый, годъ во время тяжкой болѣзни,

---

*) Т.-е., обновленіе *Москвитянина.* *Н. Б.*

я испытывалъ къ ней тупѣйшее равнодушіе—а теперь еще болѣе. Ни изъ меня, ни изъ насъ вообще—ничего не выйдетъ и выйти не можетъ,—да и время теперь не такое. Мы люди такого далекаго будущаго, которое купится еще долгимъ, долгимъ процессомъ. Околѣемъ мы безславно, безъ битвы—а между тѣмъ, мы одни видимъ смутную настоящую цѣль. Не эти же *первые люди,* исчисляемые кумомъ *Современникомъ...* Самъ глава ихъ, хоть и великій человѣкъ,—въ сущности борется за то, что̀ плевка не стоитъ, за то, во что̀ самъ не вѣритъ.

Мнѣ такъ тяжело, что вы навѣрно простите мнѣ мое моральное отчаяніе. Право, оно результатъ такихъ долгихъ думъ, такихъ долгихъ ночей безъ сна, такого циническаго анализа самого себя, такихъ раздраженій собственными и чужими гадостями... О, какая мы дрянь и какъ свято̀ то, что мы въ груди носимъ,—какъ передъ этимъ носимымъ жалко и узко все, что доселѣ носили другіе—мы, т.-е. народъ, народъ свѣжій и вмѣстѣ извращенный столѣтіями неестественной жизни, доведенный до тупости чувства и вмѣстѣ ко всему относящіеся критически...

Не вѣрю я ни во что, что у насъ дѣлается, ибо вездѣ вижу шагъ впередъ да три назадъ. Кажется бы — завязалъ глаза и бѣжалъ еще за тридевять земель, хотя бы въ тридесятомъ государствѣ истосковался до бѣснованія по проклятой и вмѣстѣ милой родинѣ.

Марта 10-го. А вотъ и явный отвѣтъ на тѣ больные запросы, которыхъ исполнено письмо мое, отъ 7-го марта, которое отправлено только теперь... Пріѣхалъ Тургеневъ и мы съ нимъ сидимъ ночи и говоримъ, говоримъ. Я читалъ ему написанное мною за границей. Онъ, вложивши перстъ въ самое больное мѣсто моей личности, въ разбросанность мысли, въ ея неудержимость розлива—тѣмъ не менѣе сказалъ, что: 1) только у меня, въ настоящую минуту, есть сила, что только во мнѣ есть полнота какого-то особеннаго ученія, которое вовсе неисключительно, какъ Славянофильство

. . . . 2) что для успѣха, я долженъ *долбить*, какъ покойникъ Виссаріонъ *), ограничить себя, повторяться безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти: однимъ словомъ, долбить, долбить, долбить, 3) что долбить мнѣ, въ настоящую минуту, негдѣ, ибо ни къ одному изъ существующихъ направленій я пристать не могу, т.-е. что ни одно меня не приметъ и ни одному я не могу по чести и совѣсти сдѣлать уступокъ, ибо у меня выработано свое крѣпкое и цѣльное.

Все это я зналъ и знаю—и все-то это меня приводитъ въ безобразнѣйшее состояніе. Прибавьте къ этому безнадежность домашнихъ дѣлъ,—неисцѣлимую безпорядочность и распущенность во всемъ житейскомъ,—да еще и постороннюю-то обстановку, развивающую въ моей, и безъ того озлобленной какъ цѣпная собака, душѣ, желчь и ненависть. Влѣзьте въ мою шкуру и поймите вотъ какую страшную логику:

Я вѣрю только въ трехъ человѣкъ, въ васъ, Кокорева, Островскаго, но и въ этихъ трехъ людей, въ отношеніи къ дѣятельности, не вѣрю. Вы ничѣмъ не способны жертвовать, Кокоревъ жертвуетъ только для очевидныхъ, осязательныхъ цѣлей, ибо, не смотря на геніальность натуры, не развитъ чтобы понять, что *кровяныя* основы его предпріятій—симпатіи и антипатіи связаны тѣсно съ моими *невинными* историческими и эстетическими принципами съ поклоненіемъ Искусству т.-е. жизни а *не тоеріи*, типамъ и народностямъ, а не отвлеченному мундирному единству и т. д. Островскій—великая, чисто пророческая, но совсѣмъ стихійная . . . . . сила. Это ужасно, повторяю вамъ, это ужасно!

А другіе?

Тургеневъ говоритъ, что готовъ подписаться подъ каждымъ моимъ началомъ, а какъ дошло до послѣдствій, такъ въ сторону; ибо онъ весь западникъ, по развитію, и гегелистъ—по принципу и свѣтскій человѣкъ—по воспитанію и манерамъ.

*) Бѣлинскій. *Н. Б.*

Писемскій понимаетъ только точку зрѣнія Губернскаго Правленія.

Евгеній Эдельсонъ—это, можетъ быть, самая страстная моя привязанность, весь насквозь пропитался мѣщанствомъ общественнымъ и нравственнымъ".

Письмо 10-е. Изъ Рима, 15-го апрѣля 1858 года: „Не знаю ничего, что съ вами дѣлается, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, ибо вы рѣшились, кажется, терзать меня вашимъ молчаніемъ. Не знаю, какъ взглянули вы на мои отношенія къ Трубецкимъ, но, кажется, лучшее доказательство того, что я хотѣлъ исполнить возложенное на меня вами порученіе—то, что я не разсорился съ ними окончательно даже до сего времени, хотя послѣ моего выѣзда изъ дома, княгиня почти *не удостоивала* меня словомъ. Князь Иванъ *).... въ Университетъ, кажется, не поступитъ, ибо - де „Университетъ молодыхъ людей развращаетъ..... Никакія усилія мои не могли уничтожить въ этой душѣ ужасной мысли, что есть какія-то условія выше христіанскихъ и человѣческихъ условій, что есть какая-то особая среда общества, уволенная отъ общечеловѣческихъ мыслей, чувствъ, движеній. Только что я думалъ, что поборолъ эту адскую мысль, — она выскакивала, выпрыгивала. Я отдавалъ ему все, что могъ — въ послѣднее время даже всѣ свои утра—и видитъ Богъ, какъ вообще всѣ эти утра мутили во мнѣ жолчь. Даже и теперь я не оставляю своего дѣла и доведу его образованіе до града Парижа включительно.....

Письмо 11-е и послѣднее. Изъ Флоренціи, 11 мая 1858 г.: „Нужно все мое глубокое почтеніе къ вамъ, какъ гражданину и писателю, чтобы удержать въ приличныхъ границахъ то законное негодованіе, которое произвело во мнѣ чтеніе вашей записки, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Прежде чѣмъ упрекать меня въ какой-то дури и не вѣрить (какъ это мило!) тому, что я имѣлъ честь описать вамъ. Надобно было самого

---

*) Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой. *Н. Б.*

себя спросить: *чѣмъ* вы послали къ Трубецкимъ человѣка, который до сорока лѣтъ не нашелъ правды, крова и пристанища, или, по милымъ выраженіямъ Никиты Крылова, *копѣечки* и земли подъ ногами, до сорока лѣтъ умѣлъ и съумѣетъ всегда остаться самимъ собою, т.-е. *человѣкомъ*, и *свободнымъ*, —чѣмъ вы его послали: *лакеемъ* или *учителемъ?* Въ лакеи я не нанимался и поэтому-то мой переѣздъ отъ Трубецкихъ на квартиру считаю однимъ изъ *достойнѣйшихъ* поступковъ моей жизни; а какъ учитель я выполнялъ, выполняю и выполню честно и даже болѣе чѣмъ честно. Вмѣсто того, чтобы за окончательное *созрѣніе* во мнѣ мысли о честности гражданина, за мою отставку,—и также мысли о достоинствѣ литератора и человѣка, послать мнѣ одобрительное и привѣтственное слово— вы, какъ запившему Василью Дементьеву *), посылаете увѣщаніе *поправить*, что̀ я надѣлалъ *худаго*.

Подумайте, на что все это похоже и насколько я былъ правъ въ той горькой и искренно излившейся дребедени сомнѣній въ васъ и нашемъ дѣлѣ, которую имѣлъ честь послать къ вамъ.

Да! — Мы способны только всѣ *топить* другъ друга — повторяю это горько сознательно.

Можетъ быть, съ точекъ высшихъ *политическихъ* соображеній—всему этому такъ и надо быть,—но я въ послѣднее время, говорилъ съ вами, какъ съ духовникомъ, и имѣю пошлость плакать, когда пишу сіи строки; вы для меня — часть моихъ кровныхъ убѣжденій! Я думаю *двадцать разъ* я вамъ въ этотъ годъ повторилъ это—изъ хамства что ли?....

... Ради Христа-Спасителя, напишите мнѣ въ Парижъ, но въ poste restante, а не на имя княгини—что̀ мнѣ обо всемъ этомъ прикажете думать?

Повинуюсь первому порыву—онъ всегда лучшій« [161]).

Такимъ образомъ, кончилось земное существованіе *Москвитянина*, и на его могилѣ, какъ увидимъ, расцвѣло, какъ ни странно, *Русское Слово*.

*) Одинъ изъ несчастныхъ сотрудниковъ Погодина. *Н. Б.*

XLVII.

Отъ всѣхъ житейскихъ треволненій и неудачъ у Погодина было вѣрное убѣжище—это Древняя Русская Исторія. „Тамъ“,—говорилъ онъ,—„спокойствіе и веселіе“.

Читая книгу И. И. Срезневскаго *Мысли объ Исторіи Русскаго языка*, Погодинъ былъ пораженъ мнѣніемъ автора, что до XIII вѣка, языкъ народный и языкъ письменный были одинъ и тотъ же, и что въ немъ не было ничего Малороссійскаго нынѣшняго, и что Малороссійское нарѣчіе произошло уже впослѣдствіи, начиная съ XIV вѣка. „Это положеніе“,—замѣчаетъ Погодинъ,—„есть совершенно новое, никогда, никѣмъ у насъ прежде не сказанное, и я удивился, какимъ образомъ не произвело оно волненія въ нашемъ ученомъ и литературномъ мірѣ въ минуту своего произнесенія; я удивился, какимъ образомъ всѣ наши профессора Русской Словесности и Славянскихъ нарѣчій не сочли своей обязанностію произнести о немъ свое мнѣніе, одобрить или осудить оное. Въ журнальной критикѣ, съ коей я тотчасъ справился, не нашелъ я ни одного отзыва: нашимъ міросозерцателямъ видно не до Русскаго языка“!

Самому же Погодину это положеніе Срезневскаго дало поводъ написать ему письмо о древнемъ языкѣ Русскомъ. О ходѣ этихъ занятій Погодина мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ *Дневникѣ* его:

Подъ *22 января 1855 года*: „Вздумалъ отдѣлать статью объ языкѣ“.

— *23* — — —: „Отхваталъ статью объ языкѣ, хоть и не въ очистку“.

— *5 февраля* — —: „Вечеромъ читалъ Сухомлинова. Прекрасно, и много есть для моей статьи объ языкѣ, какъ и у Каткова и Григоровича, которые чуяли правду“.

— *5 марта* — —: „Работа живая. Началъ отдѣлывать и переписывать. Браво“!

— *18 августа* — —: „Работа живая объ языкѣ“.

Занятый въ то время составленіемъ Біографическаго Словаря удѣльныхъ князей, Погодинъ такъ начиналъ письмо свое къ Срезневскому: „Вы заставили меня измѣнить моимъ князьямъ на цѣлой вечеръ, увидѣвъ ваше изслѣдованіе о Новгородскихъ лѣтописяхъ... Послѣ вашихъ двухъ статей, принялся за чтеніе разсужденія П. А. Лавровскаго, по поводу котораго вы ихъ писали, а Лавровскій, въ свою очередь, привелъ меня къ вашимъ *Мыслямъ объ Исторіи Русскаго языка*, которыхъ, занятый исключительно удѣльнымъ періодомъ, я еще не читалъ. Тамъ, къ удивленію своему, нашелъ я одно положеніе, которое совершенно меня взволновало,— положеніе вполнѣ согласное съ моими замѣчаніями, но выведеннымъ другими средствами и обращенное совершенно къ другой цѣли. Вечерняя измѣна увеличилась до новыхъ сутокъ, и я рѣшился передать вамъ, не медля, свои мысли“.

Въ этомъ письмѣ Погодина къ Срезневскому мы, между прочимъ, читаемъ: „По существу своихъ работъ, долженъ былъ я также выучить Кіевскую лѣтопись почти наизусть, какъ Несторову. Чѣмъ дольше я занимался ею, тѣмъ болѣе удивлялся отсутствію Малороссійскаго элемента. Обратившись назадъ къ Нестору съ этою мыслію, я убѣдился, что нѣтъ его и тамъ, хотя прежде, подъ вліяніемъ другого предубѣжденія, я отзывался иначе. Я началъ отмѣчать на поляхъ у себя слова и обороты, явно не Малороссійскіе и вмѣстѣ не церковные, и вскорѣ ихъ накопилось столько, что нельзя было быть не поражену ихъ совокупностью. Мысль моя пошла слѣдующимъ путемъ -- не строгой филологіей, а наведеній, скользя такъ сказать, по поверхности предмета. Я разсуждалъ такъ: Употребляя языкъ чужой, нельзя по мѣстамъ скрыть вовсе свой: малороссіянинъ долженъ проговориться подъ-часъ по Малороссійски, великороссіянинъ—по Великороссійски, бѣлорусецъ—по Бѣлорусски, сербъ—по Сербски и т. д. Еслибъ Несторъ и продолжатели его, Кіевскіе лѣтописцы, были Малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они

не дали нигдѣ примѣтить своего Малороссійскаго происхожденія? Какимъ бы образомъ могло случиться, чтобъ они не обронили тамъ-сямъ какого нибудь Малороссійскаго слова, не употребили Малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки или удержались отъ междометія? А между тѣмъ, въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и обороты, точно также и не церковные, какъ не Малороссійскіе, которые слѣдовательно и должно счесть признаками племени лѣтописцевъ, а съ ними и обитателей. Еще болѣе—слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы;—квасъ, медъ, жито, и т. п. Вѣрно лѣтописи принадлежатъ не Малороссіянамъ, а какому нибудь другому племени. Слѣдовательно, и *племя другое жило въ Кіевѣ, а не Малороссіяне*. Вотъ какое заключеніе представилось мнѣ естественно".

Приведя затѣмъ цѣлый рядъ выписокъ изъ Нестора и Кіевской лѣтописи, Погодинъ восклицаетъ: „Довольно! Какіе же эти слова, обороты, формы — не Малороссійскія и не церковныя? Это слова, обороты и формы, чисто Великороссійскія. Такъ неужели въ Кіевѣ, при Олегѣ, Владимірѣ, Рюрикѣ Ростиславичѣ, жили Великороссіяне? Признаюсь — такое заключеніе сначала поразило меня, и я долго не могъ опомниться!.. Я продолжалъ разсуждать со страхомъ, безпрерывно, впрочемъ, ободряясь. Дайте прочесть лѣтопись Несторову, Кіевскую и прочія любому великороссіянину, незнающему церковнаго нарѣчія: онъ пойметъ ихъ; а Малороссійской страницы онъ не пойметъ, даже образованный. Слѣдовательно, въ лѣтописяхъ, вѣрно, господствуетъ Великороссійское нарѣчіе, а Малороссійскаго нѣтъ. Дайте прочесть лѣтописи малороссіянину, незнающему Великороссійскаго нарѣчія, онъ пойметъ ихъ только, по колику понимаетъ Великороссійское и церковное нарѣчія, а свое нарѣчіе не окажетъ ему никакой пользы для уразумѣнія. Новыя подтвержденія, что въ Кіевѣ жили до Татаръ не Малороссіяне, а Великороссіяне".

Далѣе, пришло въ голову Погодина слѣдующее замѣчаніе: „Малороссіяне есть народъ самый пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ пѣсенъ о древнемъ нашемъ времени; между тѣмъ, какъ эти пѣсни о Владимірѣ и его князьяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно, опять то же заключеніе: не Малороссіяне жили въ Кіевѣ во время Владиміра, а Великороссіяне, которые разнесли тамошнія пѣсни по всему пространству Русской Земли“.

Затѣмъ, Погодинъ обращается къ характеру нашихъ древнихъ князей и говоритъ, что послѣ того, „какъ Норманство подверглось вліянію туземному и мѣстному, они гораздо ближе къ настоящему Великороссійскому характеру, чѣмъ Малороссійскому“.

Наконецъ, со смѣлостью Погодинъ, утверждаетъ, что „языкъ лѣтописей, вмѣстѣ и языкъ церковный, былъ языкомъ живымъ, а говорили имъ Великороссіяне. Слѣдовательно, церковный языкъ есть нашъ языкъ, или по крайней мѣрѣ, наше древнее Великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тождественное. А мы ищемъ его по всему свѣту и не находимъ! Не похожи ли мы на Улисса, который не узналъ своей Итаки“!

„Но какимъ же образомъ могло случиться“,—спрашиваетъ Погодинъ,—„чтобъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ, говорено было тѣмъ же языкомъ, какой употреблялся гдѣ-то около Солуни, въ нынѣшней Македоніи, и на какой переведено Св. Писаніе Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ“? На этотъ вопросъ Погодинъ отвѣчаетъ: „А какъ могло случиться, что племена Славянскія разсыпались по всей Европѣ, и представляли собою, въ историческое время, растасованную колоду картъ“.

Затѣмъ, Погодинъ предполагаетъ, что „племя, которое мы называемъ теперь Великороссійскимъ, могло жить въ окрестностяхъ Солуни, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ въ Кіевѣ, и въ нынѣшней Великороссіи“.

Высказавъ все это, Погодинъ спрашиваетъ: „Откуда же

и когда пришли Малороссіяне, живущіе теперь въ сторонѣ Днѣпровской и окружной“?

На сей вопросъ онъ отвѣчаетъ: „Они пришли послѣ Татаръ, отъ Карпатскихъ горъ, и заняли Кіевскую губернію, такъ какъ потомки ихъ, въ XVI столѣтіи, заняли Харьковскую, подвинулись къ Воронежу и Курску“.

Далѣе, Погодинъ спрашиваетъ: „Куда же дѣлись Кіевскіе Великороссіяне“? И отвѣчаетъ: „Послѣ Татаръ они отодвинулись на сѣверъ, да и до Татаръ они распространялись безпрестанно на сѣверъ вмѣстѣ съ князьями“.

Изъ всѣхъ своихъ соображеній, Погодинъ устанавливаетъ слѣдующія положенія:

„Великороссіяне—древнѣйшіе поселенцы, по крайней мѣрѣ, въ Кіевѣ и его окрестностяхъ“.

„Малороссіяне пришли въ эту сторону послѣ Татаръ“.

„Великороссійское нарѣчіе есть или само церковное нарѣчіе, или ближайшее къ нему, то-есть, родное, органическое развитіе“.

Затѣмъ, Погодинъ обращается къ старымъ мнѣніямъ и старается найти въ нихъ генеалогію, „какъ Максимовичъ въ системахъ растительнаго царства“. При этомъ Погодинъ выражаетъ замѣчательную мысль: „Снисходительность, терпимость—должны быть непремѣнными правилами изслѣдователя. Мысль у инаго, кажется мнѣ, нелѣпостью: не сердись, не негодуй—въ этой нелѣпости есть зародышъ, которому суждено возрасти и развиться при нашихъ внукахъ; эта нелѣпость дастъ поводъ къ отысканію истины“.

Найдя подкрѣпленіе своей мысли въ сочиненіяхъ Срезневскаго, Лавровскаго, Каткова, Кубарева, Григоровича и Сухомлинова, Погодинъ оканчиваетъ свое письмо къ Срезневскому такими словами: „Великороссійское нарѣчіе заключаетъ столько свойствъ, общихъ всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, по свидѣтельству многихъ нашихъ филологовъ, что по всей справедливости считается ихъ представителемъ; удивительную судьбу предназначилъ ему Богъ, вложивъ въ уста

того племени, которому суждено первое мѣсто между всѣми Славянскими, между всѣми племенами въ мірѣ Славянскомъ, и можетъ быть Европейскомъ! Многіе Славяне, разсуждая о необходимости избрать въ наше время одно общее Славянское нарѣчіе, для основанія, облегченія и укрѣпленія взаимности между Славянами, для обезпеченія ихъ успѣховъ и возбужденія способностей,—рѣшаются писать на Церковномъ Славянскомъ языкѣ. Причиною такого выбора поставляютъ они то, чтобъ не обидѣть ни одно племя и не возбудить ни въ комъ зависти—въ Полякахъ, Сербахъ, Чехахъ и проч. То есть, они берутъ языкъ IX вѣка, языкъ остановившійся, и хотятъ заднимъ числомъ говорить имъ, писать на немъ, воротиться, такъ сказать, къ нему назадъ,—но онъ вѣдь жилъ, шелъ, развивался, богатѣлъ — такъ примите его себѣ не изъ могилы, а изъ жизни, возмите жизнь, а не смерть, то есть, *пишите по Русски!* Русскій языкъ долженъ, въ свою очередь, обогатиться всѣми нарѣчіями, а онъ и теперь уже первый языкъ въ Европѣ! Что же изъ него будетъ, если онъ соберетъ себѣ дань съ живой рѣчи, которая раздается на пространствѣ пятнадцати тысячь верстъ въ длину, и десяти тысячь въ ширину, безпрестанно богатѣетъ еще въ устахъ народа, творится,—что же изъ него будетъ, если онъ соберетъ себѣ дань и со всѣхъ Славянскихъ живыхъ нарѣчій, со всѣхъ ихъ литературъ древнихъ и новыхъ? Это—чудное явленіе, такое же чудное, какъ Русская Исторія, какъ Русская пѣсня, какъ Русское право, какъ вся Россія“ [162]).

XLVIII.

Письмо свое къ Срезневскому, Погодинъ отправилъ въ Академію Наукъ. „За прекрасную статью“,—писалъ ему И. И Давыдовъ,—„благодарю васъ отъ всего Отдѣленія. Вчера я читалъ ее, къ общему удовольствію, но не къ общему убѣжденію; потому что въ ней многое показалось парадоксическимъ. Она немедленно будетъ напечатана, а предварительни

вамъ пришлется корректура. Что касается до древняго населенія Кіева Великороссіянами, въ этомъ никто не поспоритъ, кромѣ М. Максимовича; но тождество Церковно-Славянскаго языка и Русскаго, какъ вы хотите доказать, не оправдывается Филологіею. Разсмотрите безпристрастно, напримѣръ, молитву *Отче нашъ*; вѣдь она по-Славянски сходнѣе съ Эолическо-Эллинскимъ, по Экономиду, языкомъ, нежели съ Русскимъ. Этимологія и Синтаксисъ Церковно-Славянскаго языка запечатлѣны такими особенностями, что нельзя сомнѣваться въ мнѣніи Востокова: въ X столѣтіи это нарѣчіе, какъ и прочія однородныя, въ томъ числѣ и Русское, нарѣчія, было живою, устною рѣчью племени, въ послѣдствіи времени погасшаго. Во всякомъ случаѣ, вопросъ, вновь вами возбуждаемый, послужитъ темою для молодыхъ филологовъ, обогащенныхъ сравнительнымъ языкоученіемъ. Теперь будетъ онъ рѣшаться отчетливѣе, нежели какъ рѣшалъ его Калайдовичъ, Макаровъ съ братіею. Языкъ кондаковъ, акаѳистовъ и молитвъ, вновь сочиняемыхъ, не есть Церковно-Славянскій, или языкъ Остромирова Евангелія: это Славяно-Русскій, искусственный языкъ".

Въ другомъ письмѣ И. И. Давыдова (16 апрѣля 1856 г.), читаемъ: „Статья ваша, искусно написанная, пріобрѣтаетъ адептовъ. И я готовъ стать въ ихъ ряды, если только вы покажете, какимъ образомъ, гдѣ и когда собственно Русскія формы языка произошли изъ Славянскаго".

Самъ Срезневскій, 9 февраля 1856 года, писалъ Погодину: „Не могу не быть благодарнымъ судьбѣ за то, что случайно печатно высказанныя мною мысли о древнемъ языкѣ Русскомъ, были поводомъ изслѣдованій вашихъ о драгоцѣнномъ предметѣ нашихъ Древностей; не могу не быть благодарнымъ и вамъ, за письмо, въ которомъ вы ихъ высказали. Съ полнымъ вниманіемъ выслушано было оно въ засѣданіи Отдѣленія (читалъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ); немедленно было послано мною въ Типографію,—и, какъ видите, набрано. Въ посылаемой корректурѣ не вставлено впрочемъ еще то, что вы

обозначили въ записочкѣ вашей, потому что я передалъ ее М. А. Коркунову для памяти, относительно статей Прозоровскаго, съ которымъ онъ лично знакомъ. Посылаемую корректуру я успѣлъ просмотрѣть только слегка, для того, чтобы не замедлить исполненіемъ вашего желанія—поскорѣе переслать вамъ. Я буду ее читать, можетъ быть, еще и не одинъ разъ, и читая ее съ женою, сочтемся по подлиннику. Уважая все, что выходитъ изъ-подъ пера вашего, я перечитывалъ и эту статью вашу съ истиннымъ наслажденіемъ—можетъ быть потому еще болѣе, что взглядъ вашъ льститъ моему Великорусскому сердцу. А какъ придется мнѣ высказывать свое мнѣніе, я этого и представить себѣ не могу: сдѣлаю это развѣ только потому, что вы этого желаете, само собою разумѣется не полемически, скромно, и все-таки не знаю какъ. Ворочусь впрочемъ къ тому, что меня болѣе занимаетъ: мнѣ кажется, вы считаете меня малоруссомъ. Если такъ, то я долженъ отречься формально. На берегу Оки, въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанщины, вы найдете на картѣ село Срезнево: вотъ и родина моя; тамъ мой дѣдъ, дядя, и двоюродный братъ были священниками; тамъ и я съѣлъ первый сырой плодъ земли (кажется, наливное яблоко). Иныхъ Срезневскихъ и на свѣтѣ нѣтъ. Усвоилась мнѣ и природа Украйны, какъ теперь и природа Чудскихъ поозерій; но все-таки я кацапъ".

Получивъ отъ Погодина корректуру *Письма*, князь Н. Н. Голицынъ писалъ ему: „Думаю, что вы далеко не будете сердиться на меня за то, что я сообщилъ письмо ваше И. И. Срезневскому, П. А. Лавровскому. Тѣмъ самымъ я былъ весьма полезенъ послѣднему и содѣйствовалъ развитію этого вопроса".

Познакомившись въ корректурѣ съ *Письмомъ* Погодина, Лавровскій писалъ ему: „Благодаря вниманію князя Голицына, я имѣлъ удовольствіе прочитать на дняхъ ваши корректурные листы письма къ И. И. Срезневскому. Такъ какъ въ немъ есть доля, касающаяся лично меня, и какъ предметъ-то самый всегда былъ и есть близкимъ къ моимъ заня-

тіямъ, то я и почелъ для себя не только не лишнимъ, но и обязанностію высказать вамъ свои замѣчанія, будучи вполнѣ увѣренъ, что вы примете ихъ, какъ голосъ, если не успѣшнаго дѣлателя, то горячаго любителя той Науки, къ которой прямо относится ваше письмо.

Болѣе всего удивило меня *мое* мнѣніе въ вашемъ письмѣ: „Вы, и за вами г. Лавровскій, не видятъ ничего Малороссійскаго въ лѣтописяхъ, изъ чего и заключаютъ, *что Малороссійскаго нарѣчія совсѣмъ еще не существовало*". Скажу откровенно, что подобнаго безусловнаго мнѣнія я не имѣлъ и не могъ имѣть, какъ вы увидите изъ послѣдующаго труда моего, который я приведу. Но прежде „о языкѣ сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей". Имѣя въ виду исключительно языкъ древнихъ памятниковъ Русскихъ, я, въ 1852 году, полагалъ лишнимъ отдѣлять мѣстность отъ языка, и говоря, что Малороссійское нарѣчіе появилось не ранѣе XIII—XIV столѣтія, считалъ, какъ теперь вижу ошибочно, понятнымъ для всѣхъ, что здѣсь дѣло идетъ только о нашей Южной Россіи, а не безусловно о происхожденіи нарѣчія Малороссійскаго, которое въ *другой мѣстности* могло жить съ незапамятныхъ поръ. Въ послѣдующіе годы я замѣтилъ самъ необходимость большей опредѣленности въ первомъ своемъ разсужденіи и возможность для другихъ понимать мое положеніе о времени появленія Малороссійскаго нарѣчія безотносительно. Но, если неопредѣленность, даже темнота выраженія въ „языкѣ сѣверныхъ Русскихъ лѣтописей" можетъ находить недѣйствительное оправданіе въ молодости автора, то настоящій взглядъ мой на Малороссійское нарѣчіе, на возможность существованія его за долго до XIII столѣтія, *но только въ иной мѣстности, а не въ Южной Россіи,* найдетъ, надѣюсь и въ вашихъ глазахъ, достаточное доказательство въ статьѣ моей о нарѣчіи Малорусскомъ Эта статья еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года была отправлена въ Академію; быть можетъ, она уже и напечатана, быть можетъ, вы ее ужъ и пробѣжали, но какъ я ничего этого не знаю, то и считаю

долгомъ выписать изъ нея нѣсколько строкъ заключенія. Показавши, по моему мнѣнію, сербизмы въ нарѣчіи Малорусскомъ, я говорю: не встрѣчая ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ Сербскимъ нарѣчіемъ, въ древнихъ памятникахъ Русскихъ, писанныхъ на югѣ Россіи, замѣчая напротивъ, на основаніи этихъ памятниковъ, рѣзкое въ звукахъ и формахъ единство для обѣихъ половинъ Руси и, имѣя въ лѣтописяхъ и актахъ Новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ-нибудь говору народному въ письменности, даже при всемъ желаніи писца придерживаться языка Церковнаго, кажется, должны обратиться къ гипотезѣ, высказанной нѣкогда г. Погодинымъ относительно позднѣйшаго выселенія нынѣшняго Малороссійскаго племени съ Карпатскихъ горъ, гипотезѣ, объясняемой вообще родствомъ говора Малороссійскаго съ Русинскимъ Карпатскимъ и подтверждаемой общими чертами съ Сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиться на сосѣднихъ съ Сербскими поселеніями въ Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ, по Багрянородному, находилась Великая Сербія. Послѣ этого я смѣло могу привести вамъ и отрывокъ изъ разговора по этому предмету съ покойнымъ Н. И. Надеждинымъ, хотя онъ и можетъ быть доказательствомъ только при довѣріи, не всегда надежномъ, къ совѣсти. На канунѣ своего диспута, 13-го декабря 1852 года, въ 10 часовъ утра, я принесъ Надеждину свое разсужденіе. Пробѣжавши первое мое положеніе, онъ тотчасъ замѣтилъ: „Значитъ, вы отвергаете существованіе Малороссійскаго нарѣчія до XIII — XIV вѣка“. Принявши въ основу своего изслѣдованія, отвѣчалъ я, одни памятники древней письменности Русской, я имѣлъ въ виду одну Русь, сѣверную и южную, и не думалъ касаться юго-запада, Карпатъ, и указалъ ему на слѣдующее свое положеніе: *Древній Русскій языкъ, общій для всѣхъ областей Русскаго Государства*, былъ общимъ... (Полож. 2). Въ такомъ случаѣ, заключилъ Надеждинъ, вы сходитесь совершенно съ М. П. Погодинымъ. Скажу чистосердечно, я не зналъ тогда вашего мнѣ-

нія. Такимъ образомъ, и въ 1852 году, какъ и теперь, утверждая единство языка Русскаго въ древнее время, я далекъ былъ отъ мысли уничтожать существованіе Малороссійскаго нарѣчія вообще до XIII стол.; скажу еще болѣе, Малороссійское нарѣчіе могло обнаруживаться *на Руси и до XIII вѣка*, но какъ не туземное, не господствующее, а заносившееся изъ другой стороны. Этимъ заносомъ въ раннее время объясняются и три-четыре особенности Малороссійскаго нарѣчія въ лѣтописи Ипатьевской; такъ: старшій братъ (стр. 18, строк. 17), замыслылъ (41, 1); шлы бяхуть (109, 33); быть можетъ: Моривѣйскъ вм. Моровійскъ и Дюрдій вм. Гюргій. Пусть эта замѣтка послужитъ новымъ подтвержденіемъ мысли: какъ трудно, даже невозможно не вызказаться говору въ письменности. Изъ того же, что этотъ говоръ прокрался такъ незамѣтно, въ такомъ ничтожномъ количествѣ, и то въ памятникѣ, довольно уже позднемъ, не ясно ли слѣдуетъ, что онъ не коренной въ Южной Россіи, что только къ этому времени, ко времени памятника, онъ сильно сталъ распространяться въ ней. При этомъ опять укажу на письменность Новгородскую, древнѣйшую лѣтописи Ипатьевской. Но довольно о себѣ. Вы, кажется, желаете знать у кого формулировано мнѣніе, что Церковный языкъ есть прародитель всѣхъ Славянскихъ нарѣчій; позвольте указать на Раковецкаго (Pravda Ruska), какъ, кажется, на перваго; едва ли не то же мнѣніе раздѣлялъ въ 1822 году и Калайдовичъ (*Труд. Общ. Ист. и Др.* 1822, Ч. 2, стр. 57), черезъ два года приставшій къ мнѣнію митрополита Евгенія, о Моравскомъ происхожденіи Церковно-Славянскаго нарѣчія (*Іоанн. экз. Болгар.*). Въ выраженіи: „это для меня весьма важно въ устахъ малороссіянина и профессора Славянскихъ нарѣчій“,—подъ малороссіяниномъ вы разумѣете Срезневскаго. Но и по родителямъ, и по мѣсту рожденія (въ Ярославлѣ), *) И. И. Срезневскій — великороссіянинъ. Замѣчаніе о тождествѣ Славян-

---

*) Срезневскій—уроженецъ *Рязанской* губерніи. *Н. Б.*

скаго и Русскаго языковъ принадлежитъ не Сухомлинову, а Григоровичу. Мысль объ этомъ тождествѣ была высказана еще *Колемъ*, первымъ профессоромъ Славянскаго языка при Академіи Наукъ; а увѣренность, въ старину, въ это тождество скрѣплена выписками у г. Иванова (*Объ Источник. Русскихъ Лѣтописей и Нестора*. Учен. Зап. Каз. Унив. 1844, стр. 64). Наконецъ, не могу принять на себя и упрека, высказаннаго вами для всѣхъ профессоровъ Славянскихъ нарѣчій: я тверитянинъ и живу въ Харьковѣ, гдѣ изучать Малороссійское нарѣчіе нельзя, а для поѣздокъ требуются средства: что же прикажете дѣлать, когда для *ученыхъ* откомандировокъ не всегда и вездѣ сообразуются съ учеными цѣлями.

Принося вамъ глубокую благодарность за истинное наслажденіе, доставленное мнѣ корректурными листами вашего письма, имѣю честь пребыть, вашего превосходительства, покорнѣйшій слуга"...

Увѣдомивъ Погодина о напечатаніи его письма къ нему въ *Извѣстіяхъ* Академіи Наукъ, Срезневскій, 23-го апрѣля 1856 г., писалъ ему: „Наконецъ ваша записка о древнемъ Русскомъ языкѣ отпечатана не только въ *Извѣстіяхъ*, но и отдѣльно. *Извѣстія* вы уже, вѣроятно, получили, а вотъ и отдѣльные оттиски, душевно уважаемый Михаилъ Петровичъ. Я старался держать корректуру съ полнымъ усердіемъ, и выписки изъ лѣтописей всѣ (кромѣ двухъ, которыхъ отыскать не могъ) провѣрилъ по подлинникамъ. Не могу не радоваться появленію этой записки именно въ *Извѣстіяхъ*, какъ одной изъ тѣхъ — у насъ немногихъ, которыя должны пробуждать дѣятельность мышленія и вмѣстѣ труда, давая право и внушая каждому засвѣчивать въ области изслѣдованій свой собственный фонарь, черезъ что конечно и всѣмъ вмѣстѣ будетъ свѣтлѣе.

Не могу однако скрыть своего замѣшательства, своего неумѣнья выпутаться изъ положенія, въ которое поставила меня ваша записка. Подготовляя постепенно подробныя объясненія тому, что высказано въ краткихъ мысляхъ объ Исто-

ріи Русскаго языка, я не разъ уже останавливался на вопросѣ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ древняго Русскаго языка, и собирался передать читателямъ *Извѣстій* свои соображенія о томъ, что Малорусскаго нарѣчія съ тѣми особенными признаками, которые отдѣляютъ его теперь отъ Великорусскаго, въ древнее время (до XIV вѣка) вовсе не было. До появленія вашей записки, писать мнѣ объ этомъ было легко; а теперь и молчать бы не хотѣлось, и писать какъ-то странно, чтобы не сказать страшно. До сихъ поръ я еще не вступалъ ни съ кѣмъ въ полемику, ничьихъ убѣжденій не оспаривалъ... И вдругъ, выйти на поле ученыхъ преній съ тѣмъ, котораго всю ученую дѣятельность ставилъ себѣ всегда образцомъ! Мнѣ это кажется просто дикимъ. И разумѣется, я сумѣю отдѣлаться отъ этого; но какъ, не могу еще придумать. Время впрочемъ терпитъ: въ слѣдъ за вашей запиской есть уже любопытная записка преосвященнаго Макарія, *) о *Патерикѣ*, а потомъ и кое-что другое".

Письмо Погодина было напечатано съ предисловіемъ Срезневскаго, по поводу котораго Погодинъ, подъ 27-го апрѣля 1856 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Подлое вступленіе Срезневскаго къ моей статьѣ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ упрекалъ и Шевырева. „Петербургскіе подлецы",—писалъ онъ,—„не перепечатали изслѣдованія изъ *Извѣстій* въ своихъ сборникахъ, хотя всѣ подобныя тамъ изъ *Извѣстій* помѣщены. Какъ же ты не упомянулъ о моей фантазіи касательно тождества Церковнаго языка съ нашимъ. Ты долженъ былъ непремѣнно или осудить или принять къ свѣдѣнію, принять ту или другую сторону".

Прочитавъ *Письмо* Погодина, А. С. Хомяковъ писалъ ему: „Любезный Погодинъ! Благодарю за статейку о Русскомъ языкѣ, она совершенно совпадаетъ съ моими убѣжденіями почти во всемъ, но только ты не обратилъ вниманія на сличеніе: *Пѣсни о Полку Игоря* и *Завѣщанія* Монома-

---

*) Впослѣдствіи митрополитъ Московскій и Коломенскій. *Н. Б.*

хова — съ Лѣтописями и *Патерикомъ*, и *Лѣтописей о еже быша* и пр. съ Письмами Іоанна и Курбскаго. Два языка очевидны; хотя все-таки, я признаю крайнее сродство Древне-Русскаго и Церковнаго. Объ Малороссіи я давно убѣжденъ, но вывожу хохловъ изъ Тмутаракани“ [163]).

XLIX.

Съ своей Михайловой Горы, 28 іюля 1856 года, М. А. Максимовичъ писалъ въ Москву, къ своему земляку О. М. Бодянскому: „Поднимаю корогву за нашу мову, за нашу землю—мати, съ которой выживаетъ прадѣдовъ нашихъ почтенный академикъ“ [164]).

До 23 августа 1856 года, Максимовичемъ было написано одиннадцать *Филологическихъ писемъ къ М. П. Погодину*. Первое письмо свое онъ начинаетъ такъ: „Ты вызываешь меня, любезный академикъ, на ученый споръ съ Срезневскимъ и Лавровскимъ! Въ своемъ печатномъ письмѣ къ Срезневскому ты говоришь: „А вотъ что невѣрно и что сильнѣе моего опровергнетъ, безъ сомнѣнія, Максимовичъ, котораго задеретъ это за живое—будто до Татарскаго времени не существовало, ни Малороссіянъ, ни Малороссійскаго нарѣчія“. Я вполнѣ согласенъ, что это невѣрно; но не знаю, долженъ ли я и сумѣю ли я опровергнуть это сильнѣе твоего, и „задеретъ ли за живое“ меня это мнѣніе, когда прочту его въ статьяхъ Срезневскаго и Лавровскаго; ибо я и до сихъ поръ еще не испыталъ этого, какъ ты называешь, „назидательнаго удовольствія“; но, признаюсь, когда я читалъ твое письмо, по мнѣ не разъ пробѣгали мурашки. Возможно ли, и ты, другъ Исторіи, вышедшій, послѣ „Норманскаго періода“, уже на чистое поле и шедшій по немъ прямымъ путемъ ясной исторической положительности и достовѣрности, вдругъ очутился въ лѣсу гипотезъ, увлеченный филологическими призраками“ [165])!..

Напечатавъ въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 года, свои одиннад-

цать филологическихъ писемъ, Максимовичъ писалъ Бодянскому: „Видите, что не бездѣйственно на своей Михайловой Горѣ прозябаю, и ратую за первозванную Русь. Довольны ли вы моими *Филологическими Письмами?* Мелочи въ сторону, на которыхъ мы не сходимся съ вами, не объ нихъ рѣчь, но главное дѣло—неужели вамъ не по сердцу? Мы въ немъ вѣдь за одно... Я прошу васъ, какъ Миноса, сказать въ *Бесѣдѣ* ваше рѣшеніе о языкѣ Нестора и Кіевской лѣтописи. Тутъ именно ваше мнѣніе нужно и важно въ нашей распрѣ съ Погодинымъ. Мои *Письма* не берутъ его, пріударьте-ка вы еще по прежнему его уполномоченію васъ!.. Онъ обвинилъ меня въ пристрастіи, какъ щираго малороссіянина, и предпочелъ адресовать письмо къ Срезневскому, но и тотъ удружилъ, пропустивъ безъ карантина всѣ выписки изъ Нестора, якобы „то чисто Великороссійскія, явно не Малороссійскія“! Я сдѣлалъ свое дѣло: поддержите же меня. А я займусь между тѣмъ разборомъ Норманства Руси, въ Изслѣдованіяхъ (Погодина)“ [166]).

Письма Максимовича, Погодинъ могъ прочесть только по возвращеніи своемъ изъ чужихъ краевъ. Ве *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *1 ноября* 1856 года: „Прочелъ письма Максимовича. Весьма дѣльныя, хоть и съ телеграфными *) промахами“.

— *2* — — — : „Думалъ объ отвѣтѣ Максимовичу“.

— *3* — — — : „Бездѣйствіе надъ письменнымъ столомъ. Набросалъ отвѣтъ Максимовичу. Лавровскій досадилъ умолчаніемъ и перевираніемъ моихъ отзывовъ о Татищевѣ. Терпѣнія не достаетъ съ этими негодяями, и въ то же время они..... Но чортъ ихъ возьми. Досадно, что досадую“.

— *7* — — — : „Еще набросалъ кое-что въ отвѣтъ Максимовичу“.

---

*) М. А. Максимовичъ былъ нѣкогда сотрудникомъ *Московскаго Телеграфа. П. Б.*

— *3 декабря* — — : „Написалъ введеніе къ отвѣту Максимовичу“.

На каждое письмо Максимовича, Погодинъ написалъ отвѣтъ, предпославъ Prolegomena: „Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я твою статью, очень ловко написанную, хоть и приходилось мнѣ подъ часъ проворчать съ Тарасомъ Бульбою: да онъ славно бьется, ей Богу, хорошо; такъ хоть бы даже и не пробовать. Безъ шутокъ: статья твоя прекрасна, но нисколько для меня не убѣдительна. Приступимъ скорѣе къ дѣлу.

Ты считаешь мою фантазію, мое мечтаніе болѣе достойнымъ вниманія, болѣе достойными опроверженія, слѣдовательно болѣе опасными, чѣмъ ученыя изслѣдованія гг. Срезневскаго и Лавровскаго, на споръ съ которыми вызывалъ тебя. Я, въ вашей наукѣ делетантъ. Слишкомъ много чести для меня, но не слишкомъ ли мало справедливости къ *достойнымъ*, употреблю твое прилагательное, филологамъ?

Я предупредилъ читателей, представляя свои гаданія, что я не филологъ, а историкъ; я изложилъ весь процессъ своего мышленія—путемъ не строгой Филологіи, а наведенія, скользя, такъ сказать, по поверхности предмета. Ты не умѣлъ оцѣнить моей искренности, въ жару своего мѣстнаго пристрастія, и даже вмѣнилъ мнѣ ее въ вину,... Зачѣмъ же ты не разобралъ, по правиламъ Науки, филологическихъ доказательствъ гг. Срезневскаго и Лавровскаго? Вотъ съ кѣмъ тебѣ надо было имѣть дѣло, съ борцами, носящими одинакое съ тобою оружіе! А ты „присунулся“ къ простодушному великороссіянину, что самъ открылъ свою грудь подъ удары и явился на поле сраженія безоружный, по примѣру древнихъ своихъ предковъ, „ссѣдше съ конь, и порты и сапозѣ сметавше, боси поскочиша“... Тебѣ показалось нужнѣе столкнуть прежде въ яму его, ѣхавшаго съ тобою, опустивъ поводья, съ полной довѣрчивостью, „и отмстить за Варяго-Норманскую схватку“.

Далѣе, Погодинъ замѣчаетъ, что „Исторія всѣхъ наукъ

представляетъ мысли, чаянія, догадки, предположенія, которыя вспадаютъ на умъ труженикамъ, когда они подходятъ, такъ сказать, къ краю на пути своихъ изслѣдованій, или встрѣчаютъ неприступную стѣну. Эти мысли бываютъ иногда дальнѣйшимъ заключеніемъ прежнихъ ихъ убѣжденій, иногда хватаются ими въ отчаяніи съ облаковъ".

Какъ бы въ подтвержденіе этого замѣчанія, Погодинъ беретъ въ примѣръ самого М. А. Максимовича. „Ты, напримѣръ",—пишетъ онъ,—„знаешь казачество лучше насъ всѣхъ; много ты объ немъ думалъ,—но какъ ты ни напрягалъ своихъ умственныхъ силъ, какъ ни старался собрать всѣ нужныя свѣдѣнія, какъ, наконецъ, ни желалъ изъ глубины сердца (и эту силу желанія надо брать въ расчетъ) объяснить себѣ ихъ происхожденіе, этотъ любимый для тебя предметъ, ты не могъ ничего сдѣлать, и съ отчаяніемъ бросился, куда—въ Тмутаракань. Ну, еслибъ я, по твоему телеграфскому методу, началъ выводить узоры по этому полотну: вотъ де, гдѣ очутился М. А. Максимовичъ послѣ такихъ и такихъ странствій, — въ Тмутаракани... Но я не *Телеграфъ*, а *Московскій Вѣстникъ* и *Москвитянинъ*"...

Затѣмъ, Погодинъ возвращается къ Малороссійскому нарѣчію, изъ-за котораго завязался ихъ споръ и пишетъ Максимовичу: „Ты возстаешь на меня, потѣшаешься надо мною, въ особенности за то, что я, не зная Малороссійскаго нарѣчія, не имѣя основаній, осмѣлился говорить о немъ и утверждать, что Малороссіяне пришли въ Кіевъ поздно. Да въ этомъ незнаніи и заключается мое основаніе. Разсуди внимательно: я не знаю по Малороссійски, а лѣтописи, Несторову и Кіевскую, понимаю сполна, слѣдовательно въ нихъ нѣтъ ничего Малороссійскаго; а еслибъ оно было, такъ я не могъ бы понять лѣтописей... Лѣтъ тридцать почти тому назадъ, разъѣзжалъ я съ М. С. Щепкинымъ по Малороссіи. Я не хочу отстать отъ тебя въ снабженіи статьи локальнымъ, какъ говорится нынѣ, колоритомъ и индивидуальнымъ интересомъ. Лежалъ я однажды, грѣясь на солнышкѣ, въ

Ромнахъ, надъ Сулою. Идутъ мимо кацапъ съ хохломъ. Кацапъ, разумѣется, плутъ, говоритъ добряку хохлу: ты языкомъ-то не лопочи, а иди на благочестіе".

Засимъ, Погодинъ приглашаетъ и Максимовича идти „на благочестіе".

Обращаясь къ шестому тому своихъ *Изслѣдованій, Замѣчаній и лекцій о Русской Исторіи*, въ которомъ заключается Біографическій Словарь Русскихъ князей, Погодинъ пишетъ Максимовичу: „Ты кланяешься моему *Словарю* удѣльныхъ князей, хоть объ изданіи его впрочемъ искренніе и безпристрастные друзья Исторіи не нашли еще случая, кажется, упомянуть нигдѣ, даже въ библіографической хроникѣ; но не объ нихъ рѣчь, а вотъ объ чемъ: въ трехъ стахъ этихъ біографій есть ли одна, которая напомнила бы Тараса Бульбу или Петра, что въ Страшной мести столкнулъ своего друга въ яму"?

Затѣмъ, обращаясь къ письмамъ Максимовича, Погодинъ замѣчаетъ вообще, что онъ въ нихъ не доказалъ, что Великороссійскій языкъ не могъ, по законамъ Филологіи, произойти изъ Церковнаго языка, языка лѣтописи...... „Ты",—пишетъ онъ,—„не доказалъ также, почему въ Малороссіи нѣтъ пѣсенъ о Владимірѣ, и ссылка твоя на его святость ни мало не объясняетъ моего недоумѣнія, потому что есть много у васъ пѣсень и о святыхъ—о Лазарѣ, Георгіѣ, Алексіѣ Божьемъ человѣкѣ и проч. Ты не доказалъ, почему безграмотный малороссіянинъ не пойметъ хорошо страницы лѣтописей, что перевести ее на Малороссійское нарѣчіе гораздо труднѣе, нежели на Великороссійское".

На этомъ Погодинъ могъ бы остановить свой споръ съ Максимовичемъ, потому что дальнѣйшее продолженіе онаго относится по принадлежности къ Срезневскому и Лавровскому, которые пошли даже гораздо дальше его.

L.

Къ переборкѣ всѣхъ одиннадцати писемъ М. А. Максимовича, Погодинъ приступилъ съ педагогическою, такъ сказать, цѣлью, чтобы „сказать“,—какъ онъ пишетъ,—„что нибудь, можетъ быть, полезное для молодыхъ друзей Науки“, которыхъ онъ „преимущественно имѣетъ въ виду среди всѣхъ своихъ работъ“.

Въ первомъ письмѣ своемъ, Максимовичъ приводитъ разныя прежнія мнѣнія своего друга по предмету ихъ спора. На это Погодинъ отвѣчаетъ: „Позволь вспомнить тебѣ замѣчаніе Шлецера, котораго, жаль мнѣ, что ты вполнѣ не знаешь: „черезъ много лѣтъ позволено себѣ противорѣчить, т.-е., между тѣмъ еще чему-нибудь понаучиться“. Въ томъ же письмѣ Максимовичъ говоритъ, что „чтеніе Погодинымъ Кіевской лѣтописи *облекло утро въ сумракъ ночи*“. На это Погодинъ отвѣчаетъ: „Кіевскую лѣтопись я зналъ тогда, какъ ты гербаризировалъ еще на Воробьевыхъ горахъ *) и не имѣлъ понятія ни объ какихъ лѣтописяхъ“.

Во второмъ письмѣ, Максимовичъ говоритъ: „Нынѣ ты, любезный академикъ, отождествляя Великорусское нарѣчіе съ Церковно-Славянскимъ, производишь разомъ два разрыва въ естественномъ родствѣ Славянскихъ языковъ: во-первыхъ, ты отрываешь Церковно-Славянскій языкъ отъ ближайшихъ съ нимъ языковъ Задунайскихъ или Юго-Западныхъ. Во-вторыхъ, ты разрываешь ближайшее родство Русскихъ нарѣчій, по которому Малороссійское и Великороссійское нарѣчія—родные братья, сыновья одной Русской рѣчи. „На это обвиненіе Погодинъ отвѣчалъ: „Во-вторыхъ точно также несправедливо, какъ и во-первыхъ, ибо ничего не утверждалъ я про-

---

*) Въ Москвѣ М. А. Максимовичъ былъ профессоромъ Ботаники въ Университетѣ. *Н. Б.*

тивъ родного братства нарѣчій Великороссійскаго и Малороссійскаго...... Слѣдовательно, предубѣжденія противъ Малороссійскаго нарѣчія я не имѣлъ, хотя и смѣялся внутренно, что ты, въ своей *Исторіи Древней Русской Словесности*, Малороссійское нарѣчіе ставишь во главѣ Славянскихъ нарѣчій". Далѣе, Погодинъ замѣчаетъ: „Разбирать долѣе злосплетенную паутину этого письма утомительно"...

Въ заключеніе же этого письма, Максимовичъ смѣялся надъ Погодинымъ, что онъ „приводитъ слова Каткова, совершенно противоположныя другимъ, которыя Погодинъ выставилъ, какъ согласныя съ его фантазіею"...

Но Погодинъ отвѣчалъ: „Ни Сухомлинова, ни Каткова, Григоровича, Кубарева, не призывалъ я къ себѣ въ помощь, а приводилъ ихъ слова, какъ доказательство проявленія одной и той же мысли въ разныхъ формахъ, точно такъ, какъ ты приводишь слова Добровскаго съ Сербо-Булгаро—Македонскимъ, Востокова съ древнимъ Болгарскимъ, и даже Капитара съ Паннонскимъ языкомъ, въ подтвержденіе, что Церковный языкъ принадлежитъ къ отдѣлу Задунайскому".

Въ третьемъ своемъ письмѣ, Максимовичъ говоритъ Погодину, между прочимъ, и то, что сказанья и пѣсни о пирахъ Владиміровыхъ и другихъ его похожденіяхъ были и на Украйнѣ въ древнее время, и это видно изъ лѣтописи Нестора и проч. На это Погодинъ писалъ: „Позволь мнѣ сказать тебѣ, что это говорилъ я на своихъ лекціяхъ еще двадцатыхъ годовъ, слѣдовательно, за тридцать лѣтъ почти"...

Въ четвертомъ письмѣ, Максимовичъ попрекаетъ Погодина за Норманство. „Ты",—писалъ онъ,—„и Миѳологію нашу считаешь Норманскою". На этотъ попрекъ Погодинъ отвѣчалъ: „Да, да, я почитаю Варяговъ-Русь Норманами, хоть и долго было это мнѣ очень противно, и очень хотѣлось мнѣ, чтобъ они были Славянами... Я убѣжденъ въ Норманствѣ Варяговъ, какъ убѣжденъ былъ и Карамзинъ. Какъ убѣжденъ я въ Норманствѣ Варяговъ-Руси, такъ убѣжденъ, что все, написанное до сихъ о Славянствѣ Варяговъ-Руси, отъ Ло-

моносова до тебя включительно, не выдерживаетъ критики. Что откроется впередъ о Славянствѣ Варяговъ-Руси, я не знаю, но готовъ выслушать и принять всякое дѣльное изслѣдованіе. Лѣтъ пять тому назадъ, я нечаянно встрѣтился въ Петербургѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, С. А. Гедеоновымъ, и услышалъ отъ него такія примѣчательныя о сѣверныхъ Славянахъ соображенія, что онѣ возбудили все мое вниманіе. Я увидѣлъ въ нихъ новый шагъ впередъ, и вмѣстѣ возможность соединенія, примиренія двухъ системъ о происхожденіи Руси. Съ тѣхъ поръ я ничего не слышу объ немъ и жалѣю, что онъ не издаетъ своихъ любопытныхъ изслѣдованій. Видишь ли мое безпристрастіе? А ты все тотъ же щирый малороссіянинъ, какъ былъ и прежде". Похваливъ себя за безпристрастіе, Погодинъ замѣчаетъ Максимовичу: „На твое безпристрастіе я не надѣюсь со времени нашего спора объ Андреѣ Боголюбскомъ, котораго ты ругалъ за разореніе Кіева 1169 года, никакъ не принимая въ разсчетъ, что разореніе Рюрикова (Ростиславича) было гораздо болѣе достойно порицанія. Тогда же я рѣшился адресовать свое письмо, вмѣсто тебя, къ Срезневскому".

Перебравъ такимъ образомъ и остальныя письма Максимовича, Погодинъ заключаетъ: „Статья твоя написана прекрасно, но какъ прекрасная антикритика, а не какъ безпристрастное разсужденіе о дѣлѣ. Ты долженъ былъ прежде всего разобрать основанія Срезневскаго и Лавровскаго, и показать ихъ несостоятельность, а потомъ произнести приговоръ моимъ мечтаніямъ, которымъ я самъ не придавалъ никакого особеннаго значенія, призывая знатоковъ на судъ и даже на осужденіе. Ты долженъ былъ спокойно объяснить мои недоразумѣнія и показать, что Великороссійскія, по моему, отмѣны суть вмѣстѣ и Малороссійскія и т. п. Я могъ получить ударъ развѣ рикошетомъ отъ Лавровскаго и Срезневскаго, а ты поступилъ на оборотъ... А кстати я сердитъ теперь на нихъ не меньше, чѣмъ на тебя. Вообрази—первый, въ своемъ послѣднемъ разсужденіи объ Іоакимовой лѣтописи,

причисляетъ меня къ противникамъ Татищева и выкапываетъ слово *неученый*, которое я употребилъ о немъ, какъ бы ты думалъ, гдѣ? Въ *Отечественныхъ Запискахъ* Свиньина, въ 1826 году, и не хочетъ знать, какую похвалу воздалъ я Татищеву въ своихъ *Изслѣдованіяхъ*.

... Второй, въ своихъ предисловіяхъ, послѣсловіяхъ и вступленіяхъ, обходится такъ... Но, боюсь заговориться и откладываю свой разсчетъ до другаго раза" [167]).

Послѣднія строки очень огорчили И. И. Срезневскаго, и онъ впослѣдствіи писалъ Погодину: „Простите за откровенность и за неумѣстный порывъ самозащищенія,—съ горечью вспоминаю о вашихъ нападеніяхъ на меня за древній Русскій языкъ. Горько мнѣ и до сихъ поръ то, что вы, какъ мнѣ казалось, были мною недовольны — не за мнѣнія, а за что-то въ родѣ поступка. Тогда же хотѣлъ я написать вамъ и просить объясненій; но мнѣ показалось это нахальнымъ, и я остался только при одной горечи. Вмѣшаться печатно въ дѣло, завязавшееся по поводу древняго Русскаго языка, было выше моихъ силъ,—по той же причинѣ. Внѣ круга поступковъ, я считаю себя правымъ; а когда окажется, что ошибался, то безъ горечи откажусь отъ ошибки".

Отвѣтъ Погодина Максимовичу былъ напечатанъ также въ *Русской Бесѣдѣ*. Когда Погодинъ отправилъ отвѣтъ свой для напечатанія, то Кошелевъ писалъ ему: „Отвѣтъ вашъ на филологическія письма Максимовича будетъ помѣщенъ въ 4-й книгѣ; но записка ваша меня и огорчила, и оскорбила... Что за угроза (а не то помѣщу въ *Русскомъ Вѣстникѣ*). И кто ее дѣлаетъ? Нѣтъ, Михаилъ Петровичъ, въ общемъ дѣлѣ такъ не поступаютъ. Хоть ругай меня.... а я въ перебѣжчики не пойду. Вы говорите о дружномъ соединенномъ дѣйствіи, а при первомъ, ничѣмъ не вынужденномъ обстоятельствѣ, вы что говорите"?

Отвѣтомъ Погодина остался очень доволенъ Шевыревъ. „Вчера",—писалъ онъ,—„прочелъ я твой отвѣтъ Максимовичу и много смѣялся. Мастеръ ты сталъ писать. Слогомъ твоимъ

я любуюсь. Простота его и Русскій особенный складъ достойны всякаго подражанія. Жаль мнѣ, что ты тратишь себя по мелочамъ и не продолжаешь дѣятельно Русской Исторіи. Я истрачиваю себя на лекціи (но я не могу еще отказаться отъ каѳедры), а ты на статейки, письма, проекты, которыхъ теперь никто не прочтетъ, а если и прочтутъ, то примутъ за фантазію. А между тѣмъ, кто же, если не ты, разскажетъ намъ теперь Русскую Исторію? Я думаю, отъ того тебѣ и грустно и скучно, что ты не у своего дѣла. Скуки и грусти мнѣ некогда чувствовать, но чувствую иногда какое-то непріятное безсиліе и утомленіе, потому что когда приходитъ досугъ, ощущаю потребность отдыха отъ университетскаго хомута, по выраженію Перевощикова, для меня очень памятному. Я желалъ бы пенсіи, которую я выслужилъ и которой не даютъ, и академическаго содержанія, и засѣлъ бы въ кабинетъ и продолжалъ бы прерванный трудъ свой. Но никто не внемлетъ моему желанію. Полевому давали помощь, а я видно не выслужилъ".

Но споръ между друзьями продолжался и въ 1857 году, на страницахъ же Русской Бесѣды.

12 января, въ Татьянинъ день, 1857 года, Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы, писалъ Погодину: „Въ этотъ день хочется поздороваться мнѣ со всѣми, немногими уже университетскими товарищами, особенно съ тобою, драгій Погодине! и привѣтствовать съ новымъ гогомъ, съ новымъ счастьемъ! Я писалъ къ тебѣ и письменно-приватно, и печатно-всенародно, да ты молчишь ко мнѣ. Ужъ не сердишься ли на меня? Надѣюсь, что нѣтъ... Если въ *Филологическихъ письмахъ* и согрубилъ я маленько, ты извинишь. Писалъ, какъ Богъ послалъ; и посылалъ, чтò сливалось съ пера, не имѣя времени давать писанію своему деликатную отдѣлку. А впрочемъ, ты можешь вспомнить, какъ неистово ты въ книгѣ своей отдѣлалъ мою книгу, спустя десять лѣтъ по ея выходѣ! У каждаго изъ насъ горячка къ тому, что намъ кажется *истиною*; а я въ *Письмахъ*, пораженный отступниче-

ствомъ твоимъ, отъ твоихъ же собственныхъ, горячо защищаемыхъ (въ *Изслѣдованіяхъ*) убѣжденій, которыя вмѣстѣ и мои убѣжденія, — я готовъ былъ Unguibus et rostris растерзать твое новое историко-филологическое *католичество*! Готовъ биться съ тобою противъ него, даже до смерти, пока, или ты не скажешь, что я правъ, или я не увижу... Но нѣтъ, невозможно... И говорить не стану, чтобы я могъ увидѣть въ себѣ это ужасное переубѣжденіе! — Знаешь ли ты, мой любый москалю, какой жестокій ударъ наносишь ты мнѣ, украйнцу, отлучая Малороссійскій народъ отъ древняго Кіева, отнимая у него лучшую часть, лучшій возрастъ его исторической жизни! Это все равно, если бы отъ моей личной жизни и памяти отсѣкъ ты второе, лучшее пятнадцатилѣтіе моей Московской жизни, и сказалъ мнѣ: ты его провелъ не въ Москвѣ, а въ Мозыри или на Уралѣ! Но довольно объ этомъ. Я прошу тебя отвѣчать на печатное печатно, а на письма мои не отвѣчать такъ, что бы я по Ровински могъ сказать: я слышу молчаніе"!

18 января того же 1857 года, Максимовичъ окончилъ писаніемъ своего перваго отвѣтнаго письма Погодину, а 5 февраля—втораго. Съ своей стороны и Погодинъ отвѣчалъ на два послѣднія письма М. А. Максимовича.

Въ концѣ 1857 года, Максимовичъ былъ вызванъ въ Москву, для завѣдыванія Редакціею *Русской Бесѣды*.

Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *8 сентября 1857* года: „Вечеромъ Кошелевъ съ Максимовичемъ. Съ Максимовичемъ о духовенствѣ въ Малороссіи и пр.".

— *31 октября* — —: „Вяземскій, Аксаковъ. Встрѣтилъ Максимовича, Лонгинова и. пр.".

— *8 ноября* — —: „Въ церковь. Поздравленія. Пріятный завтракъ. Рѣчь Ивана Аксакова. Съ Максимовичемъ объ отношеніяхъ".

— *12* — — —: „Максимовичъ о Надеждинѣ. Споръ и проч."

— *13* — — —: „Обѣдалъ въ клубѣ. Максимовичъ довезъ въ уморительномъ экипажѣ до Кошелева".

— *27* — — —: „Максимовичъ о Кулишѣ и Бодянскомъ".

Еще до пріѣзда Максимовича въ Москву, Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ И. И. Давыдова: „Челомъ бьемъ всѣ втроемъ вашему превосходительству, желая вамъ много лѣтъ здравствовать. Благодаримъ за память, всѣмъ вашимъ низко кланяемся. Но какъ же до сихъ поръ не откликнуться? Въ этомъ не извиняетъ васъ и отпущенная борода. Что касается до насъ, мы плывемъ по синему морю жизни съ путеводною звѣздою Промысла—и, Богъ знаетъ, когда приплывемъ въ Леонтьевскую пристань *). А капитанъ корабля не оставляетъ экипажа своего во время бури: онъ воленъ сдѣлать это, приведя корабль въ пристань. Такъ и я долженъ сидѣть у моря и ждать погоды. Вы пишете, что до васъ доходятъ слухи о непріятностяхъ. Развѣ это можетъ васъ удивлять? Не дѣлай ничего, а только ѣшь, пей и веселись: будешь *предобрымъ* человѣкомъ. А мы съ вами тѣмъ и виноваты, что кое-что дѣлаемъ и не ломаемъ шапки, когда случается другихъ опередить. Отъ этого толпа злыхъ завистниковъ и ненавистныхъ клеветниковъ. Но остановитъ ли это насъ отъ дѣла, къ которому мы призваны?—*На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки*!

За замѣчаніе въ отчетѣ, мнѣ кажется, сѣтовать не слѣдуетъ. Во-первыхъ, нельзя не говорить о томъ, что напечатано въ *Извѣстіяхъ*; во-вторыхъ, нельзя воспретить академику имѣть свое мнѣніе о напечатанномъ. При всемъ уваженіи къ каждой мысли ученаго, особенно сотоварища, признаюсь, дрожайшій однокашникъ, я самъ дивлюсь новому мнѣнію вашему о Русскомъ языкѣ, вполнѣ не понимая его, и потому въ запискѣ о годичной дѣятельности Отдѣленія, ко-

---

*) У И. И. Давыдова былъ собственный домъ въ Москвѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ. *Н. Б.*

торая печатается въ первомъ выпускѣ *Извѣстій* наступившаго 1857 года, выписалъ ваши слова изъ заключенія. Скажу еще болѣе: возраженіе ваше Михаилу Максимовичу не проясняетъ дѣло. Ученое изслѣдованіе должно состоять не изъ шутокъ и фантазій, а изъ силлогизма: a=c; b=c и a=b. Впрочемъ, въ спорныхъ вопросахъ науки рѣшеніе надобно предоставить времени" [168]).

Въ Москвѣ уже Максимовичъ написалъ и напечаталъ въ *Русской Бесѣдѣ* новое письмо къ Погодину: *О мнимомъ запустѣніи Украйны въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ.*

Письмо свое Максимовичъ начинаетъ такъ: „Пора намъ прекратить споръ нашъ въ *Русской Бесѣдѣ*, хоть перемиріемъ! Въ моихъ *филологическихъ* и двухъ *отвѣтныхъ письмахъ* сказано уже все, что я намѣренъ былъ объяснить тебѣ о предметѣ нашего спора, съ его филологической стороны; и если ты не возвратился къ прежнему понятію, которое старался я оправдать, если ты погрязъ въ своемъ новомысліи, изъ котораго я надѣялся тебя вызволить, то въ этомъ уже твоя, не моя вина. Ты въ отвѣтахъ своихъ сознаешься, что ты—„не филологъ, а историкъ", что „филологія не твое дѣло": и это справедливо; отъ этого-то и происходитъ особенность нѣкоторыхъ твоихъ утвержденій о языкѣ, противъ которыхъ и возражать не для чего. Надѣюсь, что г. Бодянскій — „законный судья" въ этомъ дѣлѣ — не откажется исполнить твое прежнее и мое нынѣшнее желаніе: выскажетъ свое мнѣніе о языкѣ Несторовой и послѣдующихъ Южно-русскихъ лѣтописей, и тѣмъ порѣшитъ нашъ споръ, съ *филологической* стороны. Тогда намъ можно будетъ приступить и къ заключенію вѣчнаго мира, который будетъ, какъ говорили въ древности, стоять до рати. Во второмъ отвѣтномъ письмѣ моемъ, я говорилъ съ тобою, какъ съ *историкомъ*; и хочу еще поговорить о предметѣ нашего спора—въ отношеніи *историческомъ*, увлекаясь на то любезнымъ заключеніемъ твоего второго отвѣта, что „говорить дѣло о дѣлѣ"

ты всегда радъ „и со мною“ еще болѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ, но безъ предубѣжденій“. Поговоримъ же—и во-первыхъ, о томъ историческомъ *предубѣжденіи*, которое нынѣ стало твоимъ *убѣжденіемъ*: о запустѣніи Кіевопереяславской Земли, или Украйны въ нашествіе Батыево, и заселеніи ея новопришлымъ народомъ“ [169]).

Филологическія Письма М. А. Максимовича въ нашей Литературѣ произвели благопріятное впечатлѣніе. 6 декабря 1856 года, И. С. Аксаковъ, изъ Харькова, писалъ къ своимъ родителямъ: „Письма Максимовича, независимо отъ достоинства ихъ филологическаго, о которомъ я не сужу, а пусть судитъ Константинъ, такъ живо, что ихъ можетъ прочесть и не филологъ [170]). Даже самъ Е. Ѳ. Коршъ, разбирая *Русскую Бесѣду* 1856 года, замѣтилъ, что въ этомъ журналѣ отъ времени до времени встрѣчаются статьи, въ которыхъ не выражается такъ называемое Славянофильское направленіе и то лучшія статьи *Бесѣды*, къ числу которыхъ смѣло можно отнести *Филологическія Письма къ М. П. Погодину М. А. Максимовича*“ [171]).

LI.

Среди споровъ своихъ съ Максимовичемъ о происхожденіи Русскаго языка отъ Церковнаго, Погодинъ не прерывалъ своихъ занятій изслѣдованіями въ области Древней Русской Исторіи.

Предъ отъѣздомъ за границу, въ 1856 году, онъ выпустилъ въ свѣтъ VII-й томъ своихъ *Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи*.

Рецензентомъ этого тома въ *Отечественныхъ Запискахъ* явился тогда еще молодой ученый, А. В Лохвицкій, заявившій себя въ Литературѣ своимъ изслѣдованіемъ, подъ заглавіемъ: *Очеркъ церковной администраціи въ Древней Россіи*.

Рецензію свою Лохвицкій начинаетъ заявленіемъ, что VII-й томъ „едва-ли не самый интересный изъ всѣхъ четы-

рехъ, посвященныхъ времени отъ кончины Ярослава до Татаръ". Въ этомъ томѣ Погодинъ разсматриваетъ внутреннія учрежденія. Находя, что подробный критическій разборъ *Изслѣдованій* Погодина возможенъ будетъ только по выходѣ остальныхъ обѣщанныхъ томовъ, Лохвицкій ограничиваетъ свою рецензію указаніемъ на содержаніе VII-го тома.

Въ главѣ I (Князь), Лохвицкій находитъ справедливымъ замѣчаніе Погодина, что браки князей устраивались ихъ родителями; но что Новгородцы иногда женили своихъ князей, какъ родители.

Въ главѣ II (Дружина), Лохвицкій находитъ, что Погодину принадлежитъ новое въ нашей исторической Литературѣ мнѣніе о наслѣдственности званія бояръ и дѣтскихъ въ извѣстныхъ родахъ.

Главы III и V (Города и ихъ обитатели и волости и отношеніе ихъ къ городамъ, смерды), по мнѣнію Лохвицкаго, составляютъ оригинальное изслѣдованіе.

Въ главѣ VI (Военное дѣло), по мнѣнію Лохвицкаго, Погодинъ справедливо утверждаетъ, что количество дружины было весьма невелико и рѣдко доходило до трехъ тысячъ, часто состояло изъ одной или нѣсколькихъ сотенъ; что самыя сраженія такихъ малочисленныхъ дружинъ вовсе не имѣли такого кроваваго характера, какой мы привыкли соединять съ именемъ междоусобій.

По мнѣнію Лохвицкаго, самою важною изъ статей, помѣщенныхъ въ VII-мъ томѣ, есть письмо Погодина къ Срезневскому объ языкѣ.

Разсмотрѣвъ важнѣйшія статьи, заключающіяся въ VII-мъ томѣ *Изслѣдованій*, Лохвицкій заключаетъ такъ свою рецензію: „Не всѣ мнѣнія Погодина имѣютъ силу положеній; но даже и тѣ, съ которыми читатель мыслящій и знающій не согласится, имѣютъ большое достоинство: онѣ зарождаютъ новые вопросы, возбуждаютъ мысль, и вообще освѣжаютъ его свѣдѣнія". Лохвицкій сожалѣетъ только о томъ, что Погодинъ сохраняетъ прежній тонъ относительно тѣхъ мнѣній,

съ которыми не согласенъ. Къ чему эта нетерпимость? Вѣдь неуваженіе къ противникамъ есть обоюдо-острое оружіе, и Погодинъ очень хорошо знаетъ это по опыту. Признаемся, намъ непріятно было встрѣтить эти выходки; а между тѣмъ, Погодинъ, такой строгій къ другимъ, дѣлаетъ часто самъ странные промахи". Но при всемъ томъ Лохвицкій признаетъ, что *Изслѣдованія* Погодина „составляютъ настольную книгу для Русскаго историка и юриста".

Но Погодинъ остался недоволенъ этою рецензіей. Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 19 февраля 1857 года, онъ отмѣтилъ: „Читалъ *Отечественныя Записки* о VII-мъ томѣ. Что за нелѣпицы пишутъ: ясно, что люди потеряли школу".

Между тѣмъ, Куникъ, 22 августа 1857 года, писалъ Погодину: „Нужно удивляться тому, что издатели нашихъ журналовъ не обращаютъ вниманія на ваши VI и VII-й томы. Кажется, что эти господа не умѣютъ цѣнить работъ подобнаго рода и считаютъ ваши статьи простымъ сводомъ извѣстій изъ хроникъ. Вы сами, конечно, не держитесь такихъ воззрѣній. Я, съ своей стороны, убѣжденъ, что вашими книгами многія поколѣнія будутъ пользоваться. Именно ваши работы указываютъ, какъ мы еще отстали и сколько работы въ частныхъ вопросахъ намъ еще предстоитъ". Въ томъ же письмѣ Куникъ сообщаетъ, что „панъ Бѣловскій вернулся изъ Москвы, какъ мнѣ говорилъ одинъ полякъ, въ большомъ восторгѣ; онъ въ особенности хвалитъ пріемъ, который былъ ему оказанъ вами и Бодянскимъ" [172]).

Весь 1857-й годъ Погодинъ посвятилъ приготовленію къ печати V-го тома своихъ *Изслѣдованій*. Ходъ его занятій этимъ предметомъ мы можемъ прослѣдить по *Дневнику* его, въ которомъ читаемъ слѣдующія лаконическія записи:

Подъ *2 января*: „Примѣривался къ Кіевскому Княженію".
— *3* —: „Занимался Кіевскимъ Княженіемъ".
— *6* —: „Надъ Кіевомъ, но не живо".
— *8* —: „Кончилъ почти Кіевское Княженіе".

— *9* —: „Надъ прочими княжествами, но не споро. Много думалъ о князьяхъ и княжествахъ и о картинѣ“.

— *23* —: „Надъ Черниговскимъ Княжествомъ, воротясь отъ Мамонтова, даже совѣстно“.

— *24* —: „Надъ Черниговскимъ Княжествомъ“.

— *25* —: „Надъ Переяславскимъ и прочими княжествами. Вяло“.

— *26—29* —: „О Полоцкомъ Княженіи и проч. Не ладится“.

— *30* —: „Надъ Полоцкимъ Кнняженіемъ“.

— *31* —: „Надъ Туровскимъ Княженіемъ“.

— *20 февраля*: „Кончилъ Галичское Княженіе. Исправилъ Кіевское Княжество. Думалъ объ Исторіи. Вельтманъ съ своими изслѣдованіями,—а что нибудь въ нихъ есть“.

— *25—26* —: „Исправилъ Черниговское Княжество“.

— *1—2 марта*: „О Владимірскомъ Княжествѣ“.

— *3* —: „О Волынскомъ Княжествѣ“.

— *1 мая*: „Кончилъ выборку изъ Новгородскихъ лѣтописей. Думалъ объ изложеніи. Планъ работъ“.

— *12* —: „Думалъ о Новгородской Исторіи“.

— *18* —: „Началъ набрасывать реестръ событій“.

— *25—26* —: „Работалъ надъ Новгородомъ“.

— *27* —: „Кончилъ статью о Новгородѣ. Теперь остается перебрать краткія мѣста изъ лѣтописи“.

— *28—29* —: „Работалъ надъ Новгородомъ“.

— *1 іюля*: „Поработалъ очень хорошо: набросалъ Новгородскую Исторію до Ярослава. Пописалъ и для *Изслѣдованій*“.

— *2* —: „Читалъ Соловьева о Новгородѣ. Такой...... что мочи нѣтъ. Думалъ о Новгородѣ и кое-что написалъ. Чуть ли не придется мнѣ перебрать его сполна Изслѣдованіемъ, а Исторія опять задержится“.

— *3* —: „Занимался хорошо Новгородомъ и сдѣлалъ планъ. Что за глупость у Соловьева. Читалъ Карамзина и проч. Не придется ли мнѣ отдѣлить Новгородъ совсѣмъ“.

— *4* —: „О Новѣгородѣ“.

— *5* —: „О Новѣгородѣ. Писалъ и думалъ немало“.

— *7* —: „Работалъ надъ Новгородомъ хорошо“.

— *11* —: „Работалъ усердно надъ Новгородомъ“.

— *15* —: „Работалъ и думалъ о Новѣгородѣ“.

— *16* —: „Работы идутъ хорошо. Думалъ о Новѣгородѣ“.

— *18* —: „Надъ Новгородомъ“.

— *19* —: „Работалъ надъ Новгородомъ и думалъ“.

— *20* —: „По утру кончилъ—надъ Новымгородомъ и Лѣтописи. Разставлялъ и провѣрялъ мѣста и былъ очень радъ. Газеты и досада отъ нелѣпыхъ возгласовъ объ *Исторіи* Соловьева“.

— *21* —: „Очень хорошо работалъ. Кончилъ дополненіе изъ грамотъ. Набросалъ статью о Соловьевѣ въ *Петербургскія* и *Московскія Вѣдомости* чрезъ Вяземскаго *). Началъ перебирать лѣтописи послѣ Татаръ и прошелъ пятнадцать лѣтъ до 1255 года“.

— *22* —: „Пересмотрѣлъ письмо о пятинахъ“.

— *5 августа*: „Вставлялъ о Новгородѣ изъ грамотъ“.

— *7* —: „Пересматривалъ Новгородъ“.

— *8* —: „Кончилъ пересматриваніе Новгорода на черно“.

— *9* —: „Надъ Новгородомъ. О Соловьевѣ отзывъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*“.

— *10* —: „Переписалъ большую половину отвѣта Максимовичу“.

— *11* —: „Кончилъ отвѣтъ Максимовичу. Проходилъ Новгородскую лѣтопись и думалъ, какъ бы воспользоваться ею сполна“.

— *12* —: „Надъ Новгородомъ“.

— *13* —: „За Новгородомъ. Не удалось приняться, а только подумать. Перечелъ отвѣтъ Максимовичу“.

— *14* —: „Много надъ Новгородомъ“.

— *18* —: „Думалъ о Новгородѣ. Новгородъ меня манитъ, надо бы съѣздить“.

*) Товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія. *Н. Б.*

— *19* —: „Много разбиралъ, а набросалъ о Новгородѣ меньше чѣмъ предполагалъ“.

— *21* —: „Надъ Новымгородомъ. Обдумывалъ и исправлялъ начало“.

— *22* —: „Надъ Новымгородомъ, но мало“.

— *23* —: „Мало надъ Новымгородомъ. Носъ ужасно покраснѣлъ, а я какъ то смутился“.

— *25* —: „О Новгородѣ. Туго“.

— *27* —: „По утру надъ Новгородомъ. Мало“.

— *28* —: „Надъ Новымгородомъ. Не много болѣе“.

— *30* —: „Гулялъ. О Новѣгородѣ“.

— *31* —: „Гулялъ. Думалъ и писалъ нѣсколько о Новѣгородѣ“.

— *3 сентября*: „Надъ Новгородомъ“.

— *5* —: „Писалъ о Новгородѣ“.

— *9* —: „Думалъ и читалъ о Новгородѣ“.

— *30* —: „Вставилъ въ *Изслѣдованіе* объ избраніи духовныхъ властей въ Новгородѣ. Костомаровъ о чужихъ краяхъ и своихъ обстоятельствахъ“.

— *25 ноября*: „Думалъ о Новгородской Исторіи. Пересмотрѣлъ проекты о винныхъ откупахъ“.

— *29* —: „Пересмотрѣлъ о Новгородѣ. Скучновато“.

— *30* —: „Принялся наконецъ за Новгородскій очеркъ“.

15 ноября 1857 года, цензоръ Н. Ѳ. Фонъ-Крузе подписалъ цензурное разрѣшеніе къ выходу въ свѣтъ тома V-го *Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи*.

LII.

По настоянію В. Н. Лешкова, И. Д. Бѣляевъ посвятилъ, въ *Русской Бесѣдѣ*, V-му тому *Изслѣдованій* большую критическую статью, въ которой, между прочимъ, заявилъ, что „Изслѣдованія Погодина должны быть настольною книгою ученыхъ. Это не эфемерное легкое чтеніе, печатающееся для публики; это трудъ ученаго и для ученыхъ; чтобы вполнѣ

оцѣнить этотъ трудъ нужно предуготовительное ученое образованіе, часто недоступное для обыкновенной публики; это не мечтаніе такъ называемыхъ историковъ-скоропековъ, а глубокое и добросовѣстное изученіе источниковъ; его постоянный методъ,— сводить тексты источниковъ и сопоставленіемъ ихъ открывать тѣ законы, по которымъ имѣла движеніе древняя Русская жизнь, и такимъ образомъ объяснять Исторію, не прибѣгая ни къ какимъ напередъ взятымъ теоріямъ. Этотъ постоянный методъ особенно удачно приложился къ настоящему тому, такъ что многое слишкомъ спорное и темное въ нашей Исторіи, теперь совершенно объяснилось однимъ сопоставленіемъ текстовъ и указаніемъ на свидѣтельства лѣтописей; и теоріи, составленныя новѣйшими такъ называемыми историками, рушились какъ бы сами собою, безъ всякихъ усилій и предположеній со стороны автора".

Разсмотрѣвъ содержаніе каждой главы V-го тома, Бѣляевъ заключаетъ: „*Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи Погодина*, конечно, не даютъ намъ еще Исторіи; но наша Исторія пока невозможна,—въ этомъ мы вполнѣ убѣждаемся, прочитавши всѣ Русскія Исторіи, писанныя послѣ Карамзина. Историческая Наука послѣ Карамзина ушла впередъ, затронула множество новыхъ вопросовъ; требованія ея, въ настоящее время, такъ обширны, что при неразработанности матеріаловъ, большею частію еще неизданныхъ, рано еще думать о полной Русской Исторіи, а должно довольствоваться предуготовительными частными ислѣдованіями, монографіями, разработкою и изданіемъ источниковъ. И Погодинъ ясно и вѣрно понялъ современное требованіе Науки; онъ не пишетъ Исторіи набѣло съ плеча, не потчуетъ теоріями, какъ дѣлаютъ иные псевдо-историки; а даетъ только замѣчанія и изслѣдованія, часто даже только указываетъ на вопросы, требующіе обработки; но его изслѣдованія, замѣчанія и указанія, часто похожія на черновую работу, конечно, переживутъ много скородѣльныхъ исторій на бѣло; и послѣдующимъ изслѣдователямъ на долго будутъ вѣрною указкою въ ихъ работахъ. Это

трудъ ученаго, глубоко понимающаго современныя требованія Науки и настоятельныя нужды теперешней нашей исторической Литературы. Лекціи Погодина разъясняютъ нашу Исторію, отрезвляютъ взглядъ на нее, дѣлаютъ ее доступною для надлежащаго пониманія, указываютъ средства и способы для ея разработки, открываютъ предъ читателемъ міръ дѣльнаго серьезнаго историческаго труда, гдѣ все должно быть ясно и основано на фактахъ, гдѣ нѣтъ мѣста журнальнымъ теоріямъ, гдѣ факты не уродуются, не вытягиваются на теоретическую дыбу, такъ любимую нашими новыми псевдо-историками".

Странно читать эти строки, когда вспомнимъ, что въ 1858 году, Россія имѣла уже для своего поученія семь томовъ *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ*.

Очень понятно, что статья И. Д. Бѣляева своимъ тономъ и прозрачными намеками вызвала строгую критику съ противоположной стороны, и ее написалъ, подъ псевдонимомъ Земецъ, И. Е. Забѣлинъ и напечаталъ въ *Атенеѣ* 1858 года. Онъ, между прочимъ, писалъ: „Для чего существуютъ самыя школы, университеты, какъ не для того, чтобъ обогатить насъ познаніями, то-есть, снабдить насъ на всю жизнь готовыми мыслями, выводами, теоріями, системами; для чего трудятся ученые изслѣдователи, какъ не для того, чтобъ отыскивать истину, то-есть, заготовлять на будущее время выводы, теоріи и пр.? А воспитаніе, которое въ наше время по преимуществу такъ и ведется, чтобъ наполнить насъ какъ можно полнѣе готовыми мыслями, понятіями, теоріями, лишая вовсе самодѣятельности, то-есть добыванія истины, знанія собственнымъ опытамъ, такъ сказать собственными руками. И такъ, мы только что не родимся съ готовыми теоріями. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ мы пріобрѣтаемъ уже извѣстныя понятія, становимся на извѣстную точку, съ которой и осматриваемъ не только нравственный міръ—человѣка, но даже и физическій міръ—природу. А каждая точка даетъ предметамъ свое освѣщеніе, болѣе или менѣе свѣтлое или

темное, болѣе или менѣе истинное или ложное. Исполненные такимъ образомъ готовыхъ мыслей, мы вступаемъ въ свѣтъ и съ ними приступаемъ къ дѣлу. Пред-разсужденія, предубѣжденія—вотъ изъ чего состоитъ наше умственное богатство, когда мы начинаемъ дѣйствовать, какъ говорятъ, самостоятельно, то-есть, когда начинаемъ примѣнять, прилагать къ дѣлу, повѣрять на дѣлѣ, на практикѣ, пріобрѣтенныя готовыя понятія и теоріи. Съ этой-то минуты и начинается та закулисная, никѣмъ не примѣчаемая борьба готовыхъ теорій съ неумолимыми положеніями дѣйствительности самой жизни, борьба, изъ которой очень немногіе выходятъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти. По большей части она оканчиается недостойными сдѣлками съ тою или другою стороною. Наука, какъ и весь остальной человѣческій міръ, много терпитъ отъ непріятельскихъ вторженій, особенно она терпитъ со стороны *Нравоученія*, со стороны разнаго рода *Домостроевъ*. Весьма часто какое-нибудь начало, выработанное этими *Домостроями*, руководя нравами общества и потому принимаемое въ этой сферѣ какъ аксіома, вторгается какъ аксіома и въ область умственной дѣятельности человѣка и тотчасъ же налагаетъ цѣпи на все, что только проявляетъ движенье, жизнь ума. Бѣда если какое-нибудь *Домостройное* начало вторгнется, напр., въ область Исторіи. Всякой Наукѣ бѣда отъ такого нашествія, но злѣе зла, которому подвергнется въ такомъ случаѣ Исторія, трудно вообразить. Исторія есть умершая дѣйствительность, такъ же неимовѣрно разнообразная и разнородная въ своихъ проявленіяхъ, какъ и дѣйствительность живущая. Многообразіе и многоразличіе фактовъ Исторіи, перешедшихъ въ вѣчность и потому превратившихся въ какія-то отвлеченности, даютъ самую легкую возможность, даютъ всѣ способы употреблять эти факты, какъ душѣ угодно. Историческими фактами при извѣстной, весьма впрочемъ употребительной методѣ, можно доказать и опровергнуть любую истину, такъ какъ и любую ложь. Слѣдовательно и всякому положенію нравоученія, когда оно вторгнется въ исто-

рическія работы—своя воля. А къ этому присоедините еще силу готовыхъ понятій, большая часть которыхъ передается или принимается обыкновенно также изъ области *Домостроевъ.* Вотъ и пойдетъ работа надъ Исторіей.

Наслышавшись примѣровъ отъ разнаго рода нянекъ, дома и даже въ самой школѣ, что прежніе старые годы были лучше, люди жили тогда мудрые, всѣ порядки ихъ были разумные, что коренныя основы Русской жизни были тогда чище, сильнѣе, плодотворнѣе, что теперь все потеряно, все искажено и продолжаетъ искажаться, наслышавшись всего этого, а иногда и начитавшись извѣстнаго рода патріотическихъ книгъ и статей, мы хотя-нехотя располагаемъ по этой книгѣ и свое еще неопытное молодое воззрѣніе. Естественное чувство сыновней любви и уваженія къ отцу, къ дѣду и вообще къ старшимъ, вообще къ авторитету семейнаго начала, мы мало-по-малу распространяемъ и на время, въ которое жили наши отцы и дѣды, и на весь порядокъ той жизни. Мы въ восхищеніи отъ древне-Русскихъ патріархальныхъ добродѣтелей, которыя повсюду представляютъ намъ трогательнѣйшія черты, умиляющія до слезъ. Начиная съ умилительной преданности и вѣрности старинныхъ слугъ и оканчивая не менѣе умилительною покорностію старинныхъ женъ, которыя, „оскорбленныя во всѣхъ правахъ своихъ, позволяли себѣ только одну тихую жалобу, кроткую покорность судьбѣ“,—мы всѣмъ умиляемся; сквозь слезы такого умиленія намъ умилителенъ и трогателенъ показался даже и самый правежъ. Мы въ восторгѣ вообще отъ того, что жилось въ то время какъ-то свободнѣе, привольнѣе (и, сказать между нами, своевольнѣе), что отъ этого и солнце было какъ-будто теплѣе и свѣтлѣе и во всемъ довольство было больше. Особенно насъ привлекаетъ это широкое гостепріимство и хлѣбосольство,—это широкое кормленіе, которое, разумѣется, безъ помощи чужихъ рукъ, чужихъ потовыхъ трудовъ, не могло быть и такъ широко, и такъ идиллически патріархально, и которое, слѣдовательно, кого-нибудь да оста-

вляло же голоднымъ.—А „древнерусская образованность! лежавшая въ основанiи всего общественнаго и частнаго быта Россiи, заложившая особенный складъ Русскаго ума, стремящагося ко внутренней цѣльности мышленiя и создавшая особенный характеръ коренныхъ Русскихъ нравовъ, проникнутыхъ постоянно памятью объ отношенiи всего временнаго къ вѣчному и человѣческаго къ божественному"... Даже и самъ г. Погодинъ говоритъ, что еще „до Татаръ грамотность повсемѣстно была распространена, и весь народъ стоялъ на значительной степени нравственнаго и умственнаго образованiя". Все это и многое другое, при извѣстномъ, болѣе нравственномъ, нежели ученомъ воззрѣнiи на Исторiю, возникаетъ само собою, легко и свободно, какъ возникаютъ обыкновенно всякiя мечты. Все это особенно укрѣпляется еще тѣмъ, что льститъ нашему самолюбивому патрiотизму, льститъ тому чувству собственнаго достоинства, которое еще не на столько развито въ насъ, чтобы сознавать и признавать за собою недостатки. Мы, однимъ словомъ, создаемъ себѣ въ прошломъ какой-то рай, золотой вѣкъ, который, при умственной нашей неразвитости и лѣни, а вслѣдствiе того, при полномъ разгулѣ легковѣрiя и суевѣрiя, съ каждымъ днемъ прiобрѣтаетъ все новыя и лучшiя краски. И вотъ, если съ такою-то закваскою придемъ мы на разработку Отечественной Исторiи,—какъ намъ тогда уберечься отъ *Домостройныхъ* золотыхъ нашихъ представленiй и пред-убѣжденiй? Не будемъ ли мы тогда, даже противъ нашей воли, отыскивать въ источникахъ только родственную себѣ струю, только подтвержденiй, доказательствъ и оправданiй своимъ золотымъ мечтамъ, тѣмъ готовымъ понятiямъ, которыми мы успѣли уже запастись, не входя еще въ храмъ Науки? Основное направленiе нашей мысли, образовавшееся подъ влiянiемъ теплыхъ умиленiй отъ старинныхъ *Домостроевъ*, всегда возьметъ свое и постоянно будетъ присутствовать въ нашихъ изысканiяхъ и заключенiяхъ".

Въ одной и той же книгѣ *Русской Бесѣды*, гдѣ помѣщена была сочувственная критика И. Д. Бѣляева на томъ V-й

Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій Погодина, была напечатана и статья Н. П. Гилярова-Платонова, подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о механическихъ способахъ въ изслѣдованіи Исторіи.* Это дало поводъ фельетонисту *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* заключить, что статья Гилярова направлена противъ Изслѣдованій Погодина. „Давно мы такъ отъ души не смѣялись“,—пишетъ фельетонистъ,—„какъ читая эти двѣ статьи (Бѣляева и Гилярова) и *сопоставляя* ихъ одну другой. Вотъ у кого бы поучиться господамъ юмористамъ—у *Бесѣды*: какая тонкость эпиграммы! Какая легкость остроты! Какое добродушіе въ самой насмѣшкѣ!.. Мы рады, что стрѣлы *Бесѣды* направлены тутъ на ея же собственнаго единомышленника и даже сотрудника... Въ 1-й книгѣ *Русской Бесѣды* 1858 года, помѣщена рецензія Бѣляева на V-й томъ *Изслѣдованій* Погодина. Сочиненію этому воздается должная похвала. Выставляются на видъ читателю всѣ его достоинства. Даются мимоходомъ щелчки другимъ историкамъ и другимъ методамъ. Погодинъ называется „неутомимымъ академикомъ“, въ отличіе отъ „историковъ-скоропековъ“. Говорится, что книга Погодина должна быть настольною книгою каждаго ученаго и проч. Но что же видимъ мы на страницахъ того же отдѣла той же книги *Русской Бесѣды*, въ статьѣ *О механическихъ способахъ въ изслѣдованіи Исторіи?* Этого же самаго Погодина и его сочиненія, во имя *органической Исторіи*, отдѣлываютъ ужаснѣйшимъ образомъ: у него отнимаютъ и благородное имя историка, видятъ въ немъ и *умственное безсиліе*, и совершенную невозможность пойти далѣе историческихъ *Изслѣдованій*“.

Но это предположеніе не имѣетъ никакого основанія; ибо Гиляровъ, въ своей статьѣ, трактуетъ не объ *Изслѣдованіяхъ*, а объ *Исторіи*, а слѣдовательно, и не имѣлъ въ виду трудовъ Погодина, о которыхъ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, онъ имѣлъ самое высокое мнѣніе, въ чемъ можетъ удостовѣриться всякій, прочтя недавно изданный К. П. Побѣдоносцевымъ томъ II-й *Сборника Сочиненій Н. П. Гилярова-*

Платонова *). Въ статьѣ же своей Гиляровъ имѣлъ въ виду *Исторію Русской Церкви* высокопреосвященнаго Макарія.

LIII.

Статья И. Е. Забѣлина обратила на себя полное вниманіе Погодина, и онъ, по поводу ея, написалъ *Нѣчто о методахъ Историческихъ изслѣдованій.*

Свою антикритику Погодинъ отправилъ къ Е. Ѳ. Коршу, для напечатанія въ *Атенеѣ*. По полученію ея, Коршъ писалъ Погодину: „Статья ваша не можетъ пройти въ томъ видѣ, какъ написана, а когда будутъ откинуты слишкомъ соленыя мѣста, — остается одно только перечисленіе памятниковъ. Я знаю, что для спеціалистовъ это очень любопытно, да много ли ихъ у насъ“?

Но какъ бы то ни было, статья Погодина была напечатана въ *Атенеѣ*.

Въ этой статьѣ, Погодинъ разбираетъ каждое положеніе Забѣлина и начинаетъ съ защиты своего *метода*.

„Спѣшу объяснить“,—пишетъ Погодинъ, — „недоразумѣніе, относящееся къ моимъ *Изслѣдованіямъ* о Древней Русской Исторіи, которое подало поводъ къ статьѣ *Атенея*. Почтенный ея авторъ думаетъ, что я считаю и выдаю свой методъ изслѣдованій единственнымъ, и осуждаю безусловно всѣ прочіе“. Вотъ слова Забѣлина: „Погодинъ... прославляетъ... свой методъ, основное положеніе котораго заключается въ томъ, что нужно прежде собирать всѣ мѣста изъ источниковъ, собирать прежде всего свидѣтельства о каждомъ предметѣ изслѣдованія, и потомъ уже выводить заключенія, сколько можно математически. Чѣмъ далѣе Погодинъ идетъ по своему пути, чѣмъ имѣетъ чаще случаи разсматривать плоды, собираемые на другихъ путяхъ, тѣмъ болѣе удостовѣряется, что этотъ путь есть единственный, ведущій прямо къ цѣли, а прочіе

*) Стр. 459—463.

увлекаются въ сторону, назадъ, или по крайней мѣрѣ замедляютъ успѣхъ". Но, замѣчаетъ при этомъ Забѣлинъ, „ведетъ ли этотъ единственный путь прямо къ цѣли? Изучая, продолжаетъ онъ, минувшую жизнь по двумъ-тремъ, хотя бы и древнѣйшимъ документамъ, получаемъ ли мы разумное основаніе дѣлать общія заключенія объ этой жизни, общіе выводы, которые, въ добавокъ, почитаемъ еще непогрѣшимыми"?

Не отрекаясь отъ своего метода, Погодинъ самого себя спрашиваетъ: „въ чемъ же состоитъ недоразумѣніе"? и отвѣчаетъ: „А вотъ въ чемъ: методъ свой я считаю исключительнымъ, ведущимъ прямо къ цѣли только для работъ пріуготовительныхъ, начальныхъ, предварительныхъ, первыхъ; а работы вторыя, третьи, десятыя, сотыя, могутъ и должны быть производимы посредствомъ другихъ какихъ - угодно методовъ, ad libitum, такъ что всякій молодецъ можетъ дѣйствовать на свой образецъ, и всякій земецъ отличиться иначе". Далѣе, Погодинъ разсуждаетъ такъ: „Мы хотимъ строить зданіе, мы составили себѣ идеалъ, мы сочинили планъ; съ чего же должно намъ начать, будетъ ли наше зданіе—храмъ, галлерея, портикъ, колизей? Прежде всего намъ должно приготовить матеріалы—обжечь кирпичи, обтесать камни. Ну, вотъ эту-то черновую, первую работу—обжечь кирпичи, обтесать камни, и принялъ я на себя въ издаваемыхъ *Изслѣдованіяхъ*, предоставляя планы, фасады, строеніе, кому угодно, другимъ, себѣ, будущему времени. Я старался всѣми силами, въ чемъ и предупреждалъ читателей, не выходить изъ предначертанныхъ границъ и не допускать никакихъ, такъ-называемыхъ мыслей, разсужденій, принадлежащихъ къ операціямъ другаго, высшаго рода, операціямъ необходимымъ, но въ послѣдствіи. Въ шестомъ томѣ, напримѣръ, предложенъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій о всѣхъ нашихъ удѣльныхъ князьяхъ до Татаръ: я не употребилъ даже соединительныхъ союзовъ, а собралъ и разставилъ по годамъ одни случаи подлинными словами источниковъ, на Русскій языкъ переведенными. Неужели можно подумать, что этими щедушными реестрами, безъ малѣйшихъ

объясненій, я хотѣлъ представить біографіи князей? Точно такъ же обработаны и всѣ внутреннія наши учрежденія, дѣи, заключающіяся въ вышедшихъ до сихъ поръ семи томахъ. Употреблю еще примѣръ, для вразумленія тѣхъ, кто не хотѣлъ или не умѣлъ до сихъ поръ понять моей цѣли, не смотря на многократныя толкованія. Представьте себѣ минералогическій кабинетъ, ссыпанный въ одинъ мѣшокъ; всякой попыткѣ обозрѣть, оцѣнить его, воспользоваться имъ, долженъ предшествовать разборъ—минераловъ къ минераламъ, металловъ къ металламъ, земель къ землямъ и проч.; потомъ минераловъ, металловъ, земель между собою, особое описаніе каждаго предмета и т. д. Въ минцъ-кабинетѣ, еслибъ достался онъ кому въ кучѣ, надо разбирать прежде всего монеты по странамъ, гдѣ онѣ чеканились, по времени, по металламъ и проч. и проч. Я сдѣлалъ опытъ, разобрать на первый разъ минералы, монеты, не брался ни за какую систему минералогіи, нумизматики. Я далъ опытъ толковаго словаря, и не помышлялъ ни объ какой эпохѣ, которую напрасно въ немъ ищутъ. Въ *Изслѣдованіяхъ* моихъ представляется анатомія, и то первоначальная, статистика исторіи, азбука, но не исторія, не физіологія, не философія, не полемика, кои всѣ съ мыслями, разсужденіями, догадками, предположеніями, вдохновеніями, занимаютъ совершенно иное мѣсто въ организмѣ Науки".

Высказавъ это, Погодинъ указываетъ на свои сочиненія иного рода, какъ напримѣръ: о Петрѣ I, Іоаннѣ Грозномъ, Андреѣ Боголюбскомъ, о Мѣстничествѣ, о Годуновѣ, о Древней аристократіи, о Несторѣ.

Указавъ на это, Погодинъ продолжаетъ: „Ничто такъ ясно не показываетъ недостатковъ образованія въ нашемъ обществѣ, даже ученомъ, литературномъ, какъ это смѣшеніе понятій, неумѣніе предъявлять свои требованія. Человѣкъ выстроилъ кирпичный сарай, а рецензентъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* глумится, не находя въ немъ ничего подобнаго Академіи Художествъ! Еще можно бы извинить его, еслибъ

осужденіе было умышленное: нѣтъ—отъ искренняго, если и не добраго сердца, онъ убѣжденъ въ истинѣ своего мнѣнія“!

Засимъ, Погодинъ протестуетъ, что Забѣлинъ отнимаетъ у него „право собственности на его методъ, употребляемый имъ съ 1825 года, то-есть, съ перваго магистерскаго разсужденія о *Происхожденіи Руси*“.

Забѣлинъ же говоритъ, что этотъ методъ есть „обыкновенный путь, по которому восходятъ вообще къ познанію чего-либо, данъ намъ самою природою, и составляетъ естественный и потому неизбѣжный пріемъ ума разсуждающаго, ищущаго истины. По этому пути искони добывалось и добывается всякое знаніе, и слѣдовательно созидаются всѣ теоріи, системы, высшіе взгляды, какъ результаты знанія. Что хотятъ узнать—собираютъ о томъ свидѣтельства, опыты, факты, и по свойству или характеру всей суммы этихъ свидѣтельствъ составляютъ заключеніе, выводъ; сводятъ, однимъ словомъ, частности къ общему, то-есть добываютъ теоретическое, отвлеченное положеніе. Это процессъ — единственный не потому, что онъ ведетъ будто бы прямо къ цѣли, а потому, что онъ самый естественный, такой, котораго иначе и придумать человѣку невозможно“.

Прочитавъ эти строки, Погодинъ, возмутясь духомъ, и вопрошаетъ и восклицаетъ: „Такъ о чемъ я хлопочу? На что жалуюсь, досадую, негодую? Всѣ такъ дѣлаютъ, иначе и дѣлать невозможно, говорите вы, но кто же объяснилъ намъ, скажите, хоть одинъ предметъ изъ Русской Исторіи, въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ перваго упоминовенія, по всѣмъ памятникамъ, строгимъ, научнымъ образомъ, въ необходимой полнотѣ? Нѣтъ, отвѣчаю я рецензенту, написано много, и много есть дѣльнаго, но отнюдь не по моему методу собрать и очистить предварительно всѣ свидѣтельства; а какъ-нибудь, смотря по тому, сколько случилось кому прочесть, и показалось достаточнымъ, и что кому пришло въ голову, вслѣдствіе этого чтенія, по накопленнымъ выпискамъ,—и выходитъ то же, да не такъ. Даже юридическіе наши памят-

ники не объяснены, не переведены порознь, вполнѣ, соотвѣтственно наличнымъ свѣдѣніямъ, хоть и много есть разсужденій о томъ или другомъ предметѣ Права, обнимающихъ даже цѣлые періоды времени! Напрасно я совѣтовалъ, взывалъ,—просилъ употребить мой методъ и приготовить почву для будущихъ разсужденій, теорій, системъ и высшихъ взглядовъ. (Пусть вспомнятъ разныя мои предисловія, послѣсловія, рецензіи, разсѣянныя въ *Москвитянинѣ*). Въ пять-шесть лѣтъ можно было это сдѣлать, принявшись дружно, а теперь прошло уже болѣе десяти почти безплодно въ этомъ отношеніи. Здѣсь заключается, второе недоразумѣніе рецензента".

Разсмотрѣвъ внимательно пятый томъ *Изслѣдованій* Погодина, Забѣлинъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Собравъ шестьдесятъ четыре случая походовъ и набѣговъ, авторъ (т.-е. Погодинъ) заключаетъ: „Вотъ сколько войнъ, которыя состояли изъ однихъ походовъ, безъ малѣйшаго кровопролитія"? Дѣйствительно иныя брани, ссоры, оканчивались безъ кровопролитія бѣгствомъ, съ одной стороны—и свободнымъ занятіемъ города или волости—съ другой. Но такими были далеко не всѣ исчисленныя авторомъ; нѣкоторые походы иля набѣги принадлежали только къ частнымъ движеніямъ во время войны, другіе служили только началомъ, зачиномъ дѣйствій—все это не даетъ возможности называть подобныя движенія войнами, и фраза „вотъ сколько войнъ" была бы точнѣе, еслибъ эти войны прямо были названы походами, движеніями. Но фраза явилась не безъ причины. Она явилась подъ вліяніемъ заготовленной уже теоріи, подъ вліяніемъ предразсужденія съ цѣлію представить междоусобныя войны полюбовными схватками. И вотъ, одно изъ доказательствъ, что никакой методъ, даже и математическій, не въ силахъ остановить своеволія предразсужденій и готовыхъ теорій, взятыхъ не изъ самого дѣла, а такъ сказать съ вѣтру. О другихъ войнахъ безъ малѣйшаго кровопролитія лѣтописецъ выражается часто однимъ словомъ *зая, взя, выжга*. Но здѣсь-то именно и требовалось бы съ математическою отчетностью опредѣлить значеніе этихъ словъ: дѣй-

ствительно ли, *зая, взя,* означаетъ мирное занятіе, безъ малѣйшаго кровопролитія, ибо лѣтописи въ короткомъ разсказѣ о событіи употребляли всегда и короткія слова. Такъ, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи видно, что *зая, взя,* значило именно насильственное занятіе, съ грабежемъ, плѣномъ и слѣдственно разореніемъ. Мудрено, чтобъ все это обходилось безъ малѣйшаго кровопролитія. Въ обозначеніи своихъ войнъ безъ малѣйшаго кровопролитія, Погодинъ, подъ 1066 годомъ, пишетъ: „Всеславъ Полоцкій занялъ Новгородъ“.—Новгородская 1-я лѣтопись описываетъ это занятіе слѣдующими короткими словами: „Приде Всеславъ и взя Новгородъ, съ женами и съ дѣтьми; и колокола съима у святыя Софіѣ. О, велика бяше бѣда въ часъ тый! и паникадила съима“.

Далѣе, Забѣлинъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ, и замѣчаетъ: „Вотъ каковы войны, состоявшія изъ однихъ походовъ, безъ малѣйшаго кровопролитія! Подобная же математическая отчетность является и въ общемъ обозначеніи этихъ войнъ, которое сдѣлалъ Погодинъ, сказавъ въ заглавіи: *слѣдующія войны, окончившіяся походомъ и набѣгомъ.* Мы уже замѣтили, что часто такіе походы, набѣги служили только началомъ войны.

„Если“, — продолжаетъ Забѣлинъ, — „и духовенство, и князья, и народъ—все современное общество, сознавало, крѣпко было убѣждено, что междоусобія вели къ кровопролитію и разоренію, погубленію Земли, что такъ было и на самомъ дѣлѣ, что Земля вообще страдала, гибла,—то какъ же мы сумѣемъ доказать, что было-де совершенно наоборотъ, что терпѣли только князья, да одно военное сословіе, которое собственно и воевало. что земство благоденствовало, спокойно воздѣлывая землю и терпя только изрѣдка во время походовъ, да и то по большимъ дорогамъ“.

Въ отвѣтъ, Погодинъ приглашаетъ Забѣлина взглянуть „безъ предубѣжденія“, на 46—51 страницы V-го тома своихъ *Изслѣдованій, Замѣчаній* и *Лекцій* и пишетъ: „Одинъ взглядъ, очевидно, докажетъ ему (Забѣлину) справедливость слѣдую-

щаго замѣчанія Погодина: „Земля Суздальская, Рязанская, Туровская, Галичь (до послѣдняго времени) были почти совершенно спокойны; только треугольникъ между Кіевомъ, Черниговомъ и Переяславлемъ терпѣлъ отъ междоусобныхъ войнъ; но если окрестности Везувія и Этны часто обливаются лавою, можно ли скорбѣть обо всей Италіи и даже Европѣ, и жаловаться на огнедышущія горы? Оставивъ предубѣжденія, рецензентъ, я надѣюсь, согласится со мною. Точно также согласится и касательно отсутствія непримиримости, когда вспомнитъ междоусобныя войны Италіанскія, Нѣмецкія, Англійскія, и сравнитъ съ ними наши, съ пословицею: миръ стоитъ до рати, рать до мира".

Въ своей антикритикѣ Погодинъ является горячимъ поборникомъ Древле-Русскаго Просвѣщенія.

„Такія сочиненія",—замѣчаетъ онъ Забѣлину—„какъ сочиненія Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Дамаскина, предполагаютъ высокое развитіе умственныхъ силъ въ своихъ читателяхъ; а что читатели находились издревле, то доказывается множествомъ списковъ съ означенныхъ сочиненій, кои дошли даже до насъ въ цѣлости, и разныхъ слѣдовъ, встрѣчаемыхъ въ памятникахъ. Развитіе доказывается также появленіемъ такихъ личностей, какъ Иларіонъ, Ѳеодосій, Несторъ, Симонъ, Поликарпъ, Кириллъ Туровскій, и проч., кои всѣ ведутъ свое происхожденіе изъ народа. Не могли же они вдругъ, безъ приготовленія, взобраться на ту высоту, гдѣ мы ихъ видимъ въ ихъ сочиненіяхъ, еслибъ народъ не былъ достаточно подготовленъ".

Далѣе, Погодинъ замѣчаетъ: „Изъ отвращенія видѣть хоть что-нибудь хорошее у насъ въ Древности, равно какъ и изъ желанія представить въ каррикатурѣ расположеніе противоположное, заключаю, что рецензентъ мой принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ западниковъ, и считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ лозунгѣ, который дѣлается просто смѣшнымъ. Этимъ господамъ становится

какъ-будто больно, дурно, тошно, если кто-нибудь укажетъ добрую сторону въ Древнемъ Русскомъ народѣ, въ Древней Русской жизни. Похвалою ей, самою частною, самою условною, наносится имъ тяжкое, личное оскорбленіе, — это ихъ несчастіе. Помилуйте, господа, да развѣ всѣ явленія въ новой Русской жизни равно хороши, пріятны и восхитительны? Надъ аркадскими пастушками вы смѣетесь въ Древности, да укажите же вы мнѣ тѣ благословенныя долины, гдѣ новые аркадскіе пастушки пасутъ мирно стада свои, и услаждаютъ вашъ слухъ плѣнительными пѣснями съ акомпанированіемъ флейты и свирѣли?

Перестанемъ ребячиться! И древняя, и новая жизнь имѣютъ свои хорошія и свои дурныя стороны; у насъ точно такъ же, какъ и во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ: дѣло въ томъ, чтобъ сохранять, развивать хорошее и отстранять, искоренять дурное".

Редакція журнала, въ которомъ напечатаны эти строки Погодина, сочла, съ своей стороны, необходимымъ замѣтить: „Такъ называемые западники оскорбляются только неумѣстнымъ превознесеніемъ нашей старины въ ущербъ цѣлому развитію Русскаго народа. Въ политической его Исторіи, какъ и въ Исторіи всѣхъ другихъ Европейскихъ народовъ, видятъ они аналогическій, хотя и своеобразный переходъ отъ общественной розни и безурядицы родовыхъ, частныхъ, средневѣковыхъ нормъ быта къ нормамъ государственнымъ, всенароднымъ, а восточники смотрятъ на этотъ естественный и неизбѣжный переходъ, какъ на растлѣніе, на упадокъ народности, находя въ древнемъ нашемъ быту совокупность такихъ завидныхъ преимуществъ и образецъ такихъ совершенствъ, какихъ не представляло до сихъ поръ младенчество ни одного народа въ мірѣ. Въ этомъ вся разница двухъ противоположныхъ воззрѣній, а ужъ конечно не въ степени живаго ихъ сочувствія къ благу и величію родного края".

Въ концѣ концовъ Погодинъ остался доволенъ рецензіею

И. Е. Забѣлина, „умно, благонамѣренно и прилично написанною“, и въ заключеніи своего отвѣта писалъ:

„Наконецъ, я долженъ привести нѣсколько мыслей рецензента, съ которыми я совершенно согласенъ и подъ которыми готовъ подписаться обѣими руками.

„И въ настоящее время, во второй половинѣ XIX столѣтія, можно еще подмѣчать старину XII вѣка, и слѣдовательно находить свидѣтельства, рисующія тогдашнее житье-бытье, то-есть, объясняющія Исторію того вѣка“.

Такъ, такъ, такъ: изображеніе Куролесова въ *Семейной Хроникѣ* много, напримѣръ, объясняетъ Исторію Іоанна Грознаго; и въ Бѣлградѣ, въ 1846 году, легко воображалъ я себѣ положеніе Россіи въ Петрово время.

Особенно я благодаренъ рецензенту за слѣдующія предостереженія, кои должны имѣть въ виду молодые изслѣдователи, и кои опущены были мною потому только, что я, издавая свои *Изслѣдованія*, и не предполагалъ возможности смѣшивать первоначальныя, приготовительныя, анатомическія работы надъ Исторіей съ физіологическими и окончательными.

...„Если, увлеченные разумностію и необычайною простотою этого закона (математическаго метода), мы будемъ настаивать доказывать, что онъ представляетъ единственный, исключительно вѣрный путь при изысканіи истины, и притомъ въ такихъ, напримѣръ, изысканіяхъ, каковы историческія, то естественно, что мы свернемъ съ настоящаго пути.

„Само собою разумѣется, что какъ скоро ариѳметическое количество будетъ принято за основу изслѣдовательныхъ работъ, то незамѣтно явится полнѣйшая возможность производить надъ этимъ количествомъ всѣ дѣйствія, явится возможность не только складывать, но даже и помножать“.

...Такъ называемый математическій методъ, при несомнѣнныхъ и весьма важныхъ своихъ достоинствахъ, если (sic) будетъ оставаться единственнымъ, исключительно прямымъ и вѣрнымъ путемъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ,—можетъ

несравненно болѣе вредить движенію Науки, чѣмъ приносить ей желаемую пользу.

Да, да, молодые изслѣдователи! начинайте только такъ, а продолжайте иначе. Сперва изучите буквы, потомъ склады, и наконецъ принимайтесь съ Богомъ за чтеніе, но бѣда читать безъ склада по складамъ, и безъ толка по толкамъ.

Н. И. Крыловъ, прочитавъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе о выходѣ *Атенея*, писалъ Погодину: „Въ Вѣдомостяхъ встрѣтилъ ваше имя подъ статьей *Объ Историческихъ методахъ*, помѣщенныхъ въ *Атенеѣ*. Экъ куда васъ потянуло“!

LIV.

Въ 1857 году, скончался покровитель и споспѣшникъ Археологіи въ Россіи бывшій министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Это прискорбное событіе опечалило всѣхъ чтителей Археологіи.

Еще во время предсмертной болѣзни графа Перовскаго, П. С. Савельевъ, 26 февраля 1857 года, писалъ Погодину: „По пріѣздѣ въ Петербургъ, меня тревожила болѣзнь графа Л. А. Перовскаго, котораго я засталъ уже весьма опаснымъ. Не смотря на нѣкоторыя его слабости, весьма извинительныя въ той сферѣ, гдѣ онъ обреченъ былъ вращаться, онъ былъ достойный человѣкъ, и я былъ къ нему привязанъ не столько какъ къ начальнику, сколько къ человѣку. Долгое время участь оффиціальной Археологіи была неизвѣстна; наконецъ согласился принять начальство надъ нею графъ С. Г. Строгановъ. Тутъ умеръ его отецъ; онъ ни за что не принимался, не сдѣлалъ никакого распоряженія и уѣхалъ въ Москву. Дѣло Археологіи едва-ли подвигнется имъ впередъ; для этого нужны и любовь къ предмету и тѣ денежныя средства, кои были въ рукахъ Перовскаго. Если Строгановъ не возмется за дѣло съ энергіею, то наши археологическія изслѣдованія остановятся на долго, а они важны и для Науки, и для Рос-

сіи, потому что у насъ есть свой подземный міръ, какого нигдѣ нѣтъ: Босфорскій и Скиѳскій, не говоря о болѣе новыхъ. Мы можемъ имѣть единственные въ мірѣ музеи Скиѳскихъ Древностей, въ противовѣсіе Ниневійскихъ и Вавилонскихъ, которыхъ у насъ нѣтъ. Разрытіе Скиѳскихъ кургановъ въ Новороссіи, единственное средство дойти наконецъ до результатовъ, кто такіе были эти, до сихъ поръ загадочные Скиѳы".

Въ то же время, въ Москвѣ, А. Д. Чертковъ сложилъ съ себя званіе президента Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

„По прочтеніи отреченія Черткова",—писалъ А. М. Кубаревъ Погодину,—„Бодянскій письменно предлагаетъ избрать вновь графа С. Г. Строганова; присовокупляетъ, что такъ какъ для узнанія воли графа потребна депутація, то онъ, со стороны попечителя, имѣетъ объявить, что самъ попечитель желаетъ участвовать въ этой депутаціи. И такъ, Вельтманъ, Бѣляевъ и Бодянскій отправляются къ попечителю и вмѣстѣ съ нимъ къ графу, который принимаетъ предложеніе. Депутаты возвращаются. Попечитель остается у графа. Составляется и подписывается протоколъ".

Въ томъ же 1857 году, состоялось опредѣленіе о праздновании тысячелѣтія Россіи въ 1862 году.

Къ академику Кунику, какъ хронологу, обращались за разрѣшеніемъ этого мудренаго вопроса.

3 іюля 1857 года, Куникъ писалъ Погодину: „Съ тѣхъ поръ, какъ празднованіе юбилея назначено на 1862-й годъ, *ко мнѣ пристаютъ*, чтобы я публиковалъ свое сочиненіе о годѣ основанія. Это будетъ сдѣлано *зимою*, потому что, чтобы имѣть твердое основаніе, я долженъ возстановить Византійскую Исторію, съ 829—886 г., хронологически при помощи Арабскихъ источниковъ и т. д. Въ этомъ сочиненіи я говорю также о сѣверо-Германскихъ преданіяхъ, отголоскомъ которыхъ является Несторово о призваніи Рюрика. Мы конечно чрезъ это теряемъ фразу *наша земля велика* и проч. Но

тогда призваніе сдѣлается твердо установленнымъ историческимъ фактомъ.

Въ вашихъ *Изслѣдованіяхъ* (II, стр. 298) вы справедливо жалуетесь на скупость Круга. Я теперь все выяснилъ и доказалъ, почему по лѣтописи Нестора, царствованіе Михаила не начинается, ни въ 842, ни въ 856 году. Притомъ я доказываю самымъ убѣдительнымъ образомъ, что походъ Аскольда былъ не въ 866 г., но въ 865. Въ 866 году, происходили въ Византіи совершенно другія событія, о которыхъ мы имѣемъ точныя хронологическія данныя. Окружное посланіе Фотія написано только лѣтомъ 866 года. Вы также ошибаетесь, если въ отношеніи Нестора пишете: 852+14=866. 14-й годъ былъ еще не конченъ, когда былъ походъ. Если, по взгляду нашего лѣтописца, 852-й годъ былъ первый годъ царствованія Михаила, то лѣто 865-го года приходилось на 14-й годъ. Во второмъ мѣстѣ (6374), Несторъ конечно ошибается, но эта ошибка повидимому разъясняется совсѣмъ естественнымъ образомъ. Изъ этихъ немногихъ намековъ вы увидите, что мои изслѣдованія не лишни. Они содержатъ и нѣкоторыя другія изслѣдованія, напримѣръ, о Симеонѣ Логофетѣ. Я остаюсь при моемъ мнѣніи, что печатавшаяся до сихъ поръ подъ его именемъ Византійская хроника, не составлена имъ, т.-е., не Логофетомъ Симеономъ, который повидимому заключилъ союзъ съ Олегомъ. Но въ высшей степени вѣроятно, что редакторъ теперешней, такъ называемой Симіоновой хроники, воспользовался *настоящей* хроникой Симеона. По этому, а также и по другимъ причинамъ, мнѣ было бы желательно имѣть при себѣ на нѣкоторое время Церковно-Славянскій переводъ Симеона Логофета, о которомъ вы упоминаете (II, 299). Я обращаюсь черезъ Академію къ Филарету, но я хотѣлъ бы прежде узнать, дѣйствительно ли это такъ, что переводъ приписываютъ Симеону Логофету и подъ какимъ номеромъ онъ значится. При вашихъ связяхъ, вамъ нетрудно будетъ это узнать и мнѣ это сообщить при первомъ случаѣ. Шлю привѣтъ всѣмъ".

Въ другомъ письмѣ (4 мая 1857 г.), Куникъ сообщаетъ Погодину, что въ Академическихъ Bulletin будетъ напечатана статья Ханыкова, въ которой онъ сообщаетъ, на основаніи одного Персидскаго поэта, „неожиданное извѣстіе, что въ половинѣ XII-го вѣка внезапно появились на Каспійскомъ морѣ Русскіе корабли и о высадкѣ Русскихъ въ Дагестанѣ. Этотъ фактъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію“.

По поводу наступавшаго тысячелѣтія существованія Русскаго Государства, самъ Погодинъ, 29 августа 1858 года, обратился къ князю Василью Андреевичу Долгорукову съ слѣдующимъ письмомъ:

„Я позабылъ было о своей мысли, мелькнувшей у меня въ головѣ при письмѣ къ вашему сіятельству, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, о *Тысячелѣтіи*. Вы напомнили ее вчера, и воображеніе мое разыгралось.

Воздвигнуть памятникъ главнымъ дѣятелямъ Русской Исторіи, при совершеніи Тысячелѣтія,—это мысль богатая: она расшевелила бы всѣ сердца, привела въ движеніе художниковъ и ученыхъ, отозвалась бы въ Европѣ громко. Въ самомъ дѣлѣ, Французы увѣковѣчили въ Версали даже посредственныя свои происшествія; Нѣмцы выстроили Валгаллу; Англичане имѣютъ Вестминстеръ,—а у насъ ничего. Вотъ имена, которыя на первый случай вспадаютъ мнѣ на умъ:

Хмельницкому, присоединителю Малороссіи, въ Переяславлѣ; Ермаку, въ Сибири, въ Тобольскѣ; Петру I-му, его первымъ потѣшнымъ, въ Преображенскомъ; священнику Сильвестру, на Воробьевыхъ горахъ; Шувалову, въ Московскомъ Университетѣ; Пушкину, въ Царскомъ селѣ; Жуковскому, въ Павловскѣ; Ломоносову, въ Петербургѣ, предъ Академіею; Карамзину, въ Москвѣ; Еропкину, въ Москвѣ; Лефорту, Гордону и всѣмъ иностранцамъ, помогавшимъ Петру I-му, въ Нѣмецкой слободѣ; Меншикову, Долгорукову, Шереметеву, Голицыну, Апраксину, Головину и проч. сотрудникамъ Петра I, въ Петербургѣ; Екатеринѣ II, въ Царскомъ селѣ; діакону Ивану Ѳедорову, первому типографщику, въ Москвѣ, въ Си-

нодальной Типографіи; Миллеру, Стриттеру, Шлецеру, основателямъ Русской Исторической Критики, въ Москвѣ, въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; Нестору, лѣтописателю, въ Кіевѣ; Платону, въ Виѳаніи; Художникамъ, совокупный памятникъ предъ Академіей Художествъ (Егорову, Шебуеву, Иванову, Брюлову, Глинкѣ, и проч.); Миниху, Остерману и его преемникамъ по иностранной политикѣ, Шафирову, Бестужеву, Безбородкѣ; Бюсты: Сумарокова, Фонъ-Визина, Капниста, Грибоѣдова, Гоголя, Волкова, Дмитревскаго и проч., въ залахъ театровъ.

Но, довольно,—придумать можно много.

Въ рескриптѣ или манифестѣ сказать: Россія... поставила памятники: Петру, Пожарскому, Минину, Сусанину, Ломоносову, Кутузову, Карамзину и проч., но были еще люди и событія, кои должно увѣковѣчить въ благодарной памяти. При совершеніи тысячелѣтія мы желаемъ почтить и проч.

Пожертвованія польются и посыплются — только чтобъ предложеніе было написано съ умомъ и отъ сердца, а не такъ какъ у насъ это дѣлается.

Кстати о памятникахъ: ни одинъ врагъ не могъ бы придумать такихъ барельефовъ, какіе хотѣли помѣстить подъ памятникомъ покойному Государю: бунтъ Польской, бунтъ Венгерской, бунтъ 14 декабря, бунтъ на военныхъ поселеніяхъ. Такія воспоминанія должно изглаждать, а не оживлять. Ими питается ненависть, а надо водворять миръ. Подъ памятникомъ Николаю Павловичу надо бы представить:

1. Сводъ Законовъ.

2. Возсоединеніе Уніатовъ.

3. Посѣщеніе Москвы во время первой холеры.

4. Строенія и вообще покровительство Искусству.

Два изъ нихъ помѣщаются, я слышалъ, въ исполненіе жалобы Австрійской и Польскаго неудовольствія.

Изъ нашихъ царедворцевъ не нашлось никого сказать это Государю, которому могла придти въ голову первая

мысль, но который, по зрѣломъ разсужденіи, или услышавъ замѣчаніе, вѣрно отвергнулъ бы. Вотъ за что душа моя и не терпитъ ихъ, а вы все-таки добрый и любезный человѣкъ, кто-бъ что ни говорилъ, котораго выговоръ показался мнѣ комплиментомъ.

Прошу васъ возвратить мнѣ это письмо, которое я пишу прямо на бѣлб, или приказать мнѣ прислать копію, пойдущую въ мою біографію".

По смерти Я. И. Бередникова, главнымъ редакторомъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей* въ Археографической Коммиссіи, былъ назначенъ любимый ученикъ Погодина А. Ѳ. Бычковъ.

3 мая 1857 года, новый главный редакторъ писалъ своему наставнику: „VII-мъ томомъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей* кончается редакція Бередникова, его взглядъ при изданіи нашихъ историческихъ памятниковъ, его пріемы и т. д. Теперь, уже не будучи связанъ прошлымъ, и легче и пріятнѣе мнѣ будетъ работать, тѣмъ болѣе еще, что VIII томъ будетъ содержать въ себѣ до сихъ поръ неизданную вторую половину Воскресенской лѣтописи. Вы были такъ благосклонны, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что вызвались подать и руку помощи и добрые совѣты въ дѣлѣ, которое лежитъ на сердцѣ у каждаго занимающагося отечественною Исторіею. Позвольте воспользоваться вашимъ радушнымъ предложеніемъ и представить на ваше обсужденіе планъ, которому я полагаю слѣдовать при изданіи слѣдующихъ томовъ *Полнаго Собранія Лѣтописей.* Сначала нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ изданія: оно будетъ выходить, попрежнему, въ 4 д. л., но текстъ и варіанты я намѣренъ печатать въ два столбца; варіанты, вмѣсто буквъ, будутъ означаться цифрами: въ текстѣ обыкновенными, а въ варіантахъ, для удобнѣйшаго отысканія,—Египетскимъ шрифтомъ. Подъ варіантами въ сплошную строку я хочу печатать примѣчанія: хронологическія, историческія и др., словомъ всю копотливую и и невидную работу издателя; буквы укажутъ къ какимъ мѣ-

стамъ онѣ относятся. Мнѣ кажется, что такая внѣшняя форма довольно удовлетворительна. Что же касается способа изданія, то онъ, по моему мнѣнію, долженъ быть слѣдующій: по выборѣ изъ списковъ самаго лучшаго, онъ идетъ въ текстъ и печатается буква въ букву; другими словами: текстъ будетъ представлять противень самый вѣрный одного изъ списковъ; только очевидныя, грубыя описки писца будутъ исправлены; но эти исправленія, напечатанныя курсивомъ, непремѣнно означутся или въ варіантахъ или въ примѣчаніяхъ. Если основной текстъ дополняется другими списками и ясно будетъ, что эти дополненія произошли въ немъ отъ пропуска писца, то они вносятся въ текстъ, заключаются въ скобки, печатаются отличнымъ шрифтомъ отъ употребленнаго въ текстѣ и означаются въ варіантахъ изъ котораго списка они заимствованы. Всѣ малѣйшія разнорѣчія списковъ будутъ указаны въ варіантахъ: работа трудная, при спискахъ изъ XVI и XVII столѣтій ни къ чему не ведущая, но поселяющая увѣренность къ изданію, которою на бѣду первые тома не пользуются. Титла въ текстѣ будутъ раскрыты согласно правописанію списка, о чемъ подробно скажется въ предисловіи. Къ концу тома я думаю присоединить: а) родословныя таблицы князей и важнѣйшихъ родовъ, упоминаемыхъ въ томѣ; б) указатели личный и географическій; в) указатель предметный, при настоящихъ занятіяхъ Археологіею весьма необходимый. Напишите, ради Бога, обо всемъ мною сказанномъ ваше мнѣніе, которое привыкъ я всегда уважать. Съ іюня я приступлю къ печатанію новаго тома“.

Въ томъ же письмѣ Бычковъ говорилъ и о своемъ семействѣ, и о себѣ: „Въ ноябрѣ явился на Божій свѣтъ новый членъ нашей семьи, дочь Екатерина, и теперь моя жизнь полна счастіемъ и новыми, самыми пріятными удовольствіями. Работаю много; но изъ этой работы не выходитъ ничего путнаго; съ 10 до 3-хъ часовъ занимаюсь въ Библіотекѣ *)

*) Въ то же время А. Ѳ. Бычковъ занималъ мѣсто хранителя Рукописей и Старопечатныхъ Книгъ Императорской Публичной Библіотеки. *Н. Б.*

самою пустою, механическою работою, и усталый физически, возвращаюсь домой, и только вечеромъ, на ночь, могу заняться чѣмъ нибудь дѣльнымъ, если только не оторвутъ отъ дѣла, какою нибудь пустошью. И такъ проходятъ дни за днями, тогда какъ сознаю внутренно, что могъ бы дѣлать и производить много полезнаго. Есть голова, есть и знанія, есть и охота трудиться, но нѣтъ способности и умѣнья кричать о себѣ и кланяться. Но довольно объ этомъ" [173]).

Въ то время, В. М. Ундольскій напечаталъ въ *Русской Бесѣдѣ* новую редакцію *Слова Даніила Заточника.* Въ предисловіи своемъ, издатель, между прочимъ, писалъ: „По желанію гг. филологовъ, мы издаемъ нашъ памятникъ графически, съ возможною точностію, удержавъ всѣ сокращенія, подстрочные знаки и даже интерпунктацію подлинника" [174]).

Получивъ книжку *Русской Бесѣды*, въ которой былъ напечатанъ этотъ памятникъ, Шафарикъ, 8 декабря 1856 года, писалъ Погодину: „Но вотъ, я открылъ страницу 101, *Даніилъ заточенный*: со всѣми сокращеніями! Какая безвкусица, ужасъ, варварство. Если ученые . . . не умѣютъ устроить сокращенія или слишкомъ лѣнивы, то какъ же это могутъ дѣлать ихъ читатели. Православные Греки печатаютъ свои церковныя книги и Библію въ Аѳинахъ и Венеціи безъ всякихъ сокращеній, только Русскіе хотятъ на вѣки оставить это варварство! Какъ здравомыслящій человѣкъ, я этого не понимаю".

Почтенный археографъ М. А. Коркуновъ, занимаясь знаменитымъ Тмутараканскимъ камнемъ, 4 октября 1857 года, писалъ Погодину: „Теперь я занимаюсь надписью на Тмутараканскомъ камнѣ и отцемъ великаго князя Олега Іоанновича Рязанскаго. Въ Родословныхъ Книгахъ и у Карамзина онъ называется княземъ Іоанномъ Коротополомъ, а потому выходитъ, что отецъ Олега былъ князь Іоаннъ Александровичъ. Кромѣ извѣстной Олеговой грамоты, мнѣ удалось найти имя князя Іоанна Александровича и въ другихъ актахъ. Относительно Тмутараканскаго камня я отыскалъ мѣсяцы,

когда сдѣлана, если могла быть, подпись, но мѣсяцы эти для Южной Россіи оказываются довольно теплые, а именно Январь и Февраль. Что вы объ этомъ думаете"?

Быковскій сообщаетъ Погодину, что „храмъ Положенія Ризы Господней, что близъ Донского монастыря, въ 3-й день сего ноября 1857 года, принялъ великую святыню: это св. икону Всѣхъ Святыхъ, съ частію мощей св. Апостола Іакова Алфеова и семидесятью частицами св. мощей разныхъ Угодниковъ Божіихъ. На принятіе этой св. иконы, послѣдовало благословеніе его высокопреосвященства, митрополита Московскаго. Кромѣ св. мощей, икона замѣчательна по письму; и должно быть, высшей школы древней Русской иконописи. Васъ, какъ чтителя Русской Святыни и любителя отечественныхъ древностей, долгомъ почитаю о томъ извѣстить, смиренно приглашая обозрѣть оную и поклониться мощамъ святыхъ Угодниковъ. Очень бы желалъ о томъ же извѣстить Андрея Николаевича Муравьева и Ивана Михайловича Снегирева, но сожалѣю, что адресы ихъ неизвѣстны. Вы бы весьма обязали, извѣстивъ ихъ о томъ".

LV.

Въ достопамятную эпоху священнаго коронованія Императора Александра II-го, въ Москвѣ, возникла мысль о возстановленіи и приведеніи въ первоначальный видъ древнихъ палатъ бояръ Романовыхъ, гдѣ родился первый Русскій Царь изъ благословеннаго Дома Романовыхъ. Ревностнымъ поборникомъ этой мысли явился начальникъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князь М. А. Оболенскій, и онъ, 17-го октября 1856 г., писалъ Погодину: „Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго мнѣ г. министромъ Императорскаго Двора, отъ 23-го сентября 1856 года, объ изысканіи данныхъ, при содѣйствіи извѣстныхъ Русскихъ археологовъ, въ удостовѣреніе того, что постройка стариннаго дома, принадлежащаго Знаменскому монастырю, *что на*

Государевомъ Старомъ Дворѣ, на Варварской улицѣ, дѣйствительно современна рожденію царя Михаила Ѳеодоровича, и что домъ сей составлялъ, если не самое обиталище рода Романовыхъ, то, по крайней мѣрѣ, часть онаго, обращаюсь къ вашему превосходительству, какъ знатоку отечественной Археологіи, съ покорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ извѣстныя вамъ свѣдѣнія объ означенномъ монастырѣ и находящемся при ономъ старинномъ домѣ, а равно и ваше мнѣніе по сему любопытному вопросу, для представленія сихъ данныхъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору".

За справками, для отвѣта на сію бумагу, Погодинъ обратился къ И. Д. Бѣляеву, и получилъ отъ него слѣдующее свѣдѣніе: „О домѣ Романовыхъ, близъ Знаменскаго монастыря, упоминается во II-мъ томѣ *Актовъ Археографической Экспедиціи*. А подробнѣе узнать объ этомъ Романовскомъ домѣ можно въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ монастырскихъ описяхъ, или въ дѣлахъ и книгахъ Патріаршаго Дворцоваго Приказа. Для чего князь М. А. Оболенскій можетъ отнестися къ директору Архива П. И. Иванову".

На основаніи этого сообщенія, Погодинъ писалъ князю Оболенскому: „Письмо вашего сіятельства препроводилъ я къ И. Д. Бѣляеву, какъ наиболѣе знакомому съ грамотами того времени, и отвѣтъ его при семъ имѣю честь доставить".

Этимъ только и ограничилось участіе Погодина въ возстановленіи и приведеніи въ первоначальный видъ древнихъ палатъ бояръ Романовыхъ.

Жизнь и дѣянія Петра Великаго были для Погодина постояннымъ предметомъ изученія; вдохновленный имъ, онъ, въ 1831 году, написалъ трагедію „Петръ I"; но трагедію эту не пропустила тогдашняя цензура *).

Въ сентябрѣ 1857 года, Погодина посѣтилъ Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. По поводу этого посѣщенія, Погодинъ, подъ 13-мъ сентября 1857 года, записалъ въ своемъ

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Т. III и IV. Спб. 1890—91.

Дневникъ: „Григоровичъ привезъ деньги, что бралъ за свои повѣсти. О процентахъ ни слова. Ну да хоть получилъ капиталъ. О Литературѣ, о купцахъ. Далъ ему *Петра*, которому онъ обрадовался, для *Современника.* Хорошо если бы выхлопотать позволеніе".

По полученіи отъ Григоровича трагедіи, И. И. Панаевъ, 10-го октября 1857 года, писалъ Погодину: „Мы не находимъ достаточно словъ, чтобы благодарить васъ за вашу присылку, за вашего *Петра Великаго.* Въ сію минуту онъ находится въ рукописи у цензора—г. Новосильскаго. Въ случаѣ, если бы онъ затруднился разрѣшить, я прибѣгну къ князю Щербатову *), который вѣроятно возьметъ его на свою отвѣтственность. О послѣдующемъ я тотчасъ васъ увѣдомлю. Наши условія семьдесятъ пять р. с., съ печатнаго листа".

С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ призналъ возможнымъ „допустить трагедію къ печатанію", за исключеніемъ мѣстъ, отмѣченныхъ краснымъ карандашомъ, — тѣмъ болѣе, что сочиненіе это не лишено исторической вѣрности и художественныхъ достоинствъ". Но Главное Управленіе Цензуры опредѣлило, трагедію Погодина „къ печатанію не дозволять, такъ какъ на печатаніе оной не послѣдовало Высочайшаго разрѣшенія, въ 1831 году".

Когда состоялось это опредѣленіе Главнаго Управленія Цензуры, И. И. Панаевъ написалъ Погодину, 20-го ноября 1857 года, слѣдующее письмо: „Я бы давно написалъ вамъ о вашей драмѣ, которую мы хотѣли напечатать въ 1-мъ номерѣ *Современника* на 1858 годъ, — но я ждалъ рѣшенія ея участи. Вы писали къ Григоровичу, что дѣло надобно бы вести тонко, относительно пропуска ея, но увы! никакія тонкости не помогли. Я далъ ее сначала на прочтеніе цензору,— цензоръ пропустить ее не рѣшился; тогда я прибѣгнулъ къ князю Щербатову, но и князь, не смотря на все желаніе

---

*) Григорій Алексѣевичъ, занималъ тогда должность попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа. *Н. Б.*

свое, не могъ взять на себя отвѣтственность, ибо въ Цензурномъ Комитетѣ находится Высочайшее повелѣніе (предшествовавшаго царствованія) касательно сочиненій, въ которыхъ выводится на сцену Петръ I. Надобно было представить ее въ Главное Правленіе Цензуры; я поколебался, но и цензоръ и князь надѣялись, что Главное Правленіе пропуститъ ее. Наконецъ, въ предпослѣднемъ засѣданіи Главнаго Правленія, она *не разрѣшена* къ напечатанію, потому что Главное Правленіе приняло въ соображеніе Высочайшее повелѣніе касательно Петра предшествовавшаго царствованія. Вѣсть эта меня сильно огорчила и за *Современникъ*, и за васъ. По моему мнѣнію, вамъ еще остается средство—просить Государя о пропускѣ вашей драмы. Крайне обидно, если она и теперь останется подъ спудомъ. Одинъ Царь можетъ своимъ милостивымъ словомъ уничтожить тѣ повелѣнія, коими руководствуются доселѣ цензурные комитеты и правленія. Рукопись еще мнѣ не возвращена изъ Правленія. Тотчасъ по полученіи, я вамъ ее доставлю. Не оставляйте этого дѣла—грѣхъ вамъ будетъ.

Что же касается до вашихъ политическихъ рукописныхъ сочиненій послѣдняго времени, то мы съ великимъ бы наслажденіемъ напечатали ихъ въ *Современникѣ* и предложили бы вамъ за нихъ хорошую плату, но я опять боюсь цензуры; впрочемъ, ихъ, вѣрно, пропустятъ. Я мимо цензора обращусь прямо съ ними (когда буду имѣть рукописи) къ князю Щербатову и я почти убѣжденъ, что онъ отстоитъ ихъ".

Получивъ это извѣстіе, Погодинъ рѣшился обратиться къ князю В. А. Долгорукову. „Тридцать лѣтъ тому назадъ",—писалъ онъ,—„я написалъ трагедію *Петръ Первый*. Пушкинъ, Жуковскій были отъ нея въ восторгѣ. Графъ Блудовъ знаетъ ее также. Покойный Государь не хотѣлъ, чтобы Петръ былъ выводимъ на сцену, и потому не разрѣшилъ печатанія; но я прошу, не о представленіи моей трагедіи на сценѣ, а только о печати, для которой не можетъ быть никакихъ препятствій, потому что піеса основана на историческихъ извѣст-

ныхъ документахъ. Благоволите представить докладную записку Его Величеству, и исходатайствуйте мнѣ разрѣшеніе представить мое сочиненіе въ цензуру. Если вы исполните мою просьбу, то я буду вамъ очень благодаренъ, и постараюсь забыть оскорбленія, вами мнѣ нанесенныя".

Но просьба Погодина не была исполнена.

Кромѣ древнѣйшаго періода нашей Исторіи, и XVIII вѣкъ привлекалъ къ себѣ ученое вниманіе почтеннаго академика Куника. 4 мая 1857 года, онъ писалъ Погодину: „Мое здоровье было до марта мѣсяца очень плохо; я потерялъ всякую охоту къ труду, потому что у меня не доставало физическихъ силъ и умственной бодрости; въ февралѣ мнѣ было совсѣмъ плохо. Потомъ настала реакція, которая все усиливалась. Я снова началъ работать, но я не могу еще слишкомъ утомляться, какъ я это испыталъ нѣсколько дней тому назадъ. Страдая головною болью, я предпринялъ вчера вмѣстѣ съ другими прогулку въ Чесму, гдѣ я еще не былъ. Тамъ я встрѣтилъ столѣтняго ветерана со временъ Суворова; другіе были съ 1812 года и позднѣе. Старикъ лежалъ въ больницѣ. Моими вопросами я довелъ его до того, что онъ нѣсколько минутъ призадумался, потомъ снова оживился. Такого человѣка, т.-е. Суворова, теперь не найти. Онъ мнѣ сообщилъ, что солдаты подъ его предводительствомъ, никогда не спрашивали передъ *какимъ* они непріятелемъ, но прямо шли впередъ. Не такъ, какъ нынче, заключилъ онъ съ пренебреженіемъ. Но это грустно, что такое заведеніе можетъ дать пріютъ только времъ стамъ пятидесяти солдамъ и пятидесяти офицерамъ".

26-го октября 1857 года, о. Белюстинъ сообщилъ Погодину: „Въ руки ректора Московской Семинаріи архимадрита Леонида *) попали два тома келейной переписки между нѣкоторыми преосвященными прошлаго вѣка (Платономъ, Самуиломъ, Арсеніемъ и др.). Книги эти принадлежали Яро-

*) Скончался въ санѣ архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго. *Н. Б.*

славскому архіепископу Арсенію; отъ него достались наслѣдникамъ въ городѣ Кашинѣ; отъ наслѣдниковъ попали въ кабакъ, какъ и большая часть его обширнѣйшей библіотеки; отсюда извлекъ ихъ нашъ священникъ Волковъ: значитъ есть польза и въ посѣщеніи кабаковъ! Сыномъ его они и переданы Леониду“ [175]).

LVI.

Съ самаго начала царствованія императора Александра II-го, въ нашихъ университетахъ стали проявляться тѣ прискорбныя явленія, которыя въ наши дни составляютъ серьезную заботу Правительства нашего.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ описанію ихъ, помянемъ старое и воспользуемся воспоминаніемъ Погодина объ одномъ изъ важныхъ явленій университетской жизни,—диспутахъ.

Въ декабрѣ 1855 года, въ Московскомъ Университетѣ происходилъ диспутъ, на которомъ кандидатъ Николай Александровичъ Гладковъ защищалъ написанную имъ диссертацію, на степень магистра Гражданскаго Права, подъ заглавіемъ: *О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности, по началамъ древняго Россійскаго Законодательства.*

Не посѣщая лѣтъ десять университетскихъ диспутовъ, Погодину вздумалось посѣтить этотъ диспутъ, и это посѣщеніе возбудило въ немъ воспоминаніе о старинѣ. „Скажу“,— пишетъ онъ,—„нѣсколько, за старое время, объ этомъ учрежденіи, занимавшемъ важное мѣсто во всей университетской жизни,—тѣмъ болѣе, что въ вышедшей *Исторіи Московскаго Университета* они пропущены, вѣроятно за поспѣшностію.

Сначала однакожъ я хочу передать читателямъ самое пріятное впечатлѣніе, полученное мною на нынѣшнемъ диспутѣ. Это впечатлѣніе произведено благочиніемъ студентовъ. Въ огромной залѣ, въ многочисленной толпѣ народа, такъ было тихо, что слышалось всякое слово совопросниковъ,—

ясное доказательство вниманія, а вниманіе доказываетъ живое участіе и любовь къ занятіямъ. Любовь же къ занятіямъ студентовъ въ Университетѣ, по моему мнѣнію, выше всего: это залогъ всякаго успѣха въ будущемъ, залогъ тѣмъ болѣе для насъ теперь радостный, что образованіе оказывается настоятельною потребностію. Отъ души порадовался я этому утѣшительному явленію, точно какъ, съ другой стороны, радовался недавно выраженію прекрасныхъ и благородныхъ чувствъ студентовъ при погребеніи любимаго ими профессора Грановскаго, образу ихъ дѣйствій при погребеніи бывшаго министра графа Уварова... При праздновапіи юбилея они показали себя отлично въ другихъ отношеніяхъ. Дай Богъ имъ преуспѣвать во всякомъ добрѣ и на всякое добро!

Отъ молчанія перейдемъ къ бесѣдѣ.

Въ старомъ Университетѣ опредѣлялось всегда по два возражателя диспутанту и по одному защитнику, котораго обязанность состояла подавать ему въ нужныхъ случаяхъ руку помощи, и выводить совопросниковъ на прямую дорогу вопроса, если они, увлеченные споромъ, собьются съ пути. Случается, что вопросъ диссертаціи о землѣ, а возражатель поднимется на небо, или даже залѣзетъ во тьму кромѣшную. Какъ же бѣдному отвѣтчику вытаскивать его оттуда, тѣмъ болѣе, что отвѣтчикъ приготовился отвѣчать о своемъ предметѣ, а не о лордѣ Байронѣ и Викторѣ Гюго? Диссертація имѣетъ предметомъ, напримѣръ, раздѣленіе сословій, а возражатель спроситъ, по своему сочетанію идей, чѣмъ боленъ былъ Александръ Македонскій въ Вавилонѣ, спроситъ громко, рѣшительно и дерзко, да и воскликнетъ: А! вы не знаете, чѣмъ боленъ былъ Александръ Македонскій! Ну вотъ, бѣдный отвѣтчикъ и станетъ въ тупикъ! Чѣмъ возраженіе бываетъ безсвязнѣе и нелѣпѣе, тѣмъ труднѣе отвѣчать и ловить нелѣпости, перегоняющія одна другую. Для такихъ-то случаевъ назначается защитникъ, который вступался въ споръ и напоминалъ: предметъ диссертаціи поземельное владѣніе — а общая схема государствъ сюда не принадлежитъ! Такой за-

щитникъ предупреждалъ анархію диспута, замѣчалъ отвлеченія, уклоненія, и указывалъ ему настоящіе предѣлы.

Чтобъ управлять споромъ, надо имѣть особое искусство: слѣдовательно, диспутъ, въ этомъ отношеніи, служилъ средствомъ испытанія для самихъ профессоровъ.

Второю отличительною чертою старыхъ диспутовъ—это было участіе студентовъ. Студенты играли здѣсь главную роль. Они начинали диспутъ, они иногда и оканчивали его. Это была арена, для нихъ собственно открытая, гдѣ они могли показывать себя и обращать на себя вниманіе профессоровъ. На экзаменахъ они обязаны давать отчетъ въ томъ, что слышали, и возвращать, что получили, а на диспутахъ они предъявляли собственныя свои пріобрѣтенія, обнаруживали дѣятельность своего ума. Это было сильное побужденіе къ занятіямъ! Множество всякой всячины перечитывалось для подкрѣпленія возраженій: приготовленіе равнялось иногда цѣлому семестру. Диспута студенты дожидались какъ торжества, толковали и спорили между собою предварительно. Изощрялась способность говорить, у насъ столько рѣдкая! Послѣ студентовъ уже вступали въ споръ кандидаты и магистры, которые обыкновенно на диспутахъ давали о себѣ знать факультетамъ; потомъ публика,—и наконецъ профессоры, которымъ доставалось обыкновенно сказать только нѣсколько словъ, произнести рѣшительный приговоръ.

Долго диспутъ оставался предметомъ разговоровъ въ аудиторіяхъ и спальняхъ. Были извѣстные бойцы, которые принимали участіе во всѣхъ диспутахъ и славились между студентами...

Помню я диспутъ о какомъ-то физическомъ предметѣ, кандидата Телепнева, около 1815 г. Это было въ наемномъ домѣ Заикина, вскорѣ послѣ Французовъ; Университетъ тогда не былъ еще отстроенъ. Я попалъ на этотъ диспутъ еще изъ Гимназіи. Вышелъ спорить Іовскій, тогда молодой студентъ, но смѣлый и горячій. Онъ началъ говорить что-то о

путешествіи вокругъ свѣта Магеллана, который, по прибытіи своемъ въ гавань, увидѣлъ, что день у него въ дорогѣ пропалъ: на кораблѣ у него считался, напримѣръ, вторникъ, а въ гавани была среда. Куда дѣвался день у спутниковъ Магеллана? спросилъ торжественно Іовскій защищавшагося кандидата. Не помню, что̀ тотъ отвѣчалъ ему, а помню только, что этотъ вопросъ поразилъ меня, и пошелъ я въ Гимназію, задумавшись. Долго раздавался въ ушахъ моихъ вопросъ: куда дѣвался день у Магеллановыхъ спутниковъ,— и возбуждалось благоговѣніе передъ Наукою, которая рѣшаетъ такіе непостижимые повидимому вопросы!

Многіе помнятъ диспутъ Надеждина о классической и романтической Поэзіи, и его знаменитый тезисъ: „гдѣ жизнь, тамъ поэзія“—„ubi vita, ibi poësis“. Кто-то сказалъ ему: такъ гдѣ проза, тамъ смерть? (Et ubi prosa, ibi mors?).— Не только смерть, но множество стиховъ отвѣчалъ онъ (Non solum mors, sed plurimi versus).

Нѣкоторые думаютъ, что студенты должны слушать и учиться и никакъ не смѣютъ входить въ разсужденія; что Наука унижается допущеніемъ молодыхъ людей разбирать ея догматы, что они привыкаютъ чрезъ то къ легкомыслію,—и мало ли можно найти общихъ мѣстъ для доказательства всякой даже нелѣпости! Возбудить жизнь, духъ, внутреннюю самодѣятельность—вотъ первая задача высшаго учебнаго заведенія.

Замѣтимъ еще, для памяти, различіе новаго порядка вещей отъ стараго. Нынѣшнія диссертаціи, говоря вообще, лучше прежнихъ, хотя бывали отличныя и прежде. Но понятіе о диссертаціи, точно какъ и о торжественной рѣчи, у насъ почти потерялось. Пишутъ огромныя сочиненія, описываютъ цѣлыя эпохи,—развѣ это диссертаціи? Диссертація,— дополненіе экзамена, должна служить только доказательствомъ годичнаго прилежнаго занятія, по окончаніи курса, не болѣе. Слѣдовательно, нечего ожидать и требовать отъ нея чего-либо новаго, что пошло бы въ Исторію Науки. Бы-

ваютъ исключенія—тѣмъ лучше, но нѣтъ на нихъ права! У насъ говаривали: кандидатъ долженъ знать статистику Науки, магистръ—ея Исторію, а докторъ—Критику. На такія категоріи должны раздѣляться и диссертаціи.

Послѣднее отличіе: диспутъ приноравливался прежде ко времени, такъ, чтобъ всѣ желающіе могли наспориться вдоволь и истощить свои запасы, которые бываетъ непріятно молодому человѣку уносить домой, не представивъ ихъ напоказъ.

Скажу здѣсь кстати, что въ Лейденскомъ, кажется, Университетѣ, видѣлъ я особо устроенную залу для диспутовъ,— что и нужно: ибо не ловко-жъ видѣть какого-нибудь заслуженнаго профессора, стоящаго иногда въ толпѣ, за недостаткомъ мѣста" [176]).

Отъ стараго перейдемъ къ новому.

10 апрѣля 1857 года, профессоръ Казанскаго Университета Ордынскій, въ письмѣ своемъ къ Погодину, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразилъ умственное и нравственное состояніе Казанскаго Университета. „Это письмо",—говоритъ Ордынскій,—„хотѣлъ я написать вамъ стройно и обдуманно; но такъ мерзко содержаніе его, что теперь покамѣстъ спокойно, обдумывать его, нельзя. Даже ходить мимо Университета противно... Я пришелъ къ холодному убѣжденію въ безполезности, вредѣ Русскихъ университетовъ, лицеевъ, даже гимназій. Отсюда выходятъ чиновники съ большими правами, по образованію же своему ниже крестьянскаго мальчика; профессора и учителя, ничему не учившіеся основательно; лѣкаря ниже любого фельдшера заграничнаго"...

Обращая взоры свои на Московскій Университетъ, Ордынскій писалъ: „Только въ Москвѣ Министерство Народнаго Просвѣщенія не убило духа истины и добра, да и то потому, что, по прекрасному выраженію Погодина, „на Моховой *) уже такой воздухъ".

---

*) Гдѣ стоитъ Московскій Университетъ. *Н. Б.*

Но и въ Москвѣ, среди студентовъ, обнаружились явленія тоже прискорбныя, вызванныя, впрочемъ, Московскою администраціею. Еще 18 мая 1857 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Слухъ о буйствѣ студентовъ на бульварѣ. Боялся не замѣшанъ ли мой“ [177]).

Бесѣдуя объ университетскихъ дѣлахъ съ Н. И. Крыловымъ, Погодинъ выразился, что оставленіе имъ (Погодинымъ) Университета „была важнѣйшею ошибкою его жизни“, и въ то же время онъ задумываетъ написать увѣщевательное письмо къ студентамъ [178]).

30 сентября 1857 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Въ прошедшую ночь произошли ужасныя двѣ исторіи со студентами: въ одной виновата полиція, другая очень гадка. Что будетъ съ нашимъ Университетомъ? Грустно!.. Что за нелѣпая рѣчь Пирогова? Наставникъ долженъ стараться сдѣлать питомцевъ людьми, какъ будто бы они животные“!!!

Кстати здѣсь замѣтимъ, что и Н. Н. Мурзакевичъ, изъ Одессы, писалъ Погодину слѣдующее: „Въ Лицеѣ дѣла не клеятся, послѣ многихъ распоряженій „геніальнаго Пирогова“. Хирургическій геній не умѣетъ приняться удачно за живыя тѣла, послѣ мертвыхъ труповъ безпрекословныхъ“ [179]).

Погодинъ же въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 2 октября 1857 года, записываетъ слѣдующее: Подробности объ университетской исторіи. Одинъ студентъ умеръ, другой умираетъ. Пораженъ былъ до глубины сердца“.

Вотъ, что повѣствуетъ Никитенко объ этомъ печальномъ событіи: „Въ Москвѣ нѣсколько студентовъ праздновали именины своего товарища. Между студентами было человѣкъ пять-шесть Поляковъ. Вдругъ, къ нимъ явился квартальный надзиратель, съ требованіемъ выдачи мошенника, который будто бы между ними находился. Молодые люди скромно замѣтили, что онъ, вѣроятно, ошибается, что между ними такого не имѣется, и просили его удалиться. Онъ ушелъ, но скоро вернулся, приведя съ собою человѣкъ двадцать полицейскихъ. Одни изъ нихъ сломали двери, другіе полѣзли въ

окна; стали всѣхъ вязать, съ криками, что тутъ все измѣнники, Ляхи. Произошла кровавая драка. Студенты были отведены на съѣзжую. Четверо такъ пострадали, что опасаются за ихъ жизнь. Графъ Закревскій далъ знать телеграммою Государю въ Кіевъ, что въ Университетѣ бунтъ. Государь отвѣчалъ: *Не вѣрю.* Производится слѣдствіе. Теперь Государь въ Москвѣ. Даже враги Университета во всемъ винятъ полицію“ [180]).

Въ Петербургѣ, Московскіе студенты возбудили къ себѣ горячее участіе. 13 октября 1857 года, Ѳ. И. Тютчевъ писалъ Погодину: „Мы здѣсь живемъ въ тревожномъ ожиданіи Августѣйшаго рѣшенія по слѣдующему вопросу: Подобаетъ ли Московской полиціи распоряжаться въ первопрестольномъ градѣ, вѣрно любезной Москвѣ нашей, какъ Англичане и башибузуки распоряжались въ Керчи“.

Не довольствуясь быть простымъ наблюдателемъ совершавшагося, Погодину опять пришла мысль занять какое-нибудь отвѣтственное служебное мѣсто.

Въ Собраніи автографовъ Императорской Публичной Библіотеки сохранился лоскутокъ бумаги, весь исписанный рукою Погодина, въ которомъ заключается черновой набросокъ письма его къ какому-то сановнику, вѣроятно, къ князю Василью Андреевичу Долгорукову. Вотъ, что содержится въ этомъ лоскуткѣ: „Я не успѣлъ объяснить своихъ мыслей о службѣ *В*(ашему) *С*(іятельству). Я готовъ вступить въ службу только по Вѣдомству Народнаго Просвѣщенія, извѣстному мнѣ вполнѣ, что касается до дѣлъ, мѣстъ и лицъ. Ни за какую другую обязанность взяться я не могу. Что касается до должности — для меня онѣ всѣ равны: быть ли министромъ, попечителемъ, директоромъ, чиновникомъ. Мнѣ ничего не нужно. Я не ищу ни жалованья, ни чиновъ, ни орденовъ, которыхъ отсутствіе составляетъ даже мое отличіе. Если бы вы присудили мнѣ должность директора Департамента, на которой особенно, кажется, могу быть полезенъ, то я потребовалъ бы только отъ министра неограниченнаго довѣрія, въ отвѣтъ

за что обязался бы къ неограниченной искренности, какъ это сказалъ покойному графу Уварову, лѣтъ 20 тому назадъ, на его подобное предложеніе. Скажу вамъ откровенно и прямо, ученая и учебная часть у насъ въ совершенномъ разстройствѣ: нельзя вообразить, что съ ней сталось послѣ Уварова, хотя онъ и самъ имѣлъ уже нужду въ освѣженіи. Мнѣ тяжко смотрѣть на это разстройство, знать ея причины, видѣть средства, и ограничиваться только одними письмами и осужденіями. Я хотѣлъ бы писать самому Государю, знающему меня близко ужъ двадцать лѣтъ. Г-на Ковалевскаго я совершенно не знаю. Бывъ въ Москвѣ, онъ не выразилъ своего желанія со мной сблизиться, а я отъ роду ни къ кому самъ не напрашиваюсь. Призывая имена Карамзина и Пушкина, которые благословили меня на дѣланіе, сообщаю вамъ о моей готовности и употребите ее, какъ угодно. Пусть будетъ, что будетъ, а моя гражданская совѣсть теперь уже спокойна"...

О томъ же писалъ Погодинъ и А. М. Княжевичу: „...Кстати, скажу вамъ два слова о себѣ, увѣренный въ вашемъ дружескомъ участіи. Я хотѣлъ было предложить себя на службу по ученому вѣдомству: больно стало мнѣ смотрѣть на ужасное разстройство, тамъ господствующее, по незнанію дѣла и неумѣнію оріентироваться въ новыхъ обстоятельствахъ, при новомъ духѣ, разстройство, которое грозитъ впредь недобромъ. Стыдно, казалось мнѣ, оставаться безъ дѣла, когда чувствуется сила. Я просилъ графиню Блудову узнать предварительно, не перемѣнилось ли ко мнѣ расположеніе Государя, вслѣдствіе послѣднихъ изданій и кривотолкованій, и получилъ въ отвѣтъ, что Государь находится въ наилучшемъ расположеніи ко мнѣ. Но теперь отдумываю и рѣшаюсь уѣхать на годъ въ чужіе края, или дома, въ какое-нибудь захолустье, чтобъ на просторѣ написать обозрѣніе, картину Русской Исторіи, страницъ въ триста, въ родѣ Маколеева или Робертсонова вступленія" [181]).

LVII.

Въ то время, когда въ Московскомъ Университетѣ происходили печальныя происшествія, студенты С.-Петербургскаго Университета, поощряемые своимъ попечителемъ княземъ Григоріемъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ, заняты были изданіемъ *Сборника.*

„Предпріятіе наше (сказано въ предисловіи къ первому выпуску) возникло между нами вполнѣ самостоятельно, вслѣдствіе долгихъ и долгихъ соображеній и товарищескихъ бесѣдъ о томъ, какимъ образомъ время пребыванія въ Университѣ—лучшее время жизни нашей — употребить съ наибольшею пользою, сообразно съ достоинствомъ Университета и съ нашею вѣрою въ его высокое значеніе“.

Личный составъ Редакціи *Сборника* былъ слѣдующій: Профессоръ-редакторъ М. И. Сухомлиновъ. Студенты-редакторы, филологи: Александръ Тихменевъ, Иванъ Новиковъ. Восточники: Юрій Богушевичъ, Иванъ Ивановъ. Математики: Александръ Коркинъ, Маріанъ Кросновскій. Естественники: Александръ Фогель, Дмитрій Аверкіевъ. Юристы: Александръ Глуховъ, Николай Остолоповъ. Камералисты: Викторъ Андреевъ и Левъ Утинъ.

Профессоръ А. В. Никитенко, подъ 23 февраля 1857 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Читалъ сегодня, по просьбѣ студентовъ и съ согласія начальника, рѣчь студентамъ о цѣли и значеніи предпринятаго ими *Сборника* и о литературныхъ средствахъ достигнуть этой цѣли. Присутствовали ректоръ *) и многіе изъ профессоровъ. Огромная зала была биткомъ набита. Были и посторонніе посѣтители. Рѣчь моя была принята хорошо. Раздались апплодисменты, крики браво, топанье ногами и т. д. Товарищи-профессора тоже весьма одобрили.

---

*) П. А. Плетневъ. *Н. Б.*

Цѣль моя была наэлектризовать юношей, возбудить въ нихъ благородное рвеніе къ предпринимаемому ими дѣлу, но вмѣстѣ и воздержать ихъ отъ непосильныхъ стремленій, во что бы то ни стало, къ авторской славѣ, и внушить имъ уваженіе къ общественному мнѣнію. Я при этомъ случаѣ припомнилъ имъ слова Талейрана, который сказалъ, что онъ знаетъ кого-то умнѣе себя и Наполеона: этотъ кто-то—*всѣ*" [182]).

Съ украшающею юношескій возрастъ скромностью, студенты-редакторы сознавали, что какъ „ни самостоятельно и твердо было въ нихъ убѣжденіе въ необходимости предпринять изданіе, они чувствовали потребность представить свое дѣло на судъ людей, высоко стоящихъ въ Наукѣ и Литературѣ, какъ ученые и писатели, и въ общественномъ мнѣніи, какъ граждане".

Свое дѣло студенты-редакторы С.-Петербургскаго Университета представили „на судъ" С. Т. Аксакова и Н. И. Пирогова.

С. Т. Аксаковъ былъ очень польщенъ обращеніемъ къ нему С.-Петербургскихъ студентовъ, и по этому поводу писалъ къ своему сыну Ивану: „Я сейчасъ получилъ письмо отъ всѣхъ студентовъ Петербургскаго Университета, за подписью двѣнадцати редакторовъ. Они просятъ моего совѣта и одобренья ихъ литературныхъ ученыхъ трудовъ, которые будутъ издаваться въ видѣ сборниковъ.—Это, братъ, меня разшевелило!.. Надобно признаться, что я, оченъ счастливъ, какъ писатель, очень счастливъ горячностью сочувствія къ моей личности" [183]).

Отвѣтное письмо свое С. Т. Аксаковъ адресовалъ на имя профессора-редактора и студенты пришли отъ него въ восторгъ. „Съ живѣйшею признательностью",—писали они—приводимъ письма двухъ современниковъ нашихъ: С. Т. Аксакова и Н. И. Пирогова. Участіе ихъ къ нашему дѣлу такъ дорого намъ, что мы сочли обязанностъю передать отзывъ ихъ на память всѣмъ будущимъ поколѣніямъ Университета".

С. Т. Аксаковъ, въ своемъ письмѣ, говоритъ, между про-

чимъ: „Я съ моей стороны сочту за особенную честь всякаго рода участіе и содѣйствіе, какихъ только угодно Редакціи пожелать отъ меня".

Н. И. Пироговъ обратился прямо къ студентамъ-редакторамъ съ слѣдующимъ письмомъ: „Господа редакторы! Предсказать участь желѣзныхъ дорогъ и литературныхъ предпріятій въ Россіи, по малой мѣрѣ, трудно.

Покуда можно утверждать навѣрное только одно: и тѣ, и другія необходимы.

Покуда и этого убѣжденія достаточно, чтобы начинать.

Дѣятельность, какъ бы ея результаты ни были сомнительны, все-таки отраднѣе для общества, чѣмъ vis inertiae съ ея неизбѣжными и вѣрными слѣдствіями.

Докажите, вспомнивъ Декартово: cogito ergo sum, что вы живете,—это будетъ уже огромная заслуга, когда еще не пришло время доказать, какъ вы живете.

Со временемъ обнаружится и это.

Когда чувствуешь, что живешь, нельзя не сочувствовать признакамъ жизни; и я, видитъ Богъ, имъ вполнѣ сочувствую.

Болѣе ничего сказать вамъ не умѣю я и не могу, — да и считаю ненужнымъ.

Если вы уже научились имѣть убѣжденія, и если вы уже имѣете убѣжденія, что ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ вы хотите, чтобъ они были.

Если нѣтъ, то ни совѣты, ни одобренія не помогутъ.

Дѣло безъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго Наукою самопознанія, все равно что дерево безъ корня. Оно годится на дрова, но рости не будетъ.

И такъ, хотите непремѣнно знать будущность вашего предпріятія? Вникните въ себя поглубже и узнайте повернѣе (что, конечно, нелегко), есть ли въ васъ убѣжденіе, что ваши труды должны непремѣнно достигнуть той цѣли, которую вы имъ предназначаете.

Если да,—начинайте смѣло.

Остальное придетъ само собою, рано или поздно.

А я, благодаря васъ отъ души за вашу довѣренность ко мнѣ, буду ожидать, что это именно такъ и случится“.

Петербургскіе студенты-редакторы, 16 марта 1857 г., написали и Погодину соборное посланіе слѣдующаго содержанія: „Ваше горячее сочувствіе къ Наукѣ, которое выражалось во все продолженіе вашей многолѣтней и столь богатой результатами ученой дѣятельности, и которое наконецъ вы высказали такъ живо на юбилеѣ Московскаго Университета, внушило намъ надежду, что и наше дѣло, предпринятое во имя Науки, встрѣтитъ съ вашей стороны просвѣщенное и дорогое для насъ вниманіе.

30 января (1857) исполнилось наше задушевное желаніе стать, подъ знаменемъ Университета, на полѣ отечественной дѣятельности, участвуя въ его воздѣлываніи своими слабыми еще, но свѣжими и бодрыми силами: 30 января мы получили разрѣшеніе г. министра Народнаго Просвѣщенія на постоянное изданіе нашихъ учено-литературныхъ трудовъ въ видѣ повременнаго *Сборника*.

Но, сознавая слабость нашу и неопытность и бѣдность тѣхъ средствъ, которыхъ требуетъ наше предпріятіе, мы знаемъ, что только доброе содѣйствіе просвѣщенныхъ служителей и ревнителей Науки можетъ положить твердое основаніе нашему ученому и матеріальному капиталу.

Къ вамъ, маститый учитель цѣлаго поколѣнія ученыхъ, мы обращаемся къ одному изъ первыхъ: примите и оцѣните теплый и искренній и полный надеждъ голосъ нашего юнаго сердца, и откликнитесь съ такою же любовью, съ какою вы не разъ откликались на доброе дѣло Науки и правды.

Если есть истина, то она въ Наукѣ. Если жизнь даетъ Наукѣ свѣжесть и движеніе, то она въ юности. Если юноша долженъ требовать сочувствія и помощи, то отъ своего наставника“ [184]).

Къ *Сборнику*, издаваемому студентами С.-Петербургскаго

Университета, *Русская Бесѣда* отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ, и привѣтствовала его такими словами: „Одно изъ самыхъ утѣшительныхъ явленій въ настоящее время, одинъ изъ самыхъ лучшихъ плодовъ возбужденной умственной дѣятельности—это серьезное стремленіе къ общеполезнымъ трудамъ, замѣчаемое, въ послѣдніе два года, въ учащемся юношествѣ, особенно же въ студентахъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ. Сколько намъ извѣстно, настоящее поколѣніе Московскихъ студентовъ обѣщаетъ Россіи въ будущемъ доблестныхъ гражданъ... Въ свою очередь и студенты Петербургскаго Университета, изданіемъ *Сборника* свидѣтельствуютъ о присущей имъ истинной любви къ Наукѣ, уваженіи къ труду, вполнѣ достойной привычкѣ къ занятіямъ дѣльнымъ. Всею душою привѣтствуемъ изданіе молодыхъ дѣятелей, возбуждающихъ радостныя надежды на будущее. Особенно пріятно видѣть въ Петербургскихъ студентахъ нѣкоторую самобытпость направленія и самостоятельность сочувствій. Начиная свое изданіе, они обратились за одобрительными совѣтами къ С. Т. Аксакову и Н. И. Пирогову. Въ письмахъ студентовъ къ нимъ, слышится сочувствіе не къ однимъ литературнымъ и ученымъ трудамъ этихъ двухъ лицъ, но и къ ихъ гражданскому значенію, къ гражданской честности писателя и ученаго. Привѣтъ же вамъ, господа студенты! Продолжайте свое изданіе, не смущаясь недоброжелательствомъ, уже обнаруженнымъ нѣкоторыми журналами; продолжайте трудиться, но помните, что только тогда будетъ плодотворна ваша дѣятельность, когда это будетъ дѣятельность Русскихъ людей, вполнѣ самостоятельная и свободная отъ рабства предъ авторитетомъ запада. Только въ качествѣ Русскихъ, можете достигнуть вы общечеловѣческаго значенія, а не въ качествѣ прихвостней запада, жалкихъ обезьянъ, которые, какъ Молчалинъ Грибоѣдова,

Не могутъ смѣть
Свое сужденіе имѣть“ [185])

Предпріятіе Петербургскихъ студентовъ имѣло счастіе обратить на себя особое милостивое вниманіе Императора Александра II-го, и первыя двѣ книги *Сборника* Государь разрѣшилъ напечатать безъ платы въ Типографіи II-го Отдѣленія.

Съ своей стороны и Императрица Марія Александровна „съ особеннымъ удовольствіемъ изволивъ принять первый выпускъ *Сборника*, издаваемаго студентами С.-Петербургскаго Университета, и сочувствуя этому полезному предпріятію, пожелала усилить средства, необходимыя для изданія *Сборника*, и повелѣть соизволила доставить въ Редакцію триста р. с.“

Но журнальная дѣятельность Петербургскихъ студентовъ не ограничилась изданіемъ *Сборника*. Въ *Дневникѣ* профессора А. В. Никитенко, подъ 16 декабря 1857 года, читаемъ: „Студенты С.-Петербургскаго Университета издаютъ два рукописные журнала, которые, между прочимъ, наполняютъ всяческими ругательствами. Одинъ журналъ называется *Вѣстникъ свободныхъ мнѣній*, а другой, въ подражаніе Герцену, *Колоколъ*. Попечитель князь Г. А. Щербатовъ это знаетъ и дозволяетъ. Но, во избѣжаніе скандала, онъ объявилъ студентамъ, что самъ берется быть ихъ цензоромъ. Они и покажутъ ему пять-шесть статей невинныхъ, а затѣмъ, прибавятъ къ нимъ нѣсколько другихъ, которыя тоже пустятъ въ ходъ, подъ покровительствомъ попечительской санкціи. Вмѣсто того, чтобы побуждать молодыхъ людей учиться, онъ поощряетъ ихъ быть журналистами и тратить время на пустяки, которые, въ концѣ концовъ, могутъ вредно отразиться на нихъ самихъ и имѣть пагубныя послѣдствія для всего сословія и заведенія“. [186]).

LVIII.

29 апрѣля 1857 года, изъ Царскаго Села, воспослѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго, слѣдующаго содержанія: „Въ

сентябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, послѣ торжества Священнаго Коронованія, посѣтилъ я, съ супругою моею, обитель Преподобнаго Сергія. Тамъ, у гроба сего Молитвенника и Заступника Россіи, съ вѣрою и упованіемъ повергаясь предъ нетлѣнными его останками, дали мы, съ Государынею Императрицею, тайный обѣтъ, что если Господу Богу угодно будетъ осчастливить насъ благополучнымъ разрѣшеніемъ Ея Величества отъ бремени, то въ случаѣ рожденія сына, мы наречемъ его Сергіемъ, въ память и благодарность сему Великому Угоднику. Нынѣ предстательствомъ его, молитва наша услышана,—и обѣтъ нами исполненъ. Сообщая о семъ вашему преосвященству, прошу васъ, сверхъ обычнаго, по сему радостному случаю, молебствія въ столицѣ, совершить оное особо отъ имени нашего и у раки Преподобнаго, покровительству котораго поручаемъ мы новорожденнаго нашего сына“ [187]).

По полученіи этого рескрипта, митрополитъ Филаретъ, 4 мая 1857 года, писалъ своему Лаврскому намѣстнику: „Я все боленъ простудою, и вчерась съ трудомъ совершилъ служеніе съ молитвою о высоконоворожденномъ. По болѣзни не отправляюсь нынѣ къ вамъ: а сіе долженъ былъ сдѣлать, потому что Государь Императоръ соизволилъ повелѣть мнѣ принести о высоконоворожденномъ молитву отъ имени Августѣйшихъ Родителей, именно у гроба преподобнаго Сергія. Постараюсь собраться съ силами и быть у васъ, чтобы исполнить повелѣнное, и для меня желаемое“.

Не смотря на свою немощь, митрополитъ, 6 мая, поѣхалъ въ Лавру, гдѣ на другой же день, т.-е. 7 мая, послѣ молебна при гробѣ Преподобнаго Сергія, произнесъ слѣдующее слово: „*Сынове твои, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоея. Се тако благословится человѣкъ бояйся Господа* (*Псал.* CXXVII, 4—5). Не знаемъ, смотрѣлъ ли на кого лично боговдохновенный псалмопѣвецъ, когда начертывалъ сей образъ семейнаго счастія; но мы можемъ съ радостью видѣть сей мысленный образъ оживленнымъ въ лицѣ вѣнценоснаго отца

семейства царственнаго, въ великомъ отцѣ великаго семейства народа Русскаго. Четыре сына окружаютъ его семейную трапезу; возрастаютъ, яко новосажденія масличная, и наипаче первенецъ начинаетъ уже рано являть и цвѣтъ наслѣдованныхъ высокихъ качествъ. Нынѣ, съ весною, возникаетъ еще *новосажденіе*, расширяющее садъ его, и обѣщающее, въ слѣдъ за предшествовавшими, возрасти, процвѣсть и приносить плоды сладкіе и питательные для Россіи.

Сіе воззрѣніе на царское семейство, не можемъ ли мы сопроводить и слѣдующимъ указаніемъ и воззваніемъ Пророка: *се тако благословится человѣкъ боящися Господа?* Можемъ, съ особеннымъ убѣжденіемъ въ истинѣ. И всегда, какъ и нынѣ, Благочестивѣйшій Государь нашъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ и благодарностію къ Богу принималъ рождающееся у него чадо, и призывалъ всѣхъ насъ къ благодарной вмѣстѣ съ нимъ молитвѣ. Но при рожденіи Великаго Князя Сергія Александровича особеннымъ образомъ въ Благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ и Благочестивѣйшей Супругѣ его просіяли черты душъ, *боящихся Господа*, благоговѣйно преданныхъ Его Провидѣнію; и Богъ, *творящій волю боящихся Его*, надъ симъ рожденіемъ особеннымъ образомъ *сотворилъ знаменіе во благо*. Радость открыла сердце Царя; и открыла Его тайну. Послѣ Священнаго Коронованія и помазанія на Царство, Государь Императоръ съ Государынею Императрицею посѣтилъ сію обитель Преподобнаго Сергія. Съ глубокимъ утѣшеніемъ и умиленіемъ были мы свидѣтелями умиленной ихъ молитвы: но не знали тайны, которая съ нею была соединена. Теперь мы ее знаемъ. Благочестивѣйшіе, *у гроба сего Молитвенника и Заступника Россіи, съ вѣрою и упованіемъ повергаясь предъ нетлѣнными его останками, дали тайный обѣтъ, что если Богъ даруетъ имъ сына, то нарекутъ его Сергіемъ, въ память и благодарность сему великому Угоднику Божію.* Что Богъ, при предстательствѣ Преподобнаго Сергія, принялъ въ свое благоволеніе ихъ обѣтъ, сіе Онъ явилъ тѣмъ, что, по устроенію Провидѣнія Его, послѣдовало

благополучное рожденіе, и, согласно съ ихъ мыслію, рожденіе именно сына, и такимъ образомъ оправдана ихъ вѣра и упованіе. И Благочестивѣйшіе исполнили свой обѣтъ, и явили свое благодареніе Богу и Угоднику его, давъ высоконоворожденному имя Сергія. *Се тако благословится человѣкъ боящійся Господа.*

Чада вѣры! Возрадуемся о вѣрѣ въ Бога и Святыхъ Его, сіяющей намъ съ высоты Престола. Пользуйтесь симъ свѣтомъ, да возбуждается ваша вѣра, да воскриляется, да восходитъ со дерзновеніемъ къ престолу благодати. Видите, что не въ мертвыхъ книгахъ лежатъ, но живутъ и нынѣ, и дѣйствуютъ за осмнадцать вѣковъ изреченныя слова Христовы: *по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ* (*Матѳ.* IX, 29); *вся возможна вѣрующему* (*Марк.* IX, 23).

Други разума, не охотно покоряющагося вѣрѣ! Не преграждайте вѣрѣ пути къ благодати Божіей мудрованіями человѣческими. Не убивайте въ себѣ истины вѣры сомнѣніемъ; не разсѣкайте ея *изысканными и истязательными вопрошеніями, холоднымъ раздробленіемъ мертвыхъ понятій.* Въ убитомъ и разсѣченномъ тѣлѣ нельзя найти жизненной силы. Усматривайте живую силу вѣры въ ея живомъ тѣлѣ,—въ жизни, въ дѣяніяхъ и опытахъ истинно вѣрующихъ. Внимательному и безпристрастному искателю не трудно находить и усматривать ее, не только въ священныхъ писаніяхъ, въ Исторіи Церкви, въ житіяхъ древнихъ Святыхъ, но и въ ближайшихъ къ намъ опытахъ нашего не очень богатаго вѣрою времени. И когда усматриваете силу вѣры, дѣйствующую и приносящую необыкновенный плодъ: не закрывайтесь отъ свѣта ея недоумѣніями: Какъ это? Почему это? Не случайно ли это? Но старайтесь принять свѣтъ вѣры въ сердце, и усвоить ея силу и дѣйствіе. Если усвоите ее хотя такъ немного, чтобы сказать: *вѣрую Господи; помози моему невѣрію* (*Марк.* IX, 24): благодать не отречется придти на помощь и совершить болѣе, нежели просимъ и разумѣемъ.

Объ обѣтахъ нѣкоторые говорятъ: можно ли смѣть вхо-

дить такимъ образомъ какъ бы въ условія съ Богомъ?—Конечно, это неудобно для тѣхъ, которые смотрятъ на обѣты такимъ тяжелымъ, недовѣрчивымъ взоромъ, но не такъ для вѣрующихъ Божію снисхожденію. Человѣкъ, ничтожный предъ Богомъ, и особенно грѣшный, не могъ бы существовать и минуты безъ Божія къ нему снисхожденія. Но Богъ снисходитъ; мысль о снисхожденіи Божіемъ одушевляетъ вѣру, вѣра дерзаетъ, и въ простотѣ пользуется снисхожденіемъ Божіимъ. Патріархъ Іаковъ съ однимъ жезломъ идетъ въ чуждую страну, и полагаетъ обѣтъ: *аще будетъ Господь Богъ со мною и дастъ ми хлѣбъ ясти, и ризу облещися, и возвратитъ мя здрава; отъ всѣхъ, яже ми даси, десятину одесятствую Тебѣ* (*Быт.* XXVIII, 20—22). И Богъ пріемлетъ обѣтъ; и возвращаетъ Іакова здрава, съ семействомъ, богатствомъ, рабами, стадами, въ двухъ полкахъ.

Впрочемъ, о произвольныхъ обѣтахъ говоримъ для того, чтобы показать въ нихъ союзъ вѣры съ благодатію, а не для того, чтобы убѣждать къ нимъ. Это дѣло благаго произволенія. Только то необходимо, чтобы данный обѣтъ исполненъ былъ вѣрно. *Аще обѣщаеши обѣтъ Богу*, учитъ премудрый Соломонъ, *не умедли отдати его* (*Еккл.* V, 3).

Есть обѣты, которые не произволеніе наше полагаетъ, но которые долгъ отъ насъ истребовалъ:—христіанскій обѣтъ вѣровать въ Бога и Христа и соблюдать заповѣди Божіи, вѣрноподданническій обѣтъ быть вѣрными до смерти Царю и повиноваться законамъ его. Въ исполненіи сихъ будемъ непрестанно бдительны и усердны. Только при исполненіи сихъ необходимыхъ общихъ обѣтовъ, и особенные произвольные обѣты Всеблагій Богъ пріемлетъ въ Свое благоволеніе, и благословляетъ оные утѣшительными и благотворными событіями.

Преподобный Отче Сергіе! Ты, яко провидѣцъ, слышалъ въ свое время тайно изреченный обѣтъ Благочестивѣйшаго Государя нашего и Благочестивѣйшей Супруги его; и при твоемъ къ Богу предстательствѣ обѣтъ ихъ достигъ желан-

наго и радостнаго исполненія. Твое благодатное имя пріяли они для новорожденнаго Великаго Князя; и чрезъ сіе самое тебѣ вручили его, и твоему благодатному покровительству. Пріими дань вѣры; и воздаждь дарами благодати. Продолжи и не престани предстательствовать предъ Богомъ о здравіи, возрастѣ и преуспѣяніи тезоименитаго тебѣ Великаго Князя, и о умноженіи благословеній небесныхъ на Благочестивѣйшемъ Государѣ нашемъ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ и на Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, и на всемъ державномъ Домѣ его и Царствѣ его. Аминь“ [188]).

Возвратившись въ Москву, митрополитъ писалъ князю С. М. Голицыну: „Больной поѣхалъ въ Лавру; и слава Богу, что порученное Государемъ Императоромъ молебствіе 7 дня совершилъ; а на другой послѣ того день простудная боль въ зубахъ и въ головѣ ожесточилась такъ, что праздникъ Вознесенія Господня провелъ я въ келліи“ [189]).

Въ то время, на обратномъ пути изъ своего Орловскаго имѣнія, въ Москвѣ пребывалъ Ѳ. И. Тютчевъ, и, 13 мая 1857 года, писалъ: „Пожалуй, я исполню желаніе и ожиданіе матери моей и буду присутствовать на торжествѣ крещенія великаго князя Сергѣя Александровича, которое, можетъ быть, отсрочатъ до 20 числа этого мѣсяца, а къ тому времени окончательно истечетъ срокъ назначенный портнымъ для изготовленія моего мундира. Значитъ, у меня есть надежда измѣнить о себѣ мнѣніе Императора, что я *юродивый*“.

Возвратясь въ Петербургъ, Тютчевъ писалъ: „Я таки буду на этихъ знаменитыхъ крестинахъ, которыя состоятся послѣ завтра, а ночую у Титова, предложившаго мнѣ гостепріимство“.

Наконецъ, 27 мая 1857 года, въ Царскомъ Селѣ, совершено Таинство Крещенія надъ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, и Тютчевъ 1-го іюня писалъ: „Теперь я буду говорить о появленіи моего новаго мундира въ его дѣвственномъ и непорочномъ блескѣ подъ величественными укра-

шеніями Дворца Великой Императрицы. И, конечно, пышные своды должны были отвѣчать благосклонною улыбкою блеску этого великолѣпія, котораго имъ еще не доставало... Что до самой церемоніи, то я ее немного укоротилъ, удовольствовавшись крещеніемъ, что̀ было самымъ существеннымъ. Но въ 4 часа я не приминулъ принять участіе въ обѣдѣ, накрытомъ въ *Золотой Залѣ*, на восемьсотъ приглашенныхъ, изъ которыхъ я, несомнѣнно, былъ самымъ блестящимъ. Сосѣдомъ моимъ былъ мой другъ графъ Орловъ-Давыдовъ" [190])...

LIX.

Послѣ разрѣшенія отъ бремени Императрицы Маріи Александровны пятымъ сыномъ, врачи предписали Ея Величеству леченіе водами въ Киссингенѣ [191]).

Князь П. А. Вяземскій напутствовалъ болящую Императрицу задушевными стихами:

О, будьте къ ней вы благосклонны,
Вы, живоносные ключи,
Долина, воздухъ благовонный,
И тѣнь лѣсовъ, и дня лучи,

Лазурь въ струящемся эфирѣ,
Ночей покой и темнота,
И все, и все, что въ Божьемъ мірѣ —
Согласье, благость, красота!

Въ нее пролейте жизни силу,
Навѣйте здравья благодать,
Чтобъ милыхъ дней ея свѣтилу
Всегда безоблачно сіять [192]).

11-го Іюня 1857 года, Государь и Императрица съ дѣтьми отплыли изъ Петербурга, на пароходѣ „Грозящій", и высадились на берегъ въ Килѣ, откуда чрезъ Гамбургъ и Ганноверъ, направились сначала въ Дармштадтъ, а потомъ въ Вильдбадъ, гдѣ пребывала вдовствующая Императрица Александра Θеодоровна.

Между тѣмъ, Австрійскій Императоръ искалъ случая примириться съ Императоромъ Александромъ II. Пользуясь поѣздкою Короля Виртембергскаго въ Вильдбадъ, Императоръ Францъ-Іосифъ просилъ его быть миротворцемъ между нимъ и Русскимъ Императоромъ; но попытка Виртембергскаго Короля примирить Австрію съ Россіею не удалась. Государя сопровождалъ министръ Иностранныхъ Дѣлъ, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, нескрывавшій своего нерасположенія къ Австрійцамъ. Почтенный нашъ историкъ, Н. Д. Чечулинъ, близкій къ семейству сына князя Горчакова, писалъ мнѣ: „Не пригодится ли вамъ въ вашемъ трудѣ слѣдующій разсказъ о князѣ А. М. Горчаковѣ, неоднократно мною слышанный отъ сына его, свѣтлѣйшаго князя Константина Александровича Горчакова. Въ Вѣнѣ, князь А. М. Горчаковъ былъ—какъ это онъ отлично и зналъ—окруженъ шпіонами Австрійскаго правительства; вся прислуга была подкуплена и обязана доносить обо всемъ, что у Русскаго посла говорилось и дѣлалось. И вотъ, князь А. М. Горчаковъ ежедневно за обѣдомъ и завтракомъ наводилъ разговоръ на поѣздку Австрійскаго Эрцгерцога, представителя Австріи на погребеніи Императора Николая I, и заставлялъ учителя своихъ двухъ сыновей, Докучаева, декламировать извѣстное стихотвореніе Тютчева“ *)......

Чрезъ Карлсруэ, Баденъ, Дармштадтъ, Царская Семья прибыла въ Киссингенъ и тамъ водворилась. Въ Киссингенѣ, къ пріѣзду Императорской Четы, собрались послы Россіи при разныхъ Европейскихъ Дворахъ, въ томъ числѣ и посолъ въ Парижѣ графъ П. Д. Киселевъ. Онъ настаивалъ на союзѣ съ Франціей, на которую, по его мнѣнію, мы можемъ опереться, потому что Пруссія, связанная съ Германіей, въ состояніи оказать намъ нѣкоторую поддержку лишь до тѣхъ поръ, пока мы находимся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей. Императоръ Александръ II-й не высказывался опредѣ-

*) См. *Стихотворенія Ѳ. Тютчева.* М. 1868 г., стр. 169. *Н. Б.*

ленно, но изъявилъ согласіе на личное свиданіе съ Наполеономъ III-мъ. Самъ Наполеонъ колебался и медлилъ.

Отпраздновавъ въ Вильдбадѣ, 1-е іюля, именины своей матери, Императоръ Александръ II-й предпринялъ обратный путь въ Россію, для участія въ Красносельскомъ лагерѣ, а также и для семейнаго торжества [193]).

4 августа 1857 года, въ Петергофѣ данъ былъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ возвѣщалось вѣрноподданнымъ: „Съ соизволенія нашего и по благословенію Любезнѣйшей Родительницы нашей Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, младшій братъ нашъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, вступаетъ въ бракъ съ сестрою Великаго Герцога Баденскаго, Принцессою Цециліею. Вчерашній день воспріяла Она Православную нашу вѣру и Святое Мѵропомазаніе, а сегодня въ церкви Петергофскаго Дворца совершено обрученіе Ихъ Высочествъ“.

20 августа 1857 года, въ Успенскомъ соборѣ былъ прочитанъ Высочайшій манифестъ о благополучно совершившемся бракосочетаніи Великаго Князя Михаила Николаевича съ Великою Княжною Ольгою Ѳеодоровною. Предъ литургіею было совершено молебное пѣніе. Священнодѣйствовалъ митрополитъ Московскій и Коломенскій Филаретъ [194]).

Послѣ бракосочетанія великаго князя Михаила Николаевича, императоръ Александръ II-й выѣхалъ въ Варшаву, и тамъ провелъ день своего тезоименитства, и чрезъ Берлинъ, 6-го сентября 1857 г., вернулся въ Дармштадтъ, гдѣ пребывала императрица Марія Александровна.

Въ Штутгартѣ, 13 сентября 1857 года, состоялось свиданіе императоровъ Александра II-го съ Наполеономъ III-мъ. Изъ Штутгарта Государь и Императрица заѣхали въ Дармштадтъ, и оттуда они прибыли въ Веймаръ, гдѣ и произошло свиданіе Русскаго Императора съ Австрійскимъ.

На обратномъ пути въ Царское Село, Государь и Императрица, исполняя давнее намѣреніе, посѣтили богоспасаемый Кіевъ, „Іерусалимъ Русской Земли“ и поклонились Печерской

Святынѣ. Тамъ, въ послѣдній разъ они получили благословеніе отъ святителя Кіевскаго митрополита-схимника Филарета.

Ровно за мѣсяцъ до своей блаженной кончины, 28 ноября 1857 года, святитель Кіевскій писалъ святителю Московскому: „Нельзя было безъ сердечнаго умиленія быть свидѣтелями глубочайшаго ихъ величествъ благоговѣнія, съ какимъ совершили они молитвы свои, не опустивъ ни одного святаго мѣста. Послѣ сего вожделѣннаго и радостнаго событія, какъ желательно было моему недостоинству отъ всей души воспѣть: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ*“ [195]).

Когда Москва ожидала пріѣзда Государя, туда прибылъ товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія князь П. А. Вяземскій, по поводу извѣстнаго намъ столкновенія полиціи съ студентами.

Почтенный археографъ М. А. Коркуновъ, 4-го октября 1857 года, писалъ Погодину: „Князь Вяземскій, котораго я уважаю, какъ человѣка, какъ писателя и какъ товарища министра даже, ѣдетъ въ слѣдующее воскресенье въ Москву“.

Съ своей стороны, А. С. Норовъ писалъ (3 октября 1857 года) князю Вяземскому слѣдующее: „Въ Москвѣ между студентами Университета, случилось происшествіе, на которое по обстоятельствамъ надобно обратить ближайшее вниманіе. Пользуясь отъѣздомъ вашего сіятельства въ Москву, я нахожу нужнымъ покорнѣйше просить васъ объясниться о дѣлѣ съ г. попечителемъ Округа, и, если окажется надобность, съ военнымъ генералъ-губернаторомъ и наблюсти, какъ за ходомъ дѣла, по которому производится уже слѣдствіе, такъ и за правильнымъ окончаніемъ онаго. Дѣло по важности своей, таково, что оно можетъ обратить на себя вниманіе Государя Императора, и потому я полагаю, что полезно было бы вашему сіятельству дождаться въ Москвѣ прибытія Его Императорскаго Величества, для личнаго всеподданнѣйшаго объясненія обстоятельства и для полученія Высочайшаго наставленія“.

На другой же день, по написаніи вышеприведеннаго письма, 4 октября 1857 г., попечитель Московскаго Учебнаго Округа Е. П. Ковалевскій доносилъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Слѣдственная Коммиссія, учрежденная г. Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ о побояхъ, нанесенныхъ помощникомъ квартальнаго надзирателя съ командою студентамъ Московскаго Университета открыла свои дѣйствія, что трое избитыхъ студентовъ, изъ коихъ двое, Ганусевичъ и Домановскій, находились въ довольно опасномъ положеніи,—поправляются и что возникшее по означенному обстоятельству нѣкоторое волненіе между студентами прекратилось“.

Въ *Старой Записной Книжкѣ* сохранился Дневникъ князя П. А. Вяземскаго за время пребыванія его въ Москвѣ:

5 *октября.* Сборы къ отъѣзду въ Москву.

6. Пріѣхали.

7. Пріѣхали въ Москву въ 9 часовъ утра. У Четвертинскихъ всѣ еще спали, кромѣ собакъ, которыя бросились на насъ. Я переѣхалъ къ Ковалевскому. Первый мой выѣздъ былъ въ Клинику, навѣстить избіенныхъ полиціею студентовъ.

9. Обѣдали у Ковалевскаго съ Шевыревымъ и Бабстомъ.

10. Утромъ былъ у графа Закревскаго. Разговоръ съ оберъ-полиціймейстеромъ Берингомъ.

11. Съ пріѣзда былъ на лекціяхъ Бабста, Крылова, Лешкова.

12. Былъ въ Клиникѣ у студентовъ. Былъ у Сушковыхъ“ [196]).

Подъ 9 октября 1857 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Прекрасное извѣстіе о Государѣ, который простилъ Кіевскимъ студентамъ, и не повѣрилъ извѣстію о волненіи въ Москвѣ. Думалъ объ аудіенціи и статьѣ“.

LX.

13 октября 1857 года, вечеромъ, прибылъ въ Москву императоръ Александръ II.

На другой день, митрополитъ Филаретъ встрѣтилъ Государя при вратахъ Успенскаго собора и привѣтствовалъ его:

„Благочестивѣйшій Государь!

Теперь сердце Россіи въ покоѣ: потому что ты въ нѣдрахъ и въ сердцѣ Россіи.

Православный народъ благоговѣетъ, видя, что твое царственное путешествіе сдѣлалось вмѣстѣ и молитвеннымъ путешествіемъ къ древнѣйшей святынѣ общественной.

Вѣрною тебѣ мыслію и преданнымъ сердцемъ заботливо слѣдовали мы за тобою и твоею благочестивѣйшею супругою за предѣлы Отечества.

Теперь утѣшаемся, помышляя, что ея вожделѣнное здравіе обновлено и укрѣплено, что твои дружественныя встрѣчи съ твоими державными союзниками будутъ новымъ утвержденіемъ мира; что миръ доставитъ удобство твоимъ царственнымъ подвигамъ, чтобы возвысить и благоустроить внутреннюю жизнь Россіи, чтобы охранить доброе, отъ предковъ наслѣдственное, и дополнить оное новыми плодами опытной и зрѣлой мудрости.

О семъ денно и нощно молитъ Бога Православная церковь, чтущая въ твоемъ священномъ лицѣ качество своего защитника и покровителя, какъ одно изъ высокихъ преимуществъ Помазанника Божія“ [197]).

Въ тотъ же день, и Погодинъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, привѣтствовалъ прибытіе Государя въ Москву въ такихъ выраженіяхъ: „Милостивый, Онъ здѣсь! Онъ посѣтилъ любезную свою родную Москву, на возвратномъ пути изъ чужихъ краевъ. Слухи доносились до насъ объ его путешествіи по мѣрѣ приближенія: въ Кіевѣ, Онъ простилъ провинившихся молодыхъ людей, они увлеклись, позабылись на ми-

нуту—на вѣкъ теперь будутъ преданы ему признательные. Въ Черниговѣ... въ Тулѣ... мы ждали его, съ трепещущимъ сердцемъ... что̀ скажетъ онъ намъ въ Москвѣ!

Простымъ Русскимъ людямъ нѣтъ нужды до политическаго свиданія въ Стутгартѣ! Богъ съ нимъ, съ нежданнымъ гостемъ Веймарскимъ! *) Наша сила, наше значеніе, вліяніе— дома; важнѣе всего для насъ внутреннія дѣла. Устроятся онѣ, и „вся прочая приложатся къ тому“.

Мы благодаримъ его за все, что̀ онъ сдѣлалъ, за все, что̀ онъ дѣлаетъ; мы благодаримъ его за все, что̀ онъ хочетъ сдѣлать... Мы твердо увѣрены, что Богъ поможетъ ему въ благихъ его намѣреніяхъ, исправитъ пути его,—и трудное окажется легкимъ, мудреное—опростится, и всѣ удовольствуются, и наши внуки благословятъ его любезное намъ имя.

Была прекрасная пора, когда вокругъ Русскаго престола раздавались громкія пѣсни свободнаго вдохновенія. Вѣщій Державинъ предчувствовалъ, кажется, наше время, воспѣвая гимнъ *Кротости*. Повторимъ слова его, устарѣлыя по языку, свѣжія, благоуханныя по мыслямъ и чувствамъ, въ нихъ заключеннымъ:

Такъ, Кротость, такъ ты привлекаешь
Народныя къ себѣ сердца;
Всѣхъ паче качествъ составляешь
Въ Царѣ отечества отца.
Ты милосерда, и снисходишь
Въ людскія страсти, суеты;
Надломленныя не преломишь,
Былинки, по неправдѣ, ты!
Сквозь вратъ проходитъ сокровенныхъ
Всеобщая къ тебѣ любовь,
Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
Пролитую слезу и кровь;
И какъ елень въ жаръ, къ току воду
Стремится жажду утолять,
Такъ человѣчества ты къ стону
Спѣшишь, чтобъ ихъ скорѣй унять.

---

*) Австрійскій императоръ. *Н. Б.*

Въ нынѣшній разъ Государь былъ въ Москвѣ съ Государыней, которую народъ полюбилъ едва ли не съ первой минуты, какъ ее увидѣлъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Намъ чуется, что во всякомъ добромъ намѣреніи, во всякомъ чистомъ желаніи, во всякомъ благородномъ движеніи, она тамъ, она невидимо присутствуетъ,—и мы любимъ, благодаримъ ихъ, надѣемся на нихъ, молимся объ нихъ совокупно.

Въ чувствахъ Русскаго народа нѣтъ сомнѣнія, въ доброй волѣ его также... Намъ недостаетъ только твердости, постоянства, сознанія собственнаго достоинства, смѣлости, внимательности къ общему дѣлу, которое не есть „не наше дѣло", а наше. О, если бы всякій изъ насъ, на своемъ мѣстѣ, высокомъ и низкомъ... что я говорю—всѣ мѣста равно высоки, гдѣ служишь Отечеству,—о, если бы всякій изъ насъ рѣшился непремѣнно, изъ глубины души, дѣлать свое дѣло честно, усердно, благородно, любовно, рѣшился говорить всегда, не обинуясь, правду, слушать правду, искать правды, любить правду, дорожить правдою, и жертвовать всѣмъ, чѣмъ случится, для правды. Какъ облегчилось бы для Государя его тяжелое бремя!

Помоги же намъ Богъ помогать такъ ему искренно всѣми своими силами. Помоги намъ вникать глубже и глубже въ свое положеніе, въ смыслъ нашего времени, столько знаменательнаго въ Исторіи человѣчества, возбуди въ насъ сильнѣе потребность, желаніе учиться, учиться и учиться, наведи насъ на благія мысли,—и опять припоминается мнѣ Державинъ, надписавшій на первомъ полномъ собраніи своихъ сочиненій, которое посвятилъ онъ Императрицѣ Екатеринѣ, слѣдующія многозначительныя слова великаго учителя Царей и народовъ, Тацита:

„О, время благополучное и рѣдкое, когда мыслить и го-„ворить не воспрещалося; когда соединены были вещи не-„совмѣстныя: владычество и свобода; когда при самомъ лег-„комъ правленіи, общественная безопасность состояла не изъ

„одной надежды и желанія, но изъ достовѣрнаго полученія „прочнымъ образомъ желаемаго“.

Въ тотъ же день, князь П. А. Вяземскій имѣлъ счастіе имѣть аудіенцію у Государя, и онъ въ *Дневникѣ* своемъ записалъ: „Государь призывалъ насъ въ свой кабинетъ съ Ковалевскимъ. Говорилъ мнѣ о Кіевскомъ Университетѣ и Черниговской Гимназіи—послѣ, о здѣшней полицейской исторіи и безъ малѣйшаго предубѣжденія противъ студентовъ“ [198]).

Съ своей стороны, Московскій попечитель Е. П. Ковалевскій доносилъ министру Народнаго Просвѣщенія: „Государь Императоръ, не смотря на краткость своего пребыванія въ Москвѣ, изволилъ потребовать къ себѣ князя П. А. Вяземскаго и меня. Вчера, въ 12 часовъ утра, позванъ былъ сперва князь, а потомъ и я въ кабинетъ Его Величества. Государь изволилъ выслушать снисходительно наше объясненіе о происшествіи и замѣтить, что не студенты, а полиція виновна... Относительно сбора студентовъ для составленія просьбы о защитѣ сотоварищей и пр. я представилъ Его Величеству, что это сдѣлано ими подъ вліяніемъ нанесеннаго оскорбленія всему обществу студентовъ и при видѣ избіенныхъ ихъ товарищей... Наконецъ, Государю Императору угодно было дать замѣтить, что онъ нашими распоряженіями доволенъ. Я бы не исполнилъ самой сердечной обязанности, если бы не засвидѣтельствовалъ предъ вами, что мы много обязаны князю П. А. Вяземскому за счастливую развязку“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 5 ноября, попечитель писалъ: „Князь П. А. Вяземскій, принимавшій въ нашемъ дѣлѣ теплое и благородное участіе, за что Московскій Университетъ сохранитъ навсегда ему глубокую благодарность, объяснитъ вамъ всѣ подробности дѣла“ [199])

Подъ 16 октября 1857 года, князь Вяземскій записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Были у меня студенты и благодарили за доброе участіе“ [200]).

LXI.

15-го октября 1857 года, митрополитъ Филаретъ писалъ Лаврскому намѣстнику Антонію: „Государя Императора и Государыню Императрицу вчера срѣтали и проводили. Они въ вождѣленномъ здравіи. Здравіе Государыни Императрицы, кажется, улучшилось. Я имѣлъ случай слышать ихъ и бесѣдовать съ ними довольно предъ столомъ, за столомъ и послѣ стола. Государь Императоръ изволилъ сказать, что удивился, какъ бодрымъ нашелъ владыку Кіевскаго. Онъ въ Лаврскомъ соборѣ совершалъ литургію въ присутствіи Ихъ Величествъ и водилъ ихъ по пещерамъ. Въ другой день, въ пещерской церкви, совершалъ при нихъ литургію намѣстникъ. Государыня Императрица очень довольна посѣщеніемъ Кіева. Государь Императоръ сказалъ, что онъ очень доволенъ, что за границею имѣлъ съ собою церковь, и могъ слушать Богослуженіе. Государыня Императрица присовокупила: Это было бы очень тяжкое лишеніе, если бы тамъ не было съ нами и церкви. Оба спрашивали объ Лаврѣ и скитѣ. Государыня Императрица изъявила сожалѣніе, что теперь не можетъ быть въ Лаврѣ. Навѣдывалась о васъ“.

Но вскорѣ послѣ начертанія этихъ строкъ, святитель Московскій съ грустью извѣщалъ Антонія: „Владыка Кіевскій, отъ 26 ноября, въ послѣдній разъ писалъ ко мнѣ, и сказалъ моему недостоинству, что любитъ меня любовію Христовою. Утѣшительно для меня сіе благословеніе, но печально лишеніе послѣ многолѣтняго братскаго общенія. Въ трудныя для меня времена онъ не оставлялъ меня словомъ единомыслія и утѣшенія. Въ трудныхъ дѣлахъ я съ пользою обращался къ его совѣтамъ. Миръ духови его“!

Въ надгробномъ словѣ (29 декабря 1857 г.) инспекторъ Кіевской Духовной Академіи архимандритъ Іоанникій (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій и Галицкій) засвидѣтельствовалъ, что за

семнадцать лѣтъ до своей кончины, „почившій архипастырь, не довольствуясь общими иноческими обѣтами, даетъ предъ лицомъ всевидящаго Бога сугубые обѣты благоугождать ему высшими подвигами благочестія, воспринявши на себя великій ангельскій образъ-схиму. Новое имя преподобнаго Ѳеодосія, принятое имъ, возбуждаетъ его къ новымъ подвигамъ смиренія и самоуничиженія. Дивились видѣвшіе архіепископа-старца носившимъ кирпичъ, при созиданіи церкви въ пустынѣ Голосѣевской, и недоумѣвали, что̀ значитъ сіе. То было внѣшнимъ проявленіемъ живаго подражанія отца нашего новому своему Ангелу, который иногда носилъ изъ лѣсу дрова, иногда же, *братіямъ почивающимъ, somewhat*

Благо есть мужу, егда возметъ яремъ Господень въ юности своей (Плач. Іерем. III, 27), говоритъ Писаніе. Это благо испыталъ на себѣ почившій архипастырь нашъ въ преклонныхъ своихъ лѣтахъ, когда физическія силы его замѣтно уже ослабѣли, а въ особенности—въ послѣдніе годы своей жизни.

Мы, сами были свидѣтелями, какъ среди крайняго изнеможенія и истощенія силъ его, по временамъ онъ вдругъ обновлялся какъ бы орлею юностію, и недоумѣвали, гдѣ источникъ такой крѣпости и бодрости. Предъ отшествіемъ своимъ онъ повѣдалъ, что тайна сей крѣпости заключается въ молитвенныхъ его трудахъ, что только въ молитвѣ онъ находитъ себѣ единственное успокоеніе и отраду, что за ней и время идетъ для него невидимо какъ, и усталости не ощутительно, и скуки нѣтъ, и при безсонницѣ ему не тяжело. „Прежде вставалъ я",—говорилъ онъ незадолго до своей кончины,—„въ четыре часа, потомъ въ три, потомъ въ два, а теперь уже въ часъ и ранѣе. Шесть часовъ моего утра такъ отрадны мнѣ, что я не промѣняю ихъ ни на какое царство. Затѣмъ идутъ уже тяжелые для меня часы земныхъ занятій и суеты".

Черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ кончины святителя Кіевскаго, воспослѣдовалъ изъ Петергофа, 10 іюля 1858 года,

слѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя намѣстника Кіево-Печерской Лавры архимандрита Іоанна: „Совершивъ въ прошедшемъ году, вмѣстѣ съ любезнѣйшею супругою моею Государынею Императрицею Маріею Александровною, посѣщеніе Кіево-Печерской Лавры, мы еще имѣли утѣшеніе быть приняты въ ней высокопочтеннымъ архипастыремъ ея, нынѣ въ Бозѣ почившимъ митрополитомъ Филаретомъ. Сопутствуемый имъ по Святынѣ, въ коей почиваютъ мощи Святаго Равноапостольнаго великаго князя Владиміра, я выразилъ желаніе оставить въ соборномъ храмѣ, оныя хранящемъ, память нашего въ немъ пребыванія и теплыхъ молитвъ, принесенныхъ нами, о заступничествѣ его предъ Господомъ Богомъ, за меня, мой домъ и весь народъ мой. Спѣшу исполнить обѣтъ мой, препровождая при семъ, по совѣту преосвященнаго Филарета, икону Святаго Владиміра, и прошу васъ о помѣщеніи ея предъ лицомъ благочестиваго родоначальника Христолюбивой Россіи. Да будетъ смиренный даръ сей выраженіемъ моего умиленія предъ Господомъ и чувство моего благоговѣнія ко Святому Просвѣтителю моего Отечества“ 201).

15-го октября 1857 года, Государь и Императрица возвратились въ Царское Село, а къ Георгіевскому празднику, 26 ноября, переселились на зиму въ Зимній Дворецъ 202).

По отъѣздѣ Государя, князь Вяземскій пробылъ въ Москвѣ до 6-го ноября 1857 года.

Въ *Дневникѣ* его мы читаемъ слѣдующія записи:

17 *Октября.* Утромъ слушалъ лекціи Бодянскаго.

18. Вообще преподаваніе у насъ какъ-то бездушно, особенно въ гимназіяхъ. Все мертвая буква, а живой мысли нѣтъ.

19 и 20. Князь П. А. Вяземскій провелъ въ Остафьевѣ.

21. Былъ у меня Сибирскій-Волконскій, Павловъ, Шевыревъ.

22. Вечеръ у Сушковыхъ: Ростопчина, Левъ Толстой, Щебальскій, собиратель и литературный сыщикъ Бартеневъ, Павловъ, Шевыревъ.

23. Былъ въ Клиникѣ. Всѣ немощи ужасы человѣческаго рода. У вдовы Кирѣевской.

25 и 26. Князь Вяземскій провелъ опять въ Остафьевѣ.

27. Былъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Послѣ у Погодина.

28. Вечеръ съ плясками у Закревскаго.

29. Былъ у меня Константинъ Аксаковъ. Вечеръ у Кошелева *(вторникъ)*, не столь Славянскій, какъ я боялся. Свербѣева, Павловъ, Максимовичъ, Крузе etc.

30. Былъ у Лонгинова.

31. Въ Университетѣ, на Латинской лекціи Клейна. Всего слушателей три студента. Былъ у Оболенской-Мезенцовой, у Шевырева.

1 *ноября*. Былъ у меня Максимовичъ.

2. Ѣздилъ къ Филарету, но не видалъ его. Сказали нездоровъ. Вечеромъ былъ у меня Погодинъ" [203]).

Вотъ что объ этомъ посѣщеніи записалъ самъ Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ: „Вечеромъ къ князю Вяземскому. О Государѣ, о цензурѣ, о литературѣ, а мнѣнія моего не спросилъ объ Университетѣ и т. п." [204]).

Вернемся къ Записямъ князя Вяземскаго:

3 *ноября*: Были у меня Максимовичъ, Павловъ, Свербѣева, Четвертинская. Былъ у Аксаковыхъ.

4. Кошелевъ, Шевыревъ были у меня.

5. Съ Ковалевскимъ ѣздилъ въ Университетъ.

6. Выѣхалъ изъ Москвы, а 7-го благополучно пріѣхалъ въ Петербургъ съ слѣдующими дезидератами:

„Полезно было бы въ уѣздныхъ училищахъ предоставить священникамъ и преподаваніе Русскаго языка, вмѣстѣ съ Славянскимъ, какъ то дѣлается въ Бѣлевѣ, по распоряженію покойнаго Ивана Кирѣевскаго, который былъ почетнымъ смотрителемъ.

Нужно, по крайней мѣрѣ отчасти, предоставить цензуру нѣкоторымъ профессорамъ.

Ешевскій. Московскій Университетъ усердно желаетъ его имѣть въ числѣ своихъ профессоровъ.

Типографію на откупъ за пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ; желаютъ снять ее Рябинины.

Говорили о предположеніи перевести въ Москву Румянцевскій Музей.

Нужно, чтобы *Слѣдствіе* по окончаніи не миновало Ковалевскаго"[205]).

16-го декабря 1857 года, военный министръ Сухозанетъ сообщилъ министру Народнаго Просвѣщенія, нижеслѣдующую Высочайшую конфирмацію о лицахъ, прикосновенныхъ къ происшествію, бывшему 29-го сентября 1857 г., между студентами Московскаго Университета и чинами Полиціи: 1) Квартальнаго поручика Симонова, квартальнаго надзирателя Морозова, частнаго пристава Цвиленева и частнаго врача Лилѣева предать военному суду при Московскомъ Орданансъ-Гаузѣ.

2) Поступки субъ-инспектора Цызырева предоставить разсмотрѣнію университетскаго начальства.

3) Хотя студентъ Ганусевичъ, за поступки свои и подлежалъ бы строгому исправительному наказанію, но какъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія отъ нанесенныхъ ему Симоновымъ оскорбленій и при томъ претерпѣлъ жестокія истязанія свыше мѣры взысканія, которой онъ могъ бы подлежать по закону, то Ганусевича никакому наказанію не подвергать.

4) Остальныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу студентовъ отъ всякой отвѣтственности освободить.

5) Предоставить Московскому военному генералъ-губернатору, войдя въ подробное разсмотрѣніе поступковъ каждаго изъ нижнихъ чиновъ, рабочихъ и другихъ людей, прикосновенныхъ къ дѣлу, подвергнуть болѣе виновныхъ исправительнымъ наказаніямъ, или внушеніямъ, по своему назначенію.

LXII.

По свидѣтельству Ѳ. П. Еленева, Императоръ Александръ II, еще до вступленія своего на престолъ, былъ вполнѣ посвященъ въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ и не могъ не сознавать необходимости ихъ освобожденія.

„Это убѣжденіе разума отвѣчало и человѣколюбивому сердцу его, и наклонности его къ нововведеніямъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ, со вступленіемъ на престолъ, начинается для Императора Александра II-го рядъ колебаній и сомнѣній въ крестьянскомъ вопросѣ. Государя смущало распространенное тогда опасеніе, что объявленіе свободы и даже одни слухи о ней поднимутъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и произведутъ общій переполохъ въ государствѣ. Наконецъ, высказывалось и другое предположеніе, именно, что дворянство, когда отъ него будетъ отнято право владѣнія крѣпостными, потребуетъ себѣ, въ видѣ вознагражденія, политическихъ правъ.

Но, тѣмъ не менѣе, мысль объ освобожденіи не оставляла Государя.

Князь В. П. Мещерскій, въ своихъ *Воспоминаніяхъ* пишетъ, что „на одномъ изъ баловъ въ Москвѣ, во время коронаціи, Государь впервые заговорилъ о крестьянскомъ вопросѣ“.

3-го января 1857 года, былъ уже учрежденъ Секретный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Членами Комитета были назначены: предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь А. Ѳ. Орловъ, главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи графъ Д. Н. Блудовъ, министръ Двора графъ В. Ѳ. Адлербергъ, членъ Государственнаго Совѣта князь П. П. Гагаринъ, министръ Внутреннихъ Дѣлъ С. С. Ланской, шефъ жандармовъ князь Вас. А. Долгоруковъ, министръ Государственныхъ Имуществъ М. Н. Му-

равьевъ, министръ Финансовъ Брокъ, замѣненный впослѣдствіи А. М. Княжевичемъ, главноуправляющій Путями Сообщеній К. В. Чевкинъ, начальникъ Главнаго Штаба Его Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ І. И. Ростовцевъ и членъ Государственнаго Совѣта баронъ М. А. Корфъ. Дѣлопроизводство Комитета поручено государственному секретарю В. П. Буткову.

По замѣчанію Ѳ. П. Еленева, „изъ числа одиннадцати членовъ, пять самыхъ вліятельныхъ (князь Орловъ, графъ Адлербергъ, князь Гагаринъ, князь Долгоруковъ и Муравьевъ) были рѣшительными противниками освобожденія крестьянъ. Четыре члена добросовѣстно присоединились къ мысли Государя; но изъ нихъ графъ Блудовъ, по своимъ лѣтамъ, а быть можетъ и по своему характеру, не представлялъ значительной поддержки для дѣла; Ланской также далеко не былъ силою; Ростовцевъ и Чевкинъ были люди новые. Остальные два члена, Брокъ и баронъ Корфъ, относились къ крестьянскому вопросу совершенно безразлично. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, который былъ извѣстенъ за рѣшительнаго и горячаго сторонника освобожденія, назначенъ былъ членомъ Комитета спустя уже полгода послѣ его открытія. Завѣдывавшій дѣлами Комитета Бутковъ вполнѣ соотвѣтствовалъ видамъ своего начальника князя Орлова. Два члена, Ростовцевъ и баронъ Корфъ, просили даже Государя уволить ихъ отъ участія въ Комитетѣ, по незнакомству ихъ съ крестьянскимъ вопросомъ. Уступая желанію Государя, Ростовцевъ остался въ Комитетѣ; но баронъ Корфъ настоялъ на своемъ увольненіи и былъ замѣненъ министромъ Юстиціи графомъ В. Н. Панинымъ. Сей послѣдній не сочувствовалъ освобожденію и значительно усилилъ противную реформѣ сторону“.

Лѣтомъ того же 1857 года, Государь, какъ мы уже знаемъ, предпринялъ заграничное путешествіе, и въ Берлинѣ, какъ увѣряютъ, онъ бесѣдовалъ о крестьянскомъ вопросѣ съ Прусскимъ королемъ и съ барономъ Гакстгаузеномъ; но до-

стовѣрно знаемъ, что 15 августа 1857 года, въ Дармштадтѣ, императрица Марія Александровна, въ бесѣдѣ своей съ К. Д. Кавелинымъ, сказала ему: „что Государь давно думаетъ объ эмансипаціи крестьянъ; что это его постоянная и задушевная мысль. Мало того,—замѣчаетъ Кавелинъ,—что Государыня это сказала—въ одну изъ паузъ она, подумавъ, снова возвратилась къ этому, безъ особеннаго повода, и снова почти тѣми же словами повторила, что эмансипація—давнишняя задушевная мысль Государя“ [206]).

Между тѣмъ, съ первыхъ дней царствованія, смутные толки о желаніи Государя освободить крестьянъ стали распространяться и волновали помѣщиковъ и крестьянъ [207]).

Еще 24-го мая 1857 года, А. В. Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеръ провелъ у Кавелина, гдѣ былъ также Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, встрѣча съ которымъ, кстати сказать, всегда меня радуетъ, и два молодые профессора, одинъ изъ Казани,—Ешевскій, другой изъ Москвы,—Капустинъ. Читано было дополненіе Кавелина къ его весьма умной статьѣ объ освобожденіи крестьянъ. Главныхъ два положенія: 1) произвести освобожденіе посредствомъ выкупа и 2) выкупить крестьянъ не иначе, какъ съ землей“ [208]).

12-го февраля 1857 г., митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ Антонію: „Вы слышали, что по дѣлу объ освобожденіи помѣщиками добровольно крестьянъ, о какой-то приказной формальности, о которой довольно было бы предписанія министра исполнителямъ, публикованъ указъ, который въ Петербургѣ съ усиліемъ покупали въ Сенатской Типографіи, и отъ сего произошли толки и неустройства. Теперь думаютъ, что будетъ новый указъ, который поправитъ ошибочное впечатлѣніе. Но какъ не примѣтили сего ранѣе, послѣ бывшихъ уже опытовъ? Это не единственный примѣръ“.

Въ *Дневникѣ* графа П. Х. Граббе, подъ 17-мъ января 1857 года, читаемъ: „На дняхъ неловкость при объявленіи на Сенатской площади новыхъ правилъ при переходѣ помѣ-

щичьихъ крестьянъ въ государственные. Опять система безгласности о внутреннихъ происшествіяхъ. Старинный ладъ [209]).

Погодинъ, въ своемъ *Дневникѣ* 1857 года, подъ 1 — 2 марта, и 7 сентября, записалъ: „Прочелъ проектъ Самарина. Запоздало. Объ обязанныхъ крестьянахъ толковать уже нечего, а надо рѣшать дѣло наотрѣзъ. Написалъ о крестьянахъ. О крестьянахъ и ихъ освобожденіи".

11-го октябри 1857 года, о. Белюстинъ писалъ изъ Калязина къ Погодину: „Правда ли, что 30-го сентября подписана свобода крестьянъ? У насъ опять все заволновалось. Ужъ дѣлали бы что-нибудь рѣшительно; а то все волненія и смуты. Посмотрите, то тамъ, то здѣсь да и щелкнутъ помѣщика. А священники принимай въ чужомъ пиру похмѣлье; бейся, уговаривай волнующихся крестьянъ. Да и говорить-то еще не знаешь чтó. Скажешь все это вздоръ, ничего не будетъ; такъ вѣрить не хотятъ. „А! Ты за барина, что тебя слушать"?! Скажешь: ждите терпѣливо,—будетъ что Богу и Царю угодно. „Нѣтъ, ужъ мы натерпѣлись и не хотимъ терпѣть болѣе. Царю-то давно угодно, да баре мѣшаютъ; вотъ мы ихъ"! Ужъ хоть бы указъ какой прислали для прочтенія по церквамъ, чтобы объявить крестьянамъ волю Царя, а то просто бѣда. Легковѣренъ и глупъ нашъ православный. Стоитъ только пьяному подъячему крикнуть въ барской деревнѣ: Царь даетъ вамъ свободу; поднимется такая кутерьма, что Господи спаси. Поди же послѣ прибѣгай къ вооруженной силѣ! Не лучше ли бы такъ или иначе предупреждать смуты" [210])!

Между тѣмъ, Секретный Комитетъ, по замѣчанію Ѳ. П. Еленева „оказался совершенно безсильнымъ разрѣшить заданную ему задачу и даже не зналъ какъ взяться за нее". Касательно же личнаго состава Комитета, Д. А. Корсаковъ замѣчаетъ, что члены, „за весьма малыми исключеніями, не были расположены къ освобожденію крестьянъ. Повидимому, не случайно столь видный *эмансипаторъ*, какъ графъ П. Д. Киселевъ, именно въ это время, былъ назначенъ посломъ въ

Парижъ. Можно предполагать, что это назначеніе состоялось не безъ вліянія сильной придворной партіи изъ противниковъ освобожденія крестьянъ".

По свидѣтельству Д. А. Корсакова, „Императоръ Александръ II, крайне недовольный бездѣйствіемъ Секретнаго Комитета, и желавшій какъ можно скорѣе двинуть впередъ дѣло „улучшенія быта" крѣпостныхъ крестьянъ, въ концѣ іюля 1857 года, назначилъ членомъ Комитета Великаго Князя Константина Николаевича, который и принялся за дѣло весьма энергично. Въ засѣданіи 18-го августа 1857 года, Комитетъ постановилъ: улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ произвести съ должною осторожностью, въ три періода. Въ резолюціи на журналѣ Секретнаго Комитета, 18-го августа 1857 года, Государь, между прочимъ, написалъ: *Да поможетъ намъ Богъ повести это важное дѣло съ должною осторожностію къ желаемой цѣли.*

По вопросамъ о взаимныхъ соглашеніяхъ между помѣщиками и крестьянами и объ ограниченіи помѣщичьихъ правъ, были составлены четырнадцать вопросовъ. Укажемъ на слѣдующіе: 3) Можно ли ограничить права помѣщиковъ относительно разбора споровъ и жалобъ между ихъ крестьянами? 4) Въ какой мѣрѣ можно ограничить права помѣщиковъ относительно наказанія крестьянъ? 5) Должно ли лишить помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь?

Вопросы эти были разосланы, какъ къ членамъ Комитета, такъ и къ нѣкоторымъ лицамъ, извѣстнымъ своимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Въ числѣ весьма немногихъ лицъ изъ этой послѣдней категоріи получилъ и К. Д. Кавелинъ, только что возвратившійся въ то время изъ-за границы и собиравшійся начать преподаваніе покойному Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, и чтеніе лекцій въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Въ концѣ августа 1857 года, Кавелинъ прибылъ въ Петербургъ, и 5-го сентября получилъ слѣдующее письмо отъ А. В. Головнина: „По приказанію Великаго Князя, посылаю вамъ, почтеннѣй-

шій Константинъ Дмитріевичъ, вопросы, предложенные Комитетомъ о крестьянахъ своимъ членамъ съ тѣмъ, чтобы они доставили свои мнѣнія къ 1-му октября. Великій Князь проситъ васъ потрудиться сообщить Его Высочеству ваши по нимъ соображенія, за что будетъ особенно вамъ признателенъ".

Соображенія свои Кавелинъ изложилъ въ особой Запискѣ. Къ назначенному Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ сроку Кавелинъ не успѣлъ отвѣтить. Отправляя къ А. В. Головнину, 5-го октября 1857 года, Кавелинъ написалъ ему слѣдующее письмо: „Посылая вамъ Записку, составленную вслѣдствіе лестнаго порученія Великаго Князя Константина Николаевича, покорнѣйше прошу васъ повергнуть предъ Его Высочествомъ изъявленіе глубочайшей благодарности за довѣріе и честь, которыхъ я удостоился, и вмѣстѣ испросить мнѣ милостивое извиненіе Великаго Князя за представленіе этой работы пятью днями позже назначеннаго срока".

9-го января 1858 года, А. В. Головнинъ писалъ Кавелину: „Почтеннѣйшій Константинъ Дмитріевичъ! Великій Князь обратилъ особенное вниманіе на вашу Записку, которая совершенно согласна съ его взглядомъ, и вручилъ экземпляръ Императрицѣ для передачи потомъ Государю, а затѣмъ, не называя васъ, послалъ копіи князю Орлову, Чевкину, Норову и Тимашеву".

LXIII.

Между тѣмъ, въ октябрѣ 1857 года, получено въ Петербургѣ донесеніе Виленскаго генералъ-губернатора В. И. Назимова о томъ, что инвентарные Комитеты трехъ сѣверо-западныхъ губерній, хотя дали неопредѣленные и уклончивые отзывы о свойствѣ желаемыхъ ими поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, тѣмъ не менѣе высказали мысль, что пришло время замѣнить крѣпостныя

отношенія добровольными соглашеніями помѣщиковъ съ крестьянами, по образцу прибалтійскихъ губерній. Вслѣдъ за симъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и самъ Назимовъ и настоятельно требовалъ опредѣлительныхъ указаній, безъ которыхъ считалъ неприличнымъ возвратиться въ свои губерніи. Государь, почти каждый день видаясь съ Назимовымъ и слыша повтореніе, что ему не дано еще никакого отвѣта, пришелъ въ нетерпѣніе и приказалъ, чтобъ черезъ восемь дней отвѣтъ былъ готовъ. „Комитетъ—свидѣтельствуетъ Левшинъ—встрепенулся и въ просонкахъ поручилъ министру Внутреннихъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ министромъ Государственныхъ Имуществъ, составить, въ теченіе *трехъ дней*, проектъ рескрипта, въ которомъ указать Назимову, на какихъ именно основаніяхъ онъ долженъ приступить къ дѣлу".

„Этотъ восьмидневный срокъ", — замѣчаетъ Ѳ. П. Еленевъ,— „данный Государемъ Комитету, былъ однимъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ моментовъ, когда невидимая рука толкала крестьянское дѣло впередъ, наперекоръ всѣмъ стараніямъ затормозить его на долгіе годы".

Но, по свидѣтельству А. Е. Тимашева, нижеслѣдующій „рескриптъ, 20 ноября 1857 года, былъ составленъ безъ вѣдома Секретнаго Комитета, въ Мраморномъ Дворцѣ. Члены Секретнаго Комитета не менѣе другихъ были удивлены появленіемъ этого рескрипта".

20-го ноября 1857 года, въ Царскомъ Селѣ, Императоръ Александръ II-й подписалъ слѣдующій рескриптъ на имя Виленскаго генералъ-губернатора В. И. Назимова:

„Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ. Нынѣ министръ Внутреннихъ Дѣлъ довелъ до моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ сими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній. Одобряя вполнѣ намѣренія сихъ представителей Ковенской, Виленской и Гродненской губерній,

какъ соотвѣтствующія моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній. Для сего повелѣваю:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ въ теченіе опредѣленнаго времени въ свою собственность, посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ означенныхъ губерній, предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ. Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую Коммиссію. Коммиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія, съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ Кіевской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я предоставляю вамъ дать, какъ губернскимъ комитетамъ сихъ трехъ губерній, такъ и общей Коммиссіи, нужныя наставленія для успѣшнѣйшаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею Коммиссіею проектъ вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, для представленія на мое усмотрѣніе. Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе, на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію, призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей, и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ. Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне оставались въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ“.

Высочайшій рескриптъ сопровождался пояснительнымъ отношеніемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Виленскому генералъ-губернатору. Въ немъ, между прочимъ, выражалось, что предположенное въ рескриптѣ улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ означаетъ освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости послѣ переходнаго срока, высшій предѣлъ котораго опредѣленъ въ двѣнадцать лѣтъ.

Какъ рескриптъ, такъ и отношеніе министра Внутреннихъ Дѣлъ, не предназначались къ обнародованію. Но Государь самъ возвѣстилъ о принятой мѣрѣ, представлявшемуся ему Воронежскому губернатору, вслѣдствіе чего было рѣшено оба эти акта препроводить при циркулярѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ и губернскимъ предводи-

телямъ дворянства, „для свѣдѣнія и соображенія“, на случай, если бы дворяне прочихъ губерній пожелали послѣдовать примѣру, поданному дворянствомъ Сѣверозападнаго края.

Первымъ откликнулось на царскій призывъ Нижегородское Дворянство. 17 декабря 1857 года, оно подписало всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ выразило единодушное желаніе „принесть Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить его священную волю на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать“.

Въ отвѣтъ на этотъ адресъ, послѣдовалъ на имя Нижегородскаго губернатора Александра Николаевича Муравьева высочайшій рескриптъ одинаковаго содержанія съ рескриптомъ, даннымъ Виленскому генералъ-губернатору, но въ которомъ Государь, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, благодарилъ Нижегородскихъ дворянъ за благой ихъ починъ.

Вслѣдъ за Нижнимъ Новгородомъ, высказалась и Москва. „Московское Дворянство“, — гласилъ адресъ 7 января 1858 г., — „постоянно движимое чувствами безпредѣльной любви и преданности къ Престолу и Отечеству, во всѣ времена принимало живѣйшее участіе въ достопамятныхъ событіяхъ Россіи, утверждавшихъ въ Имперіи славу и величіе Русскаго народа, и нынѣ, исполненная глубочайшей признательности къ Государю Императору за всемилостивѣйшее Его Величества довѣріе, оказанное дворянскому сословію всей Имперіи, по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, изъявляетъ и съ своей стороны полную готовность содѣйствовать благимъ намѣреніямъ Августѣйшаго Монарха и проситъ всемилостивѣйшаго соизволенія на открытіе комитета для составленія проекта правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстностей Московской губерніи“.

Послѣдняя оговорка усугубила неудовольствіе Государя за проявленную Московскимъ дворянствомъ медленность, и въ отвѣтномъ рескриптѣ Московскому генералъ-губернатору, составленномъ въ выраженіяхъ холодныхъ, отклонено притя-

заніе Московскихъ дворянъ о предоставленіи ихъ губернскому комитету права составить проектъ положенія на основаніяхъ, какія самъ онъ признаетъ общеполезными и удобными.

Съ первыхъ чиселъ марта и до октября 1858 года, стали поступать адресы отъ дворянствъ прочихъ губерній, въ отвѣтъ на которые слѣдовали высочайшіе рескрипты. Всюду открытіе комитетовъ обставлено было торжественностью, согласною важности дѣла" [211]).

Рескриптъ 20 ноября 1857 года произвелъ сильное впечатлѣніе. „Ты побѣдилъ Галилеянинъ"! восклицалъ Герценъ въ своемъ *Колоколѣ*.

26 ноября 1857 года, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ къ Антонію: „Пріѣзжающіе изъ Петербурга сказываютъ, что тамъ сильный говоръ объ измѣненіи положенія крестьянъ. И дважды мнѣ сказывали, но не знаю, изъ какого источника почерпнули свѣдѣніе, что преподобный Сергій явился Государю Императору, и далъ наставленіе не дѣлать сего. Господь да сохранитъ сердце Царево въ руцѣ Своей и да устроитъ благое и полезное" [212]).

Профессоръ А. В. Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 19—22 декабря 1857 года, записалъ: „Всеобщіе толки о такъ называемой эмансипаціи, приступъ къ которой всѣ прочли въ рескриптѣ Назимову и въ отношеніи министра Внутреннихъ Дѣлъ. Главное—приступъ сдѣланъ и назадъ идти нельзя.

Въ публикѣ боятся послѣдствій рескрипта объ эмансипаціи—волненій между крестьянами. Многіе не рѣшаются лѣтомъ ѣхать къ себѣ въ деревню. Никто не думаетъ, что освобожденіе крестьянъ будетъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія для самого дворянства. Оно должно дать ему болѣе политическаго значенія" [213])...

Въ то же время профессоръ Н. И. Крыловъ писалъ Погодину: „Въ Ярославлѣ, Гладковъ сказывалъ, произошла преглупѣйшая выходка предводителей по извѣстному вопросу. Какъ снѣгъ на голову, выпалъ этотъ роковой циркуляръ. А

каковъ Назимовъ? Онъ стоитъ во главѣ высочайшаго переворота. Молодецъ“ [214])!

Б. Н. Чичеринъ, успокоивая пылкаго и нетерпѣливаго Герцена, писалъ ему: „Дѣло пошло въ ходъ, собрались созванныя Правительствомъ комитеты. Обсуждаются новыя мѣры. Вѣдь вы, надѣюсь, не воображаете, что освобожденіе крестьянъ дѣло также легкое, какъ написать статейку въ *Колоколъ*. Вѣковыя запутанныя учрежденія, обхватывающія жизнь до самой ея глубины, нельзя переворотить въ два, три мѣсяца. Тутъ замѣшаны люди, тутъ дѣйствуютъ страсти, тутъ заживо задѣты самые противоположные, и при томъ животрепещущіе интересы. Нужно время, чтобы все изслѣдовать, обдумать, согласить и устроить; нужно терпѣніе, чтобы дать преобразованію мирный и законный исходъ. Но терпѣніе, умѣніе выжидать, эта первая политическая добродѣтель зрѣлыхъ народовъ, не въ правахъ людей, которые привыкли истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Прежде, нежели что-либо успѣло совершиться, вы уже забили тревогу, вы отъ восторга перескочили къ отчаянію: все пропало,— Правительство пошло назадъ, Александръ II не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, крестьяне, точите топоръ“!

„Крестьянскій вопросъ“, — повѣствуетъ современникъ,— „поднялъ все на ноги, все заглушилъ, затмилъ и поглотилъ собою. Многіе съ ума сошли, многіе умерли. Нѣтъ ни палатъ, ни дома, ни хижины, гдѣ бы днемъ и ночью не думалъ, не безпокоился, не робѣлъ большой и малый владѣлецъ. Никто не знаетъ, чѣмъ это разыграется; всякій готовъ, какъ при наводненіи и пожарѣ, понести убытки“ [215]).

LXIV.

На закатѣ дней, удручаемый предсмертнымъ недугомъ, С. Т. Аксаковъ привѣтствовалъ Высочайшій рескриптъ (1857) Дворянству Западныхъ губерній стихотвореніемъ, которое было для него лебединою пѣснью:

Жребій брошенъ... Роковое
Слово выслушалъ народъ...
Слово страшное, святое
Произнесъ минувшій годъ.

И смутилась Русь святая,
И задумалась она...
Чѣмъ же ты страна родная
Глубоко потрясена?

Иль, не вѣруя въ свободу,
Ты не смѣешь говорить?
Иль боишься, что народу
Тяжелѣе будетъ жить?

Съ плечъ твоихъ спадаетъ бремя,
Докажи, что не рабой
Прожила ты рабства время,
А смирялась предъ судьбой,

Передъ Божіимъ посланьемъ,
Въ духѣ кротости, любви,
Жизнь считая испытаньемъ:
Бунта нѣтъ въ твоей крови.

Покажи намъ, какъ оковы
Скинешь ты съ могучихъ ногъ,
Какъ пойдешь ты въ путь свой новый,
Какъ шагнешь черезъ порогъ,

О который спотыкались
Люди тысячу вѣковъ,
Гдѣ мечты изобличались
Человѣческихъ умовъ.

Какъ проснется жизнь народа,
Какъ прервется тяжкій сонъ?
Тихая-ль взойдетъ свобода
И незыблемый законъ?

Въ церковь ли пойдешь съ смиреньемъ,
Иль, начавши кабакомъ,
Всѣ свои недоумѣнья
Порѣшишь ты топоромъ?

Какъ узнать? Судебъ народныхъ
Не проникнуть въ мракъ и даль,
Не постичь путей исходныхъ,
Богомъ вписанныхъ въ скрижаль.

А. С. Хомяковъ сказалъ, по прочтеніи рескрипта, „изъ цвѣтнаго гноища Петербургской ямы вышло слово, вызывающее милліоны на свободу и на жизнь умственную. Это чудо“!

Въ Москвѣ обнародованіе Высочайшаго рескрипта 20 ноября 1857 года, задумали отпраздновать торжественнымъ обѣдомъ. Съ этою цѣлью пріѣхалъ въ Москву К. Д. Кавелинъ, и онъ, какъ свидѣтельствуетъ М. Н. Катковъ, „съ благороднымъ жаромъ предался всею душою мысли устроить пиръ въ духѣ примиренія и соединенія всѣхъ литературныхъ партій“. Въ устроеніи праздника принималъ также горячее участіе и самъ М. Н. Катковъ.

Къ участію въ устроеніи праздника привлеченъ былъ и Погодинъ, коего участіе, свидѣтельствуетъ М. Н. Катковъ, „много содѣйствовало къ устроенію его въ томъ составѣ, въ какомъ онъ происходилъ. Мы не забудемъ“, — продолжалъ Катковъ,—„той живой заботливости, съ какою почтенный ветеранъ нашей Науки старался помочь осуществленію этого общаго дѣла“ [216]).

По пріѣздѣ въ Москву, К. Д. Кавелинъ посѣтилъ Погодина, но не заставъ его дома, написалъ ему слѣдующую записку карандашемъ: „Милостивый Государь, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, пріѣзжалъ къ вамъ и къ горести не засталъ дома. Всего здѣсь на нѣсколько дней и не знаю, удастся ли видѣться, а очень бы хотѣлось. Между прочимъ, вотъ что имѣю вамъ сообщить по поводу рескриптовъ. *20 ноября* сочиняется обѣдъ, на который желательно чтобъ явились всѣ цвѣта, колера и мнѣнія безъ различій (исключая говоруновъ, импровизирующихъ рѣчи). Безъ васъ обѣдъ не въ обѣдъ. Не украсите ли вы его вашимъ присутствіемъ? Такъ какъ никто не исключается, то можетъ быть захочетъ участвовать кто нибудь и изъ вашихъ добрыхъ друзей, сочувствующихъ дѣлу. Назначено собираться въ Купеческомъ Собраніи, въ Субботу, въ 3 часа. Цѣна 10 руб. съ лица. Такъ какъ я живу у Кетчера, далеко отъ васъ, то не со-

общите ли вы о вашемъ согласіи (на которое крѣпко надѣюсь) и списокъ желающихъ, къ Евгенію Коршу, живущему подлѣ Университетской церкви, на Никитской, въ домѣ Рихтера. Много обяжете. Условлено, не приглашать одного только Константина Аксакова, не изъ духа партій, *а единственно* изъ опасенія, что онъ произнесетъ спичъ, который испортитъ дѣло. Дѣло должно быть разумное. Будетъ читать Н. Ф. Павловъ“.

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 26—28 декабря 1857 года, записано: „Кавелинъ и Кетчеръ ввечеру съ благодарностію за мои хлопоты, и извѣстія объ ихъ затрудненіяхъ. Отказъ Самарина. Къ Каткову. Къ Кошелеву. Извѣстіе изъ Петербурга. Къ Перфильеву. Отсовѣтовалъ. Обѣдъ у Каткова. Рѣшилъ къ Закревскому. Уклоненія. Къ Кокореву. Игралъ. Отъ него во 2-мъ часу къ Кетчеру. Написалъ нѣсколько писемъ пригласительныхъ. Опять къ Каткову, который убѣдился моимъ примѣромъ. Усталъ. Переписалъ рѣчь со слезами. Къ Аксакову и прочелъ. Къ Пикулину, гдѣ разсматривались рѣчи“.

Въ то же время Катковъ писалъ Кавелину: „Я совершенно измучился, любезный Константинъ Димитріевичъ, всѣми этими разъѣздами, толками, объясненіями, неудачами. Лонгиновъ не могъ улучить минуту переговорить съ самимъ графомъ Закревскимъ, и узналъ только то, что ему извѣстили о предполагаемомъ обѣдѣ. Былъ у Кошелева и не засталъ его дома, оставилъ ему записку, въ которой разсказалъ все и просилъ его, тотчасъ по возвращеніи, дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ, будетъ ли онъ съ своими друзьями участвовать въ обѣдѣ. Дѣло это свертѣлось съ такою быстротою, что почти не было времени сообразить всѣ обстоятельства. Я того мнѣнія, что эта манифестація получитъ истинный смыслъ и произведетъ хорошее дѣйствіе, когда будетъ выраженіемъ чего-нибудь цѣлаго и опредѣленнаго въ обществѣ. Словомъ, манифестація эта должна быть дѣломъ *всей* Литературы, *всѣхъ* ея партій, которыя отложивъ въ сторону всѣ свои разногла-

сія, сходятся въ одномъ чувствѣ. Погодинъ долженъ быть у меня черезъ часъ". Кавелинъ же, препровождая это письмо къ Погодину, писалъ ему: „Вотъ что пишетъ Катковъ! Я отвѣтилъ такъ: „Отложить обѣда нѣтъ никакой возможности. Если Закревскій знаетъ объ обѣдѣ, то счастіе что у него не спрашивали объ этомъ. Я совершенно съ вами согласенъ на счетъ общаго согласія всѣхъ партій, но что же прикажете дѣлать? Я буду счастливъ, если пріѣдутъ всѣ, но во всякомъ случаѣ мы будемъ и всѣ приглашены".—Если вы не будете—это очень печальное событіе. Подумайте, что будетъ значить обѣдъ съ двумя мостами (?) моимъ и Бабста.

Михайло Петровичъ! Неужели вы измѣните въ такую минуту? Послѣ этого я не вѣрю ничему на свѣтѣ"!..

Но тѣмъ не менѣе Славянофилы въ полномъ своемъ составѣ отказались участвовать въ обѣдѣ. „Славяне говорятъ",—писалъ Кавелинъ къ Погодину,—„отъ обѣда рѣшительно отказались. Вотъ и спойте что-нибудь общее на Руси! Столько огорченій и досадъ съ этимъ дѣломъ, что хоть бросить. Должно быть поэтому удастся хорошо. Будутъ говорить, какъ условлено: Вы, Павловъ, я и Катковъ".

Причину, по которой Славянофилы отказались участвовать въ обѣдѣ, Ю. Ѳ. Самаринъ изложилъ въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ Погодину: „Сейчасъ былъ у меня Кавелинъ. Отъ него я узналъ, что обѣдъ дается безъ вѣдома мѣстнаго начальства; слѣдовательно, оно не связано изъявленіемъ согласія и можетъ представить дѣло какъ ему вздумается. Въ добромъ его расположеніи, кажется, нельзя сомнѣваться. Обѣдъ дается профессорами, учеными, журналистами, т.-е. людьми болѣе или менѣе, въ качествѣ пишущихъ, состоящими въ подозрѣніи. Что вы дѣлаете! Завтра, Закревскій, вся Москва первыхъ четырехъ классовъ, весь Петербургъ прокричатъ: „Вотъ какихъ союзниковъ пріобрѣлъ Государь. Красные всѣ за него"!.. Это все какъ разъ въ руку противникамъ эмансипаціи. Лучшаго *для нихъ* нельзя было ничего придумать. Вы имъ подвертываете полный, неисчер-

паемый доводъ въ то самое время какъ у нихъ выбито изъ рукъ оружіе, такой доводъ, котораго нельзя опровергнуть потому что онъ основанъ на понятіи о личной благодарности того и другого лица. Какъ вы думаете: сочувствіе Павлова, Кетчера, ваше, заявленное во всеуслышаніе, подкрѣпитъ Государя въ его убѣжденіяхъ или заставитъ его призадуматься? И это все въ то время, когда вышло по Ценсурѣ предписаніе не пропускать никакихъ толковъ о циркулярѣ ни *pro*, ни *contra*. Я понимаю ихъ, но васъ рѣшительно не понимаю. Я отказался рѣшительно отъ всякаго участія въ манифестаціи, которую считаю вредною, несвоевременною, отъ которой не можетъ быть никакой пользы, а можетъ произойти большой вредъ для дѣла. Я знаю, какъ это будетъ перетолковано и иду на все. Пусть думаютъ, что хотятъ. Недалеко то время, когда каждому дастся возможность заявить свое убѣжденіе не количествомъ налитыхъ и разбитыхъ рюмокъ, не звонкими фразами а дѣломъ".

Въ другомъ письмѣ Ю. Ѳ. Самарина къ Погодину по тому же предмету читаемъ: „Надобно-жъ наконецъ на чемъ-нибудь остановиться. Первая представившаяся мнѣ мысль о послѣдствіяхъ манифестаціи для *самого дѣла* подтверждена совершенно согласнымъ убѣжденіемъ Кошелева и Аксакова, потомъ совѣтомъ Перфильева, и наконецъ отказомъ Строганова. Теперь отступаться отъ вчерашняго, соборнаго постановленія нѣтъ никакихъ причинъ, по крайней мѣрѣ, лично для меня. *Лично* никто ничѣмъ не рискуетъ; въ этомъ убѣждены Кавелинъ, Катковъ и мы всѣ; слѣдовательно, отказываясь отъ участія, мы никого не выдаемъ. Если могутъ быть непріятныя, личныя послѣдствія для кого-нибудь, такъ именно только для насъ *помѣщиковъ*; а именно, вотъ какія: можетъ быть въ Комитетѣ *) согласились бы выслушать мнѣніе Кошелева или мое; еслижъ мы явимся на обѣдѣ, то наши бритые заткнутъ намъ глотку. Всѣ въ одинъ голосъ закри-

---

*) Т.-е., Секретномъ. *Н. Б.*

чатъ: „Что васъ слушать, вы не наши, вы такіе и сякіе“ и т. д. Все, что можно было сказать противъ манифестаціи, мы высказали вчера. Доводы *pro* также исчерпаны и меня нисколько не убѣдили. Кошелевъ также прислалъ мнѣ сегодня, вмѣстѣ съ запискою Каткова, свой отзывъ, который рѣшительно отказывается отъ обѣда. Впрочемъ, исполняя ваше требованіе, я ему перешлю вашу записку, хотя и предупреждаю васъ напередъ, что онъ, Аксаковъ и я остаемся при своемъ мнѣніи. Вчера пріѣхалъ изъ Нижняго Александръ Карамзинъ. Вы его увидите нынѣ вечеромъ у Кошелева. Тамъ дѣло пошло отлично и живо. Примѣръ Нижняго, какъ во времена Минина и Пожарскаго, увлечетъ всѣ губерніи, и въ такую минуту вы рѣшаетесь рисковать... Богъ вамъ судья“.

Съ своей стороны, Кошелевъ писалъ Погодину: „Мы рѣшительно не ѣдемъ. Самаринъ это уже вамъ написалъ съ общаго нашего рѣшенія. Вечеромъ у меня будетъ нижегородецъ Карамзинъ, который очень желаетъ васъ видѣть“ [217]).

А. Н. Попову Кошелевъ писалъ: „Вѣроятно вы уже знаете, что въ Москвѣ вздумали давать обѣдъ въ честь рескриптовъ. Сперва мы было согласились въ немъ участвовать, потому что намъ говорили, что дворянство и оффиціальныя лица принимаютъ въ немъ участіе; но, узнавши, что *никого* изъ оффиціальныхъ лицъ и изъ дворянства Московскаго не будетъ, мы, разумѣется, отказались. Въ такую важную минуту должно не раздражать и безъ того взволнованныя страсти; не съ кулебякою во рту и не съ бокаломъ шампанскаго должно начинать дѣло, а съ молитвою, съ полнымъ чувствомъ великаго дѣла, намъ предлежащаго, съ любовью и миромъ должно приступать къ дѣлу. Вотъ почему мы отказались отъ обѣда. Господамъ учредителямъ хотѣлось *поговорить*, а намъ предстоитъ *дѣйствовать*. Съ болтовнею дѣла не сдѣлаешь“ [218]).

Вмѣстѣ съ Славянофилами не принялъ участія въ обѣдѣ и графъ А. С. Уваровъ. Онъ откровенно писалъ Погодину: „Я не ѣду на обѣдъ потому, что этотъ обѣдъ долженъ былъ бы

быть праздникомъ помѣщиковъ, а именно-то помѣщиковъ вы не приглашаете. Освобожденіе крестьянъ, радостно принятое поземельными владѣльцами, имѣло бы большое, благородное и достойное Россіи значеніе, но принимаемое радостно одними литераторами — это значеніе дѣлается микроскопическимъ. Вотъ мое откровенное мнѣніе, любезный Михаилъ Петровичъ" [219]).

LXV.

Наконецъ, 28 декабря 1857 года, въ залахъ Купеческаго Собранія, послѣ стольких переговоровъ, обѣдъ состоялся.

Первый тостъ провозгласилъ М. Н. Катковъ за здравіе Государя, и при этомъ произнесъ: „Бываютъ эпохи, когда всякому ясно чувствуется присутствіе Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго слышатся явственно отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, отвѣты, вносящіе миръ и благоволеніе въ сердца людей, возстановляющіе смыслъ, правду и равновѣсіе жизни;—эпохи, когда силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда люди, съ усиленнымъ біеніемъ собственнаго сердца, сливаются въ общемъ дѣлѣ и въ общемъ чувствѣ: благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи! Благодареніе Богу: намъ суждено жить въ такую эпоху!

Кто мы, и зачѣмъ мы здѣсь?

Люди разныхъ мнѣній, разныхъ убѣжденій, люди, которые быть можетъ во всемъ чувствовали между собою бездну раздѣленія, мы собрались теперь, повинуясь одному, всѣмъ намъ общему чувству. Каждый изъ насъ пришелъ сюда не по внѣшнему побужденію, а по внутреннему влеченію: никто не былъ обязанъ, и всѣ мы явились, и всѣ мы явились для выраженія этого общаго чувства, для запечатлѣнія глубокой, чистой, искренней преданности Тому, въ комъ наша родина обрѣла свое чаяніе. Слишкомъ годъ тому назадъ, многіе изъ насъ собирались, движимые тѣмъ же чувствомъ, при первомъ разсвѣтѣ новой эпохи,

которая такъ торжественно заявляла себя въ дѣлахъ и словѣ Монарха, возлагавшаго на себя корону предковъ. Многое совершилось въ это краткое время, и еще такъ недавно получили мы великій и могущественный залогъ той взаимной, незыблемой вѣры, которая соединяетъ у насъ царя и народъ. Не подводить итогъ событій собрались мы сюда: пусть это будетъ дѣломъ Исторіи. Нѣтъ! мы собрались лишь для того, чтобы выразить переполняющее насъ всѣхъ чувство, чтобы заявить, въ чемъ всѣ мы, люди разномыслящіе и разнохарактерные, сходимся какъ одинъ человѣкъ. Есть стало-быть для насъ нѣчто сильнѣе всѣхъ разногласій, есть стало-быть чувство, въ которомъ единодушна вся мыслящая Русь: это чувство слѣдовало изъявить, это единодушіе слѣдовало запечатлѣть. Было бы непростительнымъ опущеніемъ, было бы грѣхомъ не запечатлѣть торжественно этого чувства. Не изъ этихъ ли выраженій общественнаго единодушія образуется характеръ общества, не изъ нихъ ли слагается его внутренняя Исторія, не ими ли опредѣляется физіономія будущаго? Пусть же знаютъ, что въ Русской Литературѣ есть нѣчто, примиряющее всѣ разногласія, и это нѣчто есть исполняющійся нынѣ завѣтъ и смыслъ нашей Исторіи: это духъ нашего народа, это взаимность живой вѣры, соединяющей народъ и царя, мысль о которомъ неразрывна и едина съ мыслію о благѣ народномъ. Какъ бы ни мало значенія и силы имѣли повидимому лица, собравшіяся здѣсь для запечатлѣнія такого торжественнаго сознанія, вѣрьте, эта минута не пропадетъ даромъ и сохранится въ Исторіи, и сохранится тѣмъ вѣрнѣе, и будетъ тѣмъ знаменательнѣе, чѣмъ свободнѣе и искреннѣе наше соединеніе.

Да почіетъ благословеніе Божіе на Царѣ нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины!

Единодушно и единогласно, отъ полноты сердца всѣхъ и каждаго, провозглашается тостъ за здравіе Государя Императора“.

Восторженное *ура* сопровождало все заключеніе рѣчи; „но нужно",—замѣчаетъ Катковъ,—„все напряженіе голоса, чтобы провозглашеніе этого перваго тоста раздавалось явственно среди оглушительнаго грома, который и послѣ долго еще стоялъ въ стѣнахъ залы. Одна мысль господствовала въ этомъ собраніи, мысль о Царѣ, который такъ же полно, такъ же глубоко и такъ же искренно довѣрился своему народу, какъ народъ, во все продолженіе своей тысячелѣтней Исторіи, незыблемо былъ преданъ власти, управлявшей его судьбами. А потому возглашеніе тоста за здравіе Государя не было только оффиціальнымъ началомъ пира".

Послѣ Каткова говорилъ А. В. Станкевичъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ третій тостъ, произнесенный Н. Ф. Павловымъ, тостъ за здравіе того, *кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра*, какъ выразился ораторъ въ заключеніи своей рѣчи.

За троекратнымъ тостомъ за здравіе Государя, послѣдовалъ тостъ произнесенный М. П. Погодинымъ за Русское Дворянство. „Послѣ многихъ заздравныхъ бокаловъ",—сказалъ ораторъ,—„поднятыхъ нами такъ высоко, отъ всей души, во славу благодушнаго нашего Государя, выразивъ настоящія наши чувствованія неограниченнаго довѣрія къ его любви исполненному сердцу, неограниченной преданности къ нему, къ его любимой супругѣ, раздѣляющей съ нимъ царственныя заботы, и ко всему Августѣйшему Дому, чувствованія, смѣемъ думать, всего Русскаго народа, сердце наше рвется поздравить скорѣе дорогого нашего кормильца, дорогого нашего поильца, православнаго мужичка, съ наступающимъ для него, слѣдовательно и для всѣхъ насъ, новымъ годомъ, съ восходящею, на дальнемъ востокѣ, для него, слѣдовательно и для всѣхъ насъ, свѣтлою Рождественскою звѣздою,—но прежде, по порядку, мы должны принести искреннюю дань хвалы и благодарности достойному Русскому Дворянству, которое вездѣ, какъ слышно, изъявляетъ чрезъ своихъ достойныхъ представителей, совершенную готовность исполнить царское желаніе.

Въ его доброй волѣ никогда нельзя было сомнѣваться: всегда, въ великія, рѣшительныя минуты Отечественной Исторіи, являлось оно впереди, жертвуя всѣми своими силами, трудами, кровію, жизнію. Не говоря о прежнихъ временахъ, въ наше время, подъ стѣнами священнаго Севастополя, Корниловъ, Нахимовъ, Васильчиковъ, Меншиковъ, Горчаковъ, развѣ думали о себѣ, развѣ не являлись вездѣ, на мѣстахъ самыхъ страшныхъ опасностью, развѣ уступали, даже въ храбрости, самому пылкому молодому прапорщику? Останется ли это Дворянство равнодушнымъ къ тому великому, гражданскому и человѣческому подвигу, который теперь ему предоставляется? Нѣтъ, этого не будетъ, и этого не можетъ быть! Ему нужно только съ свойственнымъ этому сословію вообще въ Европѣ благоразуміемъ и осторожностію вникнуть въ великое и вмѣстѣ мудреное дѣло; ему нужно ознакомиться ближе со всѣми возникающими явленіями, удостовѣриться въ твердости и благонадежности новыхъ отношеній, уравновѣсить всѣ частныя выгоды, къ общей всего народа пользѣ. Задача мудреная, которую вдругъ рѣшить невозможно. Всякое право священно. Оборони Богъ отъ какого бы ни было нарушенія чьего-либо права. Толковитость Русскаго народа, которой открывается теперь полная свобода разсужденія, — доброе, легкое сердце, которое Богъ вложилъ въ нашу грудь, вѣрно найдутъ средства устроить дѣло къ общему удовольствію, даже безъ ущерба вѣковому хозяйству, спокойно, мирно, согласно, благополучно. Долгъ Русской Литературы—содѣйствовать этому великому преобразованію, преобразованію любви и добра, соотвѣтственнаго великодушнымъ намѣреніямъ Государя, за одно съ Правительствомъ, по примѣру нашихъ достойныхъ предшественниковъ и учителей, которые, начиная съ фонъ-Визина, за 80 лѣтъ еще чаяли и призывали настоящую великую минуту. Многіе изъ нихъ *) принадлежали также къ Дворянскому сословію, и служили съ честію Оте-

*) Не только многіе, но большинство. *Н. Б.*

честву своими талантами. М.м. Г.г. Предлагаю вамъ поднять бокалы въ честь и благодарность достойнаго историческаго Русскаго Дворянства"!

Профессоръ Политической Экономіи въ Московскомъ Университетѣ И. К. Бабстъ высказалъ значеніе свободнаго труда, который открывается въ будущемъ для всего народонаселенія нашего Отечества. Рѣчь эта была встрѣчена громогласными выраженіями одобренія и сочувствія всего собранія, безпрерывно заглушавшими голосъ оратора. Вскорѣ затѣмъ всталъ К. Д. Кавелинъ, и произнесъ заключительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Этого 20 ноября чаяли уже многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его, истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ... Начало предстоящаго святаго дѣла счастливо предзнаменуетъ первый путь... Просвѣщеннѣйшему сословію предоставлено въ немъ самая дѣятельная роль. Въ этомъ скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха...

Поднимите же, господа, бокалы за здравіе державнаго Миротворителя, который и въ дѣлахъ внѣшнихъ и въ устроеніи внутреннемъ приноситъ дары и благословеніе мира на Русскую Землю... Да смягчатся сердца! Да водворится въ нихъ миръ, любовь, упованіе, и на этой несокрушимой твердынѣ да устроится жизнь наша на вѣчныя времена! Да будетъ все во едино, исполняясь благоговѣніемъ передъ неисповѣдимыми судьбами, ведущими земныя племена къ высокой, таинственной цѣли".

Рѣчь свою Кавелинъ произнесъ при непрерывномъ громѣ рукоплесканій и крикахъ *браво!* [220]).

Въ день обѣда, Погодинъ получилъ слѣдующую записку отъ Кокорева: „Въ то время, когда будутъ разносить за обѣдомъ трясущее и растаявшее желе, которое всѣ отталки-

ваютъ, я хочу сказать прилагаемыя строки. Обѣдъ въ Купеческомъ Клубѣ, слѣдовательно, слово купца нужно... Уваровъ, Щербатовъ тутъ же"... [221]).

Не знаемъ, былъ ли на этомъ обѣдѣ князь А. А. Щербатовъ; но мы уже знаемъ, что на этомъ обѣдѣ графа А. С. Уварова не было. Да и самому Кокореву удалось на этомъ обѣдѣ произнести только краткую рѣчь. Онъ говорилъ: „Позвольте, М.м. Г.г., сказать нѣсколько, почти уже послѣобѣденныхъ словъ. Много говорено было новаго, радостнаго, освѣжительнаго. Говорить болѣе нечего, а надо теперь думать думу крѣпкую, углубляясь во всѣ обстоятельства до самой ихъ сердцевины. Пожелаемъ взаимно другъ другу одного, чтобы процессъ нашихъ мыслей не прерывался въ насъ и дома, внутри нашихъ жилищъ, и происходилъ бы въ духѣ смиренномудрія и терпѣнія. Тогда, только тогда, мы достигнемъ истиннаго, непризрачнаго успѣха, такого успѣха, что со временемъ здѣсь же въ этой залѣ, будемъ вправѣ сказать громко: Государь вложилъ въ ростила общедумія первое и главное зерно нашего обновленія, судьбу крестьянъ, и Россія выработала изъ него многоплодную жатву. Предлагаю тостъ въ честь и славу тѣхъ людей, которые въ чувствахъ истинной любви къ Государю, будутъ содѣйствовать нашему выходу, изъ кривыхъ и темныхъ закоулковъ, на открытый путь гражданственности".

„Праздникъ", — повѣтствуетъ Катковъ, — „кончился, но одушевленіе, наполнявшее всѣхъ присутствовавшихъ, еще нѣкоторое время удерживало ихъ предъ портретомъ Государя. Долго раздавалось громогласное *ура*! и внезапно перешло въ стройные звуки народнаго гимна *Боже, Царя Храни!* Такъ заключился этотъ праздникъ. Пожелаемъ, чтобы всѣми былъ онъ принятъ въ томъ же добромъ духѣ, въ какомъ былъ задуманъ" [222]).

Погодинъ же, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 28—29 декабря 1857 года, записалъ: „Обѣдъ. *Русская Бесѣда* не явилась. Все тихо и чинно. Моя рѣчь имѣла успѣха менѣе всѣхъ,

но за то въ печати она окажетъ свое дѣйствіе. Вечеръ у Пикулина, гдѣ всѣ обратились ко мнѣ съ выраженіемъ своего горячаго сочувствія, пили за здоровье. Толковалъ имъ о необходимости имѣть снисхожденіе и проч. Обѣдъ имѣлъ значеніе, какъ первое выраженіе свободы чувствъ мимо Правительства и проч. Очень усталъ и легъ съ удовольствіемъ отдохнуть". А на другой день явилась къ Погодину депутація: Кетчеръ, Забѣлинъ, Коршъ, Пикулинъ, Станкевичъ, Бабстъ. Разсуждали о *Русской Бесѣдѣ*, и Погодинъ „защищалъ *Бесѣду*".

А. А. Григорьевъ, прочитавъ въ *Le Nord* описаніе Московскаго обѣда, изъ Флоренціи, 26 января 1858 года, писалъ Погодину: „Что такое мы, то (собирательно) это мы, которымъ принадлежитъ будущее міра—и которые не справятся съ какимъ-нибудь обѣдомъ безъ скандала... Я говорю это по поводу отсутствія „des Slaves", какъ называетъ *Нордъ*, на извѣстномъ обѣдѣ. Что это такое?... Были вы, Кокоревъ, Островскій — стало быть вопросъ объ обѣдѣ для меня ясенъ. Почему-жъ они то не были? Если по пуританской гордости, то дѣло опять ясное, но грустное"....

LXVI.

Вскорѣ послѣ обѣда 28 декабря, Редакція *Русскаго Вѣстника* получила отъ В. А. Кокорева рѣчь, которую предназначалъ онъ произнести на обѣдѣ, но не исполнилъ этого по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и преимущественно потому, что она могла получить особенное практическое значеніе лишь среди купеческаго сословія. „Рѣчь эта", — свидѣтельствуетъ Редакція *Русскаго Вѣстника,*—не просто рѣчь, а поступокъ, который пусть оцѣнитъ Россія. Мы считаемъ для себя важнымъ долгомъ представить ее для этой всеобщей оцѣнки".

Получивъ рѣчь Кокорева, Катковъ писалъ Погодину: „Вы сдѣлаете мнѣ величайшее одолженіе, дорогой нашъ Михаилъ Петровичъ, если потрудитесь сами побывать въ Типографіи,

у Леонтьева, часу въ первомъ... В. А. Кокоревъ доставилъ мнѣ рѣчь, которую онъ, по обстоятельствамъ, не могъ произнести за обѣдомъ, и желаетъ, чтобы она напечатана была вслѣдъ за описаніемъ пира. Рѣчь эта есть столько же слово, сколько и дѣло, и должна произвести огромное впечатлѣніе. Хорошо было бы, если бы вы прочли ее также въ корректурѣ. Желательно было бы устранить нѣсколько странныхъ выраженій, которыя совсѣмъ не гармонируютъ съ тѣмъ здравымъ, яснымъ умомъ, который высказывается въ ней и можетъ только вредить его великому, общественному значенію, если только можетъ что вредить ему. Тверскіе дворяне поступили отлично. Это первый шагъ и весьма важный. Мы живемъ въ такое время, что не успѣетъ пройдти день, какъ уже онъ слагается въ историческій архивъ, и слѣдующій становится началомъ новаго" [223]).

Вотъ эта рѣчь, напечатанная въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и надѣлавшая много шуму: „Свѣтъ и тьма въ вѣчной борьбѣ. Одолѣваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется человѣчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ.

Одолѣваетъ тьма—настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ человѣчество, вянетъ тѣло, ноетъ духъ, умаляется сила народная.

Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта, но за то сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство и тьмы какъ будто не бывало.

Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ теперь на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II.

Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи Царя вывести нашихъ братьевъ крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ, и вмѣстѣ съ ними насъ, почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена теперь и согрѣта вся Русская Земля.

Вотъ подъ какимъ яркимъ освѣщеніемъ приближаемся мы къ новому, 1858-му, году. Для пятнадцати милліоновъ людей восходитъ заря гражданской полноправности. Отъ этого

и мы всѣ вступаемъ въ новую жизнь, перерождаемся; пульсы наши бьются иначе: ровно, твердо, сильно.

Мы можемъ сравнить теперь свое положеніе съ людьми, подошедшими къ горѣ, по которой надо взбираться къ верху. Немало на этомъ непротоптанномъ пути мы встрѣтимъ колючихъ растеній. Но намъ ли бояться труда и препятствій въ то время, когда на горѣ стоитъ нашъ Царь и призываетъ насъ къ себѣ? Мы видимъ это сквозь открывшіеся промежутки частокола. И та гора, къ которой насъ подвело время, — есть гора упованія. Царь уповаетъ на народъ, народъ уповаетъ на Царя. Вотъ въ этомъ взаимномъ упованіи и состоитъ Русская особенность и рѣзкая разница между Европой и Россіей. Пусть теперь углубится Европа во внутренній смыслъ нашихъ душевныхъ настроеній; вѣдь вездѣ отъ этихъ настроеній происходятъ всѣ прочія явленія въ жизни народовъ.

Европа, въ своихъ движеніяхъ, приходила къ пропасти смутной неизвѣстности; мы пришли къ упованію; значитъ, мы читали Исторію Европейскихъ народовъ внимательно, и обратили въ свою пользу самую нашу запоздалость.

Обратимся къ дѣлу, къ нѣкоторымъ подробностямъ нашей радости. Теперь такое время, въ которое требуются не фразы и возгласы, а дѣлоизложеніе, взглядъ, обсужденіе предметовъ. На первый разъ, быть можетъ, это будетъ даже неинтересно для слушателей! Но что дѣлать? Надо привыкать; нашъ дѣтскій возрастъ прошелъ, и потому игрушки въ сторону.

Первое и главное зерно обновленія—судьба пятнадцати милліоновъ крестьянъ—вложено Царемъ въ общественную мысль. Да ниспошлетъ Провидѣніе всѣмъ открывающимся комитетамъ о крестьянахъ чистоту въ намѣреніяхъ и ясность въ воззрѣніяхъ, а главное, такую простоту въ опредѣленіи новыхъ началъ, которая была бы понятна всѣмъ, и выражала бы очевидную удобопримѣнимость къ жизни. Этому трудному дѣлу вѣрнѣйшій другъ и помощникъ—свѣтозарная глас-

ность мнѣній, сообщаемыхъ изъ каждой мѣстности во всеобщее свѣдѣніе широковѣщательнымъ печатнымъ словомъ. Затѣмъ нужно общее участіе всѣхъ сословій, не на словахъ только, но и на самомъ дѣлѣ. Перехожу къ тому, на сколько это дѣло касается купцовъ.

Когда новый порядокъ сообщитъ довольство крестьянамъ, тогда вся торговля разовьется и приметъ другіе размѣры, значитъ, и мы, купцы, будемъ имѣть новую огромную выгоду. За что же мы эту выгоду получимъ даромъ, безъ всякаго участія въ общемъ дѣлѣ новаго устройства крестьянъ? Вѣдь намъ будетъ стыдно смотрѣть и на дворянъ, и на крестьянъ; на послѣднихъ тѣмъ будетъ стыдно, что многіе изъ насъ сами недавно вышли изъ крестьянъ, и я, говорящій эти слова, имѣю родныхъ въ крестьянскомъ сословіи. Не вправѣ ли будутъ крестьяне сказать: „а вотъ тамъ, въ городахъ, есть купцы-богачи, да они забыли о насъ, ничѣмъ не помогли, никто не разстался ни съ малѣйшею частицею своихъ богатствъ, въ пользу созиданія общаго богатства Земли Русской“. А вѣдь бытъ крестьянъ намъ знакомѣе, чѣмъ кому либо; наши приказчики живутъ въ деревняхъ, стоятъ съ крестьяниномъ лицомъ къ лицу, и на рынкѣ, и на гумнѣ, и сообщаютъ намъ вѣрныя и свѣжія извѣстія, такъ-сказать изъ вчерашней жизни народа. А бытъ помѣщиковъ развѣ мы не знаемъ? Знаемъ вдоль и поперекъ. Каждый приказчикъ отъ хлѣбныхъ торговцевъ знаетъ даже тѣ числа, въ которыя нужны помѣщику деньги на взносъ въ Опекунскій Совѣтъ или на другія надобности, и въ это время онъ является къ нему, для покупки хлѣба. То же самое знаніе внутреннихъ подробностей помѣщичьяго и сельскаго быта мы имѣемъ и по прочимъ статьямъ, какъ-то: по торговлѣ саломъ, шерстью, льномъ, пенькой, по найму рабочихъ, по движенію обозовъ на торговыхъ трактахъ, и т. д. Есть такіе тракты, по коимъ перевозится товаровъ на сотни милліоновъ, а они неизвѣстны ни въ одномъ печатномъ дорожникѣ; ихъ проложила прямикомъ сама потребность, минуя всѣ дальніе пути, сочиненные

однимъ ложнымъ умозрѣніемъ. Но почему же бы изъ всѣхъ этихъ знаній не высказать слово сущей правды? Зачѣмъ мы молчимъ? Говорить не привыкли. Попробуемте.

Крестьянамъ, обитающимъ на помѣщичьихъ земляхъ, назначено окупить деньгами или трудомъ стоимость ихъ жилища и огородовъ. Сверхъ того, за ту землю, которую они получатъ отъ помѣщиковъ подъ поля, они должны обрабатывать землю владѣльца, то-есть, ту, которую они и нынѣ обрабатывали. Очевидно, крестьянину прибавляется новый трудъ— отработать стоимость своей избы и огорода. Вотъ и готовъ случай купечеству принять участіе въ дѣлѣ устройства судьбы крестьянъ. Почему не открыть между всѣми Русскими купцами подписку въ томъ, кто и за сколько крестьянскихъ жилищъ заявитъ желаніе заплатить деньги помѣщикамъ? Москва должна подать примѣръ, а ему послѣдуетъ и вся Россія. Москва и подала бы этотъ примѣръ, но ей мѣшаетъ отвычка отъ самостоятельности. Означеннымъ платежемъ денегъ справедливость требуетъ выкупить только тѣ крестьянскія жилища, кои находятся въ имѣніяхъ, мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, ибо имъ, при настоящемъ переворотѣ, необходимы денежныя средства для насущныхъ потребностей жизни. Такимъ образомъ, купечество, содѣйствуя справедливой развязкѣ настоящаго важнаго жизненнаго для Россіи вопроса, сдѣлаетъ пользу и мелкопомѣстному дворянству и крестьянамъ.

Будемъ откровенны и искренни въ такіе великіе дни отечественныхъ событій, и скажемъ правду. Вѣдь всѣ наши капиталы сложились главнѣйше отъ дворянъ и крестьянъ. Это замѣчаніе всего болѣе относится къ виннымъ откупщикамъ; ихъ капиталы составились уже чисто изъ трудовыхъ крестьянскихъ денегъ. Какой прекрасный случай возблагодарить крестьянъ за богатство, ими же сообщенное! Если всѣ откупщики пожертвовали бы, примѣрно, десять милліоновъ рубл. сер., то это нисколько не ослабило бы ихъ оборотовъ, это едва ли составило бы половину прибылей, полученныхъ въ текущемъ 1857 году, по случаю огромнаго распростра-

нeнія въ народѣ кредитныхъ билетовъ; но за то, какъ бы это подвинуло впередъ дѣло самобытной собственности крестьянъ.

А развѣ биржи Петербургская, Рижская и Одесская, получающія столько барышей отъ перепродажи потоваго труда крестьянъ, произведеній Русской земли, отстанутъ въ этомъ дѣлѣ?

А развѣ золотопромышленность, выкопавшая себѣ богатство мозолистыми руками тружениковъ, останется хладнокровною зрительницей?

А владѣльцы доходныхъ домовъ и другихъ имѣній и заводовъ, имѣющіе доходы положительные и прочные, не скорѣе всѣхъ поспѣшатъ удѣлить какой-нибудь процентъ на дѣло отечественной славы и пользы?

Да что много толковать! Никто не откажется отъ участія. Первая гильдія охотно приметъ лѣтъ на десять двойной платежъ, вторая и третья тоже пойдутъ вслѣдъ за нею на нѣкоторую прибавку,—да словомъ, всѣ понесутъ свою лепту на дѣло общаго добра.

Вотъ при такомъ сочувствіи, при такой-то спайкѣ всѣхъ сословій, истинною любовью, выражаемою жертвами, устроится дѣло къ обоюдной пользѣ помѣщиковъ и крестьянъ, устроится отъ того, что соберется много денегъ, кои необходимы для развязки этого вопроса, въ губерніяхъ: Московской, Ярославской, Вологодской, Костромской, Владимірской, Новгородской, Тверской, Псковской и сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской. Въ губерніяхъ этихъ половина дохода извлекается помѣщиками изъ ихъ личнаго права на крестьянина: треть народонаселенія выходитъ на заработки, платя оброкъ за то, чтобы помѣщикъ не потребовалъ домой; слѣдовательно, здѣсь переложеніе всѣхъ доходовъ съ имѣній на арендную плату за землю не можетъ быть примѣнено вполнѣ. Часть убытковъ, кои понесетъ владѣлецъ имѣнія, должна быть пополнена деньгами, которыя и должны явиться отъ тѣхъ, кого этотъ вопросъ не задѣваетъ, а кому, напротивъ, доставляетъ выгоду.

Другое дѣло губерніи хлѣбородныя и черноземныя. Тамъ помѣщики будутъ въ большой выгодѣ отъ новаго порядка. Вотъ живыя доказательства: недавно я купилъ въ Орловской губерніи 2,200 десят. земли у гр. Р., за 100 тысячъ р. с., и отдалъ эту землю въ аренду за 9 тыс. въ годъ, тогда какъ имѣніе съ крестьянами никогда не можетъ дать такихъ процентовъ. Въ той же губерніи мнѣ предлагаетъ кн. О. 3,500 десятинъ земли, по той же разцѣнкѣ, какъ я купилъ у гр. Р.; но я не могъ на это согласиться потому только, что на этой землѣ живутъ 500 крестьянъ, значитъ и нѣтъ возможности пріобрѣсть эту землю купцу, а владѣніе подъ чужимъ именемъ никому не по нутру. Надобно вамъ сказать, что за 500 лицъ крестьянъ никакой не полагалось цѣны. Изъ этого очевидно, что въ хлѣбородныхъ губерніяхъ желающихъ арендовать землю будетъ болѣе, чѣмъ земля того требуетъ, и оттого арендныя цѣны будутъ возрастать къ выгодѣ землевладѣльцевъ; напротивъ, въ губерніяхъ сѣверныхъ, многіе оставятъ землю и обратятся исключительно къ однимъ ремесламъ и работамъ внѣ своихъ мѣстностей. Здѣсь доходы помѣщиковъ отъ земли не возмѣстятъ доходовъ, нынѣ ими получаемыхъ. Здѣсь-то вотъ и нужно пожертвованіе. Мы всегда скупы на такіе расходы, гдѣ выгода отвлеченна; но въ дѣлахъ очевидной пользы никто и никогда не затрудняется. Сдѣлать выгоду отъ устройства крестьянъ очевидною для всѣхъ — есть дѣло Литературы: тогда возбудится во всѣхъ желаніе участвовать въ пожертвованіяхъ. Если бы намъ кто-нибудь сказалъ: „Всѣмъ вамъ не нравится винный откупъ, его вліяніе задѣваетъ почти каждый домъ, онъ задерживаетъ развитіе скотоводства, мѣшаетъ образованію ферменнаго хозяйства, требующаго барды, слѣдовательно и свободнаго образованія маленькихъ винокурень, а фермерное хозяйство намъ теперь необходимо нужно во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ: оно бы совершенно пополнило всѣ убытки помѣщиковъ отъ уничтоженія крѣпостного права, и расширило бы земледѣліе“. Ну, что̀ дадите за уничтоженіе откупа? Разомъ бы отвѣтили

всѣ удовлетворительно, потому что выгода ясна для всѣхъ: трактирщикъ бы сказалъ: я даю 500 р., фабрикантъ 200 р., торговецъ 8 р., мельникъ 10 р., крестьянинъ 2 р. въ годъ, да денегъ бы набралось безъ откупа вдвое болѣе, чѣмъ отъ откупа, а вино бы сдѣлалось принадлежностью народа, какъ всякій товаръ: мука, масло и т. п. Сколько сотенъ тысячъ людей занялись бы его распродажею *)!

Точно такъ и въ дѣлѣ преобразованія быта крестьянъ. Когда поймутъ всѣ ясно общую пользу воззванія насъ къ новой жизни, тогда не будутъ жалѣть никакихъ жертвъ на то. Для уясненія дѣла нуженъ прямой разговоръ о новомъ направленіи сельскаго хозяйства и о всѣхъ недостаткахъ нынѣшняго устройства.

Изъ всего этого слѣдуетъ одинъ естественный выводъ, котораго никакъ не можетъ обойти разумъ: устройство дѣла зависитъ отъ одной лишь гласности.

Зачѣмъ держать въ секретѣ такія благодѣтельныя предположенія и желанія, извѣстность о которыхъ дѣйствовала бы успокоительно на многихъ, какъ напримѣръ: предположеніе нѣкоторыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ подарить своимъ крестьянамъ усадебную осѣдлость; другое, еще болѣе широкое предположеніе со стороны богатѣйшихъ, дать бѣднымъ и часть землицы, чтобы было можно на ней попахать и коровку покормить, дабы чрезъ это пособіе и бѣдные крестьяне обратились въ зажиточныхъ? Мы не будемъ называть теперь славныя имена этихъ истинныхъ благодѣтелей; но придетъ время, когда всѣ почтутъ за обязанность и долгъ воздать имъ дань признательности отъ лица всей Земли Русской.

А желаніе купцовъ покупать населенныя земли для отдачи ихъ въ аренду крестьянамъ, само собою разумѣется, безъ всякаго права на вмѣшательство въ частную жизнь крестьянъ, принесло бы удивительную пользу. Сколько бы

---

*) Конечно, этого никто не приметъ за проектъ; это только доказательство возможности собирать въ казну питейный доходъ безъ откупной монополіи. *В. К.*

мелкопомѣстныхъ дворянъ сейчасъ же получили деньги за свои помѣстья?

Купцы имѣютъ обычай жертвовать огромныя суммы на поминки. Какое славное назначеніе для этихъ суммъ!

О нашемъ времени, наши дѣти и внуки скажутъ: Знаменателенъ былъ 1858 годъ. Царь, въ упованіи на дворянъ и народъ, произнесъ желаніе устроить положеніе крестьянъ. Крестьяне съ твердымъ упованіемъ ждали покойно развязки этого дѣла; дворяне разстались съ своимъ правомъ и промѣняли прежнее неблагозвучное выраженіе *душевладѣльцы* на человѣческое слово *землевладѣльцы*, сдѣлавъ это также съ твердымъ упованіемъ въ то, что отъ общаго развитія жизни, доходы ихъ отъ земли возмѣстятъ личные, подушные оброки съ крестьянъ; а купцы сами собою вызвались заплатить небогатымъ дворянамъ за жилища крестьянъ. Всѣ помогали дѣлу, по мѣрѣ своихъ силъ.

При такомъ только общемъ дѣйствительномъ сочувствіи, ростъ нашъ будетъ совершаться правильно въ общемъ ростѣ человѣчества, и тогда всѣ кривые, дряблые побѣги опять срастутся съ своимъ корнемъ—съ народомъ. Отъ этого сростанія мы почерпнемъ изъ чистой натуры народа ясность и простоту воззрѣній.

Тостъ за драгоцѣнное здоровье перваго примѣродателя въ дѣлѣ гражданскаго мужества, перваго воодушевителя на пути къ свѣту, за сердечнаго нашего Царя Александра Николаевича“!

Щебальскій, прочитавъ эту рѣчь Кокорева, писалъ Погодину: „Позвольте вамъ напомнить обѣщаніе познакомить меня съ Кокоревымъ. Тогда меня влекло желаніе видѣть замѣчательнаго человѣка; теперь, узнавши о его воззваніи къ капиталистамъ для содѣйствія къ освобожденію крестьянъ, я счелъ бы честію поклониться великому гражданину“.

Но, какъ увидимъ ниже, не всѣ такъ думали о рѣчи Кокорева.

LXVII.

Какъ самый обѣдъ 28 декабря, такъ и произнесенныя на немъ рѣчи, въ Петербургѣ, повидимому, произвели сначала благопріятное впечатлѣніе. 10 января 1858 года, Катковъ писалъ Погодину: „Изъ Петербурга до сихъ поръ слухи благопріятные. Государь выразился о нашихъ рѣчахъ весьма благосклонно: онѣ были представлены ему еще въ рукописи. О впечатлѣніи, произведенномъ рѣчью Кокорева, еще не имѣю извѣстій. Въ Москвѣ мнѣнія раздѣлились; одни, и очень сильно, защищаютъ нашу манифестацію, другіе продолжаютъ еще злобствовать".

Самъ же, Кокоревъ, 29 января того же 1858 года, писалъ Погодину: „Единственное свѣдѣніе, которое получено, это—сообщеніе Титова Кавелину, что „Государь прочелъ всѣ рѣчи и не нашелъ въ нихъ ничего неблагонамѣреннаго. Толковъ же нелѣпыхъ и безобразныхъ объ обѣдѣ и въ Петербургѣ столько же, какъ и въ Москвѣ".

Еще прежде, П. М. Леонтьевъ сообщилъ Погодину: „Е. П. Ковалевскій, передъ отъѣздомъ, представлялся Государю, и слышалъ отъ него, что, по его мнѣнію, въ *рѣчахъ* нѣтъ ни одного слова, которое можно было бы назвать неблагонамѣреннымъ. На сколько извѣстно, рѣчь Кокорева не была еще тогда въ Петербургѣ".

Но рѣчь Кокорева надѣлала много шума и произвела огромное впечатлѣніе не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи. Многіе находили ее блестящею и вполнѣ справедливою, при тогдашнемъ состояніи общества; другіе считали ее зажигательною, призывающею къ измѣненію всего государственнаго строя, и, наконецъ, многіе считали себя обиженными тѣмъ, что откупщикъ принимаетъ на себя роль учителя и, раскрывая внутренній бытъ дворянства, называетъ его „кривымъ и дряблымъ побѣгомъ".

Въ Москвѣ даже появилась анонимная статья, нѣчто въ родѣ пасквиля, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о рѣчи В. А. Кокорева, готовленной къ обѣду въ Купеческомъ Клубѣ* (28 декабря 1857 года).

Погодинъ счелъ своимъ долгомъ вступиться за своего друга Кокорева, и написалъ апологію на эту анонимную статью. „Неизвѣстный авторъ“,—писалъ Погодинъ,—„почелъ своимъ долгомъ напасть на Кокорева и закричать на него страшное *слово и дѣло*, которое, преданное народному проклятію, мы давно уже были рады забыть.

А я считаю также своимъ долгомъ вступиться за достойнаго согражданина, и закричать на его обвинителя во всеуслышаніе: Лжешь! Позвольте прежде всего спросить васъ, милостивые государи, за что вы вскинулись на Кокорева, и что онъ сдѣлалъ такое, чтобъ возбудить ваше негодованіе?

Онъ обрадовался Царскому указу, объ упроченіи быта крестьянъ, и выразилъ громко и живо свою радость и предложилъ нѣсколько своихъ мыслей, какъ его исполнить удобнѣе.

Что же? Неужели это непозволительно? Разберемъ эти уголовныя преступленія по одиночкѣ. Во-1-хъ, можно ли радоваться освобожденію крестьянъ? Неужели есть какое-нибудь сомнѣніе?

Освобожденію Негровъ мы радовались; радовались всѣ порядочные люди въ Англіи и Франціи, Германіи и Италіи, всѣ въ комъ только билось человѣческое сердце, кому не чужды человѣческія сердца. Государственныхъ мужей и писателей, которые вытребовали освобожденіе Негровъ, вся просвѣщенная Европа назвала благодѣтелями, безъ различія званій, и поставила имъ памятники. Въ наше время, издано одно посредственное сочиненіе, въ коемъ изображены живо труды и страданія несчастнаго племени,—и этого сочиненія въ годъ раскупленъ милліонъ экземпляровъ; и автору,—скромной женщинѣ, устроены были торжественныя встрѣчи отъ одного конца до другого.

Освобожденію Негровъ можно было радоваться, а осво-

божденію нашихъ братьевъ, добрыхъ Русскихъ крестьянъ, нельзя радоваться, нельзя радоваться что ихъ не будутъ уже болѣе продавать, покупать, закладывать, ссылать въ каторгу, разлучать съ семействомъ, сѣчь, терзать; и когда сердце хочетъ выпрыгнуть въ восторгѣ, должно прикусывать языкъ въ угоду какого-нибудь дикаго капрала и раздѣлять краснорѣчивое молчаніе его или даже злобный ропотъ подлой подобострастной челяди. Господи! Да неужели мы оскотинились вовсе, и потеряли всякое сознаніе, не только гражданскаго, не только христіанскаго, но даже человѣческаго достоинства? Помилуйте. Если мы будемъ молчать, то камни возопіютъ.

Вы скажете, что судьба помѣщичьихъ крестьянъ отличалась отъ судьбы Негровъ, и что крестьянамъ жить было легче, чѣмъ Неграмъ.

Положимъ такъ, хоть и не всегда, не вездѣ, но вѣдь Негры—черные, а крестьяне—бѣлые, Негры вѣдь дикіе,—это почти естественныя произведенія, дѣти Географіи, а не Исторіи; а крестьяне—Христіане. Негры вѣдь обрабатываютъ за морями только сахаръ, а крестьяне насъ всѣхъ поятъ и кормятъ до сыта, до отвала и поятъ черезъ край, обуваютъ и одѣваютъ, несутъ рекрутскія и всѣ повинности.

Вы говорите, что казеннымъ крестьянамъ жить не лучше. Ну. такъ развѣ это доказательство, что помѣщичьи должны оставаться въ прежнемъ положеніи. Кто же вамъ сказалъ, чтобъ порядочные люди радовались улучшенію быта одних помѣщичьихъ крестьянъ, а не желали того же казеннымъ, удѣльнымъ, заводскимъ и прочимъ, и прочимъ.

Надѣюсь, что право радости доказано, что оно законно, что въ немъ нѣтъ ничего предосудительнаго, что, напротивъ, оставаться равнодушными къ такимъ преобразованіямъ жестоко, дико, подло. Перейдемъ къ отстраненію второго и третьяго преступленія.

Преобразованіе касается только помѣщиковъ и только помѣщики имѣютъ право подавать свой голосъ, это ихъ дѣло, и ничье болѣе.

Отвѣчаемъ: преобразованіе касается не однихъ помѣщиковъ, но и крестьянъ; а съ крестьянами и купцовъ, чиновниковъ, духовныхъ. Это есть дѣло общее, касается всего народа, и объ немъ, слѣдовательно, можетъ думать и говорить всякій...

...Тысячи обстоятельствъ, большихъ и малыхъ, входятъ въ составъ этого дѣла; тысячи новыхъ обстоятельствъ, большихъ и малыхъ, будутъ обнаруживаться со всякимъ годомъ, со всякимъ мѣсяцемъ и со всякимъ днемъ. Усмотрѣть ихъ можно только всѣми глазами. Или вы беретесь одни обработать все дѣло? Едва ли оно вамъ подъ силу.

Перестаньте разбирать, право, кому говорить, кому нѣтъ. —Это старая система, которая покрыла насъ позоромъ, которая привела насъ на край погибели и кончилась Парижскимъ миромъ. Мы привѣтствуемъ теперь новую зарю".

LXVIII.

Между тѣмъ, самъ Кокоревъ затѣвалъ второй и даже третій обѣдъ.

„Кричите: браво! браво! браво"!—писалъ онъ Погодину.— „*Радость по телеграфу*. Завтра выходитъ изъ С.-Петербурга предписаніе Ланского: *Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ доклада моего общее сочувствіе къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, не находитъ нужнымъ отбирать согласіе отъ помѣщиковъ и разрѣшилъ во всѣхъ губерніяхъ открывать комитеты, не входя съ представленіемъ о томъ.* Эта радость дала мысль для обѣда.....Въ концѣ обѣда я говорю рѣчь, что 19 февраля,—восшествіе на престолъ, которое должно отпраздновать широко... Пріѣзжайте завтра обѣдать и привезите списокъ, кого мнѣ надо позвать на свой семейный обѣдъ".

Въ другомъ письмѣ, Кокоревъ писалъ: „Надобно новый обѣдъ въ честь Нижегородцевъ. Пишите списокъ обѣденниковъ. Готовьте рѣчь. На обѣдъ зовемъ Сибирскаго Муравьева, Карамзина, Хрулева, и много, много".

Въ *Дневникѣ* Погодина 1858 г., за это время, мы читаемъ слѣдующія записи:

Подъ *6 января.* „Обѣдъ у Кокорева. Слухи порядочные объ обѣдѣ. Но есть и изступленная злоба. Вечеръ у Мамонтова и проигралъ. Ужинъ у Кокорева“.

— *9* —. „Вечеръ у Кокорева. Игра и проигралъ. Досадно. Толкованія, а у него голова кипитъ“.

— *11* —. „Обѣдать къ Кокореву. За новостями“.

Кокоревскій обѣдъ состоялся 16 января 1858 года. Погодинъ, въ своей апологіи, писалъ: „На обѣдѣ 16 января, обѣдѣ частномъ, въ домѣ Кокорева, устроенномъ преимущественно для тѣхъ лицъ, которые не могли присутствовать на первомъ обѣдѣ, говорили рѣчи: хозяинъ, Кошелевъ, Самаринъ, Карамзинъ. Жаль, что эти рѣчи до сихъ поръ не напечатаны, вслѣдствіе придирокъ партій... Кошелевъ говорилъ о необходимости гласности при рѣшеніи предстоящаго вопроса, и эта гласность Высочайше уже разрѣшена.

Самаринъ говорилъ о вліяніи народности на общество. Карамзинъ благодарилъ за тостъ, предложенный въ честь Нижегородскаго Дворянства, отозвавшагося прежде всѣхъ на Царское слово.

Дѣйствіе было огромное: всѣ присутствовавшіе встрепенулись, услышавъ священное для всѣхъ Русскихъ имя Карамзина!

Кокоревъ предложилъ наконецъ собраться 19 февраля и отпраздновать вмѣстѣ день вступленія на престолъ любимаго Государя. Всѣ гости вызвались приглашать на это. Опредѣлено было сочинить программу празднества, чтобы оно получило характеръ всенароднаго и показало Европѣ наше единство съ Царемъ, въ коемъ и заключается преимущественное условіе нашей силы.

Кокорева программа ходитъ по рукамъ. Его воображеніе является здѣсь еще съ большимъ блескомъ, чѣмъ въ знаменитой встрѣчѣ Севастопольцевъ. И такой обѣдъ выказывается возмутительнымъ. Что скажутъ въ Европѣ объ этомъ обви-

неніи, когда дойдетъ туда описаніе (а вѣрно дойдетъ). Постыдитесь, срамники!

Сравните съ этою программою Московскія угощенія во время коронаціи, и вы увидите разницу. А Кокоревская иллюминація въ запрошлый годъ съ избою и съ хлѣбомъ солью въ окошкѣ.

Вотъ это-то именно и возбуждаетъ зависть! Кокоревъ богатъ. Это бы еще ничего. Мало ли есть богачей. Но онъ уменъ, но онъ говоритъ, гдѣ другіе въ зубъ толконуть не могутъ, но онъ употребляетъ свое богатство такъ, что производитъ говоръ, пріобрѣтаетъ народную и даже Европейскую славу, онъ бородачь, купецъ, откупщикъ. Этого стерпѣть никакъ нельзя, и насъ ругаютъ.

Онъ говорилъ о свѣтѣ и тьмѣ: кого называетъ онъ тьмою? Онъ говорилъ о правомѣрности о 15 милліонахъ: а для остальныхъ 30 милліоновъ, чего онъ желаетъ? Онъ говорилъ о застоѣ: а кого онъ разумѣлъ подъ застоемъ? Онъ говорилъ о комнатномъ растеніи, а кого разумѣлъ подъ комнатнымъ растеніемъ?

Раздается крикъ: Кокоревъ возмутитель, въ кандалы его, въ Вятку, въ Сибирь!..

Да за что же,—опомнитесь, ослѣпленные люди! Вы сами говорите, что единственное спасеніе наше въ силѣ Царской. Такъ вѣдь и Кокоревъ говоритъ, кричитъ, восклицаетъ тоже.

Уймитесь, глупые люди: кривыхъ толковъ вашихъ слушать теперь некому“....

Въ числѣ гостей на Кокоревскомъ обѣдѣ былъ и Фетъ, въ *Воспоминаніяхъ* его читаемъ: „Въ половинѣ января (1858), я, въ числѣ прочихъ наличныхъ Московскихъ литераторовъ, получилъ приглашеніе В. А. Кокорева на обѣдъ, въ его собственный домъ близъ Маросейки... Помню съ какимъ воодушевленіемъ подошелъ ко мнѣ М. Н. Катковъ и сказалъ: „Вотъ бы вамъ вашимъ перомъ иллюстрировать это событіе“. Я не отвѣчалъ ни слова, не чувствуя въ себѣ никакихъ силъ иллюстрировать какія бы то ни было событія. Я никогда не

могъ понять, чтобы Искусство интересовалось чѣмъ либо помимо красоты. Тѣмъ не менѣе, за столами, покрытыми драгоцѣннымъ, стариннымъ серебромъ: ковшами, сулеями, братинами и т. д.,—съ великимъ сочувствіемъ находились, начиная съ братьевъ Аксаковыхъ и Хомякова,—наиболѣе выдававшіеся въ Литературѣ представители Славянофиловъ. По причинѣ множества рѣчей, обѣдъ кончился нескоро. Но на другой день, всѣхъ присутствующихъ, по распоряженію графа Закревскаго, пригласили къ оберъ-полиціймейстеру росписаться въ непроизнесеніи впередъ рѣчей. Помню, какъ графъ Н. Н. Толстой добродушно хохоталъ, восклицая наставленіе дѣтямъ: „on ne parle pas à table“ [224]).

Въ день обѣда, 16 января, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдъ у Кокорева. Рѣчи забирательныя. Восклицанія Каткова и Барановскаго. Объясненія съ Кетчеромъ. Ограниченность. Меланхолики“.

Въ это время было напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* описаніе обѣда 28 декабря, и Кокоревъ, на своемъ обѣдѣ 16 января провозгласилъ тостъ въ честь цензора Крузе, какъ человѣка, который „постигъ высшіе взгляды Правительства на Литературу и вслѣдствіе сего не стѣсняетъ высказываться въ ней свободной мысли и правдѣ“. Сочувствіе къ Крузе, повидимому, возбуждено было въ Кокоревѣ дозволеніемъ напечатать во второй декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1857 года дополнительной рѣчи его 28 декабря, пропускъ коей встрѣтилъ затрудненіе; но Крузе рѣшился на это, принявъ всю отвѣтственность на себя; и что описаніе обѣда 28 декабря, помѣщенное въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, по заказу Кокорева, оттиснуто отдѣльно въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ въ Типографіи *Русскаго Вѣстника*, дабы всѣ желающіе имѣть это описаніе могли пріобрѣсти оное безъ затрудненія.

На третій день Кокоревскаго обѣда, 18 января 1858 года, графъ А. А. Закревскій писалъ князю В. А. Долгорукову: „Получивъ свѣдѣніе, что помѣщенное въ 24 № *Русскаго*

Вѣстника прошедшаго года *описаніе обѣда, бывшаго 28 минувшаго декабря, въ Московскомъ Купеческомъ Собраніи*, печатается отдѣльно, по заказу коммерціи совѣтника Кокорева, въ числѣ 10 т. экземпляровъ, я, до разъясненія причины такого огромнаго заказа, велѣлъ остановить выпускъ означенныхъ брошюръ.

15 января, Кокоревъ просилъ меня словесно дозволить ему получить хотя часть помянутыхъ экземпляровъ, заказанныхъ имъ для удовлетворенія поступающихъ къ нему требованій изъ разныхъ мѣстъ и въ особенности изъ С.-Петербурга. Давъ согласіе на выпускъ 500 экземпляровъ, я приказалъ ему, однако, изложить мнѣ письменно цѣль сдѣланнаго имъ заказа и, по полученіи прилагаемаго при семъ въ подлинникѣ письма, отнесся къ г. попечителю Московскаго Учебнаго Округа о разрѣшеніи Типографіи *Русскаго Вѣстника* выдать Кокореву 500 экземпляровъ.

По словамъ Кокорева, г. министру Иностранныхъ Дѣлъ Высочайше повелѣно, дабы описаніе обѣда 28 декабря было переведено на Нѣмецкій, Французскій и Англійскій языки и распубликовано въ иностранныхъ газетахъ.

Между тѣмъ, 16 января Кокоревъ далъ у себя въ домѣ званный обѣдъ. За столомъ было болѣе 100 человѣкъ. Кокоревъ и славянофилы Кошелевъ и Самаринъ читали приготовленныя рѣчи. Темою рѣчей было освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Здоровье Государя Императора провозглашено было Кокоревымъ послѣ длинной рѣчи. Затѣмъ Кокоревъ обратился къ уѣздному предводителю Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, Карамзину, съ похвалою и благодарностію Нижегородскому Дворянству, а предъ окончаніемъ обѣда, напомнивъ, что 19 февраля будетъ трехлѣтіе благополучному восшествію на престолъ Государя Императора, предложилъ, для выраженія вѣрноподданнической любви и преданности ко Его Величеству, собраться въ этотъ день на обѣдъ.—Если каждый изъ насъ, говорилъ Кокоревъ, пригласитъ своихъ близкихъ и знакомыхъ, то на праздникъ со-

берется 1000 и болѣе человѣкъ. Предложеніе это принято и тотчасъ послѣ обѣда открыта подписка.

Поведеніе Кокорева въ послѣднее время возбудило неодобреніе благомыслящихъ людей. Какъ купецъ и откупщикъ, онъ не принадлежитъ къ сословію, которое, по Высочайшей волѣ, рѣшаетъ теперь вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Посему публичное обращеніе его, безъ всякаго на то права, къ Нижегородскому Дворянству, въ лицѣ г. Карамзина, поражаетъ своимъ неприличіемъ и оскорбляетъ достоинство всего сословія Дворянъ.—Съ прошедшаго декабря мѣсяца общественное мнѣніе Дворянскаго сословія выразилось уже ясно и опредѣлительно. Принципъ уничтоженія личной крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ можно считать утвердившимся безусловно. Мысль о противодѣйствіи Правительству рѣшительно не существуетъ между Дворянами. Всѣ они помышляютъ только объ одномъ: какъ лучше и удобнѣе для помѣщиковъ и крестьянъ достигнуть благой цѣли Правительства. Поэтому, въ настоящее время, для назиданія и вразумленія Дворянъ, нужны основательно и зрѣло обдуманные проекты и сочиненія, а не западные митинги, развивающіе демократическія идеи, и не застольныя рѣчи честолюбиваго купца, который, дѣлая себя адвокатомъ близкаго ему по крови крѣпостного сословія, хочетъ выдвинуться впередъ и стать въ головѣ народа. Рѣчи и возгласы Кокорева съ жадностію слушаются прислугою, передаются народу и возбуждая въ немъ страсти, легко могутъ породить безпорядки и обрушить на слѣпую толпу всю строгость закона Я не сомнѣваюсь, что предложенное Кокоревымъ празднованіе трехлѣтія восшествія Его Величества на престолъ найдетъ тысячи подписчиковъ и что къ этому случаю будутъ непремѣнно приготовлены рѣчи.

Не зная, благоугодно ли будетъ Государю Императору допустить осуществленіе задуманнаго Кокоревымъ обѣда 19 будущаго февраля, и находя опаснымъ выпускать для обращенія въ народѣ заказанное ими огромное количество экземпля-

ровъ описанія обѣда 28 декабря и произнесенныхъ тогда рѣчей, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство довести о вышеизложенномъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества и сообщить мнѣ, для руководства на будущее время, рѣшительную Высочайшую волю: Слѣдуетъ ли, въ видахъ охраненія общественнаго порядка и спокойствія, воспретить совершенно выдачу Кокореву остальныхъ пріостановленныхъ мною 9500 экземпляровъ помянутой брошюры, и долженъ ли я допускать впередъ митинги на подобіе заграничныхъ и публичные, политическіе обѣды съ рѣчами объ эмансипаціи, которыя, подобно рѣчамъ Кокорева, не успокоивая умовъ, только раздражаютъ страсти и тѣмъ затрудняютъ спокойное и разумное обсужденіе предложеннаго нынѣ Дворянству государственнаго вопроса".

Слухъ о предполагаемомъ обѣдѣ (19 февраля) быстро дошелъ до Петербурга, и В. А. Мухановъ, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 15 февраля 1857 года, записалъ слѣдующее: „Кокоревъ вздумалъ дать обѣдъ въ залѣ Большого Театра. Въ углубленіи залы намѣревались поставить бюстъ Государя. Бенуары и хоры перваго яруса назначались дамамъ. Предполагались тосты за Государя и Дворянство, радующееся освобожденію крестьянъ. Во время каждаго тоста по ложамъ слуги должны были носить шампанское и десертъ. На хорахъ второго и прочаго ярусовъ думали помѣстить воспитанниковъ Кадетскаго Корпуса. Обѣдъ не обошелся бы безъ рѣчей. Подобныя изъявленія и манифестаціи вовсе не нужны для прочнаго устройства и довершенія задуманнаго дѣла, а могли бы только, дамскою готовностью воспламеняться и живостью молодежи, произвести безпорядки... Кокоревъ есть орудіе Московскихъ литераторовъ и ученыхъ, которые лестью могутъ употреблять его средства для достиженія своихъ цѣлей". Вмѣстѣ съ тѣмъ В. А. Мухановъ ссылается и на графа Закревскаго: онъ полагалъ, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ рѣчи Кокорева могли принести не пользу, а вредъ. *Это мое убѣжденіе*,—

говорилъ Закревскій,—*если же мои дѣйствія не заслуживаютъ одобренія, то пускай на мое мѣсто назначатъ другого*".

Въ это же самое время по Москвѣ разнесся слухъ и проникъ даже за границу о смѣнѣ графа А. А. Закревскаго, такъ что 9 февраля 1858 года, изъ Флоренціи, А. А. Григорьевъ писалъ Погодину: „Въ *Нордѣ* есть неоцѣненныя строки, что Закревскій veut goûter les douceurs de la vie privée. Правда ли? Но кого? Неужели Строганова—съ его пристрастіемъ къ Нѣмцамъ? Изъ огня да въ полымя, или изъ куля въ рогожу".

Самъ же графъ А. А. Закревскій, 6 февраля 1858 года, писалъ своему другу князю А. Ѳ. Орлову: „Любезный другъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ. Ты знаешь о моей перепискѣ съ княземъ Долгоруковымъ на счетъ Кокорева. Безразсудныя рѣчи Кокорева имѣютъ уже отголосокъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ. Хорошо, если это кончится одними толками и не будетъ имѣть болѣе важныхъ послѣдствій. Предполагая, что митингъ 19 февраля состоится, Кокоревъ и Погодинъ, какъ мнѣ извѣстно, приготовили уже новыя рѣчи и для сочиненія ихъ ѣздили въ подмосковную Мамонтова *), пріятеля и товарища Кокорева. Дѣлая Кокореву внушеніе, чтобы онъ взялся за умъ и поменѣе болталъ, я сказалъ ему, что презираю неблагонамѣренныя на мой счетъ выходки его и пишущихъ и непишущихъ его друзей, которые, между прочимъ, разгласили здѣсь, что меня смѣнятъ къ марту мѣсяцу. Въ подтвержденіе этихъ слуховъ, посылаю подлинное письмо ко мнѣ князя Сергія Михайловича **). Я увѣренъ, что пропущенное цензурою въ *Нордѣ* 2-го февраля нелѣпое письмо Московскаго корреспондента, отъ 2-го (14) января, идетъ изъ Кокоревскаго же источника и удивляюсь умышленной, по всему вѣроятію, оплошности Петербургской цензуры, которая разрѣшаетъ для публики подобныя статьи, компрометирующія не только личности, но и самое Правительство".

*) Ивана Ѳедоровича. *Н. Б*

**) Голицына. *Н. Б.*

LXIX.

Когда же о происходившемъ на Кокоревскомъ обѣдѣ, 16-го января 1858 года, узналъ Государь, то князь В. А. Долгоруковъ, по Высочайшему повелѣнію, писалъ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову слѣдующее: „Его Величеству угодно знать: дѣйствительно ли цензоръ Крузе пропустилъ рѣчь Кокорева, не спросивъ на то разрѣшеніе, и на какомъ основаніи онъ это исполнилъ, и 2) такъ какъ, по всеподданнѣйшему докладу вашему, за дозволеніе напечатать сію рѣчь въ *Русскомъ Вѣстникѣ* отъ васъ сдѣлано было взысканіе, то какимъ образомъ разрѣшено было напечатаніе описаніе обѣда 28-го декабря отдѣльно"?

На запросъ министра Народнаго просвѣщенія, попечитель Московскаго Учебнаго Округа, 30-го января 1858 года, отвѣчалъ *конфиденціально*: „Собравъ необходимыя свѣдѣнія, спѣшу отвѣтить вамъ, достопочтеннѣйшій Аврамъ Сергіевичъ, на конфиденціональное письмо ваше, отъ 24-го января (28-го полученное), со всею откровенностію и по крайнему моему разумѣнію. Временныя правила для цензуры современныхъ статей, по моему мнѣнію, не поведутъ къ облегченію; дай Богъ, чтобы поскорѣе былъ изданъ Цензурный Уставъ. Что касается до цензоровъ Гилярова и Крузе, то первый изъ нихъ дѣйствительно много виноватъ, пропустивъ статью неблагонамѣренную, за что онъ и понесъ наказаніе. Крузе получилъ тоже строжайшій выговоръ за пропускъ рѣчи Кокорева, послѣ запрещенную. Но, не говоря уже о томъ, что эта рѣчь не то, что статья: *Публика и народъ* *), Крузе при пропускѣ ея, могъ увлечься слухами, доходившими изъ Петербурга, что всѣ рѣчи, произнесенныя на обѣдѣ 28 декабря въ Коммерческомъ Собраніи, въ томъ числѣ и рѣчь

*) К. С. Аксакова. *Н. Б.*

Кокорева, найдены были благонамѣренными.—Изъ свѣдѣній, дошедшихъ до васъ, о томъ, что Крузе состоитъ предметомъ чествованія публичнаго и что на обѣдѣ извѣстномъ, былъ особенный въ честь его тостъ за то, что онъ пожертвовалъ собою, пропустивъ рѣчь Кокорева, — справедливо только то, что за частнымъ обѣдомъ у Кокорева, послѣ многихъ заздравныхъ тостовъ, предложенъ былъ Кошелевымъ тостъ за Крузе, своею добросовѣстною цензурою споспѣшествующаго Просвѣщенію. Не скрою предъ вами и того, что Крузе пользуется популярностію и что имѣетъ на своей сторонѣ общественное мнѣніе, за малыми исключеніями. По этому-то именно и нужна осторожность особенная. Послѣ полученнаго имъ выговора за пропускъ статьи и принимая во вниманіе, что тостъ на частномъ обѣдѣ и намѣреніе Кокорева выпустить 10 т. экземпляровъ своей рѣчи, прямо къ винѣ Крузе не относятся,—я полагаю, что отрѣшеніе его отъ должности, въ настоящее время, было бы неполитичнымъ. Я не адвокатъ Крузе, но почитаю себя въ правѣ быть адвокатомъ Министерства, которому я имѣю честь принадлежать. Вы хотѣли отъ меня, душевно уважаемый Аврамъ Сергѣевичъ, истины, я вамъ ее сказалъ, какъ понималъ. Относительно намѣренія Кокорева выпустить 10 т. экземпляровъ своей рѣчи, что было остановлено по распоряженію генералъ-губернатора чрезъ графа А. С. Уварова; относительно выпуска потомъ только 500 экземпляровъ этой рѣчи, по оффиціальному требованію графа Закревскаго и отобранія всѣхъ прочихъ изъ Типографіи Каткова для уничтоженія, — обо всемъ этомъ вы подробно удостовѣритесь изъ формальныхъ моихъ донесеній, вмѣстѣ съ симъ представляемыхъ. Необходимымъ почитаю сказать притомъ, что предписаніе ваше, о запрещеніи перепечатывать рѣчь Кокорева, получено тремя днями послѣ исполненія требованія графа Закревскаго о выдачѣ Кокореву 500 экземпляровъ".

Съ своей стороны, Н. Ѳ. Крузе писалъ А. С. Норову: „Г. Кокоревъ, съ которымъ я очень недавно и очень мало знакомъ, пріѣхалъ ко мнѣ передъ 16-мъ числомъ января и

пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ. Узнавъ, что тамъ будутъ многіе мнѣ хорошо знакомые, я поѣхалъ тѣмъ болѣе, чтобы не платить Кокореву невѣжливостію за его внимательное приглашеніе. Тамъ я засталъ огромное общество, даже нѣкоторыхъ оффиціальныхъ особъ. За обѣдомъ, между прочимъ, Кокореву пришла мысль сдѣлать мнѣ привѣтствіе произнесеніемъ нѣсколькихъ словъ, лично ко мнѣ относящихся, которыя однакожъ были не точно переданы вашему высокопревосходительству. Какъ хозяинъ, Кокоревъ имѣлъ разумѣется полное право, на своемъ частномъ обѣдѣ, предложить своимъ гостямъ тостъ въ честь одного изъ нихъ и я, не зная его намѣренія заранѣе, не могъ ему въ этомъ препятствовать. Но рѣчь его принята была мною, какъ выраженіе его личнаго мнѣнія, которое никакъ не можетъ даже льстить моему самолюбію, потому что я никогда не считалъ и не считаю Кокорева представителемъ, ни общественнаго мнѣнія, ни интересовъ Литературы. Въ слѣдствіе этого я даже вынужденъ былъ поступить нѣсколько невѣжливо въ отношеніи всего общества, принявшаго предложенный тостъ, не отвѣчавъ на него ни однимъ словомъ, въ противность общепринятымъ обычаямъ въ подобныхъ случаяхъ. Высказавъ откровенно вашему высокопревосходительству все, какъ было, я тщетно ищу въ своемъ умѣ, въ чемъ тутъ можно меня упрекнуть и смѣю надѣяться, что и вы, съ вашей стороны, отдадите мнѣ полную справедливость. Что же касается до того, что Кокоревъ былъ побужденъ къ тосту въ честь мою будто бы дозволеніемъ напечатать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* его дополнительную рѣчь, которая встрѣчала затрудненія, а я принялъ всю отвѣтственность на себя, то мнѣ остается сказать, что внутреннія побужденія Кокорева мнѣ вовсе неизвѣстны, да и мало объ нихъ забочусь. Но я могу рѣшительно утвердить одно, что, прочитавъ рѣчь Кокорева, я нашелъ ее по совѣсти благонамѣренною и не противною правиламъ цензуры, а потому и пропустилъ ее, безъ испрошенія на то разрѣшенія моего начальства, къ которому былъ обязанъ обратиться лишь

въ случаяхъ моего сомнѣнія. Къ тому же здѣсь были свѣдѣнія, что въ Петербургѣ обѣдъ 28-го декабря и рѣчи, при этомъ произнесенныя, были приняты благосклонно. Затрудненія же, о которыхъ ваше высокопревосходительство изволите говорить, возникло уже послѣ моего пропуска и то только со стороны г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора, сообщившаго словесно свои замѣчанія г. помощнику попечителя, который передалъ мнѣ объ этомъ. На что я отвѣчалъ, что графъ Закревскій не читалъ рѣчи Кокорева и потому конечно не можетъ опредѣлить ея значенія; а я, съ своей стороны, не могу руководствоваться его указаніями, имѣя свое прямое начальство, отъ котораго вполнѣ завишу и единственно которому обязанъ повиноваться; постороннихъ же вмѣшательствъ въ цензуру допустить не въ правѣ. При этомъ я передалъ г. помощнику попечителя корректурный экземпляръ рѣчей для показанія графу Закревскому, который, какъ мнѣ извѣстно, по прочтеніи, одобрилъ ихъ. Что и доказалось въ послѣдствіи тѣмъ, что онъ самъ отъ себя предложилъ Цензурному Комитету выпустить отдѣльные оттиски въ свѣтъ въ числѣ пятисотъ экземпляровъ, тогда какъ я задержалъ выпускъ брошюры этой, ожидая дальнѣйшаго распоряженія своего начальства. Объясненіе, требуемое отъ меня вашимъ высокопревосходительствомъ по Высочайшему повелѣнію, я представилъ г. попечителю Московскаго Учебнаго Округа для препровожденія къ вамъ. Смѣю надѣяться, что вы не откажете мнѣ повергнуть это объясненіе на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора, какъ исповѣдь моей служебной совѣсти передъ моимъ Государемъ, въ глазахъ котораго желаютъ заподозрить мои дѣйствія. Чтобы возможно яснѣе и опредѣлительнѣе исполнить волю Его Императорскаго Величества, я поставленъ былъ въ необходимость изложить съ нѣкоторою подробностію тѣ основанія, которыми я руководствуюсь при отправленіи довѣренной мнѣ должности. Здѣсь частность можетъ объясниться только общимъ направленіемъ. Смѣло надѣясь на заступничество вашего высокопревосходительства, какъ главнаго моего

начальника, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, въ заключеніе, не оставить меня увѣдомленіемъ, какое вамъ благоугодно будетъ сдѣлать рѣшеніе касательно настоящей моей просьбы".

Въ лицѣ князя П. А. Вяземскаго, Н. Ѳ. фонъ-Крузе нашелъ себѣ защитника предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Князь Вяземскій, 10 февраля 1858 г., писалъ: „Я отмѣтилъ карандашемъ въ большой запискѣ Крузе тѣ мѣста, которыя могли бы быть переданы на Высочайшее возрѣніе. Но, мнѣ кажется, что лучше всего и ближе къ дѣлу, представить Государю Императору копію съ частнаго письма Крузе. Тутъ изложены всѣ обстоятельства дѣла, какъ оно происходило. Очень важно то, что графъ Закревскій разрѣшилъ выпускъ пяти-сотъ экземпляровъ рѣчи Кокорева, что подтверждается и оффиціальнымъ показаніемъ попечителя. По моему мнѣнію, это обстоятельство совершенно ограждаетъ отвѣтственность цензора, или оправдываетъ его въ пропускѣ этой рѣчи. На это обстоятельство нужно обратить вниманіе Его Величества. Остается дѣло тоста, въ которомъ цензоръ въ сторонѣ и не участвовалъ, не отвѣчалъ на него да и самый тостъ не имѣетъ, ни политическаго значенія, ни прямого отношенія къ рѣчи Кокорева, если и признать рѣчь его предосудительною. Скажу съ Ковалевскимъ: *Я не адвокатъ Крузе,* но въ этомъ дѣлѣ вины его нѣтъ. Если Правительству или Московскому высшему начальству извѣстны *предосудительныя* отношенія Крузе, то дѣло другое; но въ отношеніи цензурномъ, онъ не заслуживаетъ наказанія, и Министерство обязано защитить его".

Желаніе Крузе было исполнено и выписка изъ письма его къ министру Народнаго Просвѣщенія была представлена Государю, который, 14-го февраля 1858 года, на оной выпискѣ начерталъ: *Тостъ, предложенный Кокоревымъ въ честь Крузе, я никогда не думалъ ставить ему въ вину.*

LXX.

Дѣло объ обѣдѣ 28 декабря, не ограничилось только Москвою и С.-Петербургомъ, оно разгорѣлось и въ Одессѣ.

Профессора Решильевскаго Лицея Александръ Ивановичъ Георгіевскій и Александръ Михайловичъ Богдановскій перепечатали изъ *Русскаго Вѣстника*, въ издаваемомъ ими *Одесскомъ Вѣстникѣ*, описаніе этого обѣда.

Какъ самое описаніе, такъ и перепечатаніе онаго въ провинціальномъ изданіи, возмутило Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора графа А. Г. Строганова и онъ, 24 января 1858 года, написалъ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову слѣдующій протестъ: „Хотя ни въ политическомъ, ни въ административномъ отношеніяхъ мы не находимся, благодаря Бога, подъ условіями Франціи 1789 г., не менѣе того, очевидно и скажу болѣе—ощутительно, что въ средѣ насъ есть, къ несчастію, люди, очень склонные къ усвоенію духа того времени.

Я видѣлъ много конституціонныхъ державъ, живалъ въ нихъ, старался изучать ихъ, сколько могло это отъ меня зависѣть, и за исключеніемъ Англіи, не знаю ни одной, гдѣ бы пиршество, въ родѣ происходившаго въ Москвѣ 28-го минувшаго декабря, по характеру своему было наименовано иначе, какъ всенароднымъ выраженіемъ, или, ближе сказать—гласною исповѣдью преобладавшихъ въ составѣ собранія чувствъ и мнѣній на счетъ правительственныхъ мѣръ, съ цѣлью обобщенія ихъ способомъ всенароднаго призыва (manifestation publique).

Снисхожденіе или сознаніе безсилія, или, и того хуже, недостатокъ вниманія Московской цензуры, усугубили важность упущенія, а неосмотрительность полиціи дала сборищу этого рода—явленію въ Россіи новому—гласность, которая

являетъ видъ какъ бы одобренія подобныхъ собраній самимъ Правительствомъ.

Не входя въ обсужденіе обязанностей, лежавшихъ въ семъ отношеніи на Московской полиціи, я считаю долгомъ сообщить вашему высокопревосходительству мои мысли собственно о возможныхъ послѣдствіяхъ дѣйствія цензуры, заключающагося въ пропускѣ статьи, помѣщенной въ № 24 *Русскаго Вѣстника*.—Говорить, писать и печатать суть, по моему разумѣнію, три дѣйствія, весьма различныя: многое, что̀ можетъ быть, почти безъ неудобства, высказано на словахъ, принимаетъ характеръ совершенно другой знаменательности, будучи выражено на письмѣ; предаваясь же тисненію—оно часто содѣлывается чрезвычайно важнымъ. Различіе между этими способами взаимнаго сообщенія идей въ отношеніи къ вліянію и распространенію оныхъ, такъ же огромно, какъ между мыслію, выраженною въ составѣ многотомнаго сочиненія, помѣщенною, въ числѣ другихъ идей, въ статьѣ періодическаго журнала и, наконецъ, составляющею исключительный предметъ особой газетной статьи. Для того, чтобы распознать оттѣнки этихъ трехъ степеней впечатлѣнія, по различію приведенныхъ мною случаевъ или категорій, не нужно ума проницательнаго, достаточно одного внимательнаго и разсудительнаго взгляда.

Несовмѣстность провозглашенныхъ на пиршествѣ побужденій къ заздравнымъ тостамъ въ честь Его Императорскаго Величества служитъ на дѣлѣ подтвержденіемъ моихъ мыслей: они не были пятикратнымъ повтореніемъ одного и того же безусловнаго вѣрноподданническаго чувства преданности и любви къ Монарху, но слѣдствіемъ разбора пяти различныхъ высочайшихъ преднамѣреній и опредѣлительнаго означенія, что̀ именно располагаетъ ликующую публику къ одобренію.

Если допустить свободное обсужденіе царственныхъ дѣяній, то кто поручится, что завтра,—чего ожидать едва-ли бы не было благоразумно,—другое собраніе патріотовъ, подобныхъ Московскимъ, не вознесетъ тоста болѣе лаконическаго, ме-

нѣе согрѣтаго чувствомъ теплоты сердечной, не столько одобрительнаго, въ случаѣ обнародованія какого-нибудь распоряженія или указа, которые могутъ возбуждать менѣе сочувствія, не всегда бывающаго мѣрою справедливой оцѣнки, но весьма часто зависящаго отъ взгляда и понятія—условій столь многосторонних и неодинаковыхъ въ мыслящихъ слояхъ общества, по отношеніямъ къ частнымъ интересамъ матеріальныхъ и нравственныхъ побужденій? Кто поручится, что по закону постепенности, въ возрастающей отъ потворства смѣлости, не предложится послѣ завтра тостъ съ замѣтнымъ проявленіемъ, чтобы не сказать болѣе,—неудовольствія?..

Я полагаю, что тосты за здравіе Императора должны быть предлагаемы коротко, не допуская никакихъ разбирательствъ, безъ всякой иной побудительной причины, какъ только потому, что онъ Императоръ. Толкованія, сужденія и поясненія приличны и могутъ имѣть мѣсто только при тостахъ въ честь ученыхъ, литераторовъ, живописцевъ, музыкантовъ и другихъ дѣятелей на поприщѣ общественнаго образованія. О степени достоинствъ и заслугъ ихъ каждый имѣетъ право произносить свой приговоръ свободно, сообразно понятіямъ и вкусу, но въ отношеніи къ Государю этого не можетъ и не должно быть дозволено.

Искренно убѣжденный въ правильности этихъ началъ, прочитавъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* статью о Московскомъ обѣдѣ, я, въ недоразумѣніи о возможности напечатанія ея, обратился съ вопросомъ къ цензору, но онъ преградилъ мнѣ всякое пререканіе указаніемъ на разрѣшеніе ея въ *Русскомъ Вѣстникѣ* Московскою цензурою. Я выразилъ мое удивленіе редактору, но и тотъ отвѣчалъ мнѣ, что самимъ имъ многія выраженія въ произнесенныхъ на пиршествѣ рѣчахъ, особенно при спичѣ Погодина, будучи найдены слишкомъ рѣзкими, исключены при перепечатаніи статьи въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*.

Такимъ образомъ, каждый исполнилъ свою обязанность, всѣ правы, а остается мнѣ быть виноватымъ въ необходи-

мости утруждать ваше превосходительство. Но какъ для меня въ этомъ заключается болѣе чѣмъ дѣло совѣсти—вопросъ о вѣрности и охраненіи въ моемъ Отечествѣ настоящаго (положенія дѣлъ), то я считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство довести до Высочайшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества о содержаніи моего письма къ вамъ и повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе всеподданнѣйшее мое ходатайство о томъ, чтобы я, недоразумѣвающій, повидимому, обязанностей цензуры, освобожденъ былъ отъ отвѣтственности за оную, которой въ тревожномъ моемъ понятіи я придаю, можетъ статься, слишкомъ преувеличенные размѣры и значеніе. Не угодно ли будетъ вамъ оказать мнѣ снисхожденіе испрошеніемъ Высочайшаго разрѣшенія на передачу столь трудной и щекотливой для меня обязанности попечителю Одесскаго Учебнаго Округа, служащему подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ. Г. Пироговъ, вѣроятно, будетъ имѣть болѣе смѣтливости и умѣнія примѣнять свои мнѣнія къ направленію, которое принимаетъ въ Имперіи цензура въ настоящее время“.

Узнавъ объ этомъ письмѣ, Кокоревъ писалъ Погодину: „Строгановъ-Новороссійскій жалуется на Одесскую Цензуру и пишетъ такіе же страхи, какъ Закревскій. Бѣдный Норовъ не знаетъ, что дѣлать“.

Но изъ затруднительнаго положенія Норовъ былъ выведенъ своимъ товарищемъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, который писалъ: „То, что графъ Строгановъ называетъ *логическимъ выводомъ*, есть не что иное, какъ *софизмъ*, котораго односторонность и лживость опровергаются при первомъ обсужденіи. Онъ говоритъ, что „допущеніе огласки мнѣній *pro* исключаетъ возможность, безъ нарушенія въ строгомъ смыслѣ справедливости, воспрещать безропотно оглашеніе мнѣній *contra*, къ чему неминуемо должно привести постепенное развитіе смѣлости“??!!

На дѣлѣ и во многихъ явленіяхъ жизни частной и общественной бываетъ искони совершенно противное. Напримѣръ:

въ театрѣ позволяется апплодировать игрѣ актера, но не позволяется игру его освистывать: свистуна выведетъ полиція изъ залы.

Въ семейныхъ отношеніяхъ никогда сыну не будетъ поставлено въ вину, если онъ будетъ благодарить отца за оказанное ему благодѣяніе, но изъ того не слѣдуетъ, что сынъ вправѣ укорять и порочить отца, если дѣйствія его сыну не нравятся.

Никакая цензура не воспретитъ похвальной пѣсни въ честь полководца, одержавшаго побѣду, но та же цензура не дозволитъ печатать сатиры на полководца, потерпѣвшаго пораженіе.

Касательно изъявленія чувствъ подданнаго къ Государю встрѣчаются тѣ же соотношенія, основанныя на разумѣ и на нравственномъ приличіи. Воспрещать подданнымъ изъявлять сознательно благодарность свою Царю за оказанныя народу милости, оцѣнивать ихъ, объяснять всю ихъ благодѣтельную важность, въ опасеніи, что на основаніи даннаго на то позволенія, разрѣшается подданнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ осуждать и порицать мѣры верховной власти,—значило бы допустить и облечь въ законную силу прискорбное лжеумствованіе. Оно извратило бы, разорвало бы священнѣйшія узы сочувствія и любви, связывающія народъ съ Государемъ своимъ.

Впрочемъ, все заключеніе графа Строганова и ссылка на *Сводъ Законовъ*, на который онъ опирается, находятся нынѣ въ противорѣчіи съ послѣднею Высочайшею резолюціею, которая разрѣшаетъ говорить и разсуждать въ опредѣленныхъ границахъ о правительственныхъ мѣрахъ и общественныхъ вопросахъ. По мнѣнію же графа Строганова, должно наложить на всякое понятіе, на всякое нравственное сознаніе и чувство печать ненарушимаго молчанія. Иначе не понимаетъ онъ цензуры. Въ другомъ отношеніи своемъ (23-го мая 1856 г., № 215), говоритъ онъ, что у насъ всякое *періодическое изданіе* отъ *моднаго журнала* до всякой газеты есть *мнѣніе Правительства*.

Послѣ такого воззрѣнія на Литературу и на Цензуру, нельзя для общей государственной пользы не желать, какъ и самъ графъ Строгановъ того желаетъ, чтобы освободили его отъ обязанности цензуры, которую, также согласно ходатайству его, передать попечителю Одесскаго Учебнаго Округа".

Раздѣляя такое мнѣніе, А. С. Норовъ готовъ бы былъ привести его въ исполненіе, но 23-го марта 1858 года былъ уволенъ отъ должности министра Народнаго Просвѣщенія и на его мѣсто призванъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.

Поставленный на очередь крестьянскій вопросъ внушилъ С. Т. Аксакову мысль звать И. С. Тургенева изъ Рима въ Россію, и онъ отправилъ ему посланіе, которое, по замѣчанію Л. Н. Майкова, „нѣсколько напоминаетъ своимъ содержаніемъ письма, которыя въ былое время Аксаковъ писывалъ тоже въ Римъ къ Гоголю". 20-го декабря 1857 года Аксаковъ, между прочимъ, писалъ Тургеневу: „Кромѣ желанія перемолвить съ вами кое-о-чемъ, мнѣ хочется убѣдить васъ, что вы должны немедленно возвратиться въ Россію. Мы переживаемъ теперь великое время. Важность событія требуетъ, чтобы каждый русскій, образованный и благонамѣренный человѣкъ, былъ на своемъ мѣстѣ не въ качествѣ помѣщика (что также весьма недурно), а въ качествѣ члена общества. Не смотря на искреннее желаніе всѣхъ почти порядочныхъ людей, переломъ засталъ насъ совершенно врасплохъ. У насъ ничего нѣтъ готоваго: ни мѣстныхъ свѣдѣній, ни статистическихъ описаній, ни экономическихъ плановъ, никакихъ предварительныхъ трудовъ, и что всего хуже — нѣтъ согласія между собою. Корабль тронулся, и у насъ закружилась голова. Мы не только не столковались между собою, но мы еще и не думали о дѣлѣ серьезно. Письменное и еще болѣе изустное слово имѣютъ теперь большое значеніе, теперь надобно говорить направо и налѣво, объяснять трудный и запутанный предметъ и по возможности упрощать его пониманіе. Если только здоровье ваше позволяетъ, то пріѣзжайте къ намъ, любезнѣйшій Иванъ

Сергѣевичъ. Нельзя жить на чужой сторонѣ, когда рѣшается судьба родины“ [225]).

Съ тѣмъ же обращался и Хомяковъ къ своему Рязанскому сосѣду Л. М. Муромцову. „Вотъ вы тамъ гуляете себѣ въ Италіи“,—писалъ Хомяковъ,—„а мы брошены единымъ словомъ Царя въ самую глубь и кипѣніе жизни общественной, гражданской, политической и всякихъ жизней, кромѣ жизни покойной. Впрочемъ, зная меня, вы легко угадаете, что это никакъ не ропотъ съ моей стороны. *Дадеся ми Царь по сердцу моему. Великій ловецъ предъ Господомъ*, какъ Нимвродъ, и великій освободитель людей, какъ Маккавей...... Увы! грѣхъ сказать, чтобы такое сочувствіе было общимъ... Какъ это понять? Стоитъ ли дворянство за рабство? Нисколько, или по крайней мѣрѣ слабо; а просто оно растерялось, не знаетъ какъ за дѣло взяться... Народъ очень хорошъ: никогда не былъ такъ послушенъ и тихъ, вовсе не отъ равнодушія, ибо онъ сильно заинтересованъ и безпрестанно объ этомъ говоритъ, но по какому-то чувству, которое я иначе не могу опредѣлить, какъ словомъ историческаго чувства... Не смотря на это и на важность минуты, дворяне не очнутся... За всѣмъ тѣмъ я увѣренъ, что переломъ будетъ не къ болѣзни, а къ здоровью....... Я увѣренъ, что вамъ очень нескучно въ этой негодной Европѣ, противъ которой я всячески протестую по своему Славянофильскому званію, но отъ которой и я не прочь“ [226]).

Подъ вѣяніемъ освобожденія, митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ архіепископу Черниговскому Филарету: „Запрещеніе выхода изъ духовнаго званія не нужно. Невольникъ не Богомольникъ. И къ чему это порабощеніе свободныхъ нынѣ, когда и несвободнымъ даютъ свободу?

Главный виновникъ обѣда 28 декабря, К. Д. Кавелинъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, писалъ Погодину: „Вы мнѣ дали позволеніе написать одну строчку, если нѣтъ времени. Свидѣтельствуюсь всѣмъ, что для меня дорого и свято, что съ пріѣзда изъ Москвы, я какъ спущенный вол-

чокъ, верчусь—изнемогая и физически (хоть и не худѣю тѣломъ), и нравственно. Не успѣешь набросать лекцію, а тутъ надо писать уроки для Наслѣдника; а тамъ Щербатовъ васъ погоняетъ, чтобъ скорѣй кончить записку о преобразованіи въ Университетѣ учебной организаціи; а тамъ опять пробѣжи гнусную сенатскую записку для Наслѣдника, чтобъ была матерія для уроковъ. Видитъ Богъ, я замотался и не виноватъ ни передъ кѣмъ. Вотъ пять засѣданій прошло въ обсужденіи освобожденія имѣнія великой княгини Елены Павловны! А это пять вечеровъ! Войдите въ мою шкуру и пожалѣйте, а не браните. Положеніе дѣлъ трудно опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ. Оно крайне странное. Есть реакція, но какая-то безсильная. Вопросъ эманципаціи идетъ. Царь стоитъ крѣпко, какъ никто не ждалъ. Есть Комитетъ для выкупа крестьянъ у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, менѣе двадцати душныхъ; есть Комитетъ о переложеніи долга Кредитнымъ Установленіямъ на землю; есть Комитетъ о преобразованіи устройства крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ и заводскихъ. Зрѣетъ мысль о ликвидаціи долга помѣщиковъ Кредитнымъ Установленіямъ чрезъ переводъ его на крестьянъ, съ отводомъ имъ въ собственность соразмѣрной части земли. Объ этомъ много толковъ, но покуда, кромѣ толковъ объ этомъ, ничего нѣтъ. Дворянство гнусно, гнусно и гнусно. Оно доказало, что быть душевладѣльцемъ безнаказанно нельзя: профершпилили и совѣсть, и сердце да и умъ вдобавокъ.

Странное время! Какое-то сѣрое, неопредѣленное, въ которое и солнце свѣтитъ и тучи ходятъ. Роды совершаются, или, скорѣе, время родовъ подходитъ. Если говорить о впечатлѣніяхъ моихъ личныхъ, то скажу вамъ, что очень мрачною картина мнѣ не кажется. Толки помѣщиковъ не могутъ привести ни къ чему. За новое время и масса, и Русская мысль, и Царь; что-жъ могутъ помѣщики? У народа—много такта, много политическаго смысла: его разговорами не собьешь. У насъ народъ больше и больше понимаетъ въ чемъ дѣло. Его

испугало, что у него отберутъ землю. Но теперь онъ раскусилъ въ чемъ вопросъ, и спокоенъ.

Мы съ вами попали въ горькое положеніе—это правда. Для насъ всѣхъ мало будущности; но я утѣшаюсь тѣмъ, что и до насъ много людей, которые во сто кратъ выше меня, имѣли ту же судьбу и прошли, даже не оставя своего имени: только дѣла ихъ видны. Это наша доля. Трудись и жди себѣ награды въ своей совѣсти и въ дѣлѣ, которое послѣ тебя останется. Люби правду и Россію выше всего на свѣтѣ. Вотъ къ чему привела меня жизнь послѣ долгихъ и тяжкихъ испытаній.

Простите! Будьте увѣрены, что время, проведенное въ Москвѣ съ 20-го по 30-е декабря минувшаго года, не прошло для меня даромъ. Я больше чѣмъ когда-нибудь цѣню и люблю васъ, Михаилъ Петровичъ: примите это не какъ фразу, а какъ идущее изъ сердца слово. Не гнѣвайтесь же и поймите, что не на розахъ я сплю и не шалберничаю, а такъ работаю, что и минуты нѣтъ съ дѣтьми своими даже слова перемолвить. Неужели вы думаете, что еслибъ у меня время было, я сталъ сложа руки сидѣть или болтаться? Сколько мыслей въ головѣ, которыя просятся на бумагу и жгутъ сердце, не находя исхода! Да, нельзя и нельзя“ [227])!

КОНЕЦЪ КНИГИ ПЯТНАДЦАТОЙ.

4 Ноября 1900 г.
село Гавронцы
Полтавской губерніи и уѣзда.

1) *Московскія Вѣдомости.* 1856. № 48.

2) *Татищевъ,* стр. 486.

3) *Письма,* XXIV.

4) *Татищевъ,* стр. 487—489.

5) *Письма.* XXIV.

6) *Татищевъ,* стр. 489.

7) *Русскій Архивъ.* 1878. № 7, стр. 384.

8) Графъ С. Д. Шереметевъ. *Домашняя Старина.* М. 1900.—Муравьевъ. *Воспоминанія Священнаго Коронованія.* Спб. 1883, стр. 19.

9) Муравьевъ. *Воспоминанія,* стр. 3.

10) *Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. Московскому Филарету.* Спб. 1900, стр. 364—365.—Савва. *Воспоминаніе о Священномъ Коронованіи.* Тверь. 1883, стр. 3—4.

11) *Письма Филарета м. Московскаго къ Высочайшимъ Особамъ и разнымъ другимъ лицамъ.* Тверь. 1888. II. 36—37.

12) *Письма.* XXIV.

13) Савва. *Воспоминаніе,* стр. 15—17.

14) *Чинъ дѣйства Священнѣйшаго Коронованія.* Спб. 1856, стр. 2—3.

15) Муравьевъ. *Воспоминанія,* стр. 4—5.

16) *Сочиненія Филарета, м. Московскаго.* М. 1885. V. 384—385.

17) *Чинъ дѣйства,* стр. 3.

18) Муравьевъ. *Воспоминанія,* стр. 6.

19) *Чинъ дѣйства.* стр. 4—5.

20) Муравьевъ. *Воспоминанія,* стр. 6—14.—*Чинъ дѣйства,* 5—18.

21) *Сочиненія Филарета Московскаго.* V. 385—387.

22) *Чинъ дѣйства,* стр. 18—25.—Муравьевъ. *Воспоминанія,* стр. 14—20.

23) *Русскій Архивъ.* 1899. № 4. стр. 651—652.

24) Савва. *Воспоминаніе,* стр. 31—36.

25) *Письма м. Московскаго Филарета къ А. Н. Муравьеву.* Кіевъ 1869, стр. 489—490.—Савва. *Воспоминаніе.* стр. 41—42.

26) *Письма.* XXIV.

27) *Русскій Архивъ.* 1878. № 7, стр. 384.

28) *Русская Бесѣда.* 1856. III, 1—2.

29) *И. С. Аксаковъ.* М. 1892. III. 277—284.

30) *Русскій Архивъ.* 1878. № 7, стр. 384.

31) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. № 16, прил. I—VI.

32) *Письма.* XXIV.—*Русскій Архивъ.* 1874. I. 497.

33) *Русскій Архивъ.* 1884. № 4, стр. 333; 1889. № 8, стр. 639; 1899. № 4, стр. 654.

34) *Татищевъ,* стр. 492.

35) *Русскій Архивъ.* 1899. № 4, стр. 654.

36) *Татищевъ*, стр. 692.

37) *Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.* XV, стр. 15.

38) *Письма.* XXIV.

39) *Остафьевскій Архивъ.*

40) *Письма.* XXIII—XXIV.

41) *Польскій Вопросъ.* M. 1867. стр. 49—60.

42) *Утро.* M. 1866, стр. 275—281.

43) *Письма.* XIV.—*Письмо м. Московскаго Филарета къ Антонію.* M. 1884. IV. 77.

44) *И. С. Аксаковъ.* III, 326.

45) *Дневникъ.* 1856, подъ 12 декабря.

46) *Письма.* XXIV.

47) *Дневникъ.* 1857, подъ 1—6 января.

48) *Письма.* XXIV.

49) *Московскія Вѣдомости.* 1857, 21 мая. № 61.

50) *Письма.* XXIV.—*Русскій Архивъ.* 1889. № 8, стр. 656—657.—*Письма.* XXIV.

51) *Дневникъ.* 1857, подъ 4 іюля.

52) *Письма.* XXIV.

53) *Русская Старина.* 1891, іюнь стр. 611.—*Записки и Дневникъ.* Спб. 1893. II. 51.

54) *Русскій Заграничный Сборникъ.* 1857. III.

55) *Письма.* XXIV—XV.

56) *Русскій Архивъ.* 1896. № 6, стр. 248—251.

57) *Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ*, стр. 155—161.

58) *Письма.* XXIV.—*Русскій Архивъ.* 1889. № 8, стр. 663, 667.

59) *Le Nord.* 1857. № 321.

60) *Письма.* XXIV.

61) *Дневникъ.* 1857, подъ 14 августа.

62) *Письма.* XXIV.

63) *Дневникъ.* 1857, подъ 11—12 ноября.

64) *Русскій Вѣстникъ.* 1859. XXI. Современ. лѣтоп., стр. 44—47, 44.—*Письма.* XXIII, XXIV. — *Дневникъ.* 1857, подъ 28 февраля и 11 марта.—*Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.* XV, 19. — *Письма.* XXIV. — *Русскій Вѣстникъ*, 1859. XXI. Совр. лѣтоп., стр. 47—48.—*Письма.* XXIV.—*Дневникъ.* 1857, подъ 9 — 12 іюля, 6 августа.—*Русскій Вѣстникъ*, 1859. Совр. лѣтоп., стр. 48—50.—*Письма.* XXIV.—*Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.* XV, 15—20.—*Письма.* XXIV.—*Русскій Архивъ.* 1879. № 11, стр. 347—348.—*Письма.* XXIV.—*Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію.* M. 1884. IV. 43.—*Письма.* XXIV.—*Русскій Архивъ.* 1879, № 11, 293.—*Записки и Дневникъ.* Спб. 1893. II, 71.—*Русскій Архивъ.* 1879, № 11, стр. 293—294; № 2, стр. 246—247.—*Русская Бесѣда* 1856. II. Наука, стр. 44 — 48; 1857. Наука, стр. 1—46.—*Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*, IV, 145.—*Письма.* XXV.

65) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1900. XIV.

66) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. I. Совр. лѣтоп., стр. 62—71. III. 312—319. V. 8. 27.—*Русская Бесѣда.* 1856. I. Наука, стр. 35—47. II. Смѣсь, I. 84—86 II, 139—147.

67) *Письма.* XXIV.

68) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. I. 373—396. III, 773—794. 129—166.—*Русская Бесѣда.* 1856. I, 101—147. II. 114—141. IV. 115—123.

69) *Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену.* Женева. 1892, стр. 4.

70) *П. В. Анненковъ и его друзья.* Спб. 1892, стр. 571.—*Русская Старина.* 1891. іюнь., стр. 607—608.

71) *Письма.* XXIV.

72) *Русская Бесѣда.* 1857. III. Наукп, стр. 63—64. Савва. *Хроника моей жизни.* Свято-Троицкая Лавра. 1899. II, 346.

73) *Русскій Архивъ.* 1888. № 8, стр. 497—499.

74) *Современникъ.* 1856. LVII. Замѣтки о журналахъ, стр. 244—247.

75) *Русская Бесѣда.* 1856. I. Критика, стр. 70—100.—*Михайловскій Архивъ* графа С. Д. Шереметева.

76) *Современникъ.* 1856. LVII, 247—256.

77) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. III. Совр. лѣтоп. стр. 149—154.

78) *Русская Бесѣда.* 1856. IV. Смѣсь, стр. 92—107.

79) *В. В. Григорьевъ,* стр. 152, 141, 163—164, 143.

80) *Біографія А. И. Кошелева.* М. 1892. II, 261—264.

81) *Русская Бесѣда.* 1856. Смѣсь. III, 17—46. IV, 1—57.—*В. В. Григорьевъ,* стр. 151, 154—155.

82) *Біографъ—Оріенталистъ.* М. 1857.—*Біографія А. И. Кошелева.* II. 264.—*Молва.* 1857. № 4, стр. 50.

83) *Собраніе Сочиненій К. Д. Кавелина.* Спб. 1898. II, 1186—1192.

84) *Молва.* 1857. № 1, стр. 11.—*Вѣстникъ Европы.* 1866. Декабрь. Литер. Хрон., стр. 40—48.

85) *Записки и Дневникъ.* II, 58.

86) *Письма.* XXIV.

87) *Біографія А. И. Кошелева.* II, 264—265.

88) *В. В. Григорьевъ,* стр. 151—152.

89) *Письма.* XXIV.

90) *В. В. Григорьевъ,* стр. 154, 152—153.

91) *Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву.* Женева. 1896, стр. 244—245.

92) *Былое и Думы.* IV, 260—263.—*Молва.* 1857 № 1, стр. 6—7.—*Русская Старина.* 1880. IV, 731.

93) *Русская Бесѣда.* 1856. Критика. III, 46—87; IV, 54—114. 1857. Критика. I, 25—102, II, 89—166.—*Письма.* XXIV.

94) *Русскій Вѣстникъ.* 1857. VIII. Соврем. Лѣт., стр. 234—248.

95) *Молва.* 1857. № 3, стр. 36—40. № 2, прибавл., стр. 25. № 4, стр. 53—56. № 5, стр. 63—72.

96) *Русскій Вѣстникъ.* 1857. VIII. Соврем. Лѣтоп., стр. 404—411.

97) *Молва.* 1857. № 5, стр. 67—68.

98) *Письма.* XXIV.

99) *Русскій Вѣстникъ.* 1857. X, 727—768, XI, 174—206.

100) *Русскій Архивъ.* 1899. № 6, стр. 242.

101) *Письма.*

102) *Юридическій Вѣстникъ.* 1880. № 2, стр. 231—241.

103) *Сборникъ посмертныхъ статей А. И. Герцена.* Женева. 1870, стр. 31—33.

104) *Записки и Дневникъ.* Спб. 1893. III, 124.—*Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену.* Женева. 1892, стр. 16—19, 21—29, 19—21, 29—43.

105) *Сборникъ посмертныхъ статей А. И. Герцена,* стр. 33—34.

106) *Письма.* XXV.

107) *Русскій Вѣстникъ.* 1857. VIII, стр. 431—480.

108) *Русская Бесѣда.* 1857. III. Критика, стр. 73—158.

109) *Русскій Вѣстникъ.* 1857. № 8, стр. 463—464.

110) *Молва.* 1857. № 8, стр. 93—94.

111) *Русскій Вѣстникъ.* 1857. № 8, стр. 474.

112) *Молва.* 1857. № 8, стр. 93—94.

113) *Русскій Архивъ.* 1891. № 12, стр. 577; 1886. № 10, стр. 257—258.—*Письма.* XXIV.

114) *Русская Бесѣда.* 1857. II, литер. объясн.

115) *Русскій Архивъ.* 1879. № 11, стр. 348.

116) *Молва.* 1857. № 20—21.

117) *Русскій Архивъ.* 1879. № 11, стр. 0404—0406.

118) *Молва.* 1857. № 36, стр. 410—411.

119) *Русскій Архивъ.* 1889. № 10. стр. 264.

120) *Письма.* XXIV.—*Русскій Архивъ.* 1889. № 9, стр. 667; 1896. № 10, стр. 170—171, 179.

121) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* М. 1894, стр. 141—142.

122) *Письма.* XXIV.

123) *И. С. Аксаковъ.* М. 1892. III, 341, 327.

124) *Русскій Архивъ.* 1886. № 3, стр. 359.

125) *Письма.* XXIV.

126) *Русскій Архивъ.* 1886. № 3, стр. 360.

127) *И. С. Аксаковъ.* III, 310.

128) *Письма.* XXIV.

129) *Русскій Архивъ.* 1879. № 11, стр. 293—294, 356—357; № 2, стр. 248.

130) *Сочиненія Богословскія.* Прага. 1867, стр. 146—221.

131) *Русскій Архивъ.* 1879. № 11, стр. 295, 356—357.

132) *Письма.* XXIV.

133) *Русскій Архивъ.* 1895. № 1, стр. 109.

134) *Современникъ.* 1857. Замѣтки о журналахъ. LXIII, 113.

135) *Молва.* 1857. № 10, стр. 110—111.—*Русскій Архивъ.* 1889. № 8, стр. 662.

136) *Письма.* XXV.—*Русскій Архивъ.* 1864, стр. 78—99.

137) *И. С. Аксаковъ.* III. 251.

138) *Русскій Архивъ.* 1879. № 11, стр. 347.

139) *Русскій Архивъ.* 1893. № 10, стр. 205, 207.—*Письма.* XXV.—*Русская Бесѣда.* 1858. III. Смѣсь, стр. 137—138.

140) *Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену.* Женева. 1892, стр. 4.

141) *Письма.* XXIV.

142) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1887. XI, 200—211.

143) *Старина и Новизна.* IV, 155—156, 55.—*Письма.* XXIV.

144. *Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену*, стр. 97.—*Письма.* XXV.

145) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. IV, 385—418.

146) *Письма.* XXIV.

147) *Юбилей князя С. М. Голицына.* М. 1857.

148) *Письма Филарета м. Московскаго къ князю С. М. Голицыну.* М. 1884, стр. 108—109.

149) *Письма Филарета м. Московскаго къ Антонію.* М. 1884. IV, 37—40.

150) *Юбилей князя С. М. Голицына.* М. 1857.

151) *Письма Филарета м. Московскаго къ Антонію.* IV, 38—40.

152) *Молва.* 1857. № 36.

153) *Письма.* XXIV.

154) *Рѣчь объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича,* говоренная на публичномъ актѣ Московскаго Университета. 1839.

155) *Молва.* 1857. № 36.

156) *Воспоминаніе о С. Т. Шевыревѣ.* Спб. 1869, стр. 29.—*Записки и Дневникъ А. В. Никитенко.* Спб. 1893. II. 58—59.

157) *Письма.* XXIV.

158) *Молва.* 1857. № 1, стр. 5.

159) *Письма.* XXIV.

160) *В. В. Григорьевъ.* Спб. 1887, стр. 161.

161) *Письма.* XXIV—XXV.

162) *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности.* Т. V, вып. II. Спб. 1856, стр. 66—92.

163) *Письма.* XXIV.

164) *Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.* 1887. I, 144.

165) *Русская Бесѣда.* 1856. Науки, стр. 78—139.

166) *Чтенія.* I, 146.

167) *Русская Бесѣда.* 1856. IV. Критика, стр. 124—141.

168) *Письма.* XXIV.

169) *Русская Бесѣда.* 1857. Смѣсь II, 80—104. III, 97—107. IV, 22—35.

170) *И. С. Аксаковъ.* III, 307.

171) *Московскія Вѣдомости.* 1856. № 153.

172) *Отечественныя Записки.* 1857.

CX. Критика и Библіографія, стр. 61—73.—*Письма*. XXIV.

173) *Русская Бесѣда*. 1858. I. Критика, стр. 28—45, 66—87.—*Атеней*. 1858. III. 345—377.—*С.-Петербургскія Вѣдомости*. 1858. № 108.—*Письма*. XXV.—*Атеней*. 1858. III. 607—621.—*Письма*. XXV—XXIV.—*Письма*. XXV. XXIV.

174) *Русская Бесѣда*. 1856. II, стр. 90—122.

175) *Письма*. XXIV.

176) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1856. LXXXIX. Отд. III, стр. 39—46.

177) *Письма*. XXIV.

178) *Дневникъ*. 1857, подъ 14, 24 августа.

179) *Письма*. XXIV.

180) *Записки и Дневникъ*. Спб. 1893. III, 64—65.

181) *Письма*. XXIV.

182) *Записки и Дневникъ*. II. 60—61.

183) *И. С. Аксаковъ*. III. 314, 318.

184) *Письма*. XXIV.

185) *Русская Бесѣда*. 1857. IV. Смѣсь, стр. 195—196.

186) *Записки и Дневникъ*. II. 68.

187) *Московскія Вѣдомости*. 1857. № 57.

188) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. М. 1884, 41—42.—*Сочиненія Филарета, м. Московскаго*. М. 1885. V. 411—414.

189) *Письма Филарета, м. Московскаго къ князю С. М. Голицыну*. М. 1884. стр. 110.

190) *Русскій Архивъ*. 1899. № 4, стр. 655—657.

191) *Татищевъ*, стр. 495.

192) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1887. XI. 257.

193) *Татищевъ*, стр. 495—497.

194) *Московскія Вѣдомости*. № 96. 101.

195) *Татищевъ*, стр. 497—501.—*Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. Московскому Филарету*. Спб. 1900, стр. 147.

196) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1886. X. 170—171.

197) *Сочиненія Филарета, м. Московскаго*. М. 1885. V. 547—548.

198) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. X. 170—171.

199) *Русскій Архивъ*. 1888. № 9, стр. 152—153.

200) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. X. 171.

201) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. IV. 55. 70.—Скворцовъ. *Юбилейный Сборникъ. Рѣчи, Слова, Бесѣды и пр. Іоанникія, митрополита Кіевскаго и Галицкаго*. Спб. 1899, стр. 414—416.—*Московскія Вѣдомости*. 1858. № 93.

202) *Татищевъ*, стр. 501.

203) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. X. 171—172.

204) *Дневникъ*. 1857, подъ 2 ноября.

205) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. X. 171—173.

206) *Русскій Архивъ*. 1886. № 7, стр. 353—359.—*Мои Воспоминанія*. Спб. 1897. I. 66.—*Собраніе Сочиненій К. Д. Кавелина*. Спб. 1898. II. 1168.

207) *Татищевъ*, стр. 522—523.

208) *Записки и Дневникъ*. II. 42—43.

209) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. IV, 26.—*Русскій Архивъ*. 1889. № 8, стр. 646.

210) *Письма*. XXIV.

211) *Русская Старина*. 1887. XIII. 440—443. 445.—*Русскій Архивъ*. 1886. № 7, стр. 365—372; 1887. № 6, стр. 261.—*Татищевъ*, стр. 528—531.

212) *Письма Филарета, м. Московскаго къ Антонію*. IV. 65.

213) *Записки и Дневникъ*. II. 69.

214) *Письма*. XXIV.

215) *Письма К. Д. Кавелина* и *И. С. Тургенева къ А. И. Герцену*. Женева. 1892.—*Русскій Архивъ*. 1893. № 4, стр. 372.

216) Острогорскій. *С. Т. Аксаковъ*.

Спб. 1891, стр. 116 — 117.—*Русскій Архивъ*. 1879. III. 348.—*Русскій Вѣстникъ*. 1857. XII. Соврем. Лѣтопись, стр. 209—207.

217) *Письма*. XXIV.

218) *Русскій Архивъ*. 1886. № 3, стр. 360.

219) *Письма*. XXIV.

220) *Русскій Вѣстникъ*. 1857. Соврем. лѣтопись. XII.

221) *Письма*. XXIV.

222) *Русскій Вѣстникъ*. 1857. Совр. Лѣтопись. XII, 212—217.

223) *Письма*. XXV, XXIV.

224) *Русскій Вѣстникъ*. 1857. Совр. Лѣтоп., стр. 212—217.—*Письма*. XXIV. — *Мои Воспоминанія, 1848—1889*. М. 1890. I, 229—226.

225) *Русская Старина*. 1898. январь, стр. 63 — 65. — *Письма*. XXV. — *Русская Старина*. 1898. январь, стр. 71—72.—*Русскій Архивъ*. 1896. № 10, стр. 187, 177.—*Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. М. 1894. стр. 145—146.

226) *Русскій Архивъ*. 1897. № 2, стр. 318.

227) *Письма Филарета, м. Московскаго къ Филарету, архіепископу Черниговскому*. М. 1884, стр. 45.—*Письма*. XXV.

